О

ГЛАВЕНСТВѢ ПАПЫ,

ИЛИ

РАЗНОСТИ ПРАВОСЛАВНЫХЪ и ПАПИСТОВЪ

ВЪ

УЧЕНІИ О ЦЕРКВИ.

Протоіерея А. Лебедева.

ПЕЧАТНЯ ШТЕМПЕЛЯ
СТРАННИКЪ
ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія С. Добродѣева, Ковенскій пер., собств. д., № 14.
1887.

О

ГЛАВЕНСТВѢ ПАПЫ,

ИЛИ

РАЗНОСТИ ПРАВОСЛАВНЫХЪ и ПАПИСТОВЪ

ВЪ

УЧЕНІИ О ЦЕРКВИ.

Протоіерея А. Лебедева.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія С. Добродѣева, Ковенскій пер., собств. д., № 14
1887.

Отъ С-Петербургскаго Комитета Духовной Цензуры, печатать дозволяется.
С.-Петербургъ, 31-го Іюля 1887 года.

Цензоръ Архимандритъ *Тихонъ*.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стран.
Предисловіе	V —VIII
Вступленіе	2 — 8
Сличеніе Катихизисовъ	8 — 37
I. О главенствѣ Христовомъ и главенствѣ папы . .	37 — 57
II. О непогрѣшимости Церкви,—въ частности: 1) о предметѣ непогрѣшимости (61—65 стр.); 2) о непогрѣшимости, какъ дарѣ, которымъ надѣлена Церковь (65—75); 3) о выраженіи ex cathedra, какъ условіи и признакѣ непогрѣшимости папскихъ опредѣленій (75—91) и 4) объ апостольской власти папы, какъ основѣ его непогрѣшимости (91—94)	57— 94
III. О единствѣ Церкви по представленіямъ православныхъ и папистовъ	94—122
IV. О смѣшеніи догматическихъ опредѣленій съ каноническими въ теоріи папизма. Постановка вопроса; различіе между догматическими и каноническими опредѣленіями	122—133
1) Развитіе каноническаго права первенствующихъ іерарховъ.	133—164
2) Предвосхищеніе папами правъ на вселенское главенство	164 --193
3) Подлоги и окончательное смѣшеніе каноническихъ правъ съ догматическими	193—219
Заключеніе	219—222

Стран.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

№ 1.

Разборъ двухъ латинскихъ сочиненій о главенствѣ папы и его непогрѣшимости.

А) Исхожденіе св. Духа и вселенское первосвященство. Изданіе С. Астапкова. 1886 г. . . . . 223—277

Б) De l' infaillibilité par Iulien Astromoff, prêtre catholique russe . . . . . 227—290

№ 2.

Смыслъ исторіи папства по воззрѣніямъ одного изъ государей. . . . . 291—354

№ 3.

Повѣсть Симеона суздальскаго объ осьмомъ (флорентійскомъ) соборѣ. Исидоровъ соборъ и хоженіе его. 354—366

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ нашей духовной литературѣ имѣется довольно сочиненій по обличенію латинства,—сочиненій весьма солидныхъ, дѣльныхъ и научно-документальныхъ; каковы: «Разговоры между испытующимъ и увѣреннымъ» покойнаго митр. моск. Филарета; «Правда всел. Церкви» А. Н. Муравьева; «Обличительное Богословіе» архим. Иннокентія; «Объ отношеніяхъ римской церкви къ другимъ христіанскимъ церквамъ», Авдія Востокова (архіепископа могилевскаго Анатолія); «О причинахъ отдѣленія западной церкви отъ восточной» протоіерея Прокоповича: «Разборъ римскаго ученія о главенствѣ папы» архим. (нынѣ архіепископа) Никанора и др. Но при всѣхъ своихъ достоинствахъ эти сочиненія не совсѣмъ удовлетворяютъ современнымъ потребностямъ религіознаго чувства. Какъ сочиненія полемическія, они, по преимуществу, отрицательнаго характера; говоря, какъ не должно мыслить латин. церковь, они недостаточно говорятъ о томъ, какъ слѣдуетъ ее мыслить, мало знакомятъ съ построеніемъ ея системы въ цѣломъ, немного даютъ данныхъ для сужденія объ ея положительномъ содержаніи; а въ отношеніи къ папистамъ недостаточно затрогиваютъ ихъ съ живыхъ сторонъ, слабо касаются основныхъ, источныхъ началъ ихъ міровоззрѣнія и мало знакомятъ ихъ съ на-

шими представленіями о Церкви. Лат. богословы, находя въ нашихъ обличит. сочиненіяхъ только опроверженіе доказательствъ, на которыхъ строится ихъ система, а не опроверженіе самой системы, укоряютъ насъ въ нелогичности; имъ кажется, что эти самые авторы, которые опровергаютъ ихъ, заговорили бы иначе, если бы стали на ихъ точку зрѣнія,—и пришли-бы къ тѣмъ же самымъ выводамъ, къ какимъ пришли и они, если бы въ своемъ развитіи двинулись нѣсколько дальше.

Имѣя все это въ виду, при составленіи предлагаемаго труда, я старался поставить полемику нѣсколько на иной путь; я занимаюсь разборомъ не столько доказательствъ, на которыхъ зиждется система папизма, сколько разборомъ самой системы; я не о томъ разсуждаю, что доказательства папизма слабы и неосновательны, а раскрываю и утверждаю, что самая система невѣрна и содержитъ въ себѣ ложь и противорѣчіе, и что потому ее нельзя доказывать, а если латины доказываютъ,—то доказательства ихъ не больше, какъ фикція,—доказательства мнимыя, дополняемыя воображеніемъ.

Опасаясь въ свою очередь подвергнуться со стороны папистовъ упреку въ нелогичности и въ недоразвитости я старался сколько возможно полнѣе и совершеннѣе усвоить ихъ міровоззрѣніе въ ученіи вообще и въ частности въ ученіи о главенствѣ папы, и понять особенности ихъ мышленія. Чтобы строго логически вести споръ, я первымъ дѣломъ заботился о точности и опредѣленности понятій, и затѣмъ установлялъ общія съ папистами начала и изъ нихъ выводилъ рядъ мыслей, обличающихъ латинскія искаженія; выяснялъ общіе законы духовно-благодатной и церковной жизни и указывалъ, какъ латины ихъ обходятъ или нарушаютъ. Такъ говоря *о главенствѣ*

Христовомъ, я показываю, какъ важно въ Церкви для спасенія вѣрующихъ исповѣданіе и храненіе этого главенства и сейчасъ же раскрываю, что главенство папы, исповѣдуемое лат. церковію, отводитъ вѣрующихъ отъ главенства Христова и низводитъ ихъ въ плотской образъ мыслей. Не признать справедливости моихъ мыслей нельзя,—а признать ихъ значитъ отказаться отъ папизма. Говоря *о непогрѣшимости Церкви*, я раскрываю основной законъ дух. жизни, что непогрѣшимость Церкви основывается на ея святости, и сейчасъ показываю, какъ искаженъ этотъ законъ въ латинствѣ; непогрѣшимость тамъ основывается на единствѣ папы съ епископами, а такое единство можетъ быть фиктивнымъ, т. е. подобраннымъ, подтасованнымъ, воображаемымъ. Точно также, говоря о развитіи церковной власти, я указываю на тѣ пути и законы, по которымъ оно должно было идти и совершаться; а затѣмъ указываю, въ чемъ состояло развитіе латинскаго главенства, до какого момента оно шло правильно и съ какого уклонилось съ истиннаго пути. Так. обр. я возвожу нашъ споръ съ папистами къ основнымъ началамъ церковной жизни, послѣ чего дальнѣйшія наши разсужденія будутъ напрасны и излишни.

Планъ моего сочиненія весьма простъ: во вступительной части я сличаю катихизисы православные и латинскіе, отсюда вывожу главнѣйшіе пункты нашихъ съ ними разностей и затѣмъ раскрываю эти разности, что̀ и составляетъ предметъ моего изслѣдованія. Выведенные пункты эти относятся къ ученію 1) о главенствѣ Христовомъ, 2) о непогрѣшимости Церкви, 3) о ея единствѣ, и 4) о строгомъ различіи догматическихъ и каноническихъ опредѣленій степеней священства, каковое различіе не соблюдается въ латинской церкви.

Пріемы изслѣдованія остаются тѣ же самые, какіе употреблялъ въ прежнихъ своихъ сочиненіяхъ: «По поводу латинскаго догмата о непор. зачатіи» «и о латинской культѣ сердца Іисусова;» сначала я раскрываю правосл. воззрѣніе на тотъ или другой вопросъ изслѣдованія, а затѣмъ противополагаю ему латинское воззрѣніе. Отъ такого сопоставленія лучше и легче выясняется вопросъ и сильнѣе выступаетъ простота и величіе Православія.

Въ изложеніи своихъ мыслей я старался быть сколько возможно краткимъ и понятнымъ для всѣхъ читателей, не только для богословски-образованныхъ, но и для свѣтскихъ. Поэтому, хотя можно бы было на эту тэму написать изслѣдованіе обширное, я ограничился тѣмъ, что представляю, въ увѣренности, что и этого будетъ достаточно для того, чтобы понять и почувствовать всю глубину той фальши, въ какой пребываетъ латинство.

Говорю это въ виду возбужденнаго въ публикѣ интереса къ вѣроисповѣднымъ разностямъ и возникшей вслѣдствіе того потребности сознательно и разумно относиться къ спорнымъ вопросамъ въ области вѣрованій. Буду считать себя счастливымъ, а трудъ мой щедро вознагражденнымъ, если моя книга будетъ содѣйствовать удовлетворенію этой святой потребности.

Протоіерей **А. Лебедевъ.**

СПБ.
Домъ Казанскаго Собора.
1886.

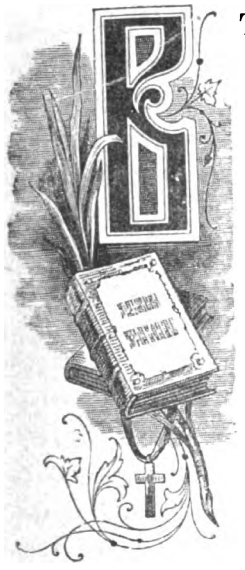
РАЗНОСТИ

ПРАВОСЛАВНЫХЪ и ПАПИСТОВЪ

ВЪ

УЧЕНІИ О ЦЕРКВИ.

Да не бываемъ ктому младенцы, влающеся и скитающеся всякимъ вѣтромъ ученія, во лжи человѣчестѣй, въ коварствѣ козней льщенія: истинствующе же въ любви, да возрастимъ въ него всяческая, иже есть Глава Христосъ, изъ Него-же все тѣло составляемо и счинѣваемо приличнѣ, всящьмъ осязаніемъ подаянія, по дѣйству въ мѣрѣ единые каеяждо части, возвращеніе тѣла творитъ въ созданіе самаго себѣ любовію. Ефес. 4. 14—16.



Ъ УЧЕНІИ о Церкви, изложенномъ въ IX членѣ Символа Вѣры, разности православныхъ и латинянъ, какъ извѣстно, сосредоточиваются въ вопросѣ *о главенствѣ* римскаго епископа въ Церкви вселенской.

Вопросъ этотъ имѣетъ въ дѣлѣ нашего спасенія во Христѣ значеніе величайшей важности. И восточные и западные, т. е. православные и латиняне, одинаково согласны въ томъ, что Церковь есть такое божественное учрежденіе, въ которомъ вѣрующимъ во Христа вмѣняются Его заслуги и сообщается освященіе Духомъ Святымъ, а чрезъ то совершается ихъ вѣчное спасеніе. Безъ сомнѣнія, такое или другое пониманіе этого божественнаго учрежденія необходимо отражается и въ жизни Церкви и въ дѣлѣ спасенія ея членовъ,—ибо словеса Христовы—*духъ суть и животъ суть* (Іоан. 6, 63). Вопросомъ *о главенствѣ папы* не только опредѣляются особенности въ устройствѣ самой Церкви, но и устанавливаются особыя отношенія вѣрующихъ къ невидимой Главѣ ея, Христу-Спасителю. Поэтому, если латинское главенство—ложь, то оно вноситъ ложь въ устройство Церкви и въ самыя отношенія наши къ невидимой Главѣ ея. Если-же, напротивъ, главенство есть истина, то отрицаніемъ этой спасительной истины православные сами затрудняютъ для себя дѣло спасенія во Христѣ.—Такъ существенно важно значеніе этого во-

проса и потому онъ требуетъ отъ насъ самаго безпристрастнаго, строгаго и обстоятельнаго изученія, изслѣдованія и рѣшенія.

Въ чемъ-же сущность дѣла? Гдѣ проходитъ та пограничная линія, которая точно и ясно разграничиваетъ ученіе о семъ предметѣ церкви восточной отъ ученія церкви латинской? — Чтобы приблизиться къ рѣшенію этихъ вопросовъ, обратимся къ писателямъ той и другой церкви и поищемъ у нихъ разъясненія самаго существа разногласій по занимающему насъ предмету.

Латинскіе писатели неоднократно касались этого пункта разногласій и давали на него свои объясненія. Такъ, неизвѣстный авторъ, 43 года изучавшій вопросъ „О возможномъ соединеніи церквей восточной и западной“ [1]), въ этомъ вопросѣ у восточныхъ не находитъ ничего болѣе, какъ напрасныя только предубѣжденія и противорѣчія ихъ самимъ себѣ, въ которыя они будто-бы поставили себя со временъ Фотія отрицаніемъ главенства папы. Онъ пишетъ, что „Восточные первенство ап. Петра надъ прочими апостолами и его епископство въ Римѣ признаютъ и отвергаютъ, равнымъ образомъ и наслѣдіе, перешедшее отъ ап. Петра къ римскимъ первосвятителямъ, *со властію надъ всею Церковію и патріархами*, тоже признаютъ и отвергаютъ [2]), — признаютъ, ибо въ своихъ богослужебныхъ книгахъ продолжаютъ исповѣдывать первенство Петрово и главенство римскихъ епископовъ, — и въ то же время отвергаютъ, ибо это ученіе о видимомъ главенствѣ папы исключили изъ своего вѣроученія, что сдѣлано восточными со временъ патр. Фотія. Причина такого нелѣпаго противорѣчія, по мнѣнію автора, заключается въ нравственномъ настроеніи восточныхъ, въ ихъ ненависти и злобѣ къ латинянамъ [3]). Укоризна жестокая! Къ сожалѣнію, авторъ не выясняетъ внутреннихъ причинъ и основаній такого нехристіанскаго настроенія православныхъ къ латинскому Западу, продолжающагося уже цѣлое тысячелѣтіе.

---

[1]) Книжка подъ этимъ заглавіемъ издана въ Берлинѣ 1858 г.

[2]) Стр. 153.

[3]) Ibid.

Нельзя-же думать, чтобы озлобленіе всѣхъ православныхъ произошло отъ одного честолюбца, какимъ авторъ представляетъ патр. Фотія, чтимаго восточною церковію за поборника истины и подвижника вѣры.

Другой латинскій писатель, о. Гагаринъ, вѣроятно, тоже долго занимавшійся вопросомъ о разностяхъ церквей, нѣсколько мягче относится къ разномыслію восточныхъ. Онъ находитъ, что „въ русскихъ катихизисахъ *не столько заблужденій*, сколько ***пропусковъ***, пробѣловъ; да и чего въ нихъ недостаетъ, то богослужебныя книги дополняютъ и поправляютъ“ [1]). И это объясненіе не легче предшествующаго; тамъ отрицаніе главенства объясняется ненавистію и злобою православныхъ къ латинянамъ, а здѣсь ихъ недоразвитостію, недомысліемъ, умственною бѣдностію.

Такимъ образомъ, по суду упомянутыхъ латинскихъ писателей, причину разногласія въ вопросѣ о главенствѣ римскаго епископа надо искать у восточныхъ не въ ихъ догматическомъ ученіи, а въ ихъ психическомъ состояніи, — въ озлобленіи — по суду одного, и въ недоразвитости, — по суду другого. Обращаемъ вниманіе на сужденія этихъ писателей потому, что упомянутыя произведенія ихъ латинскими богословами-полемистами величаются *діамантами* въ ихъ богословской литературѣ [2]).

Съ видомъ большей серьезности (научности) судятъ о данномъ вопросѣ такіе латинскіе писатели, какъ Гергенретеръ и Дэллингеръ. Первый изъ нихъ, въ своей критикѣ сочиненія Януса („Папа и Соборы“), сущность разногласія полагаетъ въ томъ, что въ латинской церкви практикуется начало *монархическое*, а въ восточной будто-бы начало *аристократическое*, и что восточная церковь представляетъ собою первую ступень схизматическаго уклоненія или ниспаденія отъ монархическаго начала по покатому пути къ поліархической демократіи, — на что и приводитъ слова Дэллингера. „Это — покатый путь, говоритъ Гергенретеръ словами сего послѣдняго, — по которому дви-

---

[1]) Будетъ-ли Россія католическою? о. Гагарина въ р. пер. стр. 8.

[2]) Такъ величаетъ чешскій капланъ Бартакъ, писавшій противъ русской Церкви, вскорѣ послѣ освященія Пражскаго прав. храма. См. его брошюры, подъ общимъ заглавіемъ: Studie o cirkvi ruskè, I—IV. 1875.

гались церковныя общества въ этомъ отношеніи. Первый шагъ сдѣланъ византійцами: „только патріархи, управляющіе каждый своимъ церковнымъ округомъ, и никакого папы, никакой главы надъ патріархами“. Потомъ явилась англиканская церковь и сказала: „ни папы, ни патріарховъ, только епископы“. Съ своей стороны и протестанты континента заявили: „не нужно епископовъ, только пасторы, а надъ ними свѣтскіе правители“. Позднѣе явились новыя протестантскія секты въ Англіи съ другимъ заявленіемъ: „мы не нуждаемся въ пасторахъ; только проповѣдники съ каѳедръ“. Наконецъ, появились „друзья“ (квакеры) и многія другія новѣйшія общества и сдѣлали открытіе: „проповѣдники—зло, каждый самъ для себя будь пророкомъ, учителемъ и священникомъ“. Сдѣлать еще шагъ внизъ пока еще не удалось, но и надъ этимъ въ Соединенныхъ Штатахъ дѣлаютъ опыты. „Проповѣдники-женщины уже появились тамъ и составляютъ около себя общества слушателей“ [1]). И такъ, вотъ на какомъ страшномъ пути стоитъ восточная церковь! Она первая, по мнѣнію знаменитыхъ богослововъ латинской церкви, подала примѣръ погибельнаго уклоненія отъ латинскаго единства къ безпорядочному дробленію на разныя секты.

Намъ кажется, что даже и въ томъ случаѣ, если мы станемъ на точку зрѣнія Дэллингера и Гергенретера, устройство церкви восточной не выражается или не опредѣляется словомъ—*аристократическій*. Не лучше-ли было-бы сказать, что какъ латинская церковь практикуетъ *начало монархическое—неограниченное*, — такъ восточная — начало *монархическое — ограниченное*; ибо патріархи, — такъ какъ за ними не признается непогрѣшимости,—управляютъ своимъ округомъ сообща съ соборомъ. Но мы, православные, не можемъ одобрить и такого перенесенія представленій и выраженій съ устройства гражданскихъ обществъ на устройство общества духовнаго. Царство Божіе, или Церковь, есть область духа и благодати, и для выраженія представленій о ней долженъ существовать и существуетъ особый церковный языкъ. По нашему крайнему убѣжденію, такое разсужденіе вышеупомянутыхъ богослововъ

[1]) Anti-Janus, стр. 163.

обнаруживаетъ слишкомъ внѣшнее пониманіе существа Церкви Христовой.

Православные богословы иначе выражаютъ существующія разности въ устройствѣ церквей. Обыкновенно говорятъ, что въ латинской церкви дѣйствуетъ *начало единоличнаго управленія*, а въ восточной *начало соборное* [1]). Но и такое опредѣленіе разностей не выражаетъ всего существа дѣла. Какъ *начало единовластительства*, такъ и *начало соборности* требуютъ высшаго и безусловнаго опредѣленія; ибо какъ первое не есть непремѣнно *неправославно*, такъ и второе не есть само въ себѣ безусловно *православно*. Если-бы православное христіанство осталось въ одномъ патріархатствѣ, или въ одномъ какомъ-нибудь народѣ съ однимъ духовнымъ правителемъ во главѣ, было-ли бы такое единоначаліе неправославно? Безъ сомнѣнія, нѣтъ. Патріархъ или митрополитъ, сдѣлавшись главою всего православнаго христіанства и признаваемый въ такомъ качествѣ всѣми ему подчиненными пастырями и всѣми народами, — чрезъ это не преобразился-бы въ папу, хотя, по нашему представленію, имѣлъ-бы много искушеній къ тому. Слѣдовательно, повторяемъ, единоначаліе, практикуемое въ латинской церкви, само въ себѣ не есть еще *начало неправославное*. Оно можетъ быть православнымъ или неправославнымъ смотря по тому, какъ будутъ имъ пользоваться. Оно существовало въ церкви ветхозавѣтной, подзаконной и, говоря современной рѣчью, оставалось православнымъ. Іудейскіе первосвященники, въ своемъ лицѣ иногда соединявшіе и царское достоинство, ни въ чемъ однакожъ не сдѣлались похожими на римскихъ первосвященниковъ. Образецъ подобнаго единоначалія представляетъ намъ и исторія христіанской Церкви. Владыки черногорскіе соединяли въ себѣ двѣ власти и епископскую, и княжескую, и православная церковь не думала отлучать ихъ за такое единоначаліе. Съ другой стороны и *соборность*, небезусловно православна: не всякій соборъ православенъ потому только, что онъ есть соборъ епископовъ. Соборъ Дубскій противъ Іоанна Златоустаго, соборъ Діоскора въ Ефесѣ, соборы иконоборческіе, соборъ, наконецъ, Флорентійскій, отвергаются восточною церковію и осуждаются, какъ не-

[1]) Прот. Васильевъ въ своемъ извѣстномъ письмѣ къ еп. Жакмэ.

православные, хотя послѣдніе, и особенно Флорентійскій, претендуютъ на званіе *вселенскаго*. Слѣдовательно, какъ для единоначалія, такъ и для соборности существуетъ высшее и совершеннѣйшее опредѣленіе, которое собственно и устанавливаетъ православіе того или другого начала. Если это высшее опредѣленіе усвоено тѣмъ или другимъ началомъ,—это начало становится православнымъ, если же оно утрачено, то и соборъ, какъ бы онъ многочисленъ ни былъ,—будетъ неправославнымъ. Въ чемъ же заключается это высшее опредѣленіе?

Чтобы подойти строго научнымъ путемъ къ рѣшенію этого вопроса,—обратимся къ катихизисамъ той и другой церкви и по нимъ сличимъ ученіе о Церкви латинянъ и восточныхъ, и сперва выяснимъ сущность разногласій, а затѣмъ выведемъ рѣшеніе даннаго вопроса. Къ такому сличенію мы обязываемся, при томъ, вышеупомянутымъ упрекомъ о. Гагарина въ пропускахъ, имѣющихся будто бы въ нашихъ катихизисахъ посравненію ихъ съ латинскими. Сказанное же въ катихизисахъ кратко или неполно будемъ пополнять и прояснять заимствованіями изъ системъ Догматическаго Богословія той и другой церкви.

Сличеніе Катихизисовъ.

Начнемъ съ православнаго катихизиса.

Пространный православный катихизисъ (составленный митропол. Филаретомъ), считающійся символической книгой вообще въ правосл. церкви,—на вопросъ: „Что такое Церковь?“ отвѣчаетъ такъ: „Церковь есть отъ Бога установленное общество человѣковъ, соединенныхъ православною вѣрою, закономъ Божіимъ, священноначаліемъ и таинствами“. Въ этомъ опредѣленіи выступаютъ главнымъ образомъ двѣ черты: *Богоустановленность Церкви* и *единство*, обусловливаемое и внутренними и внѣшними признаками—православнымъ вѣроученіемъ и нравоученіемъ, священноначаліемъ и таинствами.

Разъясняя это краткое опредѣленіе Церкви, православный законоучитель пользуется и болѣе полнымъ и научно-составленнымъ опредѣленіемъ, какое напр., дается въ системѣ право-

славнаго догматическаго Богословія высокопреосвященнаго митрополита Макарія. Тамъ мы читаемъ: „Церковь есть общество, православно-вѣрующихъ и крестившихся во имя Іисуса Христа, Имъ Самимъ основанное непосредственно и посредствомъ св. Апостоловъ, Имъ же Самимъ оживляемое и ведомое къ животу вѣчному, видимо—посредствомъ духовныхъ пастырей: чрезъ ученіе, священнодѣйствія и управленіе, а вмѣстѣ невидимо — посредствомъ вседѣйствующей благодати всесвятаго Духа“ [1]). Въ этомъ опредѣленіи, которое можно считать сокращеніемъ всего православнаго ученія о Церкви, особенно сильно выступаетъ ученіе о главенствѣ Христовомъ. Онъ есть глава Церкви, управляющій ею невидимо силою своей благодати и видимо чрезъ свои орудія, чрезъ установленныхъ Имъ пастырей Церкви. Въ дальнѣйшемъ изложеніи ученія эта черта выступитъ сильнѣе и опредѣленнѣе.

Послѣ приведеннаго опредѣленія Церкви, въ катихизисѣ объясняется—*вѣра* въ Церковь и предметъ вѣрованія, а затѣмъ признаки истинной Церкви: *единство*, *святость*, *соборность* или *вселенскость* (католичность) и наконецъ ея *Апостольство*, т. е. непрерывность и неизмѣнность идущаго отъ Апостоловъ ученія, преданія и рукоположенія.

На вопросъ: „Что значитъ *вѣровать* въ Церковь?“—катихизисъ учитъ:—„Значитъ благоговѣйно чтить истинную Церковь Христову и повиноваться ея ученію и заповѣдямъ, по увѣренности, что въ ней пребываетъ, спасительно дѣйствуетъ, учитъ и управляетъ благодатъ, изливаемая отъ единой вѣчной главы ея, Господа Іисуса Христа“. *Предметъ вѣры* опредѣляется такимъ образомъ: „Церковь, которая видима, можетъ быть и предметомъ вѣры (которая есть *обличеніе невидимыхъ*); ибо, во первыхъ, хотя Церковь видима, но невидима усвоенная ей и освящевнымъ въ ней благодать Божія, которая и есть *собственно предметъ вѣрованія* въ Церковь. Во вторыхъ, Церковь, будучи видима, поколику она есть на землѣ и къ ней принадлежатъ всѣ православные христіане, живущіе на землѣ, въ то же время есть невидима, поколику она есть и на не-

---

[1]) Простр. Правосл. Кат. 1878 г. стр. 52. Догмат. Богословіе Высокопреосв. Макарія 1883 г. стр. 235.

беси, и къ ней принадлежатъ всѣ скончавшіеся въ истинной вѣрѣ и святости". Далѣе приводятся доказательства на это изъ Священнаго Писанія.

При объясненіи перваго признака, катихизисъ въ слѣдующемъ видѣ излагаетъ православное ученіе о *единствѣ* Церкви. „Церковь есть *една*, потому что она есть одно духовное тѣло, имѣетъ одну главу Христа и одушевляется однимъ Духомъ Божіимъ. „*Едино тѣло, единъ духъ, яко же и звани бысте во единомъ упованіи званія вашего; единъ Господь, една вѣра, едино крещеніе, единъ Богъ и Отецъ всѣхъ*" (Ефес. 4, 4, 5, 6). Дѣлая особенное удареніе на ту мысль, что другой, видимой главы и быть не можетъ для Церкви, катихизисъ предлагаетъ вопросъ: „Чѣмъ точнѣе удостовѣряемся, что Іисусъ Христосъ есть единая глава единыя Церкви?"—и отвѣчаетъ: „Апостолъ Павелъ пишетъ, что для Церкви, какъ *зданія Божія, основанія иного никто-же можетъ положити паче лежащаго, еже есть Іисусъ Христосъ* (I Кор. 3, 10, 11). Посему для Церкви, какъ тѣла Христова не можетъ быть иной главы, кромѣ Іисуса Христа.—„Церковь, долженствующая пребыть во вся роды вѣка, требуетъ и главы всегда пребывающей; а таковъ есть единъ Іисусъ Христосъ. Посему и Апостолы называются не болѣе, какъ служителями Церкви" (Колос. 1, 24, 25).

Единство Церкви возлагаетъ на насъ обязанность: *блюсти единеніе духа въ союзѣ мира* (Ефес. 4, 3).

Въ ученіи о Церкви главенство Христово такъ существенно важно, что оно непремѣнно излагается въ каждой Православной Догматикѣ въ полномъ своемъ значеніи. Такъ у высокопреосвященнаго Макарія мы читаемъ: „Ввѣривъ видимое управленіе своей Церкви епископамъ, которые дарованною имъ властію связуютъ всѣхъ вѣрующихъ во единый союзъ внѣшній, Господь Іисусъ невидимо самъ держитъ кормило правленія церкви, какъ истинный ея Глава, и оживляя ее единою и тою же спасительною благодатію св. Духа, соединяетъ всѣхъ членовъ Церкви союзомъ внутреннимъ. Это ясно: а) изъ Его обѣтованія *пребывать во вся дни до скончанія вѣка* съ Апостолами, а въ лицѣ ихъ и съ преемниками, пребывать, безъ сомнѣнія, для того, чтобы руководить ихъ на ихъ высокомъ

поприщѣ, содѣйствовать имъ, управлять ими, и, слѣдовательно, избралъ ихъ только видимыми орудіями своего благодатнаго дѣйствія на вѣрующихъ; б) изъ того, что хотя власть учительства Онъ поручилъ Апостоламъ и ихъ преемникамъ, но верховнымъ учителемъ, невидимо чрезъ нихъ поучающимъ вѣрующихъ, повелѣлъ называть одного Себя (Мѳ. 23, 28) и потому сказалъ: *слушай васъ Мене слушаетъ*; *и отметаяйся васъ, Мене отметается* (Лук. 10, 16). Равнымъ образомъ, хотя власть совершать священнодѣйствія для освященія вѣрующихъ, поручилъ церковнымъ пастырямъ, но верховнымъ *Первосвященникомъ*, который *всегда живъ сый, во еже ходатайствовати о насъ, можетъ спасти до конца приходящихъ чрезъ Него къ Богу* (Евр. 7, 25), остается Самъ и Самъ невидимо совершаетъ чрезъ пастырей св. таинства: Самъ невидимо предстоитъ и пріемлетъ покаяніе грѣшника, исповѣдующаго грѣхи свои предъ священникомъ; Самъ есть *приносяй* и *приносимый* въ таинствѣ евхаристіи (по выраженію молитвы на литургіи). Тоже должно сказать относительно церковнаго управленія, которое хотя видимо поручено пастырямъ, но сосредоточивается невидимо въ Господѣ, какъ царѣ благодатнаго царства (Іоан. 18, 36) и *пастыреначальникъ* (1 Петр. 5, 4); в) ясно изъ тѣхъ мѣстъ писаній, гдѣ Іисусъ Христосъ называется Главою Церкви, а Церковь Его тѣломъ (Кол. 1, 18, Ефес. 1, 22, 23, 5, 23; также: 4, 11—16. Кол. 2, 19. 1 Кор. 10, 17; 12, 12. Римл. 12, 4. 5) и изъ писаній святоотеческихъ; такъ св. Василій Великій говоритъ: „въ ней, т. е. въ Церкви содержитъ и сочетаваетъ каждый членъ въ единомысліи съ другимъ, *единая* и *истинно-единственная Глава*, которая есть Христосъ“; Григорій Богословъ: „одинъ Христосъ—одна Глава Церкви“; блаженный Ѳеодоритъ: „Христосъ Господь занимаетъ мѣсто Главы, а вѣрующіе въ Него—мѣсто тѣла“.

„Что Господь оживляетъ Церковь своею божественною благодатію, очевидно уже изъ предшествующей мысли; ибо если Христосъ есть дѣйствительно Глава Церкви, а она—тѣло Его, то какже возможно, чтобы Онъ не проникалъ ее своею силою? Это и подтверждаетъ Апостолъ, когда говоритъ о Спасителѣ: *и Того даде Главу выше всѣхъ Церкви, яже есть тѣло Его, исполненіе исполняющаго всяческая во всѣхъ* (Еф. 1, 23); и

далѣе: *дабы мы истинною любовію все возращали въ Того, который есть Глава Христосъ, изъ котораго все тѣло составляемое и совокупляемое посредствомъ всякихъ взаимно скрѣпляющихъ связей, при дѣйствіи въ свою мѣру каждаго члена получаетъ приращеніе для созиданія самого себя въ любви* [1]) (4, 15, 16). Кромѣ того, мысль сія утверждается на обѣтованіи Спасителя ниспослать на землю всесвятаго Духа, который бы пребылъ въ Церкви во вѣки (Іоан. 14, 16—17),—обѣтованіи, дѣйствительно, исполнившемся въ свое время (Дѣян. 2, 2). Съ тѣхъ поръ всесвятый Духъ, Духъ Христовъ, нисходитъ, во-первыхъ, на всѣхъ христіанскихъ пастырей въ таинствѣ священства, и облекаетъ ихъ силою и властію, постоянно въ нихъ обитающею (2 Тим. 1, 14),—учитъ, священнодѣйствовать и пасти духовное стадо. Нисходитъ, во-вторыхъ, на всѣхъ вѣрующихъ въ таинствѣ крещенія, гдѣ возраждаетъ ихъ и содѣлываетъ живыми членами таинственнаго тѣла Христова;—въ таинствѣ муропомазанія, гдѣ сообщаетъ имъ силы для укрѣпленія и постепеннаго возрастанія въ жизни духовной, а затѣмъ и во всѣхъ прочихъ таинствахъ. Нисходитъ, въ-третьихъ, на всѣхъ вѣрующихъ, пастырей и пасомыхъ, или справедливѣе, постоянно почіетъ на нихъ (пока они остаются того достойными) своими духовными дарами, какъ *Духъ премудрости и разума, Духъ совѣта и крѣпости, Духъ вѣдѣнія и благочестія, Духъ страха Божія* (Ис. 11, 2, 3); постоянно приноситъ въ нихъ (если они не противятся) свои духовные плоды—*любовь, радость, миръ, долготерпѣніе, благость, милосердіе, вѣру, кротость, воздержаніе* (Гал. 5, 22, 23) и всѣ прочіе добродѣтели. Всего же яснѣе и осязательнѣе мы усматриваемъ соединеніе Христа съ Церковію и со всѣми ея членами въ таинствѣ евхаристіи: здѣсь каждый христіанинъ пріискренне пріобщается *плоти и крови Христовой*, а съ ними пріемлетъ въ себя всего Христа, и каждый послѣ того можетъ сказать по примѣру Апостола: *живу не токму азъ, но живетъ во мнѣ Христосъ* (Гал. 2, 20). Отъ сего-то происходитъ совершенное единеніе вѣрующихъ, какъ

[1]) Для большей ясности мы позволяемъ себѣ этотъ текстъ привести въ русскомъ переводѣ.

со Христомъ, Главою Церкви, *изъ Него же все тѣло составы и соузы подаемо и снемлемо, раститъ возращеніе Божіе* (Кол. 2, 19),—такъ и между собою; ибо всѣ они *оживляются однимъ и тѣмъ же Духомъ* (1 Кор. 12, 11, 13.), живутъ однимъ и тѣмъ же Христомъ, и *мнози суще*, подлинно *едино суть тѣло* (1 Кор. 12, 20) [1]).

Такимъ образомъ, при единствѣ невидимой Главы Христа становится яснымъ внутреннее духовное единство отдѣльныхъ частей вселенской Церкви, т. е. частныхъ независимыхъ народныхъ церквей. Поэтому катихизисъ далѣе спрашиваетъ: „Какъ согласить съ единствомъ Церкви то, что есть многія церкви отдѣльныя и самостоятельныя, напримѣръ, іерусалимская, антіохійская, александрійская, константинопольская, россійская?“—и отвѣчаетъ: „это суть частныя церкви, или части единой Вселенской Церкви. Отдѣльность видимаго устройства ихъ не препятствуетъ имъ духовно быть великими членами единаго тѣла Церкви Вселенской, *имѣть единую Главу Христа, и единый духъ вѣры и благодати*. Единство сіе выражается видимо, одинаковымъ исповѣданіемъ вѣры, и общеніемъ въ молитвахъ и таинствахъ“.

Послѣ сего идетъ рѣчь о единствѣ Церкви, земной и небесной, — что въ латинскихъ катихизисахъ раскрывается на концѣ IX члена подъ именемъ *общенія святыхъ*. Православный катихизисъ спрашиваетъ: „Существуетъ-ли также единство между пребывающею на землѣ и небесною Церковію?“ и отвѣчаетъ: „Безъ сомнѣнія существуетъ, какъ по отношенію ихъ къ единой главѣ, Господу нашему Іисусу Христу, такъ и по взаимному общенію между тою и другою“. „Средствомъ этого общенія служитъ молитва вѣры и любви. Вѣрные, принадлежащіе къ Церкви, подвизающейся на землѣ, принося молитву Богу, призываютъ въ то же время на помощь Святыхъ, принадлежащихъ къ Церкви небесной: и сіи, стоя на высшихъ ступеняхъ приближенія къ Богу, своими посредствующими молитвами очищаютъ, и подкрѣпляютъ, и приносятъ предъ Бога молитвы вѣрныхъ, живущихъ на землѣ, и по волѣ Божіей благодатно и благотворно дѣйствуютъ на нихъ, или невидимою

[1]) Тамъ же, стр. 231—4.

силою, или чрезъ свои явленія, и нѣкоторыя другія посредства". Затѣмъ приводятся на это свидѣтельства изъ Писаній.

Въ объясненіи второго признака *святости*, въ катихизисѣ говорится: „Церковь есть *святая* потому, что освящена Іисусомъ Христомъ чрезъ Его страданія, чрезъ Его ученіе, чрезъ Его молитву и чрезъ таинства. *Христосъ возлюби Церковь, и Себе предаде за ню, да освятитъ ю; очистивъ банею водною въ глаголѣ: да представитъ ю Себѣ славну Церковь, не имущу скверны, или порока, или нѣчто отъ таковыхъ, но да будетъ свята и непорочна* (Ефес. 5, 25—27). Въ молитвѣ къ Богу Отцу о вѣрующихъ Іисусъ Христосъ сказалъ, между прочимъ: *святи ихъ во истину Твою; слово Твое истина есть. И за нихъ Азъ свящу Себе, да и тіи будутъ священи во истину*" (Іоан. 17, 17—19). Послѣ сего рѣшается вопросъ: „Какимъ образомъ Церковь есть *святая*, когда въ ней есть и согрѣшающіе?" Отвѣтъ: „Согрѣшающіе, но очищающіе себя истиннымъ покаяніемъ, не препятствуютъ Церкви быть святою; а грѣшники нераскаянные, или видимымъ дѣйствіемъ церковной власти, или невидимымъ дѣйствіемъ суда Божія, какъ мертвые члены, отсѣкаются отъ тѣла Церкви и такимъ образомъ она и съ сей стороны сохраняется святою (1 Кор. 5, 13; II Тим. 2, 19)".

При объясненіи третьяго признака, катихизисъ спрашиваетъ: „Почему Церковь называется *Соборною*, или что тоже, *Каѳолическою* или Вселенскою?—и даетъ такой отвѣтъ: „Потому, что она не ограничивается никакимъ мѣстомъ, ни временемъ, ни народомъ, но заключаетъ въ себѣ истинно вѣрующихъ всѣхъ мѣстъ, временъ и народовъ. Ап. Павелъ говоритъ,—что *благовѣствованіе* существуетъ *во всемъ мирѣ и есть плодоносно и растимо* (Кол. 1, 5, 6). И что въ Церкви Христіанской *нѣсть Еллинъ, ни Іудей, обрѣзаніе и необрѣзаніе, варваръ и скивъ, рабъ и свободъ, но всяческая и во всѣхъ Христосъ* (Кол. 3 11). *Сущія отъ вѣры благословятся съ вѣрнымъ Авраамомъ*" (Гал. 3, 9). Затѣмъ объясняется важное преимущество Каѳолической Церкви,—именно: „Ей собственно принадлежатъ высокія обѣтованія, что *врата адова не одолѣютъ ей*, что *Господь пребудетъ* съ нею *до скончанія вѣка*, что въ ней пребудетъ *слава* Божія о *Христѣ Іисусѣ*

во вся роды вѣка: что слѣдов., она никогда не можетъ ни отпасть отъ вѣры, ни погрѣшить въ истинѣ вѣры, или впасть въ заблужденіе". „Несомнѣнно исповѣдуемъ, какъ твердую истину, что Каѳолическая (т. е. Вселенская, а не Римская) Церковь не можетъ погрѣшать или заблуждаться, и изрекать ложь вмѣсто истины; ибо Духъ Святый, всегда дѣйствующій чрезъ вѣрно служащихъ отцевъ и учителей Церкви, предохраняетъ ее отъ всякаго заблужденія". Такъ учатъ Восточные Патріархи (Посл. Вост. Патр. о прав. вѣрѣ гл. 12). Отсюда, для спасенія необходимо нужно, чтобы вѣрующій принадлежалъ къ ней. „Поелику Іисусъ Христосъ, по изреченію ап. Павла, *есть Глава Церкви и Той есть Спаситель тѣла*, то дабы имѣть участіе въ Его спасеніи, необходимо нужно быть членомъ Его тѣла, т. е. Каѳолической (Вселенской) Церкви (Еф. 5, 23). Ап. Петръ пишетъ, что *крещеніе спасаетъ насъ по образу Ноева ковчега*. Всѣ спасшіеся отъ всемірнаго потопа, спаслись единственно въ ковчегѣ Ноевомъ: такъ всѣ обрѣтающіе вѣчное спасеніе, обрѣтаютъ оное въ единой Каѳолической Церкви.

Послѣ сего предлагается слѣдующій вопросъ: „Какія мысли и воспоминанія соединять должно съ наименованіемъ Церкви Восточной?" и дается слѣдующій отвѣтъ, свидѣтельствующій о православіи Восточной Церкви: „Въ раю, насажденномъ на Востокѣ, создана была и первая Церковь безгрѣшныхъ прародителей: и тамъ же, по грѣхопаденіи, положено новое основаніи Церкви спасаемыхъ, въ обѣтованіи о Спасителѣ. На Востокѣ, въ землѣ Іудейской, Господь нашъ Іисусъ Христосъ, совершивъ дѣло спасенія нашего, положилъ начало Своей собственно Христіанской Церкви. Оттуда распространилась она по всей вселенной; и до нынѣ Православная Каѳолическая Вселенская вѣра, семью Вселенскими Соборами утвержденная, въ первоначальной своей чистотѣ неизмѣнно сохраняется въ древнихъ Церквахъ восточныхъ, и въ единомысленныхъ съ восточными, какова есть благодатію Божіею. и Всероссійская Церковь.

Наконецъ, при объясненіи четвертаго признака, на вопросъ: „Почему Церковь называется *Апостольскою*?"—въ катихизисѣ дается слѣдующій отвѣтъ: „Потому, что она непре-

рывно и неизмѣнно сохраняетъ отъ Апостоловъ и ученіе, и преемство даровъ Св. Духа, чрезъ священное рукоположеніе. Въ семъ же разумѣ Церковь называется также *Православною* или *Правовѣрующею.—Нѣсте странни и пришельцы, но сожителе Святымъ и присніи Богу, наздани бывше на основаніи Апостолъ и Пророкъ, сущу краеугольну Самому Іисусу Христу*". (Ефес. 2, 19—20).

Называя Церковь *Апостольскою*, Символъ вѣры „научаетъ твердо держаться *ученія и преданій Апостольскихъ*, и удаляться отъ такого ученія и такихъ учителей, которые не утверждаются на ученіи Апостоловъ. Ап. Павелъ говоритъ: *тѣмъ же убо братіе, стойте и держите преданія, имъ же научистеся или словомъ или посланіемъ нашимъ*" (2 Сол. 2, 15. Приводятся также Тит. 3, 10; 1, 10, 11. Мѳ. 18, 17).

Затѣмъ излагается ученіе о Церковной Іерархіи. Въ Церкви существуетъ учрежденіе, въ которомъ сохраняется преемство Апостольскаго служенія;—это—Церковная *Іерархія* или священноначаліе.—Іерархія Христіанской Православной Церкви ведетъ свое начало отъ самаго Іисуса Христа и отъ сошествія на Апостоловъ Св. Духа, и съ тѣхъ поръ непрерывно продолжается чрезъ преемственное рукоположеніе въ таинствѣ Священства. *Той далъ есть овы убо Апостолы, овы же Пророки, овы же благовѣстники, овы же пастыри и учители, къ совершенію Святыхъ, въ дѣло служенія, въ созиданіе тѣла Христова.* (Еф. 4, 11, 12).

Послѣ сего указывается, что Вселенскій Соборъ простираетъ свое дѣйствіе на всю Вселенскую Церковь,—что Православнымъ Патріархамъ и Святѣйшимъ Синодамъ подчинены главныя части Вселенской Церкви,—а Митрополитамъ, Архіепископамъ и Епископамъ,—подчинены меньшія православныя области и города.

Въ заключеніе всего ученія о Церкви предлагается слѣдующій вопросъ: „Дабы исполнить долгъ повиновенія Церкви, откуда можно узнать, чего она требуетъ отъ своихъ членовъ?" и дается слѣдующій отвѣтъ: „Сіе можно узнать изъ Свящ. Писанія, изъ правилъ св. Апостолъ, св. Вселенскихъ и Помѣстныхъ Соборовъ и св. Отецъ, и изъ Церковныхъ уставовъ".

Для полнаго изображенія устройства Церкви, присовоку-

пимъ слова высокопреосвященнаго Макарія изъ его Догматическаго Богословія. Тамъ читаемъ: „Опредѣливъ объемъ Церкви своей, указавъ ей цѣль и давъ необходимыя средства для цѣли, Господь Іисусъ далъ ей вмѣстѣ и опредѣленное устройство, которымъ вполнѣ обезпечивается и облегчается достиженіе этой цѣли. Устройство Церкви состоитъ въ томъ, что:

а) она раздѣляется по составу своему на двѣ существенныя части: *паству и Богоучрежденную іерархію*; паству составляютъ всѣ вообще вѣрующіе въ Господа Іисуса; іерархія же или священноначаліе есть особое Богоучрежденное сословіе людей, которыхъ однихъ Господь уполномочилъ распоряжаться тѣми средствами, какія даровалъ Онъ Церкви для ея цѣли; т. е. уполномочилъ въ ней быть учителями, священнослужителями и духовными управителями, и которымъ потому всѣ прочіе Христіане, составляющіе паству, должны повиноваться въ дѣлахъ вѣры.

б) что Богоучрежденная іерархія состоитъ изъ трехъ степеней: первая и высшая — степень епископа, вторая и подчиненная — степень пресвитера; третья и еще низшая — степень діакона. Отношеніе этихъ чиновъ іерархіи *между собою и къ паствѣ* состоитъ въ томъ, что епископъ въ своей частной церкви или епархіи есть мѣстоблюститель Христовъ и слѣдовательно главный начальникъ, какъ надъ всею подвѣдомственною ему іерархіею, такъ и надъ паствою. Въ частности же онъ есть а) *главный учитель* въ своей церкви и для простыхъ вѣрующихъ и для самихъ пастырей; б) *первый священнодѣйствователь* и *совершитель св. Таинствъ* въ своей частной церкви, и наконецъ в) *главный управитель* въ своей частной церкви.

в) что такъ какъ средоточіе духовной власти надъ каждой частной церковію заключается въ ея епископѣ, отъ котораго проистекаютъ для нея „ученіе, и священнодѣйствіе, и управленіе“,—то слѣдуетъ, что

1) нѣсколько частныхъ церквей могутъ подлежать распоряженіямъ только всѣхъ своихъ епископовъ въ совокупности или собору помѣстному. Съ сею-то цѣлію еще св. Апостолы узаконили: дважды въ году да бываетъ соборъ епископовъ и да разсуждаютъ они другъ съ другомъ о догматахъ благочестія,

и разрѣшаютъ случающіяся церковныя прекословія (Пр. ап. 37);

2) Церковь Христова вообще, обнимающая собою всѣ частныя, какъ Церковь вселенская, ввѣрена всѣмъ вообще епископамъ, какъ говоритъ св. Іоаннъ Дамаскинъ, въ четвертомъ письмѣ своемъ къ Африканцамъ (см. Послан. Вост. Патр. о прав. вѣрѣ чл. 10). И слѣдовательно средоточіе духовной власти для Церкви вселенской—во вселенскихъ Соборахъ. Эту истину ясно выразили сами св. Апостолы, когда по случаю произшедшихъ между новыми христіанами недоумѣній касательно обрѣзанія и нѣкоторыхъ обрядовъ, желая постановить правила для всей бывшей въ то время Церкви Христовой, рѣшили дѣло соборне (Дѣян. 15, 28). Съ тѣхъ поръ какъ только открылась возможность созывать вселенскіе Соборы, на нихъ рѣшались окончательно всѣ дѣла, касавшіяся всей Церкви, какъ свидѣтельствуетъ исторія этихъ Соборовъ; выше власти Соборовъ вселенскихъ никакая другая власть не признавалась въ дѣлахъ вѣры, и безусловно покоряться рѣшеніямъ и узаконеніямъ вселенскихъ Соборовъ почиталось непремѣннымъ долгомъ и для всѣхъ вѣрующихъ и для самихъ пастырей.

Вслѣдствіе такого устройства вселенской Церкви Христовой естественно происходитъ совершенное ея единство, когда всѣ частныя церкви, покоряясь своимъ пастырямъ, такъ сказать, сосредоточиваются каждая въ своемъ епископѣ; а епископы безусловно покоряются однимъ и тѣмъ же узаконеніямъ вселенскихъ Соборовъ и въ своемъ ученіи, и въ своихъ священнодѣйствіяхъ, и въ своемъ управленіи". (Догматич. Богосл. по изд. 1868 г., стр. 237—238).

Въ предложенномъ изложеніи изчерпано все догматическое православное ученіе о Церкви. Чтобы судить, имѣются-ли какіе пробѣлы въ этомъ изложеніи, представимъ то же ученіе по латинскимъ катихизисамъ.

Въ нихъ мы прежде всего замѣчаемъ нѣкотораго рода свободу (или точнѣе сказать, неточность), неопредѣленность и небрежность въ опредѣленіи Церкви. Въ тѣхъ катихизисахъ, какіе только мы могли собрать, имѣющіяся опредѣленія Церкви можно раздѣлить на три класса: въ однихъ дается такое общее

понятіе о Церкви, что его могутъ взять въ свои катихизисы и протестанты и реформаты и другія разныя секты; въ другихъ,—возлѣ невидимой Главы упоминается видимый глава—папа; въ третьихъ—опредѣляется собственно римско-католическая церковь и вводится представленіе только о главенствѣ папы.

Къ первому классу относятся опредѣленія слѣдующихъ катихизисовъ:

а) Римскаго (изд. Bassani 1709): указавъ различное употребленіе слова *Церковь*, ecclesia, Катихизисъ учитъ: „но по общему обычаю святыхъ писаній этимъ словомъ пользовались для обозначенія совокупности христіанъ и собраній только вѣрующихъ, которые именно вѣрою призваны къ свѣту истины и познанію Бога, дабы, отвергнувъ отъ себя тьму невѣдѣнія и заблужденій, благочестно и свято поклонялись и отъ всего сердца служили истинному и живому Богу; но чтобы выразить этотъ предметъ однимъ предложеніемъ, скажемъ словами св. Августина: *Церковь есть вѣрующіе христіане, разсѣянные по всему міру*“ (Ворг. 2, стр. 86).

б) катихизиса Стацевича, — по которому въ настоящее время учатся русскіе католики: „Церковь (по греч. Ἐκκλησία), означаетъ *собраніе*, и подъ этимъ именемъ мы разумѣемъ всѣхъ вѣрныхъ, которые обязываются служить Богу, исповѣдуя Имъ Самимъ откровенную вѣру, которой они научились отъ отцевъ своихъ, и сохранили ее неприкосновенною безъ малѣйшей перемѣны“ (стр. 58).

в) катихизиса чешскаго законоучителя М. Прохазки: „Церковь есть основанное и устроенное І. Христомъ религіозное общество для спасенія вѣрующихъ“ (стр. 107).

г) Такія же опредѣленія даются и въ обширныхъ богословскихъ сочиненіяхъ. Такъ, у знаменитаго Мёлера въ его „Символикѣ“ мы читаемъ слѣдующее опредѣленіе Церкви: „подъ Церковію на землѣ католики разумѣютъ основанное Христомъ, видимое общество всѣхъ вѣрующихъ, въ которомъ дѣло, совершенное Имъ во время Его земной жизни для очищенія отъ грѣховъ и освященія человѣчества, подъ руководствомъ Его Духа и при посредствѣ Имъ установленнаго и имѣющаго непрерывно продолжаться апостольскаго служенія продолжается

до конца міра, и всѣ народы въ теченіи временъ—приводятся къ Богу [1]). Такъ 2) въ Догматикѣ Дирингера мы находимъ слѣд. опредѣленіе: „представительство (repräsentation) Христа на землѣ называется *учащею Церковію*, а чрезъ его дѣятельность осуществляемое и руководимое живое общество спасаемыхъ — *вообще Церковію*. Этимъ выраженіемъ обозначается прежде всего мѣсто религіозныхъ собраній, а вслѣдствіе того (?) и самое собраніе, а потомъ отдѣльная христіанская община, наконецъ, составъ всѣхъ христіанскихъ общинъ подъ богоустановленнымъ водительствомъ. Если для опредѣленія этого понятія за исходный пунктъ взять тотъ самый моментъ, по которому отдѣльный человѣкъ есть истинный живой членъ общины спасаемыхъ, — именно, если взять союзъ со Христомъ, устрояемый въ ней Духомъ Святымъ, моментъ, который можетъ быть разрушенъ самовольнымъ возвращеніемъ въ царство тьмы, — то плотское и земное является въ этомъ обществѣ упраздненнымъ, и самое общество, какъ Церковь, образуетъ устроенный и ведомый Духомъ Святымъ союзъ спасаемыхъ людей, какъ между собою, такъ и со своимъ Главою-Христомъ“ [2]).

Ясно, что такого рода опредѣленія Церкви могутъ годиться для катихизисовъ всѣхъ христіанскихъ вѣроисповѣданій.

Опредѣленія второго класса мы находимъ:

а) въ катихизисѣ пражскаго архіепископа, который употреблялся въ прошломъ столѣтіи. На вопросъ: „что такое Церковь?“—мы читаемъ: „Церковь есть собраніе вѣрующихъ подъ Христомъ, какъ ихъ невидимой Главой, и подъ Его намѣстникомъ или представителемъ на землѣ, римскимъ папою (Мѳ. 16, 18), который съ епископами и духовными управителями видимымъ образомъ, по божественному установленію, устрояетъ ее и управляетъ ею [3]).

б) въ знаменитомъ катихизисѣ іезуита П. Канизія. Тамъ, читаемъ: „Церковь есть собраніе всѣхъ исповѣдующихъ вѣру Христову и Его ученіе, которые управляются на землѣ подъ единою высшею послѣ Христа главою и пастыремъ“ [4]).

---

[1]) Simbolik, стр. 331.

[2]) Kathol. Dogmatik von Dieringer., стр. 543—4.

[3]) Изд. 1766 г., стр. 217—19.

[4]) Cathech. 1742 г. p. 27.

Эти опредѣленія, хотя и не совсѣмъ точны, но имѣютъ то преимущество предъ вышеприведенными, что даютъ понятіе именно о церкви папистической, латинской.

Къ третьему классу относятся опредѣленія собственно церкви римско-католической, видимой, существующей на землѣ, въ которыхъ о главенствѣ Христовомъ или совсѣмъ не упоминается, или если упоминается, то не въ самомъ опредѣленіи, а послѣ.—Такъ:

а) въ катихизисѣ Дегарбе читаемъ: „Церковь есть общество всѣхъ христіанъ на землѣ, которые исповѣданіемъ одной вѣры и употребленіемъ однихъ таинствъ соединены подъ одною общею главою (папою, какъ наслѣдникомъ св. Петра) и подъ епископами, ему подчиненными (какъ преемниками другихъ апостоловъ [1]).

б) въ Буддинскомъ катихизисѣ 1849 г. и въ маломъ Вѣнскомъ 1860 г. имѣемъ слѣдующее опредѣленіе: „Святая вселенская Церковь есть видимое собраніе всѣхъ правовѣрующихъ христіанъ, подъ единой видимой, верховной главою, римскимъ папою,—исповѣдающихъ единое ученіе и употребляющихъ однѣ таинства". Затѣмъ на новой строкѣ прибавлено: „Есть также и невидимая верховная глава Церкви І. Христосъ".

в) въ Вѣнскомъ Катихизисѣ д-ра Вапплера, одобренномъ самимъ папою Піемъ IX, имѣется слѣд. опредѣленіе: „Церковь католическая есть совокупность всѣхъ правовѣрующихъ христіанъ на землѣ, которые, исповѣдуя единую вѣру, пользуясь одними средствами ко спасенію и признавая одну верховную главу, римскаго папу, составляютъ одно общество [2]). Это опредѣленіе полнѣе всѣхъ и точнѣе другихъ даетъ понятіе о римско-католической Церкви.

Прибавимъ къ этому опредѣленіе Церкви, имѣющееся въ *популярной догматикѣ епископа Ирзика*. Онъ пишетъ: „предстоятели, правители и *князья* Церкви, соединенные съ своей верховной главой, составляютъ то досточтимое и высокое собраніе, которое называютъ *учащею Церковію*, или, *въ тѣснѣйшемъ смыслѣ этого слова, только Церковію* [3]).

---

[1]) Въ чешск. перев. 1860 г., стр. 38.

[2]) Uceni Katolickeho nabozenstvi. Dr. Wappler. 1876 г

[3]) Popul. Dogmatik von Irzik., стр. 32.

Представленныя опредѣленія даютъ право сдѣлать слѣдующіе выводы: а) въ понятіи о Церкви вселенской не необходимо непремѣнно вводить ученіе о главенствѣ папы, какъ это показываютъ катихизисы перваго класса; б) введеніе этого ученія съуживаетъ понятіе о Церкви вселенской, ограничивая представленіе о ней только видимою церковію и даже еще у́же, только учащею церковію; в) чѣмъ ограниченнѣе и у́же становится понятіе о Церкви, тѣмъ виднѣе выступаетъ ученіе о главенствѣ папы, и тѣмъ болѣе отодвигается на задній планъ и затемняется представленіе о невидимой Главѣ Церкви, Господѣ нашемъ Іисусѣ Христѣ. Въ первомъ классѣ опредѣленій является ненужнымъ представленіе о папѣ, а въ послѣднемъ — оказывается ненужнымъ представленіе о невидимой Главѣ-Христѣ. Это весьма знаменательно!

Для дальнѣйшаго сличенія мы возьмемъ только два катихизиса—римскій и д-ра Вапплера, одобренный папою.

Прежде всего мы должны замѣтить, что нашъ православный катихизисъ, какъ сличеніе показало, меньше разнится отъ римскаго, чѣмъ отъ позднѣйшихъ, какъ, впрочемъ, и должно быть, потому что послѣ ватиканскаго послѣдняго собора ученіе о папѣ получило въ своемъ развитіи законченность, а потому и должно занимать больше мѣста, чѣмъ какое могли давать ему катихизисы до собора.

За симъ, для большей ясности и краткости, представимъ сначала программу, по которой изложено въ римскомъ катихизисѣ ученіе о Церкви. Послѣ понятія о Церкви въ немъ идетъ рѣчь о таинственномъ знаменованіи самаго слова *Церковь* (вопр. 3). о разныхъ наименованіяхъ Церкви (стадо, невѣста, домъ Божій и т. под.) (затѣмъ вопр. 4), о двухъ отдѣленіяхъ Церкви — воинствующей и торжествующей (вопр. 5), о существованіи въ Церкви людей грѣшныхъ (вопр. 6, 7), о людяхъ, непринадлежащихъ Церкви (вопр. 8—9), объ употребленіи слова Церковь въ частнѣйшихъ смыслахъ (вопр. 10) и, наконецъ, о свойствахъ Церкви, — о единствѣ, святости, соборности или вселенскости и апостольствѣ (вопр. 11—19), послѣ чего объ отличіи вѣры въ Церковь отъ вѣры въ Святую Троицу (вопр. 20—22) и, наконецъ, объ общеніи святыхъ (23—27).

Въ ученіи о единствѣ Церкви излагаются тѣже мысли, какъ

и въ православномъ катихизисѣ, съ тѣмъ только отличіемъ, что вводится ученіе о главенствѣ папы;—но это сдѣлано такъ неловко, что съ перваго взгляда чувствуется его неумѣстность; оно, какъ клинъ, вошло въ ученіе о Церкви и стало между представленіемъ о главенствѣ Христовомъ и представленіемъ о единствѣ Духа, проникающаго и освящающаго Церковь. Еслибы ввести это представленіе въ нашъ катихизисъ, то вышлобы такъ: „Церковь есть *едина*, потому, что она есть одно *духовное* тѣло, имѣетъ одну главу—невидимую — Христа и одну главу—видимую — папу и одушевляется однимъ Духомъ Божіимъ". Неумѣстность видимой главы здѣсь очевидна. Съ такою-же очевидностію она является и въ римскомъ катихизисѣ. Такъ мы читаемъ въ немъ: „Такое множество разсѣянныхъ по всему міру людей называется *единымъ* по тѣмъ причинамъ, которые указаны Апостоломъ; ибо онъ исповѣдуетъ, что *единъ Господь, едина вѣра, едино крещеніе*. Единъ *также* ея управитель и устроитель, невидимый, впрочемъ, Христосъ, котораго *далъ* вѣчный *Отецъ*, чтобы *Онъ былъ главой всей Церкви, которая есть Его тѣло*; а видимый тотъ, который держитъ римскую каѳедру Петра, князя Апостоловъ, какъ Его намѣстникъ". Затѣмъ: „Единъ и тотъ-же есть Духъ, говоритъ кромѣ того Апостолъ Коринѳянамъ, Который даруетъ вѣрующимъ благодать, подобно тому, какъ душа сообщаетъ жизнь всѣмъ удамъ тѣла" и т. д. (вопр. 12).

Въ ученіи о *соборности* или *вселенскости* Церкви высказывается истинное исповѣданіе православной вѣры, что всѣ вѣрующіе, начиная съ Адама, принадлежатъ къ той-же Церкви, которая *заложена на основаніи апостолъ и пророкъ*, а эти всѣ поставлены и основаны *на ономъ краеугольномъ камени, Христѣ, Который изъ обоихъ содѣлалъ одно и благовѣствовалъ миръ дальнимъ и ближнимъ* (Еф. 2, 14, 17, 20). Здѣсь ни слова не упоминается о Петрѣ, а слѣдовало-бы; потому что современные богословы учатъ, что будто-бы на Христѣ какъ на основномъ Камени положенъ другой основной камень ап. Петръ; а на Петрѣ зиждутся прочіе Апостолы, какъ Пророки на Іоаннѣ Крестителѣ. Составители римскаго катихизиса, какъ видно, еще не держались тогда такихъ взглядовъ. Въ этомъ-же отдѣленіи,

какъ и слѣдуетъ, упоминается и о необходимости принадлежать къ Церкви, если кто желаетъ себѣ спасенія.

Въ ученіи объ *Апостольствѣ* Церкви говорится объ ея происхожденіи отъ Апостоловъ, а отсюда и объ ея истинности; причемъ кратко упоминается объ ея непогрѣшимости. „Духъ Св., учитъ Римскій Катихизисъ, управляетъ Церковію не чрезъ иныхъ какихъ либо служителей, а чрезъ Апостольскихъ, — поелику Духъ Св. сперва ниспосланъ былъ Апостоламъ, а по томъ, по безконечной благости Божіей, остался въ Церкви навсегда. Но какъ эта единая Церковь не можетъ погрѣшать въ преподаваніи ученія о вѣрѣ и нравственности,— ибо Духъ Св. управляетъ ею, — то отсюда слѣдуетъ, что всѣ другія общества, которыя несправедливо присвояютъ себѣ имя Церкви, — поелику руководимы духомъ діавола, — пребываютъ въ самыхъ погибельныхъ заблужденіяхъ вѣры и нравственности“ [1]). Здѣсь опять ничего не упомянуто о папѣ и его непогрѣшимости, какъ дѣлаютъ позднѣйшіе катихизисы. Но при этомъ слѣдуетъ сдѣлать еще одно замѣчаніе: составители Катихизиса очень рѣзко отзываются о другихъ обществахъ, которыя присвояютъ себѣ наименованіе Церкви, — именно какъ о руководимыхъ духомъ діавола. Православный катихизисъ не имѣетъ такихъ выраженій.

Въ ученіи *о вѣрѣ въ Церковь* замѣчается та особенность, что катихизисъ различаетъ вѣру въ Церковь отъ вѣры во Святую Троицу *по качеству*. *„Въ Церковь не такъ нужно вѣровать, какъ въ Бога“*,—такъ озаглавливается 22-й вопросъ,— и затѣмъ дается на него слѣд. объясненіе: „По истинѣ, мы вѣруемъ во Св. Троицу, Отца, Сына и Св. Духа такъ, что въ Нихъ полагаемъ вѣру свою. Но въ этомъ случаѣ, измѣнивши способъ реченія, мы исповѣдуемъ, что вѣруемъ „Церковь быти святою, а не „въ“ святую, чтобы и этимъ особымъ способомъ реченія Богъ, Творецъ всего, отличенъ былъ отъ сотворенныхъ вещей и чтобы за всѣ тѣ чрезвычайныя благодѣянія, которыми Церковь преисполнена, мы воздавали благодарность благости Божіей“ [2]).

---

[1]) Стр 99, Вопр. 15, 16.

[2]) Приводимъ и лат. текстъ для тѣхъ, кто желалъ-бы удостовѣриться въ нашемъ чтеніи: 22 §. *Non ut in Deum, ita in Ecclesiam credendum est.*— Tres enim Trinitatis personas Patrem, et Filium, et Spiritum sanctum, ita

Православный катихизисъ, какъ мы видѣли, не дѣлаетъ акого тонкаго различенія, но, какъ говоритъ о Богѣ: „Вѣрую во единаго Бога Отца... и во единаго Господа Інсуса Христа, Сына Божія... и въ Духа Св. Господа, — также говоритъ и о Церкви: вѣрую во едину Святую, Соборную и Апостольскую Церковь". Ибо какъ мы, христіане, вѣруемъ въ Бога Творца, Промыслителя и Искупителя, такъ вѣруемъ и въ Бога-Освятителя, дѣйствующаго въ Церкви. Видно, такъ разумѣли и составители вселенскаго Символа, отцы II Вселенскаго Собора. И прав. катихизисъ, изъясняя разумѣніе Отцевъ, учитъ, что предметъ вѣры въ ученіи о Церкви составляетъ ея невидимая Глава—Христосъ и Духъ Божій, одушевляющій ее. Напрасно поэтому дѣлается въ рим. катихизисѣ указанное выше различеніе. Оно даетъ намъ право предполагать въ составителяхъ катихизиса какую-то опасливость и совѣстливостъ, чтобы не сравнять съ Божествомъ нѣчто *тварное*, *человѣческое*, чему приходится вѣровать, но что слѣдуетъ отличать отъ вѣры въ Бога, значитъ, по ихъ понятію, не благодать Божія есть предметъ вѣрованія въ Церковь, а нѣчто земное. Не есть-ли это ученіе о главенствѣ папы?

Въ заключеніи говорится объ *общеніи Святыхъ*. Изложеніе объ этомъ предметѣ было-бы вполнѣ согласно съ православнымъ катихизисомъ, — если-бы въ римскомъ катихизисѣ не введено было ученіе о *заслугахъ* Святыхъ, что не пріемлется Православною Церковію, — и о чемъ рѣчь у насъ ведется отдѣльно.

Такимъ образомъ, въ римскомъ катихизисѣ нами пока найдена одна главная и существенная разность, именно, что римскій епископъ есть видимая глава Церкви, ея видимый устроитель и правитель, какъ преемникъ Петра, князя Апостоловъ;—тогда какъ прав. катихизисъ утверждаетъ, что для Церкви, какъ

credimus, ut in eis fidem nostram collocemus. Nunc autem mutata dicendi forma, sanctam, et non in sanctam, Ecclesiam credere profitemur, ut hac etiam diversa loquendi ratione Deus omnium effector a creatis rebus distinguatur, praeclaraque illa omnia, quae in Ecclesiam collata sunt beneficia, divinae bonitati accepta referamus. Cath. ex decreto sacr. concilii Tridintini. Bassani 1709. p. 97. Такое впрочемъ различеніе Ѳома Аквинатъ полагаетъ и относительно вѣры въ Бога: credere Deo, credere Deum, credere in Deum. Summa 2 p. 2 qu. art. III.

тѣла Христова не можетъ быть иной главы, кромѣ І. Христа; ибо Церковь, долженствующая пребыть во всѣ роды вѣка, требуетъ и главы всегда пребывающей, а таковъ есть единъ І. Христосъ. Посему и Апостолы называются не болѣе, какъ служителями Церкви.

Въ зависимости отъ этой разности есть еще одна разность. впрочемъ разность только отрицательнаго свойства. При сличеніи катихизисовъ, если можно какой изъ нихъ упрекнуть въ пробѣлахъ, такъ это именно римскій. Въ изложеніи ученія о Церкви въ немъ нѣтъ ни слова ни о Соборахъ, ни о власти, высшихъ Іерарховъ. О власти Соборовъ нигдѣ нѣтъ ни слова,— а о правительственной Іерархіи упоминается въ таинствѣ Священства, при чемъ мы узнаемъ, что степеней Священства не три, какъ учитъ Восточная Православная Церковь, — (епископъ, пресвитеръ и діаконъ), а очень много. Такъ въ отвѣтѣ на 25-й вопросъ о Священствѣ читаемъ: „Чинъ священства хотя и одинъ, но имѣетъ различныя степени достоинства и власти. *Первая* степень есть тѣхъ, которые называются *просто священниками*, (обязанности ихъ были выше изложены). *Вторая* степень *епископовъ*, которые суть представители отдѣльныхъ епископій, и имѣютъ задачей управлять не только низшими слугами Церкви, но и всѣми вѣрующими и имѣть заботливое и усердное попеченіе объ ихъ спасеніи... Эти епископы называются также верховными священниками, каковое имя взято отъ язычниковъ, которые главныхъ священниковъ обыкновенно называютъ первосвященниками или верховными священниками. *Третья* степень есть степень *архіепископовъ* которые выше епископовъ, и иные зовутся *митрополитами*, потому что суть представители тѣхъ городовъ, которые считаются какъ-бы матерями цѣлой извѣстной страны; поэтому и имѣютъ высшее, чѣмъ епископы, достоинство, и болѣе обширную власть, хотя въ посвященіи ничѣмъ не отличаются отъ епископовъ. На *четвертой* степени стоятъ *патріархи* т. е. первые и наивысшіе отцы. Прежде, въ Церкви, кромѣ римскаго папы, было еще четыре патріарха; но они не были равны по достоинству; ибо константинопольскій получилъ высшее положеніе ради славы императорскаго правительства, хотя это достоинство ему было дано послѣ всѣхъ остальныхъ. По немъ

ближайшій — александрійскій, церковь котораго основалъ Ев. Маркъ, по приказанію князя Апостоловъ. Третій антіохійскій, гдѣ Петръ прежде всего имѣлъ свое пребываніе. Послѣднюю степень имѣетъ Іерусалимскій, котораго церковь устроилъ Іаковъ, братъ Господень. Кромѣ всѣхъ этихъ степеней церковь католическля всегда признавала и чтитъ римскаго наивышаго епископа, котораго Кириллъ александрійскій на Соборѣ Ефесскомъ называетъ архіепископомъ всего міра, отцемъ и патріархомъ. Ибо онъ возсѣдаетъ на каѳедрѣ Петра, князя Апостоловъ, на которой Петръ, какъ доказано (sic!), сидѣлъ до конца своей жизни; почему въ немъ признается наивысшая степень достоинства и полнота полномочій, которая ему дана не какими-нибудь соборами, или не какими-нибудь человѣческими опредѣленіями, но Самимъ Богомъ. Поэтому онъ есть отецъ и правитель, какъ преемникъ Петра и какъ истинный и законный намѣстникъ Христа Господа, глава всей церкви, всѣхъ вѣрующихъ, и епископовъ, и остальныхъ представителей, какими-бы они достоинствами и какою бы властію ни были одарены".

И такъ, степеней собственно *священства* пять: просто священникъ, — затѣмъ епископъ, архіепископъ или митрополитъ, далѣе патріархъ и, наконецъ, папа. Катихизисъ очень неопредѣленно выражается объ этихъ степеняхъ; онъ оставляетъ безъ отвѣта вопросъ: какія это степени—*догматическія* или только *каноническія*? Установлены-ли онѣ, какъ степени, Основателемъ Церкви, — или-же возникли исторически, обычаемъ, и затѣмъ утверждены канонами Соборовъ? Изложеніе такъ неопредѣленно, неточно и двусмысленно, что можно давать тотъ или другой отвѣтъ, смотря по надобности. Кто не знаетъ догматическаго ученія, основаннаго прямо на Свящ. Писаніи, о трехъ степеняхъ священства, діаконѣ, пресвитерѣ и епископѣ,—тому можно выдать все это пятичное число степеней священства за догматическое,—а тому, кто бы сталъ оспаривать это, тому можно сказать, что здѣсь имѣется въ виду и догматическое и каноническое опредѣленіе. Ибо когда сказано объ архіепископахъ, что ихъ посвященіе ничѣмъ не отличается отъ епископскаго, то это значитъ, что они имѣютъ преимущество только каноническое, а не догматическое. Равно, когда сказано о папѣ, что

верховное достоинство и полнота полномочій даны ему не какими-нибудь соборами или человѣческими опредѣленіями, но Самимъ Богомъ, то этимъ показывается, — что какъ архіепископы или митрополиты, такъ и патріархи свои преимущества получили отъ соборовъ, или человѣческихъ опредѣленій,—тогда какъ папа отъ Самого Бога. Такимъ образомъ мы здѣсь видимъ, во первыхъ, смѣшеніе догматическаго опредѣленія съ каноническимъ,—таинства съ административнымъ титуломъ. Во вторыхъ, мы здѣсь узнаемъ, что въ Церкви Христовой не три степени священства: діаконъ, священникъ и епископъ,—а самое меньшее—четыре: діаконъ, священникъ, епископъ и папа.

Обратимся теперь къ катихизису д-ра Ваплера, одобренному самимъ папою Піемъ IX, и посмотримъ, какъ у него излагается ученіе о Церкви. Планъ его таковъ: все ученіе раздѣляется на два отдѣленія, первое озаглавливается: ***Католическая Церковь основана Богомъ***, а второе: ***Католическая Церковь устроена Богомъ***. Въ I отдѣленіи говорится: объ основаніи Церкви Іисусомъ Христомъ (§ 24), о ея видимости (§ 25), ея непоколебимости (§ 26), объ апостольскомъ служеніи и Петровомъ примативѣ (§ 27), о передачѣ апостольскаго служенія и Петрова примата ихъ преемникамъ (§ 28), о примативѣ папы и епископскомъ чинѣ (§ 29), о признакахъ истинной Церкви (§ 30), и наконецъ объ истинной Церкви римско-католической (§ 31). Въ II отдѣленіи идетъ рѣчь о ниспосланіи Духа Св. (§ 32), о непогрѣшимости Церкви (§ 33), о предметѣ непогрѣшимости (§ 34), о способахъ отправленія ею своего учительскаго чина (§ 35), объ источникахъ ученія (§§ 36—39), объ авторитетѣ Церкви, какъ правилѣ вѣры для каждаго католика (§ 40), о догматахъ вѣры, опредѣляемыхъ Церковію (§ 41) и наконецъ, излагаются выводы отсюда: истинность католическаго ученія и необходимость для каждаго католика держаться этого ученія и исповѣдывать оное (§§ 42—43).

Въ этой программѣ уже нѣтъ никакого сходства съ изложеніемъ православнаго катихизиса, — не только по формѣ, но и по существу дѣла. Здѣсь дѣло представляется такъ: Христосъ основалъ Церковь, устроилъ ее и снабдилъ Духомъ Святымъ,—а дальнѣйшее выполненіе задачи поручилъ своимъ намѣстникамъ—Петру и его преемникамъ.

Чтобы яснѣе было такое наше пониманіе, изложимъ самыя мысли вкратцѣ, но въ порядкѣ ихъ развитія у автора.

„Іисусъ Христосъ, читаемъ мы въ катихизисѣ, — насадилъ Церковь, т. е. основалъ религіозное общество, въ которомъ и чрезъ которое всѣ люди должны быть ведены ко спасенію. Онъ же благоволилъ, чтобы члены этого общества объединены были не только общею вѣрою внутренно, но и совнѣ, такъ, чтобы она представляла изъ себя совнѣ видимое и для всѣхъ замѣтное общество. Церковь основана на всѣ времена, ибо Онъ Самъ далъ такія обѣтованія, изъ которыхъ видно, что она будетъ пребывать до окончанія міра.

Членовъ церкви Христосъ раздѣлилъ на два класса — священниковъ и не-священниковъ. Ибо не всѣмъ членамъ далъ онъ одинаковыя права и равную власть; но изъ вѣрующихъ въ Него избралъ Апостоловъ предстоятелями своей Церкви и далъ имъ особенную власть, которую они должны отправлять отнюдь не отъ имени или по приказанію вѣрующихъ, но Его именемъ и по Его повелѣнію. Эта духовная власть слагается изъ трехъ обязанностей: ***учительства, священства*** и ***пастырства***, учить, совершать таинства, управлять вѣрующими и вести ихъ ко спасенію“.

Это таинственное служеніе могло быть совершаемо только подъ верховнымъ управленіемъ св. Петра. Почему Іисусъ Христосъ учредилъ въ Церкви свое верховное достоинство (приматство) и ввѣрилъ оное св. ап. Петру, котораго поэтому по справедливости слѣдуетъ называть княземъ Апостоловъ и видимымъ намѣстникомъ Господа Іисуса на землѣ. Это явствуетъ: а) изъ ясныхъ выраженій Христа: „ты еси Петръ и на этой скалѣ созижду Церковь мою, и врата адова не одолѣютъ ей. И дамъ тебѣ ключи царства небеснаго и еже аще свяжеши на земли, будутъ связана на небеси, и еже аще разрѣшиши на земли, будутъ разрѣшена на небеси (Мѳ. 16, 17)“. Паси агнцы моя, паси овцы моя (Іоан. 21, 17). б) изъ ***дѣйствій*** самаго Петра, какъ и остальныхъ Апостоловъ. По вознесеніи Господа, св. Петръ дѣйствительно отправлялъ наивысшую власть въ Церкви; остальные же Апостолы признавали эту власть Петра, а писатели Евангелія ясно выражали свое признаніе въ томъ,

что, когда исчисляютъ Апостоловъ, Петра ставятъ на первомъ мѣстѣ, буквально называя его ***первымъ***.

Со смертію Апостоловъ ихъ служеніе не могло прекратиться; не могло прекратиться и первенство, или высшая правительственная власть, врученная св. Петру; но то и другое имѣли продолжаться долго, до скончанія міра... Что продолженіе Апостольскаго служенія было необходимо, это ясно само собою. Но также необходимо было и первенство Петрово; это ясно вытекаетъ изъ цѣли его установленія. Ибо если еще при жизни Апостоловъ необходимо было средоточіе единства, то въ послѣдующе время эта потребность тѣмъ была сильнѣе, чѣмъ больше возрастала опасность, что Церковь, принимая въ свое лоно различные народы, ***раздробится***. Должны быть преемники какъ Апостоламъ, такъ и св. Петру.

Преемники Апостоловъ суть епископы, а преемникъ князя Апостоловъ есть всегда епископъ римскій. Ибо св. Петръ послѣ управленія общиной въ Антіохіи, будучи веденъ Духомъ Святымъ, перенесъ свое мѣстопребываніе въ Римъ и здѣсь, какъ епископъ, управлялъ христіанской общиной и умеръ мученическою смертію въ ***санѣ римскаго епископа***.

Какъ преемникъ св. ап. Петра, римскій епископъ есть верховная глава Церкви, намѣстникъ Іисуса Христа на землѣ, и въ смыслѣ этого величайшаго званія называется ***папою*** или ***святымъ отцемъ***. Папа превосходитъ другихъ епископовъ не ***почетнымъ*** только ***положеніемъ***, но и дѣйствительно ***высшею властію*** надъ всею Церковію, такъ что всѣ епископы ему подчинены. Эти послѣдніе, по Божественному установленію, имѣютъ власть управлять Церковію, какъ преемники Апостоловъ, только въ союзѣ съ своимъ верховнымъ главою, папою, и подъ его вѣдѣніемъ, потому что наивысшее управленіе по божественному установленію принадлежитъ только папѣ. Они управляютъ даннымъ имъ округомъ по указанію папы и подъ его наблюденіемъ, подобно тому, какъ пресвитеры, по указанію и полномочію своего епископа, своимъ приходомъ. Каждый епископъ участвуетъ въ устроеніи всей Церкви на вселенскихъ Соборахъ, созываемыхъ и предсѣдательствуемыхъ папою, гдѣ епископы подаютъ свои голоса.

Затѣмъ, авторъ, указавши кратко признаки истинной Цер-

кви, прилагаетъ ихъ къ церкви католической и выводитъ отсюда, что только она обладаетъ всѣми этими признаками,—и поэтому, только она есть единая, истинная, спасительная Церковь, а прочія религіозныя общества, которыя присвояютъ себѣ наименованіе Христовой Церкви, каковы напримѣръ, протестантскія, и церкви, такъ называемыя, *греческія*, по справедливости не могутъ называться именемъ Христіанской Церкви,—потому что ни одна изъ нихъ не имѣетъ въ дѣйствительности тѣхъ четырехъ признаковъ, какія должна имѣть Церковь. Авторъ такъ кратко сказалъ о признакахъ Церкви и о неистинности другихъ Церквей,—что мы не выписываемъ всего буквально, а пополнимъ эту краткость извлеченіемъ изъ другого катихизиса, послѣ того, какъ изчерпаемъ его программу.

Первое отдѣленіе ученія о Церкви передано нами все сполна, теперь обратимся ко второму. Оно начинается съ того, что Іисусъ Христосъ основалъ Церковь съ тою цѣлію, чтобы всѣ люди въ ней и чрезъ нее ведены были къ истинному Богопознанію и Богопочтенію, а чрезъ то къ вѣчному спасенію. Для сей цѣли Онъ обѣщалъ Апостоламъ ниспослать Святаго Своего Духа, что и исполнилъ въ день Пятидесятницы (§ 32). Но Онъ не только Апостоламъ, а также и ихъ преемникамъ обѣщалъ свою божественную помощь, чтобы Церковь, сохраняя и преподавая Божественное ученіе, оставалась чистою отъ заблужденія или непогрѣшимою.

Церковь *непогрѣшима*...; но не всѣ члены Церкви одарены непогрѣшимостію, а только *епископатъ* или *церковь учащая*, но и епископамъ качество непогрѣшимости принадлежитъ не каждому порознь, а ихъ совокупности, и при томъ только *въ союзѣ съ папой*. Папа же *непогрѣшимъ лично*, самъ въ себѣ, въ силу своего высокаго званія, какъ глава Церкви (§ 33).

Эта непогрѣшимость простирается на все, что относится къ божественному откровенію и ко спасенію вѣрующихъ... Поэтому учащій церковный чинъ непогрѣшимъ, когда: а) сохраняетъ и преподаетъ откровенное ученіе, относящееся къ вѣрѣ и нравственности; б) когда *разбираетъ* и раскрываетъ откровенное ученіе, т. е. провозглашаетъ такое ученіе, которое выведено изъ откровеннаго ученія и стоитъ съ нимъ въ необходимой связи... в) когда разрѣшаетъ сомнѣнія и споры, возникающіе по по-

воду откровеннаго ученія, и когда открываетъ и осуждаетъ заблужденія, противныя откровенному ученію и, наконецъ, г) когда рѣшаетъ и установляетъ относящееся къ вѣчному спасенію вѣрующихъ (§ 34).

Непогрѣшимый судъ Церкви произносится различными способами, а именно: а) отъ лица вселенскаго Собора, бывшаго подъ предсѣдательствомъ папы; б) отъ лица помѣстнаго собора, утвержденнаго папой; в) отъ лица самаго папы, какъ главы Церкви, и г) отъ лица епископовъ, хотя и не собиравшихся на соборъ, но явно выразившихъ свое согласіе на какое-нибудь опредѣленіе относительно вѣры и нравственности, или одобрившихъ рѣшеніе молчаливымъ согласіемъ (§ 35).

Общій выводъ отсюда тотъ, „что истинный авторитетъ Церкви католической есть *правило вѣры*“ для каждаго католика.

Для болѣе полнаго изложенія того, какъ понимаютъ католическіе катехеты признаки истинной Церкви и какъ прилагаютъ ихъ къ своей церкви,—воспользуемся катихизисомъ каплана Прохазки, составленнымъ по руководству катихизиса еп. Мартина.—Онъ пишетъ:

„Христосъ основалъ *одну Церковь*, и потому, только та можетъ называться Его истинною Церковію, которая обладаетъ всѣми четырьмя признаками. Такова единственно Церковь римско-католическая. Ибо а) всѣ другія общества, присвояющія себѣ имя Церкви Христовой, образовались послѣ, чрезъ свое отторженіе отъ римско-католической церкви (посредствомъ раскола или ереси), а римско-католическая Церковь имѣетъ свое начало не отъ какой-либо другой Церкви; она—одна изъ старѣйшихъ церквей; исторія ея восходитъ ко Христу; Христосъ ея основатель; б) только римско-католическая церковь величается всѣми тѣми признаками, которыми Христосъ надѣлилъ свою Церковь.

1) Римско-католическая Церковь есть *едина* со-внѣ и внутри. Всѣ члены Церкви слушаются своихъ епископовъ, а епископы со всѣми вѣрующими подчинены епископу римскому, какъ общей главѣ всѣхъ, пастырю всей Церкви, преемнику св. Петра, видимому намѣстнику Христову, который, какъ твердое кольцо, соединяетъ всѣхъ членовъ Церкви. Всѣ члены церкви въ ученіи и богослуженіи должны согласоваться съ

римскимъ папою, и въ дѣлахъ вѣры подчиняться непогрѣшимому авторитету учащей церкви, чѣмъ сохраняется внутреннее и внѣшнее единство. Кто-же осмѣлится нарушить внѣшнее или внутреннее единство, тотъ, какъ схизматикъ или какъ еретикъ, бываетъ отлученъ отъ церкви.

Всѣ отдѣлившіяся отъ церкви религіозныя общества лишены единства. Такъ называемая церковь восточная, отторженная отъ средоточія единства, распалась по народностямъ и государствамъ на множество обществъ; таковы: 1) церковь анатолійская, или старая греческая съ патріархомъ цареградскимъ (во главѣ); 2) церковь русская; 3) церковь эллинская въ Греціи; 4) церковь карловицкаго патріархата, въ землѣ австрійской; 5) церковь черногорская, кипрская, церковь горы Синайской (?); кромѣ того тамъ обнаруживается стремленіе къ образованію новыхъ земскихъ или народныхъ церквей... (Сужденіе автора о протестантскихъ обществахъ мы оставляемъ). Положеніе этихъ церквей, другой катихизаторъ сравниваетъ съ союзомъ нѣмецкихъ государствъ до объединенія ихъ подъ гегемоніею Пруссіи.

2) Церковь римско-католическая есть *святая*. Она ведетъ всѣхъ членовъ своихъ къ святости; святость ихъ ставитъ за высшее для себя правило и послѣднею цѣлію ихъ жизни (какъ будто другія общества имѣютъ не то же правило и не ту же цѣль), имѣетъ всѣ источники благодати, литургію, таинство покаянія и причащенія, возвѣщаетъ ученіе, ведущее къ святости (а другія—не тоже-ли?), заповѣдуетъ добрыя дѣла, рекомендуетъ евангельскіе совѣты; она считаетъ во всѣхъ столѣтіяхъ множество славныхъ святыхъ, которые сіяли геройскими добродѣтелями въ чрезвычайной степени, и святость которыхъ Богъ подтвердилъ чудесами. (О восточной церкви при этомъ ничего не говорится, а только о протестантахъ, что мы оставляемъ.)

3) Римско-католическая церковь есть дѣйствительно *католическая*, *соборная*, какъ ее называютъ даже противники ея. Имѣя одну общую верховную главу и объявляя свой учащій авторитетъ за правило вѣры, она способна принять въ свое лоно всѣ народы. Отъ временъ апостольскихъ до сихъ поръ она имѣетъ стремленіе распространиться по всему міру, посему молится объ обращеніи заблудшихъ и невѣрующихъ и разсы-

лаетъ во всѣ концы міра миссіонеровъ. Нѣтъ ни одного уголка на земномъ шарѣ, гдѣ бы не считалось хоть нѣсколько членовъ римской церкви. Хотя всегда и повсюду приходится ей встрѣчать противодѣйствія, но она преодолѣваетъ ихъ и расширяется между всѣми народами, и имѣетъ гораздо больше членовъ, чѣмъ всѣ секты, взятыя вмѣстѣ. Остальныя общества, составляющія только народныя церкви, не способны распространяться по всему міру. (Почему-же это такъ?).

4) Римско-католическая церковь есть *апостольская*. Предстоятели ея суть дѣйствительные и истинные преемники Апостоловъ (почему-же Апостоловъ, а не одного ап. Петра). Это подтверждаетъ исторія. Отъ нынѣшняго папы Пія IX непрерывнымъ рядомъ мы восходимъ до св. Петра, котораго Христосъ поставилъ *княземъ Апостоловъ*. Каждый нашъ епископъ получилъ свою власть отъ какого-нибудь другаго епископа, а тотъ отъ иного, и такъ послѣдовательно восходимъ къ св. Апостоламъ, которые получили свое служеніе отъ самого Господа Іисуса Христа. Церкви же, въ которыхъ Петръ и его преемники не признаются главами Церкви, въ которыхъ духовное верховенство получаетъ свое полномочіе отъ князей, отъ общества, или отъ такихъ людей, которые не получили онаго посредственно или непосредственно отъ Христа, — не могутъ считаться апостольскими".

Примѣчаніе. Римско-католическая церковь только одна имѣетъ такое устройство, которое Христосъ далъ своей Церкви. Въ ней одной находится чинъ правящій, учащій и священнодѣйствующій всѣхъ степеней, какъ устроили Апостолы, по повелѣнію и полномочію Христову: въ особенности въ ней находится единая, видимая, верховная глава — папа.

И такъ, единственно только римско-католическая церковь можетъ хвалиться всѣми признаками Церкви Христовой; единственно она есть истинная Церковь Христова. Поэтому только она по всему праву можетъ называться единою спасительною Церковію, и кто, узнавши ее, не хочетъ въ нее вступить, тотъ рискуетъ своимъ спасеніемъ и впадаетъ въ грѣхъ".

Общій результатъ отсюда слѣдующій: „Вѣра наша опирается на авторитетъ учащей церкви и тотъ имѣетъ истинную вѣру, кто вѣритъ всему, что предлагаетъ церковь для вѣрованія, и

вѣрить потому, что это предлагаетъ церковь. Учащій авторитетъ церкви служитъ *принципомъ* (послѣднею причиною, правиломъ) вѣры католическаго христіанина. И это не есть слѣпая неразумная вѣра; ибо католикъ имѣетъ доказательства, что Іисусъ Христосъ есть истинный Богъ, что *въ Церкви Его пребываетъ Божественный авторитетъ*, поэтому дѣйствуетъ разумно, когда свой погрѣшительный разумъ *подчиняетъ непогрѣшительному Божественному разуму*".

По поводу сейчасъ приведенныхъ словъ законоучителя Прохазки сдѣлаемъ одно замѣчаніе. Мы видѣли, что, подводя римско-католическую церковь подъ всѣ признаки истинной Церкви,—онъ указалъ при этомъ, что другія церкви не подходятъ подъ эти признаки и потому не суть истинныя,—при чемъ упомянулъ и о восточной церкви; но оказалось, что восточная не подходитъ только подъ первый признакъ, — она *не едина*, ибо раздробилась на нѣсколько отдѣльныхъ независимыхъ народныхъ церквей,—и еще брошенъ укоризненный намекъ при изложеніи третьяго признака—соборности,—что будто-бы народныя церкви неспособны распространяться по всему міру. Приличествуютъ-ли церкви восточной другіе признаки, о томъ не сдѣлано даже и намека,—и справедливо; ибо: а) церковь восточная имѣетъ столько-же права (а въ нашихъ глазахъ, разумѣется, большее право) присвоять себѣ *святость*, какъ и римско-католическая, — въ доказательство чего можетъ указать на цѣлый сонмъ великихъ святыхъ, прославившихся въ ней послѣ раздѣленія церквей, и б) она также, какъ и западная, ведетъ преемство рукоположенія отъ временъ Апостольскихъ. И такъ на основаніи сего мы можемъ сказать, что, по понятію католическихъ богослововъ, церковь восточная по одному признаку не подходитъ подъ понятіе истинной Церкви, именно,—что по своему внѣшнему устройству не имѣетъ такого правительственнаго центра, какъ церковь латинская.

И такъ, сличая нашъ православный катихизисъ съ латинскими катихизисами, мы непогрѣшительно можемъ сдѣлать слѣдующіе выводы:

1. Восточная православная церковь съ особеннымъ удареніемъ говоритъ о единой главѣ Церкви, Господѣ нашемъ Іисусѣ Христѣ и при этомъ учитъ, что другой главы — видимой быть

не можетъ. Латинская-же церковь, хотя и признаетъ невидимую главу, но останавливается исключительно на раскрытіи значенія и достоинствахъ видимой главы своей—папы. Это уже *не пробѣлъ* въ православномъ катихизисѣ, какъ говоритъ о. Гагаринъ, — и не предубѣжденіе по злобѣ и ненависти, какъ утверждаетъ неизвѣстный авторъ, 43 года изучавшій вопросъ „О возможномъ соединеніи церквей". Это, по мнѣнію православныхъ, есть отступленіе латинянъ отъ истиннаго исповѣданія вѣры, отъ Вселенскаго православія.—Православный законоучитель, о. Владиславлевъ, изложивъ въ своемъ Катихизисѣ ученіе о главенствѣ Христовомъ, спрашиваетъ: „Не отступила-ли церковь римско-католическая отъ истиннаго ученія о единой Главѣ Церкви Христовой?" и отвѣчаетъ: „Отступила; ибо она учитъ, что будто папа есть видимая глава всей Церкви, что онъ намѣстникъ Христа, князь надъ епископами и надъ самими царями". Причина этой разности лежитъ въ разности взглядовъ православныхъ и латинянъ на значеніе главенства Христова въ Церкви и установленнаго Имъ епископскаго служенія.

2. Восточная церковь приписываетъ непогрѣшимость въ дѣлахъ вообще Церкви,—всему составу ея, всѣмъ благочестивымъ людямъ—слѣдовательно и мірянамъ и духовнымъ; а выразителями непогрѣшимаго учительства считаетъ—вселенскіе соборы; Латинская-же церковь—промывая, такъ сказать, весь составъ Церкви и отцѣживая тѣхъ, которымъ не присвояется непогрѣшимости, въ концѣ-концовъ, усвояетъ ее лично и исключительно папѣ. Эта разность коренится въ различіи взглядовъ на условія непогрѣшимости Церкви вообще.

3. Православные исповѣдуютъ, что хотя частныя Церкви и пользуются независимостію и самостоятельностію въ управленіи, но не смотря на то, въ своей совокупности составляютъ единое духовное тѣло Церкви; ибо имѣютъ одно ученіе вѣры, одно церковное устройство, однѣ таинства, и потому находятся въ постоянномъ взаимообщеніи посредствомъ молитвъ и таинствъ. Латинскіе-же богословы безъ видимой главы, безъ видимаго средоточія единства не могутъ понять и признать *внутренняго, духовнаго* единства. Слѣдовательно не единство вѣры, не единство ученія нравственнаго, не единство таинствъ, Богослуженія, молитвъ и тождество церковнаго устройства, не единство ду-

ховнаго настроенія составляетъ существенное условіе духовнаго единства независимыхъ народныхъ церквей, какъ учитъ церковь восточная,—а единоличное управленіе въ формѣ папистической и происходящее отсюда устройство латинской церкви, — вотъ безъ чего не можетъ существовать Церковь, какъ единое духовное тѣло. Понятно, что и въ этомъ случаѣ причины разногласія глубоко коренятся въ разныхъ воззрѣніяхъ той и другой стороны на значеніе внутреннихъ условій единства.

4. Восточная церковь, признавая Христа единственною главою Церкви, — на землѣ считаетъ высшею духовною властію Вселенскіе Соборы, ниже ихъ Помѣстные, а еще ниже мѣстною властію отдѣльной церкви — Патріарховъ и Синоды. Латинская-же церковь единственною верховною властію на землѣ, источнымъ началомъ всякихъ церковныхъ и духовныхъ полномочій, ставитъ папъ, отъ которыхъ получаютъ свою власть и Соборы и другія верховныя власти Церкви. Очевидно, главная причина такого разногласія заключается въ различіи взглядовъ на догматическія и каноническія опредѣленія власти.

Такимъ образомъ мы приходимъ къ необходимости раскрыть значеніе представленныхъ разностей и ихъ внутреннія причины, въ которыхъ онѣ коренятся.

I.

О главенствѣ Христовомъ и главенствѣ папы.

Первая разность, какъ мы сказали, заключается въ томъ, что православные съ особеннымъ удареніемъ говорятъ объ единой невидимой Главѣ Церкви, Господѣ нашемъ Іисусѣ Христѣ, и отвергаютъ необходимость въ какой-либо видимой; латины же, напротивъ, хотя и признаютъ Христа Спасителя невидимою Главою Церкви, но останавливаются исключительно на раскрытіи ученія о папѣ, какъ видимой главѣ Христовой Церкви. Причины такой разности, повторяемъ, заключаются въ неодинаковости взглядовъ той и другой церкви на ученіе о главенствѣ Христовомъ.

Мы утверждаемъ, что латины преувеличиваютъ значеніе въ Церкви римскаго епископа и, закрывая главенствомъ его главенство Христово, чрезъ то извращаютъ въ Церкви самый порядокъ спасенія. Дальнѣйшее изложеніе покажетъ основанія, по которымъ мы такъ утверждаемъ.

Основнымъ и исходнымъ пунктомъ нашего изслѣдованія служитъ та мысль, признаваемая одинаково и латинами, что главенство Христово не есть только отвлеченное умопредставленіе о владычествѣ Его надъ Церковію, но живое, внутреннее, основное начало церковной жизни, которое опредѣляетъ собою живыя отношенія членовъ церкви какъ къ главѣ ея, Христу Спасителю, такъ и взаимно другъ къ другу.

Въ изложеніи катихизическаго ученія о Церкви мы уже представили ученіе о главенствѣ Христовомъ. Повторимъ вкратцѣ сказанное.—Христосъ Спаситель есть въ истинномъ и дѣйствительномъ смыслѣ Глава Церкви. Ввѣривъ управленіе Церкви епископамъ, Онъ Самъ остается верховнымъ ея пастыремъ, оживляя ее спасительною благодатію Духа Святаго, Самъ невидимо учитъ, священнодѣйствуетъ и правитъ,—Самъ низводитъ на вѣрующихъ Духа Святаго, который почіетъ на нихъ въ благодатныхъ дарахъ *премудрости* и *разума*, *совѣта* и *крѣпости*, *вѣдѣнія*, *благочестія* и *страха Божія* (Ис. 11, 2, 3); и приноситъ въ нихъ духовные плоды: *любовь*, *радость*, *миръ*, *долготерпѣніе*, *благость*, *милосердіе*, *вѣру*, *кротость*, *воздержаніе* (Гал. 5, 22, 23) и другія добродѣтели. Установивъ пастырей, чрезъ которыхъ, какъ чрезъ свои видимыя орудія Онъ изливаетъ свою благодать на вѣрующихъ,—Онъ въ тоже время и Самъ непосредственно входитъ въ общеніе съ каждымъ изъ нихъ. *Се стою при дверяхъ и толку, и аще кто услышитъ гласъ Мой и отверзетъ двери, — вниду къ нему и вечеряю съ нимъ и той со Мною* (Апок. 3, 20, также Іоан. 14, 21). Въ такое общеніе со Христомъ—посредственное и непосредственное—входятъ всѣ вѣрующіе безъ различія пола, возраста и служенія, и дѣлаются участниками, каждый въ свою мѣру, благодатныхъ даровъ Св. Духа (Дѣян. 2, 1—4. 16—21).

Чтобы находиться въ живомъ общеніи съ невидимой Главой, Христомъ Спасителемъ, и жить подъ Его благодатнымъ

и спасительнымъ воздѣйствіемъ для сего безусловно необходима вѣра въ Него, какъ невидимую Главу Церкви. *Безъ вѣры невозможно угодити Богу* (Евр. 11, 5); *иже вѣру иметъ и крестится, спасенъ будетъ, а иже не иметъ вѣры, осужденъ будетъ* (Мр. 16, 16). Лишивъ насъ своего видимаго соприсутствія и въ тоже время давъ обѣщаніе *быть съ нами во вся дни до скончанія вѣка* (Мѳ. 28, 20), Господь вводитъ, насъ во внутренній подвигъ вѣры. Если бы Онъ оставался съ нами на землѣ и по своему человѣчеству, и былъ зримъ нами тѣлесными очами,—мы бы жили не вѣрою, а видѣніемъ славы Божіей лицемъ къ лицу. Чудо пребыванія съ нами Господа дѣйствовало бы на насъ поражающимъ и подавляющимъ образомъ; вслѣдствіе чего мы не имѣли бы подвига вѣры,—а жизнь безъ подвига лишена бы была нравственнаго достоинства. Нѣтъ, Господь хощетъ, чтобы мы зрѣли Его очами вѣры, чтобы непрестанно представляли и чувствовали Его соприсутствіе съ нами,—ради Него все творили и все терпѣли, какъ бы находясь въ Его присутствіи. Если ветхозавѣтные праведники терпѣли ради Него, какъ бы видя Его, по словамъ св. Апостола (Евр. 11, 27),—хотя образъ Его для нихъ предносился въ общихъ и еще неопредѣленныхъ чертахъ, какъ образъ грядущаго,—то тѣмъ свойственнѣе такое живое умопредставленіе о соприсутствіи Господа намъ, вѣрующимъ Новаго Завѣта, уже видѣвшимъ и слышавшимъ Его. Если въ Ветхомъ Завѣтѣ вѣра вводила сыновъ Завѣта *въ соучастіе страстей Христовыхъ* (Евр. 11, 25, 26) и открывалась въ чрезвычайныхъ подвигахъ, которые съ такою силою описываетъ ап. Павелъ (Евр. 11 гл.), то тѣмъ удобнѣе это нашей вѣрѣ въ Господа, уже совершившаго дѣло нашего спасенія.

Чтобы вѣра наша была благоугодною Господу и спасительною, для сего она должна вводить насъ во внутреннюю сообразность съ Нимъ, т. е. по вѣрѣ мы должны становиться подобными Ему; для сего должны слѣдовать Его ученію, подражать Его примѣру и принимать участіе въ Его страданіяхъ и смерти, посредствомъ таинствъ и распинанія своей грѣховной *плоти съ ея страстьми и похотьми* (Простр. Кат. чл. 4);—все это кратко ап. Павелъ выразилъ въ слѣдующихъ словахъ: *сіе да мудрствуется въ васъ, еже и во*

Христъ Іисусъ (Филипп. 2, 5.), т. е. тѣ чувствованія и расположенія, по которымъ Христосъ Сынъ Божій низходилъ на землю и отдалъ Себя за спасеніе міра, должны устрояться и въ нашей душѣ, именно: чувства смиренія, послушанія и самоотверженной любви къ ближнему. Это мудрствованіе должно восходить до возможнаго сходства со Христомъ или уподобленія Ему. Устрояя и настрояя свою душу по образу Христа Спасителя, вѣрующій становится въ одинъ духъ съ Господомъ, отождествляется съ Нимъ. Такимъ образомъ, Христосъ водворяется въ душѣ вѣрующихъ со всѣми благодатными дарами Духа Своего.

Чтобы достигать такой сообразности съ Господомъ и входить съ Нимъ во внутреннее общеніе, для сего необходимо познаніе Господа, размышленіе о Его любви къ человѣку и молитва. Познаніе открываетъ божественныя свойства нашего Спасителя,—размышленіе углубляетъ ихъ разумѣніе,—молитва приближаетъ насъ къ Нему и открываетъ нашу душу для благодатнаго Его воздѣйствія. Такъ зараждается, развивается и усовершается любовь вѣрующаго ко Христу нашему Спасителю. Любовь эта должна главенствовать надъ всѣми родами любви земной. *Иже любитъ отца или матерь, паче Мене*, сказалъ Самъ Господь, *нѣсть Мене достоинъ; и иже любитъ сына или дщерь паче Мене, нѣсть Мене достоинъ* (Мѳ. 10, 37.).

Такъ выясняется ученіе о главенствѣ Христовомъ, какъ основное ученіе о спасеніи человѣка. *Сей есть камень, укоренный отъ васъ зиждущихъ*, говорилъ св. ап. Петръ въ обличеніе невѣрующаго Синедріона, *бывый во главу угла; и нѣсть ни о единомъ же иномъ спасенія. Нѣсть бо иного имене подъ небесемъ даннаго въ человѣцѣхъ, о немъ же подобаетъ спастися* (Дѣян. 4, 11, 12).

Такъ объясняется и отношеніе вѣрующихъ къ невидимой Главѣ, Господу нашему Іисусу Христу. Всѣ вѣрующіе, и пастыри и пасомые, всѣ одинаково объединяются во Христѣ, какъ радіусы въ своемъ центрѣ, всѣ пребываютъ въ благодатномъ общеніи съ Нимъ, *посредственно* чрезъ пастырей и таинства, совершаемыя пастырями, и *непосредственно*, чрезъ молитву и чувствованіе Его соприсутствія,—и всѣ одинаковыя

имѣютъ права участвовать въ благодатныхъ дарахъ Святаго Духа.

Отсюда выясняется и то, какъ необходимо всѣмъ членамъ Церкви Христовой возглавляться во Христѣ,—носить въ своемъ сознаніи живое представленіе о Его соприсутствіи намъ, по Его примѣру жить и Ему уподобляться,—чтобы такимъ образомъ быть во единъ духъ съ Господомъ.

Отсюда же выясняются и опредѣляются взаимныя отношенія какъ пастырей къ пасомымъ, такъ и пасомыхъ къ пастырямъ.

Въ чемъ заключается существо пастырскаго служенія? Если для участія въ Церкви и для спасенія вѣрующихъ необходима вѣра во Христа, какъ главу Церкви и уподобленіе Ему,—то, какъ само собою понятно, первѣйшая и существенная обязанность пастырей въ отношеніи къ пасомымъ состоитъ въ томъ, чтобы приводить ихъ ко Христу, утверждать въ ихъ умахъ мысль о главенствѣ Христовомъ и вводить ихъ въ благодатное общеніе съ Нимъ, научая ихъ *мудрствовать еже и во Христѣ Іисусѣ*.

Проходя это служеніе, и сами пастыри въ свою очередь должны возглавляться во Христѣ. Кромѣ общихъ всѣмъ вѣрующимъ добродѣтелей,—они, какъ пастыри, должны усвоять себѣ еще и духъ пастырскаго служенія Христова: *Азъ есмь пастырь добрый*, говоритъ Онъ земнымъ пастырямъ;—*пастырь добрый душу свою полагаетъ за овцы* (Іоан. 10, 11); т. е. усвоять себѣ духъ кротости, смиренія, долготерпѣнія къ пасомымъ, благости и любви, до готовности положить за нихъ душу свою. Все ихъ служеніе должно совершаться отъ имени небеснаго Пастыреначальника, по Его примѣру, Его благодатною силою и для Его пренебесной славы; забывая себя, въ Немъ одномъ они должны полагать начало, основаніе, продолженіе, конецъ и цѣль своей пастырской дѣятельности.

Подобнымъ образомъ опредѣляются и отношенія пасомыхъ къ своимъ пастырямъ. Вѣрою возглавляясь во Христѣ, какъ Главѣ Церкви, какъ единомъ и истинномъ Пастырѣ, они взираютъ на земныхъ пастырей, какъ на служителей Божіихъ, чрезъ которыхъ дѣйствуетъ, учитъ, священнодѣйствуетъ и правитъ самъ небесный Пастыреначальникъ Христосъ, и потому

по заповѣди Его (Лук. 10, 16), пріемлютъ ихъ во имя Христово, во имя же Христово оказываютъ имъ послушаніе и окружаютъ ихъ своимъ вниманіемъ и почитаніемъ. При такомъ воззрѣніи вѣры чрезъ земныхъ пастырей къ небесному Пастыреначальнику, ни высокоименитые пастыри ничего не прибавятъ къ ученію и тайнодѣйствію, ни незнатные, смиренные и худородные, ничего не убавятъ отъ Христова ученія и Христовой благодати.

Такъ главенствомъ Христовымъ утверждаются должныя отношенія между пасомыми и пастырями.

При такихъ отношеніяхъ какъ пастыри служатъ истинными орудіями Христа, приводя пасомыхъ въ живое отношеніе къ Нему, такъ и сіи послѣдніе, почитая пастырей, какъ служителей Христовыхъ, утверждаются прямо во Христѣ, и такимъ образомъ Христосъ является дѣйствительнымъ Главою для тѣхъ и другихъ, основаніемъ и послѣднею цѣлію ихъ дѣятельности и жизни, а потому и благодать Его, не задерживаемая Его орудіями, обильно сообщается всѣмъ вѣрующимъ.

Но вѣра, какъ явленіе нравственной свободы, подлежитъ законамъ развитія, можетъ усовершаться и возвышаться въ силѣ и достоинствѣ,—можетъ извращаться или погасать до совершеннаго безвѣрія; поэтому она требуетъ внимательнаго и заботливаго попеченія о себѣ.

Въ необходимой связи съ достоинствомъ вѣры стоитъ и достоинство пастырскаго служенія. Если вѣра пастыря ясно представляетъ образъ вѣруемаго, т. е. если пастырь ясно сознаетъ и держитъ предъ собою совершеннѣйшій образецъ Христова пастырства и руководствуется имъ,—то несомнѣнно въ своемъ пастырскомъ служеніи онъ можетъ достигнуть высокой степени уподобленія своему первообразу,—можетъ пріобрѣсти силу дѣйственнаго ходатайства за людей, быть посредникомъ между Богомъ и людьми, проводникомъ благодати Божіей съ неба на землю. Если же вѣра въ пастырѣ не развивается и не совершенствуется,—а тѣмъ паче, если угасаетъ отъ порочной жизни,—то, какъ само собою понятно, и пастырское служеніе утрачиваетъ свою силу и значеніе; пастырь безъ вѣры, или пастырь порочный, оскорбляетъ свое служеніе, убиваетъ чувство вѣры въ пасомыхъ, препятствуя ихъ мысли обращаться

ко Христу, а ихъ сердцамъ раскрываться для принятія Его благодати,—кратко, такой пастырь не привлекаетъ къ Церкви, а отгоняетъ отъ нея. Но кромѣ оскудѣнія вѣры, можетъ быть еще и извращеніе ея. Такъ, если пастыри по вѣрѣ во Христа ревнуютъ о Его славѣ, но безъ должнаго усвоенія духа Его человѣколюбія,—то они ниспадаютъ въ область земныхъ или плотскихъ воззрѣній. Такую ревность Господь осудилъ въ лицѣ своихъ учениковъ Іакова и Іоанна, просившихъ у Него позволенія низвести огонь на самарянское селеніе, не принявшее Его. *Не вѣсте, коего духа есте вы*, сказалъ имъ Господь, *Сынъ бо человѣческій не пріиде душъ человѣческихъ погубити, но спасти* (Лук. 9, 54, 55). Подобнымъ же образомъ, пастыри впадаютъ въ плотской образъ представленій о своемъ служеніи, когда свои духовныя права и преимущества смѣшиваютъ съ видами земнаго господства и властвованія; примѣръ чего представляютъ тѣ-же ученики Господа, когда просили у Него первыхъ мѣстъ въ царствіи небесномъ. Господь осудилъ такой плотскій образъ представленій о духовной власти, говоря всѣмъ ученикамъ, а въ лицѣ ихъ и всѣмъ пастырямъ: *вѣсте, яко князи языкъ господствуютъ ими, и велицыи обладаютъ ими. Не такоже будетъ въ васъ: но, иже аще хощетъ въ васъ вящшій быти, да будетъ вамъ слуга, и иже аще хощетъ въ васъ быти первый, буди вамъ рабъ; яко же Сынъ человѣческій не пріиде да послужатъ Ему, но послужити, и дати душу свою избавленіе за многихъ* (Мѳ. 20, 25—28). Подобнымъ же образомъ, пастыри ниспадаютъ съ высоты истинной вѣры въ плотской образъ мыслей, когда преувеличенно смотрятъ на свои благодатныя права и преимущества,—и презрительно на невѣжество и простоту народа,—какъ это мы видимъ въ примѣрѣ іудейскихъ вождей, осужденныхъ Господомъ. Когда слуги архіерейскіе, посланные взять Іисуса Христа во храмѣ, не привели Его по той причинѣ, что они увлечены были Его проповѣдью,—фарисеи, говоря имъ въ отвѣтъ, высказали слѣдующее высокое мнѣніе о себѣ и презрительное—о народѣ: *еда кто отъ князь вѣрова въ Онь, или отъ фарисей? Но народъ сей, иже не вѣстъ закона, прокляти суть* (Іоан. 7, 46—49). Господь съ силою обличалъ такое самомнѣніе фарисеевъ, грозя имъ за

то горемъ. *Горе вамъ законникомъ, яко взясте ключъ разумѣнія*; *сами не внидосте и входящимъ возбранисте* (Лук. 11, 52). Подобнымъ же образомъ впадаютъ въ плотской образъ мыслей и тогда, когда вмѣсто того, чтобы вводить пасомыхъ въ живое общеніе съ Господомъ,—останавливаютъ ихъ вниманіе на себѣ, на своихъ преимуществахъ и полномочіяхъ, приводятъ ихъ прежде всего къ общенію съ собою, въ полной увѣренности, что чрезъ это общеніе пасомые потомъ войдутъ въ общеніе съ Самимъ Господомъ и получатъ спасеніе. Примѣры такихъ плотскихъ воззрѣній были во времена Апостоловъ (см. 1 Кор. 1—3 гл. Гал. 5 гл.). Въ обличеніе такого рода неправыхъ воззрѣній св. ап. Павелъ внушалъ пастырямъ и проповѣдникамъ, чтобы они не присвояли себѣ самостоятельнаго значенія и какъ бы независимости отъ Господа,—чтобы не останавливали на себѣ и на своихъ достоинствахъ и преимуществахъ взоровъ слушателей, но все направляли во славу Господа,—и въ вѣрѣ и любви къ Нему вѣрующихъ имѣли свое утѣшеніе и свою награду. Такое внушеніе онъ даетъ въ той мысли, что Богъ для сообщенія людямъ своей божественной мудрости и для явленія своей силы избралъ не мудрецовъ и сильныхъ міра сего, но худородныхъ, немощныхъ и простецовъ, и ими посрамилъ людей вѣка сего, считающихъ себя и мудрыми, и сильными, и значущими; — чтобы такимъ образомъ никакая плоть не хвалилась предъ Господомъ,—но чтобы *всякій хвалящійся хвалился о Господѣ* (1 Кор. 1, 27—31). Раскрывши эту общую основную мысль, Апостолъ указываетъ затѣмъ на собственный примѣръ. Будучи въ Коринѳѣ въ немощи, въ страхѣ и въ великомъ трепетѣ, Апостолъ не прибѣгалъ къ какимъ-нибудь человѣческимъ, искусственнымъ мѣрамъ, чтобы поднять себя въ глазахъ слушателей и привлечь ихъ вниманіе къ проповѣди о крестѣ Христовомъ,—для іудеевъ служившей соблазномъ, а для еллиновъ казавшейся безуміемъ, — но предлагалъ ее въ простотѣ слова, и „въ явленіи духа и силы“, — съ тою преднамѣренною цѣлію, чтобы вѣра слушателей утверждалась не на мудрости человѣческой, а на силѣ Божіей (1 Кор. 2, 1—5). И такъ по мысли Апостола, пастыри Церкви должны всемѣрно заботиться о томъ, чтобы не останавливать на себѣ, на своихъ какихъ-либо

достоинствахъ, вниманіе пасомыхъ, но скорѣе умалять, смирять себя, и чрезъ то давать возможность пасомымъ прямо и непосредственно взирать вѣрою на Христа Спасителя, и так. обр. входить съ Нимъ въ живое и непосредственное общеніе.

Въ свою очередь и отношенія пасомыхъ къ пастырямъ, смотря по вѣрѣ, могутъ возвышаться, совершенствоваться и достигать полнаго и крѣпкаго единенія съ пастырями, — могутъ и ниспадать, извращаться и доходить до открытой вражды и отпаденія отъ пастырей въ ересь и расколъ. Такъ, если вѣра пасомыхъ совершенствуется познаніемъ любви Божіей къ человѣку, опытами внутренней жизни, чувствомъ соприсутствія Христова,—то, несомнѣнно, такая вѣра приводитъ пасомыхъ къ разумному, сознательному послушанію пастырямъ, къ крѣпкому съ ними единенію и любвеобильному общенію. Но, не говоря уже о безвѣріи,—и эта вѣра можетъ извращаться и ниспадать въ область плотскихъ воззрѣній. Такъ, если вмѣсто того, чтобы возводить свои взоры отъ пастырей земныхъ, какъ служителей Божіихъ, къ Самому Христу, какъ Главѣ Церкви верховному Пастырю,—пасомые будутъ останавливать свои духовные взоры только на своихъ пастыряхъ, на ихъ личныхъ достоинствахъ, напр. краснорѣчіи, дарованіяхъ ума, знатности происхожденія, важности мѣста, величіи сана и т. под., какъ будто эти достоинства сами по себѣ придаютъ особенное значеніе ихъ служенію, возвышаютъ мудрость проповѣди и усугубляютъ благодать тайнодѣйствій,—въ то же время будутъ съ пренебреженіемъ относиться къ другимъ, не столь знатнымъ и славнымъ пастырямъ,—въ такомъ случаѣ они стали бы ниспадать изъ области вѣры въ плотской образъ мыслей, уже противный истинному духу Христову. Подобный случай былъ въ церкви Коринѳской, основанной св. ап. Павломъ. Коринѳскіе христіане въ дѣлѣ проповѣди, придавая особенное значеніе личнымъ достоинствамъ проповѣдниковъ, раздѣлились на партіи, изъ которыхъ каждая называлась именемъ того проповѣдника, который казался ей наиболѣе знаменитымъ и достойнымъ почтенія; даже имя Христово понято было въ такомъ же плотскомъ смыслѣ, какъ имя наиболѣе важное и послужило прикрытіемъ партіи. Одинъ говорилъ: я—Кифинъ; другой—я Павловъ; третій—я Аполлосовъ, четвертый—а я Христовъ. Въ

такомъ образѣ мыслей проповѣдникамъ Евангелія придавалось нѣкотораго рода самостоятельное значеніе, нѣкоторая независимость отъ Христовой благодати,—какъ будто бы проповѣдники своими достоинствами придавали проповѣди больше значенія и силы, чѣмъ сколько она имѣетъ сама по себѣ и по дѣйствію Духа Божія. Почему Апостолъ, назвавъ Коринѳянъ *плотскими*, для вразумленія ихъ писалъ: *развѣ Павелъ распялся за васъ? или во имя Павла вы крестились? Кто Павелъ? кто Аполлосъ? Они только служители, чрезъ которыхъ вы увѣровали и при томъ по скольку каждому далъ Богъ. Я насадилъ, Аполлосъ поливалъ, но возрастилъ Богъ. Посему и насаждающій и поливающій есть ничто, а все Богъ возращающій* (1 Кор. 1, 13; 3, 5—7).

Такимъ образомъ въ жизни Церкви соблюдается свобода отношеній, которая въ основѣ своей держится на вѣрѣ въ главенство Христово, а въ развитіи совершенствуется, при помощи благодати Божіей, познаніемъ и усиліями воли.

Отсюда становится понятнымъ, что какъ для пастырей въ ихъ служеніи, такъ и для пасомыхъ въ ихъ отношеніяхъ къ пастырямъ, столь же свойственно ниспадать въ плотской образъ мыслей, какъ вообще свойственно человѣку недоумѣвать, заблуждаться и грѣшить. Особенно близка эта опасность пастырямъ церкви. Отъ простаго пресвитера до высшаго іерарха,—каждому всегда предстоитъ искушеніе увлечься своими духовными правами и преимуществами, преувеличить значеніе ихъ въ дѣлѣ спасенія людей, и ревновать объ ихъ поддержаніи и распространеніи,—и нужна большая осторожность и внимательность къ себѣ, чтобы устоять противъ этого искушенія. Одно только можетъ и должно предохранять пастыря,—это именно ясное представленіе объ истинномъ духѣ Христовомъ, духѣ Его человѣколюбія. Сынъ человѣческій приходилъ не погублять души, но спасать, не да послужатъ Ему, но послужити и дати душу свою избавленіе за многихъ.

Таково, по нашему убѣжденію, православное ученіе о главенствѣ Христовомъ. Оно такъ важно во всей своей совокупности, что въ немъ нельзя поступиться ни одною составною частью, ни одною частною мыслію; съ измѣненіемъ ученія

послѣдуетъ измѣненіе въ самомъ строѣ внутренней церковной жизни,—какъ это мы и видимъ въ латинской церкви.

Въ латинской Церкви, къ которой мы теперь переходимъ, ученіе о главенствѣ Христовомъ, дѣйствительно, такъ измѣнено, что это измѣненіе отражается на всемъ строѣ ея церковной жизни. То, что мы назвали ниспаденіемъ въ область плотскихъ воззрѣній,—то именно совершилось въ ней и повело къ тѣмъ послѣдствіямъ, которыя при семъ были неизбѣжны и логически необходимы.

Въ латинской Церкви хотя и признается главенство Христово, но на самомъ дѣлѣ его нѣтъ; оно перешло въ главенство папы, и оказывается устраненнымъ, излишнимъ, недѣйствующимъ. Папа есть *намѣстникъ Христа*, или, какъ выражаются сами папы, *намѣстникъ Бога на землѣ* (папа Иннокентій III). Это слово *намѣстникъ* понимается латинскою Церковію, т. е. самими папами, наукой и журналистикой, въ самомъ широкомъ и исключительномъ смыслѣ. Христосъ, покидая міръ, вмѣсто Себя оставилъ ап. Петра *со всей полнотой своей власти*, а ап. Петръ, оставляя міръ, въ свою очередь передалъ эту полноту власти своимъ преемникамъ въ Римѣ, папамъ. Такъ преемственно продолжается на землѣ *намѣстничество Христово*, или же по выраженію папъ, *намѣстничество Божіе*. Папа не служитель только Божій, не домостроитель таинъ Божіихъ, какъ ап. Павелъ именовалъ себя и другихъ Апостоловъ, но обладатель всей Христовой власти, продолжатель на землѣ дѣла Христова, какъ бы Самъ Христосъ, видимый Спаситель. „Какъ Христу по воскресеніи дана власть на небеси и на земли, такъ и папѣ безусловно принадлежитъ власть свѣтская и духовная“,—возвѣщаетъ міру папа Иннокентій III (въ буллѣ Novit). „Всѣ крещеные суть подданные папы и подлежатъ его суду“, говоритъ папа Бонифацій VIII. „Съ каждымъ папою Христосъ пребываетъ *вполнѣ* и *совершенно* въ таинствѣ и авторитетѣ,“—учитъ Ѳома Аквинатъ. Въ папѣ продолжается Боговоплощеніе, или соединеніе божества съ человѣчествомъ, занимающее средину между соединеніемъ *ипостаснымъ* и *нравственнымъ*, учатъ новѣйшіе богословы (напр. Диринґеръ [1]). Папѣ вручены ключи царствія не-

[1]) Kath. Dogmatik von Dieringer, p. 514—515.

беснаго. Какъ распорядитель небесной сокровищницы папа простираетъ свои дѣйствія не только на живыхъ, но и на умершихъ; посредствомъ индульгенцій онъ восполняетъ грѣшнымъ людямъ ихъ недостатки въ добрыхъ дѣлахъ, сокращаетъ сроки ихъ посмертнаго очищенія въ чистилищномъ огнѣ и вводитъ ихъ въ рай. Кратко, папа, за отсутствіемъ Христа Спасителя, есть полновластный управитель Его св. Церковію. Самъ Христосъ поставилъ его за Себя, поэтому къ нему нужно относиться такъ, какъ бы относились къ Самому Христу, если бы Онъ оставался на землѣ [1]), проповѣдуетъ римская газета Цивильта. Таково ученіе о намѣстничествѣ папы.

И такъ, папа есть глава церкви въ собственномъ и буквальномъ смыслѣ, какъ намѣстникъ Христовъ. Всѣ католики возглавляются въ немъ, — сперва епископы, а за ними—ихъ паствы. Катихизисъ Дегарбэ учитъ: „единство и порядокъ въ церкви сохраняется тѣмъ, что каждый вѣрующій находится въ подчиненіи у своего приходскаго священника,—всѣ священники—у своего епархіальнаго епископа, а всѣ епископы—у св. отца—папы“. Такимъ образомъ латинская Церковь представляетъ законченное пирамидальное зданіе: нижніе слои составляетъ народъ, средину—іерархія, вершину—папа. Но эта то именно видимая цѣльность и законченность нарушаетъ и подавляетъ внутреннюю жизнь латинской церкви.

Прежде всего у католика нѣтъ истинной вѣры во Христа и не можетъ быть: взоры его вѣры обращены на папу, какъ на Христова намѣстника, имъ задержаны и на немъ остановлены. Папа замѣняетъ католику Христа, папа служитъ для него посредникомъ предъ Богомъ, папа обѣщаетъ и даетъ ему спасеніе,—чего же еще нужно? что прибавлять къ этому? Зачѣмъ крестьянинъ будетъ обращаться къ владѣтелю имѣнія, живущему въ чужихъ краяхъ, когда въ имѣніи живетъ управляющій, снабженный отъ владѣтеля всѣми полномочіями? Такъ и католику—зачѣмъ обращаться ко Христу, когда полнота Его власти почиваетъ на папѣ? Правда, католика учатъ вѣрить, „что Іисусъ Христосъ есть истинный Богъ“, но эта вѣра

---

[1]) Janus, стр. 43, гдѣ приводится и самый текстъ изъ Цивильты на италіанскомъ языкѣ, p. 259.

ему дозволяется только для того, чтобы имѣть увѣренность въ томъ, что „Его божественный авторитетъ пребываетъ въ Церкви въ лицѣ папы“, — т. е. ему дозволяется вѣрить въ божество Іисуса Христа на столько, на сколько это нужно, чтобы успокоиться въ папѣ. Такимъ образомъ, и въ самой вѣрѣ опять главенствуетъ папа; онъ есть мѣрило истины. Поэтому, если бы даже католикъ и захотѣлъ должнымъ образомъ, т. е. свободно и по убѣжденію, вѣровать во Христа, онъ не можетъ этого сдѣлать; онъ долженъ вѣровать во Христа такъ, какъ позволяетъ папа, и подражать Ему такъ, какъ попускаетъ папа. Католикъ взираетъ на Христа только очами папы. Въ Церкви латинской нѣтъ объективной истины, а есть личная — папы. Истиной Христовой католикъ не можетъ повѣрять папу, — а напротивъ папой повѣряетъ истину Христову [1]). Всякое поползновеніе сличать образъ папы съ образомъ Христа въ Евангеліи клеймится проклятіемъ, какъ поползновеніе протестантское, дерзновенное, еретическое,—и въ прежнія времена наказывалось инквизиціей и сожженіемъ на кострѣ. Такъ погибли ревнители Евангелія Гусъ, Іеронимъ пражскій, Савонарола и под.

Вмѣстѣ съ вѣрою утрачивается внутреннее подвижничество нашего духа. Христосъ, какъ мы выше раскрыли, соприсутствуетъ намъ невидимо, для того, чтобы мы взирали на Него очами вѣры. Православные такъ и понимаютъ это; сообразно съ этимъ такъ и располагаютъ образъ своихъ мыслей и чувствованій. Для католика, напротивъ, Христосъ замѣненъ видимостію; въ папѣ онъ видитъ продолжателя Христа, Его пре-

[1]) Католики обречены на религіозное невѣжество.—Въ своихъ комментаріяхъ папа Инокентій III писалъ: «для мірянъ довольно знать, что есть Богъ, награждающій всѣхъ добрыхъ, а въ остальномъ implicite подразумѣвательно вѣровать всему, во что вѣруетъ Церковь. Напротивъ, епископы и исповѣдники должны отчетливо знать члены апостольскаго исповѣданія; прочимъ же духовнымъ, если они не особенно даровиты, — довольно знать столько же, сколько и міряне, развѣ только съ прибавленіемъ того, что въ таинствѣ причащенія предлагается тѣло Христово (corficitur, gesetzt werde) Commentar in Decr. f. 2. Отсюда естественно, что мірянамъ запрещается читать библію на родномъ языкѣ и вести бесѣды частно или публично о дѣлахъ вѣры. Буллою Александра IV они подпадали за это церковному отлученію, а оставаясь годъ подъ онымъ, могли быть притянуты къ инквизиціи (Sext. Dec. 5, 2.) Janus p. 176.

емника, намѣстника, полномочнаго замѣстителя. Какъ Апостолы вѣровали во Христа, что Онъ есть Сынъ Бога живаго, и за это они названы блаженными; такъ и католики вѣруютъ въ папу, что въ немъ пребываетъ Божественный авторитетъ со всею полнотою Христовой власти, и за это получаютъ спасеніе. Слѣдовательно, всякая истина познается и пріобрѣтается не внутренними усиліями вѣры, не внутреннимъ подвигомъ, а внѣшнимъ образомъ, такъ сказать, приложеніемъ папскаго штемпеля. Гдѣ папа—тамъ истина, папа—мѣрило истины.

Вслѣдствіе такого отношенія ко Христу католика, онъ не можетъ должнымъ образомъ уподобляться Христу и входить въ сообразность съ Нимъ, потому что католикъ не можетъ понять и усвоить себѣ духъ человѣколюбія Христова. Если онъ будетъ взирать на Христа только сквозь призму папизма, онъ никогда не увидитъ образа Христова въ цѣльности, но всегда въ разложеніи на радужные цвѣта. Католикъ слышитъ проповѣдь о Христѣ, о Его жизни, о Его совершенствахъ, но никогда не услышитъ рѣчи о чрезвычайной и всеобъемлющей любви Его къ человѣку, въ той силѣ, въ какой это нужно, чтобы подорвать латинскую нетерпимость и фанатизмъ. Христосъ не понятъ въ Римѣ, и никогда не можетъ быть понятъ, пока тамъ живетъ Его намѣстникъ, въ которомъ нѣтъ соотвѣтствія образу Христа; настоящее пониманіе духа Христова потребовало бы измѣненія въ Его отображеніи, въ папѣ.

Когда, такимъ образомъ, вѣра во Христа не можетъ быть центральною добродѣтелью католика,—ея мѣсто заняла добродѣтель спеціально *латинскаго характера*—это *рабское послушаніе*. Папа—непогрѣшимое правило вѣры; надо принимать все, чему онъ учитъ, къ чему обязываетъ вѣровать, что выдаетъ за догматъ. *„Церковь есть рабыня папы“*—вотъ классическое выраженіе сущности папизма (Каэтанъ). „Церковь должна принимать всякое ученіе, какое папѣ угодно будетъ предписать ей,—учитъ знаменитый Беллярминъ;—о какомъ нибудь изслѣдованіи не можетъ быть и рѣчи; безъ всякихъ разсужденій, не смотрѣвши, Церковь должна вѣрить, что все, чему учитъ папа, безусловно истинно, что повелѣваетъ—безусловно хорошо, что запрещаетъ—безусловно худо и вредно.

Если бы даже папа точно погрѣшилъ (напр. предписалъ грѣхъ и осудилъ добродѣтель); то и тогда Церковь обязана считать грѣхъ за благо, а добродѣтель за зло, если она не хочетъ идти противъ своей совѣсти [1]). Поэтому, если папа разрѣшаетъ подданныхъ отъ присяги государю (на что по Беллярмину, онъ имѣетъ полное право), то Церковь должна вѣрить, что совершаетъ нѣчто доброе, и каждый христіанинъ долженъ считать за грѣхъ оставаться вѣрнымъ и послушнымъ своему государю [2]). Тотъ же богословъ разсуждаетъ о Соборахъ, что со стороны ихъ это была извращенная притязательность—подвергать изслѣдованію и одобренію папскія рѣшенія въ дѣлахъ вѣры.—Епископъ Корнелій Муссо битонскій проповѣдывалъ въ Римѣ: „что̀ говоритъ папа, то мы должны принимать, какъ если бы это говорилъ Самъ Богъ. Въ дѣлахъ божественныхъ мы считаемъ его Богомъ; и въ таинствахъ вѣры я повѣрилъ бы одному папѣ болѣе, чѣмъ тысячамъ Августиновъ, Іеронимовъ, Григоріевъ“ [3]). О. Шмитцъ въ своей брошюркѣ о непогрѣшимости папы, изданной въ свѣтъ для приготовленія читателей къ принятію новаго догмата, — пишетъ: „Церковь стоитъ тѣмъ, что Спаситель далъ главу, которой всѣ члены ея въ нисходящемъ порядкѣ обязаны непосредственнымъ и посредственнымъ послушаніемъ. Слѣдовательно *сверху внизъ только права, снизу верхъ только обязанности*. Такое *послушаніе* образуетъ единство и сохраняетъ порядокъ“ [4]). Это послушаніе мы назвали спеціально латинскою добродѣтелью, потому что только въ латинской Церкви оно доводится до той крайности, когда попираются всѣ права человѣка-христіанина, когда отнимается у него разумъ, и онъ лишается свободы. И въ восточной Церкви послушаніе цѣнится высоко, какъ одна изъ высшихъ добродѣтелей, но оно понимается, какъ воспитательное средство, какъ лучшій и совершеннѣйшій путь къ иско-

[1]) «Si autem papa erraret praecipiendo vitia, vel prohibendo virtutes, teneretur Ecclesia credere vitia esse bona et virtutes mala, nisi vellet contra conscientiam peccare». De Rom. Pontif. 4, 5, ed. Paris 1643 p. 456.—Janus p. 414—415.

[2]) Janus 415.

[3]) Conciones in ep. ad Romanos p. 606. Janus p. 404.

[4]) Stimmen aus der Kath. Kirche. Ist der Papst persönlich unfehlbar?—von Schmitz, 1870 г. стр. 111.

рененію въ человѣкѣ грѣховной воли, упрямства, своенравія и самомнѣнія,—и въ то же время, какъ превосходное средство къ насажденію и укорененію въ душѣ добрыхъ расположеній: смиренія, незлобія, самоотверженія и вообще всѣхъ добрыхъ навыковъ. Въ латинской же церкви послушаніе есть средство держать христіанина всегда въ состояніи дѣтства и постоянной зависимости отъ церковной власти. Въ орденѣ іезуитовъ,—этомъ, такъ сказать, сконцентрированномъ латинствѣ,—*послушаніе* практикуется какъ средство подавить въ душѣ человѣка сознаніе различія между добромъ и зломъ и сдѣлать его слѣпымъ орудіемъ чужой воли, всегда готовымъ какъ на добро, такъ и на зло“ [1]).

Этою добродѣтелію опредѣляются и взаимныя отношенія пастырей и пасомыхъ латинской Церкви. Какъ православные пастыри должны приводить ко Христу всѣхъ вѣрующихъ; такъ латинскіе пастыри должны всѣхъ приводить къ покорному и безусловному *послушанію* папѣ,—намѣстнику Христову. Утративъ свои древнія права и ставши къ папѣ въ отношенія подчиненія, какъ пресвитеры къ своимъ епископамъ, — латинскіе епископы предъ своимъ посвященіемъ даютъ папѣ присягу, въ которой обѣщаются „защищать, пріумножать и распространять права, почести, преимущества и авторитетъ св. римской церкви, государя нашего папы и преемниковъ его“, а вмѣстѣ съ симъ „еретиковъ, схизматиковъ и противящихся папѣ сколько возможно гнать и преслѣдовать“. Послѣ такой присяги все пастырское служеніе епископовъ будетъ состоять въ томъ,—чтобы эти обязательства передать пасомымъ и наблюдать за ихъ усерднымъ выполненіемъ. Для чего они должны развить въ пасомыхъ представленіе о величіи и высокомъ достоинствѣ папы и утвердить ихъ въ мысли, что папа есть намѣстникъ Христовъ, и что безъ него нѣтъ Церкви и нѣтъ спасенія,—а

[1]) Obedientia tum in executione, tum in voluntate, tum in intellectu sit, in nobis semper omnia ex parte perfecta, omnia justa esse nobis persuadendo, omnem sententiam ac judicium nostrum contrarium cacca quadam obedientia abnegendo. Jnstit. Soc. Jesu. Prag. 1757. 1408.—47 правило Игнатія Лойолы для іезуитовъ гласитъ: Tu debes esse machina in manibus praepositi tui, non potes habere voluntatem suam, rationem, vim, omnes haec res debent laborare pro majore gloria Dei.—Obedientia sancta est, et debet esse sine interrogatione.

вмѣстѣ съ симъ—породить, развить и укрѣпить чувство ненависти, вражды и нетерпимости къ еретикамъ и схизматикамъ. По тому и другому предмету заботъ пастырей увлеченіе съ ихъ стороны, какъ знакъ усердія, какъ плодъ благочестиваго настроенія, не только естественно, но и желательно и спасительно. Чѣмъ ревностнѣе выполняются епископами ихъ обязательства, чѣмъ болѣе усердія въ данномъ направленіи, тѣмъ тверже единство латинской церкви, тѣмъ полнѣе ея жизнь. Отсюда легко объясняется, какимъ образомъ ревнители папства, какъ напр. Беллярминъ, могли дойти до такой дерзости, что папу называли *Вице-Богомъ* на землѣ,—равно объясняется и то, почему такіе типы религіознаго фанатизма, какъ Игнатій Лойола, Петръ Арбуэзъ, Іоасафатъ Кунцевичъ и под. могутъ быть чтимы какъ святые, — т. е. именно потому, что они суть представители латинской добродѣтели, религіозной *ревности*. — Такъ выясняется вторая добродѣтель латинской Церкви—именно *ревность* о папѣ, которая, при невозможности католика понять чистый образъ Христа и усвоить духъ Его человѣколюбія,—во всѣхъ истыхъ католикахъ переходитъ въ *фанатизмъ*. На этомъ основаніи, настоящій папизмъ, нормальный, вѣрный своей идеѣ,—есть папизмъ римскій, ультрамонтантскій, или, точнѣе, іезуитскій. Папизмъ же спокойный, равнодушный, терпѣливый, уже измѣняетъ своей идеѣ и не есть настоящій папизмъ; если онъ не граничитъ съ индифферентизмомъ въ вѣрѣ или съ безвѣріемъ, онъ приближается къ православію. Въ томъ и другомъ случаѣ онъ не можетъ быть одобренъ въ Римѣ,—и потому, когда мы говоримъ о папизмѣ, мы вездѣ разумѣемъ папизмъ, какой идетъ изъ Рима.

Перейдемъ теперь къ разсужденію относительно главы латинской церкви—папы и спросимъ: какая въ немъ центральная добродѣтель, которою опредѣляются его отношенія какъ къ невидимой Главѣ Христу, такъ и ко всѣмъ сынамъ латинской церкви? Безъ сомнѣнія, вѣра; она должна быть живымъ началомъ въ его сознаніи, опредѣляющимъ его отношенія и дѣятельность. Но этотъ отвѣтъ не разрѣшаетъ всѣхъ возникающихъ при семъ недоумѣній. Папа не простой пастырь, какъ мы понимаемъ по православному положеніе нашего епископа;—папа—намѣстникъ Бога,—носитель всей полноты Христовой вла-

сти,—лице, въ которомъ продолжается Боговоплощеніе,—т. е. Духъ Святый пребываетъ въ соединеніи, среднемъ между *ипостасным*ъ и *нравственным*ъ. Какъ такое лицо, онъ долженъ носить въ себѣ сознаніе своихъ полномочій и своей чрезвычайной Боговдохновенности. Какъ же вѣра будетъ относиться къ такому сознанію? Нужно помнить, что вѣра есть дѣло свободы и внутренняго подвига; она можетъ колебаться, возвышаться и упадать. Поэтому, если мы признаемъ ее основаніемъ служенія папы и его отношеній ко всему католическому міру,—какъ это мы признаемъ въ нашихъ православныхъ пастыряхъ, то тѣмъ самымъ мы признаемъ въ немъ возможность колебаній въ вѣрѣ, т. е. возможность высокаго подъема ея и возможность глубокаго упадка во тьму невѣрія и заблужденій,—какъ опять признаемъ эту возможность въ нашихъ пастыряхъ. Но по теоріи папизма этого признать никакъ нельзя; въ такомъ случаѣ папа былъ бы низведенъ въ рядъ обыкновенныхъ пастырей, облеченныхъ епископскимъ саномъ; въ немъ ничего бы не было великаго и чрезвычайнаго. Но папа—намѣстникъ Христа;—благодать его первосвященства дѣйствуетъ въ немъ и помимо его вѣры, всею полнотой Христовой власти,—всею силою Духа Божія;—иначе погибло бы священство на землѣ. Поэтому въ отвѣтъ на предложенный нами выше вопросъ—объ основной добродѣтели папы—надо идти не отъ вѣры, а отъ его сознанія обитающихъ въ немъ даровъ. Вѣра можетъ существовать и дѣйствовать въ папѣ въ его частной жизни,—какъ его лично опредѣляющее начало; но въ оффиціальномъ его положеніи и служеніи одной вѣры мало,—даже ее можетъ и совсѣмъ не быть,—ибо не мало было папъ невѣрующихъ,—потребно нѣчто другое, болѣе дѣйствительное, болѣе неизмѣнное и твердое. Что же это такое? Если папѣ дарована полнота власти Христовой, если въ немъ обитаетъ и въ отправленіи имъ его верховныхъ обязанностей всегда дѣйствуетъ Духъ Святый и если къ этому прибавимъ, что эти полномочія и это дѣйствованіе Духа Святаго обнаруживаются тѣмъ сильнѣе и становятся тѣмъ благоплоднѣе, чѣмъ яснѣе сознаніе такой благодати,—то понятно, что центральную добродѣтель въ папѣ составляетъ именно это ясное сознаніе. Въ подъемѣ этого сознанія и заключается идеалъ папской добродѣтели и папскаго

величія. Такъ былс во Христѣ, подобное должно быть и въ его намѣстникѣ. Христосъ Спаситель носилъ въ Себѣ сознаніе своего Божественнаго величія, своего единосущія и равенства съ Богомъ Отцемъ. Такъ и Его намѣстникъ—папа носитъ въ себѣ сознаніе всей полноты Христовой власти и чувство обитанія въ немъ Духа Божія. Христосъ Спаситель взывалъ и взываетъ всему міру: *Азъ есмь свѣтъ міру* (Іоан. 8, 12); *Азъ есмь путь, истина и животъ* (14, 6), *и никто же пріидетъ ко Отцу, токмо Мною*, (14—6). Подобно и намѣстникъ Его объявляетъ всему міру, что свѣтъ истины сіяетъ только въ немъ; что въ его лицѣ непоколебимое и непогрѣшимое основаніе Церкви Христовой и потому только чрезъ признаніе его главенства и подчиненіе ему—возможно спасеніе для людей. Христосъ Спаситель, призывая къ себѣ людей, говоритъ: *пріидите ко Мнѣ вси труждающіися и обремененніи, и Азъ упокою вы* (Мѳ. 11, 28). Такъ и намѣстникъ Его папа зоветъ къ себѣ всѣ народы или чрезъ своихъ миссіонеровъ, или чрезъ свои посланія, обѣщая всѣмъ спасеніе въ лонѣ римской Церкви. Словомъ,—намѣстникъ Христовъ дѣйствуетъ съ полнымъ сознаніемъ своего званія—намѣстника. И исторія намъ свидѣтельствуетъ, что папы именно тогда и приближались къ идеалу своего служенія, когда собственное ихъ самосознаніе достигало наибольшей силы и высоты. Величіе такихъ папъ, какъ Николай I, Григорій VII, Иннокентій III, Бонифацій VIII, состояло именно въ чрезвычайномъ подъемѣ ихъ самосознанія.

Логически неизбѣжнымъ послѣдствіемъ такого самосознанія было и есть *стремленіе* къ *господству* и *ревность* о сознанныхъ полномочіяхъ. Папы не могли дѣйствовать по примѣру ап. Павла, раскрытому нами выше, т. е. умалять себя, чтобы тѣмъ яснѣе открывалась чрезъ нихъ сила Божія,—напротивъ, они поставили себя центромъ нравственно-религіознаго міра, и подчинили себѣ всю западную половину Церкви. Все, что имѣло въ себѣ признаки самостоятельности и свободы,—все было порабощено, подавлено, попрано. Самое главное и существенное изъ этого—похищена была у вѣрующихъ свобода ихъ во Христѣ,—свобода вѣры и жизни,—свобода живыхъ и непосредственныхъ отношеній къ невидимой Главѣ Церкви;—

вмѣстѣ съ этимъ ими утрачены были и права на участіе во всѣхъ благодатныхъ дарахъ Царствія Божія. Все было поглощено папою. Церковь, дѣйствительно, стала рабынею папы.

Чѣмъ выше, такимъ образомъ, поднималось самосознаніе папъ, и вмѣстѣ, чѣмъ болѣе права переходили съ Церкви на одно лице—намѣстника Христова,—тѣмъ сильнѣе возбуждалась въ нихъ забота объ охраненіи своихъ правъ и полномочій, и тѣмъ крѣпче, глубже и тверже укоренялся духъ истребительной *ревности*. Отсюда становится понятнымъ, почему такіе папы, какъ Иннокентій III, ополчали на еретиковъ католическіе народы и не находили въ томъ ничего противнаго истинному духу Христову; почему въ Римѣ радовались и благодарили Бога за Варѳоломеевскую ночь, о которой съ ужасомъ и отвращеніемъ повѣствуетъ исторія; почему папа Пій IX въ канонизаціи Петра Арбуэза и Іоасафата Кунцевича—освятилъ свирѣпый *фанатизмъ*. Все это дѣлалось и дѣлается потому, что *фанатизмъ* составляетъ существо духа и настроенія латинской церкви.

И такъ, главенствомъ папы, какъ мнимаго намѣстника Христова, извращается весь строй и складъ духовной жизни вѣрующихъ во Христа. Основныя начала христіанской жизни—вѣра во Христа и уподобленіе Ему, замѣнены другими спеціальными добродѣтелями, и не могутъ раскрываться въ ней во всей своей силѣ, и если раскрываются, то или какъ исключенія, или какъ несовершенныя добродѣтели, окрашенныя цвѣтомъ слѣпого послушанія и нехристіанской ревности.

Мы не судимъ и не смѣемъ судить папизмъ латинской церкви; но онъ уже осужденъ словомъ Божіимъ. Какъ мы видѣли,—самимъ Господомъ осуждены всѣ раскрытыя нами свойства папизма: его *господство и властвованіе*,—его духъ ложной *ревности*, его *самомнѣніе* и *присвоенная имъ монополія* знанія (см. выше стр. 42—4). Папизмъ, если подвести его подъ взглядъ ап. Павла на раздѣленіе коринѳянъ, осуждается имъ, какъ ниспаденіе съ высоты вѣры въ плотской образъ мыслей; ибо паписты, какъ раздѣлившіеся коринѳяне, говорятъ о себѣ: мы Петровы, какъ будто Петръ распялся за нихъ, или во имя Петрово они крестились. Этимъ образомъ мыслей всѣ вѣрующіе опять обращаются въ духовное рабство,

и хотя считаются вѣрующими во Христа, но въ существѣ дѣла, по выраженію того же Апостола, *остаются безъ Христа и отпадаютъ отъ благодати* (Гал. 5, 4).

Поэтому, если бы намъ, православнымъ, пришлось когда-нибудь входить съ латинами въ соглашеніе относительно соединенія Церквей, то, разумѣется, первымъ условіемъ такого соглашенія было бы отреченіе папы отъ незаконнаго и дерзновенно-присвоеннаго имъ названія намѣстника Христова въ исключительномъ смыслѣ.

II.

О непогрѣшимости Церкви.

Вторая разность въ ученіи о Церкви, существующая между нами и латинами, относится къ вопросу — о *непогрѣшимости Церкви*.

Мы уже касались этого предмета въ предшествующей статьѣ, когда говорили о главенствѣ папы; въ настоящей же статьѣ намъ придется заняться этимъ вопросомъ спеціально.

Въ латинскомъ изложеніи ученія о *непогрѣшимости Церкви* употребляются однѣ и тѣже слова и выраженія, какъ и у насъ, но, какъ свойственно всѣмъ неправомыслящимъ, въ нихъ влагаются иныя понятія, подъ ними подразумѣвается совершенно иной смыслъ. Когда латины говорятъ, что *Церковь непогрѣшима*, то подъ этимъ выраженіемъ разумѣютъ совсѣмъ не то, что мы представляемъ себѣ,—не Церковь въ ея совокупности, а римскаго епископа или *папу*,—на томъ основаніи, что въ немъ сосредоточивается вся жизнь Церкви, отъ него исходитъ и имъ держится *непогрѣшимость* всей Церкви.

Чтобы быть логическими и послѣдовательными въ своемъ изложеніи о семъ предметѣ, они совсѣмъ иначе, чѣмъ мы, ставятъ исходный вопросъ о *непогрѣшимости Церкви*. Вмѣсто вопросовъ о томъ, что разумѣть подъ *непогрѣшимостію Церкви*? въ какомъ смыслѣ Церковь называется хранительницею истины? чѣмъ обусловлено храненіе истины въ чистотѣ и неповрежденности? кто служитъ органомъ непогрѣшительнаго исповѣданія истины? вмѣсто этихъ вопросовъ—латинскіе богословы ставятъ вопросъ слѣдующаго рода: кому въ Церкви ввѣрено *непогрѣ-*

пастельное учительство [1])? Отвѣчая на этотъ вопросъ, они, такъ сказать, процѣживаютъ весь составъ Церкви, и одинъ за другимъ выдѣляютъ элементы погрѣшительные; сперва выдѣляютъ, такъ называемую, *церковь слушающую*, т. е. мірянъ всѣхъ сословій,—затѣмъ, разбирая составъ учащей церкви, выдѣляютъ изъ нея пресвитеровъ,—далѣе, хотя и съ большими оговорками и ограниченіями,—епископовъ, и такимъ образомъ доходятъ до главы латинской церкви—папы, который и оказывается искомой величиной;—одинъ папа, какъ вселенскій учитель, непогрѣшимъ.

Но съ такой постановкой вопроса согласиться нельзя. Учительство есть только часть въ данномъ вопросѣ; есть только одно изъ условій храненія истины въ Церкви, но не вся совокупность этихъ условій. Одно учительство не спасетъ истины,—какъ это мы видимъ въ исторіи Церкви ветхозавѣтной. Книжники не только не спасли Божіей истины, но при этомъ еще исказили и затмили ее. Такъ можетъ случиться и въ Церкви новозавѣтной. Слѣдовательно, вопросъ о непогрѣшимости Церкви слѣдуетъ взять во всей его совокупности. Поэтому мы утверждаемъ, что неправильна постановка вопроса, а отъ неправильно поставленнаго вопроса неправильно дается отвѣтъ, невѣрно ведется изслѣдованіе, и къ ложнымъ приходятъ выводамъ.

Латинское ученіе о непогрѣшимости папы получило законченность на ватиканскомъ соборѣ и выражено въ слѣдующемъ вѣроопредѣленіи, идущемъ отъ лица самого же папы: „твердо держась преданія, дошедшаго до насъ отъ начала Христовой вѣры, мы (разумѣй папа), съ согласія священнаго собора, во славу Бога Спасителя нашего, къ возвышенію католической религіи и ко спасенію Христіанскихъ народовъ, учимъ и объявляемъ, какъ Богомъ открытое вѣроопредѣленіе: что когда римскій папа говоритъ отъ своей каѳедры, (ex cathedra), т. е. когда, исполняя свое служеніе, какъ пастырь и учитель всѣхъ христіанъ, въ силу своей апостольской власти, опредѣляетъ, что такое-то ученіе относительно вѣры и нравственности должна

---

[1]) Такъ въ катихизисахъ, такъ и въ богословскихъ сочиненіяхъ. Мы имѣемъ подъ рукою сжатое и въ этомъ отношеніи образцовое латинское сочиненіе—проф. Рэма, изъ котораго беремъ изложеніе теоріи папской непогрѣшимости. Цитаты см. ниже.

содержать вся Церковь, то онъ, при божественной, обѣщанной ему въ лицѣ Петра, помощи, обладаетъ тою непогрѣшимостію, которою Божественный Спаситель благоволилъ надѣлить свою Церковь, для опредѣленія ученія относительно вѣры и нравственности, и что поэтому такія опредѣленія римскаго папы сами по себѣ, а не по согласію Церкви, неизмѣнны. А еслибы кто дерзнулъ, отъ чего да хранитъ Богъ, этому нашему опредѣленію противорѣчить, тотъ да будетъ анаѳема". 4 Засѣд. 4 гл.

Это краткое вѣроопредѣленіе есть сокращеніе многодневныхъ трудовъ цѣлаго собора, плодъ усердныхъ работъ многочисленныхъ комитетовъ и коммиссій, на которыя былъ раздѣленъ соборъ для разработки всѣхъ подробностей вопроса. Поэтому въ немъ каждое слово тщательно взвѣшено и съ какою-нибудь опредѣленною цѣлію придумано.

Изъ этого, такимъ образомъ, тщательно обдуманаго вѣроизложенія оказывается, что ученіе о непогрѣшимости папы основано на древнемъ преданіи, что вѣроопредѣленіе издается съ согласія священнаго собора, и что оно объявляется какъ Богомъ открытое вѣроопредѣленіе, ведущее къ возвеличенію церкви латинской и ко спасенію людей.—Но не слишкомъ ли много сказано,—и сказано неосторожно? Во всякомъ случаѣ, въ этомъ краткомъ опредѣленіи даетъ себя знать латинскій складъ мышленія и характеръ папизма.

Разсматривая это опредѣленіе, мы, во первыхъ, не принаемъ въ немъ ссылки на древнее преданіе о папской непогрѣшимости. Что преданіе о семъ предметѣ существовало въ церкви латинской, — это правда. Но образованіе церкви латинской мы относимъ не ранѣе, какъ къ IX вѣку, т. е. къ тому времени, когда открыто было заявлено ея стремленіе къ преобладанію [1]). Съ этого времени началось ея обособленіе отъ Церкви вселенской и развитіе на основахъ чисто латинскихъ. До IX-го же вѣка во вселенской Церкви рѣшительно не существовало и не могло существовать преданія о непогрѣшимости папы. Вселенская Церковь какъ тогда держалась, такъ и теперь держится одного начала: — не по *каѳедрѣ* судитъ о православіи лица,—а по православію судитъ о лицѣ и его вѣрности пра-

[1]) Объ этомъ предметѣ будетъ ниже особое изслѣдованіе. См. IV ст.

вославію [1]). IV Вселенскій Соборъ, прочитавши на одномъ изъ своихъ засѣданій посланіе папы св. Льва I, — посланіе, дѣйствительно замѣчательное по вѣрности изложенія догмата о соединеніи двухъ естествъ во Христѣ, тѣмъ не менѣе, прежде чѣмъ принять его, поручилъ особой коммиссіи провѣрить его, — и когда это было сдѣлано и затѣмъ доложено о православіи римскаго исповѣданія, оно принято было Соборомъ какъ голосъ, какъ исповѣданіе всей Церкви. Слѣдовательно, Соборъ вселенскій мыслился какъ власть высшая, чѣмъ римскій епископъ. Поэтому, ссылка на древнее преданіе есть ничто иное, какъ перенесеніе позднѣйшихъ взглядовъ латинской церкви на начальныя времена, которыя не знали этихъ взглядовъ.

Это обычная манера латинскихъ богослововъ — все свое позднѣйшее цѣликомъ приписывать древности.

Во вторыхъ, мы удивляемся въ этомъ опредѣленіи странному противорѣчію: непогрѣшимый папа издаетъ свое вѣроопредѣленіе съ согласія священнаго собора, но въ самомъ вѣроопредѣленіи отрицаетъ нужду въ согласіи церкви (т. е. больше чѣмъ собора) на признаніе непогрѣшимости и неизмѣнности будущихъ опредѣленій; ибо сказано: опредѣленія ученія, которое должна содержать церковь, неизмѣнны сами по себѣ, а не по согласію церкви. Выходитъ такъ, что при опредѣленіи своей непогрѣшимости, папа опирается на соборъ, — а въ будущемъ, — такъ какъ непогрѣшимость за нимъ уже утверждена, — онъ будетъ давать опредѣленія прямо отъ себя, безъ всякой ссылки на соборъ.

Въ третьихъ, опредѣленіе объявляется какъ Богомъ открытое. Значитъ-ли это, что оно теперь открыто Богомъ, или что оно выведено изъ откровенія Божія (изъ словъ, сказанныхъ апостолу Петру) и какъ выводъ возводится на степень Богооткровеннаго ученія? Въ первомъ случаѣ требуется доказать, что откровеніе вселенскихъ истинъ продолжается доселѣ и именно въ лат. церкви; а во-второмъ, — что выводъ изъ священнаго писанія сдѣланъ правильно, строго-логическій; но ни на то, ни на другое паписты не представляютъ неоспоримыхъ доказательствъ.

---

[1]) Окружное Посланіе единой святой и ап. Церкви Вост. Патр. Спб. 1850 г. стр. 16.

Въ четвертыхъ, опредѣленіе объявляется спасительнымъ для всѣхъ людей, а кто его не будетъ признавать, тотъ будетъ отлученнымъ и погибшимъ человѣкомъ. Но какимъ образомъ такая важная истина ведетъ людей ко спасенію—на это указанія нѣтъ. Впрочемъ это и не нужно,—какъ покажетъ намъ самое изслѣдованіе.

Въ составъ ватиканскаго опредѣленія входятъ слѣдующія понятія, которыя подлежатъ нашему изслѣдованію: 1) о *предметѣ* непогрѣшимости; 2) о *непогрѣшимости*, какъ дарѣ, которымъ надѣлена Церковь, 3) о выраженіи *ex cathedra*, какъ признакѣ и условіи непогрѣшимости и 4) объ апостольской власти, какъ основѣ непогрѣшимости.

1) *Предметъ непогрѣшимости.* Вопросъ о томъ: въ чемъ собственно состоитъ непогрѣшимость Церкви? православными богословами понимается и разрѣшается въ самомъ тѣсномъ и строгомъ смыслѣ,—собственно въ смыслѣ храненія истины отъ примѣси какой-либо лжи, или невѣрности, или односторонней исключительности. Истина дана намъ въ руководство ко спасенію,—дана всѣмъ людямъ, на всѣ времена. Катихизисъ, говоря о Божественномъ Откровеніи, учитъ, что „оно дано намъ для того, чтобы мы могли *право* и *спасительно* вѣровать въ Бога и *достойно* чтить Его". Очевидно, всякая примѣсь лжи и неправды вслѣдствіе какого-нибудь искаженія будетъ отражаться и на вѣрѣ въ Бога, и на почитаніи Его. Если Богъ для того открылъ намъ Себя, чтобы мы имѣли объ Немъ чистыя и совершенныя понятія и сообразно съ тѣмъ воздавали Ему почтеніе, достойное Его святости и Ему благопріятное; то изъ благоговѣнія къ Его величію и совершенствамъ, мы должны всемѣрно заботиться о томъ, чтобы преданную Имъ и для насъ спасительную истину блюсти въ чистотѣ, неповрежденности и полнотѣ, ничего отъ нея не убавляя, и ничего къ ней не прибавляя. Богословъ русской церкви, покойный митрополитъ Макарій, разсуждая о непогрѣшимости Церкви, пишетъ: „Предметъ непогрѣшимости Церкви составляютъ только истины божественнаго откровенія... Ученіемъ о непогрѣшимости церкви отнюдь не приписывается ей того, будто она получаетъ какія-либо новыя откровенія отъ Бога, а утверждается только, что она во всей цѣлости и истинности соблюдаетъ прежнее, изна-

чала завѣщанное ей откровеніе, и значитъ отнюдь не приписывается ей дара боговдохновенности, которымъ обладали св. Апостолы, а приписывается только соприсутствіе Св. Духа, предохраняющее ее отъ заблужденія [1]). Къ этому разумѣнію проф. Чельцовъ прибавляетъ отъ себя слѣдующее: „говоря, что уч. ie Церкви непогрѣшимо, мы не утверждаемъ ничего болѣе, какъ именно то, что оно неизмѣнно,—то же самое, какое было предано ей изначала, какъ ученіе Божіе“. Посему, все, что не имѣетъ основанія ни въ Священномъ Писаніи, ни въ Священномъ Преданіи, какъ напр. изслѣдованія археологическія, филологическія, историческія, экзегетическія, юридическія, соображенія философскія, или данныя естествовѣдѣнія,—все это, какъ плоды самодѣятельности человѣческаго разума, не составляетъ предмета непогрѣшимости Церкви, такъ что когда какой-либо церковный писатель или Соборъ для вразумленія невѣрующихъ, не ограничивается только положительнымъ изложеніемъ содержимаго Церковію ученія вѣры, но вступаетъ на путь разсужденій, доказательствъ, изслѣдованій или соображеній, то въ *этой послѣдней части* своего вѣроизложенія онъ подлежитъ оцѣнкѣ одинаково съ каждымъ другимъ мыслителемъ. Ясно, что если разумъ каждаго отдѣльнаго человѣка можетъ погрѣшать, то погрѣшимъ и коллективный разумъ всего человѣчества; непогрѣшимъ только Богъ, и только Его ученіе, проповѣдуемое Церковію, по существу своему чуждо погрѣшностей“. Отсюда авторъ дѣлаетъ слѣдующій, для насъ очень важный, выводъ; „И такъ положительное *изложеніе догмата* въ томъ или другомъ *православномъ вѣроизложеніи* должно быть разсматриваемо, какъ *выраженіе непогрѣшимаго ученія церкви*,—а *объясненіе* или *доказательства*, которыми оно иногда можетъ сопровождаться, сами по себѣ должны быть принимаемы съ большимъ или меньшимъ уваженіемъ, только какъ памятникъ современнаго вѣроизложенію развитія богословской науки“ [2]). Сдѣланное авторомъ различеніе — различеніе весьма тонкое, точное и весьма намъ нужное въ разсмотрѣніи этого пункта въ латинскомъ ученіи.

---

[1]) Введеніе въ прав. Богословіе 1847 г. стр. 535—6. § 137.

[2]) Древнія формы символа вѣры прав. церкви... П. Чельцова. Спб. стр. 190—191.

Сущность нами сказаннаго о предметѣ непогрѣшимости Восточные Патріархи выражаютъ слѣдующимъ образомъ: „вся наша ревность направлена къ тому, чтобы соблюсти чистымъ и неприкосновеннымъ безукоризненный и всесовершенный символъ Христіанской вѣры, сообразно съ Евангеліемъ и опредѣленіями св. вселенскихъ Соборовъ, и съ ученіемъ непрерывно продолжающейся Соборной Церкви“ [1]).

Въ ватиканскомъ опредѣленіи предметъ непогрѣшимости Церкви понимается гораздо шире, хотя и не съ тою опредѣленностію, съ какою это излагается у православныхъ богослововъ. Въ опредѣленіи разумѣется не вѣроизложеніе уже существующаго въ Церкви догмата, но опредѣленіе, даже и на будущее время, такихъ ученій, которыхъ Церковь еще не содержала, но съ того момента, какъ издано будетъ то или другое опредѣленіе, должна будетъ содержать. Катихизисъ д-ра Вапплера, составленный послѣ ватиканскаго опредѣленія, простираетъ личную непогрѣшимость папы на все, что относится къ откровенному ученію о вѣрѣ и нравственности, именно: „на ученія, выведенныя изъ откровенія и стоящія съ нимъ въ связи,—на разрѣшенія сомнѣній и споровъ по предметамъ вѣры и нравственности, на обличеніе еретическихъ заблужденій, и наконецъ, вообще на установленіе и опредѣленіе всего, относящагося къ вѣчному спасенію вѣрующихъ“. Здѣсь, очевидно, нѣтъ и мысли ограничить вопросъ о предметѣ непогрѣшимости только точнымъ выраженіемъ положительнаго и Церковію уже содержимаго ученія вѣры. Предметъ непогрѣшимости здѣсь понятъ, какъ церковное учительство. Церковное учительство, исходящее отъ главы Церкви, вообще непогрѣшительно,—будетъ ли это изложеніе положительнаго ученія, или это будетъ какое добавленіе, въ видѣ экзегиза, выводовъ изъ откровенія, соображеній разума, или въ видѣ изслѣдованій церковно-археологическихъ, историческихъ и под. Такъ понимаютъ это и другіе богословы. Профессоръ Рэмъ, спеціально на эту тэму написавшій цѣлую книгу [2]), вопросъ о непогрѣшимости Церкви сводитъ къ вопросу о *непогрѣшимомъ учительствѣ*, какъ мы и сказали выше,—и на разрѣшеніе этого вопроса посвящаетъ свое изслѣдованіе. Въ

[1]) Окр. Посл. стр. 21.

[2]) Das Glaubensprincip der kathol. Kirche Wien 1877.

понятіе этого учительства у него, какъ и у другихъ писателей, входитъ отрицаемая православной наукой [1]) теорія развитія догматовъ,—и, какъ неизбѣжное ея развитіе, возведеніе на степень общеобязательныхъ истинъ и такихъ мнѣній, которыя, зародившись въ умахъ нѣкоторыхъ набожныхъ, но не довольно разумныхъ людей, подъ чьимъ-либо покровительствомъ, мало по малу распространяются въ массѣ вѣрующихъ и дѣлаются достояніемъ большинства.

Такое разумѣніе *предмета* непогрѣшимости Церкви въ смыслѣ *непогрѣшимаго учительства* необходимо для латинской церкви въ тѣхъ видахъ, чтобы оправдать всѣ тѣ догматы, которыхъ нѣтъ въ откровеніи, но которые будто бы выведены изъ него путемъ умозаключеній, или просто сказать, которые были вымышлены, сочинены, придуманы латинскими богословами. Таковъ напр. догматъ о непорочномъ зачатіи. Начало сего ученія, въ видѣ частнаго мнѣнія, восходитъ къ половинѣ 12-го вѣка, затѣмъ берется подъ покровительство сперва ордена францисканцевъ, а потомъ ордена іезуитовъ, и въ половинѣ нынѣшняго столѣтія (1854 г.) возводится на степень догмата, т. е. Богомъ открытаго, для спасенія вѣрующихъ необходимаго и потому для всѣхъ обязательнаго ученія. Съ утвержденіемъ этого мнѣнія въ качествѣ догмата получили догматическую твердость и всѣ латинскія, неправыя предположенія о первородномъ грѣхѣ, какъ только объ утратѣ первобытной праведности и святости; о непосредственномъ твореніи каждой въ отдѣльности души человѣческой, о какомъ-то пассивномъ зачатіи, о предварительномъ искупленіи и т. под. [2]). Тоже должно сказать и объ основномъ догматѣ латинства, —

---

[1]) См. Введеніе въ прав. Богословіе Макарія. Тамъ-же.—Чельцовъ говорилъ объ этомъ предметѣ слѣд. образомъ: Никакой исторіи вѣры, религіи, христіанства, или исторіи догматовъ въ собственномъ смыслѣ у православныхъ нѣтъ и быть не можетъ. Тамъ же стр. 185. Вост. Патріархи выражаются такъ: Вѣра, будучи уже вполнѣ раскрыта и запечатлѣна, не допускаетъ ни убавленія, ни прибавленія, ни другаго какого-либо измѣненія, и дерзающій или сдѣлать или совѣтовать, или замышлять сіе, уже отвергся вѣры Христовой, уже подвергся добровольно вѣчной анаѳемѣ за хулу на Духа Святаго, какъ будто Онъ глаголалъ несовершенно въ писаніяхъ и на Всел. Соборахъ. Стр. 41—42.

[2]) См. мое сочиненіе: «Разности Церквей восточной и западной въ ученіи о Пресв. Дѣвѣ Маріи Богородицѣ».—Изд. 1881 г.

объ исхожденіи Св. Духа *и отъ Сына* (Filioque). Это ученіе, возникшее въ Испаніи, принято было подъ покровительство германскихъ императоровъ и по ихъ настоянію внесено въ Символъ, послѣ чего поступило подъ защиту папъ, и сдѣлалось основнымъ догматомъ латинской церкви. Оно не содержится прямо въ откровеніи, но выведено изъ него тоже путемъ умозаключеній, (изъ ученія о равенствѣ Лицъ Св. Троицы и о посольствѣ Сыномъ Св. Духа), и, какъ дѣло погрѣшительнаго ума человѣческаго, всегда будетъ подлежать его же суду. По нашему убѣжденію выводъ сдѣланъ неправильно, и потому это ученіе навсегда будетъ оставаться спорнымъ пунктомъ и средостѣніемъ между нами и латинами, вѣчнымъ препятствіемъ къ единенію съ ними. Восточные Патріархи въ своемъ Окружномъ Посланіи, именуютъ это ученіе *ересью*, которая распространилась по епархіямъ европейскаго запада, преодолѣвъ православіе тѣхъ странъ, по нерадѣнію тогда бывшихъ тамъ пастырей и покровительству властей, и пріобрѣла знаменитость въ Церкви, облекшись отличительнымъ именемъ *папизма* [1]). Таковы же догматы латинянъ *о сверхъ-должныхъ дѣлахъ святыхъ*, объ *индульгенціяхъ*, объ *удовлетвореніи* и *о чистилищѣ*. Всѣ эти ученія суть *мнѣнія* сперва *частныя*, а потомъ взятыя подъ *покровительство учащей церкви* и ея авторитетомъ возведенныя на степень Богомъ открытыхъ ученій.

И такъ въ ватиканскомъ опредѣленіи мы имѣемъ несообразное съ истиной, чрезвычайно широкое понятіе о предметѣ непогрѣшимости, въ которое, кромѣ истинъ Богооткровенныхъ, опредѣляемыхъ Церковію, входятъ и представленія о разнообразныхъ отправленіяхъ и проявленіяхъ церковнаго учительства.— Нельзя, говоримъ, не видѣть здѣсь стремленія папизма оправдать себя въ тѣхъ новшествахъ, которыя онъ ввелъ въ свое вѣроученіе и тѣмъ отдѣлился отъ Церкви вселенской.

2) Второй пунктъ, къ объясненію котораго вызываетъ насъ ватиканское опредѣленіе, — относится къ вопросу о храненіи Церковію непогрѣшимости въ вѣроученіи.

Въ ватиканскомъ вѣроопредѣленіи сказано, что при опредѣленіи ученія папа обладаетъ тою непогрѣшимостію, которою Божественный Спаситель благоволилъ надѣлить свою Церковь.

[1]) Окр. II. стр. 9—10.

При сличеніи здѣсь содержащагося ученія съ нашимъ, по которому у насъ хранителемъ ученія полагается все тѣло Церкви,—разность оказывается глубокая и существенная, сопровождаемая значительными послѣдствіями для латинской церкви. Раскроемъ это.

По ученію православной Церкви, храненіе Богопреданной истины въ ея цѣлости и чистотѣ вручено Церкви. Православный Катихизисъ учитъ: *„Вси истинно вѣрующіе*, соединенные священнымъ преданіемъ вѣры, *совокупно и преемственно* по устроенію Божію, составляютъ изъ себя Церковь, которая и есть вѣрное хранилище Священнаго Преданія, или, по изреченію св. ап. Павла, *Церковь Бога жива, столпъ и утвержденіе истины* (1 Тим. 3, 15). Св. Иринеи пишетъ: *не должно у другихъ искать истины, которую легко заимствовать отъ Церкви. Ибо въ нее, какъ бы въ богатую сокровищницу, Апостолы въ полнотѣ положили все, что принадлежитъ истинѣ, такъ что каждый желающій можетъ принимать отъ нея питіе жизни. Она есть дверь жизни.* (Противъ ерес. кн. III, гл. 4). Восточные Патріархи объ этомъ предметѣ выражаются въ томъ же смыслѣ, говоря, что „у насъ хранитель благочестія — самое тѣло Церкви, т. е. самый народъ“. Ясно, что въ этомъ отношеніи у насъ нѣтъ раздѣленія Церкви на двѣ неравныя половины—церковь учащую и церковь слушающую, такъ, какъ будто учители Церкви по обязанности и сознательно хранятъ непогрѣшительное ученіе Церкви,—а церковь слушающая—міряне—только своимъ безусловнымъ послушаніемъ участвуетъ въ храненіи истины. Нѣтъ, забота о храненіи истины лежитъ на всѣхъ сынахъ Церкви—и на пастыряхъ, и на пасомыхъ. Всѣ вѣрующіе обязаны стремиться къ *непогрѣшимости* въ вѣрѣ,—какъ всѣ обязаны достигать *святости* въ жизни. Этого требуетъ наша природа, чтобы знать истину, какъ истину; этого же требуетъ самое существо истины, какъ откровеніе всесовершеннаго Божества; этого же требуетъ и конечная цѣль откровенія — спасеніе человѣка.

Но, чтобы хранить Божественную истину въ ея чистотѣ и цѣлости, для этого недостаточно одного книжнаго знанія истины. Такое знаніе есть знаніе внѣшнее и для храненія истины мало значущее. Къ концу ветхозавѣтной Церкви, преемники

пророковъ, книжники были учеными богословами, считались знатоками Писанія, обладателями ключей разумѣнія, но тѣмъ не менѣе, по слову Спасителя, оказались слѣпыми вождями, пребывающими въ заблужденіяхъ, не знающими ни Писанія, ни силы Божіей (Мѳ. 22, 29; 23, 13;—Лук. 11, 52). Они почивали на законѣ, знали сколько буквъ въ священныхъ книгахъ, сколько разныхъ значковъ, умѣли спорить о важности заповѣдей, разсуждать о знаменіяхъ времени, но тѣмъ не менѣе, проглядѣли самое главное—не узнали Того, о Комъ писалъ Моисей и Пророки, Кто былъ чаяніемъ народовъ и спасеніемъ Израиля. Подобное можетъ быть и, къ сожалѣнію, бываетъ и въ наше время. Знаніе Писаній, разсужденія о догматахъ вѣры, краснорѣчивыя разглагольствія о Спасителѣ — еще не даютъ ручательства въ непогрѣшительномъ храненіи истины Божіей.

Что же нужно для этого? Въ противоположность внѣшнему познанію нужно еще внутреннее познаніе, живое усвоеніе истины или иначе—устроеніе нашей внутренней жизни по руководству истины. Мы должны такъ мыслить о Богѣ и такъ чтить Его, какъ учитъ откровеніе,—такъ понимать міръ и такъ относиться къ нему, какъ учитъ откровеніе, — такъ устроять свою душу и свою жизнь, какъ опять учитъ тоже откровеніе. Такое устроеніе души своей мы должны такъ упрочить за собою, чтобы оно вошло въ нашу природу, сдѣлалось нашею собственностію, нашимъ достояніемъ, подобно тому, какъ въ порядкахъ земной жизни—порядочность и приличныя манеры дѣлаются собственностію благовоспитаннаго человѣка, — чужія пьесы — собственностію артиста. Съ усвоеніемъ откровенной истины всей душей, съ претвореніемъ ея, такъ сказать, въ существо нашего духа, она перестаетъ быть внѣшнимъ писаннымъ руководствомъ; она становится его природою, его свойствомъ, характеромъ его жизни. Вѣрующій, такимъ образомъ, достигаетъ нравственнаго тожества съ истиной; истина въ немъ осуществляется, [1]) а черезъ то достигается воспитательная и спасительная цѣль откровенія.

---

[1]) Св. Марія Египетская 47 л. провела въ пустыни въ покаяніи, и достигла такого совершенства, что, не учившись и не видавъ человѣческаго лица въ продолженіи всего пребыванія въ пустынѣ, говорила словами Св. Писанія. Фактъ весьма замѣчательный. См. Четьи-Минеи 1 Ап.

Съ постепеннымъ усвоеніемъ откровенной истины въ насъ постепенно развивается чувство истинности и духъ разумѣнія. Спаситель сказалъ, что *творящій волю Отца небеснаго разумѣетъ божественное происхожденіе Его ученія* (Іоан. 7, 17). Св. ап. Павелъ ту же мысль о нравственномъ сродствѣ боголюбивой души съ Христовой истиной выражаетъ въ слѣдующихъ словахъ: *мы приняли не духа міра сего, а духа отъ Бога, дабы знать дарованное намъ отъ Бога; душевный человѣкъ не принимаетъ того, что отъ Духа Божія... и не можетъ разумѣть, потому что о семъ надо судить духовно, но духовный судитъ обо всемъ, а о немъ судить никто не можетъ* (Кор. 2, 11—15) Такъ Апостолъ выясняетъ общій законъ духовной благодатной жизни, дѣйствующій въ Церкви. Это, говоритъ, сродство духа съ истиной или полное тожество съ нею. Какъ въ жизни плотской, земной мы понимаемъ слова въ той мѣрѣ, въ какой они намъ знакомы по собственнымъ нашимъ ощущеніямъ и опытамъ; такъ и въ духовной жизни *глаголы жизни вѣчной* становятся намъ понятными только въ той мѣрѣ, въ какой истины откровенія проводятся въ нашу жизнь, становятся достояніемъ нашего внутренняго опыта и нашего сознанія. Слѣпому напрасно мы станемъ толковать о свѣтѣ и цвѣтахъ, глухому—о музыкѣ, страдающему лихорадочнымъ ознобомъ—о теплотѣ и благотворности солнечныхъ лучей. Такъ непонятна будетъ рѣчь о божественныхъ предметахъ человѣку невѣрующему и нравственно-больному, духовно-слѣпому и глухому. Душевный человѣкъ, живущій плотскою жизнію, хотя бы возсѣдалъ на самомъ высокомъ іерархическомъ престолѣ, не можетъ принимать и понимать того, что отъ Духа Божія, а вѣрующій и живущій духовно, хотя бы принадлежалъ и къ неученымъ мірянамъ, *судитъ духовно обо всемъ*.

Для управленія ходомъ внутренней жизни вѣрующихъ и для наблюденія за правильностію ея теченія поставлены пастыри Церкви, какъ ея учители. Мы уже сказали, въ чемъ состоитъ пастырское служеніе? Въ томъ, чтобы приводить ко Христу и вводить вѣрующихъ въ живое общеніе съ Нимъ. Учительство есть одинъ изъ видовъ этой общей обязанности пастырей. Въ своемъ учительствѣ они должны преподавать ученіе Христово, не какъ свою, но какъ объективную истину,—т. е. для всѣхъ

необходимую и обязательную,—всѣми пріемлемую и познаваемую. Объективная истина пребываетъ въ сознаніи вселенской Церкви. Послѣ того, какъ Основатель Церкви Христосъ, своею крестною смертію и воскресеніемъ, положилъ начало нашего спасенія и заповѣдалъ ученикамъ своимъ проповѣдывать Евангеліе всѣмъ народамъ и учить ихъ соблюдать все, что Онъ имъ заповѣдалъ,—Апостолы согласно съ Его повелѣніемъ устроили вселенскую Церковь, положивъ въ нее, какъ въ богатую сокровищницу, всю полноту Христовой истины. Съ того времени Церковь всегда сознавала и сознаетъ себя, какъ духовное, но въ то же время видимое общество людей, которые имѣютъ одинаковое исповѣданіе вѣры, и потому одинаковыя мысли, одинаковыя сердечныя расположенія и движенія воли, одинаковыя отношенія къ Богу и къ міру, одинаковыя надежды и чаянія въ будущемъ, и которые этою одинаковостью связуются въ одно святое братство. Это единство внутренно и благодатно поддерживается въ Церкви невидимою Главою ея, Христомъ, всегда съ нами пребывающимъ и въ насъ дѣйствующимъ силою ниспосылаемаго Имъ Духа Святаго, видимымъ же образомъ—пастырями и учителями Церкви. Понятно, что ихъ учительство не нужно понимать, какъ раскрытіе чего-то своего личнаго для Церкви, чѣмъ Церковь безъ нихъ не владѣетъ и не могла бы владѣть. Нѣтъ, учительство истинныхъ пастырей состоитъ въ преподаніи и раскрытіи истины, въ Церкви же пребывающей Церковію обладаемой. Они берутъ ученіе отъ Церкви и для Церкви же употребляютъ. Спасительное знаніе истины, принадлежащее немногимъ, пастыри должны сообщать всѣмъ, чтобы всѣ преуспѣвали въ познаніи и достигали въ мѣру полнаго возраста Христова. Такимъ образомъ, не выступая изъ общаго церковнаго сознанія или изъ вселенскаго единомыслія, но пребывая въ немъ, они сами преуспѣваютъ въ разумѣніи истины и своихъ пасомыхъ приводятъ къ нему.

Это ученіе весьма глубокое и весьма важное въ православномъ міровоззрѣніи. Пастыри не могутъ быть больше Церкви;—напротивъ, Церковь всегда больше пастырей; они суть только органы вселенскаго тѣла, а не все тѣло.

Отсюда становится понятною духовная связь пастырей съ своими паствами; ихъ связуетъ не авторитетъ съ одной сторо-

ны и безусловное послушаніе съ другой, а единство истины и единство ея сознанія,—или просто единомысліе. Пасомые пріемлютъ и уважаютъ своего пастыря, когда онъ говоритъ и возвѣщаетъ имъ истину; и напротивъ, чуждаются и отвергаютъ такого пастыря, который ложь выдаетъ за истину;—значитъ, у нихъ есть чувство и разумѣніе истины; значитъ, они судятъ о пастырѣ не по его авторитету, а по его соотвѣтствію истинѣ; слѣдовательно мѣриломъ взаимныхъ отношеній между ними служитъ объективная истина,—или, говоря языкомъ богословскимъ,—православіе. Эти самыя мысли Восточные Патріархи кратко выражаютъ въ слѣдующемъ видѣ: „Св. Отцы научаютъ насъ, чтобы мы не по престолу судили о православіи (какъ требуютъ латины), но о самомъ престолѣ и сѣдящемъ на престолѣ—по Божественнымъ Писаніямъ, по Соборнымъ уставамъ и опредѣленіямъ, и по Вѣрѣ, всѣмъ проповѣданной, т. е. *по православію непрерывнаго ученія Церкви*“ [1]).

Заключая все это изслѣдованіе, мы говоримъ, что *непогрѣшимость* Церкви покоится на внутреннемъ ея составѣ, и покоится такъ твердо, прочно, незыблемо, что отрицать ее будетъ значитъ то же, что отрицать существованіе истинно-вѣрующихъ, праведныхъ и богоугодныхъ людей, въ которыхъ живетъ Духъ Божій. Если о мірѣ сказано: *сѣмя свято стояніе его*, т. е. что ради святаго сѣмени стоитъ міръ, то тѣмъ болѣе это нужно сказать о Церкви. Пока есть праведники—существуетъ и Церковь,—хранится и непогрѣшительное ученіе вѣры; и на оборотъ,—пока хранится непогрѣшительное ученіе вѣры и существуетъ Церковь, будутъ и праведники. Какъ бы ни умалялось число праведниковъ, но они будутъ существовать до конца міра, и когда зло возрастетъ до того, что будетъ грозить существованію ихъ на землѣ, тогда прекратится и существованіе самаго міра. По слову Господа, дни чрезвычайныхъ неправдъ, скорбей и бѣдствій послѣдняго времени, *прекратятся избранныхъ ради* (Мѳ. 24, 22). Так. образ. наше заключеніе можно выразить въ слѣдующемъ краткомъ видѣ: *непогрѣшимость* Церкви покоится на ея *святости*; *Церковь непогрѣшима, потому что свята*.

Не таковы представленія Церкви латинской.

---

[1]) Окр. П. стр. 18.

Папа, по ученію латинянъ, одаренъ даромъ *активной* и *пассивной* непогрѣшимости, т. е. что мы приписываемъ всему тѣлу Церкви, то совершается въ его лицѣ; въ немъ богооткровенная истина хранится въ своей неповрежденности, его сознаніемъ усвояется и претворяется въ существо человѣческаго духа и чрезъ него же дѣлается достояніемъ всей церкви. Словомъ, въ немъ, какъ въ фокусѣ, сосредочивается вся Церковная жизнь. Даръ непогрѣшимости пребываетъ въ немъ *пассивно*, когда онъ держится исповѣданія вѣры (хотя этого можетъ и не быть), и *активно*, когда даетъ опредѣленіе объ ученіи, котораго Церковь еще не содержала. Таковою представляется папская непогрѣшимость, по толкованію латинскихъ богослововъ.

Не станемъ вдаваться въ подробнѣйшій разборъ, какъ какъ самыя слова, здѣсь употребляемыя латинами, недовольно ясно и раздѣльно понимаются ими; скажемъ существенное.

Когда говорятъ, что папа *лично* непогрѣшимъ (Катихизисъ) и что онъ снабженъ *даромъ активной и пассивной* непогрѣшимости,—нужно бы представлять, что непогрѣшимость соприсуща ему *постоянно*, внутри — въ его сознаніи, и во внѣ—въ каждомъ случаѣ проявленія его сознанія. Но въ дѣйствительности оказывается совсѣмъ не то. Даръ *непогрѣшимости* дѣйствуетъ въ немъ, такъ сказать, *спорадически*. Въ предшествующей статьѣ мы показали въ его сознаніи раздвоеніе: частная его жизнь, — жизнь какъ христіанина, наравнѣ съ другими подвизающимися въ дѣлѣ спасенія, проходитъ подъ руководствомъ вѣры и можетъ какъ достигать высокаго подъема, такъ и ниспадать до совершеннаго безвѣрія, что зависитъ отъ его личнаго, свободнаго изволенія; общественная же его жизнь, прохожденіе верховнаго служенія, совершается подъ руководствомъ его самосознанія, и чѣмъ выше самосознаніе, тѣмъ ближе папа подходитъ къ своему идеалу. То же самое раздвоеніе существуетъ и въ его непогрѣшимомъ учительствѣ. Въ частной жизни, въ своемъ сознаніи, какъ вѣрующій какъ ученый, онъ погрѣшимъ;—даже болѣе того: онъ можетъ быть невѣромъ, матеріалистомъ, человѣкомъ распутнымъ (какъ и бывали тому не единичные примѣры [1]), — но какъ папа,

[1]) «Даже нашъ вѣкъ видѣлъ нѣсколько самыхъ худшихъ преемниковъ

какъ верховный первосвященникъ—онъ сосудъ Духа Святаго, онъ непогрѣшимъ. О погрѣшимости его такъ разсуждаютъ латинскіе богословы: папа, какъ ученый, какъ писатель, когда излагаетъ свои частныя мнѣнія и не даетъ опредѣленій для вселенской Церкви, можетъ погрѣшать, какъ и всякій другой ученый. Беллярминъ выдаетъ за общепризнанное положеніе, что по невѣдѣнію папа, какъ частный ученый, можетъ погрѣшать и въ вопросахъ вѣры и нравственности. За общепризнаваемое положеніе Беллярминъ выдаетъ даже и то, что будто бы папа въ вопросахъ спорныхъ и частныхъ можетъ заблуждаться вмѣстѣ со вселенскимъ соборомъ. Кратко *непогрѣшимость* связана неразрывно не съ лицемъ папы и не съ его нравственнымъ состояніемъ,—а съ его служеніемъ и именно съ отправленіемъ служенія [1]). Какъ лице, папа можетъ противиться Духу Святому, пребывать въ заблужденіи и невѣріи, быть сосудомъ лжи и грѣха, — но какъ скоро онъ начинаетъ говорить, какъ вселенскій учитель, Духъ Божій движетъ его устами, и непогрѣшительное вѣдѣніе богооткровенной истины открывается всему міру. Непогрѣшительнымъ учителемъ вселенской Церкви можетъ быть и порочный папа, говорятъ іезуиты, — ибо Духъ Святый нѣкогда прорекъ устами порочнаго первосвященника Каіафы (Іоан. 11, 51); непогрѣшительнымъ можетъ быть также и совершенно невѣжественный папа; ибо Богъ указалъ нѣкогда людямъ истинный путь чрезъ прорекшую ослицу (Числ. 22, 27 — 30;—іезуитъ Эрберманъ). Въ исторіи латинской Церкви мы имѣемъ примѣры на то, какъ порочные папы изрекали опредѣленія якобы по дѣйствію Духа Божія. Такъ это было съ папой Іоанномъ XXIII; по суду

ап. Петра. Скандальная жизнь Льва XII, его амуры и многочисленное потомство отъ madame Пфифферъ люцернской, и затѣмъ жизнь Григорія XVI его легкомысліе и фривольныя забавы, такъ подробно описанныя въ недавноизданномъ сочиненіи автора — римско-католика,—могутъ доказать, что прогрессъ цивилизаціи и умств. движенія XIX вѣка вліяли мало или же вовсе не имѣли дѣйствія на исправленіе скандальнаго поведенія мнимыхъ намѣстниковъ Христовыхъ.—Слова винчестерскаго бенифиціарія. Если это завѣреніе справедливо, то оно доводитъ насъ до 1846 г. и и слѣдов. только одно первосвященство покойнаго папы отдѣляетъ насъ отъ настоящаго времени». Безспорныя преимущества Прав. Каѳол. Церкви Овербека». 1883 г. стр. 107—8.

[1]) Das Glaubensprincip v. Röhm p. 111—112.

Констанцскаго Собора, онъ былъ человѣкъ жестоковыйный и упорный грѣшникъ, беззаконникъ, достовѣрно обвиняемый въ человѣкоубійствѣ, въ отравленіяхъ и другихъ тяжкихъ злодѣяніяхъ,—извѣстный святокупецъ, упорный еретикъ и безбожный матеріалистъ, утверждавшій, что душа человѣческая умираетъ и потухаетъ вмѣстѣ съ тѣломъ; — но тѣмъ не менѣе его канонизація или сопричисленіе къ лику святыхъ Бригитты, которую папа Григорій XII, умирая велѣлъ изгнать изъ Рима, какъ вредную для церкви мечтательницу, — принята римскою церковію; слѣдовательно признается, что въ этомъ случаѣ папа Іоаннъ дѣйствовалъ, какъ непогрѣшимый учитель силою Духа Божія [1]).

Такимъ образомъ между хранителемъ истины, папой, и хранимой имъ истиной нѣтъ внутренней связи; нѣтъ нравственнаго сродства и тожества. Соприсутствіе Духа Божія связывается съ его лицемъ чисто внѣшнимъ, такъ сказать, насильственнымъ и механическимъ образомъ. Спасительное дѣйствіе Духа Божія проходитъ чрезъ него, не задѣвая или не затрогивая его ума и сердца,—безслѣдно для его сознанія;—непогрѣшимъ не папа, а непогрѣшимо его служеніе, — его папское дѣйствованіе;—потому что „Церкви необходимо не лице какъ таковое, а служеніе“ [2]), — говоритъ проф. Рэмъ. Непогрѣшимость Церкви, поэтому, покоится не на *святости ея*, какъ мы утверждаемъ,—а на *званіи папы*; Церковь не потому *непогрѣшима*, что *свята*, а потому, что имѣетъ верховнаго первосвященника, чрезъ котораго всегда, когда нужно, дѣйствуетъ Духъ Святый. Такъ превращенъ основной законъ церковной жизни! Основное условіе—святость устранено; а вмѣсто него поставлено другое, совершенно случайное и по существу немыслимое,—папское служеніе. Это opus operatum, доведенное до крайности, до абсурда.

[1]) Право канонизаціи святыхъ и объявленіе иконъ чудотворныхъ чудотворными—принадлежитъ папѣ, со времени п. Александра Ш. «Объ отношеніяхъ». Авдія Востокова. стр. 35.

Папа Сикстъ V, Доминикъ Гравина (XVIII в.), Дюваль († 1638) Михаилъ Мауклеръ (ок. 1640), Григорій де Валенсіа и др. распространяютъ прерогативу непогрѣшимости и на канонизацію святыхъ.—См. Овербека «Безспорныя преимущества пр. к. церкви». 1883 г. стр. 85.

[2]) Röhm pag. 109... denn nicht die Person als solche, als das Amt ist der Kirche nothwendig.

Когда такимъ образомъ во главѣ Церкви истина познается не путемъ нравственнаго претворенія въ существо духа, когда притомъ и соприсутствіе Святаго Духа понимается чисто внѣшнимъ образомъ,—то что же должно сказать о самой Церкви? какъ она участвуетъ въ храненіи непогрѣшимой истины? какъ участвуютъ всѣ вѣрующіе? Если мы возьмемъ *непогрѣшимость* въ смыслѣ латинскомъ, какъ *учительство;* то, очевидно, нижніе слои пирамидальнаго зданія Церкви не участвуютъ въ *непогрѣшимости*; ибо учительство не ихъ дѣло. Но если мы возьмемъ непогрѣшимость въ смыслѣ *храненія* истины,—въ нашемъ смыслѣ,—что отчасти допускаютъ и латиняне,—то и за ними признается участіе; и міряне участвуютъ въ непогрѣшимости, но только не такъ, какъ папа и отчасти духовные, но особеннымъ, имъ свойственнымъ, образомъ, именно: *страдательно* или пассивно. Вся Церковь, стоящая подъ главенствомъ папы, т. е. за исключеніемъ его самого—одарена даромъ *пассивной непогрѣшимости*, а что такое *пассивная непогрѣшимость*,—мы объ этомъ можемъ судить по предшествующей статьѣ. Мы знаемъ, что спеціальная латинская добродѣтель—не вѣра, какъ добродѣтель дѣятельнаго характера, а *безусловное послушаніе*; воспринимая безпрекословно ученіе учащей церкви, слушающая церковь участвуетъ въ *ея непогрѣшимости* посредствомъ безпрекословнаго принятія преподаваемаго ей ученія, такъ какъ учащій авторитетъ служитъ для католика *правиломъ* вѣры. Католикъ не можетъ и не долженъ знать истины по ея внутреннему достоинству, какъ она есть сама въ себѣ; онъ долженъ изучать ее по ученію папы, по соображенію со всей его системой. Всякое самостоятельное движеніе католика въ области вѣры и познанія—преступно и подлежитъ осужденію; оно служило бы признакомъ сомнѣнія въ самой теоріи папизма и могло бы привести къ попыткѣ повѣрять ее съ откровенной истиной, что въ глазахъ папистовъ равняется ереси или протестантству. Отсюда объясняется характеръ католическаго воспитанія. Нигдѣ школы не отличаются такою односторонностію и исключительностью, какъ въ католичествѣ. Молодые люди, вышедшіе изъ латинскихъ школъ, часто совсѣмъ теряютъ способность правильно мыслить, безпристрастно относиться къ чужимъ взглядамъ, умѣть становиться на точку зрѣнія противника и судить о предметѣ по

существу;—*объективной истины* для нихъ не существуетъ, и они ея не знаютъ. Въ этомъ отношеніи латинство представляетъ собою замкнутое—цѣлое, тщательно прикрытое отъ стороннихъ вліяній и тѣхъ опасностей и искушеній, которыя неизбѣжны на пути свободнаго и самостоятельнаго мышленія. Это было бы похвально, если бы не противорѣчило природѣ человѣка и не лишало его свободы, для сохраненія которой Самъ Творецъ избралъ такое чрезвычайное средство, какъ воплощеніе Сына Божія и Его страданія за насъ.

И такъ, въ церкви латинской познаніе истины какъ внѣшне для главы ея—папы, такъ внѣшне и для всего состава церкви. Отсюда объясняется вообще характеръ богословской науки въ латинствѣ. Она не стремится къ познанію законовъ духовной жизни, къ раздѣльности понятій и точности выраженій; но она заботится о логическомъ движеніи мысли и внѣшне-правильномъ построеніи системы. Схоластика—вотъ названіе, которое объясняетъ всѣ ея особенности, весь ея характеръ. Схоластическая богословская наука—есть плодъ внѣшняго познанія истины. Отсюда объясняется чрезвычайное сходство латинства съ фарисейскимъ ветхозавѣтничествомъ. Латинство есть повтореніе или воспроизведеніе мудрости книжниковъ и фарисеевъ. (Особенно это рѣзко выступаетъ въ системахъ іезуитской морали). Законъ христіанскій, законъ любви и безконечнаго восхожденія отъ совершенства къ совершенству—понять здѣсь, чисто внѣшнимъ образомъ, какъ ветхозавѣтный законъ дѣлъ, какъ кодексъ предписаній и заповѣдей, не связанныхъ и не проникнутыхъ духомъ новозавѣтной любви. Какъ тамъ выполненіе закона признавалось возможнымъ для человѣка, такъ признается оно возможнымъ и въ латинствѣ; какъ тамъ оно давало право на оправданіе, такъ и здѣсь даетъ право на заслуги и на блаженство. Какъ тогда неразумная ревность по закону вызвала себѣ обличеніе со стороны св. ап. Павла и послужила для него поводомъ къ раскрытію ученія объ оправданіи вѣрою во Христа; такъ и теперь одностороннее латинство вызвало себѣ подобное обличеніе,—только въ видѣ другой, противоположной крайности—въ лютеранствѣ.

3) Обращаемся теперь къ признакамъ непогрѣшительныхъ папскихъ опредѣленій.

Папа, какъ мы видѣли выше, не обладаетъ безусловной не-

погрѣшимостію,—какъ лицо, онъ погрѣшимъ, наравнѣ съ другими, но онъ непогрѣшимъ, когда говоритъ *отъ своей каѳедры*, ex cathedra, т. е. когда исполняетъ свое служеніе, какъ пастырь и учитель всѣхъ христіанъ.

Естественно теперь возникаетъ вопросъ: когда же онъ говоритъ ex cathedra? Какъ можетъ это узнать вѣрующій католикъ? какіе на это указаны ему признаки, по которымъ бы онъ могъ отличать непогрѣшительныя опредѣленія отъ погрѣшительныхъ, чистую божественную истину отъ вредныхъ примѣсей лжи? Гдѣ проходитъ та черта, которая отдѣляетъ личныя мнѣнія папы отъ его каѳедральныхъ опредѣленій? Имѣть на это прямой и ясный отвѣтъ католику необходимо; ибо во-первыхъ папскихъ опредѣленій очень много; поэтому спрашивается: всѣ-ли нужно относить къ каѳедральнымъ опредѣленіямъ, или только нѣкоторыя изъ нихъ?—если же нѣкоторыя, то какія именно? Такъ, напр., папа Сикстъ V, издавая въ свѣтъ собственноручно исправленный латинскій переводъ библіи, подъ угрозою анаѳемы обязывалъ католиковъ принимать оный какъ самый подлинникъ; и такъ какъ этотъ переводъ оказался потомъ невѣрнымъ, со множествомъ ошибокъ, и потому изъятъ былъ изъ употребленія,—то очевидно, что его опредѣленіе не было каѳедральнымъ; но отсюда рождается вопросъ: какимъ же образомъ католики могли отличить это ошибочное опредѣленіе папы отъ другихъ неошибочныхъ? Должно ли также относить къ каѳедральнымъ опредѣленіямъ Силлабусъ Пія IX, который католическія правительства не позволили обнародывать въ церквахъ своихъ владѣній? Точно также опредѣленіе папы Льва XIII относительно Ѳомы Аквината, въ которомъ онъ возводитъ его въ доктора Церкви, а его богословіе на степень образца богословской системы,—нужно ли относить къ числу каѳедральныхъ, непогрѣшимыхъ и неизмѣнныхъ? По нашему мнѣнію, не слѣдовало бы, но какъ думаютъ объ этомъ католики, и чѣмъ они должны руководствоваться въ этомъ случаѣ?

Во-вторыхъ; кромѣ этого множества есть еще довольно такихъ опредѣленій, которыя одно другому противорѣчатъ. Такъ папа Левъ III, несмотря на требованіе императора Карла великаго, не согласился внести въ Никео-Константинопольскій

Символъ испанское прибавленіе Filioque, и, для огражденія Символа отъ такого посягательства на его цѣлость и на будущее время, вычеканилъ Символъ на двухъ таблицахъ, которыя и утвердилъ на стѣнахъ храма. Папа же Бенедиктъ VIII, по настоянію императора Генриха [1]), около 1014 или 1015 г. внесъ это прибавленіе въ Символъ, и съ тѣхъ поръ испанское нововведеніе сдѣлалось догматомъ всей латинской Церкви. Спрашивается: кто же изъ этихъ папъ дѣйствовалъ непогрѣшимо? Вопросъ о Символѣ—вопросъ вселенской важности, и никакъ нельзя сказать того, чтобы кто-нибудь изъ этихъ папъ дѣйствовалъ, какъ частное лице, а не какъ вселенскій учитель. Папа Евгеній IV въ своихъ буллахъ къ Базельскому Собору признавалъ положеніе Констанцскаго Собора о верховенствѣ Соборовъ надъ папами, но послѣ отрекся отъ своего признанія;—опять вопросъ вселенской важности, по крайней мѣрѣ, для латинства;—спрашивается: когда же папа Евгеній IV дѣйствовалъ, какъ вселенскій учитель: тогда ли, когда признавалъ верховенство Соборовъ, или тогда, когда отрекся отъ этого признанія? Папа Климентъ XIV осудилъ и закрылъ орденъ іезуитовъ, а Пій VII возстановилъ его;—спрашивается: кто же изъ нихъ дѣйствовалъ, какъ вселенскій учитель, и кто, какъ частное лице? Орденъ іезуитовъ имѣетъ великое значеніе въ латинской Церкви и потому опредѣленія объ его закрытіи и возстановленіи должны считаться каѳедральными; но кому же вѣрить?

И такъ, какимъ образомъ можно распознать каѳедральное опредѣленіе (ex cathedra) отъ некаѳедральныхъ? Въ выраженіи ex cathedra нѣтъ данныхъ для указанія разграничительной черты между тѣми и другими; оно слишкомъ условно и растяжимо; его можно, какъ угодно, расширять и, какъ угодно, съуживать,—чего въ такомъ важномъ дѣлѣ, какъ различеніе божественной истины отъ опредѣленій частныхъ, подлежащихъ ошибкамъ и отмѣнамъ, отнюдь не должно быть.

Въ Церкви православной восточной такого вопроса нѣтъ и не можетъ быть. Мы, православные, различаемъ опредѣленія

[1]) Histoire du Schisme des Grecs par le p. Louis Maimbourg de la Compagnie de Jesus. à Paris 1677 v. pag. 199.—См. также Handbuch der alt. Geschichte v. Hergenröther. 1880 г. 1B. p. 690.

вселенскихъ Соборовъ отъ опредѣленій помѣстныхъ; первымъ придаемъ вселенскую важность, вторымъ, какъ не прошедшимъ чрезъ единомысленное сознаніе вселенскаго Собора, значеніе только для мѣстной церкви. И просто, и ясно.

Папистамъ, впрочемъ, такое положеніе дѣла вселенскихъ опредѣленій не представляется столь простымъ и понятнымъ, и потому на этомъ пунктѣ намъ нужно остановиться и разъяснить его имъ. Папистамъ представляется непонятнымъ, какимъ образомъ мы безъ авторитета папы, котораго не признаемъ, можемъ рѣшать вопросъ о вселенскости того или другаго Собора, и одни изъ нихъ принимать, какъ вселенскіе, а другіе, какъ частные? Спрашивается,—пишетъ горячій защитникъ папизма, чешскій капланъ Бартакъ,—спрашивается: „кто у восточныхъ установленъ судьей въ этомъ дѣлѣ? Греки учатъ также, какъ и мы, что вселенскіе Соборы дѣйствуютъ по Божественному полномочію, Божественнымъ авторитетомъ, и непогрѣшительно рѣшаютъ въ дѣлахъ вѣры;—спрашивается: кто же у нихъ рѣшаетъ вопросъ о томъ, что извѣстный вселенскій Соборъ дѣйствовалъ по Божественному полномочію и Божественнымъ авторитетомъ, и дѣйствительно рѣшилъ вопросъ вѣры непогрѣшительно, а не по человѣческому разсужденію и самомнѣнію, вообразивъ себя дѣйствующимъ по внушенію отъ Духа Святаго? Возможно-ли, чтобы этотъ вопросъ былъ рѣшенъ судьею, имѣющимъ человѣческій авторитетъ и подверженнымъ ошибкамъ и заблужденіямъ? Можетъ-ли Божественное непогрѣшимое опредѣленіе пріобрѣтать силу достовѣрности отъ человѣческаго погрѣшительнаго сужденія? Какимъ образомъ мы можемъ пріобрѣсти увѣренность въ непогрѣшимости Собора, когда относительно его возникаютъ сомнѣнія? Когда изъ Собора исключаютъ высшаго непогрѣшимаго судію и рѣшителя вселенскости папу, то остаются-ли еще какіе признаки, при которыхъ сомнѣніе стало-бы невозможнымъ? Соборъ безъ непогрѣшимаго судіи не сталъ-ли бы просто иллюзіей, призракомъ, обманомъ? Или, можетъ быть, греки думаютъ, что одинъ вселенскій Соборъ подтверждается слѣдующимъ, а тотъ еще слѣдующимъ и т. д. Но это кругъ, сказочка о бѣленькомъ бычкѣ. Не понимаемъ, какъ можно такъ оскорблять логику? Народъ греческій былъ когда-то народомъ философскимъ, но это было давно,

этому прошло уже двѣ тысячи лѣтъ“ [1]). Вотъ съ какою запальчивостію возражаютъ намъ наши противники, не замѣчая, что они-то именно и стоятъ въ этомъ логическомъ кругу.

Такая постановка дѣла крайне не научна и являетъ всю односторонность латинскаго мышленія. Нелогичность восточныхъ авторъ усматриваетъ съ точки зрѣнія папской непогрѣшимости, съ числа неизвѣстнаго, которое еще нужно найти и доказать. Эта непогрѣшимость представляется автору въ видѣ внѣшняго авторитета, который прилагаетъ свой штемпель или свою печать къ тѣмъ или другимъ рѣшеніямъ епископовъ и тѣмъ опредѣляетъ ихъ вселенское значеніе. Авторъ не подозрѣваетъ, что мы признаемъ за Церковію самосознаніе, т. е. что она всегда сознавала и сознаетъ себя, какъ единое, всегда себѣ вѣрное и тожественное общество. Съ этой точки зрѣнія упрекъ въ недостаткѣ логики падаетъ именно на папистовъ, а никакъ не на православныхъ. Разъяснимъ это.

Всякое общество,— имѣющее свой опредѣленный уставъ, знаетъ: какое изъ своихъ собраній ей нужно считать общимъ— генеральнымъ, и какое—частнымъ; а когда высылаетъ на собранія своихъ представителей,—имѣетъ право судить ихъ, дѣйствовали-ли они по возложеннымъ на нихъ полномочіямъ или нѣтъ? рѣшали ли данные имъ вопросы въ интересахъ общества, или вопреки имъ? Подобное, только въ лучшемъ и совершеннѣйшемъ смыслѣ должно сказать о Церкви вселенской. Она знаетъ свои Соборы и ясно различаетъ между ними вселенскіе и помѣстные. У ней есть свои представители—епископы, предстоятели помѣстныхъ церквей. Когда епископовъ приглашаютъ на Соборъ, отъ лица ли свѣтской власти, или отъ лица старѣйшихъ іерарховъ, или отъ лица іерарховъ, нуждающихся въ братской помощи сослужителей, имъ предъявляютъ общецерковныя нужды и вопросы, о которыхъ будетъ рѣчь на Соборѣ. Поэтому епископы, отправляясь на Соборъ, знаютъ о предметѣ совѣщаній и везутъ съ собою готовое исповѣданіе своихъ церквей, какъ ихъ предстоятели и представители, не для открытія новыхъ догматовъ, но для исповѣданія и сохраненія единства и чистоты догматовъ вѣры, содержимой и исповѣдуемой всѣми церква-

[1]) Studie o cirkvi ruské. II V cirkvi r. trè papezu. p. 24—25.

ми,—и для обличенія еретическихъ заблужденій и искаженій. При сличеніи помѣстныхъ исповѣданій между собою открывается вселенское единомысліе помѣстныхъ церквей; при сличеніи единомысленнаго исповѣданія помѣстныхъ церквей съ исповѣданіемъ Отцевъ предшествующихъ вѣковъ,—открывается тождество исповѣданія по времени. Церковь едина за всѣ времена по своему ученію и исповѣданію. Вмѣстѣ съ симъ, по сличеніи исповѣданій частныхъ, слагается исповѣданіе общее, очищенное или отрѣшенное отъ мѣстныхъ особенностей въ языкѣ и выраженіяхъ. Такъ составился вселенскій символъ на первыхъ двухъ Вселенскихъ Соборахъ; такъ составлялись и вселенскія вѣроопредѣленія на остальныхъ вселенскихъ Соборахъ. Подъ составленными такимъ образомъ вѣроопредѣленіями подписывались всѣ участвовавшіе въ Соборѣ епископы; формула подписи была слѣдующая: *опредѣляя подписалъ*. Подпись требовалась отъ каждаго, собственно для заявленія согласія съ соборнымъ опредѣленіемъ, какъ вселенскимъ исповѣданіемъ, а не для его утвержденія въ достоинствѣ непогрѣшительнаго опредѣленія. Опредѣленіе получало вселенское значеніе не вслѣдствіе подписи того или другаго отца,—а вслѣдствіе единомышленнаго исповѣданія вѣроопредѣленія. Поэтому, не подписавшіеся выступали изъ союза съ Церковію, производили расколъ, давали силу ереси, осуждаемой Соборомъ, отлучались отъ Церкви или мыслились внѣ общенія съ Церковію. Такъ Іоаннъ, епископъ Антіохійскій, дотолѣ оставался въ разобщеніи съ Церковію, доколѣ не подписался подъ опредѣленіемъ III-го вселенскаго Собора, осудившаго ересь Несторія. Такъ отлучены были монофизитскіе епископы, отвергшіе IV вселенскій Соборъ, осудившій Евтихія; такъ пребываетъ въ разобщеніи церковь Армянская, не бывшая на этомъ вселенскомъ Соборѣ и по недоразумѣніямъ не признавшая его вѣроопредѣленія. Вотъ почему на Соборахъ дорожили подписями римскаго епископа; его отказъ въ подписи подъ вѣроопредѣленіемъ — не то, чтобы лишалъ его силы и значенія, а производилъ бы расколъ и соблазнъ въ Церкви и тѣмъ давалъ бы силу ереси.— Съ подписаннымъ вѣроопредѣленіемъ Отцы Собора возвращались къ своимъ паствамъ. Паствы не рѣдко съ торжествомъ и славою принимали возвращавшихся пастырей, какъ побѣдителей ереси,—и тѣмъ выражали свое со-

гласіе и единомысліе съ составленнымъ ими вѣроопредѣленіемъ. Православныя паствы никогда не были безучастными зрителями вселенскихъ Соборовъ: не имѣя права на церковное учительство, онѣ участвовали своимъ единомыслiемъ и своимъ сочувствіемъ православной сторонѣ Собора. Тѣ же паствы, которыя не принимали своихъ пастырей, тѣ чрезъ то самое выдѣлялись изъ церковнаго единства. Такимъ образомъ, вселенскій Соборъ въ краткой формулѣ выражаетъ единое исповѣданіе всѣхъ церквей и церквамъ же опять возвращаетъ эту формулу для храненія точно опредѣленной въ ней истины отъ недомыслія и еретическихъ искаженій. Ясно, что Церковь не можетъ не знать вселенскихъ Соборовъ, какъ человѣческія общества не могутъ не знать своихъ общихъ собраній. Важность вселенскихъ Соборовъ опредѣляется не столько количествомъ собиравшихся епископовъ, сколько вселенскою важностію вопросовъ.

Впрочемъ, если латинскимъ богословамъ непремѣнно нужно знать признаки, по которымъ бы, согласно съ нашимъ воззрѣніемъ, можно было судить безошибочно о непогрѣшимости вселенскихъ Соборовъ, то для утѣшенія ихъ мы можемъ указать (только никакъ не на подпись какого-нибудь авторитетнаго епископа, — какъ думаютъ латины, — но) на слѣдующіе внутренніе признаки: 1) требуется, чтобы епископы собирались на Соборъ не по земнымъ побужденіямъ и цѣлямъ, а во имя Христово, для огражденія православнаго ученія и православной Церкви вселенской; 2) чтобы на Соборѣ, тоже во имя Христово, въ чувствахъ невидимаго соприсутствія Духа Божія, была свобода совѣщанія, единомысліе и братская любовь, и 3) чтобы опредѣленія Собора были приняты всѣми церквами, даже и неучаствовавшими въ немъ. Когда мы говоримъ, чтобы епископы собирались не ради земныхъ какихъ-либо видовъ, а во имя Христово, — мы этимъ самымъ отрицаемъ всякія политическія побужденія и разсчеты на какія-нибудь земныя выгоды, и напротивъ утверждаемъ чисто благодатныя отношенія пастырей къ своему Главѣ Христу, при которыхъ только и возможно содѣйствіе Духа Божія и непогрѣшительное опредѣленіе Собора. Когда говоримъ, чтобы на Соборѣ хранились — свобода совѣщаній, единомысліе и братская любовь, — мы осуждаемъ всѣ тѣ паспльственныя преступныя дѣйствія, какія напр.

позволялъ себѣ Діоскоръ, епископъ Александрійскій, на Ефесскомъ Соборѣ, — и осуждаемъ всякаго рода принужденія, подпольныя интриги, тайные или коварные подговоры, разные посулы и тому подобныя дѣйствія, ни въ какомъ случаѣ не свойственныя и неприличныя собраніямъ христіанскихъ архипастырей. Когда говоримъ, чтобы Соборъ былъ принятъ всею Церковію, то этимъ утверждаемъ только вселенское единомысліе церквей. Такъ VII вселенскій Соборъ мы признаемъ *вселенскимъ* потому, что онъ принятъ всею Церковію, единогласно, хотя патріархатства: александрійское, антіохійское и іерусалимское были представляемы двумя только патріаршими синкеллами (пресвитерами Іоанномъ и Ѳомою [1]). По всѣмъ этимъ признакамъ, какъ сами пастыри, такъ и пасомые совершенно здраво могутъ судить, какіе Соборы нужно признавать вселенскими, и какіе нѣтъ, — какіе православными, и какіе неправославными. Такъ по нашему православному разумѣнію, подъ эти признаки никакъ не подходитъ напр. Соборъ Флорентійскій, признаваемый латинскою церковію *вселенскимъ*, а нами совершенно отвергаемый. Основанія на это мы имѣемъ слѣдующія: 1) этотъ Соборъ созванъ былъ не во имя Христово, а по земнымъ разсчетамъ: императоръ Византійскій уніей съ Римомъ хотѣлъ себѣ купить помощь запада противъ турокъ, которые уже начинали грозить самому Константинополю; а папа съ своей стороны имѣлъ виды Соборомъ въ Италіи лишить силы Базельскій Соборъ, который грозилъ папѣ отлученіемъ и котораго права, какъ высшей инстанціи, признавалъ самъ папа; кромѣ того, папа льстилъ себя надеждою осуществить всегдашнія мечты римскаго престола подчинить себѣ непокорный Востокъ. При такихъ побужденіяхъ имя Христово служило только прикрытіемъ человѣческихъ разсчетовъ. 2) Пренія на Соборѣ велись неискренно и несвободно, но подъ давленіемъ императора съ одной стороны, и папы — съ другой; первый пользовался своимъ вліяніемъ, какъ императоръ, а второй старался воздѣйствовать на восточныхъ сокращеніемъ содержанія, какое онъ обѣщалъ имъ на время ихъ пребыванія въ Италіи, — и другими подобными средствами; вслѣдствіе сего пренія не привели ни къ какому соглашенію; противники оста-

[1]) См. Дѣян. Соб. Т. VII стр. 359. 275

лись при своихъ разностяхъ,—вопросъ о латинскихъ нововведеніяхъ остался нерѣшеннымъ. 3) При составленіи окончательнаго договора, съ той и другой стороны, пастырями, домогавшимися уніи, руководила не *истина* Христова, какъ бывало въ древнія времена, а *хитрость* и *лукавство*; греки старались составить такую формулу, чтобы какъ можно меньше уступить, а латиняне такую, чтобы какъ можно больше взять. Въ концѣ концовъ Соборъ не увѣнчался полнымъ общеніемъ и желаннымъ соединеніемъ; греческіе епископы только присутствовали при латинской Литургіи, и не смотря на желаніе папы, никто изъ нихъ не священнодѣйствовалъ съ латинами, никто не пріобщился опрѣсноковъ, и даже братское лобзаніе греки давали только другъ другу, а не латинянамъ. Когда же греки и съ своей стороны хотѣли отслужить торжественную Литургію, на которой въ знакъ общенія долженъ былъ присутствовать и папа, имъ было въ этомъ отказано. Что же можно сказать о такомъ Соборѣ? Можно ли признать, что имъ управлялъ Христосъ, какъ его невидимая Глава,—и въ немъ дѣйствовалъ Духъ Святый, просвѣщая пастырей Церкви своею благодатію? Понятно, почему восточные епископы, согласившіеся на унію съ Римомъ, не были приняты своими паствами, по своемъ возвращеніи изъ Италіи, и принуждены были оставить свои каѳедры, и въ тишинѣ монастырскаго уединенія оплакивать свою измѣну православію. Восточная Церковь формально отвергла этотъ Соборъ, какъ незаконный, какъ латиномудрствующій. Восточные патріархи сперва въ Іерусалимѣ, а потомъ и въ Константинополѣ произнесли противъ него приговоры осужденія; точно также поступили и русскіе епископы: въ 1441 году они осудили своего митрополита Исидора за участіе на Соборѣ и принятіе уніи, и съ тѣхъ поръ перестали брать себѣ митрополитовъ изъ Константинополя. Исидоръ былъ послѣднимъ изъ грековъ [1]).

[1]) Почтенные оо. іезуиты, посѣщая меня въ Прагѣ, нерѣдко заговаривали со мной объ уніи на основаніяхъ Флорентійскаго Собора. Не желая входить въ полемику съ гостями,—я сначала отмалчивался, отклоняя рѣчь отъ такой щекотливой темы;—но когда гости опять и опять возвращались къ разговору объ этомъ предметѣ,—упрекая православныхъ въ клятвопреступленіи и т. под.,—тогда я нашелся вынужденнымъ сказать, что я сомнѣваюсь: можно ли этотъ Соборъ назвать въ строгомъ смыслѣ христіанскимъ,—и указалъ на то, что здѣсь изложено. Съ тѣхъ поръ наши рѣчи объ уніи на основаніяхъ Флорентійскаго Собора прекратились.

Такъ возраженіе дало намъ случай разъяснить, какимъ образомъ въ восточной Церкви составляются вѣроопредѣленія, какъ участвуютъ въ этомъ дѣлѣ пастыри Церкви и какъ эти вѣроопредѣленія принимаются паствами?

Послѣ этого для насъ будутъ понятны разности во взглядахъ латинской Церкви на каѳедральныя вѣроопредѣленія и отношенія къ нимъ епископовъ и ихъ паствъ.

Проф. Рэмъ, въ своемъ сочиненіи, упомянутомъ нами выше, даетъ подробное объясненіе выраженію—ex cathedra. Изображая сначала высокое служеніе епископа и потомъ папы,—онъ старается вывести свое объясненіе изъ взаимныхъ отношеній епископата къ папѣ и папы къ епископату. „Епископы, разсуждаетъ онъ, въ дѣлѣ учительства суть намѣстники Іисуса Христа; они поставлены Духомъ Святымъ руководить и управлять Церковію; они суть Ангелы церквей, посланники Божіи, столпы и основанія Церкви; преемники Апостоловъ, обладающіе вполнѣ ихъ властію; вѣтви, произросшія отъ нихъ; сыны, унаслѣдовавшіе все имѣніе своихъ отцевъ. Но вслѣдъ за тѣмъ мало по малу ограничиваетъ ихъ достоинство и ихъ высокое служеніе въ Церкви.—Епископы, продолжаетъ онъ, способны заблуждаться и выдавать ложь за истину. Исторія представляетъ множество примѣровъ, когда епископы еретичествовали, вооружались противъ истины и гнали ее, слѣдовательно имъ нельзя усвоять непогрѣшимости. (А папы развѣ не представляютъ подобныхъ примѣровъ?)—Спрашивается: гдѣ же послѣ этого непогрѣшимость? Въ *единствѣ* епископовъ съ папою.

Для сохраненія единства въ Церкви необходимъ средоточный, всесвязующій центръ. Для Апостоловъ онъ данъ въ лицѣ Петра,—для епископовъ—въ лицѣ папы. Петръ и папа—выраженія равнозначущія: приговоръ папы есть приговоръ Петра: быть въ общеніи съ папою значитъ быть въ общеніи съ Петромъ; въ папѣ продолжаетъ жить Петръ,—въ лицѣ папы Петръ возсѣдаетъ на апостольскомъ престолѣ и правитъ кормиломъ Церкви. На семъ основаніи—исповѣданіе Петра, вѣра первоверховной главы и основанія Церкви есть не только первый и высшій, но именно основной и правиломъ служащій (normirende) авторитетъ въ Церкви. И потому папѣ приличествуетъ составлять символы вѣры. Новое изданіе Символа, говоритъ Ѳома Акви-

нать, — можетъ оказаться необходимымъ для предотвращенія нововозникающихъ заблужденій. Авторитету папы предоставлено изданіе символа, а авторитетъ символа служитъ послѣднимъ опредѣленіемъ того, во что должны вѣровать и на что опираться всѣ вѣрующіе [1]).

Ученіе римскаго епископа есть ученіе апостола Петра; онъ занимаетъ каѳедру Петра и есть верховнѣйшій и наивысшій учитель, на котораго не къ кому аппелировать, напротивъ къ нему восходятъ всѣ аппеляціи, какъ въ послѣднюю инстанцію; онъ есть учитель вселенной; къ нему обращаются со всѣми сомнѣніями, и его рѣшеніямъ обязательно оказывать послушаніе. Онъ есть причина непоколебимости и единства вѣры, руководство истины и ея первоисточникъ, уста, представитель, органъ Церкви, и намѣстникъ Христа, какимъ былъ ап. Петръ.

Непогрѣшимость есть неотъемлемое преимущество примата Петрова...

Папскія опредѣленія *ex cathedra*, вслѣдствіе соприсутствія Духа Святаго, непогрѣшимы сами по себѣ, а *не отъ одобренія и согласія епископата*. Но этимъ (?) отнюдь не выражается, что будто опредѣленіе ex cathedra въ дѣлахъ вѣры и нравственности непогрѣшимо безъ согласія епископовъ и даже можетъ стоять въ противорѣчіи съ ними. Напротивъ, папа и епископы образуютъ цѣлое; ни папа—безъ епископовъ, ни епископы — безъ папы... Какъ глава не можетъ жить безъ членовъ, а члены безъ главы, такъ и глава Церкви — (этого живого организма, по библейскому воззрѣнію), — папа — безъ епископовъ, а епископы безъ главы — папы. И какъ члены отъ главы получаютъ движеніе и управленіе, такъ равно и глава нуждается въ членахъ для совершенія своихъ отправленій. Эта цѣлостность имѣетъ мѣсто и при опредѣленіяхъ папы *ex cathedra*. Они непогрѣшимы и неизмѣнны сами по себѣ, а не отъ послѣдующаго согласія учащей Церкви. Но опредѣленіе *ex cathedra* существуетъ только тогда, когда папа даетъ его въ качествѣ главы церковнаго учащаго организма. Какъ индивидуальное лице (?!) онъ можетъ отдѣлиться отъ епископата и тайно или явно пребывать въ заблужденіи или невѣріи; но онъ

[1]) Summa 2,2 q. 1. art. X.

не можетъ этого сдѣлать, пока онъ состоитъ главою епископата, а онъ только тогда главою, когда даетъ опредѣленіе *ex cathedra*; потому что при такомъ опредѣленіи, согласно обѣтованію Господа, онъ пребываетъ въ единеніи съ епископатомъ". Вотъ богословскія толкованія Ватиканскаго выраженія *ex cathedra*.

И такъ непогрѣшимъ папа не отдѣльно взятый отъ епископата и противорѣчащій ему, но находящійся въ единеніи съ *большею* или *меньшею* частію епископовъ и говорящій ко всей Церкви.

„Догматъ этотъ не есть новость (?!). Имъ не измѣняется догматъ *о непогрѣшимости Церкви*,—напротивъ,—то, что прежде подразумѣвалось, или существовало въ неразъясненномъ видѣ, implicite, то теперь является explicite, въ видѣ разъясненномъ и опредѣленномъ. Всегда существовалъ такой взглядъ, что при возникновеніи важнѣйшихъ споровъ по предметамъ Писанія и Преданія,—если рѣшенія епископовъ расходятся, есть высшій, непогрѣшимо-рѣшающій авторитетъ,—папа, говорящій ex cathedra; равнымъ образомъ, что такое опредѣленіе—ex cathedra въ спорныхъ вопросахъ папа даетъ только тогда, когда онъ въ соединеніи съ епископатомъ, соборнѣ или безъ соборовъ тщательно изслѣдовалъ ихъ, и что потомъ такимъ опредѣленіямъ должны подчиняться раньше несогласные епископы, а равно и остальные вѣрующіе, если они хотятъ оставаться въ Церкви.

„Вѣроопредѣленія, составленныя большимъ или меньшимъ числомъ епископовъ, послѣ общаго совѣщанія, изслѣдованія и обсужденія Писаній и Преданій, пользовались высокимъ уваженіемъ въ Церкви, но не имѣли всеобще-обязательной силы; онѣ становятся обязательными, только въ томъ случаѣ, когда папа объявляетъ ихъ таковыми. Собраніе епископовъ одной націи или провинціи или большей части ихъ, вслѣдствіе такого подтвержденія ихъ рѣшеній, получаетъ характеръ католическаго вселенскаго Собора. *Одобренныя* папою вѣроопредѣленія Собора становятся непогрѣшимыми *не вслѣдствіе папскаго подтвержденія* (?), но отъ того, что при ихъ составленіи епископы состояли въ единеніи вѣры съ римской каѳедрой. Утвержденіе папы необходимо для епископовъ и вѣрующихъ, только для того, чтобы они знали, что они пребываютъ въ союзѣ и общеніи съ главою Церкви. Подобное нѣчто бы-

ваетъ относительно грѣховъ; — ихъ нужно исповѣдывать, хотя совершенное раскаяніе ихъ уже истребило.

„При каѳедральныхъ опредѣленіяхъ папы сужденіе епископовъ слѣдуетъ за сужденіемъ папы, а при подтвержденіи вѣроопредѣленія помѣстнаго Собора предшествуетъ; но на вселенскихъ Соборахъ папа и епископы въ одно время являются свидѣтелями, стражами и судіями вѣры. Вселенскій Соборъ состоитъ изъ епископовъ и папы вмѣстѣ.

„Чтобы Соборъ былъ вселенскимъ, для этого нѣтъ необходимости въ участіи всѣхъ епископовъ; довольно, если будетъ разослано приглашеніе ко всѣмъ и всѣ будутъ знать о томъ. Число дѣйствительно явившихся неважно. Довольно, если число присутствующихъ епископовъ не слишкомъ мало, чтобы представлять всю церковь. Значеніе Соборамъ придается важностію и авторитетомъ верховнаго первосвященника; если онъ присутствуетъ—довольно *ста епископовъ*, если же отсутствуетъ—ничего не значитъ, если соберется множество, учитъ Мельхіоръ Канусъ“ [1]).

Это толкованіе, повидимому, такое стройное, — при внимательномъ чтеніи оказывается слишкомъ искусственнымъ, нестройнымъ, несогласнымъ съ ученіемъ о главенствѣ папы, и въ существѣ дѣла пустымъ, безсодержательнымъ.

Когда авторъ начинаетъ говорить объ епископахъ, — онъ разсуждаетъ объ нихъ почти вполнѣ согласно съ древними объ нихъ представленіями, употребляя при семъ выраженія свящ. Писанія и древнихъ Отцевъ церкви—св. Игнатія, Кипріана и др. Но какъ скоро рѣчь пошла о папѣ,—все сказанное объ нихъ стушевывается, теряетъ силу. Епископы погрѣшительны и лично, и въ своемъ служеніи, а потомъ, когда пришлось говорить о вселенскихъ соборахъ, имъ опять придается какъ будто нѣкоторая доля дѣятельнаго участія въ непогрѣшительныхъ опредѣленіяхъ. Точно также и о папѣ; то онъ отождествляется съ ап. Петромъ, то трактуется погрѣшимымъ и съ соборомъ, и безъ собора; за нимъ признается даже возможность пребывать въ невѣріи и въ заблужденіи—тайно и явно; и въ концѣ концевъ разсужденіе сводится къ тому, что непо-

[1]) Das Glaubensprincip der kath. Kirche v. Röhm. стр. 74—111.

грѣшимость усвояется не *служенію* папскому, а *единству* папы съ епископатомъ, и епископата съ папой, при чемъ непогрѣшимость представляется какъ-бы переливающеюся жидкостію,—то она на сторонѣ епископата, когда онъ рѣшаетъ вопросы вѣры, а папа только свидѣтельствуетъ свое единство съ нимъ своею подписью,—то на сторонѣ папы, когда епископатъ изъявляетъ свое согласіе съ его рѣшеніемъ и притомъ нерѣдко молчаливое. Но это новое условіе — единство необходимо вызываетъ предположеніе еще другихъ условій. Чтобы единство папы съ епископатомъ служило ручательствомъ *каѳедральности* и потому *непогрѣшимости* папскихъ опредѣленій,—для этого необходимо нужно, чтобы епископатъ былъ единомысленнымъ между собою, но этого единомыслія, особенно при такомъ условномъ и широкомъ пониманіи предмета непогрѣшимости, не было и нѣтъ. Такъ, напр., его не было въ вопросѣ о непорочномъ зачатіи; 18 епископовъ, изъ коихъ были люди богословски образованные и вліятельные, предостерегали Пія IX отъ объявленія этого догмата, какъ нововведенія которое можетъ навлечь на латинскую церковь упреки въ сочиненіи новыхъ догматовъ. Его не было и на Ватиканскомъ соборѣ: изъ 764 отцевъ собора—163 оставили Римъ подъ разными предлогами, чтобы только спасти свою совѣсть, не раздражая папы; 81 не участвовали въ голосованіи; 91 воздержались отъ подачи своего голоса, 61 изъявили условное согласіе, 85 вотировали противъ папской непогрѣшимости и только 283 безусловно согласились на Ватиканское опредѣленіе,—приблизительно то число прелатовъ, какое было содержимо на иждивеніи папы. Можно-ли послѣ этого говорить о единствѣ? Если такимъ образомъ нѣтъ единства въ самомъ епископатѣ, и если непогрѣшимая истина опредѣляется только подачей голосовъ, то, безъ сомнѣнія, папѣ принадлежитъ право или пристать къ большинству, или принять и утвердить мнѣніе меньшинства. А если это такъ, и если для засвидѣтельствованія единства папы съ епископатомъ довольно и ста епископовъ,—какъ учатъ латинскіе богословы,—а у него въ Римѣ найдется гораздо большее число епископовъ, которые состоятъ при его дворѣ и изъ рабольпнаго служенія ему готовы принять за богооткровенную истину всякое его мнѣніе,—то един-

ство папы съ епископатомъ и епископата съ папой не представляетъ никакого ручательства въ каѳедральности и потому непогрѣшительности папскаго опредѣленія.—Во первыхъ,—такого единства нѣтъ, а во вторыхъ, это мнимое единство всегда можно искусственно подобрать и составить, и потомъ выдать за общее, вселенское единство.

Но помимо всего этого, теорія папскаго главенства, возвеличивая римскаго епископа и умаляя значеніе прочихъ епископовъ, подаетъ основательный поводъ спросить: можетъ-ли епископатъ представлять какой-либо авторитетъ въ дѣлѣ опредѣленій? По теоріи папскаго главенства не можетъ. Епископы суть викаріи папы, даютъ ему присягу, какъ своему господину, и относятся къ нему также, какъ пресвитеры по отношенію къ своему епископу. Какъ викаріи, они собираются на соборъ по приглашенію папы; какъ викаріи, занимаются тѣми только вопросами, какіе предлагаетъ имъ папа, и какъ викаріи же рѣшаютъ эти вопросы въ томъ смыслѣ и направленіи, какъ того желаетъ опять господинъ ихъ папа. Какое-же ручательство въ непогрѣшимости можетъ послѣ этого представлять единство съ такимъ Соборомъ?—Латинскіе епископы, опять какъ викаріи папы, не могутъ быть представителями своихъ паствъ и ихъ исповѣданій,—какъ это было въ древней Церкви и какъ это есть въ Церкви восточной. Латинскіе епископы для паствъ представляютъ папу, какъ его помощники и викаріи, а отъ лица паствъ на Соборѣ служатъ не представителями ихъ исповѣданій, а свидѣтелями ихъ благопокорности и безусловнаго послушанія; на Соборѣ они могутъ только удостовѣрять, что ихъ паствы дѣйствительно составляютъ церковь слушающую,—что всѣ ученія, исходящія отъ римской каѳедры ап. Петра, твердо содержатся церквами. Предъ утвержденіемъ догмата о непорочномъ зачатіи спрашивали епископовъ о настроеніи паствъ по отношенію къ этому вопросу,—спрашивали вовсе не въ древнемъ смыслѣ, а для того, чтобы увѣриться, что четки, медальоны, картинки и молитвы, направленныя къ распространенію новаго ученія, сдѣлали свое дѣло, и что провозглашеніе новаго догмата не встрѣтитъ никакого препятствія. Удостовѣреніе большинства епископовъ, кромѣ 18-ти, которые возражали не отъ лица паствъ, а отъ себя, успокоили опасли-

вость тѣхъ, кто заправлялъ ходомъ этого дѣла, и догматъ былъ провозглашенъ. Такая каѳедральность не можетъ ручаться за непогрѣшимость.

И такъ единеніе папы съ епископатомъ не можетъ служить условіемъ каѳедральности.

Нельзя думать, чтобы такое условіе могло быть принято и самими папами. Папамъ нѣтъ надобности совѣтоваться съ своими помощниками, которые отъ нихъ получаютъ благодатные дары, ими живутъ, по милости ихъ пастырствуютъ и по ихъ руководству учатъ народъ. Чего папамъ недостаетъ? Чѣмъ можетъ позаимствоваться старшій отъ младшихъ, отецъ отъ своихъ дѣтей, глава отъ тѣла? Органы нужны для главы, какъ исполнители и совершители ея воли.

Поэтому, мы утверждаемъ, и строгая логика въ томъ насъ убѣждаетъ, что единство папы съ епископатомъ ни какъ не можетъ служить условіемъ каѳедральности папскихъ опредѣленій, они неизмѣнны только сами по себѣ! Мысль объ этомъ единствѣ взята изъ практики древней Церкви, и къ латинской церкви никакъ не относится. Какъ условіе, оно введено въ опредѣленіе догмата только для того, чтобы въ немъ имѣть, такъ сказать, лазейку, въ которую можно будетъ укрывать и устранять все, что будетъ встрѣчаться въ исторіи латинства противнаго папской теоріи. Всѣ папскія опредѣленія, изданныя съ несомнѣннымъ характеромъ каѳедральности, но оказавшіяся впослѣдствіи погрѣшительными,—всѣ устраняются посредствомъ подведенія подъ это условіе. Такъ Левъ III не дозволилъ внести въ Символъ Filioque,—онъ въ этомъ случаѣ не былъ въ единомысліи съ епископатомъ и потому погрѣшилъ. Евгеній IV призналъ верховенство Соборовъ,—онъ въ это время дѣйствовалъ подъ вліяніемъ страха и внѣ союза съ епископатомъ, и потому погрѣшилъ. Климентъ XIV осудилъ орденъ іезуитовъ,—опять то же объясненіе; онъ дѣйствовалъ подъ давленіемъ свѣтскихъ правительствъ, внѣ союза съ епископатомъ, и потому погрѣшилъ. Папа Пій IX, въ рѣчи къ савойскимъ пилигримамъ, благословилъ оружіе турокъ противъ Россіи,—опять онъ былъ въ то время внѣ союза съ епископатомъ,—подъ впечатлѣніемъ событій въ Польшѣ 1863 года и такъ далѣе. Такія объясненія прекрасны съ точки зрѣнія латинянъ. Но справедливы ли они и мо-

гутъ ли имѣтъ какое объективное значеніе?—это другой вопросъ. Если только одинъ папа непогрѣшимъ, то слѣдовало бы отъ него одного и ожидать разрѣшенія вопроса о каѳедральности и неизмѣнности его опредѣленій. Если же онъ не даетъ его, то всѣ такія и подобныя толкованія не имѣютъ никакого значенія, и если имъ придаютъ значеніе,—а не придавать имъ значенія нельзя—то въ церкви латинской образуются двѣ непогрѣшимости, одна—такъ сказать—*законодательная*, а другая *истолковательная*,—какъ оно въ дѣйствительности и есть,—*законодательная* принадлежитъ папѣ, а *истолковательная*—латинскимъ богословамъ, или точнѣе и прямѣе, отцамъ іезуитамъ; такъ какъ имъ собственно и нуженъ былъ этотъ догматъ; благодаря ихъ стараніямъ, хитрости и ловкости [1]) онъ былъ утвержденъ въ этомъ достоинствѣ и значеніи въ папствованіе Пія IX, этого добродушнаго, искренняго, но не глубокаго по уму и образованію старца, который искренно вѣрилъ въ свою боговдохновенность и вполнѣ находился во власти этихъ тайныхъ заправителей латинской церкви. Возвышеніемъ папы, котораго они держатъ въ своей власти, отцы іезуиты увеличиваютъ и безъ того чрезмѣрную силу папы и важность его въ церкви латинской; а неопредѣленностію догмата оставляютъ за собою право быть всегда толкователями всѣхъ папскихъ опредѣленій. Догматъ изложенъ въ такой формѣ, что вполнѣ соотвѣтствуетъ всѣмъ требованіямъ гибкой и изворотливой логики оо. іезуитовъ: имъ признается за папой лично-непогрѣшимое учительство, но при случаѣ дается возможность ее ограничить, имъ подводятся подъ теорію верховенства и непогрѣшимости всѣ древніе Соборы вселенскіе и помѣстные, и въ тоже время представляется возможность оправдывать папъ, когда они изрекали погрѣшительныя опредѣленія.

Послѣ этого сравнивать такъ искусственно и такъ лукаво составленное опредѣленіе съ вѣроопредѣленіями или вѣроизложеніями вселенскихъ Соборовъ не представляется возможнымъ и приличнымъ.

---

[1]) Веденіе этого дѣла іезуитами довольно подробно раскрыто г. Овербекомъ въ его сочиненіи «Свѣтъ съ Востока». Пер. съ нѣм. Изданіе Виленскаго Братства. 1868 г.

4) Наконецъ переходимъ къ разсмотрѣнію четвертаго пункта Ватиканскаго опредѣленія.

Въ основу непогрѣшимости папскихъ вѣроопредѣленій полагается апостольская власть и божественная помощь, обѣщанная папѣ въ лицѣ ап. Петра... Слова обѣтованія Христова, относившіяся къ апост. Петру,—папы относятъ къ себѣ: *ты еси Петръ и на семъ камени созижду Церковь Мою... Азъ молихся о тебѣ, да не оскудѣетъ вѣра твоя*; *паси агнцы Моя, паси овцы Моя*... Положимъ, что въ этихъ словахъ давались великія полномочія апостолу Петру. Высшій передаетъ низшему, Уходящій изъ сего міра—остающемуся въ немъ,—это понять не трудно. Но не легко понять, какимъ образомъ—отъ ап. Петра передаются эти чрезвычайныя полномочія папамъ?

Для увѣренія въ дѣйствительности передачи этихъ полномочій должно существовать какое-нибудь видимое посредство. Если сюда приложить наши православныя начала,—то для передачи папѣ его чрезвычайныхъ полномочій должны существовать: а) власть выше папы и б) какой-нибудь видимый знакъ, или таинственное священнодѣйствіе. Между тѣмъ ничего подобнаго не существуетъ; для папы нѣтъ ни высшей власти, ни особаго таинства. Если на мѣсто умершаго папы избранъ пресвитеръ,—его рукополагаютъ во епископа епископы: если же избранъ епископъ,—онъ только восходитъ на папскій тронъ и коронуется. Спрашивается: чѣмъ истые католики удостовѣряются, что послѣ восшествія на престолъ новоизбраннаго папы Петровы полномочія вмѣстѣ съ дарами непогрѣшимости дѣйствительно переданы ему. Когда бы каждый папа заживо предъ своей смертію рукополагалъ себѣ преемника, тогда бы еще можно было примириться съ теоріей папизма. Но этого нѣтъ и быть не можетъ; папа вдругъ и притомъ самъ собою дѣлается папой: не самозванство ли это? Для устраненія такого рода недоумѣнія можно представить объясненія, которыя впрочемъ принять не согласится ни одинъ изъ благомыслящихъ католиковъ: говорятъ: *избраніемъ* низводятся на новоизбраннаго папу благодатныя права и полномочія. Но, во первыхъ, избраніе въ Церкви никогда не было таинствомъ;—въ такомъ случаѣ и міряне стали бы участвовать въ низведеніи благодатныхъ даровъ; во вторыхъ, избиратели папы — члены конклава не могутъ передавать новоизбранному

того, чего сами не имѣютъ: въ третьихъ, избиратели, какъ общество, всегда выше избраннаго лица въ томъ смыслѣ, что они, возлагая на избраннаго свои полномочія,—въ случаѣ невыполненія имъ принятыхъ обязательствъ, имѣютъ право судить его и лишать полномочій. Но ни къ кардиналамъ избирателямъ, ни къ папѣ такого начала приложить нельзя. Остается принять то средневѣковое представленіе, по которому выходило, что благодатные дары, пребывавшіе въ папѣ, по смерти его, поглощены бываютъ Церковію, какъ скрытое тепло, а съ избраніемъ новаго папы опять съ Церкви переходятъ на избранника, въ немъ сосредоточиваются и на немъ покоятся. По такому представленію Соборы, составлявшіеся безъ папы, имѣли силу, пока не было папы, какъ же скоро его выбирали, Соборъ терялъ свою силу [1]). Но и такое представленіе нисколько не объясняетъ дѣла; по прежнему остается непонятнымъ, какимъ образомъ со смертію папы его власть передается епископамъ, а съ избраніемъ папы отъ епископовъ возвращается къ избранному безъ всякаго особаго посредства?—Представляютъ и другое объясненіе, но столь же неосновательное, какъ и первое. Говорятъ, что самый обрядъ коронованія папы слѣдуетъ считать таинствомъ, низводящимъ на него благодать верховенства и непогрѣшимости,—но такое таинство будетъ самопосвященіемъ, т. е. такимъ дѣйствіемъ, для котораго нѣтъ ни малѣйшаго основанія въ христіанскомъ ученіи и въ церковной практикѣ. Если, такимъ образомъ, передача полномочій Петровыхъ совершается внѣ существующихъ законовъ церковно-благодатной жизни, — а между тѣмъ эта передача стоитъ въ противорѣчіи съ законами духовной жизни, уже извѣстными намъ, (—связи разумѣнія истины со святостію жизни),—то, очевидно, что ссылка Ватиканскаго опредѣленія на Божественную помощь, обѣщанную будто бы папамъ въ лицѣ ап. Петра, ни на чемъ не основана, и просто измышлена папистами. Это ихъ самообольщеніе и самообманъ!

Поэтому, если бы намъ, православнымъ, пришлось начать съ

[1]) Почему на Соборахъ, составлявшихся для преобразованія Церкви и шли диспуты: съ чего начинать дѣяніе Собора — съ избранія ли папы,—но тогда Соборъ утрачивалъ свою силу,—или съ разсужденія о преобразованіяхъ въ Церкви,—но тогда преобразованія не имѣли силы, такъ какъ обсуждались безъ папы.

папистами переговоры о соединеніи Церквей,—то, безъ сомнѣнія, прежде чѣмъ начать переговоры, нужно бы было условиться относительно этого догмата *о непогрѣшимости папы*. При существованіи этого догмата никакіе переговоры невозможны. Если паписты будутъ послѣдовательны,—они должны будутъ потребовать отъ восточныхъ безъ всякихъ разсужденій, одного только изъявленія раскаянія въ прошломъ отчужденіи, и безусловной покорности и безпрекословнаго послушанія папѣ на будущее время.—Восточные же, напротивъ, оставаясь вѣрными православію и здравымъ началамъ православнаго мышленія, потребуютъ съ своей стороны, чтобы латинская церковь отреклась отъ мнимаго догмата—папской непогрѣшимости, и, осудивъ его, какъ лукавое изобрѣтеніе оо. іезутовъ,—воротилась къ древнему ученію о непогрѣшимости Церкви, признавъ ея органами вселенскіе Соборы. Если папистамъ не позволитъ отказаться отъ своихъ заблужденій *гордость*,—то тѣмъ болѣе ревность объ истинѣ не позволитъ православнымъ признать ложь за истину.

III.

О единствѣ Церкви.

Третья разность въ ученіи о Церкви, какую мы нашли по сличеніи катихизисовъ, относится къ вопросу *о единствѣ Церкви*, какъ одномъ изъ признаковъ ея истинности.

На ученіи объ этомъ предметѣ паписты строятъ главнымъ образомъ доказательства правоты своей церкви и неправоты церкви восточной, будто-бы отпавшей отъ вселенскаго единства и утратившей то начало, которое объединяетъ ее. Такая постановка вопроса о единствѣ Церкви дѣлаетъ его центральнымъ въ нашемъ спорѣ. Поэтому, хотя въ предшествующихъ статьяхъ съ достаточною ясностію нами показана неправота папизма, по вопросамъ о главенствѣ папы и его непогрѣшимости,—вопросамъ существеннымъ,—тѣмъ не менѣе и въ настоящемъ случаѣ мы должны остановиться на означенномъ вопросѣ и спеціально заняться его разрѣшеніемъ.

Чтобы нашъ споръ имѣлъ ясность, опредѣленность и строгую послѣдовательность, для сего сначала представимъ сущность латинскаго ученія *о единствѣ Церкви* и ихъ пониманіе этого единства, а затѣмъ предложимъ то пониманіе, какого держимся мы и какое считаемъ единственно истиннымъ и совершеннымъ, и съ нимъ свѣримъ ученіе латинское.

Латинское ученіе о единой Церкви мы уже видѣли въ изложеніи катихизисовъ: „церковь римско-католическая, говорится тамъ, *едина* совнѣ и внутри; ибо всѣ члены ея пребываютъ въ послушаніи у своихъ епископовъ, а епископы въ послушаніи у папы, какъ пастыря всей Церкви, который, какъ твердое кольцо, соединяетъ всѣхъ вѣрующихъ во едино. Въ ученіи и богослуженіи всѣ члены Церкви должны согласоваться съ верховнымъ пастыремъ и подчиняться непогрѣшимому авторитету учащей церкви, чѣмъ сохраняется внутреннее и внѣшнее единство. Нарушители этого единства отлучаются отъ Церкви. Всѣ религіозныя общества, отдѣлившіяся отъ римской церкви, лишены единства. Такова церковь восточная, распавшаяся по народностямъ и государствамъ на множество отдѣльныхъ церквей; каковы: церковь греческая съ патріархомъ цареградскимъ во главѣ, церковь русская, церковь эллинская (въ Греціи), церковь карловицкаго патріархата въ Австріи, черногорская, кипрская и (какая-то еще неизвѣстная намъ) церковь горы Синайской. Кромѣ того, тамъ обнаруживается стремленіе къ образованію новыхъ земскихъ или народныхъ церквей. Всѣ эти независимыя и отдѣльныя церкви образуютъ союзъ, подобный германскому союзу, существовавшему до объединенія его подъ гегемоніей Пруссіи“.

Другіе писатели судятъ объ этомъ предметѣ гораздо строже. Такъ неизвѣстный авторъ, въ сочиненіи [1]), недавно изданномъ заграницей, пишетъ:

[1]) Это сочиненіе напечатано подъ слѣдующимъ заглавіемъ: «Исхожденіе Св. Духа и вселенское первосвященство». Изданіе Сергѣя Асташкова. Фрейбургъ въ Брисгавѣ. У книгопродавца Б. Гердера. 1886 г, Типографія Юліуса Клинкгарда въ Лейпцигѣ. Вѣна I Вольцейле 33. Книжная торговля Б. Гердера.

Книга издана на русскомъ языкѣ и какъ видно по языку, писана не русскимъ. По тону, манерѣ и складу мышленія сочиненіе это похоже на сочиненіе другаго безъименнаго автора, изданное за границей въ 1858

а) Церковь *вселенская* (каѳолическая) по необходимости *монархія* и ничѣмъ другимъ быть не можетъ. Само понятіе вселенства непремѣнно предполагаетъ эту именно, а не другую форму правленія, абсолютная неизбѣжность коей зиждется на двойной причинѣ, т. е. на несмѣтномъ количествѣ подданныхъ и на безпредѣльномъ пространствѣ территоріальнаго владычества. Эта истина до того очевидна, что во всемъ теченіи вѣковъ ее оспаривали одни только мятежники, т. е. именно только тѣ, кои находили удобнымъ для себя или выгоднымъ публично и формально отщепиться отъ вселенства".

б) Помѣстныя церкви всѣ въ совокупности совершенно безсильны образовать единую *христіанскую-республиканскую церковь* (да зачѣмъ такую и создавать): потому что *никакого единства* (sic!) не можетъ быть тамъ, гдѣ не существуетъ общаго центра правленія, а безъ единства не можетъ быть и церковнаго вселенства, такъ какъ въ этомъ предположеніи, ни одна изъ частныхъ церквей не можетъ даже обладать какимъ-либо правильнымъ *органическимъ средствомъ* убѣдиться: состоитъ-ли она или не состоитъ въ общеніи съ прочими церквами (?!)? Утверждать-же, что совокупность независимыхъ церквей въ состояніи когда-нибудь образовать Церковь единую и вселенскую значило-бы утверждать, что совокупность политическихъ пра-

году, подъ названіемъ «О возможномъ соединеніи Церквей Восточной и Западной»,—на которое я ссылался въ начальной моей статьѣ. Вѣроятно, и это произведеніе какого-нибудь сочлена «Товарищества Іисусова». Страннымъ мнѣ показалось въ этой книгѣ то, что конецъ ея не сходится съ началомъ. По «предисловію» книга была написана давно, такъ какъ рукопись была найдена въ бумагахъ покойнаго Митроп. Макарія (чего, однакожъ, прямые наслѣдники покойнаго митрополита не знаютъ), а въ концѣ обозначены годъ и мѣсто, гдѣ была написана книга, именно: *Богородское*. 10 Августа 1886 года. Что это значитъ?!.

Книга эта, какъ видно изъ словъ издателя Сергѣя Асташкова, издана съ цѣлію вызвать «дѣльный и основательный отвѣтъ на дерзкую и обидную критику всего нашего церковнаго православнаго ученія». Охотно принимаемъ брошенный намъ вызовъ. Предлагаемыя мною статьи, которыя начаты по вызову, сдѣланному мнѣ еще въ Прагѣ,—будутъ служить достаточнымъ отвѣтомъ на эту новую книгу. Впрочемъ, въ концѣ своей книги я надѣюсь поговорить объ ней отдѣльно; причемъ имѣю намѣреніе поговорить и о книгѣ г. Астромова, «О непогрѣшимости папы» — которая тоже заслуживаетъ нѣкотораго вниманія. Какъ видно, оба эти произведенія стоятъ между собою въ связи.

вительствъ Европы въ состояніи образовать единое Европейское государство, т. е. признавать явную нелѣпость. Если-бы кто-либо предложилъ образовать Прусское королевство безъ Прусскаго короля, или Россійскую Имперію безъ Русскаго Императора, того, вѣроятно, отправили-бы къ психіатру. Однако предложеніе его нисколько не было-бы нелѣпѣе понятія *о Вселенской Церкви безъ вселенской главы*".

в) Если-же вопреки существенному, какъ мы видѣли, свойству вселенской Церкви быть монархіей, допущено было ея раздѣленіе, напр. на отдѣльные и независимые другъ отъ друга патріархаты, какъ того домогаются отдѣлившіяся отъ вселенства (читай католичества) церкви Востока, то въ такомъ случаѣ вопросъ чрезъ это нисколько-бы не измѣнился. Каждый патріархъ опять-таки неизбѣжно обладалъ-бы преимуществомъ, признаваемымъ вселенскою церковію только за Римскимъ первосвященникомъ, и на приговоры этого патріарха точно также нельзя было-бы аппелировать подчиненнымъ ему церквамъ, ибо необходимо-же признать какую-нибудь инстанцію послѣднею. Такимъ образомъ верховная власть крошилась-бы на части, но тѣмъ не менѣе не исчезла и пришлось-бы только по неволѣ измѣнить существенный членъ Символа, исповѣдуя, что мы вѣруемъ *въ церкви отдѣльныя и взаимно-независимыя*. Вотъ къ какому чудовищному понятію (?!) ведетъ неизбѣжно отрицаніе церковнаго главенства. Но этого мало. Понятіе это, кромѣ того, еще неминуемо усовершенствуется (?) на практикѣ, свѣтскою политическою властію, которая, не стѣсняясь тщетнымъ и пустымъ дѣленіемъ церквей на патріархаты, несомнѣнно поспѣшитъ установить независимость своей собственной національной церкви, или даже вовсе освободиться отъ неудобнаго по своимъ видамъ патріаршества, какъ это и случилось именно въ Россіи. Такимъ образомъ въ замѣнъ *единой* только *непогрѣшимости* (авторъ непогрѣшимость отождествляетъ съ верховной властью), отвергнутой какъ слишкомъ сверхъестественное преимущество, получится столько непогрѣшимостей, сколько угодно будетъ правительствамъ образовать по количеству существующихъ государствъ и народностей; и религіозная верховная власть, нисходя постепенно отъ первосвященства до патріархатовъ, отъ нихъ низойдетъ еще до національныхъ синодовъ, съ

ихъ всемогущими оберъ-прокурорами, пока окончательно унизится до прямаго правительственнаго главенства, какъ въ Англіи, т. е. до чистаго протестантизма“ [1]).

Весь смыслъ приведенныхъ отрывковъ мы можемъ выразить въ слѣдующихъ положеніяхъ:

а) истинная Церковь должна представлять изъ себя монархію, объединенную въ одномъ лицѣ, какъ съ внутренней, такъ и съ внѣшней стороны, — какова и есть церковь латинская;

б) безъ видимой главы Церкви, какъ центра, какъ объединяющаго начала въ церквахъ восточныхъ *нѣтъ и не можетъ быть никакого единства*;

в) восточные патріархаты суть тѣ-же монархіи, какъ и латинская, только въ маломъ размѣрѣ,—а ихъ главы—такія-же верховныя и непогрѣшимыя главы церквей, какъ папа Церкви вселенской, и потому

г) въ своей совокупности они столь-же мало представляютъ единства, какъ независимыя государства безъ общаго правительственнаго центра.

Таково латинское пониманіе ученія о единствѣ Церкви. Здѣсь мы усматриваемъ, во первыхъ, плотское пониманіе этого единства. Представленія о земныхъ царствахъ смѣшиваются съ представленіемъ о царствѣ Божіемъ, которое имѣетъ свое особое устройство и въ которомъ дѣятельность его слугъ отличается по своему характеру отъ дѣятельности слугъ земныхъ царствъ. Припомнимъ слова Христовы, сказанныя Пилату: *Царство Мое нѣсть отъ міра сего: аще отъ міра сего было-бы царство Мое, слуги Мои убо подвизалися быша, да не преданъ бых былъ іудеомъ: нынѣ-же царство Мое нѣсть отсюду*. Утвердивъ вопросъ Пилата, Царь-ли Онъ,—Христосъ продолжалъ: *Азъ на сіе родихся, и на сіе пріидохъ въ міръ, да свидѣтельствую истину, и всякъ, иже отъ истины, послушаетъ гласа Моего* (Іоан. 18, 36. 37). Послѣдними словами опредѣляется характеръ дѣятельности слугъ Христовыхъ и отношенія къ нимъ слушателей. Особенности царства Христова, какъ царства духовнаго, требуютъ и особаго языка, о чемъ нами и было замѣчено выше.

[1]) Стр. 77—79.

Во вторыхъ: въ логикѣ автора, насколько она выразилась въ этомъ отрывкѣ, обнаружилась наклонность къ выводамъ *ad absurdum*;—т. е. изъ положенія, признаваемаго противникомъ за истинное, путемъ строго логическимъ выводится нелѣпость, которая и обличаетъ во лжи основное, исходное положеніе. Это умозаключеніе хорошо въ математикѣ, при строгой опредѣленности формулъ,—но въ такихъ спорныхъ пунктахъ, какъ въ данномъ случаѣ, такой пріемъ можетъ только свидѣтельствовать противъ мыслителя; потому что въ такихъ случаяхъ за положеніе противника берется мысль или не точно формулированная,—почему удобная для того, чтобы подразумѣвать подъ нею какой-угодно смыслъ,—или даже совсѣмъ не принадлежащая противнику. Такимъ способомъ мышленія отличаются особенно о. о. іезуиты [1]). Но это мышленіе бѣдное, несовершенное, имѣющее видъ логической послѣдовательности, а въ сущности фальшивое.

Въ третьихъ; въ приведенномъ отрывкѣ идетъ рѣчь только о *единствѣ* внѣшнемъ, хотя на немъ зиждется затѣмъ все ученіе о верховенствѣ и непогрѣшимости папы. О духовномъ-же единствѣ не говорится ни слова.

Въ четвертыхъ: авторъ неправильно трактуетъ о патріаршемъ управленіи; онъ или не знаетъ его отличія отъ управленія папскаго,—въ такомъ случаѣ слѣдовало-бы познакомиться съ этимъ дѣломъ,—или-же представляется незнающимъ—въ такомъ случаѣ намѣренно вводитъ въ обманъ читателя,—чего никакъ нельзя оправдать въ дѣлѣ истины.... Но объ этомъ предметѣ у насъ будетъ рѣчь въ слѣдующей статьѣ.

Этому такъ откровенно высказанному пониманію папистовъ противопоставимъ наше пониманіе.

Путь къ удобнѣйшему изложенію нашего ученія о единствѣ Церкви указывается намъ самими-же папистами. Они различаютъ единство совнѣ и внутри, внѣшнее и внутреннее; съ такимъ раздѣленіемъ мы совершенно согласны и потому воспользуемся имъ,—только начнемъ не съ внѣшняго, а съ внутренняго, какъ главнаго и существеннаго.

Въ статьѣ о главенствѣ Христовомъ мы уже сказали объ

[1]) Въ спорѣ съ янсенистами практиковался именно этотъ пріемъ.

основѣ внутренняго единства всѣхъ вѣрующихъ. Мы уже видѣли, что единство Церкви покоится на незыблемомъ камени— Христѣ, въ Немъ пребываетъ и въ Немъ осуществляется. Такое ученіе не выводится посредствомъ какихъ-либо соображеній разума, или умозаключеній, какъ это дѣлается обычно у папистовъ, но взято непосредственно изъ словъ Самого-же Господа. Единство въ Немъ вѣрующихъ составляло предметъ Его послѣдней молитвы, извѣстной подъ именемъ первосвященнической. Въ ней мы находимъ, что единство во Христѣ объемлетъ всѣхъ вѣрующихъ въ Него: *не о сихъ молю токмо* (т. е. не объ однихъ только непосредственныхъ ученикахъ); *но и о вѣрующихъ словесе ихъ ради въ Мя, да вси едино будутъ* (Іоан. 17, 20.); что основаніе этого единства покоится въ личномъ единеніи Бога Отца съ Сыномъ, и Сына со Отцемъ: *яко-же Ты, Отче, во мнѣ и Азъ въ Тебѣ, да и тіи въ насъ едино будутъ* (Іоан. 17, 21.); что посредникомъ въ этомъ единствѣ пребываетъ Онъ Самъ: *Азъ въ нихъ, и Ты во Мнѣ, да будутъ совершены во едино* (17, 23), и что спасительнымъ послѣдствіемъ этого единства во Христѣ будетъ то, что враждебный Христу міръ уразумѣетъ и повѣруетъ, что Сынъ Божій снисходилъ на землю по волѣ Отца Небеснаго и что Богъ возлюбилъ человѣка тою-же любовію, какою возлюбилъ Сына Своего: *да и міръ вѣру имѣтъ, и да разумѣетъ міръ, яко Ты Мя послалъ еси и возлюбилъ еси ихъ, яко-же Мене возлюбилъ еси* (17, ст. 21. 23.). Подобнымъ образомъ и Апостолы взирали на Христа, какъ на источное начало духа и жизни, какъ на основу единства, какъ на Главу Церкви, *изъ Котораго все тѣло составляемое и совокупляемое посредствомъ всякихъ, взаимно скрѣпляющихъ связей, при дѣйствіи въ свою мѣру каждаго члена, получаетъ приращеніе для созиданія самого себя въ любви* (Еф. 4, 16.).

Это единство во Христѣ есть самое первое, самое главное, самое существенное въ Церкви. Внѣ этого единства нѣтъ спасенія. Оно есть общеніе вѣрующихъ съ Божественною жизнію, какъ общеніе вѣтви съ жизнію дерева. *Яко-же рожа не можетъ плода сотворити о себѣ, аще не будетъ на лозѣ: тако и вы, аще во Мнѣ не пребудете. Азъ есмь лоза, вы же рождіе; и иже будетъ во Мнѣ, и Азъ въ немъ, той со-*

творитъ плодъ многъ: яко безъ Мене не можете творити ничесоже. Аще кто во Мнѣ не пребудетъ, извержется вонъ, яко-же розга, и изсышетъ, и собираютъ ю и во огнь влагаютъ: и сгараетъ (Іоан. 15, 4. 6.).

Объединяясь во Христѣ, какъ въ своей невидимой Главѣ, всѣ вѣрующіе необходимо объединяются и между собою и составляютъ одинъ союзъ, одно общество, одну Церковь. Чтобы не выпадать изъ этого духовнаго единства, они имѣютъ для этого одинъ символъ и вмѣстѣ съ симъ одно ученіе, одно Богослуженіе и одну молитву, одни церковные каноны—одно и то-же іерархическое устройство. Такимъ образомъ, символъ, богослуженіе и церковныя правила—вотъ та трехсоставная ограда, которою ограждается единая Соборная, или вселенская, святая, Апостольская Церковь. Кто разрушаетъ эту ограду, хотъ въ одной части, тотъ выступаетъ изъ церковнаго единства. Такъ, кто нарушаетъ символъ тотъ еретикъ, а кто нарушаетъ богослуженіе или каноны, тотъ раскольникъ или схизматикъ.

Въ этой оградѣ, сколько-бы она ни расширялась, сколько бы ни образовывалось отдѣльныхъ, независимыхъ помѣстныхъ церквей,—всѣ вѣрующіе чувствуютъ свое единство; ибо всѣ всегда пребываютъ въ общеніи молитвъ и таинствъ. Пріѣдетъ ли въ Россію православный японецъ, или арабъ, или какой-либо африканецъ, каждый изъ нихъ точно также молится въ нашемъ храмѣ, какъ онъ молился-бы у себя на родинѣ въ своемъ православномъ,—каждый принимаетъ таинства, напр. исповѣдь и причащеніе, какъ онъ это дѣлаетъ у себя дома. Равнымъ образомъ и нашъ богомолецъ или странникъ себя чувствуетъ какъ дома, когда ему случается быть въ чужой странѣ въ православномъ храмѣ. Наши паломники, посѣщавшіе Іерусалимъ, Синайскую гору, Александрію, знаютъ это по опыту. Чего же бы еще не доставало православному страннику въ чужой, но православной странѣ, для ощущенія и сознанія своего духовно-благодатнаго единства вселенской Церкви? Что еще нужно для того? Единство въ ученіи, единство въ богослуженіи, единство въ церковномъ законодательствѣ,—что можетъ прибавить къ этому папизмъ? Если кому извѣстна сила духовныхъ связей между православными церквами,—то это именно латинской церкви. Не потому ли ла-

тинская пропаганда съ такою силою и ревностію напустилась на беззащитныя славянскія племена Балканскаго полуострова, — чтобы сокрушить единство православной церкви и не дать ожить ей на Востокѣ къ новой жизни? Тотъ великій подъемъ духа, который явленъ былъ русскимъ народомъ въ послѣднюю войну и который показался столь страшнымъ для западной Европы, служитъ блистательнымъ доказательствомъ того единства вѣры, въ которомъ пребываютъ помѣстныя церкви, какъ части единой православной вселенской Церкви.

Единство Церкви должно быть разсматриваемо и понимаемо не только какъ единство Церкви земной, воинствующей, но въ совокупности съ Церковію небесною, торжествующею, — не только за извѣстное время своего существованія, но и въ послѣдовательности временъ, — т. е. какъ *единство историческое*. „Церковь, по ученію православнаго катихизиса, не ограничивается ни мѣстомъ, ни народомъ, ни временемъ“. Церковь едина всегда, за все время своего существованія, отъ временъ своего основанія до нашихъ дней, — и будетъ едина отъ нашихъ дней до конца міра. Какъ общество, она живетъ по началамъ, положеннымъ въ основу ея; какъ живой организмъ, она развивается и растетъ, нисколько не измѣняя себѣ, но всегда оставаясь тожественною себѣ. Она всегда вѣрна себѣ, подобно тому, какъ вѣренъ бываетъ себѣ человѣкъ убѣжденія, человѣкъ твердаго и непреклоннаго характера; ибо она имѣетъ одну Главу Христа, живетъ Его жизнію и дышетъ духомъ Его любви. Только при этомъ единствѣ мыслимо духовно-благодатное взаимообщеніе Церкви земной съ Церковію небесной. Всѣ отшедшіе праведники суть наши братія во Христѣ, единые по духу и жизни; они были подобострастными намъ людьми, но спаслись тою же вѣрою, какою спасаемся и мы, молились тѣми же молитвами, какими молимся и мы, управлялись тѣми же церковными законами, какіе сохраняютъ силу и у насъ, имѣли предъ собою тѣ же заповѣди любви, какія имѣемъ и мы. Кратко, имѣя одинаковую съ нами грѣховную природу, они спаслись при тѣхъ же богодарованныхъ и спасительныхъ средствахъ, какія имѣются и у насъ, — и въ тѣхъ же условіяхъ, въ какихъ спасаемся и мы. Духъ любви Христовой, усвоенный ими здѣсь, по разрѣшеніи отъ узъ

плоти, движетъ ими съ большею силою и свободою, чѣмъ во время пребыванія во плоти на землѣ, и такъ какъ предметъ этой любви есть распространеніе Царства Божія на землѣ (да пріидетъ Царствіе Твое) и спасеніе вѣрующихъ, — то движеніе любви праведниковъ является въ неумолкаемомъ ходатайствѣ ихъ передъ Богомъ за меньшихъ братій, подвизающихся въ земной жизни въ борьбѣ со многообразными врагами спасенія. Взаимно и Церковь земная, имѣя въ нихъ такой облакъ свидѣтелей совершенныхъ уже подвиговъ и такой сонмъ предстателей, засвидѣтельствованныхъ многими знаменіями и чудесами, свидѣтельствуетъ и имъ свою любовь, прославляя ихъ за совершенные ими подвиги, величая ихъ добродѣтели и прося ихъ ходатайства предъ Богомъ. Такъ единство Церкви земной съ Церковію небесною проявляется и дѣйствуетъ въ духовно-благодатномъ общеніи ихъ между собою.

Таково ученіе о внутреннемъ духовно-благодатномъ единствѣ Церкви. Какъ само-собою понятно, и какъ явствуетъ изъ раскрытаго нами ученія о Главенствѣ Христовомъ, основаніемъ для храненія этого единства служитъ вѣра во Христа, какъ Главу Церкви. Безъ подвиговъ личной вѣры единство Церкви невозможно. Вѣрующіе только по силѣ вѣры пріобщаются къ единству Церкви и, отожествляясь въ ней, образуютъ, по благодати Божіей, единомудренное и единомышленное общество. Посему церковное единство, какъ плодъ вѣры, можетъ возвышаться и укрѣпляться; можетъ упадать и разстраиваться. Если вѣра во Христа будетъ сильна, пламенна, непоколебима, то и единство членовъ Церкви прочно и незыблемо; напротивъ, если вѣра будетъ слаба, недѣятельна, мертва, или если къ дѣлу вѣры будутъ примѣшиваться земные разсчеты, человѣческія страсти, вообще плотскій образъ мыслей, то, какъ само-собою разумѣется, и всѣ церковныя связи будутъ расшатываться, ослабѣвать и порываться; безъ живой вѣры во Христа, духовнаго, святаго единства нѣтъ и не будетъ.

Святая православная восточная Церковь, по милости Божіей, сохраняя единство историческое, пребываетъ въ духовно-благодатномъ общеніи съ Церковію торжествующею небесною. Что она сохраняетъ это единство, или единство Апостольскаго преданія, въ этомъ не могутъ прекословить и не

могутъ оспаривать и противники ея; ибо она сохраняетъ Апостольское преданіе въ ученіи, молитвѣ и управленіи. Такъ она остается вѣрною Апостольскому преданію,—во-первыхъ, въ ученіи; ибо хранитъ неизмѣннымъ святой, безъукоризненный и всесовершенный, вселенскій Символъ; остается вѣрною въ молитвенномъ чинѣ; ибо чрезъ неизмѣнно хранимыя литургіи Василія Великаго, Іоанна Златоустаго и Григорія Двоеслова, восходитъ къ чину Апостольской литургіи св. Іакова, брата Божія; остается вѣрною въ управленіи и церковномъ законодательствѣ; ибо правила Соборовъ вселенскихъ и помѣстныхъ суть продолженіе и дальнѣйшее развитіе правилъ св. Апостоловъ, которыми управлялась Церковь Христова отъ временъ Апостольскихъ до временъ вселенскихъ Соборовъ. Это такъ вѣрно, что враги Церкви восточной не упрекаютъ ее въ какихъ-либо новшествахъ или отступленіяхъ догматическихъ, литургическихъ и каноническихъ,—а если въ чемъ и упрекаютъ, то развѣ въ неподвижности и оцѣпенѣніи,—т. е. въ томъ, въ чемъ мы православные видимъ не порицаніе, а свидѣтельство истинности нашей церкви, особенно, если принять во вниманіе то, о какомъ развитіи говорятъ наши противники.

Твердо держась Апостольскаго преданія, восточная Церковь живетъ неизмѣнно тѣмъ же духомъ Христовымъ, какимъ жила и дышала съ самаго начала своего бытія. Это свидѣтельствуется тѣмъ также неоспоримымъ фактомъ, что Глава Церкви Господь нашъ Іисусъ Христосъ изъ вѣка въ вѣкъ не престаетъ являть въ православной церкви Своихъ угодниковъ, и что особенно важно—съ тѣмъ же характеромъ, въ томъ же духѣ,—какъ праведники первыхъ временъ христіанства. Такъ святой Аѳонъ служитъ питомникомъ, гдѣ при благодати Божіей воспитываются подвижники въ духѣ древнихъ подвижниковъ—египетскихъ, палестинскихъ и сирійскихъ; а жизнь восточныхъ христіанъ подъ магометанскимъ игомъ время отъ времени являетъ мучениковъ, въ духѣ древняго мученичества. Таковыми, напр., были св. священномученикъ Дамаскинъ-Габровскій, умученный за непреклонность въ Христовой вѣрѣ (1771 г.) или св. мученикъ Онуфрій, пострадавшій за имя Христово въ 1818 году января 4 дня. Равно и русская Церковь служитъ спасительною средою, въ которой на началахъ

неизмѣннаго православія воспитываются, возрастаютъ и прославляются праведники. Таковы, напр., святители: Димитрій Ростовскій, Митрофанъ Воронежскій и Тихонъ Задонскій, или нынѣшняго вѣка, хотя еще не прославленный оффиціально, но достойный прославленія и многими уже прославляемый, Серафимъ Саровскій († 1833 г. янв. 2 дня).

Продолжая жить однимъ духомъ съ древнею Церковію, Церковь Восточная представляетъ всѣхъ Святыхъ своихъ единымъ священнымъ Соборомъ, единымъ сонмомъ, составившимся изъ Угодниковъ Божіихъ всѣхъ временъ и народовъ,—въ полномъ смыслѣ сонмомъ вселенскимъ. Такъ на священныхъ иконахъ мы изображаемъ во главѣ всего сонма Святыхъ Пресвятую Дѣву Марію Богородицу, за Нею Св. Іоанна Предтечу Господня съ ликомъ Св. Пророковъ, за ними Св. первоверховныхъ Апостоловъ Петра и Павла и Св. Іоанна Богослова, съ прочими Апостолами, за ними ликъ Святителей вселенскихъ: Василія Великаго, Григорія Богослова, Іоанна Златоустаго, Аѳанасія и Кирилла Александрійскихъ, Николая Мурликійскаго,—затѣмъ мѣстныхъ: первоепископа Кіевскаго Михаила,—Московскихъ: Петра, Алексія, Іоны и Филиппа, Ростовскаго Димитрія и такъ далѣе,—подобно и въ ликѣ мучениковъ и въ ликѣ преподобныхъ; начинаемъ съ древнихъ и кончаемъ позднѣйшими. Въ такомъ-же порядкѣ святые Угодники Божіи призываются и въ молитвахъ. Такимъ образомъ въ православномъ представленіи, Церковь есть святое, неизмѣнное и неразрывное единство духа и жизни. Единыя по духу вѣры и любви, обѣ Церкви постоянно живутъ въ взаимообщеніи. Церковь земная, прославляя Святыхъ, движетъ живущую въ нихъ любовь Христову къ ходатайству предъ Богомъ за грѣшный міръ, а любовь Божія, движимая любовію Христовою праведниковъ, являетъ себя грѣшному міру въ ниспосланіи милости и благодатной помощи.

Такъ понимается и такъ сохраняется въ Церкви восточно-православной по истинѣ вселенское единство, объемлющее небо и землю.

Посмотримъ теперь какъ понимаютъ это единство латины.

Послѣ того, какъ мысль вѣрующихъ сведена была отъ невидимой главы Церкви Христа на видимую главу, римскаго

епископа, и онъ сталъ мѣриломъ истины, единомысліе въ вѣрѣ для латинской церкви утрачено навсегда. Какъ мы видѣли выше, вѣра въ единую невидимую главу Христа перестала быть основной центральной добродѣтелью, а перешла въ другую добродѣтель *послушаніе*. „Всѣ члены церкви слушаются своихъ епископовъ, учитъ катихизисъ, а епископы со всѣми вѣрующими подчинены намѣстнику Христову, папѣ, который какъ твердое кольцо, соединяетъ всѣхъ. Всѣ члены церкви въ ученіи и богослуженіи *должны* согласоваться съ папою и въ дѣлахъ вѣры подчиняться непогрѣшимому авторитету учащей церкви, чѣмъ и сохраняется внутреннее и внѣшнее единство". *Послушаніе и подчиненіе* — вотъ основныя условія духовнаго единства латинской церкви. По существу дѣла, какъ мы уже и раскрыли, въ папизмѣ не только не можетъ быть вѣры, какъ дѣла свободы и разума, но и самое послушаніе не можетъ быть сознательнымъ и разумнымъ; оно должно быть безъочетное и слѣпое; ибо принимать условную истину, какъ безусловную, лице человѣка какъ Богочеловѣка—никакой здравый разумъ не можетъ. Одно только слѣпое послушаніе можетъ не замѣчать всей фальши папизма и ревновать о немъ. Отсюда происходятъ и выясняются два весьма важныхъ факта, обличающихъ внутреннія противорѣчія, лежащія въ основѣ папизма. Это: а) разногласіе въ папизмѣ относительно основныхъ *латинскихъ* догматовъ и б) опредѣленіе истины посредствомъ баллотировки голосовъ.

а) Всматриваясь въ исторію папизма, мы находимъ, что раздвоеніе проходитъ по ней отъ начала до нашихъ дней. Въ папизмѣ нѣтъ дѣйствительнаго и твердаго согласія въ тѣхъ именно догматахъ, которыми латинское исповѣданіе отличается отъ православнаго восточнаго. И что всего замѣчательнѣе,— иномыслящими въ латинской церкви являются не свѣтскіе свободные мыслители, не мистики, находящіеся въ самообольщеніи, не самозванные учители, высоко возмечтавшіе о себѣ, но люди преуспѣвающіе въ духовной жизни, люди разумные, высоко просвѣщенные, стоящіе у кормила Церкви, даже признанные *святыми*. Таковъ напр. св. Бернардъ (1153 г.), настоятель клареваллійскаго монастыря, дерзнувшій обличить папу Евгенія III за его притязанія на верховенство во вселенской

Церкви и на господство надъ царями, князьями и всѣми народами [1]). Таковы отцы Констанцскаго Собора, провозгласившіе верховенство Соборовъ надъ папами [2]);—таковы-же отцы Базельскаго Собора, подтвердившіе это положеніе Собора [3]).

---

[1]) Вотъ напр. что писалъ Бернардъ папѣ: «Надъ пригрѣшеніями, а не надъ имуществами власть ваша. И неужели потому, что ты именуешься верховнымъ первосвященникомъ, въ самомъ дѣлѣ ты верховный? Кто верховный? Тотъ, кому нечего прилать. Очень ошибаешься, если считаешь себя верховнымъ?... Не думай, что тебѣ позволено отсѣкать отъ Церкви члены, превращать порядокъ, прелагать предѣлы, которые поставили отцы твои. Если законъ правды требуетъ оберегать собственность каждаго; то отнимать принадлежащее кому-либо, какимъ образомъ можно согласить съ правдою? *Всяка душа властемъ предержащимъ да повинуется.* Не говоритъ Апостолъ: предержащей, какъ бы одной, но предержащимъ, какъ многимъ. Слѣдовательно не одна твоя власть отъ Бога»—«Петръ не могъ тебѣ дать того, чего (самъ) не имѣлъ; что имѣлъ, то далъ: попеченіе о церквахъ; но далъ ли и господство? Внемли ему: *ни яко обладающу причту, но образи бывайте стаду,* (говорилъ онъ). А чтобы ты не думалъ, что это сказано по одному смиренію, слыши гласъ Господа въ Евангеліи: *царіе языкъ господствуютъ ими... вы же не тако.* Очевидно Апостолъ запрещаетъ господствованіе. Посему, если ты, господствуя съ жадностію, пользуешься апостольствомъ, или въ качествѣ апостольскаго преемника (пользуешься) господствомъ: то по истинѣ не достигнешь ни того, ни другаго. (Opera S. Bernardi Clarae Vallens. vol. I. Parisiis. Lib. II de considerat. VI, pag. 418. 427. 439.). Подобнымъ же образомъ онъ возставалъ противъ нововозникавшаго въ его время ученія о непорочномъ зачатіи, впослѣдствіи возведенномъ въ догматъ. См. мое сочиненіе о семъ предметѣ.

[2]) Вотъ опредѣленіе Собора о подсудности папъ Вселенскимъ Соборамъ: Святѣйшій, вселенскій, Констанцскій Соборъ, представляющій во Св. Духѣ вселенскую Церковь, законно собравшійся для искорененія раскола, ересей и заблужденій, также для должнаго преобразованія самой Церкви въ главѣ и членахъ. Сей вселенскій Соборъ имѣетъ непосредственно отъ самого Господа Іисуса Христа (такую) власть,, что ему (Собору) долженъ повиноваться всякій, *даже папа*, въ томъ, что касается вѣры, истребленія раскола и преобразованія Церкви въ главѣ и членахъ. Если же папа, или кто другой, откажется слѣдовать постановленіямъ сего, или всякаго другаго вселенскаго собора, то подлежитъ соотвѣтственной эпитиміи, даже, въ случаѣ нужды, подвергается другимъ законнымъ наказаніямъ. Plena collectio Concil. Mansii Tom. XXVII, col. 554,—555.

[3]) Базельскій соборъ между прочимъ опредѣлилъ: «если бы Церковь могла погрѣшить (когда достовѣрно извѣстно, что папа можетъ впасть въ заблужденіе); тогда и папа и цѣлое тѣло (Церкви) состояло бы въ заблужденіи,—вся Церковь погрѣшила бы; чего быть не можетъ. Ибо опытъ доказываетъ, и мы часто испытываемъ и читаемъ, что папа, хотя и глава и главнѣйшая часть (тѣла Церкви), заблуждалъ, но чтобы остальные (члены) тѣла при заблужденіи папы также заблуждали, никогда не читали. По-

Таковы-же отцы Галликанской Церкви, составившіе 19 марта 1682 года извѣстную декларацію, которою совершенно ниспровергается догматъ папскаго главенства [4])! Таковъ Альфонсъ Лигуоріо, основатель ордена редемптористовъ, Григоріемъ XVI сопричисленный къ лику святыхъ, а Піемъ IX возведенный въ званіе учителя (доктора) Церкви [5]). Таковы-же были тѣ 18 епископовъ, которые подали свой голосъ противъ утвержденія догмата о непорочномъ зачатіи, отвергнувъ въ принципѣ пра-

сему остальное цѣлое тѣло осуждало и подвергало запрещенію, или низлагало папу, какъ по отношенію къ вѣрѣ, такъ и нравамъ». Папа Евгеній IV (о которомъ у насъ была рѣчь выше), опасаясь наложенія, вынужденъ былъ утвердить опредѣленія Собора буллою, которая начиналась сими словами: «опредѣляемъ и объявляемъ реченный вселенскій Соборъ, со времени вышесказаннаго начала своего, законно продолжавшимся и продолжающимся». (Ib. Tom. XII. col. 682—665.).

[4]) Декларація Галликанской церкви составлена подъ редакціей знаменитаго *Боссюэта*; она гласитъ:

1) «Богъ не даровалъ ни св. Петру, ни его преемникамъ ни посредственной, ни непосредственной власти въ дѣлахъ свѣтскихъ.

2) Галликанская Церковь подтверждаетъ постановленія, принятыя въ IV и V сессіяхъ Констанцскаго Собора, по коимъ вселенскіе Соборы признаны выше папы въ дѣлахъ духовныхъ.

3) Правила и обычаи, принятые въ королевствѣ и въ Галликанской Церкви, должны оставаться неприкосновенными.

4) Рѣшенія папы въ дѣлѣ вѣроученія тогда только непреложны, если будутъ прежде того приняты Церковію».

Эта декларація виситъ надъ папствомъ въ видѣ постоянной и всегда готовой угрозы, какъ дамокловъ мечъ. Ею воспользовался король Людовикъ XIV, чтобы заставить папу Иннокентія XI дать согласіе на его требованія относительно назначенія епископовъ отъ короны;—ею же воспользовался и въ тѣхъ же видахъ Наполеонъ I. Въ томъ и другомъ случаѣ папству грозила опасность отдѣленія Галликанской церкви отъ Рима. Впрочемъ, французское духовенство, чуткое къ своимъ интересамъ, не пошло дальше декларацiи: въ лицѣ папы, какъ главы католической Церкви, оно обезпечиваетъ себѣ защиту отъ порабощенія мірской власти,—а своей декларацiей даетъ своему правительству средство къ обузданію папскаго властолюбія. Такимъ образомъ, хотя во взглядахъ церкви Галликанской существуетъ прямое противорѣчіе съ ученіемъ Рима, тѣмъ не менѣе уравновѣшиваніе выгодъ прикрываетъ это противорѣчіе. Это-ли единство, о которомъ молился нашъ Спаситель?

При этомъ еще слѣдуетъ замѣтить, что Галликанская церковь не приняла въ свое каноническое право Тридентскаго Собора;—хорошо же латинское единство?!

[5]) Альфонсъ Лигуоріо писалъ противъ злоупотребленій папства. Іезуиты хотѣли скрыть это его сочиненіе,—но оно издано въ свѣтъ въ Германіи.

воспособность Церкви возводить частныя мнѣнія, недоказанныя ни Священнымъ Писаніемъ, ни Преданіемъ,—въ общеобязательные догматы [1]). Таковы-же и тѣ отцы Ватиканскаго Собора (1870 г.), которые не согласны были съ догматомъ папской непогрѣшимости и изъ которыхъ одни, не желая идти противъ своего убѣжденія, удалились изъ Рима (въ числѣ 163) ранѣе подачи голосовъ,—а другіе, болѣе смѣлые, (въ числѣ 85), оставшись на Соборѣ, подали голосъ противъ непогрѣшимости. Всѣ эти отцы, заявившіе себя противъ новаго догмата, безъ сомнѣнія, остались и остаются несогласными съ догматомъ папской непогрѣшимости, хотя открыто и не возстаютъ противъ него; отъ нихъ и не требовали согласія,—такъ какъ ихъ покрыли большинствомъ голосовъ. Когда въ дѣлѣ истины Христовой требуется не единство нравственное, не безусловное взаимное согласіе,—а только большинство голосовъ (явленіе немыслимое въ истинной Церкви),—тогда не можетъ быть и разговора о единствѣ вѣры въ латинской Церкви [2]).

б) Опредѣленіе истины баллотировкою голосовъ,—это другой фактъ обличающій неправду папизма. Истина Христова есть положительная истина, данная намъ во спасеніе, и потому требуетъ всецѣлаго принятія: *иже вѣру имѣтъ и крестится, спасенъ будетъ, а иже не имѣтъ вѣры, осужденъ будетъ* (Мр. 16, 16); *аще не снѣсте плоти Сына человѣческаго и не піете крови Его, живота не имате въ себѣ.* (Іоан. 6, 53). Глаголы Божіи *духъ суть и животъ* (—63); къ нимъ нельзя относиться съ нерѣшительностію. Ап. Павелъ свидѣтельствуетъ, что Іисусъ Христосъ, проповѣданный имъ и его сотрудниками, не *былъ да и нѣтъ*, но въ немъ было *да*. Ибо всѣ обѣтованіи Божіи въ Немъ *да*, и въ Немъ *аминь*,

---

[1]) См. мое сочиненіе: «Разности Церквей въ ученіи о Пресвятой Дѣвѣ Маріи Богородицѣ» стр. 82—96. Въ протестѣ парижскаго архіепископа противъ провозглашенія догмата о непорочномъ зачатіи важно то, что онъ, во первыхъ, отрицаетъ правоспособность церкви (разумѣй папы) возводить частныя мнѣнія въ общеобязательные догматы, чѣмъ и заявилъ свой протестъ еще и противъ послѣдовавшаго затѣмъ опредѣленія о непогрѣшимости папы, а во вторыхъ, ссылаясь въ своемъ протестѣ на вліятельнѣйшихъ и извѣстнѣйшихъ богослововъ своей церкви, представляетъ не свое только мнѣніе, а цѣлой корпораціи лицъ.

[2]) См. о томъ же предметѣ «Іезуиты» Самарина стр. 380—387. Письмо V. Изд. 1870 г.

(2 Кор. 1, 19, 20). Какимъ же образомъ такую положительную истину можно подвергать баллотировкѣ? Чтобы сказали Отцы вселенскихъ Соборовъ, еслибъ имъ предложено было составленныя ими вѣроопредѣленія догматовъ отдать на баллотировку? Это новость неслыханная, въ примѣненіи къ христіанскому ученію совершенно невозможная и сама по себѣ нелѣпая.— Если бы баллотировкою опредѣлялись вѣроизложенія вселенскихъ Соборовъ, — православіе было бы подавлено большинствомъ или аріанъ, или несторіанъ, или монофизитовъ, или иконоборцевъ. Баллотировка въ приложеніи къ опредѣленію истины есть чисто внѣшній пріемъ и сама въ себѣ предполагаетъ, съ одной стороны, существующее въ обществѣ несогласіе сужденій о баллотируемой истинѣ, а съ другой—или подчиненіе меньшинства большинству, или по крайней мѣрѣ надежду на невозможность сопротивленія со стороны перваго послѣднему.—Баллотировкою опредѣляется группировка частныхъ мнѣній объ искомой истинѣ, но не самая истина. Поэтому, при баллотировкѣ меньшинство, уступая большинству, какъ внѣшней силѣ, не обязывается измѣнять своихъ взглядовъ и убѣжденій, а при случаѣ можетъ даже, собравшись съ силами, заявить себя и низвергнуть большинство, какъ это нерѣдко и бываетъ въ порядкахъ мірской жизни. Что дѣло истины Христовой въ латинской церкви стоитъ именно такъ, это уже открылось въ опредѣленіи двухъ новыхъ догматовъ, о которыхъ мы сейчасъ сказали. Латины не только не находятъ въ баллотировкѣ ничего противнаго истинѣ, напротивъ, еще и въ будущемъ обѣщаютъ дѣйствовать такимъ-же образомъ. Приглашая насъ на Соборъ для разсмотрѣнія и опредѣленія ихъ основныхъ догматовъ: объ исхожденіи Св. Духа и отъ Сына и о главенствѣ папы, они хотятъ рѣшить оспариваемую нами истину этихъ догматовъ посредствомъ баллотировки и заранѣе трубятъ о своемъ торжествѣ, такъ какъ, по ихъ увѣренію, католиковъ больше, чѣмъ православныхъ. Но такимъ большинствомъ іудейскій Синедріонъ заставилъ молчать Никодима, когда тотъ въ защиту Іисуса Христа хотѣлъ было расположить своихъ сотоварищей къ осмотрительному и на основаніи закона составленному сужденію о Немъ (Іоан. 7, 50—52). Такимъ же большинствомъ Синедріона былъ произнесенъ смертный приговоръ

на истиннаго Мессію; ибо несомнѣнно Іосифъ и Никодимъ, составляя меньшинство въ Синедріонѣ, если прямо не противорѣчили превозмогавшему большинству, то внутренно рѣшительно не соглашались съ нимъ. Подъ вліяніемъ того же большинства народъ потребовалъ у Пилата освобожденія разбойника и распятія на крестѣ Спасителя міра.—Вотъ что такое большинство голосовъ! Итакъ, есть ли внутреннее единство въ церкви латинской?..—Нѣтъ, оно уже утрачено ею.

Не имѣя единства въ вѣрѣ, латинская церковь не имѣетъ и единства *историческаго*, или *единства преданія*.

Что единство историческое было нарушено, единство преданія прервано,—это положеніе не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію; оно слишкомъ очевидно. Съ того самаго времени, какъ началось развитіе папизма, т. е. съ конца IX вѣка, начинается измѣна церкви латинской древнимъ началамъ, во всѣхъ трехъ видахъ. Она не осталась единою въ ученіи, ибо измѣнила вселенскій Символъ,—введши въ него ученіе *и отъ Сына* (Filioque),—создала и продолжаетъ создавать новые догматы, съ обязательствомъ принимать ихъ, какъ Богооткровенныя истины; узаконила на всѣ времена въ образецъ науки и церковнаго ученія схоластическую науку въ лицѣ своего учителя Ѳомы Аквината, тогда какъ эта наука можетъ служить только вѣрнымъ типомъ средневѣковаго мышленія, но никакъ не вселенской науки [1]). Она не осталась вѣрною духу Апостольскаго Богослуженія; ибо отвергла чинъ Апостольской литургіи,—введши *опрѣсноки*, совершенно неизвѣстные православной древности; исключила молитву о призываніи Св. Духа, предъ благословеніемъ Св. Даровъ; перетолковала время ихъ пресуществленія; лишила чаши мірянъ; подобнымъ образомъ измѣнила и спутала чинопослѣдованія другихъ таинствъ, напр. въ крещеніи ввела обливаніе или окропленіе (т. е. древнее исключеніе ввела въ законъ, а древній узаконенный обрядъ вывела изъ употребленія); въ таинствѣ священства кромѣ рукоположенія ввела еще врученіе священныхъ сосудовъ и понимаетъ оное, какъ необходимую принадлежность священнодѣйствія.

[1]) Кромѣ того парижскій университетъ находилъ у Ѳомы цѣлый рядъ заблужденій, къ числу которыхъ относится и его ученіе о папской непогрѣшимости. Іоан. стр. 237.

Не осталась вѣрною древнему законодательству; такъ какъ со времени своего отдѣленія отъ Церкви Восточной совершенно измѣнила весь строй церковной жизни, установивши свое законодательство на основахъ ложныхъ, древности неизвѣстныхъ, и впослѣдствіи ею же самою отринутыхъ (разумѣются лжеисидоровы декреталіи и под. См. ниже). Историческое единство латинской церкви несомнѣнно существуетъ, но оно начинается со времени раздѣленія церквей, съ того историческаго момента, когда появились такъ называемыя *лжеисидоровы декреталіи*, на основаніи которыхъ и совершился чрезвычайный переворотъ въ устройствѣ латинской церкви. Слѣдовательно, за ней, въ такомъ-же смыслѣ можно признать историческое единство, въ какомъ мы признаемъ за церковными обществами лютеранскимъ, реформатскимъ, англиканскимъ и другими подобными.

Это нарушеніе единства историческаго отразилось и въ отношеніяхъ латинской церкви земной къ Церкви небесной.

Утративъ единство во Христѣ, она перестала жить Его духомъ и нарушила единство жизни съ древней Церковію. Вслѣдствіе этого у ней нѣтъ Святыхъ въ духѣ древней Церкви,—въ духѣ Христовомъ,—тѣ же, которыхъ она называетъ святыми, суть праведники въ духѣ папизма. Если это были сами папы; то они были прославлены за то, что воплощали въ себѣ духъ чрезмѣрнаго превозношенія, а отнюдь не духъ Христовъ; таковы были напр. папы: Николай I и Григорій VII; если же это были низшіе пастыри или міряне,—они были прославлены за то, что воплощали въ себѣ духъ слѣпой ревности или латинскаго фанатизма, совершенно чуждаго истинной Церкви и осуждаемаго ею; таковы напр. были: Игнатій Лойола, Петръ Арбуэзъ, Іоасафатъ Кунцевичъ и подобные. Такихъ святыхъ можно ли приравнивать къ древнимъ святителямъ, мученикамъ и преподобнымъ, или къ нашимъ святымъ, которыхъ имена мы указали выше?

Въ отношеніи къ прославленію Святыхъ въ латинской церкви случилось нѣчто подобное тому, что бывало у языческихъ народовъ. У сихъ послѣднихъ нерѣдко поколѣніе новыхъ боговъ вытѣсняло поколѣнія старыхъ; подобно и въ церкви латинской по отдѣленіи ея отъ вселенскаго единства; святые собственно въ латинскомъ духѣ, по латинскимъ представленіямъ

вытѣснили собою изъ сознанія латинянъ, а вмѣстѣ изъ храма и молитвенниковъ, Святыхъ вселенской Церкви. Гдѣ вы увидите у латинянъ вселенскихъ святителей: Аѳанасія и Василія Великихъ, Григорія Богослова, Іоанна Златоустаго, Спиридона Тримиѳунтскаго, или Антонія Великаго, Павла Ѳивейскаго и подобн.? Они удалены изъ церковнаго сознанія, а вмѣсто нихъ поставлены бритые и подстриженные — Доминикъ, основатель Доминиканскаго ордена, Францискъ Ассизскій, Францискъ Ксаверій, Игнатій Лойола, Бригитта, Станиславъ Костка, вымышленный Іоаннъ Непомукъ [1]) и имъ под. Словомъ, и въ представленіи Церкви торжествующей у латинянъ произошло отдѣленіе и обособленіе. Вмѣстѣ съ этимъ совершилось измѣненіе и въ отношеніяхъ церкви земной къ Церкви торжествующей; латиняне не столько молятся Святымъ, сколько эксплоатируютъ ихъ въ свою пользу. Да простятъ мнѣ это выраженіе; оно рѣзко, но оно вѣрно изображаетъ особыя отношенія латинской церкви къ своимъ святымъ; здѣсь я разумѣю индульгенціи и переводъ на грѣшниковъ сверхъ—должныхъ дѣлъ праведности Святыхъ.

И такъ, латинскою церковію утрачено то спасительное единство, которымъ обладаетъ церковь восточная. Перейдемъ же теперь къ разсмотрѣнію того единства, которымъ хвалится и на которомъ основываетъ свое превосходство и свою правоту церковь латинская. Это единство церковнаго устройства.

Дѣйствительно, по своему устройству латинская церковь представляетъ стройное единство, законченное, пирамидальное зданіе, абсолютную монархію, цѣльный организмъ. Повсюду одно управленіе, одинъ богослужебный языкъ и одно воспита-

[1]) Іоаннъ Непомукъ вымышленъ іезуитами съ цѣлію, чтобы имъ заслонить Іоанна Гуса, къ которому чехи относятся съ почтеніемъ, какъ мученику за истину. Такъ какъ дѣйствительный Непомукъ, утопленный въ рѣкѣ въ 1393 году не могъ быть выданъ за святаго, потому что жизнь его и причина смерти, хорошо были извѣстны, то оо. іезуиты выдумали другаго Іоанна Непомука, казненнаго будто бы въ 1383. Но строгія историческія изысканія другаго Непомука не обрѣтаютъ въ лѣтописяхъ.—См. объ этомъ сочиненіе Юрія Арвенкова: Сказаніе о чешскомъ святомъ Іоаннѣ Непомукѣ. СПБ., 1877. Также сочиненіе на чешскомъ языкѣ: Legenda o sv. Janu Nepomuckem, kriticky abjasnena od Dra O. Abela. česky podal Vaclav Bambas. 1864.

ніе духовенства. Изъ Рима исходятъ и къ Риму же стянуты всѣ нити управленія. Превосходно дисциплинированное духовенство пребываетъ въ безусловномъ подчиненіи у главы церкви и приводитъ къ таковому же послушанію свои паствы. Все направлено къ служенію интересамъ римскаго престола и строго выполняетъ свое предназначеніе. Но соотвѣтствуетъ ли это блестящее единство характеру и достоинству Христовой Церкви? ведетъ ли оно къ тѣмъ спасительнымъ цѣлямъ, для которыхъ создана Церковь? Вотъ вопросы, которые неизбѣжно возникаютъ при видѣ блестящей видимости, закрывающей внутреннее раздвоеніе. Мы отвѣчаемъ отрицательно: нѣтъ и нѣтъ.

Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно пріоткрыть ту тайну, на которой держится это блестящее единство. Что же это за тайна? Это

а) *целибатъ*, законъ о безбрачіи духовенства. Какъ обязательство, какъ нравственное принужденіе, этотъ законъ ничѣмъ не можетъ быть оправданъ; онъ тяжкимъ бременемъ лежитъ на латинскомъ духовенствѣ, но онъ столь необходимъ для единства латинской церкви, что отмѣненіе его поведетъ къ ея распаденію [1]), и потому папы никогда и ни въ какомъ случаѣ не могутъ поступиться этимъ закономъ. Онъ даетъ папамъ армію преданныхъ слугъ, незнающихъ узъ родства и народности, непризнающихъ надъ собою законовъ общества и государства, но всецѣло преданныхъ одному лицу, болѣе или менѣе искренно и слѣпо. Но такъ ли преданы они Христу, невидимой главѣ Церкви, такъ ли служатъ Ему? Объ этомъ не можетъ быть вопроса, такъ какъ Христосъ для нихъ замѣненъ папой. Такое условіе единства говоритъ само за себя!

б) *монашескіе ордена*. Ордена составляютъ тѣ органы латинской монархіи, чрезъ которые соблюдается единство и нормальность ея отправленій, проводятся въ жизнь начала, внушаемыя свыше, провѣряется ихъ принятіе и выполненіе, поддерживается борьба съ враждебными силами, наблюдается пульсъ общественной жизни и сохраняется живая непосредственная связь периферій съ своимъ центромъ. Въ настоящее время дѣло

[1]) Нѣкто Lempens въ своей брошюркѣ: «die Besiegung des Papsthums» — какъ единственное средство разрушить папизмъ предлагаетъ пожепить всѣхъ католическихъ священниковъ.

служенія папизму почти исключительно находится въ рукахъ іезуитовъ. „Товарищество Іисусово“—вотъ одна изъ важнѣйшихъ опоръ единства латинской монархіи. Члены этого товарищества и составляютъ ту черную армію, которая по всѣмъ линіямъ ведетъ и тайную и явную борьбу со всѣми врагами папской идеи. Въ Германіи они ведутъ культурную борьбу изъ-за школъ, во Франціи и Бельгіи—за свое существованіе и вліяніе на народъ, въ Италіи—изъ-за Ватиканскаго узника, въ Австріи и Галиціи—съ русской народностью, которую хотятъ изгладить изъ исторіи и географіи,—на Балканскомъ полуостровѣ—съ православіемъ, чтобы отнять отъ него славянскія племена или по крайней мѣрѣ посѣять въ нихъ раздоръ,—подобнымъ образомъ въ Палестинѣ и Сиріи, чтобы стать тамъ твердою ногою. Въ то же время къ возвеличенію католической церкви эти самые дѣятели проводятъ новые догматы, для поднятія въ народѣ упавшаго религіознаго чувства изобрѣтаютъ новыя служенія (культъ сердца Іисусова), для сбора денегъ выдумываютъ новыя средства и т. д. и т. д. Однимъ словомъ, ни одинъ изъ бывшихъ орденовъ не обнаруживалъ такой многосторонней дѣятельности въ пользу папства, не дѣйствовалъ съ такой энергіей и съ такимъ упорствомъ, какъ орденъ іезуитовъ. Хвала и честь ордену, но не хвала и честь латинской церкви, которая считаетъ себя христіанской! Чтобы дать понятіе о томъ могущественномъ значеніи, какое имѣетъ этотъ орденъ для латинской церкви, довольно напомнить, что генералъ ордена іезуитовъ величается *чернымъ папою*. Конечно, это говорится иронически, но въ этой ироніи слышится самое существо дѣла, т. е. великое значеніе главы іезуитовъ въ Римѣ [1]).

в) *папскій дворъ* или *курія*, которая составляетъ третью опору единства латинской церкви. Курія—это есть плотно сложившаяся около папы корпорація лицъ, которыя заинтересо-

[1]) Объ іезуитахъ и ихъ морали мы имѣемъ весьма основательно, по сочиненіямъ же самихъ іезуитовъ составленное, сочиненіе Юрія Самарина: «Іезуиты и ихъ отношенія къ Россіи». Сочиненіе это осталось безъ отвѣта со стороны обличаемыхъ. Можно также рекомендовать сочиненіе священника М. Морошкина: «Іезуиты въ Россіи» 2 ч. — сочиненіе, составленное весьма обстоятельно по архивнымъ документамъ.

ваны въ его положеніи, чрезъ него живутъ и имъ пользуются. Надъ куріей нѣтъ никакой власти; папа выходитъ изъ нея и есть не больше, какъ представитель и покорный слуга ея интересовъ. Въ своемъ одиночествѣ и обособленіи отъ всѣхъ и всего онъ безсиленъ предъ нею и не можетъ вступить въ какую-либо борьбу съ нею. Еслибы существовало учрежденіе вселенскихъ Соборовъ въ древнемъ духѣ и значеніи, онъ могъ бы опереться на него; но теперь онъ лишенъ этого средства; курія никогда не допуститъ папу до Собора въ древнемъ смыслѣ. Да теперь и поздно; съ опредѣленіемъ догмата о непогрѣшимости папы значеніе Соборовъ устранено навсегда. Поэтому, повторяемъ, борьба папы съ куріей невозможна. Положеніе папы (въ лучшемъ смыслѣ) похоже на положеніе матки у пчелъ въ ульѣ; она даетъ жизнь пчеламъ и единство всей жизни улья, но за то она окружена бдительнымъ надзоромъ рабочихъ пчелъ и безъ нихъ никуда не можетъ двигаться. Подобно—и папа; онъ постоянно подъ надзоромъ своей куріи, и потому его положеніе, блестящее по виду, въ оффиціальной обстановкѣ, печально по существу, печально въ частной жизни. Онъ слуга и рабъ куріи. Особенно страшны для него іезуитскій орденъ и тайная инквизиція. Тайная отрава, такъ практиковавшаяся въ языческомъ Римѣ, — не съ меньшимъ искусствомъ практикуется и въ христіанскомъ Римѣ, — ради вящшей славы Божіей, pro majore Dei gloria. Извѣстно, что кардинала Альбани и секретаря Альфонса Франкетти постигла рановременная смерть за сочувствіе къ преобразовательнымъ планамъ Льва XIII-го. Такая же участь грозила и самому папѣ. Въ 1883 г. декабря 20-го оо. іезуиты готовились отравить и его, какъ о томъ свидѣтельствуютъ письма графа Людольфа, посланника австрійскаго въ Римѣ, къ императору Францу-Іосифу, и письма кардинала Лаурентини, врага іезуитовъ, къ президенту французской республики Греви, котораго онъ предупреждалъ о намѣреніяхъ іезуитовъ, чрезъ французскаго епископа Фреппеля. Планы іезуитовъ неудались, но такъ напугали бѣднаго папу, что онъ не могъ принимать пищу изъ своей кухни и вынужденъ былъ воспользоваться услугами своего брата, кардинала Печчи, который долгое время носилъ для него обѣдъ изъ города. Положеніе нельзя назвать пріятнымъ и соотвѣтствующимъ высокому

достоинству намѣстника Христова, земнаго спасителя. Отсюда объясняется, почему папы, восходившіе на престолъ нерѣдко съ самыми благими намѣреніями, никогда не выполняли ихъ послѣ своего воцаренія, т. е. именно потому, что имъ не позволяла того курія, объ нее разбивались всѣ ихъ намѣренія и желанія.

Построенная на этихъ основахъ, церковь представляетъ, дѣйствительно, доведенное до совершенства, дисциплинированное единство. Папа представляетъ собою лице, на которомъ держится и которымъ замыкается это единство; въ немъ объединяются милліоны людей, которые привязаны къ нему безусловнымъ послушаніемъ и фанатическою преданностію. Такое общество представляетъ внушительную силу, но эта сила— внѣшняя по отношенію ко Христу и внѣшняя по отношенію къ дѣлу спасенія. Это не сила спасительной вѣры во Христа, а сила безусловной преданности Ею замѣстителю на землѣ, отъ котораго, будто-бы, зависитъ рай и адъ, жизнь и смерть, и у котораго легко можно купить спасеніе. Она эта сила не въ уподобленіи Христу, а въ служеніи внѣшнимъ интересамъ своего земнаго спасителя. Оттого характеръ служенія его клевретовъ никакъ нельзя назвать христіанскимъ, въ прямомъ и простомъ смыслѣ этого слова, а напротивъ слѣдуетъ назвать мірскимъ и свѣтскимъ: вмѣшиваться въ политическія дѣла государствъ, разжигать политическія страсти, возбуждать революціи, гдѣ это оказывается полезнымъ для цѣлей папизма, поддерживать распри и нестроенія въ государствахъ, натравливать народы на народы, дѣйствовать на женщинъ, пугая ихъ воображеніе проклятіями папы, земными несчастіями и ужасами ада, — чрезъ женщинъ вліять на ихъ мужей — государственныхъ дѣятелей,—все это и подобное тому обыкновенно практиковалось и практикуется въ жизни папизма, будто бы для вящшей славы Божіей. Забота о внѣшнемъ дисциплинарномъ единствѣ сдѣлала изъ латинской церкви царство міра сего, въ которомъ слуги подвизаются также (если не хуже), какъ подвизаются слуги земныхъ царствъ. Церковь папистическая есть церковь, обратившаяся въ мірское государство съ характеромъ абсолютной монархіи. Имя Христа Спасителя здѣсь служитъ только прикрытіемъ земныхъ средствъ и цѣлей. Оттого

папизмъ стоитъ во враждѣ съ политическими учрежденіями, такъ какъ соперничаетъ и совмѣстничаетъ съ ними, вмѣсто того чтобы своими благодатными силами одухотворять, оживотворять и освящать государство. Къ прискорбію всего христіанскаго міра, вражда эта кончается тѣмъ, что папизмъ отрицается государствами (напр. во Франціи и Бельгіи) не только, какъ политическое учрежденіе, но и какъ Церковь, и какъ религія. Власть папы не спасаетъ Церковь отъ оскорбительнаго отношенія правительствъ къ святынямъ христіанскимъ. Въ прошломъ столѣтіи австрійскій императоръ Іосифъ II закрылъ въ Австріи свыше тысячи церквей и монастырей, которые затѣмъ поступили въ частныя руки и были обращены на низкое употребленіе,—церкви напр. въ амбары и въ прачешныя, а монастыри въ скотные дворы. Сила папскаго могущества дѣйствуетъ только тогда, когда основывается на политическихъ разсчетахъ и пользуется государственными усложненіями. Таковы напр. причины уступокъ желѣзнаго канцлера въ культурной борьбѣ съ папизмомъ. Но тамъ, гдѣ этого усложненія нѣтъ, напр. въ настоящее время во Франціи, тамъ церковь терпитъ крайнія стѣсненія и тяжкія оскорбленія, отъ которыхъ не спасаютъ ее и громы ватиканскихъ проклятій.

Такого-ли единства нужно желать и домогаться православнымъ церквамъ Востока?

Говоря такимъ образомъ о единствѣ латинской церкви, мы не закрываемъ своихъ взоровъ отъ того ненормально-разрозненнагоположенія помѣстныхъ церквей Востока, въкоторомъ онѣ пребываютъ въ настоящее время. Хотя онѣ сохранили и продолжаютъ сохранять между собою спасительное единство духовноблагодатное и постоянно пребывали и пребываютъ въ духовномъ общеніи, но тѣмъ не менѣе имъ недостаетъ внѣшнихъ связей и сосредоточенности дѣйствій, и потому онѣ обуреваются неблагопріятными вліяніями разныхъ политическихъ теченій. Кто изъ православныхъ христіанъ, понимающихъ дѣла Востока, не скорбитъ объ разрозненности церквей и ихъ безсиліи противъ иновѣрныхъ пропагандъ? Каждая изъ помѣстныхъ церквей Востока окружена опасностями и терпитъ какія либо скорби и бѣды. Такъ Румынская православная церковь находится подъ постояннымъ внѣшнимъ давленіемъ, которое влечетъ ее къ измѣнѣ

православію и къ принятію уніи съ Римомъ. Православные церкви въ Австріи такъ ревниво охраняются отъ сношенія съ русской церковію, что запрещается имъ даже принимать русскія сочиненія богословскаго содержанія, а русскимъ священникамъ входить съ ними въ церковное общеніе [1]). Глава Сербской церкви, митрополитъ Михаилъ, лишенъ престола и изгнанъ изъ отечества, помимо всѣхъ церковныхъ правилъ. Предстоятелю православной церкви въ Босніи не позволили защищать православіе и ограждать свою паству отъ непрошенныхъ латинскихъ миссіонеровъ, и онъ долженъ былъ оставить свою каѳедру. Патріархатство Константинопольское раздирается расколомъ по вліянію на церковныя дѣла политическихъ страстей. Патріархатства Іерусалимское и Антіохійское расхищаются иновѣрными проповѣдниками и нѣтъ отъ нихъ ни откуда защиты. По истинѣ, положеніе печальное! Поэтому весьма желательно чтобы между церквами было гораздо больше взаимнаго общенія, единства въ борьбѣ съ врагами православія и взаимной поддержки. Но что для этого нужно? Прежде всего, безъ сомнѣнія, нуженъ высокій подъемъ вѣры, свободной отъ всякой примѣси политическихъ страстей и разсчетовъ: *аще имате вѣру яко зерно горушно, речете горѣ сей: прейди отсюду тамо, и прейдетъ: и ничтоже невозможно будетъ вамъ* (Мѳ. 17, 20). Когда будетъ это источное начало церковной жизни, тогда и остальное приложится, т.-е. можно будетъ создать какое-либо формальное или дисциплинарное единство, разумѣется, не папистическое, но такое, которое будетъ соотвѣтствовать началамъ православія. *Ищите прежде царствія Божія и правды его, и сія вся приложатся вамъ* (Мѳ. 6, 33).

Теперь намъ остается сказать нѣсколько словъ о латинской пропагандѣ, которою, какъ мы видѣли выше, паписты хвалятся, какъ доказательствомъ жизненности папизма и истинности латинской церкви. Не споримъ, что въ этомъ отношеніи

---

[1]) Разъ покойный отецъ протоіерей Раевскій ѣздилъ въ Карловцы къ патріарху, чтобы принять отъ него санъ протоіерейства. Австрійское правительство посмотрѣло на это неблагосклонно, и о. протоіерею дано было знать, чтобы впредь ничего подобнаго не было. Кстати; православнымъ славянамъ, обучающимся въ Вѣнскомъ университетѣ, запрещено посѣщать русскій посольскій храмъ, подъ угрозою исключенія изъ университета.

паписты имѣютъ великія преимущества предъ нами православными; они владѣютъ громадными средствами, энергіей силъ и сохраняютъ единство дѣйствій. Но, во первыхъ, такія качества принадлежатъ не имъ однимъ, но равно и протестантскимъ миссіонерамъ,—а, во вторыхъ, характеръ этой пропаганды — невысокаго достоинства и никакъ не можетъ быть одобренъ христіанскими понятіями и правилами: происки, подкупы, посулы, угрозы, интриги, потворство страстямъ, грѣховнымъ языческимъ обычаямъ, — все это и подобное употребляется какъ средство для успѣха проповѣди. Такъ Апостолы не проповѣдывали и такъ не учили проповѣдывать [1]).

Для православнаго христіанина особенно обидна и огорчительна пропаганда латинянъ въ православныхъ земляхъ Востока. Если бы дѣло своей пропаганды они вели честно, если бы предлагали свою проповѣдь на свободное произволеніе своихъ слушателей, тогда ихъ проповѣдь и обращеніе имѣли бы нѣкоторый смыслъ; въ такомъ случаѣ они являлись бы въ нѣкоторомъ смыслѣ просвѣтителями народовъ, огрубѣвшихъ въ невѣжествѣ отъ ига невѣрныхъ.—Но они дѣйствуютъ совсѣмъ не такъ: какъ пауки разставляютъ свои сѣти для мухъ, такъ они свои школы для дѣтей, куда заманиваютъ ихъ подарками или матеріальною помощью родителямъ; — дѣйствуя на дѣтей то насмѣшкою надъ всѣмъ православнымъ, то клеветою и всевозможными выдумками, они внушаютъ дѣтямъ ненависть къ ихъ родной вѣрѣ, и такимъ образомъ вносятъ рознь въ семьи, вражду

---

[1]) Желающимъ подробнѣе познакомиться съ характеромъ латинской пропаганды рекомендуемъ обратиться:

а) Къ книгѣ Ю. Самарина: «Іезуиты и ихъ отношенія къ Россіи». Здѣсь довольно прочитать страницы съ 70 по 75. Въ одномъ изъ примѣчаній на этихъ страницахъ передается разсказъ о томъ, какъ іезуиты, примѣняясь къ языческимъ обычаямъ индійцевъ, позволяли брачущимся при вѣнчаніи надѣвать символъ индійскаго божества Шріана, а когда имъ было это запрещено, они стали къ этому неблагопристойному символу придѣлывать маленькій крестикъ. Въ такомъ видѣ это изображеніе могло бы быть принято за самый вѣрный символъ всей апостольской дѣятельности послѣдователей Лойолы. Фактъ этотъ засвидѣтельствованъ, между прочимъ, папскимъ викаріемъ, епископомъ Розалійскимъ.

б) Къ книгѣ А. Востокова: «Объ отношеніяхъ Римской Церкви къ другимъ христіанскимъ церквамъ» и проч., рекомендуемъ прочитать главы: XVI. XVII. XXIII и XXIV.

въ населеніе нестроенія въ общества. Это тѣмъ прискорбнѣе, что политика западныхъ государствъ, по зависти ихъ къ православной Россіи, всячески содѣйствуетъ латинской пропагандѣ въ тѣхъ видахъ, чтобы разорвать духовныя связи православнаго Востока съ православной Россіей, которая положеніемъ своимъ призвана быть представительницей и покровительницей православныхъ; — ибо олатинившіеся жители Востока всѣми своими чувствами начинаютъ тяготѣть къ Риму, какъ общему центру всѣхъ латинянъ. Такимъ образомъ, латинская церковь въ своей пропагандѣ движется не духомъ любви Христовой, а духомъ властолюбія и лжи. Восточные патріархи такъ выражаютъ противоположность направленій церкви восточной и церкви латинской: Молитва Спасителя нашего къ Богу и Отцу Своему объ общей любви христіанъ и совокупленіи во едину, святую, соборную и Апостольскую Церковь... дѣйствуетъ въ насъ какъ и въ его блаженствѣ (т.-е. папѣ),—и здѣсь то наше братское стремленіе и ревность срѣтается съ стремленіемъ и ревностію его блаженства, съ тѣмъ только различіемъ, что въ насъ эта ревность направлена къ тому, чтобы соблюсти чистымъ и неизкосновеннымъ всесовершенный Символъ Христовой вѣры,... а въ его блаженствѣ — къ тому, чтобы укрѣпить и утвердить надъ всѣми власть и господство возсѣдающихъ на Апостольскомъ престолѣ и ихъ новаго ученія [1]).

Поэтому, какъ ни велики и ни блестящи, повидимому, успѣхи латинской пропаганды, но она незаслуживаетъ того, чтобы ей подражать,—сохрани насъ Богъ отъ такихъ успѣховъ. За коварный образъ дѣйствій не лежитъ-ли и на латинскихъ проповѣдникахъ то осужденіе Господа, какое Онъ изрекъ на книжниковъ и фарисеевъ тоже ревновавшихъ о пропагандѣ: *горе вамъ книжницы и фарисее лицемѣри, яко преходите море и сушу, сотворити единаго пришельца: и егда будетъ, творите его сына геенны сугубѣйша васъ* (Мѳ. 23, 15.)? Несомнѣнно, и фарисеи воображали, также какъ и іезуиты, что они служили славѣ Божіей и дѣйствовали pro majore Dei gloria!

---

[1]) Стр. 21.—Нерѣдко въ нашемъ обществѣ слышится удивленіе къ миссіонерской ревности католиковъ. Но тутъ удивительнаго ничего нѣтъ; ибо дѣла человѣческія дѣлаются съ большею охотой, чѣмъ дѣла Божіи.

Все наше изслѣдованіе о единствѣ Церкви мы можемъ свести къ слѣдующему заключенію: въ церкви восточной православной, сохраняется истинное, спасительное, духовно-благодатное единство, но частямъ ея, помѣстнымъ церквамъ не достаетъ единства внѣшняго; наоборотъ, въ церкви латинской единство внѣшнее, дисциплинарное, доведено до совершенства, но за то за нимъ нѣтъ единства внутренняго, спасительнаго, и само это единство стоитъ не на христіанскихъ основахъ. И такъ, церкви восточной желательно бы придать единство внѣшнее,—а западной—вложить единство внутреннее, съ исправленіемъ внѣшняго. Что нужно для этого, объ этомъ поговоримъ въ слѣдующей статьѣ.

IV.

О смѣшеніи догматическихъ опредѣленій съ каноническими въ теоріи папизма.

Наконецъ, мы переходимъ къ разсмотрѣнію послѣдней, указанной нами разности, которая состоитъ въ томъ, что строго соблюдаемое восточною церковію различеніе догматическихъ опредѣленій священства отъ каноническихъ въ церкви латинской спутано и смѣшано, если не сказать—уничтожено.

Раскрытіе этой разности даетъ намъ случай выяснить самую сущность вопроса; мы укажемъ ту черту, переступивъ за которую, папа изъ православнаго сдѣлался неправославнымъ; обличимъ и тотъ фальшивый образъ дѣйствованія, какимъ папизмъ преобразился въ догматическую доктрину.

Мы утверждаемъ,—въ чемъ не могутъ не согласиться съ нами и паписты, что между догматическими и каноническими опредѣленіями степеней священства существуетъ строгое различіе, котораго нарушать никакъ нельзя. Въ чемъже состоитъ это различіе?

Въ слѣдующемъ: 1) Въ догматическомъ опредѣленіи священство разсматривается какъ таинство, какъ органъ Христовой благодати, освящающей Церковь. Въ каноническомъ же

опредѣленіи священство берется какъ церковно-юридическое учрежденіе, какъ органъ управленія и устроенія внѣшняго порядка церковной жизни. Вслѣдствіе такихъ особенностей того и другаго опредѣленія, первое входитъ въ составъ догматическаго Богословія, а второе—въ составъ каноники или церковнаго законовѣдѣнія.

2) Священство ведетъ свое начало отъ самого Основателя церкви, Господа нашего Іисуса Христа и чрезъ св. апостоловъ положено въ основу Церкви, какъ неизмѣнный законъ ея существованія; ибо безъ благодати священства, частнѣе безъ благодати епископскаго чина, какъ кореннаго и источнаго, Церковь существовать не можетъ. Каноническимъ же опредѣленіямъ Апостолы положили только общее начало, а развитіе ихъ предоставили исторіи.

3) Священство, по догматическому опредѣленію, имѣетъ только три степени или чина: *епископа*, *пресвитера* и *діакона*. Благодать священства каждой степени дается въ одинаковой мѣрѣ; т. е. епископы, какъ епископы, по благодати священства совершенно равны между собою; нельзя сказать, чтобы одному епископу давалось благодати больше, другому меньше; тоже должно сказать о пресвитерахъ и діаконахъ; тѣ и другіе каждый въ своемъ чинѣ—равны по благодати священства, и если разнятся, то развѣ естественными дарованіями, силою вѣры, ревностію и преуспѣяніемъ. По опредѣленію же каноническому степеней священства много и каждой изъ нихъ усвоены извѣстныя права и преимущества съ извѣстными обязанностями; такъ, въ настоящее время,—въ званіи епископа суть слѣдующія степени: просто *епископа*, затѣмъ *митрополита*, *экзарха* и *патріарха* (есть еще титулярное названіе *архіепископа*); въ званіи пресвитера, просто *іерея*, затѣмъ *протоіерея* и *протопресвитера*,—а въ монашествѣ: *іеромонаха*, *игумена* и *архимандрита*;—въ діаконскомъ званіи—*діакона*, *протодіакона* и *архидіакона*. Согласно съ правами и преимуществами сихъ степеней—*митрополитъ* предсѣдательствуетъ въ собраніи епископовъ,—*патріархъ*—въ собраніи *митрополитовъ* и *епископовъ*; *протоіерей*—въ собраніи іереевъ, *протопресвитеръ*—въ собраніи *іереевъ* и *протоіереевъ*;—тоже должно сказать и о правахъ *протодіакона* и *архидіакона*.

Такимъ образомъ по догматическому опредѣленію—степенямъ священства принадлежитъ благодатное равенство; а по каноническому—церковныя права и преимущества.

4) Догматическія опредѣленія степеней священства, какъ Богоучрежденнаго установленія, даннаго однажды навсегда, не могутъ подлежать никакому измѣненію или превращенію; епископъ долженъ оставаться епископомъ и не можетъ быть низведенъ на степень пресвитера [1]) или діакона, равно и пресвитеръ на степень діакона, и наоборотъ, діаконъ не можетъ присвоить себѣ правъ пресвитера, а пресвитеръ—епископа;—но каждый долженъ пребывать въ благодатныхъ правахъ и достоинствѣ своего чина. Отсюда ясно, что для догматическихъ опредѣленій нѣтъ и не можетъ быть исторіи; ибо они неизмѣнны, одни и тѣ же на всѣ времена. Каноническія опредѣленія, хотя своимъ источнымъ началомъ имѣютъ одного и того же Духа Божія, какъ и тѣ, и въ этомъ смыслѣ именуются тоже Божественными [2]), какъ и выражаются объ нихъ св. Отцы вселенскихъ Соборовъ,—тѣмъ не менѣе не имѣютъ характера безусловной необходимости и неизмѣнности: церковныя званія и служенія, опредѣляемыя канонами Церкви, возникали по нуждамъ времени (напр., екдика и періодевта), на почвѣ церковныхъ обычаевъ, въ связи съ государственною жизнію, и потому имѣютъ *свою исторію* и могутъ *быть* и *не быть*. Такъ въ русской церкви во главѣ управленія стоялъ сначала митрополитъ, потомъ патріархъ, а затѣмъ патріаршее управленіе замѣнено синодальнымъ; но и это послѣднее не есть рѣшительное и неизмѣнное; оно также можетъ измѣниться и принять иной видъ, смотря по нуждамъ и обстоятельствамъ русской церкви.

Вселенская Церковь, отъ временъ апостольскихъ до нашихъ дней, всегда наблюдала и наблюдаетъ это различеніе между дог-

---

[1]) Епископа низводити на пресвитерскій степень есть святотатство (IV вселенск. собора правило 23).

[2]) Божественныя правила со услажденіемъ пріемлемъ, и всецѣло и непоколебимо содержимъ постановленіе сихъ правилъ, изложенныхъ отъ всехвальныхъ Апостоловъ, святыхъ трубъ Духа, и отъ шести св. вселенскихъ соборовъ и помѣстно собиравшихся для изданія таковыхъ заповѣдей и отъ св. Отецъ нашихъ; ибо всѣ они отъ единаго и того же Духа бывъ просвѣщены полезное узаконили (Правило VII всел. соб.).

матическими и каноническими опредѣленіями. Апостольскія правила знаютъ только три степени священства: епископа, пресвитера и діакона, а остальныя, какъ-то: иподіакона, чтеца и пр. относятъ къ церковнымъ служеніямъ, но не къ духовно-благодатнымъ степенямъ; почему Церковь всегда различала *хиротонію* (χειροτονια), т. е. таинственное возложеніе рукъ на ставленика, возводимаго на какую-либо священническую степень, отъ *хиροθесіи* (χειροθεσια), отъ возложенія рукъ при посвященіи въ какую-либо церковную должность (а равно и отъ возложенія рукъ на кающихся, присоединяемыхъ къ церкви отъ иновѣрія и проч. [1]), на что право имѣютъ и пресвитеры).

Согласно съ правилами св. Апостолъ и вселенскіе Соборы знаютъ только три степени священства: епископа, пресвитера и діакона. (См. правила: I-го собора 3, 4, 15, 18. II-го соб. 2, 3. IV-го соб. 2. VI-го соб. 3, 10, 23, 80. VII-го соб. 3. Помѣстныхъ: Антіох. 4; Карѳ. 3, 4, 19 и др.). Эти степени Соборы именуютъ *духовными* въ отличіе отъ *церковныхъ*, *относящихся къ міру* (I-го соб. правило 18), и представляютъ соотвѣтствующими тремъ степенямъ ветхозавѣтнаго священства: епископскую—степени первосвященника, пресвитерскую—степени жрецовъ-священниковъ, діаконскую—степени левитовъ. (Карѳ. соб. прав. 19).

Въ исторіи вселенской Церкви, какъ всегда и вездѣ, бывали разные случаи нарушенія духовныхъ степеней священства. Но св. Отцы старались исправить эти нарушенія, издавая противъ нихъ правила, въ которыхъ ограждали степени священства отъ превращенія, измѣненія, уничтоженія или смѣшенія съ каноническими служеніями. Такъ, на I-мъ вселенскомъ Соборѣ 18-мъ правиломъ, діаконамъ, которые, какъ видно, надмеваясь церковными должностями, присвояли себѣ духовно-благодатныя права, принадлежащія высшимъ степенямъ,—запрещено преподавать пресвитерамъ евхаристію и прикасаться ея раньше епископовъ; тѣмъ же правиломъ имъ не позволено даже и сидѣть посреди пресвитеровъ въ храмѣ во время богослуженія. 20-мъ правиломъ Лаодикійскаго собора діаконамъ

---

[1]) См. «Опытъ церковнаго законовѣдѣнія» архим. Іоанна; т. I. стр. 136—138.

дозволяется сидѣть въ присутствіи пресвитера только съ его позволенія. 7-мъ правиломъ Трулльскаго собора діаконамъ, имѣющимъ церковныя должности (напр. экдика, эконома и др.) не дозволяется предсѣдательствовать на соборѣ пресвитеровъ, а пресвитерамъ—на соборѣ епископовъ: „ибо мы вѣдаемъ, говорятъ Отцы Собора, что достоинства или *должности духовныя превосходнѣе должностей, относящихся къ міру* [1]), или ко внѣшнимъ дѣламъ церковнаго управленія (напр., экдика, т. е. защитника отъ церкви предъ судомъ бѣдныхъ и слабыхъ,—или эконома, т. е. завѣдующаго церковнымъ имуществомъ. См. книгу правилъ. Примѣч. къ 7-му правилу Трулльск. собора).

Бывали случаи нарушенія духовно-благодатныхъ правъ епископовъ со стороны канонически опредѣляемыхъ властей митрополитовъ и патріарховъ. Такъ, въ началѣ IV вѣка епископъ римскій вторгался въ дѣла Карѳагенской церкви, въ видахъ подчиненія ея римскому престолу; подобно и епископъ антіохійскій обнаруживалъ стремленіе къ подчиненію себѣ независимой церкви острова Кипра. Но всѣ такіе случаи, какъ уклоненіе отъ правила, сохраняемаго Церковію, легко были исправимы. Въ подобныхъ случаяхъ епископы обращались къ Соборамъ—помѣстнымъ или вселенскимъ и, опираясь на нихъ, ихъ опредѣленіями ограждали свои духовно-благодатныя права и свою независимость. Такъ, епископы Карѳагенской церкви, въ Сѣверной Африкѣ, собравшись въ Карѳагенѣ на соборѣ (319—326 г.), сами дали твердый и, рѣшительный отпоръ властолюбивымъ притязаніямъ римскаго епископа, постановивъ слѣдующія правила: 1) „епископы отправляются за море (въ Римъ) не иначе, какъ съ разрѣшенія первенствующаго епископа и съ его отпустительной грамотой“ (прав. 32); 2) „клирики, недовольные судомъ своего епископа, должны обращаться съ жа-

---

[1]) Не смотря, однакожъ, на это правило, впослѣдствіи времени были узаконяемы случаи возвышенія діаконовъ (или точнѣе архидіаконовъ). Діаконы въ должности хартофилакса или правители патріаршей дикастеріи (у насъ этой должности соотвѣтствуетъ должность директора канцеляріи святѣйшаго синода) засѣдали въ совѣтахъ патріаршихъ, выше даже епископовъ, что дѣлалось на основаніи Императорскихъ указовъ (См. «Опытъ Законовѣд.»; архим. Іоанна, ч. 2, стр. 355, а также книгу правилъ въ русскомъ переводѣ, т. I. Правило I вселенск. собора, стр. 65—68).

лобами къ первенствующимъ епископамъ своихъ областей, а переносящіе дѣло къ судамъ за море (т. е. въ Римъ), никѣмъ въ Африкѣ да не пріемлются въ общеніе“ (прав. 37, подобное же и 139); 3) „кто бывъ отлученъ отъ общенія церковнаго въ Африкѣ, прокрадется въ заморскія страны, дабы приняту быть въ общеніе (въ Римѣ), тотъ подвергнется изверженію изъ клира“ (прав. 118). Въ основу своей независимости и самостоятельности соборъ Карѳагенскій указывалъ на тѣ благодатныя права священства, которыя общи всѣмъ епископамъ. Въ соборномъ посланіи къ папѣ Целестину, Отцы собора писали: „Разумно и праведно призналъ соборъ Никейскій, что какія бы ни возникли дѣла, они должны оканчиваемы быти въ своихъ мѣстахъ. Ибо Отцы судили, что *ни для единыя области не оскудѣваетъ благодать Святаго Духа*, чрезъ которую правда іереями Христовыми и зрится разумно, и содержится твердо, и наипаче, когда каждому, аще настоитъ сомнѣніе о справедливости рѣшенія ближайшихъ судей, позволено приступати къ соборамъ своея области и даже ко Вселенскому Собору. *Развѣ есть кто-либо, который бы повѣрилъ, что Богъ нашъ можетъ единому токмо нѣкоему вдохнути правоту суда, а безчисленнымъ іереямъ, сошедшимся на Соборъ, откажетъ въ ономъ*... О томъ, чтобы нѣкіе, аки бы отъ ребра твоея святыни, были посылаемы, мы не обрѣтаемъ опредѣленія ни единаго Собора отцевъ... И такъ, не соизволяйте по просьбѣ нѣкоторыхъ, посылати сюда вашихъ клириковъ изслѣдователями, и не попускайте, да не явимся мы вносящими дымное надмѣніе міра въ церковь Христову, которая желающимъ зрѣти Бога приноситъ свѣтъ простоты и день смиренномудрія“ [1]). Чтобы оградить себя отъ этого мірскаго, дымнаго надмѣнія, Отцы собора положили: „Епископъ перваго престола да не именуется *экзархомъ іереевъ, верховнымъ священникомъ* (ἄκρον ἱερέα) или чѣмъ-либо подобнымъ, но токмо перваго престола“ [2]). Всѣ эти правила Карѳагенскаго собора приняты въ составъ церковнаго законодательства вселенской Церкви вселенскимъ пятошестымъ Соборомъ, иначе именуемымъ Трулльскимъ.

---

[1]) Книга правилъ, стр. 407—409.

[2]) Тамъ же—правило 48.

Подобныя же правила противъ посягательства первенствующихъ епископовъ на самостоятельность независимыхъ церквей издавали и вселенскіе Соборы. Такъ на II-мъ вселенскомъ Соборѣ опредѣлено: „Областные епископы да не простираютъ своея власти на церкви за предѣлами своея области, и да не смѣшиваютъ церквей, но по правиламъ александрійскій епископъ да управляетъ церквами токмо египетскими; епископы восточные да начальствуютъ токмо на Востокѣ, съ сохраненіемъ преимуществъ антіохійской церкви, правилами никейскими признанныхъ; также епископы области асійскіе да начальствуютъ токмо въ Асіи; епископы понтійскіе да имѣютъ въ своемъ вѣдѣніи дѣла токмо понтійскія области, ѳракійскіе токмо Ѳракіи. Не бывъ приглашены, епископы да не преходятъ за предѣлы своея области для рукоположенія или какого-либо другаго церковнаго распоряженія. При сохраненіи же вышеписаннаго правила о церковныхъ областяхъ, явно есть, яко дѣла каждыя области благоучреждати будетъ соборъ тоя же области, какъ опредѣлено въ Никеи. Церкви же Божіи у иноплеменныхъ народовъ долженствуютъ быть правимы по соблюдавшемуся до нынѣ обыкновенію Отцевъ“ [1]).

8-е правило III-го вселенскаго Собора, по тому же поводу, еще яснѣе выражаетъ взглядъ вселенской Церкви на взаимныя отношенія помѣстныхъ церквей и ихъ независимость: „*Дѣло вопреки постановленіямъ церковнымъ и правиламъ святыхъ Апостолъ нововводимое и посягающее на свободу всѣхъ* возвѣстилъ боголюбезнѣйшій соепископъ Ригинъ и сущіе съ нимъ благоговѣйнѣйшіе епископы Кипрскія области, Зинонъ и Евагрій. Чего ради, понеже *общественныя болѣзни требуютъ сильнѣйшаго врачества*, яко большій вредъ приносящія, и наипаче, аще и древняго обыкновенія не было, чтобы епископъ града Антіохіи совершалъ поставленія въ Кипрѣ, какъ письменно и словесно возвѣстили намъ благоговѣйнѣйшіе мужи, къ святому Собору пришедшіе: то начальствующіе во святыхъ Кипрскихъ церквахъ да имѣютъ свободу, безъ притязанія къ нимъ и безъ стѣсненія ихъ, по правиламъ святыхъ Отецъ, и по древнему обыкновенію, сами собою совершати поставленіе бла-

[1]) Ibid., прав. 2.

говѣйнѣйшихъ епископовъ. Тожде да соблюдается и въ иныхъ областяхъ, и повсюду въ епархіяхъ: дабы никто изъ боголюбезнѣйшихъ епископовъ *не простиралъ власти на иную епархію*, которая прежде и сначала не была подъ рукою его, или его предшественниковъ: но аще кто простеръ, и насильственно какую епархію себѣ подчинилъ,—да отдастъ оную: да не преступаются правила Отецъ: да не вкрадывается подъ видомъ священнодѣйствія надменность власти мірскія: и да не утратимъ помалу, непримѣтно, тоя свободы, которую даровалъ намъ кровію своею Господь нашъ Іисусъ Христосъ, освободитель всѣхъ человѣковъ. И такъ святому и вселенскому Собору угодно, чтобы всякая епархія сохраняла въ чистотѣ, и безъ стѣсненія, сначала принадлежащія ей права, по обычаю издревле утвердившемуся. Каждый митрополитъ, для своего удостовѣренія, можетъ невозбранно взяти списокъ съ сего постановленія. Аще же кто предложитъ постановленіе противное тому, что нынѣ опредѣлено: угодно всему святому и вселенскому Собору, да будетъ оно недѣйствительно".

Русскій канонистъ, архим. Іоаннъ на это правило дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе: „Нельзя не остановить особеннаго вниманія на словахъ святыхъ Отцевъ Ефесскаго Собора: *да не вкрадывается подъ видомъ священнодѣйствія надменность власти мірскія*. Въ этихъ словахъ выражаются двѣ особенныя мысли: 1) что въ церковномъ управленіи не должно быть преобладанія власти, такъ чтобы одна какая-либо мѣстная власть превозносилась надъ всѣми другими, равными ей по священной важности своихъ правъ, властями, а тѣмъ менѣе, слѣдовательно, надъ всѣми помѣстными церквами, которыхъ права, по опредѣленію Отцевъ, должны быть самостоятельны въ своихъ предѣлахъ и неприкосновенны; 2) что къ духовному сану церковной власти и ея священнымъ правамъ не должно быть примѣшано ничто мірское, чуждое ей по духу, по своимъ видамъ и дѣйствіямъ, какъ-то: власть свѣтская, почести мірскія, употребленіе мірскихъ средствъ для своихъ цѣлей и т. д. Такъ строго древнія правила Отцевъ ограничивали власть духовную, и такъ далеки были отъ всякой мысли о вселенскомъ главенствѣ одной какой-либо каѳедры надъ всею Церковью" [1]).

[1]) «Опытъ законовѣд.» архим. Іоанна. Кн. 2, стр. 254.

Въ латинской церкви это различіе между догматическими и каноническими опредѣленіями, узаконенное вселенскими Соборами и строго наблюдаемое восточною Церковію, давно утрачено и забыто. Латинскій богословъ, Ѳома Аквинатъ, сопричисленный папами къ лику святыхъ и возведенный на степень доктора богословія, т. е. учителя Церкви, исчисляетъ семь степеней священства, каковы слѣдующія: *придверники* (ostiarii), *чтецы* (lectores), *заклинатели* (exorcistae), *свѣщеносцы* (acolytes), *ѵподіаконы* (sub-diaconi), *діаконы* (diaconi), *пресвитеры* (presbyteri). Первыя пять степеней, по ученію его, относятся къ низшимъ служеніямъ, а послѣднія двѣ—къ высшимъ. Изъ сихъ послѣднихъ *степень пресвитеровъ* подраздѣляется на двѣ степени: *собственно священниковъ* (minores sacerdotes) и *епископовъ* (minores pontifices); въ средѣ, или въ центрѣ сихъ послѣднихъ поставленъ высшій первосвященникъ, викарій и преемникъ ап. Петра, папа, отецъ отцевъ. Степень епископовъ въ свою очередь подраздѣляется еще на четыре степени: епископа, митрополита, архіепископа и патріарха [1]).—Это седмеричное число принято и Тридентскимъ Соборомъ, съ тѣми же подраздѣленіями. Въ Римскомъ катихизисѣ тоже самое, съ тѣмъ различіемъ, что двѣ епископскія степени соединены въ одну союзомъ *или* (архіепископъ или митрополитъ) и на освободившуюся такимъ образомъ четвертую степень поставленъ папа, посему оказываются слѣдующія четыре степени: епископа, архіепископа *или* митрополита, патріарха и папы. Новѣйшіе катихизисы совсѣмъ не упоминаютъ о числѣ священныхъ степеней (напр. катихизисъ Вапплера); и хорошо дѣлаютъ, потому что молчаніемъ покрываютъ вопросъ о томъ—какую степень священства состявляетъ папа? Если онъ по священству не болѣе какъ только епископъ,—то онъ по благодати священства равенъ со всѣми прочими епископами, и его папское служеніе есть каноническое установленіе. Если же по благодати своего служенія онъ выше епископовъ, — то требуется дока-

---

[1]) Ordo avtem episcoporum quadripartitus est, scilicet, in patriarchis, archiepiscopis, metropolitanis et episcopis. (Summa. t. I. De sacramentis L. IV. Distinctio XXIV. 12.—Онъ же: Patriarcha Graecè summus patrum interpretatur, quia primum, id est, apostolicum tenet locum, ut Romanus, Antiochenus, Alexandrinus, sed omnium summus est Romanus. *Ibid.*

зать установленіе таинства для папской степени священства, — чего, конечно, доказать никакъ нельзя.

Главная причина такого смѣшенія или поводъ къ тому заключается въ идеѣ о главенствѣ папы. Надо было папу выдѣлить изъ ряда его собратій-епископовъ, возвысить и превознести предъ ними. Для сего: 1) паписты верховенство или главенство папы разсматриваютъ не какъ церковно-юридическое учрежденіе, но какъ таинство, какъ духовно-благодатную степень священства, какъ единственный и исключительный органъ благодати для всего тѣла Церкви; 2) стараются доказать, что главенство папы установлено было не путемъ каноническихъ опредѣленій на вселенскихъ Соборахъ въ видѣ первенства или старѣйшинства, но прямо и непосредственно самимъ Основателемъ Церкви Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ въ томъ видѣ, какъ понимаютъ паписты; 3) учатъ, что главенство папы исключаетъ всякое понятіе о благодатномъ равенствѣ его съ епископами; папа относится къ епископамъ, не какъ первый и старшій между ними епископъ, но такъ, какъ епископъ относится къ своему причту, къ пресвитерамъ и діаконамъ, т. е. какъ вселенскій глава, какъ единственный верховный первосвященникъ. По этому духовныхъ степеней священства не три, а покрайней мѣрѣ четыре, если отдѣлить отъ нихъ степени каноническія; 4) вслѣдствіе такого пониманія главенство папы мыслится ими какъ неизмѣнное установленіе; папа *судитъ всѣхъ, а самъ судимъ быть никѣмъ не можетъ*. Этимъ пониманіемъ устранено и уничтожено соборное начало, на которомъ зиждется порядокъ Церкви и епископскій чинъ сохраняется отъ превращенія и поглощенія. Такимъ образомъ, въ теоріи о главенствѣ папы мы видимъ обезразличеніе догматическихъ и каноническихъ опредѣленій, ихъ совершенное извращеніе и смѣшеніе. Вотъ почему это смѣшеніе отразилось въ изчисленіи седмеричнаго числа степеней священства вообще и въ частности четверичнаго числа степеней епископскихъ. Включеніе каноническихъ степеней въ число духовныхъ потребовалось папистамъ для того, чтобы выше поднять значеніе папы, и указать великое разстояніе между епископомъ и папой.

О дальнѣйшихъ послѣдствіяхъ этого смѣшенія справедливо разсуждаетъ Янусъ, въ своей книгѣ: „Папа и Соборъ“. Онъ

пишетъ: „Какъ только совершился частію сознательный, частію безсознательный разрывъ папства съ древле-церковнымъ порядкомъ и законодательствомъ,—образовалась коллегія или сенатъ кардиналовъ, которому съ 1059 года предоставлено было право выбирать папу. Чрезъ легаціи и участіе въ папской власти, сдѣлавшейся безграничною, кардиналы возвысились до того, что стали свысока смотрѣть на епископовъ, которые еще въ XI столѣтіи первенствовали предъ ними на Соборахъ. При самомъ началѣ, когда новая система папизма еще находилась въ потугахъ рожденія (in den Geburtswehen), въ 1054 году кардиналы-епископы требовали себѣ преимущества предъ архіепископами, но еще въ 1196 г. эти послѣдніе считались выше тѣхъ. Только на Соборѣ Ліонскомъ, въ 1245 году, преимущество кардиналовъ, даже кардиналовъ пресвитеровъ и діаконовъ, предъ всѣми епископами христіанскаго міра было рѣшено и ни съ чьей стороны болѣе не подвергалось оспариванію. Мало-по-малу дошло до того, что епископы не иначе могли говорить съ кардиналами, какъ стоя на колѣняхъ, и кардиналы обращались съ ними, какъ со слугами [1]). Не безъ намѣренія грегоріанцы Анзельмъ и Григорій Павійскій, а потомъ слѣдующій за ними Граціанъ, приняли въ свои уложенія (Gesetzbücher) извѣстныя мѣста Іеронима, въ которыхъ утверждается первоначальное равенство епископовъ и пресвитеровъ, а преимущество епископовъ установляется на простомъ правѣ обычая. Близорукіе строители папской системы не замѣтили, что этимъ они положили сѣкиру у корня папскаго примата: они заботились только о томъ, чтобы доставить преимущество кардиналамъ, проложить этимъ путь господству куріи и на развалинахъ древней епископальной системы воздвигнуть систему папства. Такъ какъ уложеніе Граціана считалось единственнымъ источникомъ, изъ котораго почерпали представленіе о Церкви и іерархіи, то въ концѣ XIII столѣтія епископы доведены были до того, что домогались сдѣлаться кардиналъ-пресвитерами, и на такое разжалованіе (Degradirung) изъ епископовъ въ пресвитеры, которое въ древней Церкви счита-

[1]) См. сочиненіе одного неназваннаго по имени француза въ концѣ XIV ст. in Paulin Paris, Manuscript français VI. 265.

лось-бы чудовищнымъ [1]), смотрѣли какъ на повышеніе. Въ цвѣтущее время изъятій, ниспроверженія всѣхъ древнихъ законовъ Церкви, разложенія связей, связующихъ приходы,— когда приходское управленіе было потрясено странствующими и нищенствующими монахами, — такое разжалованіе принадлежало самой системѣ [2]).

Но когда и какъ совершилось это несчастное для всей вселенской Церкви смѣшеніе въ ученіи о папѣ догматическихъ и каноническихъ опредѣленій? Разрѣшеніе этого вопроса должно дать намъ отвѣтъ на всѣ наши вѣковыя недоразумѣнія и споры.

Начнемъ съ самаго зерна дѣла и прослѣдимъ его ростъ и развитіе. Какъ и прежде, такъ и теперь будемъ выслѣживать самые законы церковной жизни и по нимъ искать разрѣшенія спорныхъ вопросовъ, а не заниматься полемикой.

1.

Царство Христово, какъ царство Божіе, есть по существу своему царство духовное, царство свободы, вѣры и любви, потому и говорить о немъ мы можемъ только языкомъ священнымъ, согласнымъ съ его высокимъ достоинствомъ и съ его высокими свойствами.

Какъ мы уже раскрыли выше, царство Христово есть прежде всего духовное, святое *братство*. Слово это надо понимать въ самомъ высокомъ, чистомъ и въ то-же время прямомъ смыслѣ. Христосъ, нашъ Спаситель, есть основаніе и Глава нашего братства. Во Христѣ всѣ мы братія,—во Христѣ—всѣ мы чада Отца Небеснаго,—во Христѣ всѣ мы участники въ благодатныхъ дарахъ Духа Святаго. По праву участія въ благодатныхъ дарахъ Божіихъ всѣ мы равны между собою; сокровищница любви Отца Небеснаго доступна всѣмъ и неизчерпаема; приходи всякій и черпай сколько хочешь и сколько можешь вмѣстить. Нѣтъ различія ни для пастыря, ни для пасомыхъ, ни для возраста, ни для пола. Во Христѣ

---

[1]) Такое разжалованіе даже въ наказаніе считалось святотатствомъ см. выше. IV вселенск. Соб. прав. 23.

[2]) Ianus p. 223—225.

Іисусѣ, говоритъ Апостолъ, *нѣсть еллинъ, ни іудей, обрѣзаніе и необрѣзаніе, варваръ и скивъ, рабъ и свободь, но всяческая и во всѣхъ Христосъ* (Кол. 3, 11). Объясняя прославную тайну Пятидесятницы собравшемуся народу, ап. Петръ говорилъ: *сіе есть реченное пророкомъ Іоилемъ: и будетъ въ послѣдняя дни, глаголетъ Господь, излію отъ Духа Моего на всяку плоть, и пророкутъ сынове ваша, и дщери ваша, и юноши ваша видѣнія узрятъ, и старцы ваша сонія видятъ; ибо на рабы Моя и на рабыни Моя, во дни оны излію отъ Духа Моего и пророкутъ* (Дѣян. 2, 16—18). Несмотря однакожъ на равенство всѣхъ, не всѣ одинаково участвуютъ въ благодатныхъ дарахъ, но смотря по силѣ вѣры, по ревности къ подвигамъ, по горячности любви, а также по естественнымъ дарованіямъ, по условіямъ жизни и поприщу дѣятельности, и такъ какъ преуспѣянію въ вѣрѣ и любви нѣтъ мѣры, нѣтъ предѣловъ, то не можетъ быть границъ и для участія въ благодатныхъ дарахъ. Посему и пасомый можетъ преимуществовать благодатными дарами предъ своими пастырями. Святые Апостолы устроители Церкви Христовой, были одарены высокими благодатными дарованіями и снабжены чрезвычайными полномочіями, но среди нихъ жила Святая Дѣва, которая хотя не имѣла никакихъ пастырскихъ полномочій, однакожъ благодатными дарами превосходила и Апостоловъ. Церковь ублажаетъ—св. Аѳанасія великаго, св. Василія великаго, Григорія Богослова, св. Льва, папу римскаго и под., какъ великихъ подвижниковъ вѣры, какъ столповъ православія, ревнителей истины,—но въ то-же время жили и другіе подвижники вѣры, которые хотя не были облечены въ пастырскія права и полномочія,—однакожъ были обладателями великихъ благодатныхъ дарованій и столпами вселенской истины. Таковы были св. Антоній великій, Макарій Египетскій, Макарій Александрійскій, Евфимій великій, Савва освященный и под. Въ святомъ братствѣ Христовомъ существуютъ благодатныя и нравственныя преимущества, смотря по силѣ вѣры и любви,—но они безъ превозношенія сознаются обладателями ихъ и безъ спора и зависти признаются собратіями сихъ обладателей. Безъ сомнѣнія, въ виду этого братства вѣрующихъ и такого участія ихъ въ благодатныхъ дарованіяхъ, Господь

далъ слѣдующую заповѣдь: *вы-же не нарицайтеся учители: единъ бо есть вашъ учитель, Христосъ: вси же вы братія есте. И отца не зовите себѣ на земли: единъ бо есть Отецъ вашъ, иже на небесѣхъ. Ниже нарицайтеся наставницы: единъ бо есть наставникъ вашъ Христосъ. Болій же въ васъ да будетъ вамъ слуга* (Мѳ. 23, 8—11). Вотъ законы и права благодатной жизни въ царствѣ Божіемъ!

Но царство Божіе есть въ то-же время Церковь Божія, т. е. не только духовное братство,—но видимое, благоустроенное святое общество, имѣющее свое чиноначаліе, которымъ управляется,—свои законы, по которымъ живетъ и дѣйствуетъ, и свои отношенія, въ которыхъ выражается жизнь его членовъ.

Святые Апостолы были первыми устроителями Церкви вселенской. По полномочіямъ Апостольства, по благодатнымъ дарамъ Святаго Духа, всѣ они были равны между собою; но самая благодать не одинаково проявлялась въ нихъ. По силѣ вѣры, по мужеству, твердости и стремительности характера *первымъ* считается св. ап. Петръ; но по трудамъ и подвигамъ проповѣдничества—первымъ нужно считать св. ап. Павла; (ибо онъ самъ говоритъ: *паче всѣхъ ихъ потрудихся; но не азъ, а благодать, яже во мнѣ* Кор. 15, 10); по высотѣ Богословія—св. ап. Іоанна, возлюбленнаго ученика Господа,—по праведности—Іакова, брата Божія, по призванію—Андрея, брата Петрова. Древнѣйшая исторія говоритъ, что первѣйшіе Апостолы, столпы Церкви: Іаковъ, Петръ и Іоаннъ (Гал. 2 9), хотя отъ самого Господа предпочтены были другимъ Апостоламъ, однако, по вознесеніи Его, не стали состязаться о славѣ, но сдѣлали епископомъ Іакова, за превосходство добродѣтелей названнаго *праведнымъ*, и ему поручили управлять церковь іерусалимскую, а вмѣстѣ съ прочими Апостолами и всю Церковь Христову [1]).

Святые Апостолы первые въ своемъ обществѣ осуществили духовно-благодатное братство. Мы видѣли, что каждый, какъ всѣ, всѣ какъ каждый въ отдѣльности, выполняютъ заповѣдь Христову,—ходятъ по городамъ и селеніямъ, проповѣдуютъ евангеліе, учатъ народы, крестятъ ихъ во имя Отца, и Сына и Св. Духа и заповѣдуютъ имъ соблюдать все, что

[1]) (Евс. Церк. Ист. кн. 2, гл. I и 25, стр. 59, 101, 102).

повелѣлъ имъ Господь (Мѳ. 28, 20);—каждый дѣйствуетъ самостоятельно и независимо, но всѣ вмѣстѣ устрояютъ и созидаютъ одну Христову Церковь, такъ что когда они прешли изъ сей жизни, основанныя ими частныя Церкви были между собою во всемъ согласны и составили единую вселенскую Церковь.

Въ сонмѣ Апостоловъ мы не видимъ никакого правительственнаго центра или средоточія. По ученію Христову, тотъ долженъ быть первымъ въ Его Святой Церкви, кто наболѣе будетъ подвизаться въ служеніи братіи. Въ первое время, пока христіанство распространялось въ средѣ іудевъ, перводѣйствующимъ является ап. Петръ. Такъ, Петръ предлагаетъ вмѣсто отпавшаго Іуды избрать новаго Апостола для пополненія числа 12; по сошествіи Св. Духа первый отъ лица своихъ собратій держитъ рѣчь къ народу, и обращаетъ ко Христу около 3-хъ тысячей; онъ же держитъ подобную рѣчь къ народу по исцѣленіи хромоногаго въ храмѣ и обращаетъ къ вѣрѣ во Христа еще до 5-ти тысячей. Онъ же обличаетъ Ананію и Сапфиру. Чрезъ него перваго открывается Церкви тайна Божія о призваніи язычниковъ и о спасеніи ихъ во Христѣ наравнѣ съ іудеями, сынами древнихъ обѣтованій. Онъ же участвуетъ на Соборѣ Апостольскомъ, но не въ качествѣ предсѣдателя, какъ думаютъ паписты, ибо таковымъ былъ Іаковъ, братъ Божій, и его резолюція принята была Соборомъ,—но въ качествѣ свидѣтеля воли Божіей о призваніи язычниковъ въ Церковь Христову наравнѣ съ іудеями. Этимъ оканчивается видная дѣятельность св. ап. Петра;—дальнѣйшіе его подвиги въ дѣлѣ евангельской проповѣди почти не упоминаются въ Дѣяніяхъ Апостоловъ и принадлежатъ къ области преданія. Вмѣсто него, выступаетъ другой Апостолъ, столь же великій и славный, какъ и Петръ, св. Павелъ, проповѣднические труды котораго составляютъ главный предметъ Дѣяній Апостольскихъ, начиная съ 13-й главы до конца книги. По суду самихъ же Апостоловъ во Іерусалимѣ, Павлу было ввѣрено благовѣстіе для необрѣзанныхъ, какъ Петру для обрѣзанныхъ. (Гал. 2, 7). Апостолъ Павелъ, дѣйствительно, *паче всѣхъ Апостоловъ потрудился во благовѣстіи* (1 Кор. 15, 10); онъ основалъ церкви въ Малой Азіи, на островѣ Кипрѣ, въ Македоніи и въ Греціи, и пронесъ свою проповѣдь даже до Иллирика; онъ же

первый перенесъ свою проповѣдь на берега Тибра въ Римъ, куда предварительно писалъ посланіе и гдѣ у него были знакомые, какъ видно, изъ его учениковъ.

Признавая въ Апостолахъ равенство благодатныхъ правъ и полномочій, святая Церковь въ то же время отличаетъ ихъ дарованія и ихъ дѣятельность. Такъ, св. Апостоловъ Петра и Павла она величаетъ *первоверховными* и *первопрестольными*,— св. Іоанна—*возлюбленнымъ ученикомъ Господа* и *Богословомъ* по преимуществу, — св. Андрея, какъ перваго отозвавшагося на зовъ Христовъ—*первозваннымъ*,—св. Іакова брата Божія—*праведнымъ*. „Всѣ блаженные Апостолы, пишутъ св. Отцы,— получили отъ Господа равную благодать святости; но Петръ и Павелъ, не знаю, почему, превышаютъ, повидимому, прочихъ нѣкоторымъ частнымъ преимуществомъ довѣрія у Спасителя. Это можемъ подтвердить судомъ самого Господа. Петру Онъ далъ ключи царства небеснаго, какъ доброму строителю; а Павлу, какъ способному учителю, вручилъ наученіе Церкви, чтобы, т. е. кого сей наставитъ во спасеніе, того пріялъ тотъ въ покой, — чьи сердца Павелъ отверзетъ ученіемъ, тѣхъ душамъ отверзъ Петръ царствіе небесное... Оба они получили отъ Господа ключи: Павелъ—вѣдѣнія, а Петръ—могущества; сей раздаетъ богатства безсмертія, а тотъ сокровища вѣдѣнія... Посему блаж. Петръ и Павелъ превышаютъ всѣхъ Апостоловъ и превосходятъ ихъ нѣкоторымъ частнымъ преимуществомъ; но между ними самими кого кому предпочесть,— неизвѣстно: ибо думаю, они по заслугамъ равны, потому что равны по страданію, жили съ равною преданностію вѣрѣ и вмѣстѣ достигли славы мученичества. А гдѣ скончались они мученически? Въ Римѣ—городѣ, который держитъ первенство и главу (principatum et caput) въ народахъ. Т. е., гдѣ была глава суевѣрія, тамъ упокоилась глава (caput) святости; гдѣ жили начальники (principes) язычниковъ, тамъ скончались начальники (principes) Церквей“ [1]). „Что такое Петръ, — первый изъ Апостоловъ,

---

[1]) Изъ слова на преставленіе св. ап. Петра и Павла. Слово это прежде усвоялось св. Амвросію Медіол. и потому помѣщено было въ изданіи его твореній 1516 г.;—другими приписывалось блаж. Августину (см. изд. 1700. Антв. Т. V, ч. 2, стр. 238), — а иными Максиму Тавринскому († ок. 465), подъ

членъ святой и вселенской Церкви; Павелъ, Андрей и Іоаннъ,— что они, какъ не главы народовъ? Однако, всѣ они суть члены подъ единою главою, кратко сказать—святые до закона, святые подъ закономъ, святые подъ благодатію, принадлежащіе купно къ тѣлу Господню, состоящіе въ числѣ членовъ Церкви, и никто изъ нихъ никогда не хотѣлъ именоваться вселенскимъ" [1]).

Что же мы должны сказать о первенствѣ Петровомъ, которое въ Евангеліи, дѣйствительно, обозначено ясно и на которое справедливо указываютъ паписты? Такъ, св. Матѳей называетъ сего Апостола *первымъ: первый Симонъ, называемый Петромъ* (Мѳ. X, 2). Евангелисты Маркъ и Лука, изчисляя имена 12-ти Апостоловъ, съ Петра начинаютъ изчисленіе, хотя прямо и не называютъ его первымъ; а св. Іоаннъ, говоря о призваніи Симона, прибавляетъ, что Христосъ при первомъ взглядѣ на него даетъ ему новое имя, по еврейски *Кифа*, а по гречески *Петръ* (безъ сомнѣнія, въ знаменованіе его душевныхъ качествъ, и именно *твердости въры*). Но первенство само по себѣ не есть власть и не есть преимущество, соединенное съ какимъ либо особымъ правомъ,—какъ первенство въ семьѣ сына не даетъ ему какихъ либо особыхъ преимуществъ предъ слѣдующими за нимъ братьями. Въ глазахъ папистовъ, первенство Петрово получаетъ великое значеніе въ связи съ тѣми высокими обѣтованіями, какія были изречены ему впослѣдствіи самимъ Господомъ. Остановимся на сихъ обѣтованіяхъ и разъяснимъ ихъ.

Въ третью Пасху, въ предпослѣднее (по числу 8-е) свое путешествіе по Галилеѣ, Господь отводитъ своихъ учениковъ къ крайнимъ предѣламъ этой страны, по пути къ Кесаріи Филипповой, очевидно, съ намѣреніемъ сообщить имъ здѣсь чрезвычайное откровеніе объ основаніи Церкви и о приближающихся страданіяхъ Его и крестной смерти, чрезъ которыя должно было совер-

---

именемъ котораго и читается оно въ римскомъ часословѣ на богослуженіи 5 іюля. Во всякомъ случаѣ, древность его несомнѣнна. — См. Облич. Богосл. архим. Иннокентія. 1859. Ч. I, стр. 331—2. въ прим.—Мои попытки къ провѣркѣ этой цитаты въ библіотекахъ. СПБ Дух. Академіи и въ Публичной не увѣнчались успѣхомъ; ни въ той, ни въ другой я не нашелъ изданія Амвросія. 1516 г.

[1]) Св. Григорія Двоеслова письмо къ Іоанну константинопольскому. (Opera, t. 2, epist. 18. p. 743. Paris 1705 a.).

шиться спасеніе людей: *да всякъ вѣруяй въ Онь не погибнетъ, но имать животъ вѣчный* (Іоан. 3, 14—16). Моментъ въ высшей степени важный въ исторіи спасенія человѣчества! Ибо, обѣщавъ ученикамъ создать Церковь, Христосъ съ того времени началъ открывать имъ, что Ему должно идти во Іерусалимъ, и много пострадать отъ старѣйшинъ, и первосвященниковъ, и книжниковъ, и быть убиту, и въ третій день воскреснути". (Мѳ. 16, 21). Свое чрезвычайное откровеніе Іисусъ начинаетъ съ вопроса: *кого Мя глаголютъ человѣцы быти, Сына человѣческаго?* Апостолы отвѣчали: *ови убо Іоанна Крестителя: иніи же Илію: друзіи же Іеремію, или единаго отъ пророкъ.* Такая вѣра была несовершенная; въ ней недоставало самаго существеннаго, основнаго,—исповѣданія Божества Христова. На такой вѣрѣ Церковь не могла быть основана;—ибо не просто на человѣкѣ основывается незыблемая Церковь, а на Богочеловѣкѣ. *Вы же кого Мя глаголете быти?* снова вопрошаетъ Господь. Вопросъ относится ко всѣмъ, и за всѣхъ отвѣчаетъ Симонъ-Петръ, говоря: *Ты еси Христосъ, Сынъ Бога живаго.* Господь нашелъ отвѣтъ вполнѣ совершеннымъ; такой отвѣтъ могъ быть данъ не по человѣческимъ соображеніямъ, а единственно по откровенію свыше. Посему Господь ублажаетъ Петра: *блаженъ еси Симоне, варъ Іона, яко плоть и кровь не яви тебѣ, но Отецъ Мой, иже на небесѣхъ. И Азъ же тебѣ глаголю, яко ты еси Петръ, и на семъ камени созижду церковь Мою, и врата адова не одолѣютъ ей. И дамъ ти ключи царства небеснаго: и еже аще свяжеши на земли, будетъ связано на небесѣхъ: и еже аще разрѣшиши на земли, будетъ разрѣшено на небесѣхъ* (Мѳ. 16, 13—19). Апостолы уже неразъ и прежде исповѣдали божество Іисуса; такъ какъ первоначальное свидѣтельство о семъ они слышали еще отъ Іоанна Крестителя. Этотъ великій Пророкъ указывая на Іисуса, говорилъ объ Немъ, какъ объ Агнцѣ Божіемъ, вземлющемъ грѣхи міра, т. е. какъ о Мессіи-Искупителѣ, — какъ о Лицѣ, имѣющемъ крестить людей Духомъ Святымъ, т. е. какъ о Мессіи-Освятителѣ, — и наконецъ, какъ о Сынѣ Божіемъ, слѣдовательно какъ о Богочеловѣкѣ (Іоан. 1, 29, 33, 34). Это свидѣтельство объ Іисусѣ привлекло къ Нему первыхъ учениковъ,

которые, сообщая другимъ объ обрѣтеніи Мессіи, вмѣстѣ съ тѣмъ передавали и свидѣтельство Іоанново о Немъ, какъ о Сынѣ Божіемъ. По крайней мѣрѣ, Наѳанаилъ, при первой встрѣчѣ съ Нимъ, исповѣдуетъ Его Сыномъ Божіимъ и Мессіей: „Равви! Ты еси Сынъ Божій, Ты еси Царь Израилевъ". Господь принялъ исповѣданіе Наѳанаила, утвердилъ эту вѣру, но не изрекъ никакого ублаженія. Въ концѣ второй Пасхи Апостолы въ лицѣ Петра снова исповѣдуютъ Его Христомъ, т. е. Мессіей, и Сыномъ Бога живаго: *и мы вѣровахомъ, и познахомъ, яко Ты еси Христосъ Сынъ Бога живаго* (Іоан. 6, 69), но и на этотъ разъ не получаютъ никакого одобренія. Почему же Господу благоугодно было восхвалить Петра при третьемъ исповѣданіи? Безъ сомнѣнія, потому, чтобы явить высокое достоинство исповѣданія Петрова, которое теперь стало совершеннѣе, чѣмъ при началѣ проповѣди, чтобы показать его спасительное [1]) значеніе для Церкви и вмѣстѣ съ симъ утвердить оное въ Апостолахъ противъ приближающагося къ нимъ искушенія и соблазна, отъ имѣющей послѣдовать вскорѣ затѣмъ крестной смерти Христовой. Съ этою же цѣлію Господь являетъ Свою Божественную славу и въ своемъ преображеніи; какъ и объясняетъ это св. Церковь въ своемъ пѣснопѣніи на день Преображенія: *да егда Тя узрятъ распинаема, страданіе убо уразумѣютъ вольное, мірови же проповѣдятъ: яко Ты еси во истину Отчее сіяніе* (т. е. *Сынъ Бога живаго* [2]).

Но почему Христосъ ублажаетъ одного Петра, а не всѣхъ, тогда какъ Петръ говорилъ, несомнѣнно, за всѣхъ, а не отъ одного своего лица? Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ можно принять толкованіе св. Кипріана, какъ наиболѣе близкое къ предмету нашего изслѣдованія. Вотъ оно: „Такимъ образомъ Господь, сказавъ Петру: *Азъ тебѣ глаголю* и проч... и по воскресеніи: *паси овцы Моя*... основываетъ Церковь Свою на одномъ. И хотя по воскресеніи Своемъ, Онъ усвояетъ равную власть всѣмъ Апостоламъ, говоря: *яко же посла Мя Отецъ, и Азъ посылаю вы... пріимите Духъ Святъ: имъ же отпустите грѣхи, отпустятся имъ, и имъ же держите, держатся* (Іоан. 20, 21—23); однако, чтобы показать

[1]) Объ этомъ рѣчь еще будетъ впереди въ Приложеніяхъ.

[2]) Кондакъ на 6-е августа.

единство (церкви) Ему угодно было съ одного-же и предначать это единство. Конечно, и прочіе Апостолы были тоже, что и Петръ,—имѣли равное съ нимъ достоинство и власть; но въ началѣ указывается одинъ, для обозначенія единой Церкви... Сіе то единство надлежитъ крѣпко поддерживать и отстаивать намъ, особенно епископамъ, которые предсѣдательствуемъ въ Церкви, дабы показать, что и самое епископство одно и нераздѣльно... Епископство одно и каждый изъ епископовъ цѣлостно въ немъ участвуетъ. Такъ же и Церковь одна, хотя съ приращеніемъ плодородія расширяясь дробится на множество [1]).

И такъ, въ обѣтованіяхъ Господа Петру мы усматриваемъ, во первыхъ, высокое достоинство и основное значеніе исповѣданія, выраженнаго Петромъ отъ лица всѣхъ Апостоловъ, а во вторыхъ, познаменованіе единства вселенской Церкви, которое начинается съ Петра.

Въ Церкви Апостольской осуществилось Христово единство въ совершеннѣйшей степени, но это было не ради апостола Петра;—это было единство чрезвычайное и въ полномъ смыслѣ благодатное. Если можно его обозначить философскимъ терминомъ,—то мы бы назвали его единствомъ *непосредственнымъ*. Оно разъ было и никогда больше не повторится въ такомъ видѣ. Виновники этого единства, св. Апостолы проповѣдывали ученіе Христово какъ непосредственные Его слушатели и свидѣтели, какъ самовидцы Слова, по собственному ихъ выраженію,—и въ тоже время подъ непосредственнымъ благодатнымъ просвѣщеніемъ и руководствомъ отъ Духа Божія. Понятно, имъ не нужно было никакого внѣшняго правительственнаго, такъ сказать, оффиціальнаго центра. Они всѣ силою Святаго Духа сосредоточивались во Христѣ и вводили въ общеніе съ Нимъ всѣхъ принявшихъ отъ нихъ ученіе о спасеніи во Христѣ. Посему-то такъ и пишетъ Евангелистъ Іоаннъ отъ лица всѣхъ Апостоловъ: *о томъ, что мы видѣли и слышали* (о Словѣ жизни) *возвѣщаемъ вамъ, чтобы и вы имѣли общеніе*

---

[1]) Твор. св. Кипріана въ р. пер. Т. 2. стр. 173—174. Подробный разборъ о подлогахъ, сдѣланныхъ папистами въ сочиненіяхъ Кипріана, и о мнимыхъ свидѣтельствахъ сего отца въ пользу главенства папы—смотри въ сочиненіи архим. Никанора «Разборъ римскаго ученія о видимомъ главенствѣ въ Церкви». Казань. 1871 г. стр. 206—236.

съ нами: а наше общеніе со Отцемъ и Сыномъ Его Іисусомъ Христомъ (1 Іоан. Э, 3). Такое единство говоримъ, было безпримѣрное въ исторіи Церкви.

Развитіе единства внѣшнято, дисциплинарнаго, или если хотите, оффиціальнаго начинается съ вѣка мужей Апостольскихъ.

Для вѣрнаго и истиннаго представленія и сужденія о временахъ послѣ-апостольскихъ мы должны взять въ руководство не какія-нибудь случайныя и спорныя явленія церковной исторіи, какъ дѣлаютъ паписты, указывая напр. на посланіе Климента римскаго къ Коринѳянамъ, и на поступокъ Виктора съ малоазійскими церквами, какъ на свидѣтельство римскаго главенства, — но фундаментальные, такъ сказать, оффиціальные документы, не подлежащіе спору, одинаково обязательные для обѣихъ спорящихъ сторонъ. Таковые документы суть церковныя правила.

Церковныя правила имѣютъ для насъ величайшую важность неложныхъ свидѣтельствъ; въ нихъ выразились и получили твердость и устойчивость правовыя отношенія іерарховъ. Въ области церковной дисциплины они тоже, что символы въ области вѣроученія. И какъ по символамъ и соборнымъ вѣроизложеніямъ мы разумѣемъ и объясняемъ церковныя пѣснопѣнія и ихъ догматическое содержаніе; такъ по канонамъ Церкви разсматриваемъ и судимъ свидѣтельства о личныхъ между собою отношеніяхъ іерархическихъ лицъ, — а не наоборотъ, (по личнымъ отношеніямъ толкуемъ соборныя правила). Такъ напр. Іоаннъ константинопольскій, Златоустый, въ письмѣ своемъ къ Иннокентію, епископу римскому, жалуется на незаконныя дѣйствія Ѳеофила александрійскаго, излагаетъ ходъ дѣла и проситъ защиты и помощи противъ нарушителя церковныхъ правилъ, причемъ смиренно именуетъ Иннокентія почтеннѣйшимъ и преподобнѣйшимъ владыкой [1]). Можно ли изъ этого обращенія Іоанна къ Иннокентію заключать, что первый признавалъ послѣдняго своимъ главой и находился у него въ подчиненіи, какъ толкуютъ паписты? Безъ сомнѣнія, для этого надо обратиться къ канонамъ Церкви и тамъ искать твердаго и безспорнаго рѣшенія этого вопроса. Еще примѣръ. Въ пѣснопѣ-

[1]) См. «Письма Іоанна Златоустаго къ разнымъ лицамъ». Отдѣльное изданіе. Спб. 1866 г., стр. 1—18.

ніяхъ церковныхъ, православные епископы Рима, какъ напр. св. Климентъ, св. Сильверстъ, св. Левъ, св. Мартинъ и др. величаются преемниками ап. Петра, верховниками Соборовъ, главами православной Христовой Церкви и т. под.; спрашивается: какъ нужно понимать эти выраженія, въ буквальномъ ли смыслѣ, или какъ фигуральныя выраженія того высокаго почтенія, какое питаетъ къ симъ святителямъ православная Церковь? Паписты требуютъ буквальнаго пониманія,—а мы отрицаемъ такое толкованіе. Гдѣ же истинное мѣрило для разрѣшенія этого спора? Единственно, только церковныя правила; по нимъ только можно опредѣлить, какъ должно понимать церковныя пѣснопѣнія, въ которыхъ прославляются великіе святители римской церкви.—И такъ обратимся къ канонамъ Церкви и ихъ возьмемъ въ руководство при разрѣшеніи нашихъ спорныхъ вопросовъ.

Какъ извѣстно, основными и коренными законами вселенской Церкви служатъ „правила святыхъ Апостолъ“. По нимъ Церковь управлялась въ продолженіи первыхъ трехъ вѣковъ, и все дальнѣйшее церковное законодательство есть не больше, какъ развитіе и дополненіе сихъ правилъ. Почему, ими обыкновенно начинаются сборники каноновъ какъ церкви восточной, такъ и церкви латинской, съ тѣмъ только различіемъ, что въ первой считается 85 правилъ, а въ послѣдней пріемлется только 50, но эта разность въ нашемъ спорѣ не имѣетъ никакого значенія,—такъ какъ правила, подлежащія нашему разсмотрѣнію, одинаково и безспорно пріемлются обѣими церквами.

Обращаясь къ Апостольскимъ правиламъ и ища въ нихъ указаній къ разрѣшенію нашихъ спорныхъ пунктовъ, мы, прежде всего, не находимъ въ нихъ ни малѣйшаго намека на существованіе какой-либо единоличной власти въ древней Церкви, между тѣмъ какъ вопросъ объ основной и источной степени священства, въ особенности для того времени, былъ вопросомъ первѣйшей важности, вопросомъ, какъ говорится, *быть* или *не быть*. Въ самомъ дѣлѣ, когда Апостолы прешли изъ сей жизни,—естественно предъ пастырями Церкви стоялъ вопросъ: чрезъ кого должно продолжаться преемство Апостольскаго рукоположенія? кто долженъ поставлять епископовъ, преемниковъ Апостольскихъ, и кто будетъ наблюдать за вы-

полненіемъ возлагаемыхъ на нихъ обязанностей? Если бы верховнѣйшимъ первосвященникомъ, какъ источнымъ началомъ освященія всей Церкви, отъ Господа былъ поставленъ римскій епископъ, то, безъ сомнѣнія, правила, положенныя въ основу церковнаго законодательства на всѣ времена, указали бы на такое единственное и исключительное лицо, но этого рѣшительно нѣтъ. И такъ, кто же послѣ Апостоловъ установленъ быть высшею властію въ Церкви? кто будетъ поставлять епископовъ, наблюдать за ними и судить ихъ? Правила святыхъ Апостоловъ даютъ отвѣтъ самый рѣшительный и опредѣленный: *Соборъ епископовъ*. Соборъ поставляетъ епископовъ, Соборъ судитъ ихъ, и Соборъ вѣдаетъ общія дѣла Церкви. Чтобы убѣдиться въ этомъ, мы должны разобрать правила 1, 34 и 37.

Первое правило, которымъ начинается все церковное законодательство, гласитъ: *Епископа да поставляютъ два или три епископа*. И такъ Соборъ епископовъ—вотъ то посредство, тотъ органъ, чрезъ котораго сохраняется и будетъ сохраняться преемство Апостольскаго рукоположенія. Замѣчательно, что ни въ одномъ изъ правилъ не говорится о какомъ-нибудь мѣстномъ преемствѣ или частномъ рукоположеніи—Петровомъ, Павловомъ, Іоанновомъ и под.,—но говорится вообще о *поставленіи*. Это значитъ, что напр. римскаго епископа, въ случаѣ нужды, можетъ рукополагать Соборъ епископовъ въ Іерусалимѣ, въ Константинополѣ или въ Петербургѣ. Рукоположенный въ сихъ мѣстахъ для римской Церкви воспріиметъ благодать *апостольскаго* служенія и будетъ такимъ же законнымъ преемникомъ ап. Петра, какъ и рукоположенный въ самомъ Римѣ. Соборъ епископовъ передаетъ преемство рукоположенія вообще апостольскаго, а не въ частности какого-либо Апостола.

Одно это правило безъ всякихъ дальнѣйшихъ коментаріевъ совершенно достаточно для того, чтобы ниспровергнуть всю теорію папизма.

Но мы имѣемъ изъ послѣдующихъ временъ свидѣтельство дальнѣйшаго его развитія и опредѣленія. Такъ на помѣстномъ Карѳагенскомъ Соборѣ (419—426 г.) оно было повторено (прав. 13 и 60); на I и VII вселенскихъ Соборахъ (I Соб. прав. 4; VII Соб. прав. 3) постановлено, что наиболѣе прилично всѣмъ

той области епископамъ и при томъ въ присутствіи митрополита поставляти (т. е. избирать и рукополагать) епископа на новооткрывшуюся каѳедру. Поставленіе, сдѣланное вопреки сему постановленію, не имѣетъ силы (Антіох. пр. 19), и поставленный безъ митрополита не долженъ быть епископомъ (I Соб. пр. 6). Впослѣдствіи, когда въ лицѣ патріарховъ установилась высшая, административная власть въ Церкви, соборное поставленіе епископовъ нисколько не измѣнилось; — въ церкви восточной и доселѣ сохраняется порядокъ соборнаго рукоположенія, хотя бы рукополагалъ и патріархъ; — тогда какъ въ церкви латинской папа присвоилъ себѣ право единолично рукополагать епископовъ и тѣмъ отмѣнилъ основное Апостольское правило.

34-мъ и 37-мъ правилами Апостоловъ утверждается для вселенской Церкви *соборное начало*, какъ верховное, правительственное. Въ частности 34-мъ правиломъ опредѣляется соборный округъ, лицо предсѣдателя и его власть. Оно гласитъ: „епископамъ всякаго народа подобаетъ знати перваго въ нихъ, и признавати его яко главу, и ничего превышающаго ихъ власть, не творити безъ его разсужденія: творити же каждому только то, что касается до его епархіи и до мѣстъ, къ ней принадлежащихъ. Но и первый ничего да не творитъ безъ разсужденія всѣхъ, да тако будетъ единомысліе“. Изъ этого правила усматривается, что, во первыхъ, предѣлы помѣстныхъ церквей совпадаютъ съ предѣлами разселенія того или другого народа и ими опредѣляются (ἑκάςϑ ἔϑνϑς) и что каждая помѣстная церковь представляетъ собою совокупность нѣсколькихъ епископій или епархій; во вторыхъ, что единство этихъ епископій должно держаться на признаніи за однимъ изъ епископовъ первенства, старѣйшинства и главенства, (яко главу), и въ третьихъ, что вѣдѣнію и власти каждаго епископа подлежатъ дѣла только епархіальныя; дѣла общія, превышающія власть одного епископа, касающіяся всѣхъ и потому требующія общаго голоса и сужденія, каковы напр. возникающія лженученія, вѣроопредѣленія, составленіе общихъ правилъ и узаконеній и под. — подлежатъ соборному обсужденію; и наконецъ, въ четвертыхъ, что устанавливаются взаимныя отношенія между епископами и старѣйшимъ изъ нихъ: относительно общихъ дѣлъ

епископы ничего не дѣлаютъ безъ старѣйшаго, а старѣйшій— въ свою очередь ничего не дѣлаетъ безъ разсужденія съ подвѣдомыми ему епископами.

Это правило положено въ основу развитія церковныхъ іерархическихъ степеней священства и требуетъ, потому, тщательнаго разсмотрѣнія. Но прежде чѣмъ приступимъ къ исторіи этого правила, скажемъ о 37-мъ.

37-мъ правиломъ Апостоловъ опредѣляется число Соборовъ въ году, время ихъ составленія и предметъ ихъ занятій: оно гласитъ: „дважды въ году да бываетъ Соборъ епископовъ, и да разсуждаютъ они о догматахъ благочестія и да разрѣшаютъ случающіяся церковныя прекословія: въ первый разъ въ четвертую недѣлю пятидесятницы, а второй — октября во второйнадесять день".

И это правило имѣетъ свою исторію. Съ развитіемъ іерархической власти, какъ мы увидимъ ниже, оно не только не отмѣнялось, но еще настойчивѣе узаконялось, утверждалось, напоминалось. Вселенскіе Соборы, вмѣстѣ съ помѣстными, опредѣляя власть первенствующихъ епископовъ, въ тоже время постоянно напоминали Церквамъ о необходимости помѣстныхъ Соборовъ (см. I-го всел. Соб. 5 пр.; IV-го всел. Соб. 19 пр.; VI-го всел. Соб. 8 пр.; VII-го всел. Соб. 6 пр.; Антіох. 20 пр.; Карѳ. 27 пр.) и обязывали епископовъ подъ страхомъ наказанія являться на оные (IV-го всел. Соб. 19 пр.; VI-го всел. Соб. 8 пр.; Лаодик. 40 пр.; Карѳ. 87. 88 пр.); Соборы созываются ежегодно областнымъ епископомъ и если онъ не радитъ о семъ,—подлежитъ эпитиміи (Антіох. Соб. 19. 20 пр.; VII всел. Соб. 6 пр.). Соборы всегда считались и были высшей инстанціей для разрѣшенія разныхъ тяжебныхъ дѣлъ, неудовольствій и жалобъ. Клирики могли жаловаться Собору на своего епископа, если онъ въ отношеніи къ нимъ оказывался несправедливымъ,—а епископъ—на своего митрополита; и въ случаѣ, если помѣстный Соборъ происходилъ подъ предсѣдательствомъ обвиняемаго епископомъ митрополита и не удовлетворялъ истца, — онъ могъ переносить дѣло къ большему Собору или къ экзарху всей страны и такимъ образомъ могъ добиваться правосудія. Въ случаѣ ереси митрополита епископы, прекращая съ нимъ церковное общеніе, имѣютъ право соборне

его судить съ участіемъ сосѣднихъ митрополитовъ (III-го всел. Соб. 1 пр.). Впослѣдствіи это правило примѣнено было къ патріархамъ (Двукратн. Соб. 15 пр.).

Но обратимся къ развитію 34-го Апостольскаго правила. Правило это, говоря, что епископы помѣстной церкви должны признавать *перваго* изъ нихъ яко главу,—ничего не говоритъ о томъ, кого же должно считать первымъ? и какіе должны быть признаки первенства? Для рѣшенія этого вопроса нѣтъ надобности входить въ подробнѣйшія и ученнѣйшія какія-либо изслѣдованія исторіи. *Первенство*, прежде всего, надо понимать въ прямомъ и буквальномъ смыслѣ. Первымъ епископомъ, безъ сомнѣнія, считался тотъ, кто былъ въ области дѣйствительно первымъ епископомъ, и отъ кого пошло дальнѣйшее распространеніе и утвержденіе христіанства, а слѣдовательно и священства. Съ утвержденіемъ христіанства по меньшимъ городамъ и селеніямъ, устроялись церковныя общины и ставились епископы. Эти послѣдніе, получившіе рукоположеніе отъ перваго, относились къ нему съ почтеніемъ какъ къ отцу, и такимъ образомъ въ помѣстныхъ церквахъ установлялось нравственное первенство, которое впослѣдствіи обращалось въ обычай, въ право. И такъ какъ христіанство начинало распространяться съ главныхъ центральныхъ городовъ, — то понятно, что и первенство и старѣйшинство безспорно принадлежало имъ. Іерусалимъ—въ Палестинѣ, Антіохія—въ Сиріи, Ефесъ — въ Асіи, Коринѳъ и Аѳины — въ Ахаіи, Римъ — въ Италіи, Ліонъ — въ южной Галліи, Карѳагенъ — въ сѣверной Африкѣ, Александрія—въ Египтѣ и т. п., были такими центральными городами, откуда распространялось христіанство и гдѣ епископы пользовались первенствомъ и старѣйшинствомъ предъ окружными епископами.

Простое право первенства возвышалось еще двумя слѣдующими обстоятельствами: I) съ центральныхъ городовъ начинали свою проповѣдь святые Апостолы и здѣсь основывали первыя церкви съ епископами во главѣ. Происхожденіе церквей непосредственно отъ Апостоловъ возвышало ихъ значеніе; потому что такія церкви являлись хранительницами Апостольскаго преданія; равнымъ образомъ рукоположеніе Апостольское возвышало значеніе ихъ непосредственныхъ преемниковъ. То благоговѣй-

ное почтеніе, какое питали къ Апостоламъ вѣрующіе, эти послѣдніе переводили на ихъ непосредственныхъ преемниковъ, такъ называемыхъ мужей Апостольскихъ. Епископскій престолъ, ведущій начало отъ самихъ Апостоловъ, обыкновенно назывался Апостольскимъ престоломъ. Такое начало, опредѣляющее первенство того или другого престола,—мы назовемъ *церковно-историческимъ*.—Такіе отцы Церкви, какъ св. Ириней, или писатели, какъ Тертулліанъ, въ борьбѣ съ еретиками ссылались на Апостольскія церкви именно какъ на хранительницы истиннаго преданія. Но съ постепеннымъ удаленіемъ отъ временъ Апостольскихъ, и съ обобщеніемъ частныхъ преданій въ одно вселенское—въ видѣ символовъ и вѣроопредѣленій и под. важность этого начала, если не совсѣмъ и не вездѣ утрачивалась, то значительно ослабѣвала,—уступая мѣсто другому, чисто гражданскому началу. Въ настоящее время Апостольскія каѳедры пользуются уваженіемъ вслѣдствіе утвердившагося обычая и уваженія къ древности, какъ напр. Римская, Александрійская и Антіохійская.

Вмѣстѣ съ церковно-историческимъ началомъ дѣйствовало начало гражданское. Важность епископскихъ престоловъ опредѣлялась важностію центральныхъ городовъ той или другой области. Если въ новой исторіи столичные города имѣютъ великое значеніе въ государственной жизни, то тѣмъ болѣе это нужно сказать по отношенію къ древнему міру, гдѣ центральные города имѣли несравненно бо̀льшее значеніе въ жизни народовъ, чѣмъ въ наше время. Римъ—городъ, но онъ разросся и превратился во всемірную монархію; Карѳагенъ—финикійская колонія,—но стоялъ во главѣ всей сѣверной Африки; Александрія—тоже греческая колонія, но была столицей Египта и управляла всей этой областію; тоже должно сказать и объ Антіохіи, столицѣ Сиріи. Епископы этихъ городовъ, безъ сомнѣнія, участвовали въ томъ вліяніи, какое имѣлъ городъ на свою область. Христіанство областныхъ городовъ и селеній, безъ сомнѣнія,—распространяясь изъ центральныхъ городовъ, отъ нихъ же получало нравственную и матеріальную поддержку. Поэтому, естественно было епископамъ столичныхъ городовъ стоять во главѣ всего областнаго епископства. Этому содѣйствовали и самыя условія столичной жизни—нерѣдко знатное происхожде-

ніе, высокое образованіе и общественныя связи епископовъ. Таково начало гражданское.

Это начало имѣло значеніе въ возвышеніи епископской каѳедры Константинополя, столичнаго города восточной половины римской имперіи и резиденціи восточныхъ императоровъ.

На мѣстѣ Константинополя стоялъ прежде небольшой городокъ—Византія, въ которомъ, по преданію, утвердилъ христіанство первозванный апостолъ, св. Андрей, и здѣсь основалъ Церковь, поставивъ для нея перваго епископа Стахія. Но значеніе Апостольской каѳедры не удержалось за Византіей, какъ за городомъ маловліятельнымъ и малозначительнымъ. Когда она подъ именемъ Константинополя сдѣлалась столицей,—тогда уже было поздно возстановлять упавшее преданіе; городъ сталъ возвышаться въ силу своего чрезвычайнаго положенія. Какъ столичный городъ, какъ резиденція императоровъ—Константинополь постепенно возросталъ и укрѣплялся въ своей силѣ и своемъ вліяніи на всю имперію. Соотвѣтственно тому возрастало и вліяніе его епископа на дѣла всей Церкви и возвышало его значеніе между другими. Въ Константинополѣ всѣ патріархи, не исключая и римскаго, держали своихъ апокрисіаріевъ, которые въ своихъ домогательствахъ у императоровъ нуждались нерѣдко въ помощи епископовъ этого города. Поэтому, естественно было константинопольскому епископу возвеличиваться въ своемъ вліяніи на церковныя дѣла предъ своими собратіями.

Это начало, какъ само собою понятно, получило полнѣйшее приложеніе ко всѣмъ странамъ, гдѣ христіанство утверждалось послѣ временъ Апостольскихъ.

Такимъ образомъ, въ исторіи развитія церковной іерархіи дѣйствовали два начала—первое—*церковно-историческое*, и второе—*гражданское*; но ни того, ни другого нельзя назвать безусловнымъ. Какъ видно изъ опредѣленій Соборовъ, св. Отцы гдѣ держались начала церковно-историческаго, напр. въ опредѣленіи правъ и преимуществъ епископа іерусалимскаго, а гдѣ исключительно втораго, напр. въ опредѣленіи правъ и преимуществъ епископа константинопольскаго и новоустрояемыхъ митрополій.

По этимъ-то двумъ началамъ и опредѣлилось первенство областныхъ епископовъ.

Сначала ихъ было очень много. Судя по мѣстнымъ Соборамъ III-го и IV вѣковъ, церковные округа съ первенствующими епископами были многочисленны, но малозначительны. Въ силу нравственнаго единства, церкви стремились къ каноническому, дисциплинарному единству;—а 34-е Апостольское правило указывало тотъ нормальный путь, по которому должно было идти это развитіе.

Согласно съ этимъ правиломъ сперва признано было преимущество старѣйшаго областнаго епископа. Такъ въ III вѣкѣ мы видимъ дѣйствующими въ качествѣ первенствующихъ, Кипріана карѳагенскаго въ Африкѣ и Фирмиліана кесарійскаго въ Понтійской области и под. Такъ, съ полною увѣренностію. можно сказать опредѣлялись права и преимущества епископовъ митрополій. Это была первая ступень.

Но и между епископами митрополій надо было избрать первенствующаго. Если 34-е правило имѣло приложеніе къ епископамъ; то оно имѣло столько же приложенія и къ самимъ первенствующимъ епископамъ; первенствующіе епископы или митрополиты должны знать перваго изъ нихъ, и безъ его воли ничего не творить, равно и первый между ними ничего не творить безъ разсужденія со всѣми. Такъ стали развиваться права и преимущества патріарховъ, т. е. первыхъ между митрополитами.

Опредѣленіе власти и круга обязанностей первенствующихъ митрополитовъ или патріарховъ—совершается въ періодъ вселенскихъ Соборовъ. Сначала опредѣляются и утверждаются ихъ преимущества, а затѣмъ, ихъ число и порядокъ.

Кто долженъ былъ выдвинуться изъ митрополитовъ и получить первенство—это уже ясно изъ раскрытаго нами выше опредѣленія дѣйствующихъ началъ. Главнымъ образомъ дѣйствовало начало гражданское,—но не было оставлено безъ вниманія и начало церковно-историческое. Главнымъ правительственнымъ центромъ, главою имперіи былъ Римъ; церковь, здѣсь основанная первоверховными апостолами Петромъ и Павломъ, или точнѣе сперва Павломъ, а потомъ Петромъ,—пользовалась особенною славою и премущественною важностію,—

какъ по достоинству своихъ основателей, такъ и по своему центральному и вліятельному положенію. Понятно, что и епископъ этого города долженъ былъ пользоваться особымъ уваженіемъ въ кругу христіанъ и особыми преимуществами предъ своими сосѣдними собратіями. Въ правилахъ I-го вселенскаго Собора (325 г.) мы усматриваемъ, что прежде, чѣмъ состоялось опредѣленіе о власти патріарховъ, — обычай уже утвердилъ за римскимъ епископомъ право первенства (впрочемъ еще пока только надъ среднеиталіанскими епископами; — ибо церкви—Сицилін и Южной Италіи, равно церкви Сѣверной Италіи—напр. медіоланская и равеннская—до IX вѣка не знали надъ собой никакой власти), а на Сардикійскомъ Соборѣ западныхъ епископовъ положено было на судъ помѣстныхъ епископовъ аппелировать къ Юлію, епископу римскому. Это правило было выражено слѣдующимъ образомъ: „аще кто изъ епископовъ, въ нѣкоемъ дѣлѣ окажется осужденнымъ, но возмнитъ себе не неправое имѣти дѣло, а праведное, да и паки возобновитъ судъ: то, *аще угодно вамъ, любовію почтимъ память Петра Апостола*, и да напишется отъ сихъ судившихъ къ Іулію епископу Римскому и т. д. (пр. 3).

Другимъ центромъ имперіи была Александрія, столица Птоломеевъ, славная своимъ просвѣщеніемъ и изяществомъ манеръ. Посему, и церковь, основанная здѣсь евангелистомъ Маркомъ и прославленная великими учеными христіанскими мужами, была второю знаменитою церковію — а равно и епископъ ея пользовался преимуществомъ своей церкви. До конца IV вѣка онъ считался вторымъ по епископѣ римскомъ, и права его надъ окружными мѣстными церквами признаны по примѣру церкви римской.

Третьимъ центромъ — власти и просвѣщенія была столица Антіоховъ—Антіохія Сирійская,—и церковь, здѣсь основанная трудами св. апостоловъ Павла и Петра, заняла третье мѣсто въ ряду знаменитыхъ церквей; — и за епископомъ этой церкви также признаны были права и преимущества предъ окружными епископами. Прочія же церкви, основанныя Апостолами въ центральныхъ городахъ, напр.: въ Ефесѣ, Аѳинахъ и Коринѳѣ,—которыя не имѣли никакого политическаго зна-

ченія, не сохранили за собою и важности Апостольскихъ каѳедръ и даже самостоятельности, или автокефальности.

Права и преимущества знаменитыхъ церквей: Рима, Александріи и Антіохіи опредѣлены были слѣдующимъ правиломъ I-го вселенскаго Собора: „Да хранятся древніе обычаи, принятые въ Египтѣ, и въ Ливіи, и въ Пентаполѣ, дабы Александрійскій епископъ имѣлъ власть надъ всѣми сими. Понеже и Римскому епископу сіе обычно. Подобно и въ Антіохіи, и въ иныхъ областяхъ да сохраняются преимущества церквей". Одно изъ великихъ преимуществъ сихъ епископовъ состояло въ наблюденіи за правильнымъ избраніемъ окружныхъ епископовъ и ихъ поставленій; такъ что если бы кто былъ поставленъ въ епископа безъ соизволенія митрополита,—тотъ по опредѣленію вселенскаго Собора не долженъ быть епископомъ (пр. 6).

На томъ же вселенскомъ Соборѣ къ числу сихъ трехъ епископовъ причисленъ былъ титулярно и епископъ Іерусалимскій. Хотя церковь Іерусалимская есть мать всѣхъ Божіихъ церквей,—какъ восточная Церковь и поетъ доселѣ [1]), — но такъ какъ Іерусалимъ, при императорѣ Адріанѣ, былъ окончательно разрушенъ, самое имя его было замѣнено новымъ именемъ *Еліи*,—то и епископъ его не могъ сохранить прежнихъ преимуществъ [2]) которыя принадлежали ему какъ первому христіанскому епископу, и какъ архипастырю той Церкви, которая основана Самимъ Господомъ и которая своихъ предстоятелей начинаетъ съ Его братій по плоти—Іакова праведнаго и Симеона. Съ IV-го же вѣка, когда христіанскія святыни были открыты заботами благочестивой матери императора Константина, св. Елены, преимущества Іерусалимской церкви начинаютъ приходить на память и возстановляться; епископъ ея украшается достоинствомъ и честію старѣйшаго въ своемъ округѣ. Седьмымъ правиломъ того же Собора было опредѣлено: „Понеже утвердися обыкновеніе и древнее преданіе, чтобы чтити епископа, пребывающаго въ Еліи: то да имѣетъ онъ послѣдованіе чести, съ сохраненіемъ достоинства, присвоеннаго митрополіи (т. е. Кесаріи Палестинской).

---

[1]) 3-я стихира на Господи воззвахъ 8 гласа.

[2]) Такой случай можетъ имѣть приложеніе и ко всякой другой знаменитой каѳедрѣ, не исключая и римской.

Такъ опредѣлилось четверичное число старѣйшихъ престоловъ.

Но вскорѣ потомъ въ это число включенъ былъ престолъ новообразовавшейся столицы Восточной имперіи, Константинополя, и поставленъ на второе мѣсто, между римскимъ и александрійскимъ. На II-мъ вселенскомъ Соборѣ (381 ч.) было опредѣлено: „Константинопольскій епископъ да имѣетъ преимущество чести по Римскомъ епископѣ, потому что градъ оный есть новый Римъ“ (II-го всел. Соб. 3 прав.). Этимъ правиломъ, имѣющимъ великое историческое значеніе, вносилось въ церковное законодательство новое начало, начало государственное и народное. Если бы оно не было внесено, съ устройствомъ народныхъ церквей могла бы случиться та же исторія, [1]) какъ и съ богослужебнымъ языкомъ. Какъ относительно языка возникла *трехъязычная ересь*, которой доселѣ держится Римъ (такъ какъ доселѣ не дозволяетъ никакимъ народамъ совершать общественное богослуженіе на родномъ ихъ языкѣ, а только на одномъ латинскомъ),—такъ и относительно достоинства патріарховъ, только епископы четырехъ древнѣйшихъ городовъ могли имѣть права и преимущества патріарховъ и никто больше. Включеніе въ это число Константинопольскаго епископа и притомъ съ занятіемъ втораго мѣста, открыло возможность включать въ это число столько новыхъ епископовъ, сколько будетъ народныхъ независимыхъ церквей съ экзархами или патріархами во главѣ. Такъ, повторяемъ, внесено было новое живое начало въ церковное право.

Но введеніе въ жизнь этого новаго начала не обошлось безъ противодѣйствія болѣе или менѣе сильнаго.

Первой соперницей Константинополю была Александрія, такъ какъ у нея отнято было второе мѣсто, какое она занимала доселѣ. Въ тотъ періодъ, о которомъ у насъ идетъ рѣчь (съ конца IV по VII вѣкъ включительно) столица Птоломеевъ мало-по-малу теряла свое всемірное значеніе и замѣтно близилась къ упадку; вмѣсто центра просвѣщенія, какимъ была доселѣ, она за это время пріобрѣла значеніе житницы для восточной имперіи и особенно для ея столицы и въ этомъ зна-

[1]) Оно такъ и случилось въ латинской церкви.

ченіи была особенно дорога для сей послѣдней. Тѣмъ не менѣе александрійцы продолжали жить прежней славой, и тѣ епископы, которые были наименѣе проникнуты христіанскими началами смиренія, кротости и любви, тѣ наиболѣе ревновали о своихъ преимуществахъ и стремились къ униженію епископской каѳедры Новаго Рима. Извѣстенъ беззаконный судъ александрійскаго епископа Ѳеофила надъ Іоанномъ Златоустымъ. Ѳеофилъ воспользовался нерасположеніемъ византійскаго Двора къ Іоанну и вмѣсто того, чтобы самому предстать на судъ предъ Іоанномъ, осудилъ сего послѣдняго на соборѣ въ Дубѣ, возведши на него измышленныя преступленія. Такимъ образомъ, каѳедра Константинопольская была унижена, и ея епископъ подлежалъ суду епископа александрійскаго,—имъ осужденъ и сосланъ въ ссылку. Но этотъ случай не оправдалъ разсчетовъ Ѳеофила: неправедное осужденіе Іоанна скорѣе послужило къ возвеличенію каѳедры новой столицы, чѣмъ къ ея униженію; ибо Іоаннъ былъ не только оправданъ, но и сопричисленъ къ лику святыхъ, а за ученіе и краснорѣчіе поставленъ на ряду со вселенскими учителями Василіемъ великимъ и Григоріемъ Богословомъ и сопричтенъ къ нимъ. Скорѣе могла бы имѣть для Константинополя роковыя послѣдствія борьба съ Несторіемъ преемника Ѳеофила, св. Кирилла. Кириллъ былъ главнымъ дѣятелемъ въ обличеніи Несторіевой ереси, въ созваніи вселенскаго Собора и въ осужденіи ересеначальника. Но въ этомъ дѣлѣ трудно рѣшить, насколько дѣйствовали и дѣйствовали-ли мотивы, не совсѣмъ чистые, вытекающіе изъ соперничества. Кириллъ спасъ основную истину христіанства—дѣйствительное воплощеніе Сына Божія,—отъ несторіанскаго извращенія, и святая вселенская Церковь, высоко цѣня его заслуги, его труды и страданія, которыя ему пришлось понести въ этомъ дѣлѣ, сопричислила его къ лику святыхъ. И этотъ случай не привелъ ни къ какимъ послѣдствіямъ, невыгоднымъ для новой каѳедры.—Послѣднимъ и рѣшительнымъ соперникомъ выступилъ преемникъ Кирилла Діоскоръ. Взявши подъ свою защиту еретика Евтихія, онъ созвалъ соборъ въ Ефесѣ (извѣстный въ церковной исторіи подъ именемъ разбойничьяго), и на немъ не только беззаконно осудилъ Флавіана константинопольскаго, но и предалъ его такимъ истязаніямъ, что тотъ несчастный вскорѣ померъ отъ нихъ.—

Подвигами Діоскора кончилось соперничество Александріи. Дѣло было пересмотрѣно на халкидонскомъ соборѣ и Діоскоръ былъ низложенъ. Вскорѣ за тѣмъ бѣдствія, постигшія южныя области Восточной Имперіи: Египетъ, Палестину, Сирію и всю вообще малую Азію, то отъ пріумноженія ересей—(несторіанства въ Арменіи, монофизитства въ Египтѣ, моноѳелитства въ Сиріи),—то отъ нашествія враждебныхъ сосѣдей сперва персовъ, а потомъ сарацынъ,—довели три восточныя патріархатства александрійское, антіохійское и іерусалимское до такого состоянія, что имъ было не до соперничества со столицей Востока, напротивъ они стали теперь чаще и чаще обращать къ ней свои взоры и всѣ чаянія, и отъ нея ожидать себѣ поддержки и помощи, если не матеріальной, то хотя нравственной. Архіепископъ новаго Рима фактически сталъ во главу восточнаго христіанства.

Когда, такимъ образомъ, кончилось соперничество александрійскаго епископа, началось дѣятельное соперничество епископа римскаго.

Третье правило II-го вселенскаго Собора сначала не возбуждало въ Римѣ протеста; можно даже сказать, что оно было принято въ Римѣ. Такъ на IV вселенскомъ Соборѣ, епископъ дорилейскій Евсевій засвидѣтельствовалъ предъ всѣмъ Соборомъ, что, будучи въ Римѣ, онъ самъ читалъ это правило папѣ, и папа принялъ оное [1]). Да и сами легаты этого Собора признавали третье правило, такъ какъ ставили въ вину Діоскору, что онъ на Соборѣ въ Ефесѣ посадилъ Флавіана на пятомъ мѣстѣ, а не на второмъ. Но когда сдѣланъ былъ новый шагъ къ возвеличенію константинопольскаго архіепископа, когда на халкидонскомъ, IV вселенскомъ Соборѣ, ему усвоено было не только преимущество чести, но въ силу его положенія, и право принимать аппеляціи и поставлять митрополитовъ въ области, доселѣ бывшія независимыми, тогда ревность въ Римѣ заговорила съ особенною силою. Халкидонскія правила были слѣдующія три: 9, 17 и 28. Девятымъ постановлялось: „аще на митрополита области епископъ или клирикъ имѣетъ неудовольствіе: да обращаются, или къ экзарху великія области, или

[1]) Coll. Concil. Harduini T. II, col. 641

къ престолу царствующаго Константинополя, и предъ нимъ да судятся". Тоже самое повторяется въ 17-мъ правилѣ того же Собора. А 28-е правило гласитъ: „Во всемъ послѣдуя опредѣленіямъ св. Отецъ, и признавая читанное нынѣ правило (3-е вышеприведенное) стапятидесяти боголюбезнѣйшихъ епископовъ, бывшихъ въ Соборѣ во дни благочестивыя памяти Ѳеодосія, въ царствующемъ градѣ Константинополѣ, новомъ Римѣ, тожде самое и мы опредѣляемъ и постановляемъ о преимуществахъ святѣйшія церкви тогожде Константинополя, новаго Рима. Ибо престолу ветхаго Рима Отцы прилично дали преимущество: поелику то былъ царствующій градъ. Слѣдуя тому же побужденію и сто пятьдесятъ боголюбезнѣйшіе епископы, предоставили равныя преимущества святѣйшему престолу новаго Рима, праведно разсудивъ, да градъ, получившій честь быти градомъ Царя и Синклита, и имѣющій равныя преимущества съ ветхимъ царственнымъ Римомъ, и въ церковныхъ дѣлахъ возвеличенъ будетъ подобно тому и будетъ второй по немъ. По сему токмо митрополиты областей: Понтійскія, Асійскія и Ѳракійскія и такожде епископы у иноплеменниковъ вышереченныхъ областей, да поставляются отъ вышереченнаго святѣйшаго престола святѣйшія константинопольскія церкви: сирѣчь, каждый митрополитъ вышеупомянутыхъ областей, съ епископами области, должны поставляти епархіальныхъ епископовъ, какъ предписано божественными правилами. А самые митрополиты вышеупомянутыхъ областей должны поставляемы быти, какъ речено, константинопольскимъ архіепископомъ, по учиненіи согласнаго, по обычаю избранія, и по представленіи ему онаго".

Римскіе представители, не бывшіе на томъ засѣданіи Собора (16 засѣданіе), на которомъ было составлено это послѣднее правило,—хотя первыя два: 9 и 17 равноспльныя сему прошли въ ихъ присутствіи,—возражали противъ него, обвиняя руководителей въ этомъ дѣлѣ (патр. Анатолія) въ обманѣ и принужденіи. Но опросъ епископовъ, подписавшихся подъ этимъ опредѣленіемъ, произведенный сановниками, показалъ, что никакого обмана и принужденія не было, и когда сановники въ своемъ мнѣніи о правахъ константинопольскаго епископа повторили въ перифразѣ 28-е правило, Отцы Собора стали возглашать: „это справедливое рѣшеніе; всѣ мы гово-

римъ это; это всѣмъ угодно... что постановлено пусть имѣетъ силу... все постановлено, какъ слѣдуетъ". На новыя возраженія легатовъ, сановники отвѣтили: „все, что мы высказали, Соборъ утвердилъ" [1]).

Не смотря на то, папа Левъ не только не принялъ сего правила (28-го), но возсталъ противъ него, представляя свои возраженія императору Маркіану, императрицѣ Пульхеріи, восточнымъ патріархамъ и самому константинопольскому архіепископу Анатолію. Сущность возраженій заключалась въ двухъ пунктахъ: 1) возвышеніе константинопольской каѳедры нарушаетъ никейское правило (6 прав.) о патріаршихъ округахъ, которое должно оставаться *неизмѣннымъ* и 2) лишаетъ епископовъ Александріи и Антіохіи древнихъ правъ, которыя дарованы имъ апостоломъ Петромъ. Послѣ первопрестольнаго Рима, престолъ александрійскій долженъ удерживать достоинство (dignitas), которое ему усвоено ради Петрова ученика Марка, а за нимъ престолъ антіохійскій, гдѣ Петръ проповѣдывалъ и впервые возникло имя христіанъ.—Возраженія эти не выдерживаютъ критики, и потому не были приняты во вниманіе. Первымъ изъ нихъ въ каноническія опредѣленія вносилось догматическое пониманіе; каноническому опредѣленію придавался характеръ неизмѣнности и безусловности, тогда какъ оно возникаетъ по нуждамъ времени и для удовлетворенія временныхъ потребностей Церкви, съ минованіемъ которыхъ теряетъ силу и самое законодательство. Такое пониманіе, какое давалъ папа, вносило бы въ исторію Церкви начало формальное и мертвящее. Кромѣ того, какъ бы сохранилась неизмѣнность каноническихъ никейскихъ опредѣленій, если бы какой-нибудь изъ означенныхъ городовъ постигла участь, одинаковая съ Іерусалимомъ? Если Основатель Церкви не придалъ своему городу безусловнаго и неизмѣннаго значенія,—то почему бы Онъ захотѣлъ придать такое значеніе тѣмъ городамъ, которые освящены пребываніемъ Его учениковъ?—Не имѣетъ въ себѣ внутренней правды и другое возраженіе. На какомъ основаніи слѣдуетъ считать Антіохію послѣ Александріи, тогда какъ Антіохія въ исторіи христіанства имѣетъ несравненно большее значеніе,

[1]) Дѣян. вселенск. соб. Т. IV, стр. 356—383 въ русск. пер. Каз. Академіи.

чѣмъ Александрія. Антіохія была вторымъ послѣ Іерусалима центромъ, гдѣ трудились оба первоверховные апостолы Петръ и Павелъ, откуда, какъ изъ центральнаго для проповѣди къ язычникамъ города, св. Павелъ разносилъ благовѣстіе Божіе по всему языческому міру, и гдѣ вѣрующіе впервые стали именоваться христіанами. Почему же такой святой и славный престолъ ниже престола, на которомъ возсѣлъ ученикъ и сопутникъ Петра? Нѣтъ; мы повторяемъ, что значеніе и порядокъ каѳедръ опредѣлялся историческимъ и государственнымъ значеніемъ городовъ въ римской имперіи.

Впрочемъ, вслѣдствіе смутъ, бывшихъ въ Константинополѣ по случаю монофизитской ереси и тридцатипятилѣтняго разобщенія съ Римомъ (расколъ Акакія), а также частой смѣны императоровъ, 28-е правило подвергалось колебаніямъ и нѣкоторое время какъ будто было исключено изъ числа халкидонскихъ опредѣленій, на что съ торжествомъ указываютъ наши противники [1]).

Еще сильнѣе былъ протестъ со стороны Рима противъ присвоенія константинопольскимъ архіепископомъ титула—*вселенскій*. Какое было побужденіе у восточныхъ епископовъ величать этимъ титуломъ константинопольскихъ архіепископовъ, а архіепископамъ внести въ свой титулъ это наименованіе—трудно рѣшить съ точностію. Очень вѣроятно, что это было желаніе у восточныхъ сравнять своего первенствующаго епископа съ первенствующимъ епископомъ запада, который къ тому времени сталъ значительно возвышать свой голосъ и свои притязанія (какъ это увидимъ ниже). Обстоятельства политическія благопріятствовали такимъ видамъ восточныхъ; ибо въ это время Италія была возвращена подъ власть византійскихъ императоровъ. Какъ бы то ни было, впрочемъ, только первый, кто сталъ именовать себя этимъ титуломъ, — былъ Іоаннъ *постникъ*, такой человѣкъ, отъ котораго менѣе всего можно было ожидать тщеславія и расположенія къ пустымъ титуламъ. Видно, отношенія римскаго епископа къ своему собрату въ Констан-

---

[1]) См. Studie O C. ч. IV. Bartak. стр. 16. Бартакъ пишетъ, что этого правила не было ни въ одномъ собраніи до временъ Фотія. Но это преувеличеніе, натяжка, когда Трулльскій соборъ повторяетъ его.

тинополѣ вызывали на присвоеніе титула *вселенскій*, не смотря на личныя расположенія *Іоанна* къ кротости и смиренію.

Въ Римѣ чрезвычайно встревожились присвоеніемъ этого титула. Первый возсталъ папа Пелагій II-й (578—590 г.); онъ называлъ этотъ титулъ гордымъ, безбожнымъ и діавольскимъ титуломъ, антихристовымъ именемъ,—и потому приказалъ своему апокрисіарію въ Константинополѣ прекратить общеніе съ патріархомъ, если онъ не отречется отъ этого безбожнаго имени. Но еще съ большею ревностію противъ титула *вселенскій* возсталъ преемникъ Пелагія Григорій велик. (590—604 г.). Вопросъ объ этомъ титулѣ онъ сдѣлалъ вселенскимъ и писалъ свои возраженія всѣмъ, кому можно было писать,—самому Іоанну, императору, восточнымъ патріархамъ и многимъ епископамъ, но никого не могъ тронуть своими представленіями; восточные епископы и архіепископы давно уже оставили свое соперничество,—и не только не завидовали епископу новаго Рима, а напротивъ даже содѣйствовали возвеличенію его; императоры тоже сочувствовали возвеличенію константинопольской каѳедры и желали ее сравнять съ римской; что же касается до самого Іоанна, то онъ не думалъ отказываться отъ этого титула по тѣмъ причинамъ, по которымъ онъ присвоилъ его себѣ, т. е. по желанію имѣть въ этомъ именованіи противовѣсъ римскимъ притязаніямъ.

Въ протестѣ Григорія великаго замѣчательны двѣ мысли—первая „что съ присвоеніемъ титула вселенскій одному лицу—погибнетъ честь всѣхъ патріарховъ“, и вторая та, „что если паче чаянія впадетъ въ заблужденіе именующій себя *вселенскимъ*,—никакой епископъ не устоитъ въ истинѣ“. Съ латинской точки зрѣнія—эти мысли совершенно справедливы. Въ самомъ дѣлѣ, если разсматривать титулъ *вселенскій* въ смыслѣ всеобщаго главенства, въ смыслѣ исключительномъ,—то, дѣйствительно, погибла честь всѣхъ патріарховъ, и если *вселенскій* впадетъ въ заблужденіе, то за нимъ впадетъ въ заблужденіе вся Церковь и погибнетъ вѣра. Но какая злая иронія звучитъ въ этихъ словахъ! Какой жестокій приговоръ произнесенъ въ нихъ надъ латинскою церковію! [1]). Не въ византійской церкви

[1]) Англійскій писатель Арнбальдъ Бауэръ въ своей «безпристрастной» исторіи, по поводу этого титула замѣчаетъ:

такъ глубоко, такъ идеально и такъ исключительно понято и принято это слово, — а именно въ церкви латинской. Вскорѣ послѣ Григорія, почти его преемникъ Бонифацій III (605—607 г.), зная о неудовольствіяхъ, какія существуютъ

«Бароній, Беллярминъ и другіе писатели-паписты не пожалѣли труда, не забыли ни одного искусственнаго опредѣленія, чтобы доказать, что титулъ вселенскаго епископа былъ отвергнутъ Григоріемъ совсѣмъ въ иномъ смыслѣ, чѣмъ принялъ его Бонифацій и носили всѣ его преемники до нынѣшняго дня. Наименованіе вселенскимъ епископомъ, говорятъ они, можетъ быть такъ понимаемо, что оно ничего иного въ себѣ не заключаетъ, кромѣ всеобщаго попеченія о вселенской церкви со стороны епископа, отличеннаго этимъ титуломъ. А въ этомъ смыслѣ онъ и былъ принятъ Бонифаціемъ и никогда не былъ осужденъ Григоріемъ. Но кромѣ этого титулъ этотъ допускаетъ иное толкованіе и можетъ быть такъ понятъ, что епископъ, носящій его, есть единственный епископъ во всѣхъ христіанскихъ городахъ, другіе же епископы болѣе не епископы въ истинномъ смыслѣ слова, а только намѣстники его святѣйшества *вселенскаго епископа*. Въ этомъ смыслѣ, говорятъ они, Григорій осудилъ этотъ титулъ, и въ этомъ смыслѣ его никогда не принимали Бонифацій и его преемники.

«Конечно, это жалкая увертка, которая, кажется, изобрѣтена скорѣе къ безчестію, чѣмъ въ защиту этого дѣла. Ибо: 1) Кто можетъ быть такъ глупъ, что вообразитъ, будто императору приходило когда-либо на мысль дать титулъ *вселенскаго епископа*, а какому-нибудь епископу принять его въ этомъ смыслѣ? Дать или принять этотъ титулъ въ этомъ смыслѣ было бы не ересью, а просто безсмыслицей. 2) Константинопольскій епископъ донынѣ называется *вселенскимъ епископомъ*, и все-таки онъ смотритъ на другихъ епископовъ, не какъ на своихъ намѣстниковъ, а уважаетъ въ нихъ своихъ сотоварищей и соепископовъ. 3) Ни одинъ разумный человѣкъ не повѣритъ, что Евлогій Александрійскій, давая Григорію титулъ вселенскаго епископа, имѣлъ при этомъ намѣреніе унизить себя самого, отказаться отъ второго почетнаго мѣста въ церкви и сдѣлаться папскимъ викаріемъ. Тѣмъ не менѣе папа съ величайшимъ негодованіемъ отвергъ это предложеніе, какъ было выше указано. 4) Григорій осудилъ этотъ титулъ потому, что этотъ послѣдній того, кто его принималъ, будь это епископъ римскій или константинопольскій, возвышалъ надъ его братьями, подчинялъ ему всѣхъ другихъ епископовъ, самого же его дѣлалъ ни отъ кого независимымъ, потому, что этотъ титулъ дѣлалъ его изъ члена церкви главою, сообщалъ власть надъ членами церкви, которая принадлежитъ одному Христу и которой никогда не принималъ на себя и не пользовался ни одинъ изъ апостоловъ, даже самъ Петръ. Вотъ истинныя причины, почему Григорій имѣлъ такое непримиримое отвращеніе отъ титула «*вселенскій епископъ*». А изъ этого ясно, что онъ осудилъ этотъ титулъ потому, что онъ включалъ въ себя вселенскую власть и юрисдикцію надъ церковію; а слѣдовательно осудилъ его въ томъ именно смыслѣ, въ какомъ его принялъ Бонифацій, въ какомъ его носили и имъ владѣли преемники Бонифація, какъ это достаточно хорошо знаетъ весь свѣтъ». Archibald Bower Unparteiische Historie, въ нѣм. переводѣ Rambach a Theil III p. 638—40.

между узурпаторомъ Фокою, и константинопольскимъ патріархомъ Кириакомъ, рѣшился воспользоваться ими для возвышенія своего престола и, по свидѣтельству жизнеописателя папы, исходатайствовалъ у него постановленіе, „чтобы каѳедра римской апостольской церкви была главой всѣхъ церквей, поелику константинопольская церковь писала себя первою изъ всѣхъ церквей“ [1]). Какъ бы мы ни стали толковать это постановленіе,— несомнѣнно одно, что здѣсь устанавливается главенство римскаго архіепископа надъ всѣми церквами въ смыслѣ преимущественномъ, если не единственномъ, исключительномъ. Такимъ образомъ, римскіе епископы осуждая другихъ,—сами на себя изрекли приговоръ осужденія.

Впрочемъ, ни этотъ указъ Фоки, ни протестъ предшествующихъ папъ не измѣнили дѣла. Титулъ вселенскій остался за константинопольскимъ архіепископомъ. Императоры и восточные іерархи въ своихъ сношеніяхъ съ нимъ, продолжали именовать его „святѣйшимъ и блаженнѣйшимъ архіепископомъ и вселенскимъ патріархомъ“. Такъ императоръ Ираклій называлъ вселенскимъ патріарха Сергія (610 — 638 г.), Константинъ Погонатъ — патріарха Георгія (678 — 683 г.). На VI вселенскомъ Соборѣ (681 г.) подобнымъ же образомъ Макарій антіохійскій называетъ патріарха Петра. Такимъ образомъ, мы можемъ смѣло утверждать, что главенствующее положеніе константинопольскаго архіепископа на Востокѣ вошло въ обычай. Поэтому на пято-шестомъ вселенскомъ Соборѣ было возстановлено 28-е халкидонское правило; отцы Собора писали: „возобновляя законоположенное стапятидесятью св. Отцами, собравшимися въ семъ Богохранимомъ и царствующемъ градѣ и шестьсотъ тридесятью собравшимися въ Халкидонѣ, опредѣляемъ: да имѣетъ престолъ константинопольскій равныя преимущества съ престоломъ древняго Рима, и якоже сей возвеличивается въ дѣлахъ церковныхъ, будучи вторымъ по немъ; послѣ же онаго да числится престолъ великаго града Александріи, потомъ престолъ антіохійскій, а за симъ престолъ града Іерусалима“ (пято-шест. всел. соб. 36 прав.).

Этимъ опредѣленіемъ закончился второй моментъ въ раз-

[1]) Pavrus Diac. de Gcohis Long. l. IV c. 37.

витіи 34-го апостольскаго правила; изъ числа наличныхъ епископовъ бывшей римской имперіи выдѣлилось пятеричное число старѣйшихъ епископовъ, указанъ порядокъ ихъ изчисленія, опредѣленъ объемъ ихъ власти, ихъ верховныхъ правъ и преимуществъ.

Подводя общій итогъ подъ представленное изслѣдованіе каноническихъ опредѣленій за данный періодъ, мы получаемъ слѣдующіе несомнѣнные выводы.

1) Церковь къ концу VII-го вѣка состояла изъ нѣсколькихъ независимыхъ автокефальныхъ церквей. Важнѣйшія изъ нихъ были: римская, константинопольская, александрійская, антіохійская и іерусалимская. Рядомъ съ ними стояли независимыя, малыя церкви: на Востокѣ—Кипрская, сохранившая свою независимость доселѣ, за тѣмъ Ѳракійская, Асійская и Понтійская, независимыя до включенія ихъ въ округъ архіепископа константинопольскаго, съ сохраненіемъ однако-жъ внутренней самостоятельности; на Западѣ-же,—въ соборныхъ правилахъ упоминается церковь Карѳагенская, какъ независимая и энергически отбивавшаяся отъ посягательствъ римскаго епископа на ея независимость и свободу; но были и другія, именно: Равеннская, — сохранившая свою независимость до Льва II-го († 685 г.), Галльская до нашествія франковъ, Британская до нашествія англо-саксовъ и Испанская до IX-го в. Главы важнѣйшихъ Церквей именуются въ правилахъ *экзархами* и *архіепископами*, но въ другихъ документахъ того времени, какъ-то: въ посланіяхъ и гражданскомъ законодательствѣ стали именоваться *патріархами*, каковое именованіе и усвоилось за ними какъ обозначающее высшее іерархическое служеніе, а округа, подлежащіе ихъ вѣдѣнію,—стали именоваться *патріархатствами*. Впрочемъ, за римскимъ патріархомъ обычай усвоилъ имя *папы*, хотя это имя внесено въ титулъ и александрійскаго патріарха. Область архіепископа или патріарха состояла изъ нѣсколькихъ митрополій, митрополія изъ нѣсколькихъ епископій,—епископія изъ нѣсколькихъ приходовъ. Патріархъ утверждалъ соборное избраніе митрополитовъ и рукополагалъ ихъ; митрополиты въ свою очередь утверждали соборное избраніе епископовъ и рукополагали ихъ, а епископы поставляли приходское духовенство. Поставляя областныхъ

митрополитовъ, патріархи имѣли право наблюденія за церковной дисциплиной во всемъ своемъ округѣ, за чистотой ученія и нравственностію предстоятелей Церкви и имѣли право принимать на нихъ жалобы и аппеляціи на помѣстные Соборы и ихъ рѣшенія, въ случаѣ недовольства ими истцовъ.

2) Съ возвышеніемъ областныхъ епископовъ соборное начало ни мало не устранялось изъ Церкви. Оно остается въ силѣ при рукоположеніи епископовъ,—и при разрѣшеніи жалобъ, неудовольствій или разныхъ прекословій. Соборы созывались ежегодно митрополитами въ ихъ округахъ и экзархами въ ихъ областяхъ они же были на нихъ и предсѣдателями. Опредѣленія Соборовъ имѣли значеніе для тѣхъ областей или округовъ, епископы съ которыхъ собирались на совѣщанія. Высшую и верховную власть имѣлъ вселенскій Соборъ; какъ мы видимъ изъ всѣхъ правилъ, вселенскій Соборъ ограждаетъ права независимыхъ церквей, опредѣляетъ права и преимущества престоловъ автокефальныхъ церквей, судитъ и низлагаетъ старѣйшихъ архіепископовъ, въ случаѣ ихъ ереси,—и своимъ опредѣленіямъ придаетъ вселенское значеніе: *мы опредѣляемъ и постановляемъ*—вотъ выраженія верховной власти Соборовъ. При этомъ въ опредѣленіяхъ соборныхъ римская церковь съ своимъ архіепископомъ во главѣ мыслится только какъ часть вселенской Церкви, — такая же, какъ церкви: константинопольская, александрійская, антіохійская и іерусалимская,—и потому наравнѣ съ ними подлежитъ опредѣленіямъ Собора: *престолу ветхаго Рима Отцы прилично дали преимущество*, такъ можетъ выражаться только верховная власть, — а не равносильная—въ родѣ парламента, какъ учатъ о Соборахъ паписты. По правиламъ вселенскихъ Соборовъ, всякій архіепископъ, слѣдовательно и римскій, въ случаѣ ереси или антиканоническихъ дѣйствій, подлежитъ суду вселенскаго Собора. Поэтому, аппеляція къ вселенскимъ Соборамъ, практиковавшаяся на западѣ въ средніе вѣка,—была явленіемъ совершенно нормальнымъ и канонически вѣрнымъ,—и устраненіе этого порядка въ папизмѣ есть извращеніе древнихъ установленій.

3) Опредѣленія вселенскихъ Соборовъ представляютъ неоспоримую историческую связь и послѣдовательность въ своемъ развитіи. На опредѣленія II-го вселенскаго Собора ссылаются

Отцы IV-го, а на опредѣленія II-го и IV-го Отцы VI-го вселенскаго Собора. Поэтому, хотя правила сихъ Соборовъ о возвышеніи константинопольскаго епископа были оспариваемы въ Римѣ и не были приняты тамъ, тѣмъ не менѣе они вошли въ составъ вселенскаго законодательства. Слѣдовательно церковное законодательство на Востокѣ шло независимо отъ того, признаетъ или не признаетъ развитіе его римскій архіепископъ.

4) Въ этомъ несогласіи римскаго папы съ опредѣленіями вселенскихъ Соборовъ начинаетъ обнаруживаться разность между Западомъ и Востокомъ во взглядахъ на устройство Церкви, которая и повела къ самымъ печальнымъ послѣдствіямъ. Ссылаясь на опредѣленіе Никейское какъ на неизмѣнное, Римъ внесъ въ пониманіе каноновъ Церкви догматическое пониманіе и тѣмъ положилъ начало смѣшенію догматическихъ опредѣленій священства съ каноническими.

2.

Но опредѣленіемъ правъ и порядка пяти патріарховъ развитіе каноническихъ опредѣленій еще не было завершено и закончено. Апостольское 34-е правило должно было воздѣйствовать и въ приложеніи къ патріархамъ и къ главамъ автокефальныхъ церквей. Что было закономъ сначала для епископовъ, а потомъ для митрополитовъ, тоже должно было стать закономъ и для патріарховъ: „патріархи и главы независимыхъ церквей должны знать перваго въ нихъ и ничего превышающаго ихъ власть не творити безъ его разсужденія, творити-же каждому только то, что касается до его области и до мѣстъ къ ней принадлежащихъ. Но и первый изъ патріарховъ ничего да не творитъ безъ разсужденія всѣхъ, да тако будетъ единомысліе“. Вотъ идеалъ церковнаго устройства, къ которому стремится вселенская Церковь, но котораго еще не осуществила въ своей жизни: „единство и множественность, первенство и равенство, главенство и независимость, дисциплина и свобода“.

Паписты правы, когда говорятъ, что Церковь стремилась къ іерархическому единству, но рѣшительно не правы, когда утверждаютъ, что это единство осуществилось въ папизмѣ.

Римскій епископъ признавался первымъ между патріархами, но права его первенства далеко не были еще опредѣлены и установлены. За время вселенскихъ Соборовъ, за нимъ не было утверждено ни права вчинанія (иниціативы), ни права предсѣдательства на Соборахъ, ни права веденія дѣлъ. Изъ исторіи мы видимъ, что Соборы созывались византійскими императорами и большею частію по совѣту и требованію восточныхъ патріарховъ и иногда противъ воли папъ, а предсѣдательство не было принадлежностію одной какой-либо каѳедры. Такъ, на I-мъ вселенскомъ Соборѣ предсѣдательствовалъ знаменитый епископъ кордубскій (въ Испаніи) Осія [1]), на II-мъ епископы, къ которымъ Римъ питалъ нерасположеніе [2]): *Мелетій* антіохійскій (не находившійся въ общеніи съ Римомъ), *Григорій* епископъ засимскій и Нектарій константинопольскій; на III-мъ — предсѣдательствовалъ и вынесъ на себѣ всю тягость борьбы съ Несторіемъ константинопольскимъ св. Кириллъ александрійскій [3]), на IV-мъ — предсѣдательство имѣли или самъ императоръ (на VI-мъ засѣд.) или сенаторы, заступавшіе его мѣсто; на V-мъ—патріархъ константинопольскій Евтихій [4]), на VI—императоръ Константинъ Погонатъ, а за нимъ по правую его сторону занималъ константинопольскій патріархъ Георгій, а по лѣвую—римскіе легаты; на VII—предводительствовалъ константинопольскій патріархъ Тарасій.

---

[1]) Паписты говорятъ, что Осія представлялъ собою лице папы, но такое мнѣніе можно-бы было принять только въ томъ случаѣ, если бы не было на Соборѣ другихъ представителей отъ Рима; а извѣстно, что представителями отъ римской церкви были два пресвитера Витонъ и Викентій. Признавать Осію представителемъ папы—это значитъ мыслить исторію заднимъ числомъ.

[2]) На второмъ Соборѣ не было представителей отъ Рима, — а предсѣдатели не были въ общеніи съ папой: Мелетій былъ напрасно заподозрѣнъ въ аріанствѣ, Григоріемъ были не довольны за его переходъ изъ Засима въ Константинополь, — противъ Нектарія протестовали за возведеніе его изъ мірянъ прямо въ епископы. Не смотря на эти протесты—Соборъ 381 признается вселенскимъ и латинскою церковію.

[3]) Объ св. Кириллѣ тоже толкуютъ, что и объ Осіи, т. е., что онъ будтобы былъ уполномоченнымъ отъ папы. Но это толкованіе столько же имѣетъ силы, какъ и то. Кириллъ, какъ и Осія, былъ знаменитъ самъ по себѣ и предсѣдательствовалъ въ силу своихъ личныхъ достоинствъ. Лице же папы представляли особые легаты, какъ и на I-мъ Соборѣ.

[4]) V-й вселенскій Соборъ былъ собранъ даже вопреки желаніямъ папы.

Пока Церковь вселенская находилась въ нѣдрахъ грекоримской имперіи, пока жизнь церковная, главнымъ образомъ, текла на Востокѣ, и разработка догматическихъ и нравственныхъ вопросовъ совершалась въ этой половинѣ имперіи, — (разработка первыхъ въ борьбѣ съ ересями, а вторыхъ—аскетами въ пустыняхъ), Церковь обходилась безъ опредѣленій правъ первенствующаго патріарха, но наступало время окончательнаго распаденія римской имперіи и образованія на ея развалинахъ новыхъ царствъ, которыя, сдѣлавшись христіанскими, войдутъ въ составъ Церкви вселенской, — и потому дѣлалось необходимымъ не только опредѣлить церковныя права папы, но и создать для него церковное международное право, — или дать ему такое положеніе, чтобы его признавали народы и ихъ правители.

Но въ то самое время, какъ наступилъ моментъ къ опредѣленію его правъ, какъ перваго между патріархами, папы предупредили исторію и сами для себя создали права и отношенія ко всѣмъ остальнымъ церквамъ и ко всѣмъ правительствамъ. Выступивъ изъ предѣловъ, указанныхъ 34-мъ правиломъ и вмѣстѣ съ симъ изъ границъ христіанскаго смиренномудрія и братской любви, заповѣданной Христомъ, они предвосхитили себѣ власть бо́льшую, чѣмъ та, какая имъ отмѣривалась, т. е. совершили *узурпацію*, вслѣдствіе чего нарушилось нормальное теченіе общецерковной жизни и послѣдовало раздѣленіе церквей.

Узурпація власти вышла изъ началъ римскихъ языческихъ, — хотя ее старались прикрыть именемъ христіанскимъ. Римъ какъ глава царствъ, какъ владыка вселенной, городъ, съ судьбами котораго была связана жизнь и судьба всего міра [1]), — Римъ надмевалъ своихъ гражданъ; имъ естественно было смотрѣть на весь міръ съ высоты своего величія. Они суть граждане того города, который возвысился до всемірнаго господ-

---

[1]) Таково было представленіе даже христіанскихъ писателей. Тертулліанъ говорилъ: христіане убѣждены, что конецъ римской имперіи будетъ концемъ міра. Apol. c. 32. Лактанцій пишетъ: «можно ли сомнѣваться, чтобы устоялъ міръ, когда будетъ поражена глава міра?» Lact. Div. inst. VII, 25. Іеронимъ во взятіи Рима готами видѣлъ начало гибели цѣлаго міра: Quid salvum est, si Roma periit? Epist. 60, 123. In una urbe orbis interiit. Prol. in Ezech.

ства,—члены того политическаго общества, которое, разрастаясь, все покоряя и все поглощая, сдѣлалось всемірнымъ гражданствомъ. Сила и принужденіе — вотъ его право и законъ; подчиненіе и покорность—вотъ обязанности и долгъ покоренныхъ народовъ [1]).

Какъ само собою понятно, не всѣ вѣрующіе римляне всецѣло отдавались воздѣйствію вѣры Христовой, не всѣхъ она преобразовывала и передѣлывала по началамъ смиренія, братства и любви. Особенно это должно сказать о тѣхъ временахъ, когда воздѣйствіе вѣры на души вѣрующихъ стало принимать ровное и спокойное теченіе, когда страхи гоненій кончились и во всѣ права вступила обыденная мірская жизнь съ ея житейскими тревогами и заботами, съ ея земными удовольствіями и увлеченіями. Епископы римскіе не были исключеніемъ изъ общаго правила; они выходили изъ римской же среды, и большею частію знатной, гдѣ особенную силу имѣютъ сословные предразсудки, тщеславіе и суетность; они жили тѣмъ же духомъ, какъ и всѣ другіе, и насколько еще не прониклись духомъ Христовымъ, настолько оставляли въ душѣ мѣсто началамъ древнимъ, плотскимъ, языческимъ. Такъ, во II-мъ вѣкѣ епископъ римскій Викторъ I-й въ своихъ отношеніяхъ къ провинціальнымъ епископамъ обнаружилъ духъ принужденія и насилія, когда грозилъ отлученіемъ малоазійскимъ церквамъ за то, что онѣ не соглашались праздновать Пасху по обычаю церкви римской, въ одно время съ нею. Такъ, въ III-мъ вѣкѣ Стефанъ III-й обнаружилъ такой-же духъ принужденія и горделиваго языческаго самомнѣнія, когда дерзнулъ отлучить тоже малоазійскія церкви, несогласныя съ нимъ въ вопросѣ о крещеніи еретиковъ. Паписты ставятъ эти проявленія римскаго властолюбія въ похвалу римскимъ епископамъ и видятъ въ нихъ самыя первыя свидѣтельства папскаго главенства; мы же, напротивъ, видимъ въ нихъ только обнаруженія языческихъ воззрѣній, первыя попытки къ пріобрѣтенію римскаго господства надъ Церковію. Такъ смотрѣли и современники. Первому напоминалъ о христіанскомъ братолю-

---

[1]) Какъ это близко къ выраженію о. Шмитца: сверху внизъ одни права, снизу вверхъ однѣ обязанности. (См. выше стр. 51).

біи св. Ириней ліонскій, а втораго упрекали во властолюбіи Фирміліанъ каппадокійскій и св. Кипріанъ карѳагенскій. — Нужно-ли еще распространяться, какое изъ этихъ объясненій естественнѣе и правѣе? Дѣло говоритъ само за себя.

Съ конца IV-го вѣка всѣ условія жизни общественной, государственной и церковной благопріятствуютъ обнаруженію и развитію языческихъ началъ властолюбія въ римскихъ епископахъ. Упадокъ общественной нравственности сильно отзывался и на римскомъ духовенствѣ. Римское духовенство въ своемъ огромномъ большинствѣ отличалось замѣчательною безпечностію и непониманіемъ не только духа, но даже и буквы христіанства [1]). Въ связи съ этой безпечностію находился упадокъ религіознаго чувства въ массѣ христіанъ. По свидѣтельству Амвросія и Августина, — христіане предавались всѣмъ формамъ и видамъ языческаго суевѣрія, которое стали оставлять уже и сами язычники. Такъ христіане клялись языческими богами, праздновали день Юпитера (четвергъ), принимали участіе въ языческихъ играхъ и празднествахъ, нерѣдко пѣли языческіе гимны въ христіанскіе праздники и по примѣру язычниковъ дозволяли себѣ пляски предъ базиликами; въ храмахъ вели себя неблагочинно; нерѣдко шумъ въ храмѣ переходилъ въ крикъ и оканчивался дракой, причемъ иногда раздавались взрывы общаго хохота и останавливали богослуженіе и т. п. Погружаясь болѣе и болѣе во тьму невѣжества, духовенство въ то же время устремилось къ пріобрѣтенію власти и стяжанію богатства, предаваясь роскоши и удовольствіямъ. Пресвитеры, напр., одѣвались въ великолѣпныя одежды, отличались щегольскою обувью и благоухали драгоцѣнными ароматами, невѣжество ихъ обратилось въ пословицу, а фарисейское лицемѣріе и развратъ худо согласовались съ ихъ претензіями на безбрачіе; замѣчательно, что въ церкви самой развращенной громче говорили о безбрачіи, чѣмъ гдѣ-

---

[1]) Къ Августину духовные иногда обращались съ слѣдующими вопросами: имѣетъ-ли душа послѣ смерти тѣло? (Ер. 158). Какого рода былъ голубь, подъ видомъ котораго Духъ Святый сошелъ на Христа? (Ер. 169). Утробныя дѣти имѣютъ-ли какое-нибудь понятіе о Богѣ? (Ер. 187).

либо [1]). Такое поведеніе подавало справедливый поводъ язычникамъ укорять христіанъ и хулить имя Христово. Епископское званіе, столь высокое и столь досточтимое, сдѣлалось предметомъ искательства честолюбцевъ и причиною кровавыхъ схватокъ между партіями. Извѣстна ожесточенная борьба изъза епископства двухъ претендентовъ Дамаса и Урсина, стоившая многихъ денегъ претендентамъ и многихъ жертвъ римской церкви. Вотъ какъ отзывается объ этой борьбѣ языческій писатель этого времени, Амміанъ Марцелинъ: „горячность, съ которою они оспаривали другъ у друга епископство, превосходитъ мѣру человѣческаго честолюбія. Эта борьба стоила партіи Урсина ста тридцати семи человѣкъ убитыхъ, найденныхъ на другой день въ базиликѣ Сицинія, гдѣ происходило собраніе христіанъ. Такая, впрочемъ, ожесточенность борьбы за столичное епископство нисколько не удивительна, если обратить вниманіе на внѣшній блескъ этого достоинства. Получающій его обогащается на счетъ щедрыхъ приношеній матронъ, разъѣзжаетъ по городу въ колесницѣ, блещетъ роскошью одежды, а обиліемъ стола затмѣваетъ царей“. Это свидѣтельство можно бы было считать преувеличеніемъ, если бы тогоже не подтверждали Іеронимъ, Августинъ и Сальвіанъ, писатели того времени [2])

Имѣемъ-ли мы право думать, что такое духовенство и такіе епископы будутъ дѣйствовать по началамъ Христовымъ? Современные намъ латинскіе богословы, описывая эти и по-

---

[1]) Такъ замѣчаетъ о. Владиміръ Геттэ, въ своей Церк. Исторіи. Т. III, стр. 435, въ р. пер.

[2]) Amm. Marc. L. XXVII. 3. Другой язычникъ Претекстатъ, намекая на роскошь римскаго епископа, нерѣдко говаривалъ въ шутку Дамасу: «сдѣлайте меня епископомъ Рима, и я тотчасъ приму христіанство». Hier. T. II L. contra Joh. Hierosol. Ср. Amm. Marc. XXVII, 9.

Искусствомъ вліять на женщинъ и выманивать у нихъ завѣщанія на крупныя суммы римское духовенство обладало въ такой-же степени, какъ въ послѣдствіи, знаменитые въ этомъ отношеніи оо. іезуиты; такъ что императоръ Валентиніанъ вынужденъ былъ издать строгій законъ (370 г), которымъ запрещалось духовнымъ лицамъ посѣщать домы вдовъ и дѣвицъ, а духовникамъ послѣднихъ брать отъ нихъ дары по завѣщаніямъ (Cod. Theod. l. XVI, t. 2, 1, 20). Наблюденіе за исполненіемъ сего закона, адресованнаго на имя папы Дамаса, поручено было свѣтскимъ чиновникамъ. Іеронимъ, скрѣпя сердце, сознавался, что духовенство заслужило этотъ законъ.

добныя имъ картины церковной жизни въ Римѣ за это и за всякое другое время послѣ, не только не стѣсняются и не краснѣютъ за себя и за свою исторію, а напротивъ, приходятъ въ умиленіе, говоря, что это-то и доказываетъ божественное установленіе папизма, что, не смотря на такой упадокъ нравственности въ Римѣ, папизмъ не только не упадалъ, а напротивъ, все больше и больше росъ, развивался и укрѣплялся. По ихъ представленію, какъ видно, законъ папской непогрѣшимости дѣйствовалъ въ полной силѣ и въ тѣ печальныя времена, т. е., что Духъ Христовъ дѣйствовалъ чрезъ папъ помимо ихъ сознанія и воли, чисто внѣшнимъ образомъ. Но по законамъ нравственной жизни Духъ Христовъ не могъ дѣйствовать и проявляться въ развращенной средѣ, — и потому въ стремленіяхъ папъ къ вселенскому главенству и господству проявлялся духъ гордаго, языческаго Рима. Что мы сказали выше о ревности александрійскихъ епископовъ къ Константинополю, то мы должны сказать и объ епископахъ римскихъ. Папы, наиболѣе проникнутые чувствомъ христіанскаго смиренія, наименѣе увлекались духомъ властолюбія, тогда какъ пастыри, подобные Дамасу или Бонифацію III, наиболѣе жили подъ его вліяніемъ. Св. Василій великій, обуреваемый бѣдствіями отъ ересей, попытался было войти въ сношеніе съ папою Дамасомъ, но его постигло горькое разочарованіе [1]).

---

[1]) «Прежде, нежели постигло Церкви совершенное крушеніе, писалъ онъ западнымъ,—поспѣшите къ намъ, поспѣшите уже, ей! просимъ васъ, искреннѣйшіе братія, подайте руку падшимъ на колѣна. Да подвигнется къ намъ братское ваше сердоболіе, да прольются слезы сострадательности! Не пренебрегите тѣмъ, что половина вселенной погружена въ заблужденіе. Не потерпите, чтобы погасла вѣра у тѣхъ, у кого возсіяла первоначально» (Твор. Св. Отецъ въ русск. перев. ч. 6, стр. 217—218. Письмо къ Италійскимъ и Галльскимъ епископамъ 88). Въ такихъ выраженіяхъ онъ умолялъ западныхъ о сочувствіи въ общемъ дѣлѣ вселенской Церкви, о нравственной поддержкѣ, какую они могли оказать православнымъ Востока или своими посланіями, или присылкой своихъ представителей. Но ни того, ни другаго западные не сдѣлали, напротивъ, своею надменностію и гордостію они скорѣе оскорбили восточныхъ, чѣмъ оказали имъ какое-либо сочувствіе. Сомнѣваясь въ пользѣ поѣздки своего брата Григорія въ Римъ, такъ какъ онъ былъ человѣкъ прямой и чуждый ласкательства,—Василій пишетъ: «для человѣка благомыслящаго свиданіе съ нимъ (т. е. съ Григоріемъ) весьма дорого,—но если кто гордъ, заносчивъ, посаженъ высоко и потому не способенъ слушать, когда говорятъ

Оскорбленный гордостію западныхъ, св. Василій Великій въ слѣдующихъ выраженіяхъ излилъ свое огорченіе: „мнѣ приходитъ на мысль сказать словами Діомида: „лучше тебѣ не просить; потому что, говорятъ, онъ человѣкъ надменный“. Ибо дѣйствительно люди надменнаго нрава, когда имъ угождаютъ, дѣлаются еще бо́льшими презрителями. Если умилосердится надъ нами Господь, то чего еще намъ желать сверхъ этого? А если пребудетъ на насъ гнѣвъ Божій, какая намъ будетъ помощь отъ западной гордости? Они и не знаютъ дѣла, какъ оно есть, и не хотятъ его узнать: но предубѣжденные ложными подозрѣніями тоже теперь дѣлаютъ, что прежде дѣлали касательно Маркелла, вступивъ съ объявляющими имъ истину въ споры, а ересь, подтвердивъ своимъ согласіемъ. Самъ я желалъ бы въ видѣ общаго посланія написать *къ ихъ верховному* (разумѣется папа Дамасъ) и не о дѣлахъ церковныхъ, кромѣ развѣ одного намека, что не знаютъ они, какъ по правдѣ идутъ у насъ дѣла, и не берутся за тотъ путь, которымъ можно это узнать,—но вообще о томъ, что не должно *нападать на людей, угнетенныхъ искушеніями и признавать достоинствомъ гордость, — этотъ грѣхъ, который и одинъ можетъ сдѣлать насъ врагами Богу*“ [2]).

Вотъ тѣ нравственныя условія, при которыхъ зрѣли, развивались и при всякомъ удобномъ случаѣ открыто заявлялись притязанія римскихъ епископовъ на верховенство во вселенской Церкви.

Основнымъ и исходнымъ началомъ для этихъ притязаній послужило первенство основателя римской каѳедры св. ап. Петра и отожествленіе съ нимъ римскаго епископа.

Въ первые три вѣка христіанства, какъ извѣстно, церковная каѳедра римская считалась основанною и устроенною трудами св. первоверховныхъ апостоловъ Петра и Павла. Христіанскіе писатели, какъ напр. св. Ириней, или Тертулліанъ, говоря о преемствѣ апостольскомъ въ Римѣ, не раздѣляютъ сихъ апостоловъ, не отличаютъ преимуществъ Петра отъ Павла

ему правду люди низкіе; то какая будетъ польза для общественныхъ дѣлъ отъ совѣщанія его съ мужемъ, у котораго нравъ далекъ отъ подлаго ласкательства?» (Ib. ч. 7, стр. 100. Письмо 207).

[2]) Твор. св. Василія Великаго, ч. 7, письмо 231, стр. 181.

и не обнаруживаютъ ни малѣйшей наклонности выдавать преемство римскихъ епископовъ исключительно за Петрово или Павлово; они называютъ его просто *апостольскимъ*, какъ это и слѣдуетъ. Церковный историкъ Евсевій, говоря о первыхъ преемникахъ апостольскихъ въ Римѣ, пишетъ: „послѣ мученической смерти *Павла* и *Петра*, первый, получившій жребій епископства римской церкви былъ Линъ. О немъ упоминаетъ Павелъ въ писанномъ изъ Рима посланіи“ и т. д. [1]). Великое значеніе проповѣди въ Римѣ св. ап. Павла, какъ апостола языковъ по преимуществу, и паче иныхъ потрудившагося въ просвѣщеніи ихъ, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію.—Между тѣмъ съ конца IV вѣка лице Павла, какъ основателя и устроителя римской церкви, въ Римѣ отодвигается на второй планъ, устраняется изъ сознанія западныхъ христіанъ, и забывается совсѣмъ, тогда какъ лице св. ап. Петра выдвигается впередъ; устройство церкви усвояется исключительно его трудамъ; римская каѳедра начинаетъ считаться каѳедрой исключительно Петровой,—а возсѣдающіе на ней римскіе епископы исключительно преемниками Петра. Въ такъ понятомъ преемствѣ полагается преимущество римской каѳедры. Римская каѳедра отожествляетъ возсѣдающихъ на ней епископовъ съ апостоломъ Петромъ,—Петръ и папа—одно лице. Объ этомъ преимуществѣ всѣмъ и при всякомъ случаѣ постоянно заявляютъ какъ сами папы, такъ и ихъ представители легаты. Такъ, папа Иннокентій I-й (402—17) объявилъ, что „ничего нельзя рѣшать безъ сношеній съ римской каѳедрой и что особенно въ дѣлахъ вѣры всѣ епископы *должны обращаться къ апостолу Петру*“ (разумѣй къ папѣ Иннокентію или его преемникамъ) [2]). Легатъ папы Льва велик. (440—61), Пасхазинъ, на халкидонскомъ Соборѣ заявилъ, что римская церковь есть глава всѣхъ церквей, и что Діоскоръ, александрійскій архіепископъ, долженъ подлежать суду за то, что держалъ Соборъ безъ позволенія святой каѳедры, чего никогда не было и не должно быть“ [3]). Папа Левъ велик., производя основаніе

---

[1]) Церковн. Ист. Евсевія въ русск. перев. Кн. 3 гл. II.

[2]) Mansi t. III p. 1047. ep. ad Conc. Karth.

[3]) Mansi VI, p. 563. Акты Всел. Соб. въ р. пер. Т. III, ст. 66, изд. 1880 г.

церквей Александріи и Антіохіи отъ апостола Петра, кассировалъ 28-е халкидонское правило, опираясь на *авторитетъ св. ап. Петра*. Его мысли повторяетъ папа Геласій (492—6), съ нѣкоторымъ ихъ развитіемъ. „Хотя всѣ каѳолическія, разсѣянныя по лицу земли, церкви составляютъ одно жилище Христа,—писалъ онъ,—однако святая римская церковь преимуществуетъ предъ прочими, не въ силу какихъ-либо соборныхъ постановленій, но по евангельскому слову Господа нашего удерживаетъ первенство: „ты еси Петръ и на семъ камени созижду церковь Мою, и врата адова не одолѣютъ ей“... Эта церковь приняла въ свое общество (?!) блаженнѣйшаго Павла, который не въ другое, какъ пустословятъ еретики, а въ одно время и въ одинъ и тотъ же день съ Петромъ вѣнчался славною смертію мученичества въ городѣ Римѣ при кесарѣ Неронѣ. Они вмѣстѣ посвятили вышеназванную св. римскую церковь Христову Господу и превознесли ее предъ всѣми прочими городами всего міра своимъ пребываніемъ и мученическою смертію. И такъ, *первая каѳедра апостола Петра* есть римская церковь, *не имѣющая ни пятна, ни порока, ничего-либо подобнаго*. Вторая каѳедра въ Александріи, основанная *во имя* блаженнаго Петра его ученикомъ и евангелистомъ Маркомъ, который, будучи посланъ апостоломъ Петромъ въ Египетъ проповѣдывать слово истины, скончался славнымъ мученичествомъ. Третья же каѳедра въ Антіохіи того же блаженнѣйшаго Петра, почитается знаменитѣйшею потому, что сюда онъ пришелъ и жилъ прежде, нежели въ Римѣ, и здѣсь въ первый разъ явилось имя христіанъ“ [1]). Преемникъ Геласія Анастасій II-й (496—7), внушая византійскому императору уважать *права каѳедры Петровой*, представляетъ ихъ дарованными самимъ Христомъ [2]). Папа Григорій великъ. (590—604), который такъ горячо возставалъ противъ титула: *вселенскій*, присвоеннаго себѣ константинопольскими епископами,—точно также толкуетъ права каѳедры Петровой, когда пишетъ: „кто не знаетъ, что св. Церковь основана Господомъ „на камнѣ Петрѣ“, которому вручены ключи царства небеснаго, который

[1]) Mansi. T. VIII, pag. 158—159.
[2]) Ib. pag. 188—199.

былъ назначенъ утвердить своихъ братьевъ и наблюдать за всѣмъ стадомъ. Такимъ образомъ, хотя много было Апостоловъ, однакожъ первенствомъ пользуется одна каѳедра князя Апостоловъ, которая находится въ трехъ мѣстахъ. Онъ самъ возвеличилъ ту каѳедру, на которой пожелалъ остаться и умереть; онъ самъ украсилъ ту, на которую послалъ своего ученика Марка; онъ утвердилъ ту, на которой сидѣлъ семь лѣтъ. И такъ, существуетъ одинъ и каѳедра одного, котораго въ настоящее время по Божественному авторитету представляютъ три епископа“ [1]). Папа Агаѳонъ (679—82), современникъ VI-го вселенскаго собора, утверждалъ, что епископъ римскій никогда не погрѣшалъ и не можетъ погрѣшать, и потому требовалъ, чтобы всѣ постановленія римской церкви принимались за правила, *утвержденныя божественными словами апостола Петра* [2]). Папа Стефанъ III-й [3]) (752—57) отожествленіе свое съ апостоломъ Петромъ доводитъ до непонятной смѣлости. Прося у Пипина защиты противъ Лонгобардовъ, онъ пишетъ отъ лица апостола Петра: „Я—Петръ Апостолъ, по волѣ божественнаго милосердія званный Христомъ, Сыномъ Бога живаго, поставленъ Его властію быть просвѣтителемъ всего міра (слѣдуютъ тексты)... По сему всѣ слышавшіе мое благовѣстіе и принявшіе его, да увѣруютъ несомнѣнно, что по повелѣнію Божію, имъ отпустятся всѣ грѣхи въ семъ мірѣ, и они безъ порока перейдутъ въ жизнь будущую. Поелику же просвѣщеніе Св. Духа озарило ваши пресвѣтлыя сердца, и вы, воспринявъ евангельскую проповѣдь, возлюбили Св. и единичную Троицу: то *во ввѣренной намъ апостольской римской* церкви сберегается и для васъ несомнѣнная надежда будущихъ наградъ. И такъ, къ вамъ, какъ возлюбленнымъ моимъ дѣтямъ, обращаю я глаголъ мой, и любовію вашею ко мнѣ убѣждаю васъ, чтобы не оставили вы города Рима и народъ мнѣ Богомъ ввѣренный, безъ защиты, но исхитили бы ихъ изъ рукъ враговъ, и спасли бы

[1]) Greg. Magni Opera omnia, T. II. lib. VII. epist. 40. pag. 888. edit. Paris. 1705 г.

[2]) Mansi XI, p. 234. Акты всел. Соб. въ р. пер. Т. VI. стр. 36—37.

[3]) Предъ Стефаномъ III былъ Стефанъ II, который правилъ только три дня. Одни историки не считаютъ его въ ряду папъ, другіе считаютъ. Я держался Генгеретера. См. Handbuch der allg. Kirchen-gesch. T. I, 1879, pag. 494.

домъ, въ которомъ покоятся мои останки, отъ осквернения [1]) и т. д. въ этомъ родѣ. Нашъ извѣстный историкъ проф. Кудрявцевъ по поводу этого письма замѣчаетъ: „Никогда низкая лесть и безчестный обманъ не соединялись такъ безстыдно съ самыми дерзкими угрозами и никогда самая необузданная фантазія не злоупотребляла такъ прозопопеею, какъ это дозволило себѣ испуганное воображеніе римскаго епископа“ [2]). Посланіе достигло цѣли Пипинъ поспѣшилъ въ Италію, разгромилъ Лонгобардовъ, отнялъ у нихъ занятые ими города и подарилъ ихъ на масло гробу св. Петра.

Вникая въ смыслъ дѣлаемыхъ папами заявленій о преимуществахъ каѳедры римской и всматриваясь въ это странное отожествленіе ап. Петра съ римскимъ епископомъ, мы находимъ здѣсь начало той фальши, которая имѣла для латинской церкви роковыя послѣдствія. Въ самомъ дѣлѣ, остановимся на этихъ выраженіяхъ: *римская церковь основана на ап. Петрѣ*, или: *въ Римѣ каѳедра Петрова*; *на каѳедрѣ возсѣдаетъ ап. Петръ*, *папа дѣйствуетъ авторитетомъ ап. Петра* и т. п. Само собою разумѣется, всѣ эти и подобныя имъ выраженія суть фигуральныя, иносказательныя выраженія, и никакъ не могутъ быть изъясняемы въ смыслѣ прямомъ и буквальномъ. Положимъ, что въ Римѣ хранится та самая каѳедра, на которой возсѣдалъ первоверховный Апостолъ и съ которой онъ преподавалъ ученіе и таинства, и что на этой же именно каѳедрѣ буквально возсѣдаютъ преемники его, римскіе епископы;—чтожъ изъ этого? Преемнику естественно и прилично возсѣдать на каѳедрѣ своего первооснователя, но

---

[1]) «Судьбы Италіи». Москва. 1850 г. стр. 520.

[2]) Вотъ какъ Генгеретеръ защищаетъ это посланіе: «Письмо, написанное франкамъ отъ имени св. Петра не принадлежитъ къ разряду *фикцій*. Оно есть документъ *легко выясняемый тѣсною осадою Рима* и тогдашними обстоятельствами. Въ письмѣ олице творены не безжизненные предметы, но умершіе; но папы уже давно *говорили отъ имени Петра, переводя на него свои дѣйствія:* каждая Церковь имѣетъ своего патрона, который говоритъ за нее. Поэтому тутъ нѣтъ ничего особеннаго, и Янусъ самъ признаетъ, что это письмо произвело свое дѣйствіе. Но это для насъ имѣетъ *слишкомъ ничтожное значеніе*. (Antijanus pag. 103). Въ своей исторіи онъ очень глухо и скромно выражается объ этомъ посланіи; онъ говоритъ только, что «Стефанъ и съ нимъ тѣсно связанные римляне во имя Петра умоляли Пипина... Handb. B. I. стр. 494.

отсюда весьма далеко до тожества и единства съ нимъ. Какъ и что можетъ передать эта каѳедра возсѣдающему на ней епископу? *Петрово рукоположеніе*? Но Петрова рукоположенія нѣтъ, какъ мы и сказали выше,—есть только рукоположеніе апостольское,—а такое рукоположеніе можетъ быть совершено надъ папой и въ Константинополѣ, и въ Москвѣ, и въ Петербургѣ соборомъ епископовъ, и папа станетъ такой же преемникъ Петра, какъ и въ томъ случаѣ, если онъ приметъ рукоположеніе отъ западныхъ епископовъ. *Петрово ученіе*? Но Петрова ученія нѣтъ, есть одно ученіе Христово, преподанное Церкви не чрезъ одного ап. Петра, а чрезъ всѣхъ Апостоловъ. *Петрову власть*? Но когда нѣтъ Петрова рукоположенія, нѣтъ и особой Петровой власти въ Церкви, а есть одна только власть общеапостольская. Поэтому, всѣ эти тропическія выраженія суть злоупотребленіе словомъ,—*фикціи*, которымъ поддавались и такіе св. папы, какъ Левъ и Григорій великіе, не подозрѣвая того, что это фикція; такъ тяготѣлъ надъ Римомъ духъ древняго, языческаго преобладанія! По нашему мудрому народному присловію: „не мѣсто краситъ человѣка, а человѣкъ краситъ мѣсто". Восточные патріархи въ своемъ Окружномъ Посланіи осуждаютъ въ римскихъ папахъ такой незаконный способъ объясненія ихъ преимуществъ, указывая въ немъ *слабость умствованій*: „ибо папа (разумѣютъ Пія IX-го), пишутъ патріархи, не Апостольскимъ своимъ исповѣданіемъ украшаетъ свой престолъ, *но Апостольскимъ престоломъ старается подтвердить свое достоинство*; *достоинствомъ же свое исповѣданіе, а на самомъ дѣлѣ это иначе*" [1]).

Правда, св. Отцы вселенскихъ Соборовъ, въ своемъ одобреніи папскихъ вѣроизложеній, не разъ прибѣгали къ подобнымъ же фигуральнымъ выраженіямъ, сближая того или другаго папу то съ ап. Павломъ, то съ ап. Петромъ. Такъ на III-мъ вселенскомъ Соборѣ Отцы Собора, выслушавъ исповѣданіе Кирилла александрійскаго и папы Целестина восклицали: „Это судъ справедливый! Весь Соборъ благодаритъ новаго Павла-Целестина, новаго Павла-Кирилла. Целестина едино-

[1]) «Окруж. Посл.» стр. 16.

мышленнаго съ Кирилломъ!“ [1]) Эти восклицанія ясно свидѣтельствуютъ, что изъ сознанія восточныхъ Отцевъ представленіе объ ап. Павлѣ, какъ сотрудникѣ ап. Петра въ Римѣ, не были вытѣснены представленіями о преимущественной важности ап. Петра. На IV-мъ вселенскомъ Соборѣ св. отцы, въ своихъ одобрительныхъ восклицаніяхъ, безъ сомнѣнія, примѣняясь къ рѣчамъ легатовъ, дѣлали сближеніе папы съ однимъ ап. Петромъ. „Сія вѣра отцевъ, восклицали они, по прочтеніи вѣроисповѣданія папы Льва великаго,—сія вѣра Апостольская! Мы всѣ такъ вѣруемъ! такъ вѣруютъ всѣ православные!... Петръ такъ говорилъ устами Льва! Такъ учили Апостолы! ученіе Льва благочестно и истинно! Кириллъ училъ также! вѣчная память Кириллу! Левъ и Кириллъ учили одинаково! анаѳема тому, кто не такъ вѣруетъ“ [2]). Но какъ само собою разумѣется, всѣ эти выраженія не даютъ ни малѣйшаго права понимать ихъ въ буквальномъ смыслѣ, какъ будто Отцы думали, что устами Кирилла и Целестина говорилъ ап. Павелъ, а устами Льва св. ап. Петръ. Это, конечно, языкъ фигуральный; выражаясь такимъ образомъ, Отцы признавали единомыслiе Кирилла, Целестина и Льва съ ученіемъ Апостоловъ, т. е. что эти святители такъ вѣрно и точно изложили ученіе Апостоловъ, какъ изложили бы оное сами Апостолы. Понятно, что такая похвала относится лично къ Кириллу, Целестину и Льву, — а не ко всѣмъ вообще возсѣдающимъ на каѳедрахъ римской и александрійской. Кириллъ, Целестинъ и Левъ учатъ, какъ Апостолы,—но ихъ преемники — Діоскоръ, Николай, Григорій и под. погрѣшаютъ и заблуждаются.—Паписты совершенно чужды такого толкованія; они понимаютъ всѣ такія и подобныя выраженія въ томъ смыслѣ, что сѣдалище Петрово отожествляетъ возсѣдающихъ на немъ епископовъ съ самимъ ап. Петромъ, такъ что ап. Петръ продолжаетъ возсѣдать въ лицѣ каждаго папы, какъ-бы воплощается въ папѣ, живетъ и дѣйствуетъ въ немъ. Вотъ та грубая фальшь, которая скрыта въ ученіи о преемствѣ Петровомъ въ Римѣ.

Историческія обстоятельства вполнѣ благопріятствовали тому, чтобы дать этой фальшѣ наибольшее развитіе и распространеніе.

Прежде всего надобно помнить, что, начиная съ V вѣка,

[1]) Акты всел. Соб. въ р. пер. Дѣяніе II. Т. I, стр. 676, изд. 1859.

[2]) Акты всел. Соб. въ р. пер. Т. III, стр. 242, изд. 1880.

римская церковь дѣлаетъ значительныя завоеванія въ западной Европѣ. Исторія свидѣтельствуетъ, что въ первые вѣка христіанства въ римскихъ провинціяхъ на западѣ — въ Испаніи, Галліи и Британіи процвѣтали независимыя церкви, получившія свое начало изъ Малой Азіи. Если бы эти церкви держались на той же высотѣ христіанства, на какой стояли въ началѣ своего существованія, въ первые три вѣка,—Римъ никогда бы не могъ достигнуть того преобладанія на западѣ, до котораго онъ поднялся теперь. Но этого не случилось. Древнія церкви участвовали въ общемъ разложеніи римской имперіи; и въ нихъ видѣнъ былъ упадокъ просвѣщенія и нравственности. — При этомъ ихъ постигло нашествіе варваровъ. Варвары, волна за волной двигаясь по древне-римскимъ провинціямъ, смывали и классическую образованность и древнее христіанство. Нужно было, такъ сказать, вторичное просвѣщеніе западной Европы свѣтомъ истины Христовой; и на этотъ разъ источникомъ свѣта сдѣлался исключительно одинъ Римъ; его духовенство было достаточно подготовлено для того, чтобы утверждать въ сердцахъ нововѣрующихъ убѣжденіе въ преимуществахъ каѳедры Петровой и подавлять всякое противорѣчіе, порождаемое старыми преданіями, гдѣ они сохранились. Франкскій король Хлодовей былъ пріобрѣтенъ для римской церкви,— а духовенство, сопутствовавшее ему въ походахъ, ревностно заботилось о просвѣщеніи язычниковъ и объ истребленіи остатковъ древняго христіанства. Отдаленная Британія завоевана была англо-саксами, а англо-саксы покорены были Риму Августиномъ, отправленнымъ туда на проповѣдь папою Григоріемъ вел.; древніе же христіане, на которыхъ смотрѣли, какъ на еретиковъ, или бѣжали, или погибали въ неравной борьбѣ съ завоевателями; остальная же часть должна была покориться и забыть свою церковную независимость и свои восточные обряды. Германія была покорена римскому престолу апостоломъ нѣмцевъ — Бонифаціемъ, — который, отходя на свой апостольскій подвигъ, далъ клятву предъ гробомъ Петра приводить къ Риму новыхъ подданныхъ, которыхъ онъ успѣетъ покорить словомъ истины Христовой. Позже всѣхъ были покорены Испанія, южная Галлія, сѣверъ и югъ Италіи. Память о древней христіанской свободѣ долго хранилась на югѣ Галліи и дала себя знать въ такъ называемомъ *галликанизмѣ*.

Варвары съ благоговѣйнымъ почтеніемъ смотрѣли на языческій Римъ, какъ городъ представляющій въ себѣ центръ человѣческаго могущества и гражданственности. Какъ и всякаго рода дикари, они готовы были ограбить его, но въ тоже время дорожили честью считаться его гражданами, походить на римлянъ, носить на себѣ въ чемъ-нибудь его подобіе. Что, напримѣръ, за честь носить на себѣ званіе патриція, давно утратившее свое значеніе,—однакожъ могущественные короли франковъ украшались этимъ титуломъ? Съ принятіемъ западными народами христіанства Римъ, переставшій быть мѣстопребываніемъ императоровъ, не только не утратилъ своей обаятельной силы, напротивъ, сталъ еще выше и священнѣе для нихъ. То почтеніе, какое народы питали къ языческому Риму, освятилось, возвысилось и удвоилось отъ христіанскаго представленія, что здѣсь каѳедра первоверховнаго Апостола, князя Апостоловъ, источникъ единства, кладезь благодати для всей вселенной,— и съ языческаго Рима перенесено было на Римъ христіанскій, съ языческаго императора—на христіанскаго епископа. Духовенство западное, повидимому, больше было заинтересовано въ возвеличеніи Рима и его епископа, чѣмъ самъ Римъ и папа. Мы видимъ эту ревность духовенства въ Галліи и Британіи въ борьбѣ со старымъ христіанствомъ, видимъ въ Болгаріи, гдѣ оно запрещало принимать таинства отъ греческаго духовенства, видимъ, наконецъ, и въ великой Моравіи, гдѣ нѣмецкіе епископы въ гоненіи славянскаго языка и восточныхъ обрядовъ шли гораздо дальше самихъ папъ. Видно, что и въ тѣ древнія времена не было недостатка въ такихъ ревнителяхъ папизма, какихъ являло и являетъ новое время, т. е. въ такихъ, которые и сами были фанатичны и новопросвѣщенныхъ умѣли дѣлать подобными имъ. Западъ не только былъ покоренъ римскому престолу,—но онъ былъ воспитанъ въ фанатической преданности Риму. Отсюда, всѣ эти подлоги и вся эта легкость, съ какою принимали ихъ и вѣрили имъ.

Эта почтительная преданность новопросвѣщенныхъ народовъ папѣ, усвоенная ими при самомъ ихъ зарожденіи (мы беремъ пока вѣка съ V—VII) и много обѣщающая въ будущемъ, естественно подымала самочувствіе и самосознаніе римскаго епископа. Онъ могъ по праву смотрѣть на себя, какъ на главу

западнаго христіанства [1]),—а отсюда былъ одинъ только шагъ вообразить себя главою всего христіанства.

Положеніе восточныхъ патріархатствъ давало тому поводъ и основаніе. Римская каѳедра, покоряя себѣ новые народы, постепенно возрастала и прославлялась, тогда какъ восточные патріархатства, напротивъ умалялись, сокращались, шли книзу; такъ александрійское, іерусалимское и антіохійское—были разорены разстроены и сокращены бѣдствіями отъ еретиковъ, отъ нашествій Персовъ и отъ завоеваній Сарацынъ; не менѣе страдалъ и патріархатъ Контантинопольскій отъ нашествій варваровъ, отъ ересей, отъ вмѣшательства въ дѣла Церкви и насилій византійскихъ императоровъ (какъ, напр., во времена моно-

---

[1]) Гизо́ въ своей исторіи цивилизаціи во Франціи такъ разсуждаетъ о развитіи папской идеи въ Зап. Европѣ: «На развитіи папской власти въ Европѣ отозвался одинъ основной фактъ, который, мнѣ кажется, никогда не принимали достаточно въ соображеніе. Мало того, что Римъ все еще былъ главнымъ городомъ на Западѣ, мало того, что воспоминанія о его прежнемъ величіи служили на пользу епископу, который хотя и не царствовалъ еще тамъ, но все-таки былъ славою своего народа. Римъ имѣлъ на западѣ другое преимущество — онъ никогда не оставался въ рукахъ варваровъ—Геруловъ, Готовъ, Вандаловъ, или какихъ-нибудь другихъ; они нѣсколько разъ брали его и грабили, но никогда не удерживали его въ своей власти. Единственный изъ всѣхъ большихъ западныхъ городовъ, сначала по своей связи съ Восточной имперіей, потомъ по своей независимости, онъ не переходилъ окончательно подъ иго Германцевъ; онъ одинъ остался римскимъ на развалинахъ римской имперіи».

Результатомъ было то, что безъ преднамѣренія и труда, только въ силу своего исключительнаго положенія, Римъ очутился, по крайней мѣрѣ, нравственно, во главѣ прежняго населенія, разбросаннаго по новымъ государствамъ Западной Европы. Въ этой борьбѣ, сначала гласной, потомъ тайной, но долго еще длившейся между побѣжденными и побѣдителями, взгляды Галлоримлянъ, Испаноримлянъ, всѣхъ римскихъ городскихъ общинъ, разрушенныхъ варварами—завоевателями естественно обращались къ Риму, такъ долго господствовавшему надъ ними, а теперь являвшему единственный живой осколокъ древняго общества, единственный уголъ, свободный отъ новыхъ властителей, способный сохранить для народовъ, прежде подвластныхъ ему, уважаемыя преданія. На этомъ основаніи имя Рима было на всемъ Западѣ, для массы населенія именемъ дорогимъ и популярнымъ, центромъ воспоминаній и идей, образомъ всего, оставшагося отъ римскаго міра. Подъ вліяніемъ этого факта родилось папство; онъ былъ, такъ сказать, его колыбелью, поставилъ его съ самаго начала во главѣ народовъ, сдѣлалъ Римъ для расы побѣжденныхъ чѣмъ-то въ родѣ національной власти». Исторія цивил. во Франціи. Гизо въ русск. пер., т. II. Лекція XXVII, стр. 192—3.

физитства или иконоборства). Поэтому, когда соперничество между Западомъ и Востокомъ обострилось, сосредоточившись на двухъ пунктахъ — Римѣ и Константинополѣ, — достиженіе всеобщаго главенства для Рима казалось возможнымъ. При этомъ слѣдуетъ взять во вниманіе еще и то, что Римъ и Константинополь служили представителями разныхъ началъ: Римъ—церковно-историческаго, а Константинополь—чисто гражданскаго. Римъ, стараясь препобѣдить своего соперника, выше и выше поднималъ свое знамя, происхожденіе отъ ап. Петра и его преимущества какъ князя Апостоловъ. Константинополь же, оставаясь на гражданскомъ началѣ, могъ только или отбиваться отъ римскихъ притязаній, или же прибѣгать къ помощи соборныхъ правилъ и титуловъ въ родѣ—вселенскій. Но чѣмъ сильнѣе Константинополь отстаивалъ свои права, тѣмъ выше поднимали свои преимущества и права въ Римѣ. Такъ объясняются притязанія Рима на тѣ сверхъестественныя, божественныя права, которыя мало по малу стали присвоять себѣ папы; чѣмъ выше они подымали свои притязанія, тѣмъ божественнѣе становился ихъ характеръ,—тѣмъ сами они въ собственныхъ очахъ и въ очахъ всего міра становились выше простыхъ епископовъ; право каноническое въ ихъ сознаніи постепенно и естественно превращалось въ благодатное, догматическое. Сперва папа есть викарій ап. Петра, князя Апостоловъ; затѣмъ Петръ замѣняется Христомъ, и папа становится викаріемъ самого Христа; поэтому, отожествляясь сначала съ ап. Петромъ, онъ впослѣдствіи отожествляется со Христомъ. Сперва Петръ и папа — одно лицо и одна власть; а потомъ Христосъ и папа—одно лице и одна власть. Такъ совершался процессъ смѣшенія опредѣленій каноническихъ съ догматическими.

Начало церковныхъ преимуществъ и правъ римскихъ епископовъ положено, можно сказать, императоромъ Граціаномъ, при папѣ *Дамасѣ* (366—384), о которомъ у насъ уже была рѣчь. По случаю борьбы въ Римѣ двухъ партій Дамаса и Урсина, былъ созванъ помѣстный соборъ въ Римѣ, чтобы успокоить церковныя волненія. Соборъ между прочимъ оправдалъ Дамаса во взводимомъ на него обвиненіи въ прелюбодѣяніи, во время еще его діаконства при папѣ Либеріи, и при этомъ исходатайствовалъ отъ Граціана, принявшаго сторону Дамаса,

декретъ, которымъ этотъ папа утверждается судьею прочихъ епископовъ, тогда какъ самъ не могъ быть судимъ ими. Это было началомъ того права, которое такъ прямо и рѣзко заявилъ впослѣдствіи папа Николай I-й,—т. е., что папа судитъ всѣхъ, а самъ не подлежитъ ничьему суду. Замѣчательно, что соборъ, ходатайствуя за Дамаса, трактуетъ его равнымъ съ епископами по служенію, но превознесеннымъ предъ ними преимуществами апостольскаго престола. Видно, что въ понятіяхъ западнаго духовенства различіе между догматическими и каноническими опредѣленіями еще не было утрачено. Замѣчательно также и то, что начатки преимуществъ римской каѳедры испрашиваются у свѣтской власти, значитъ ихъ доселѣ и не имѣли, но это, однакожъ, не мѣшало впослѣдствіи трактовать эти преимущества, какъ принадлежащія апостольской каѳедрѣ *по божественному праву*.

Тотъ же папа Дамасъ издалъ опредѣленіе, чтобы каждый митрополитъ по своемъ рукоположеніи являлся въ Римъ для полученія омофора (pallium), а его преемникъ Сириційі [1]) (385—398) далъ предписаніе не рукополагать епископовъ безъ согласія на то римской церкви [2]). Важнѣе было сдѣлано пріобрѣтеніе папою Бонифаціемъ III (606). Воспользовавшись смутами въ Константинополѣ, онъ испрашиваетъ у цареубійцы, византійскаго императора Фоки, указъ, которымъ римская Церковь объявляется главою всѣхъ Церквей и титло „вселенскій“ усвояется исключительно одному римскому епископу, онъ же соборне постановляетъ не признавать того епископомъ, чье избраніе не будетъ утверждено словами папы: „желаемъ и по-

---

[1]) Ambr. Mediol. episc. inserta epistolae Siricii.

[2]) По поводу этихъ декреталій нашъ церковный историкъ архим. Иннокентій замѣчаетъ: «Изъ всего видно, что частнымъ опредѣленіямъ римскихъ епископовъ западные писатели, впослѣдствіи времени, стали усвоять характеръ всеобщности, и основаніе власти, распространенной въ позднѣйшіе вѣка, найти въ первые вѣка христіанства; а чрезъ то сами закрыли истинное о нихъ повѣствованіе и другимъ подали случай не только къ сомнѣнію въ древности опредѣленій, но и къ поношенію иныхъ, можетъ быть, благочестивыхъ епископовъ, какъ властолюбцевъ». («Церк. Исторія» Иннокентія, изд. 1857 г. стр. 349). Такъ деликатно выражается нашъ историкъ о подлогахъ и о пріемѣ латинскихъ писателей—всѣ новые взгляды цѣликомъ вносить въ древнюю исторію, которая ихъ совершенно не знала.

велѣваемъ“ [1]). Папа Левъ II-й (682—683) получаетъ отъ императора позволеніе вызвать въ Римъ для рукоположенія равенскаго епископа, и тѣмъ полагается начало подчиненію равеннскаго экзархатства римской каѳедрѣ.

Такъ мы дошли до VIII-го вѣка. Въ наступающемъ періодѣ времени отъ VIII до XI вѣка слѣдуетъ имѣть въ виду два обстоятельства: во первыхъ, упадокъ просвѣщенія и нравственное растлѣніе и огрубѣніе продолжаются, и во вторыхъ, жизнь запада вообще болѣе и болѣе обособляется отъ востока. При этихъ условіяхъ гордость западная, въ которой упрекали западъ еще въ IV вѣкѣ, не только не уменьшается, но возрастаетъ съ большею силою,—въ такой же пропорціи возвышается и идея римскаго вселенскаго главенства и достигаетъ своей зрѣлости.

До половины IX вѣка т. е., до папы Николая I, который со всею ясностію выразилъ идею главенства римскаго епископа, папами были сдѣланы слѣдующія пріобрѣтенія: папа Григорій II (715—731) разрѣшаетъ всю Италію отъ клятвы и повиновенія византійскому императору Льву Исаврянину, и лишаетъ его дани, собираемой съ Италіи. Этимъ случаемъ проявлено мнимое право папы освобождать народъ отъ вѣрноподданнической присяги царямъ и лишать царей ихъ царствъ [2]). Папа Захарій I (741—752) подобнымъ образомъ разрѣшаетъ франковъ отъ вѣрноподданнической присяги къ ихъ законному королю и освящаетъ узурпацію вельможи- Пипина [3]). Стефанъ III (752—757) представляетъ Пипину дарственную грамоту Константина великаго и, на ея основаніи получивъ въ даръ нѣсколько городовъ, становится свѣтскимъ правителемъ и такимъ образомъ предвосхищаетъ себѣ то право, которое должно бы быть присвоено ему по международному договору. Онъ же допускаетъ Пипина съ сыномъ цѣловать папскія туфли и вводитъ въ обычай носить римскихъ епископовъ на плечахъ [4]). Адріанъ I

[1]) Anastasius, Bibliot. De vit. pontific. pag. 44 ed. Fabrati 1629 г. Platina ed. 1511. Venetia in. vita Bonif. III. folio pag. 41.

[2]) Naucler Generat. XXIV et alii.

[3]) Rogino lib. II говоритъ и то, что онъ присвоилъ себѣ власть высшую человѣческой. Sigebert an 750.

[4]) Blondus lib. X dec. I. Balaeus de Steph. centur. VIII c. X. pag. 401.

(772—795) управляетъ Церковію скорѣе какъ царь, нежели какъ епископъ [1]). Левъ III-й (795—816) коронованіемъ Карла великаго какъ римскаго императора далъ начало той мысли, что папа можетъ распоряжаться короною и давать ее кому хочетъ [2]). Пасхалій I (817—824) восходитъ на престолъ не дождавшись императорскаго утвержденія [3]). Григорій IV (827—844) настаиваетъ, чтобы западные епископы въ сношеніяхъ съ римскими именовали себя не братіями и служителями, какъ было прежде, а сынами [4]).

Во второй половинѣ IX вѣка идея папской власти настолько созрѣла, что въ лицѣ папы Николая I выступаетъ какъ право, какъ законъ вселенской Церкви. Пользуясь политическимъ раздробленіемъ Карловой монархіи, онъ сталъ утверждать, что каждое притязаніе его предшественниковъ принадлежитъ ему въ обширнѣйшемъ смыслѣ, что онъ имѣетъ право *не только на первенство, но и на монархическое господство въ Церкви*. Ему принадлежитъ формула, опредѣляющая права римскаго епископа: *апостольскій престолъ судитъ всѣхъ, а самъ ничьему суду не подлежитъ*. На римскомъ соборѣ 863 г. онъ изрекаетъ анаѳему на всѣхъ, кто не сталъ бы уважать объявленнаго папою ученія или приказанія. Онъ съ успѣхомъ ведетъ борьбу съ галликанскими митрополитами, лишаетъ независимости равенскаго архіепископа и требуетъ къ себѣ на судъ константинопольскихъ патріарховъ Фотія и Игнатія, какъ глава церкви, какъ вселенскій судія. Вотъ какъ онъ писалъ въ Константинополь: напомнивъ о главенствѣ апостола Петра и его викарія, что̀ онъ дѣлаетъ въ каждомъ почти посланіи, онъ продолжаетъ, — къ числу этихъ лицъ всемогущему Богу

Гергенретеръ въ своей исторіи совершенно умалчиваетъ о цѣлованіи туфлей и о введеніи въ обычай ношенія папъ на плечахъ. См. его Истор., pag. 493—5.

[1]) Sigebert ad an 772.

[2]) Magdeburg. centr. VIII: de Romanae Ecclesiae episcopis et doctor.

[3]) Vita Pasch. I. Mansi XIV. 539 sequ. Hard IV, 1223. Гергенретеръ замѣчаетъ, хотя Einh. Ann. a. 817, p. 203 называетъ письмо Пасхалиса къ Людовику excusatoria epistola, Anan. Vita Ludov. P. c. 27, p. 622—epistola apologetica, но вѣрнѣе Пасхалисъ извинялся не ради посвященія, совершеннаго безъ императорскаго утвержденія. Hand. K.-Gesch. T. 3, p. 208.

[4]) Plank. Geschichte der Entstehung et cact. T. II. pag. 796.

благоугодно было сопричислить и меня недостойнаго. Вся церковь вѣрующихъ отъ этой-то св. римской церкви, которая есть глава всѣмъ церквамъ, требуетъ наставленія; на ней лежитъ забота о поддержаніи цѣлости вѣры, она разрѣшаетъ грѣхи тѣхъ, кто достоинъ этого, и чрезъ нее испрашивается благодать Искупителя Господа... Да утверждается истина, что св. римская церковь, чрезъ св. Петра, князя Апостоловъ, едѣлалась и есть глава всѣхъ церквей, и отъ нея зависитъ ненарушимое и непоколебимое удержаніе порядка и управленія во всѣхъ церковныхъ дѣлахъ, ее должны вопрошать объ этомъ и слѣдовать ея голосу. Поэтому, все, что утверждается авторитетомъ римскихъ первосвященниковъ, все это должно твердо и непрякосновенно содержаться и никакое самоволіе не должно имѣть мѣста здѣсь“ [1]). Оскорбленный отвѣтомъ Фотія, что церковь восточная не знаетъ никакихъ папскихъ декреталій и не принимаетъ собора сардикійскаго въ качествѣ вселенскаго,— папа Николай I-й пишетъ: „этому мы не вѣримъ, въ особенности относительно сардикійскаго собора, который происходилъ въ вашихъ странахъ и который приняла вся церковь: какимъ образомъ случилось, что этотъ соборъ отринула церковь константинопольская, или не удержала его, тогда какъ должна была это сдѣлать непремѣнно? Почему вы не имѣете и не сохраняете декреталій [2]), которыя изданы первосвященниками первой каѳедры, т. е. римской церкви, авторитетомъ и санкціей которой утверждаются всѣ соборы и даже вселенскіе, получая отъ нея свою твердость? Ужъ не потому-ли, какъ ты говоришь, онѣ не соблюдаются въ церкви Константинопольской, что онѣ говорятъ вопреки твоему избранію, не потому-ли, что онѣ не допускаютъ избранія изъ мірянъ во епископы? Если въ самомъ дѣлѣ вы не имѣете у себя подобныхъ декреталій, то это свидѣтельствуетъ о вашемъ нерадѣніи и безпечности. Если же имѣете и однакожъ не соблюдаете ихъ, то вы заслуживаете порицанія и брани за дерзость“ [3]). Въ послѣдующихъ письмахъ папа слѣдующимъ образомъ исповѣдуетъ привиллегіи

[1]) Письмо къ Фотію. Migne. Patrolog. c. c. t. CXIX. pag. 785—786.
[2]) Разумѣются лже-Исидоровы, о которыхъ будетъ рѣчь ниже.
[3]) Ib. pag. 788.

римской церкви: „привиллегіи римской церкви, по слову Господа, утверждены во св. Петрѣ, въ самой церкви съ древнихъ временъ имѣли силу и сохранялись, прославлялись вселенскими Соборами (?!), уважались постоянно всѣмъ христіанскимъ міромъ и никакимъ образомъ не могутъ быть ни умалены, ни разрушены, ни измѣнены; ибо чему положилъ основаніе Богъ, того не можетъ нарушить человѣческая иниціатива. И тотъ грѣшитъ, кто осмѣливается противиться божественному узаконенію. Привиллегіи эти, говоримъ, вѣчны; отъ Бога онѣ вкоренены и насаждены; могутъ ихъ касаться, но не могутъ сдвинуть; онѣ могутъ быть оскорбляемы, но не могутъ быть сокрушены. Онѣ уже существовали прежде вашего (императ. Михаила III) царствованія; онѣ продолжаютъ существовать и теперь несокрушимо; онѣ будутъ существовать и послѣ васъ; и пока возвѣщается имя христіанское онѣ не перестанутъ существовать. Эти привиллегіи дарованы были св. римской церкви отъ самаго Христа, и не даны какими-нибудь соборами, соборы же только прославляли и выражали уваженіе къ нимъ". (Sic!) [1]). Въ Константинополѣ всѣ эти разглагольствія папы Николая о римскихъ привиллегіяхъ обозваны—*пустой болтовней*, тѣмъ не менѣе изъ этихъ разглагольствій ясно видно, что на Западѣ какъ самъ папа, такъ и общество убѣдили уже себя въ созданной ими *фикціи*, что будто-бы папство есть установленіе божественное, древнее, всею вселенскою церковію признаваемое.

Въ лицѣ Григорія VII-го, Гильдебранда, идея папской власти поднялась еще выше. Онъ заявлялъ слѣдующія притязанія: „Правильно избранный папа святъ [2]) и непогрѣшимъ. Его

---

[1]) Ib. p. 947—948. На эти письма императоръ Михаилъ отвѣчалъ: «всѣ твои разглагольствія о преимуществахъ римскаго престола—пустая болтовня; ты бы долженъ за честь принять приглашеніе подать свой голосъ къ умиротворенію константинопольскихъ смутъ, а не по грубой ошибкѣ считать себя судіею дѣлъ церковныхъ; твой долгъ повиноваться императору, а не судить его. Фотій признанъ восточными патріархами и потому не можетъ быть называемъ пастыремъ незаконнымъ».

[2]) Мысль о личной святости папъ прежде всѣхъ выдумалъ дьяконъ и секретарь папы Симмаха (498—514), Ennodiй (Liber apologet. pro Synodo. opp. Sirmondi I. 1621 г.), который защищалъ папу въ извѣстномъ заводимомъ на него преступленіи. За мысль Ennodія жадно ухватился псевдо-Исидоръ, и

волѣ, разсужденію и суду подлежать всѣ царства міра сего. Онъ имѣетъ власть отлучать царей отъ общенія вѣрныхъ и отлученныхъ низлагать съ престоловъ. Онъ можетъ подданныхъ разрѣшать отъ присяги и повиновенія безчестнымъ и порочнымъ правителямъ и государямъ. Подданные должны возставать противъ государей своихъ, отлученныхъ папою, и ополчаться противъ нихъ. Одинъ онъ правильно называется вселенскимъ. Безъ его позволенія никакой соборъ не можетъ называться вселенскимъ. Безъ его свидѣтельства ни одна книга не можетъ быть издана въ свѣтъ и считаться правильною. Его суда никто не можетъ отринуть, а онъ одинъ можетъ отвергнуть всякій судъ. Судить его самого никто не можетъ. Всѣ важныя дѣла церковныя подлежатъ его рѣшенію. Епископовъ онъ можетъ низлагать и переводить съ одного мѣста на другое безъ собора. Въ церквахъ должно поминать только его имя. Предавать проклятію престолъ апостольскій (т. е. римскій) никто не смѣетъ. Инвеститура (т. е. единовременная плата, взимаемая съ поставляемыхъ вновь епископовъ, аббатовъ и священниковъ, за право пользоваться церковными имѣніями изъятыми отъ несенія общественныхъ повинностей), не принадлежитъ государямъ, которые не имѣютъ права жаловать епископовъ перстнями, какъ было прежде“ [1]).

Въ лицѣ Иннокентія III-го и его ближайшихъ преемниковъ эта идея близка была къ своему полному осуществленію. Иннокентій III-й достигъ такой высоты величія, до какой никто еще не достигалъ изъ смертныхъ. Всѣ западные прави-

придумалъ (Dec. Pseudo-Isidor. ed. Hinschius pag. 675) два собора, которые будто-бы единодушно одобрили и подписали сочиненіе Евнодія. Святость всѣхъ папъ, которую Григорій VII будто-бы испыталъ самъ на себѣ, какъ онъ утверждалъ (Epist. VIII, 21 bei Jaffe pag. 463), онъ положилъ въ основаніе своего притязанія на всемірное господство.—Всякій король и князь, говоритъ онъ, изъ добраго и смиреннаго тотчасъ дѣлается дурнымъ, какъ скоро овладѣетъ властью; напротивъ того всякій правильно поставленный папа, чрезъ *умноженіе ему заслугъ Петровыхъ тотчасъ дѣлается святымъ*. Даже заклинатель (exorcista) въ клирѣ, замѣчаетъ онъ, выше и могущественнѣе всякаго свѣтскаго монарха, потому что изгоняетъ демоновъ, рабы которыхъ суть дурные князья. Эта доктрина о личной святости папы, Григоріемъ VII-мъ выданная за ученіе Симмаха, принята въ церковномъ уложеніи. См. Dictatus Hildebrandini, состоящій изъ 27 главъ, — содержащихъ въ себѣ эти идеи о папской власти. Gurduin. Acta Concil. T. [illegible] parg. I, col. 1304.

[1]) Jan. p. 121—2.

тели покорились ему, своею покорностію оправдывая его неимовѣрныя претензіи. Императоръ германскій Оттонъ IV-й призналъ себя его ленникомъ;—король французскій, Филиппъ-Августъ, напуганный интердиктомъ, наложеннымъ на Францію, за его незаконный разводъ съ женою, сдѣлался послушнымъ сыномъ папы. Король англійскій Іоаннъ безземельный, за непослушаніе папѣ едва не лишившійся короны, также долженъ былъ смириться и признать лэнную зависимость отъ папы. Королевства: кастильское, аррагонское, сицилійское, венгерское также были признаны лэнами папы. Даже непокорный востокъ, заявлявшій притязаніе сравняться съ западомъ, и тотъ былъ во власти римскаго первосвященника. Неожиданное завоеваніе крестоносцами Константинополя давало ему основательный поводъ мечтать о подчиненіи непокорной своей соперницы, восточной церкви, и объ образованіи на землѣ единаго стада съ единымъ видимымъ пастыремъ—папою во главѣ.

Но эти мечты не осуществились. Небесный Пастыреначальникъ не попустилъ своей истинной Церкви *искуситися* больше, чѣмъ сколько она могла понести. Господь сохранилъ ее отъ римскаго поглощенія. Латинское господство,—начинавшее повсюду, куда оно простиралось,—истреблять греческій обрядъ, продолжалось недолго (съ 1204 г. 12 Апр. по 15 Августа 1261 г.); съ прекращеніемъ его изгладились и его слѣды въ православныхъ областяхъ восточной церкви. Вскорѣ за тѣмъ и самое величіе папъ стало идти къ упадку. Спустя три вѣка послѣ Иннокентія протестантизмъ возстаетъ противъ незаконнаго господства и отнимаетъ у Рима до половины подданныхъ. Спустя еще три вѣка съ небольшимъ папа лишается свѣтскаго господства, незаконно добытаго имъ, и такимъ образомъ возвращается къ тому положенію, изъ котораго вышелъ: папа есть римскій епископъ, признаваемый первымъ въ ряду своихъ собратій, ради первенства ветхаго Рима.

Обернемся же теперь назадъ и однимъ взглядомъ окинемъ развитіе папскаго главенства: сперва просто епископъ апостольской общины въ столичномъ городѣ имперіи,—затѣмъ, первый между средне-италійскими сосѣдними епископами, или митрополитъ, такой же, какъ митрополитъ въ Александріи, Антіохіи, Кесаріи, Ефесѣ и под. Послѣ того экзархъ или архіепископъ

на западѣ, первый по отношенію къ восточнымъ, таковымъ же экзархамъ. За симъ, должно бы было слѣдовать каноническое опредѣленіе правъ его первенства, но вмѣсто этого онъ самъ создаетъ свои права, своими усиліями достигаетъ господства на западѣ и домогается преобладанія надъ всею Церковію. Но что удается ему на западѣ, того не можетъ достигнуть на востокѣ. Да и на западѣ незаконность римскаго господства сознается правительствами и народами и мало-по-малу отвергается какъ незаконное.

Нѣкоторые свѣтскіе писатели нерѣдко средневѣковое преобладаніе папъ и ихъ господство надъ міромъ называютъ *ѳеократіей*. Но это рѣшительно несправедливо. Если мы ветхозавѣтную *ѳеократію*, какъ она проявилась въ исторіи еврейскаго народа, преимущественно во времена Моисея и Судей,—понимаемъ въ истинномъ смыслѣ, какъ дѣйствительное правленіе Божіе, являемое чрезъ Своихъ избранниковъ или чрезъ первосвященниковъ,—то ни въ какомъ случаѣ нельзя признать за господствомъ папъ ѳеократическаго характера. Первосвященники еврейскаго народа, вопрошавшіе волю Божію, и сообщавшіе ее народу,—оставаясь тѣмъ, чѣмъ должны были быть, никогда не заявляли претензій быть абсолютными монархами во имя Божіе. Римскіе же первосвященники, напротивъ, постепенно возвышая свои честолюбивыя и властолюбивыя стремленія, возводили ихъ до Божественнаго права,—нѣкоторымъ образомъ отожествляя себя съ Божествомъ. Богъ, наказуя народы за ихъ нечестіе, нерѣдко посылаетъ на нихъ завоевателей и поработителей; такъ, напр., царство израильское Онъ наказалъ Салманассаромъ ассирійскимъ, царство іудейское—Навуходоносоромъ вавилонскимъ. Папы, назвавъ себя намѣстниками Бога на землѣ, дошли до такой дерзости, что вообразили себя и обладателями божескаго права наказывать народы народами. Такъ, Иннокентій III, желая наказать альбигойцевъ, подымаетъ на нихъ крестовый походъ, и вотъ по его якобы божественному благословенію подъ знаменемъ креста собираются всѣ жаждущіе крови и алчущіе корысти, идутъ на еретическіе города и области и предаютъ ихъ огню и мечу. Императоръ Фидрихъ I (Барбарусса) началъ было борьбу съ папой Александромъ III, который позволилъ себѣ назвать им-

нераторскую власть бенефиціей папы,—но папа возмутилъ противъ него Ломбардскіе города и потерпѣвшій пораженіе императоръ долженъ былъ примириться съ папой. Фридрихъ II повелъ было борьбу противъ папъ, но папы, предавъ его проклятію, подняли противъ него такое множество враговъ, что и онъ долженъ былъ смириться. Припомнимъ еще походы Бюргера противъ русскихъ,—ливонскихъ рыцарей противъ нихъ же, крестовые походы противъ гуситовъ, благодарственные молебны за подобныя событія, какъ варѳоломеевская ночь,—и мы должны будемъ признать, что такое господство слишкомъ дерзновенно назвать *ѳеократическимъ*. Отожествленіе воли человѣческой съ волею божественной, являемое въ такихъ и подобныхъ случаяхъ, не иначе можно назвать, какъ *предвосхищеніемъ божественной власти*, или *узурпаціей* божественнаго права,—а никакъ не *ѳеократіей*.

Въ то самое время, когда такимъ образомъ латинское право, поставленное на ложный путь, предвосхитило себѣ божественную власть, на востокѣ церковное право шло дальше въ томъ же направленіи, какъ прежде. Такъ: 1) наименованіе патріарха сдѣлалось исключительнымъ титуломъ пяти старѣйшихъ архіепископовъ и безъ сношенія съ ними не могло быть присвоено никому. Посему, когда архіепископъ аквилейскій Доминикъ назвалъ себя патріархомъ, въ письмѣ своемъ къ Петру, патріарху антіохійскому, сей послѣдній, слышавъ первый разъ о существованіи патріарха въ Аквилеѣ или Венетіи (Градо), не могъ удержаться отъ удивленія и высказалъ, что этого титула не нужно самочинно присвоять себѣ и потому назвалъ его только архіепископомъ. 2) Къ патріархамъ примѣнено то правило, которое относилось къ митрополитамъ, т. е., что какъ подвѣдомые тому или другому митрополиту епископы и пресвитеры могутъ прекратить съ нимъ общеніе въ случаѣ его ереси и судить его съ участіемъ, впрочемъ, сосѣднихъ митрополитовъ, такъ и подвѣдомые патріарху митрополиты и епископы въ случаѣ его ереси могутъ прекратить съ нимъ церковное общеніе (прав. 15 двукратн. собора). Это правило имѣетъ ту важность, что оно отличаетъ установленіе патріаршества отъ преобладанія папы. Съ точки зрѣнія этого правила становится яснымъ, на какомъ основаніи русскіе епископы лишили общенія

и прогнали отъ себя митрополита Исидора, который измѣнилъ православію на Флорентинскомъ соборѣ,—паписты никакъ не могутъ понять этого доселѣ. На основаніи этого же правила церкви восточныя могутъ совершенно канонически судить и осуждать римскаго папу, какъ патріарха, упорно пребывающаго въ заблужденіи. 3) Установлено равенство правъ патріарховъ римскаго и константинопольскаго, сдѣланы невозможными аппеляціи къ римскому на судъ константинопольскаго и обратно. и положенъ предѣлъ расширенію правъ римскаго епископа.— Замѣчательное правило на этотъ предметъ составлено было въ Константинополѣ на соборѣ въ храмѣ Софіи по вторичномъ вступленіи патріарха Фотія на престолъ, въ 879 году, съ участіемъ римскихъ легатовъ папы Іоанна VIII-го. Вотъ какъ оно читается:

„Святый и вселенскій Соборъ опредѣлилъ: аще который изъ италійскихъ клириковъ или мірянъ или изъ епископовъ, обитающіе въ Асіи, или въ Европѣ, или Ливіи, подверглися или узамъ отлученія отъ таинствъ, или изверженію изъ своего чина, или анаѳемѣ отъ святѣйшаго папы Іоанна; тѣ да будутъ и отъ святѣйшаго Фотія, патріарха константинопольскаго, подвержены тому же степени церковнаго наказанія, т. е. да будутъ или извержены, или преданы анаѳемѣ, или отлучены. И которыхъ клириковъ, или мірянъ, или архіерейскаго или іерейскаго чина, Фотій святѣйшій патріархъ нашъ, въ какомъ бы то ни было предѣлѣ, подвергнетъ отлученію, или изверженію, или проклятію, тѣхъ и святѣйшій папа Іоаннъ и съ нимъ святая Божія римская церковь да признаетъ подъ тѣмъ же осужденіемъ епитиміи находящимися. При томъ, *въ преимуществахъ, принадлежащихъ святѣйшему престолу римскія церкви и ея предсѣдателю, совершенно да не будетъ никакого нововведенія, ни нынѣ, ни впредь*“ (пр. 1).

Это правило было послѣднимъ соборнымъ правиломъ древней нераздѣльной церкви. Но его нельзя считать послѣднимъ въ исторіи развитія церковныхъ опредѣленій. Всматриваясь въ исторію древняго греко-римскаго міра, хранившаго остатки древности и воспринявшаго спасительныя начала христіанской вѣры для новой исторіи, мы видимъ, что жизнь древняго міра раздвоилась по двумъ культурнымъ народностямъ, и отхлынувши изъ

Африки и Азіи въ Европу, здѣсь создала себѣ два центра *Римъ* и *Константинополь*, въ нихъ обособила два міровоззрѣнія — латинское и эллинское, — ихъ сдѣлала проповѣдниками христіанскаго вѣроученія — *Римъ* для просвѣщенія германороманскихъ народовъ, а *Константинополь* для народовъ славянскихъ. Само собою разумѣется, этотъ дуализмъ, совершенно правильно вытекалъ изъ основныхъ началъ церковнаго права, но тѣмъ не менѣе не могъ считаться послѣднимъ словомъ его развитія. Онъ вызывался потребностями времени, и впослѣдствіи, долженъ бы былъ придти къ единству. Но въ Римѣ этого не признали: это правило, равно какъ и самый соборъ были отвергнуты. И очень понятно, потому что послѣ папы Николая I го никакой Соборъ не могъ удержать римскую церковь въ предѣлахъ законности отъ того движенія впередъ, какое далъ ей этотъ папа. Когда объявлено было начало, что папа судитъ всѣхъ, а самъ ни отъ кого судимъ быть не можетъ, — тогда это правило, равно какъ и соборъ, его издавшій, оказались недѣйствительными. Правило и соборъ были отвергнуты и церковное латинское право продолжало идти своимъ путемъ.

Дальше этого правила каноническое право высшей іерархической власти не шло на востокѣ. – Правда, были двѣ попытки къ опредѣленію правъ римскаго епископа, на двухъ соборахъ Ліонскомъ и Флорентійскомъ, — но эти попытки, какъ мертворожденныя дѣти, не имѣли на востокѣ никакого значенія, никакой силы и жизненности, и были отвергнуты прежде ихъ обнародованія; — потому что исходили не изъ церковныхъ началъ, а изъ политическихъ разсчетовъ, совершились не путемъ свободныхъ соглашеній всѣхъ іерарховъ, а путемъ разныхъ интригъ и насилія, и приводили восточныхъ не къ соглашенію и братскому взаимообщенію, съ римскимъ архипастыремъ, — а къ признанію его вселенскаго господства, къ подчиненію его власти и подданству [1]).

Опредѣленіе правъ первенства еще предстоитъ вселенской

---

[1]) Объ этомъ смотри ученое изслѣдованіе профессора С.-Петербургской Дух. Академіи А. Л. Катанскаго: Исторія попытокъ къ соединенію церквей греческой и латинской въ первые 4 вѣка по ихъ раздѣленіи. Спб. 1868 г.

Церкви, но уже никакъ не въ лицѣ римскаго епископа, котораго гордыня поставила на землѣ вмѣсто Христа Спасителя и отвела народы отъ истинной вѣры во Христа!

3.

Какъ всякая ложь, идея папскаго верховенства породила отъ себя множество лжей и питалась ложью. Забота оправдать притязанія папъ на всемірное господство и подложить подъ нихъ каноническія и догматическія основы породила систему приспособленія фактовъ къ ложной идеѣ, и вслѣдствіе того, множество подлоговъ. Подлоги и ошибки вездѣ возможны, какъ всякое злоупотребленіе, но въ латинствѣ обращаетъ на себя вниманіе и заслуживаетъ полнаго осужденія то обстоятельство, что служители истины, ревнители папизма, никогда не приходятъ сами къ открытію своихъ ошибокъ и подлоговъ, но приводятся со стороны, — и только доведенные до крайности, до невозможности защищаться, сознаются въ нихъ, да и то не всегда; бываетъ, что и по обличеніи подлоговъ, упорно держатся ихъ, и при удобныхъ случаяхъ, когда публика не особенно строга и требовательна, пользуются ими для проведенія своихъ мыслей. Эта-то практика въ подлогахъ и упорство въ признаніи ихъ и составляетъ *характеристическую особенность учащей латинской церкви.*

Вставки и подлоги начались съ того времени, какъ духъ міра вторгся въ римскую церковь, т. е. съ конца IV в. Хотя этотъ духъ, какъ мы видѣли, проявлялся и раньше, но съ этого именно времени онъ начинаетъ обнаруживаться повсюду и во всѣхъ видахъ.

Подробно указывать и исчислять всѣ вставки и подлоги нѣтъ возможности, — для сего потребовался бы многотомный трудъ. Мы только укажемъ на главнѣйшіе и на такіе, которыхъ подложность неоспорима и признается самими папистами.

Въ ряду самыхъ первыхъ подлоговъ стоитъ измѣненіе 6-го правила Никейскаго Собора и смѣшеніе его съ правилами Собора Сардикійскаго. Римскіе легаты представили карѳагенскому Собору два правила сего послѣдняго за правила Никейскія. Подлогъ этотъ нуженъ былъ легатамъ для того, чтобы

отцы Собора и въ Африкѣ утвердили за римскимъ епископомъ право принимать апеляціи. Но отцы Собора усомнились въ подлинности правила и потому отправили отъ себя пословъ къ восточнымъ церквамъ справиться, какъ тамъ читаются Никейскія правила; по сдѣланной справкѣ, подлогъ былъ обличенъ и въ правѣ принимать аппеляціи Риму было отказано. Но въ Римѣ на этомъ не остановились. Съ такимъ же подлогомъ послы явились на Халкидонскій Соборъ и здѣсь были также обличены. Однакожъ и этимъ дѣло не кончилось; и по настоящее время правило это (6-е) служитъ предметомъ искаженія. Въ латинскомъ изложеніи оно начинается такъ: *Церкви римской всегда принадлежало первенство*. Древніе обычаи да поддерживаются во всей силѣ въ Египтѣ, Ливіи и Пентаполѣ... потому *что такъ повелѣлъ первосвященникъ римскій* (вмѣсто словъ: ибо и рим. епископу сіе обычно). Тоже да будетъ и относительно епископа Антіохійскаго и т. д. [1]).

Вторымъ подлогомъ была *книга папъ* (Liber Pontificalis). Янусъ въ своей книгѣ, указавъ періоды ея послѣдовательной обработки (первый по 530 г., второй — по 687 г. и, наконецъ—третій по 724 г.), считаетъ первую обработку какъ намѣренный подлогъ и признаетъ, что этотъ подлогъ составляетъ важное звѣно въ цѣпи римскихъ измышленій и вставокъ. Цѣль вставокъ была слѣдующая: во первыхъ, придать вѣру многочисленнымъ, вымышленнымъ актамъ римскихъ мучениковъ; (почему часто повторяются заявленія, что древнѣйшіе папы поставили нѣсколько нотаріусовъ для составленія подобныхъ актовъ, и затѣмъ—семь уподіаконовъ для наблюденія за этими нотаріусами); во вторыхъ, подтвердить существовавшія уже басни (о крещеніи, напр., въ Римѣ Константина вел., вымыслы относительно Либерія, Сильвестра, Сикста III и т. под.); въ третьихъ, выставить нѣкоторые литургическіе, принятые позднѣе, обряды за древніе; въ четвертыхъ, представить папъ законодателями для всей Церкви, хотя составители не представляютъ никакихъ папскихъ распоряженій, имѣющихъ важность для всей Церкви, а довольствуются общими фразами, что

---

[1]) См. Оп. церк. законовъ арх. Іоанна. Т. I, стр. 296—298. Также Ист. Церкви абб. Геттé въ русск. пер. Т. III, стр. 32—33.

такой-то и такой папа издалъ декретъ, относящійся до всей Церкви. Въ позднѣйшей, наиболѣе исторической части выступаетъ желаніе выставить папъ учителями вѣры и верховными законодателями Востока. Вымыслы, этой книги, преисполненные грубыми анахронизмами и въ цѣломъ производящіе впечатлѣніе преднамѣреннаго обмана, обнаружили обширное вліяніе на дальнѣйшіе вымыслы; они собственно положили основаніе тому представленію, что папы съ древнѣйшихъ временъ были законодателями для всей Церкви. Они, такъ сказать, вызвали позднѣйшій подлогъ лже-Исидора, принявшаго замѣчанія книги папъ о папскихъ опредѣленіяхъ въ свои вымышленныя декреталіи, и дали имъ чрезъ это видъ подлинности. Это-то сходство папской книги съ декреталіями и было главною причиною того, что вымыслъ лже-Исидора продержался столь долгое время [1]).

Третьимъ крупнымъ подлогомъ, касающимся вселенскаго положенія римскаго епископа, какъ первенствующаго, была *дарственная грамота Константина великаго,* которою будто бы онъ, перенося свое мѣстопребываніе изъ Рима въ Византію, уступилъ папѣ всю Италію и далъ ему первенство предъ всѣми прочими епископами. Папа Левъ IX, увѣряя Михаила (Керулларія), патріарха константинопольскаго, что папы сдѣлались царями еще со временъ Константина, въ такомъ видѣ представлялъ дѣло: „Чтобы не оставалось мѣста никакого сомнѣнія въ земной (т. е. свѣтской) власти римскаго первосвященника и чтобы кто не подумалъ, что римская церковь присвояетъ себѣ не принадлежащую ей честь, мы приводимъ доказательства изъ той привиллегированной грамоты, которую императоръ Константинъ собственными руками положилъ на св. гробъ небеснаго ключеносца Петра, — и да явится истина и исчезнетъ суета...“ Вотъ эта грамота: „Мы сочли полезнымъ, говоритъ будто бы Константинъ вел.—мы вмѣстѣ со всѣми нашими правителями, сенатомъ, вельможами и народомъ римскимъ, — чтобы какъ св. Петръ былъ намѣстникомъ Сына Божія на землѣ, такъ и первосвященники, наслѣдники князя Апостоловъ, удерживали власть начальственную — и даже полнѣе, чѣмъ какъ это свойственно земному императорскому достоин-

[1]) Janus, p. 139—142.

ству. Именно, мы опредѣляемъ благоговѣйно почитать, какъ наше земное императорское могущество, такъ точно и святительскую римскую церковь, и, дабы полнѣе возвысить каѳедру надъ нашимъ собственнымъ тропомъ, приписываемъ ей власть, достоинство и честь царскую. Къ этому же опредѣляемъ, чтобы каѳедра Петра имѣла главенство надъ четырьмя каѳедрами: александрійскою, антіохійскою, іерусалимскою и константинопольскою и также надъ всѣми церквами во вселенной; первосвященникъ этой римской каѳедры во всѣ времена долженъ считаться выше и славнѣе всѣхъ священниковъ всего міра и въ отношеніи къ вопросамъ богослуженія и вѣры судъ его да господствуетъ надъ всѣми". Слѣдующее за симъ описаніе даровъ императора начинается съ дворца, украшеній и двора. „Уступаемъ самимъ св. Апостоламъ, блаженнѣйшимъ Петру и Павлу, а чрезъ нихъ отцу нашему папѣ Сильвестру и всѣмъ преемникамъ его, какіе только будутъ на каѳедрѣ св. Петра до скончанія вѣковъ, — дворецъ Латеранскій, который превосходитъ всѣ дворцы въ мірѣ. Передаемъ папѣ римскому діадему, т. е. короны съ своей собственной головы, нарамники, которыми украшается выя императорская, пурпуровую хламиду, багряную тунику и всѣ другія царственныя одежды, — вручаемъ ему императорскій скиптръ и всѣ другіе знаки отличія и перевязи, словомъ — всѣ принадлежности царскаго величія". Императоръ хотѣлъ было собственноручно возложить свою корону на папскую голову, но „папа не захотѣлъ употреблять короны изъ золота, и потому императоръ положилъ на него собственными руками свой фригійскій вѣнецъ, блистающій бѣлизною и обозначающій Воскресеніе Христово... „Почтеннѣйшихъ клириковъ всякаго чина, состоящихъ въ служеніи римской церкви, мы возводимъ на такую же высоту власти и блеска, на какой находится нашъ сенатъ, и опредѣляемъ, чтобы они украшались, какъ украшаются наши патриціи и консулы. Словомъ, какъ украшена императорская свита, такъ и клиръ римской церкви. И какъ при императорскомъ достоинствѣ состоятъ различнаго рода прислужники — постельники, придверники и сторожа, то же должно быть и въ св. римской церкви. Для несравненно большей блистательности папскаго достоинства, пусть клирики ѣздятъ на лошадяхъ, украшенныхъ чапраками и бѣ-

лѣйшими тканями, и пусть носятъ точно такую же обувь, какую употребляютъ сенаторы. И такимъ образомъ небесная, какъ и земная власть, украсятся во славу Божію... А дабы власть первосвященническая не оскудѣвала, но процвѣтала болѣе самой императорской власти, мы опредѣлили передать отцу нашему Сильвестру, кромѣ дворца Латеранскаго, — *городъ Римъ, провинціи Италіи и всѣхъ западныхъ странъ*, и всѣ мѣста и города въ нихъ, въ полное распоряженіе и власть“ [1]). Этотъ грубый и ни съ чѣмъ не сообразный вымыселъ былъ сочиненъ въ VIII вѣкѣ и поднесенъ Пипину. Пипинъ повѣрилъ вымышленной грамотѣ; побѣдивши лангобардовъ, онъ подарилъ папѣ отнятые отъ нихъ города (въ числѣ 20) и равеннское экзархатство. Вотъ начало свѣтской власти папъ. Такимъ образомъ папы, вмѣсто того, чтобы ожидать отъ взаимнаго договора правительствъ опредѣленія своихъ вселенскихъ правъ, сами добыли себѣ эти права и сами, посредствомъ подлоговъ и обмановъ, создали для себя международное право. Не потому-ли это право, какъ основанное на лжи, болѣе и болѣе стѣсняется и ограничивается свѣтскими правительствами. Такова логика жизни: неправда наказывается неправдою. И напрасно, ревнители папы, сыны Лойолы, мечтаютъ о возстановленіи свѣтской власти папы, она погибла невозвратно! Законы исторіи вѣчны и неизмѣнны.

Не удивительно, что въ темные вѣка невѣжества и простодушнаго и опасливаго суевѣрія — вѣрили подобнымъ баснямъ, но удивительно то, что и по настоящее время паписты продолжаютъ стоять за этотъ вымыселъ, несообразный ни съ исторіей, ни съ хронологіей, ни съ филологическими данными. Такъ глубоко въѣлась ложь въ умы и сердца самыхъ ревностныхъ сыновъ латинской церкви!

Четвертымъ крупнымъ подлогомъ были, такъ называемыя, лже-исидоровы декреталіи, которыя произвели полнѣйшее преобразованіе въ устройствѣ и управленіи Церкви. Это былъ самый отважный подлогъ, подобнаго которому не представляетъ исторія. Эта ложь, говоритъ Янусъ, уже три столѣтія какъ обнаружена, но положенія, ею распространенныя, пустили столь

[1]) Migne, Patrol. s.c., t. CXLIII, p. 753 — 781. По образцу этого договора составленъ былъ другой подобный, именно *дарств. грамота Пипина*, которая и была представлена Карлу вел. См. о семъ Janus, p. 142—150.

глубокіе корни въ церковную почву и такъ срослись съ церковною жизнію, что обнаруженіе обмана не разъ сопровождалось продолжительнымъ потрясеніемъ господствующей системы [1]). Въ число этихъ декреталій внесено до 100 документовъ, писанныхъ варварскою латынью IX в. Въ сборникѣ встрѣчаются самыя поразительныя историческія и хронологическія несообразности. Напр., папа Викторъ, жившій во II в., переписывается о празднованіи Пасхи съ архіепископомъ александрійскимъ Ѳеофиломъ, жившимъ въ IV в. Писатели первыхъ трехъ вѣковъ приводятъ тексты по переводу Библіи, сдѣланному блаж. Іеронимомъ въ концѣ IV в., приводятъ отрывки изъ сочиненій, составленныхъ въ позднѣйшіе вѣка, разсказываютъ о порядкахъ въ Церкви и событіяхъ позднѣйшаго времени. Составленіе этого подлога, какъ полагаютъ, было совершено въ Галліи тамошнимъ духовенствомъ, съ цѣлію обезпечить права и имущество духовенства, въ особенности епископовъ, не только отъ свѣтскихъ владѣльцевъ и государей, но и мѣстныхъ архіепископовъ, митрополитовъ и областныхъ Соборовъ [2]). Достиженія этой цѣли, какъ видно, хотѣли достигнуть посредствомъ возвышенія папы; ему принадлежитъ верховная власть надъ Церковью; безъ его воли нельзя рѣшить никакого дѣла, ни созвать Собора, ни поставить, или осудить и низложить епископа; папа долженъ заботиться о сохраненіи закона и справедливости не только въ церковныхъ, но и въ государственныхъ дѣлахъ, блюсти за нравственностію государей и т. под. Словомъ сказать, всѣ претензіи, начало которыхъ уже было положено въ Римѣ, но которыя еще не смѣло заявлялись, — въ подлогѣ были расположены въ систему и обоснованы на законахъ, которые будто бы уже давно практиковались въ жизни церковной. Какъ только эти декреталіи были доставлены папѣ Николаю I (858—867), который смѣлостію своихъ претензій превзошелъ всѣхъ своихъ предшественниковъ и котораго собственно слѣдуетъ считать основателемъ папской абсолютной монархіи, Николай отвергъ сомнѣнія французскихъ епископовъ касательно ихъ подлинности

---

[1]) Janus, p. 101.

[2]) Галликанское духовенство въ лже-Исидоровскихъ декреталіяхъ думало имѣть такой же балансъ, какой впослѣдствіи нашло въ знаменитой Галликанской декларації 1682 г. См. выше стр. 108 въ примѣч.

и съ увѣренностію объявилъ, что римская церковь въ своихъ архивахъ и древнихъ документахъ давнымъ-давно владѣетъ всѣми этими вещами, и что каждое посланіе папы само по себѣ, если бы даже оно и не содержалось въ Діонисіевомъ сборникѣ, имѣетъ полную законодательную силу для Церкви. На римскомъ Соборѣ (863 г.) онъ произнесъ анаѳему на всѣхъ тѣхъ, кто сталъ бы не уважать объявленнаго папою ученія или приказанія [1]).

Противъ упрека въ подлогѣ въ этомъ случаѣ паписты защищаютъ себя увѣреніемъ, что и безъ этихъ декреталій папизмъ развился бы самъ собою,—декреталіи послужили только поводомъ къ этому развитію, а не причиною. А Гергенретеръ объясняетъ все дѣло еще проще; въ опроверженіе Януса онъ говоритъ, что распространеніе неподлиннаго сборника только потому могло совершиться такъ легко, что сборникъ соотвѣтствовалъ господствующимъ тогда воззрѣніямъ и обстоятельствамъ. Но это-то и составляетъ сущность обличенія; это-то и было худо и предосудительно, что папство нашло себѣ сродство съ ложью, что завѣдомый вымыселъ пріемлется легко и даетъ пищу для его дальнѣйшаго развитія.

Во времена Григорія VII церковное римское право получило дальнѣйшее развитіе, дѣйствительно, на основаніи лже-исидоровыхъ декреталій. Около этого папы-реформатора и по его выбору образовалась цѣлая школа правовѣдовъ, которые вели дѣло въ его духѣ. Самъ Григорій взялъ у лже-Исидора основу своей системы. По лже-Исидору, Юлій (338 г.) будто бы писалъ восточнымъ епископамъ: „по особенной привиллегіи рим. церковь имѣетъ власть отворять, или затворять врата царствія, кому хочетъ“. На этихъ словахъ Григорій основываетъ свои виды на господство надъ всей вселенной. Какъ можетъ не быть судьею тотъ, отъ воли котораго зависитъ блаженство и осужденіе людей? Образное выраженіе „вязать и рѣшить“ сдѣлалось для папъ неисчерпаемымъ источникомъ правъ и притязаній. Желалъ-ли Григорій лишить нѣмецкаго короля престола, онъ говорилъ: „мнѣ дана власть вязать и рѣшить на небѣ и на землѣ“. Хотѣлъ-ли разрѣшить подданныхъ отъ присяги,

[1]) Janus, p. 106. Mansi, Concil. XV, 695.

данной ими своему князю,—онъ говорилъ: „мнѣ принадлежитъ власть вязать и *рѣшить*“. Нужно-ли было сдѣлать распоряженіе на счетъ чужаго имущества, Григорій опять объявлялъ [1]): „мы хотимъ показать міру, что королевства, герцогства, графства, кратко—владѣнія всѣхъ людей, можемъ взять у любаго владѣльца и отдать другому; ибо *мы можемъ вязать и рѣшить*“. Григоріанцы воспользовались этими словами, какъ волшебною формулою, сочинивъ изъ словъ папа Юлія особый декретъ. Въ такомъ же духѣ и направленіи разработывалъ право Ансельмъ Лукскій (племянникъ папы Александра II; 1080—1086), который выбралъ изъ лже-исидоровскихъ декреталій все, что только могло служить къ увеличенію папской власти, и привелъ въ ясный порядокъ,—а чего не доставало для преобразованія права по воззрѣнію папы, то онъ дополнялъ новыми вымыслами и поддѣлками. Въ томъ же духѣ ему помогалъ Дейсдедитъ, возведенный Григоріемъ въ санъ кардинала. Въ одно время съ ними написалъ свое сочиненіе Боница, въ которомъ опять главною задачей были преимущества папъ. Послѣднее и главное сочиненіе григоріанцевъ было „Поликарпъ“ кардинала Григорія Павійскаго (1118), который въ своихъ подлогахъ и поддѣлкахъ почти всегда сходился съ Ансельмомъ [2]).

Каковы начала положены были въ основу переработки церковнаго права григоріанцами, объ этомъ мы можемъ судить по слѣдующимъ образчикамъ: григоріанцы утверждали, напр., что по опредѣленію будто бы отцевъ (318) никейскаго Собора, Соборы созываются по рѣшенію папы, и что въ случаѣ вакансіи папскаго престола, Церковію управляетъ римскій клиръ; потому-то, говорятъ, Кипріанъ и Африканцы и подчинились опредѣленіямъ клира еще прежде избранія папы Корнилія (Ансельмъ не принимаетъ этой теоріи, какъ благопріятствующей кардиналамъ); противорѣчіе въ источникахъ и рѣшеніяхъ устраняются простымъ правиломъ: меньшій авторитетъ долженъ уступать большему; Соборъ, напр., приговору папы [3]). Одно это правило не только отворяло широко ворота исидоровскимъ де-

---

[1]) Такъ, напр., онъ сдѣлалъ на рим. Соборѣ 1080 г.

[2]) Janus, p. 109, 110.

[3]) Janus, p. 111.

креталіямъ, но и уничтожало всякую попытку умѣрить ихъ систему древними канонами; принятіемъ этого правила совершена была въ Церкви революція въ самомъ простомъ и легкомъ видѣ.

Какъ легко совершались вставки и подлоги, для этого довольно привести и одного примѣра. Такъ, напр., Соборъ въ Толедо (646 г.) опредѣлилъ подвергать осужденію испанскихъ священниковъ, обличенныхъ въ возмущеніи противъ короля, а королей подвергать анаѳемѣ, если они будутъ нарушать это осужденіе. Чрезъ 200 лѣтъ спустя псевдо-Исидоръ изъ этого правила составилъ слѣдующее: „анаѳема должна постигнуть всѣхъ королей, которые бы нарушили правиломъ назначаемое опредѣленіе, или бы терпѣли такое нарушеніе“, и это онъ вложилъ въ уста папы Адріана. Въ сочиненіяхъ григоріанцевъ на мѣсто *соборныхъ правилъ* поставлены *декреты папъ*; и такимъ образомъ выходитъ, что нарушеніе королями папскихъ декретовъ подвергаетъ ихъ анаѳемѣ.

Слѣдующимъ крупнымъ подлогомъ былъ декретъ Граціана, вышедшій въ срединѣ XII столѣтія изъ знаменитой школы правовѣдѣнія въ Болоньи. Въ этомъ трудѣ къ подлогамъ лже-Исидора и григоріанцевъ присоединились еще подлоги самого Граціана, и идея о главенствѣ папы получила свое дальнѣйшее движеніе впередъ. Граціанъ, во первыхъ, извратилъ смыслъ 36 правила VI всел. Собора, уменьшилъ число патріарховъ съ пяти на четыре, превознесъ папу надъ ними и такимъ образомъ представилъ его власть превозмогающею и всепоглощающею. Могущество папы сдѣлалось *mare magnum*, великимъ моремъ, внутри котораго уже не могло быть какого-нибудь озера или пруда съ особыми правами. Во вторыхъ, онъ обосновываетъ и развиваетъ систему принужденія и насилія въ дѣлѣ религіи. Представивъ слова Урбана II: кто изъ ревности къ Церкви убьетъ отлученнаго отъ нея, съ тѣмъ никоимъ образомъ не должно обходиться, какъ съ убійцей, — Граціанъ заключаетъ вообще: отсюда ясно, что злыхъ (т. е. объявленныхъ таковыми церковною властію) слѣдуетъ не только бичевать, но и казнить“. Къ несчастію человѣчества, понятіе ереси такъ было разширено этимъ законовѣдомъ, что, по его правиламъ, еретикомъ можно было назвать всякаго, кто является ослушникомъ пап-

скихъ повелѣній, или осмѣливается противорѣчить папскимъ вѣроопредѣленіямъ. На основаніи Граціана, такихъ ослушниковъ можно наказывать лишеніемъ собственности и жизни. Въ третьихъ, и самое чрезвычайное, что было сдѣлано Граціаномъ, это то, что папа поставленъ выше законовъ. „Какъ І. Христосъ, говоритъ болонскій правовѣдъ, будучи на землѣ, хотя и былъ подчиненъ закону, однакожъ въ сущности былъ выше его; такъ точно и папа стоитъ выше всѣхъ церковныхъ законовъ и можетъ свободно располагать ими, поелику онъ одинъ даетъ каждому закону силу [1]).

Эта книга была принята за учебникъ церковнаго права и за сводъ церковныхъ законовъ во всемъ западномъ мірѣ. Въ римскихъ судахъ вершили дѣла по граціановскому праву, въ Болоньи по нему учились, даже самъ императоръ Фридрихъ І велѣлъ сыну своему Генриху VI изучать декреты и римское право [2]) Все декретальное законодательство съ 1159 до 1320 г. было построено на фундаментѣ Граціана и предполагаетъ его. То же должно сказать и о вліяніи Граціана на схоластическую науку вообще и въ частности на догматику Ѳомы Аквината [3]).

До Ѳомы Аквината ученіе о главенствѣ папы еще не было введено въ систему Богословія,—онъ первый оказалъ эту услугу римской церкви.

Поводомъ къ этому послужилъ опять тоже подлогъ и притомъ очень грубый и невѣроятный. Это былъ сборникъ вымышленныхъ или искаженныхъ свидѣтельствъ восточныхъ Соборовъ и отцевъ: Златоуста, Кирилла іерусалимскаго, Кирилла александрійскаго и какого-то еще Максима, въ пользу папскаго главенства.

Этотъ новый подлогъ (въ 1261 г.) представленъ былъ папѣ Урбану IV, который, не подозрѣвая никакого обмана, передалъ его Ѳомѣ Аквинату, какъ важную ученую находку. Латинскій богословъ, незнакомый съ греческимъ языкомъ и воспитавшійся на системахъ лже-Исидора, григоріанцевъ и Граціана, увидѣлъ

---

[1]) Janus, p. 154—161.

[2]) Vgl. Böhmer, Diss. de decret. Grat. vor seinem Corpus jur. can., p. XVII.

[3]) Janus, 161—2.

себя обладателемъ сокровищъ древности; здѣсь онъ нашелъ такія свидѣтельства, которыя не оставляли мѣста ни малѣйшему сомнѣнію въ томъ, что вселенскіе Соборы и знаменитые отцы и вселенскіе учители IV и V вв. признавали папу главою, верховнымъ и непогрѣшимымъ пастыремъ, управляющимъ вселенскою Церковью съ неограниченною властію. На основаніи лже-Кирилла, Ѳома сталъ учить, что І. Христосъ ап. Петру и его преемникамъ передалъ всю полноту своей власти и потому въ обязанности послушанія нельзя дѣлать никакого различія между Христомъ и папою; примасы вселенной (главы міра) точно также повинуются папѣ, какъ еслибы онъ былъ Христосъ [1]. Такимъ образомъ Ѳома ввелъ въ догматику начало папской непогрѣшимости (частію буквально словами лже-Кирилла), т. е. сдѣлалъ въ наукѣ такой шагъ, котораго важность едва-ли еще была вполнѣ оцѣнена.

Такъ окончательно совершилось въ теоріи папизма смѣшеніе каноническихъ опредѣленій съ догматическими. Не только церковное законовѣдѣніе, но и богословская наука признала божественное установленіе папскаго верховенства; преувеличеніе каноническаго права сдѣлалось догматическою доктриной!

При папскомъ дворѣ тотчасъ же увидѣли всю важность заслуги, оказанной доминиканскимъ богословомъ римской церкви. Въ восторгѣ отъ такого пріобрѣтенія, папа Іоаннъ XXII высказалъ слѣдующія замѣчательныя слова: „Ѳома, написавши свою статью (Artikel), совершилъ столь великое чудо, что его можно бы было поставить въ числѣ святыхъ безъ совершенія чудесъ“ (Mirakel). Затѣмъ въ своей буллѣ онъ увѣряетъ, что „Ѳома написалъ свое сочиненіе не безъ особеннаго наитія Св. Духа“. А Иннокентій VI даже объявилъ, что „кто оспариваетъ ученіе Ѳомы, тотъ становится чрезъ то подозрительнымъ“. Нынѣшній папа Левъ XIII возвелъ Ѳому Аквината въ достоинство учителя (доктора) Церкви, а его богословіе (summa theolog.) объявилъ считать образцовымъ. Такъ высоко цѣнятъ папы заслугу Ѳомы папскому престолу!

І. Когда, такимъ образомъ, каноническое преимущество папы превращено въ божественное, когда епископъ римскій, равный

[1]) Opusc. XXXIV ed. Paris. XX. 549 и 560.

по благодати священства прочимъ епископамъ, сталъ верховнымъ первосвященникомъ, епископомъ епископовъ, отцемъ отцевъ по божественному праву, — тогда неизбѣжно совершилось ниспроверженіе древняго церковнаго права, извращеніе древнихъ порядковъ и переустройство всей Церкви. Такъ:

а) Превознесеніемъ папы по божественному праву поглощены всѣ права и преимущества епископовъ. *Церковная* степень папы сдѣлалась *новою благодатною* степенью священства; вслѣдствіе чего всѣ епископы и по благодати священства заняли въ отношеніи къ нему такое же положеніе, какое пресвитеры занимаютъ въ отношеніи къ своему епископу. Какъ епископъ единолично рукополагаетъ пресвитера, такъ папа единолично рукополагаетъ епископа; какъ отъ имени епископа и его лица служитъ пресвитеръ, такъ и епископъ управляетъ епархіей по полномочію папы и отъ его имени, представляя собою его лицо для своей паствы; епископы изъ самостоятельныхъ и независимыхъ въ управленіи обратились въ викаріевъ папы. Иннокентій III училъ: „одинъ только папа имѣетъ въ Церкви полную власть, прочіе же епископы призваны только на помощь для той части дѣлъ, которую онъ имъ поручаетъ; одинъ только папа можетъ отрѣшать и перемѣщать епископовъ, вмѣшиваться въ ихъ епархіи, отправлять ихъ власть и привлекать ихъ къ суду [1]). Вскорѣ послѣ Иннокентія нашлись епископы, которые стали подписываться: *„папскаго престола милостію епископъ такой-то“*.

б) Съ поглощеніемъ правъ и свободы епископовъ всякое значеніе потеряли Соборы, какъ помѣстные, такъ и вселенскіе. Какъ викаріи и представители папы, епископы могутъ разсуждать только о томъ, что предложитъ имъ ихъ глава, и въ томъ направленіи и духѣ, какъ это будетъ угодно ему. Внутри *великаго моря* правъ и преимуществъ папы не можетъ быть никакого другаго вмѣстилища (пруда или озера) какихъ-либо правъ и преимуществъ. Съ ученіемъ о богоустановленной и непогрѣшимой власти папы Соборы въ древнемъ смыслѣ согласоваться никакъ не могутъ. „Соборъ, учитъ Ѳома Аквинатъ, имѣетъ свой авторитетъ только отъ папы, которому принадлежитъ право по-

---

[1]) Innoc. III. Ep. I, 350. Decret. Greg. 3, 8. Изъ Janus'а, стр. 185.

становленія новаго исповѣданія вѣры; кто не подчиняется авторитету папы, тотъ еретикъ: ибо онъ одинъ только имѣетъ право давать опредѣленія о всякомъ вопросѣ вѣры [1]). Папа и Соборъ стали понятіями взаимно себя исключающими; и папы всегда имѣли отвращеніе къ нимъ. Боссюэтъ неразъ задавалъ вопросъ: къ чему служатъ всѣ эти Соборы, созываемые съ такимъ трудомъ и издержками, если непогрѣшимые папы однимъ своимъ приговоромъ могутъ рѣшить всякій споръ касательно ученія. На этотъ вопросъ, какъ замѣчаетъ авторъ книги Асташкова, отвѣтствуетъ одинъ изъ ученѣйшихъ богослововъ прошлаго столѣтія, іезуитъ Орси: „не спрашивайте объ этомъ у папъ, которые никогда не воображали, что нужно прибѣгать къ помощи вселенскихъ Соборовъ, чтобы подавить ересь Арія и другихъ, *спросите объ этомъ* у императоровъ, которые хотѣли этихъ Соборовъ и созывали ихъ, требовали на то согласія папъ и безполезно возбуждали весь этотъ шумъ въ Церкви“ [2]). Послѣ Тридентскаго Собора, который былъ созванъ папами съ крайней неохотой и веденъ былъ съ большими проволочками, опытною рукою членовъ нововозникшаго тогда ордена іезуитовъ,— въ Римѣ питали такое отвращеніе къ Соборамъ, что было запрещено даже самое это слово—Соборъ. Когда для рѣшенія спора о благодати *молинисты* (1602) требовали созванія Собора, то доминиканецъ Пена писалъ: „въ Римѣ, по крайней мѣрѣ въ дѣлахъ догматическихъ, слово Соборъ изгнано, какъ святотатственное“ [3]). Въ странахъ, гдѣ дѣйствовала инквизиція,

---

[1]) Ѳома Акв. учитъ (Summa 2, 2. Q. I, art. X): ad solam auctoritatem summi pontificis pertinet nova editio symboli; sicut et omnia alia, quae pertinent ad totam Ecclesiam, ut congregare synodum generalem, et alio hujusmodi. Summi pontificis auctoritate synodus congregatur et ejus sententia confirmatur... auctoritate summi pontificis est recepta, ut quasi regulo fidei habeatur. Снести съ ученіемъ о вѣрѣ. Q. II, art. 2, 3.

[2]) Janus, p. 446. Это же свидѣтельство приводитъ и авторъ книги «О Св. Духѣ и верховенствѣ римскаго первосвященника», изд. Сергѣя Асташкова, стр 83.

[3]) Соборы для папъ были такими страшилищами, что, договариваясь съ владѣтельными князьями Германіи (напр., съ Дитеромъ Изенбургскимъ), папы ставили главнымъ условіемъ — никогда не возбуждать вопроса о Соборахъ. Сверхъ того, каждая аппеляція ко всел. Собору немедленно наказывалась отлученіемъ отъ церкви, въ особенности такъ дѣйствовалъ папа Пій II. Janus, 357.

даже желаніе Собора считалось преступленіемъ и подвергало виновнаго опасности. Участникъ Тридентскаго Собора, кардиналъ Паллавичини, говоритъ: опять созывать Соборъ—значило бы искушать Бога; такое собраніе было бы въ высшей степени опасно и грозило бы погибелью Церкви [1]). Папы, по его увѣренію, всегда имѣли отвращеніе къ помѣстнымъ Соборамъ.— Что же касается до Соборовъ такого рода, какъ Соборъ ватиканскій 1870 года, въ которомъ почти половина епископовъ состояла изъ нахлѣбниковъ папы, то такіе Соборы ни въ какомъ случаѣ не могутъ считаться Соборами въ настоящемъ смыслѣ этого слова; такіе Соборы—не больше, какъ блестящая и пышная обстановка для объявленія папскихъ опредѣленій [2]).

ь) Съ устраненіемъ соборнаго начала церковное управленіе приняло видъ *монархическаго абсолютизма*. Во главѣ управленія стало одно лицо, къ которому стянуты всѣ нити управленія; митрополитанское управленіе уничтожено и всѣ епископы поставлены въ непосредственную зависимость отъ папы, а ордена и ихъ монастыри и учрежденія изъяты изъ вѣдѣнія мѣстныхъ епископовъ, и управляются изъ Рима, гдѣ пребываютъ ихъ генералы. Помѣстныя народныя церкви поглощены Римомъ и не существуютъ; латинскій языкъ, латинскіе обряды, латинское пониманіе, латинское міровоззрѣніе—словомъ все римское получило общеобязательный *вселенскій* характеръ.—Вслѣдствіе такого переустройства церкви—она обратилась въ царство міра сего. Заботы верховнаго правительства направлены неизбѣжно къ дальнѣйшему поглощенію всего, что еще стоитъ возлѣ этой монархіи непоглощеннымъ и непокореннымъ,—къ пріобрѣтенію новыхъ *подданныхъ* (буквальное выраженіе папистовъ) и къ добыванію средствъ на храненіе всей громадной, правительственной машины. Христіанскія на-

---

[1]) Janus, p. 442—3.

[2]) Ibid.

[3]) Подобное значеніе имѣлъ Соборъ Латеранскій IV при Иннокентіѣ III. Папа, созвавъ означенный Соборъ, приказалъ епископамъ прочитать свои декреты, что они, выслушавъ молча, имѣли смѣлость одобрить. Janus, 210. Послѣднему, ватиканскому, Собору приданъ былъ видъ настоящаго Собора; позволено было говорить, но въ сущности, заранѣе все было предрѣшено, разсчитано и одобрено.

чала, положенныя въ основу Церкви, обращены въ служебное орудіе; ими достигается господство надъ наслѣдіемъ Божіимъ; при помощи ихъ извлекаются матеріальныя средства для поддержанія этого дорого стоющаго господства.

г) Но какъ всегда бываетъ съ абсолютизмомъ,—абсолютизмъ римскаго папы превратился въ *рабство куріи*. Какъ мы уже сказали, не папа чрезъ курію, а курія чрезъ папу правитъ латинскою церковью; папа, избираемый ею и исходящій изъ ея среды, въ собственномъ смыслѣ есть представитель и защитникъ интересовъ куріи. Значеніе куріи въ Римѣ напоминаетъ собою силу римскихъ преторіанцевъ, дававшихъ имперіи изъ своей среды императоровъ.—Постоянная зависимость папы отъ куріи дѣлаетъ его положеніе тяжелымъ. „Положеніе папы, говоритъ папа Адріанъ IV (1054—59), самое несчастное на землѣ, тронъ его окруженъ жалами; счастіе его ж зни— одни огорченія; на его плечахъ лежитъ гнетущее бремя“ [1]). Сознаніе рабства предъ куріей, съ сознаніемъ того проклятія, которое лежитъ на такой правительственной машинѣ, какова *курія*, исторгло изъ устъ такого папы, какъ Николай V (1447—55), жалобу, что онъ самый несчастный человѣкъ въ мірѣ, что ни одинъ изъ приходящихъ къ нему не говоритъ *истины*, а его итальянцы – ненасытимы... Маркеллъ II (1555—21 день), охваченный подобнымъ же чувствомъ скорби, однажды воскликнулъ, что онъ не видитъ, какимъ образомъ папа можетъ сдѣлаться блаженнымъ [2]).

II. Вслѣдствіе того же извращенія древнихъ порядковъ Церкви образовалось великое различіе между правами патріарховъ и правами папъ, котораго прежде не существовало и которое потому свидѣтельствуетъ о ненормальномъ развитіи правъ сихъ послѣднихъ. Пункты этого различія суть слѣдующіе:

1. Патріаршество считаетъ себя образовавшимся исторически, изъ началъ, положенныхъ Апостолами, какъ раскрыто выше. Первенство епископовъ главнѣйшихъ городовъ римской имперіи сначала возникло изъ обычаевъ мѣстныхъ (см. 6 пр. I всел. собора), затѣмъ развито и утверждено на Соборахъ, и хотя установленіе его называется *божественнымъ* въ томъ

[1]) Vespasiani vita Nicolai V bei Muratori. Scr. rer. Ital. XXV 286.

[2]) Pollidori de vita Marc. II. 132 Rom. 1744. Janus. p. 201, 202.

смыслѣ, что отцы Соборовъ дѣйствовали по изволенію отъ Духа Святаго, а Духъ Святый есть начало порядка и міра въ Церкви,—тѣмъ не менѣе, оно, какъ зависимое отъ Соборовъ и потребностей времени, можетъ подлежать измѣненіямъ, напр , можетъ замѣняться синодальнымъ управленіемъ, какъ это и было въ церкви русской. Папство, хотя несомнѣнно образовалось исторически и по опредѣленію Соборовъ, тѣмъ не менѣе ведетъ свое установленіе непосредственно отъ самого Іисуса Христа, почему считаетъ себя выше Соборовъ.

2. Патріаршество нисколько не измѣняетъ собою догматическаго опредѣленія о трехъ степеняхъ священства; патріархъ, по своему достоинству мыслится какъ верховная административная власть въ своей области, и въ этомъ смыслѣ получаетъ посвященіе отъ Собора, тогда какъ папа, смѣшавъ опредѣленія каноническія съ догматическими, представляетъ собою наивысшую степень священства, новое таинство, неизвѣстно какъ и кѣмъ совершаемое.

3. Патріархи, рукополагая епископовъ, никогда не совершаютъ этого таинства единолично, но соборне, согласно съ первымъ апостольскимъ правиломъ; чѣмъ выражается, что патріархъ представляетъ въ своемъ лицѣ власть только каноническую; папа же посвящаетъ епископовъ единолично, вопреки апостольскому правилу,—знакъ, что онъ самовольно присвоилъ себѣ высшія права въ Церкви, что онъ разумѣетъ себя, какъ единственный и источный органъ благодати для всей Церкви. Это отличіе одно изъ важныхъ и существенныхъ.

4. Восточная церковь при всемъ высокомъ уваженіи къ званію патріарха никогда не усвояла и не усвояетъ ему непогрѣшимости въ жизни и въ ученіи, и сами архипастыри не претендуютъ на это; тогда какъ западная церковь признаетъ за папой и только за папой, въ силу его высокаго и чрезвычайнаго служенія, личный даръ непогрѣшимости (и даже святости хотя и не всегда).

5. Патріархи избираются епископами своей области (иногда съ участіемъ мірянъ большимъ или меньшимъ, смотря по уставу); но имѣющіе права избирать, имѣютъ право и отвергать и низлагать избраннаго. Такъ православные епископы и міряне константинопольской церкви прекратили общеніе съ Несторіемъ,

своимъ архипастыремъ, какъ скоро онъ сталъ проповѣдывать свое лжеученіе. Такъ, епископы русской церкви низложили своего патріарха Никона за его своевольное удаленіе съ каѳедры. — Такія отношенія въ латинской церкви ея епископовъ къ ихъ главѣ-папѣ немыслимы; они находятся въ отношеніи къ нему въ безусловномъ повиновеніи, а совѣсть ихъ связана данною ими клятвою въ вѣрности папскому престолу. Припомнимъ положеніе Николая I-го: папа судитъ всѣхъ, а самъ никѣмъ судимъ быть не можетъ.

6. Наконецъ, патріаршее управленіе не только не исключаетъ соборнаго начала, но, находясь отъ него въ зависимости и опираясь на него, стоитъ съ нимъ въ связи, и потому Соборы вселенскіе всегда были и навсегда останутся высшимъ выраженіемъ единомыслія, братскаго общенія и единенія церквей и верховною властію вселенской Церкви. Напротивъ, въ латинской церкви системой папизма соборное начало совершенно подорвано, ниспровергнуто и попрано. Помѣстные соборы уже давно прекратили свое существованіе, а такъ называемые на западѣ вселенскіе Соборы потеряли свой древній характеръ и въ настоящее время — какъ мы сказали, — служатъ только декораціей для болѣе торжественнаго объявленія непогрѣшительныхъ опредѣленій, изрекаемыхъ папою.

Послѣ этого понятно, въ какомъ смыслѣ восточные, если бы назвали константинопольскаго патріарха главою церкви, употребили бы это наименованіе; — ужъ конечно не въ смыслѣ латинскомъ, не въ смыслѣ единовластителя Церкви, въ которомъ, какъ въ папѣ, содержатся всѣ благодатныя полномочія, но въ смыслѣ первенствующаго въ восточной іерархіи архипастыря, досточтимѣйшаго хранителя древняго преданія и главнѣйшаго представителя тяжкихъ историческихъ судебъ своего народа. Слѣдовательно, всѣ такія и подобныя наименованія имѣютъ только нравственное значеніе, а никакъ не юридическое.

III. Ложная идея, развитая въ систему посредствомъ подлоговъ, естественно должна была отразиться и дѣйствительно отразилась на латинскомъ мышленіи и на латинской богословской наукѣ. — Такъ:

аа) Отношеніе богословствующей мысли къ источникамъ христіанскаго ученія, Свящ. Писанію и Свящ. Преданію, перестали быть нормальными, правильными. Въ пониманіе Свящ. Писанія, а особенно святоотеческихъ писаній, вмѣсто православнаго вселенскаго начала внесено начало мѣстное, вмѣсто вселенскаго единомыслія — личное воззрѣніе, или, говоря языкомъ книжнымъ, вмѣсто объективной истины, — субъективная мнимая истина. [1]). У латинскихъ богослововъ развилась такая чрезвычайная настроенность мысли и чувства, что они во всемъ видятъ свою идею, даже и тамъ, гдѣ ее нѣтъ. Читая тексты церковныхъ писателей, они между строками читаютъ свои собственныя мысли, — и поправляютъ авторовъ, заставляя ихъ говорить въ своемъ смыслѣ. — Отъ такого настроенія мысли и чувства произошли и происходятъ, какъ неизбѣжныя послѣдствія, разныя натяжки въ толкованіи Отцевъ Церкви, преувеличенія, приспособленія, вставки, дополненія, подразумѣванія и разныя другія ухищренія въ пользу ложной идеи. Такъ, напр., свидѣтельство своей мысли паписты видятъ у Игнатія Богоносца, Оригена, Тертулліана, Кипріана и под., — которые совсѣмъ не знали римскаго главенства. Какъ дѣлались подлоги, приведемъ на это одинъ примѣръ. Сочиненія св. Кипріана не пользовались благосклонностію въ Римѣ. Папа Геласій включилъ ихъ въ число сочиненій апокрифическихъ, — между тѣмъ въ Римѣ Кипріанъ былъ единственнымъ изъ иностранцевъ, которому праздновали ежегодно. Чтобы выдти изъ этого противорѣчія — сдѣлали вставку; вмѣсто словъ: „всѣ Апостолы получили отъ Іисуса Христа такую же власть и такой же авторитетъ, какъ и Петръ“ — внесены были слѣдующія слова: „апостолу Петру дано было первенство, чтобы показать единство Церкви и каѳедры. Тотъ, кто оставляетъ каѳедру Петра, на которомъ основана Церковь, — какъ можетъ считать себя принадлежащимъ къ *Церкви?* [2]).

---

[1]) Овербекъ въ своей брошюрѣ о Боннской конференціи совершенно справедливо упрекаетъ папистовъ въ субъективизмѣ и по отношенію къ подбору святоотеческихъ свидѣтельствъ.

[2]) Янусъ, приводя этотъ подлогъ, указываетъ на примѣчанія Ригольта, Балюзе и Кробингера къ ихъ изданіямъ Кипріана. — Ianus, p. 197. Въ слѣдующемъ примѣчаніи тотъ же авторъ пишетъ: Позднѣе, когда Мануцій (1563

Такимъ образомъ и Кипріанъ сдѣлался свидѣтелемъ римскаго главенства.

бб) Измѣнились нормальные, строго-логическіе пріемы мышленія. Вмѣсто того, чтобы заботиться о раздѣльности представленій и точности понятій о предметахъ разсужденія, латиняне напротивъ, стараются, спутать, смѣшать, обезразличить понятія разнородныя и одно отъ другого далекія, изъясняя ихъ въ смыслѣ благопріятномъ идеѣ о главенствѣ папы. Такъ, обезразличены и приведены къ совершенному тожеству понятія: *первенство*, *старѣйшинство* и *главенство*,—такія понятія, изъ которыхъ каждое имѣетъ свое спеціальное содержаніе [1]). Также

издалъ въ Римѣ сочиненія Кипріана, вставленныя мѣста по приказанію римскихъ цензоровъ были удержаны, хотя въ рукописяхъ ихъ не было, какъ издатель Latino Latini жалуется въ своихъ письмахъ. (Viterbii, 1667, II, 109). Тоже самое случилось съ парижскимъ изданіемъ Балюзе по приказанію министра, кардинала Флери. Подробности объ этомъ даетъ Chiniac въ своей Histoire des Capitulaires, Paris 1772, p. 226. Министръ нарядилъ собственную комиссію изъ богослововъ для рѣшенія вопроса: должны ли быть помѣщены вставки, устраненныя Балюзе. Но Флери былъ кардиналъ и во избѣжаніе ссоры государства съ деспотическимъ Римомъ, нужно было возстановить вставку; потому что, если бы онѣ были выпущены въ силу министерскаго рѣшенія, то это имѣло бы видъ посягательства на римское первенство. Вставки были возстановлены посредствомъ картона.—Въ нашемъ критическомъ изданіи Кипріана эти вставки естественно выбрасываются (ausgemerzt). Ianus, p. 137—8.

[1]) Превращеніе этихъ понятій прекрасно изобличилъ покойный митроп. Филаретъ въ своемъ «Разговорѣ испытующаго съ увѣреннымъ». Рѣчь идетъ по поводу словъ одного французскаго автора, который писалъ: «То достовѣрно, что греки тогда (т. е. до Фотія), когда были въ соединеніи съ Римомъ, признавали папу *главою церкви*. Сіе доказывается седьмью первыми вселенскими соборами, которые держаны были на востокѣ, и на которыхъ первенство папы законно было признано». По поводу сихъ словъ увѣренный говоритъ:

— Въ сихъ словахъ я нахожу слѣдующее умозаключеніе:

Признано было первенство папы.

Слѣд. папу признавали главою церкви.

Испытующій.—Что-жъ ты думаешь о семъ умозаключеніи?

Увѣренный.—Мнѣ кажется, что тѣмъ же умозаключеніемъ можно доказать противное тому, что хочетъ доказать французскій наставникъ.

Исп —Какъ же это?

Ув.—Вотъ какъ: *Признано было первенство папы.*

Слѣдственно папу не признавали главою церкви.

Исп.—Но какъ ты докажешь, что заключеніе сіе правильно?

Ув.—Оно правильно также, какъ и слѣдующее заключеніе: *Признано въ восточной церкви первенство патріарха константинопольскаго.*

спутаны и обезразличены догматическія опредѣленія съ каноническими, а вслѣдствіе этого спутаны догматическія степени священства съ церковными.—Пока паписты будутъ признавать, что главенство папы есть божественное установленіе, они никогда не рѣшатся сказать, что папа по благодати священства равенъ прочимъ епископамъ, и если имѣетъ какія преимущества, то не больше, какъ церковныя, каноническія. Далѣе,

---

Слѣдственно патріарха константинопольскаго не признаютъ главою восточной церкви.

Исп.—Я опять не вижу, почему ты такъ превратно заключаешь?

Ув —Вникни самъ, что ты разумѣешь подъ словамъ *первенство*.

Исп.—Кажется, сіе слово не требуетъ изъясненія.

Ув.—Напримѣръ: между братьями есть-ли первенство?

Исп.—Должно быть.

Ув.—А между отцемъ и сыномъ?

Исп.—Здѣсь должно быть нѣчто болѣе, нежели первенство.

Ув.—А между начальствомъ и подчиненнымъ?

Исп.—И здѣсь можетъ быть нѣкоторое иное отношеніе, нежели первенство.

Ув.—Какъ же называется отношеніе начальника къ подчиненному?

Исп.—Начальство или власть.

Ув.—Не видишь ли теперь, что *первенство присвояется одному изъ тѣхъ, которые другъ надъ другомъ не имѣютъ власти*. А изъ сего выходитъ предположенное мною заключеніе:

Признано было первенство папы.

Слѣдственно не признавали власти папы надъ всею церковію; или, что тоже, *не признавали папы главою церкви*.

Исп.—Но нынѣшняя римская церковь, именуя папу главою церкви, точно ли присвояетъ ему не одно первенство надъ прочими епископами, но и власть надъ всею церковію?

Ув.—Ты могъ видѣть сіе изъ приведенныхъ мною догматовъ папско-тридентинскаго символа. Въ немъ папа именуется *намѣстникомъ Іисуса Христа* и предписывается *клятва въ послушаніи папѣ*. Это уже не простое первенство, какое восточные патріархи отдаютъ патріарху константинопольскому, но преимущество власти, да и власти *самодержавной*.

Исп.—Такъ, можетъ быть, и французскій сочинитель подъ именемъ *первенства* разумѣлъ *преимущество власти надъ всею церковію?*

Ув.—Но для чего же онъ не сказалъ яснѣе: *признана была власть папы* надъ всею церковію, а сказалъ только: признано было первенство папы? Не значитъ ли сіе, что послѣднее только положеніе надѣялся онъ доказать, а не первое.

Исп.—Сіе должно быть усмотрѣно изъ продолженія доказательствъ.

Ув.—Онъ и въ продолженіи своего доказательства говоритъ о *первенствѣ* только, но изъ того выводитъ опять заключеніе *о власти папы*, яко главы церкви. (Изд. 2-е, стр. 74—78).

вмѣсто того, чтобы въ наукѣ отыскивать устойчивыя основы жизни,—тѣ законы, по которымъ она совершается, латинскіе богословы хватаются за случайные признаки, за частныя черты, за исключительныя явленія жизни, и имъ придаютъ характеръ твердости и неизмѣнности, ихъ обращаютъ въ законы, а настоящіе законы устраняютъ. Такъ, напр., мы, православные, въ основу сужденій объ іерархіи и древне-церковномъ устройствѣ полагаемъ *правила*—сперва *апостольскія*, а за ними *соборныя*, и по нимъ судимъ о всѣхъ тѣхъ памятникахъ, въ которыхъ сохранились слѣды личныхъ между собою отношеній іерарховъ и въ частности іерарховъ восточныхъ къ римскому епископу. Равнымъ образомъ по нимъ же судимъ и о тѣхъ церковныхъ пѣснопѣніяхъ, въ которыхъ восточная церковь прославляетъ первоверховнаго апостола Петра и признаваемыхъ святыми римскихъ епископовъ. Латинскіе же богословы, напротивъ, не правилами объясняютъ личныя отношенія архипастырей, а по личнымъ отношеніямъ толкуютъ правила. Представимъ примѣры. Мужъ апостольскій, Климентъ, епископъ Римскій (91—100) пишетъ посланіе къ коринянамъ, къ умиротворенію возникшихъ тамъ распрей; латины видятъ въ этомъ случаѣ главенство римскаго епископа,—ибо, говорятъ они, въ попеченіи Климента о коринѳской церкви выразилось сознаніе имъ возложенной на него обязанности—имѣть попеченіе о всѣхъ вообще церквахъ, или въ совокупности о всей всѣленской Церкви. Не входя ни въ какія другія разсужденія по этому поводу, мы на основаніи апостольскихъ правилъ утверждаемъ, что такое объясненіе придумано, что первыя вѣка не знали никакого главенства и даже первенства общаго для всей Церкви,—и что потому на посланіе Климента нужно смотрѣть не больше, какъ на свидѣтельство братскаго соучастія его къ сосѣдней церкви, которая находилась съ Римомъ въ постоянной связи и сношеніяхъ. Климентъ сдѣлалъ то, что сдѣлалъ бы всякій другой истинный пастырь.—Еще примѣръ. Викторъ I (192—202) и Стефанъ (253—57) грозятъ малоазійскимъ церквамъ отлученіемъ отъ общенія за несогласіе съ Римомъ—первый по вопросу о празднованіи Пасхи, а второй—по вопросу о крещеніи еретиковъ.—Исходя изъ той же точки зрѣнія, что по апостольскимъ правиламъ, дѣла, превышающія власть

отдѣльнаго епископа, рѣшаются соборомъ,—мы утверждаемъ, что Викторъ и Стефанъ превысили свои права, въ чемъ и осуждены были своими собратіями,—епископами. Латины же, напротивъ, отстраняя въ этомъ случаѣ апостольскія правила, видятъ въ поступкахъ упомянутыхъ папъ первыя проявленія папскаго главенства. Въ Римѣ спасается Аѳанасій великій отъ аріанскихъ гоненій,—о нравственной поддержкѣ проситъ Дамаса св. Василій великій, о защитѣ противъ беззаконныхъ дѣйствій Ѳеофила проситъ папу Иннокентія св. Іоаннъ Златоустый,—всѣ эти и подобные случаи мы разсматриваемъ съ точки зрѣнія церковнаго права и не находимъ въ нихъ ни малѣйшаго указанія на главенство папы,—а латины, напротивъ, видятъ въ нихъ свидѣтельство папскаго главенства и по нимъ поправляютъ самыя правила (разумѣемъ 6 е I всел. соб.). Еще одинъ примѣръ. На IV всел. соборѣ посланіе папы Льва принято было съ высокимъ уваженіемъ, какъ слова самого ап. Петра.—Съ своей точки зрѣнія мы здѣсь не видимъ ничего болѣе, какъ доказательство того, что въ исповѣданіи Льва Отцы Собора нашли вѣрное и точное выраженіе вселенскаго ученія, подобно тому, какъ такое же выраженіе истины православные находили въ твореніяхъ Аѳанасія великаго, Василія великаго и Григорія Богослова. Латинскіе же богословы смотрятъ на посланіе св. Льва, какъ на непогрѣшительный актъ вселенскаго законодательства, исходящаго отъ вселенской главы Церкви, забывая при этомъ, что исповѣданіе Льва принято было послѣ того, какъ было просмотрѣно, по порученію Собора особой коммиссіей и ею одобрено.—Въ такомъ родѣ латинскими богословами разработана вся древняя исторія Церкви до IX вѣка.

Вслѣдствіе такого внѣшняго отношенія мысли къ факту, въ латинской наукѣ нѣтъ и не можетъ быть мышленія по существу предмета. Для примѣра возьмемъ слѣдующія умозаключенія: чтобы доказать, что вѣдѣнію папы Христосъ подчинилъ весь земной порядокъ вещей, папа Иннокентій дѣлаетъ слѣдующаго рода умозаключеніе: Христосъ повелѣлъ Петру идти по морю, которое въ таинственномъ смыслѣ означаетъ народную массу; отсюда ясно вытекаетъ, что преемникъ Петра уподно-

моченъ управлять народами [1]). Подобнымъ образомъ разсуждаетъ и Ѳома Аквинатъ по вопросу о преслѣдованіи и сожженіи еретиковъ.—Еретики въ священномъ писаніи называются ворами и волками; а воровъ обыкновенно вѣшаютъ, волковъ же убиваютъ; слѣдовательно еретиковъ надо истреблять какъ воровъ, или волковъ. Еретиковъ называютъ сынами лжи или сатаны,—а сатана пребываетъ въ огнѣ,—слѣдовательно, позволительно и для его сыновъ приготовлять здѣсь на землѣ участь подобную участи ихъ отца, т. е. сожженіе на кострахъ. (Summa II, 9, 11, art 3 и 4).

Отсюда же происходитъ наклонность латинскихъ богословъ къ умозаключенію ad absurdum, т. е. опровергать положеніе нелѣпостію сдѣланнаго изъ него вывода. Такъ въ книгѣ С. Асташкова авторъ умозаключаетъ: восточная церковь состоитъ изъ нѣсколькихъ независимыхъ народныхъ церквей; слѣдовательно восточные христіане вѣруютъ не въ едину святую, соборную, апостольскую церковь, а во многія отдѣльныя церкви,—что нелѣпо? Умозаключеніями такого рода изобилуетъ книга автора „о возможномъ соединеніи церквей восточной и западной“, сочиненіе о. Гагарина (Будетъ ли Россія католической?), о. Юліана Астромова и даже болѣе ихъ ученаго о. Гергенретера (Anti-janus).

вв) Въ связи съ сказанными измѣненіями въ мышленіи находится и та особенность, что въ доказательствахъ латинянъ нѣтъ ученаго спокойствія, объективности, напротивъ, замѣтно преобладаніе чувства и воображенія. Поэтому, тамъ, гдѣ чувствуется слабость доказательствъ, тамъ латинскіе богословы стараются подѣйствовать на читателей картинностію изображенія, докторальностію рѣчи, не допускающею и тѣни сомнѣнія, или восторженнымъ тономъ, свидѣтельствующимъ высоту доказываемой ими истины, или же тономъ ироническимъ и саркастическимъ, когда приходится имъ имѣть дѣло съ сильнымъ противникомъ. — Словомъ, прибѣгаютъ ко всѣмъ искуственнымъ пріемамъ, чтобы только доказать свое личное мнѣніе [2]).

[1]) Innoc. III L. II 209 ad. Patr Constantinop. ap. Migne 5 l. T. CCXIV p. L. II. 209 col. 758 et. sequ

[2]) Какъ на образецъ искуственности тона въ доказательствахъ я могу указать на сочиненіе Яна Бразды «Объясненіе Силлабуса Пія IX» на чеш-

Подъ вліяніемъ чувства и воображенія дозволяются всякаго рода увлеченія; видѣть въ жизни и въ книгѣ то, чего тамъ нѣтъ, и не видѣть того, что тамъ есть, это не считается преступленіемъ противъ истины,—напротивъ, это величается именемъ благочестиваго обмана. Такъ психологически объясняются всѣ подлоги, которыми начинается развитіе папской идеи, которые проходятъ по всей исторіи ея развитія и будутъ сопровождать ее до конца. До чего можетъ доходить увлеченіе папской идеей, это мы усматриваемъ изъ примѣровъ чрезвычайнаго искаженія исторіи. Такъ, во Франціи оо. іезуиты учили, что Наполеонъ I никогда не былъ императоромъ во Франціи, что войны, которыя онъ велъ въ Европѣ, онъ велъ въ качествѣ генерала Людовика XVIII и т. под. Одинъ изъ нынѣшнихъ католическихъ епископовъ у насъ въ Россіи очень серьезно утверждалъ, что Тецель никогда не думалъ продавать индульгенцій, что Лютеръ возсталъ противъ римской церкви вовсе не по этому поводу, что все это сочинили враги римской церкви и т. д., и т. д. [1]). У папистовъ всегда будетъ дѣйствовать горячее желаніе: сколько возможно обѣлять исторію папства; и если бы внѣшняя наука не раскрывала подлинныхъ документовъ и не обличала папистовъ въ подлогахъ, оо. іезуты по ревности къ своей церкви далеко бы ушли въ этомъ своемъ стремленіи [2]).

Такъ, одна ложь повела за собою цѣлый рядъ другихъ лжей.—Возведеніе первенства въ абсолютное главенство, канона въ божественный догматъ, измѣнило нормальное устройство латинской церкви и отклонило отъ нормальныхъ логическихъ законовъ мышленіе папистовъ.

скомъ языкѣ.—Представляется говорящимъ съ читателями *сѣдлакъ*, т. е. крестьянинъ (!?) и защищающимъ этотъ документъ Пія IX. — Книга довольно объемистая: 428 стр.

[1]) Это — фактъ достовѣрный.

[2]) Неоспоримо, что оо. іезуиты много сдѣлали для науки; но не нужно забывать, что наука свѣтская, либеральная, невѣрующая всегда служила для нихъ сдерживающей уздой въ ихъ стремленіи обѣлить исторію папизма. Не будь этой узды, ихъ ученость не устояла бы противъ благочестивыхъ увлеченій.

Дѣлая общій выводъ изъ этой части нашего изслѣдованія, мы можемъ съ неоспоримою достовѣрностію представить слѣдующія положенія: Во-первыхъ, всѣ епископы, по благодати священства равны между собою, и если впослѣдствіи стали разниться, то только по преимуществамъ, опредѣляемымъ канонами Соборовъ. Это различіе вселенская православная Церковь всегда наблюдала и наблюдаетъ. Церковь же латинская смѣшала эти опредѣленія для того, чтобы возвеличить свою главу, — римскаго епископа; его каноническимъ преимуществамъ она придала высоко благодатное и таинственно-значеніе, чѣмъ выдѣлила его изъ ряда епископовъ.—Во-вторыхъ, послѣ Апостоловъ не было оставлено какого-либо единоначалія, и не было сдѣлано никакого установленія, или особаго какого-либо таинства для римскаго епископа,—но даны правила, прямо и ясно отрицающія всякое единоначаліе: епископы областные сосредоточиваются въ своемъ областномъ первоепископѣ,—соборне обсуждаютъ общецерковные вопросы и соборне совершаютъ рукоположеніе новопоступающихъ въ ихъ среду епископовъ.—Въ-третьихъ, въ апостольскомъ 34-мъ правилѣ положено начало для каноническаго развитія церковныхъ правъ и преимуществъ первоепископовъ; развитіе это дѣйствительно совершилось: между епископами выдѣлились—митрополиты; между митрополитами—патріархи, между патріархами сталъ-было выдѣляться римскій патріархъ или папа; но когда наступалъ моментъ опредѣлить права его первенства,—онъ самъ предупредилъ движеніе исторіи, и самъ для себя создалъ такія права, какихъ признать за нимъ прочіе епископы не могли, по ихъ чрезвычайной притязательности.—Въ-четвертыхъ, права и преимущества римскаго епископа въ качествѣ главы вселенской церкви, основываются не на какихъ-нибудь церковныхъ документахъ, или неоспоримыхъ данныхъ, а на умозаключеніяхъ, и при томъ сомнительнаго достоинства, на фикціяхъ, т. е. на основахъ воображаемыхъ, и на цѣломъ рядѣ намѣренныхъ и ненамѣренныхъ подлоговъ——Такъ, напр., что первенство Петрово, будто бы, передано римскимъ епископамъ,—это основывается на воображеніи,—что Петръ возсѣдаетъ на римской каѳедрѣ въ лицѣ своихъ преемниковъ—это грубая фикція, граничащая съ уче-

ніемъ о Петровомъ перевоплощеніи; что папа имѣетъ главенство и верховенство по Божественному праву, а не отъ Соборовъ, по каноническому опредѣленію,—это противорѣчитъ дѣйствительности; что папа судитъ всѣхъ, а самъ ни отъ кого судимъ быть не можетъ, и что папа есть владыка не только надъ всѣми духовными властями, но и надъ князьями и царями,—это уже узурпація, не свойственная христіанскому пастырю.

Отсюда въ развитіи папизма мы можемъ указать тѣ моменты, когда онъ дѣлаетъ скачки чрезъ назначенные ему предѣлы; во-первыхъ, когда утверждаетъ, что первенство апостола Петра передано его преемнику, римскому епископу; во-вторыхъ, когда Николай I на основаніи мнимыхъ правъ его главенства потребовалъ къ себѣ на судъ константинопольскихъ патріарховъ Фотія и Игнатія,—чѣмъ нарушилъ братское равенство,—въ-третьихъ, когда Григорій VII заявилъ свое верховенство надъ свѣтскими правителями; въ-четвертыхъ, когда Иннокентій III объявилъ себя намѣстникомъ Христа и владыкой міра въ качествѣ какого-то полубога; въ-пятыхъ, когда Ѳома Аквинатъ внесъ въ догматику ученіе о верховенствѣ папы и своимъ ученымъ авторитетомъ закончилъ и закрѣпилъ смѣшеніе догматическихъ опредѣленій съ каноническими.

Поэтому, въ случаѣ нашихъ переговоровъ съ папистами о соединеніи церквей, мы необходимо должны будемъ предложить имъ принять отъ насъ слѣдующія положенія: 1) что догматическія опредѣленія степеней священства имѣютъ существенное отличіе отъ опредѣленій каноническихъ, и что это отличіе надо наблюдать и по отношенію къ лицу самого папы; 2) что папа по священству такой же епископъ, какъ и всѣ другіе и ни чѣмъ не преимуществуетъ предъ ними; 3) что соборное начало есть верховное начало и папа долженъ подчиняться ему; 4) что папа, подписываясь подъ соборными опредѣленіями, дѣлаетъ подпись не въ качествѣ подтвержденія, а въ качествѣ согласія на нихъ и признанія за ними обязательности для своего округа; 5) что притязанія папъ со времени Николая I и до послѣдняго папы Пія IX, провозгласившаго догматъ непогрѣшимости, суть притязанія незаконныя, и римская церковь отъ нихъ должна отречься... Вотъ основныя правила, съ которыхъ, по моему крайнему разумѣнію, можно

начать переговоры о соединеніи церквей. Но возможно ли для папистовъ принять эти правила? Конечно, для папистовъ невозможно,—но не невозможно для католиковъ, болѣе спокойныхъ и по духу болѣе близкихъ къ православію.

Заключеніе.

Мы кончили. Теперь мы можемъ подвести итогъ нашему изслѣдованію и дать отвѣтъ на тѣ вопросы, съ которыхъ мы начали: въ чемъ состоятъ существенныя разности между нами и папистами въ ученіи о Церкви? Гдѣ проходитъ та пограничная линія, которая отдѣляетъ наше ученіе отъ латинскаго? Какъ понимаютъ разности, отдѣляющія насъ отъ Рима, паписты и какъ понимаемъ ихъ мы? На всѣ эти вопросы, въ ихъ частнѣйшемъ развитіи, наше изслѣдованіе даетъ ясный и опредѣленный отвѣтъ.

1) Оказывается, что обвиненіе, взводимое на насъ въ предубѣжденіи, ненависти и злобѣ, скорѣе падаетъ на самихъ папистовъ, чѣмъ на насъ,—что въ нашихъ катихизисахъ *пробѣловъ* или пропусковъ нѣтъ, что напротивъ, въ катихизисахъ латинскихъ сдѣланы позднѣйшія вставки, противныя существу вселенскаго ученія о Церкви, что эти вставки суть плоды неправильнаго развитія, какое принялъ папизмъ съ IX вѣка.

2) Оказывается, что латинское ученіе о главенствѣ папы не согласно съ ученіемъ православной церкви о главенствѣ Христовомъ, что чрезвычайнымъ возвеличеніемъ папы и присвоеніемъ ему божескихъ правъ закрывается и устраняется основное и жизненное начало Церкви — главенство Христово; что вслѣдствіе того основныя добродѣтели христіанина—*вѣра* и *подражаніе Христу* замѣняются другими спеціальными для латинства добродѣтелями—*рабскимъ послушаніемъ папѣ и ревностію о его славѣ*,—чѣмъ въ самомъ корнѣ измѣняется строй духовной жизни въ латинской церкви, и самое дѣло спасенія нашего во Христѣ подвергается сомнѣнію; католики-христіане какъ будто вѣруютъ во Христа, но на самомъ дѣлѣ остаются безъ Христа.

3) Оказывается, что догматъ о *непогрѣшимости* папы за-

ключаетъ въ себѣ внутреннее противорѣчіе; онъ выходитъ изъ неяснаго, смутнаго и невѣрнаго представленія о *существѣ непогрѣшимости*, извращаетъ православное ученіе о Церкви какъ хранительницѣ божественной истины, и о Соборахъ, какъ органахъ непогрѣшительнаго исповѣданія и вѣроизложенія этой истины,—даетъ совершенно превратное пониманіе церковной жизни и ея законовъ;—ибо зиждетъ *непогрѣшимость* не на *святости* Церкви, а на *единствѣ* папы съ подвѣдомыми ему епископами, да и то мнимомъ; и потому, разумѣніе истины Божіей и просвѣщеніе отъ Духа Божія дѣлаетъ внѣшнимъ для всего состава церкви; оказывается, что ватиканское *опредѣленіе* о непогрѣшимости папы, вышедшее будто-бы отъ Собора, но на самомъ дѣлѣ отрицающее значеніе Собора, есть плодъ изворотливости латинскаго мышленія и по справедливости можетъ считаться дѣломъ изобрѣтательности оо. іезуитовъ.

4) Оказывается, что единство, которымъ хвалится латинская церковь, есть единство только дисциплинарное и для спасенія во Христѣ внѣшнее, единство въ папѣ, а не во Христѣ, что это единство съ законами истинной жизни во Христѣ несогласно, ибо основано на началахъ несправедливыхъ, мнимыхъ и прямо ложныхъ, именно: а) на обязательномъ безбрачіи бѣлаго духовенства,—что правиламъ вселенской Церкви противно и Соборами осуждено (трулл. Соб. 13); б) на устройствѣ монашескихъ орденовъ, которые непосредственно управляются изъ Рима и изъяты изъ вѣдѣнія епархіальныхъ епископовъ, тогда какъ по правиламъ эти ордена должны бы были находиться подъ вѣдѣніемъ и управленіемъ мѣстныхъ епископовъ (Халкид. соб. пр. 4.8.);—в) на устройствѣ папской куріи, которая представляетъ собою плотно-сплотившуюся около папы корпорацію и составляетъ главную причину единства римской церкви. Такое устройство, повторяемъ, противно духу истинной Церкви и должно быть преобразовано.

5) Оказывается, что въ латинской церкви смѣшиваются церковныя степени, къ каковымъ относится первенство папы,—съ духовно-благодатными степенями, которыхъ только три: епископъ, пресвитеръ и діаконъ,—и что папа по догматическому опредѣленію есть только епископъ, по благодати священства

равный всѣмъ другимъ епископамъ, и инымъ быть не можетъ.

6) Оказывается, что хотя первенство Петрово было и признается всѣми церквами, — но никакихъ преимуществъ преемникамъ Петровымъ на римской каѳедрѣ оно не передаетъ, ибо для такой передачи не существуетъ никакого видимаго посредства, никакого таинства,—и не можетъ быть передаваемо; ибо если Петрова рукоположенія не существуетъ, то не существуетъ и Петровой власти.

7) Оказывается, что для развитія каноническихъ опредѣленій власти и преимуществъ епископовъ св. Апостолами въ основаніе положено было 34-е правило, на основаніи котораго изъ епископовъ сперва выдѣлились митрополиты, а изъ митрополитовъ патріархи. Между патріархами неоспоримо первенство было усвоено римскимъ епископамъ, но они, возмнивъ о себѣ, какъ о преемникахъ св. ап. Петра, превзошли предѣлы церковнаго первенства и сами для себя создали права и преимущества, въ которыхъ предвосхитили себѣ права Христовы, почему и осуждаются вселенскою Церковію.

8) Оказывается, что всѣ притязанія римскаго епископа на верховную власть во вселенской Церкви вышли не изъ началъ самой Церкви, а изъ началъ языческаго Рима и суть проявленія духа его гордыни и властолюбія, прикрытыя досточтимыми именами Спасителя и Его первенствующаго ученика св. ап. Петра.

9) Оказывается поэтому, что и другое обвиненіе православной церкви въ ея будто-бы отпаденіи отъ вселенскаго единства къ многоначалію, совершенно несправедливо, и къ ней не относится, что она идетъ къ проявленію внутренняго своего во Христѣ единства во внѣ въ каноническомъ единствѣ, и если остановилась въ этомъ движеніи, то единственно по винѣ чрезвычайныхъ римскихъ притязаній.

10) Оказывается, такимъ образомъ, что *соборное начало* не составляетъ исключительнаго отличія нашей церкви отъ латинской, и что *единство* въ лицѣ первенствующаго *іерарха и соборное начало* стояли всегда и стоятъ между собою въ тѣсной связи, но что при этомъ должно быть соблюдаемо и проводимо въ жизнь Церкви единое, безусловно - необходимое и

спасительное *главенство Христово*. Безъ сего главенства ни соборное начало не сохранится въ своей чистотѣ и правдѣ, ни каноническое первенство—отъ захватовъ и преобладанія.

Послѣ сдѣланныхъ выводовъ легко дать отвѣтъ и на послѣдній вопросъ: совершается ли спасеніе вѣрующихъ въ церкви папистической. Прямаго отвѣта на этотъ вопросъ дать нельзя; можно сказать и *да*, и *нѣтъ*; все будетъ зависѣть отъ того, въ какой мѣрѣ западные христіане проникаются ложными началами папизма и осуществляютъ его въ свой жизни; если они будутъ жить только одними этими началами, — они будутъ крайне затруднять для себя дѣло спасенія; напротивъ, въ какой мѣрѣ, будутъ отступать отъ этого начала и жить вѣрою во Христа, и служить Ему какъ единой и единственной Главѣ,—въ такой мѣрѣ они будутъ приближаться къ православному началу и облегчатъ для себя путь ко спасенію.

Отсюда урокъ и намъ, православнымъ. Папизмъ, какъ мы видѣли, только впослѣдствіи сложился въ доктрину, а сначала обнаруживался какъ ниспаденіе въ плотской образъ мыслей объ іерархическихъ преимуществахъ, какъ преувеличенное сознаніе своихъ правъ и неразумная ревность объ ихъ охраненіи, съ забвеніемъ братства во Христа всѣхъ безъ исключенія вѣрующихъ и съ утратою духа истиннаго пастырства, который состоитъ въ томъ, чтобы носить и *выносить на себѣ немощи немощныхъ*, *не себѣ угождающе* (Рим. 15,1.). Въ такомъ видѣ папизмъ можетъ приражаться и ко всѣмъ православнымъ пастырямъ, и низшимъ, и среднимъ, и высшимъ,— и къ каждому порознь, и цѣлому собору въ совокупности; и потому мы, православные, должны быть крайне внимательны къ себѣ съ этой стороны, помня, что въ той мѣрѣ, какъ будемъ увлекаться духомъ папистической лжи, мы будемъ затруднять дѣло спасенія какъ для себя, такъ и для другихъ, и наоборотъ, въ той мѣрѣ, въ какой будемъ утверждаться во Христѣ, какъ невидимой и верховной Главѣ всѣхъ вѣрующихъ, будемъ приближаться къ нормѣ церковной жизни и какъ для себя, такъ и для братій нашихъ во Христѣ, облегчать совершаемое нами въ Церкви шествіе къ вѣчному нашему назначенію.

ПРИЛОЖЕНІЯ

№ 1.

Разборъ двухъ латинскихъ сочиненій о главенствѣ папы и его непогрѣшимости.

Въ дополненіе къ представленному выше изслѣдованію, считаю необходимымъ сдѣлать еще разборъ двухъ латинскихъ сочиненій, о которыхъ я уже упоминалъ выше (стр. 95—96 въ примѣч.). Первое—о двухъ главныхъ латинскихъ догматахъ «исхожденіи Св. Духа *и отъ Сына* и главенствѣ папы», а второе «о непогрѣшимости папы».

Заняться разборомъ этихъ произведеній латинскихъ богослововъ тѣмъ необходимѣе, что они стали извѣстны въ нашемъ обществѣ,—и тѣмъ легче, что основныя начала нами уже раскрыты выше, и намъ остается только приложить ихъ къ означеннымъ сочиненіямъ съ добавочными поясненіями, чтобы такимъ образомъ показать, какъ надо читать полемическія сочиненія латинянъ, направленныя противъ насъ.

А).

«Исхожденіе Св. Духа и вселенское первосвященство».

Изданіе Сергѣя Асташкова. Фрейсбургъ въ Брисгавѣ 1886. Типографія Юліуса Клингарда въ Лейпцигѣ.

Какъ видно изъ заглавія, эта книга содержитъ въ себѣ изложеніе двухъ главныхъ латинскихъ догматовъ. Въ настоящемъ случаѣ мы ограничимся только разборомъ вопроса о главенствѣ папы, какъ онъ излагается здѣсь [1]).

---

[1]) Въ духовномъ журналѣ «Вѣра и Разумъ» печатается разборъ этого сочиненія. Тамъ начали съ догмата объ исхожденіи Св. Духа, а мы будемъ разбирать только о главенствѣ папы; такимъ образомъ мы пойдемъ на встрѣчу одинъ другому.

Авторъ разбираемый книги не объявляетъ своего имени,— но намъ этого и не нужно. Книга даетъ довольно данныхъ, чтобы имѣть общія понятія объ авторѣ; судя по языку—мы можемъ сказать, что это—иностранецъ, еще недостаточно владѣющій русскимъ языкомъ [1]); судя по логичности мыслей и богословскимъ познаніямъ—это не мірянинъ, какимъ именуетъ себя авторъ, но духовное лице, или вообще богословски образованный человѣкъ; а судя по пріемамъ изложенія, искусству построенія и изворотливости рѣчи это кто-нибудь изъ «товарищества Іисусова», какъ величаютъ свое общество оо. іезуиты. Этого для насъ довольно, чтобы знать, съ кѣмъ мы имѣемъ дѣло.

При написаніи своего сочиненія авторъ имѣлъ въ виду высокую и святую цѣль, нынѣ сдѣлавшуюся особенно модною,—содѣйствовать возсоединенію пребывающихъ въ раздѣленіи церквей. Цѣль, безспорно, прекрасная, высокая, святая, но очень интересно, какъ онъ ее хочетъ достигнуть. По нашему мнѣнію, чтобы привести церкви къ возсоединенію надобно дѣйствовать больше всего на руководящее сословіе церкви, т. е. на духовенство, и чрезъ него на массу,—дѣйствовать на сознаніе, разъясняя истину и внося въ него новыя, настоящія, дѣйствительныя убѣжденія. Но авторъ дѣйствуетъ иначе; въ лицѣ митрополита Макарія и духовныхъ представителей прошедшаго столѣтія онъ оскорбляетъ православное духовенство, возводя на него клеветы въ кальвинизмѣ и протестантизмѣ, и такимъ образомъ, отстранивъ духовенство отъ участія въ дѣлѣ возсоединенія, разсчитываетъ только на мірянъ и старается подѣйствовать на нихъ тѣми пріемами, какіе обыкновенно практикуется оо. іезуитами.

По нашему крайнему убѣжденію, чтобы возсоединиться съ западными христіанами-католиками, намъ прежде всего нужно такъ сказать, размежеваться въ областяхъ нашихъ міровоззрѣній, строго опредѣлить насъ раздѣляющую черту, установить точныя понятія о нашихъ разностяхъ, сознать, что наше и что ваше, гдѣ кончается наше и гдѣ ваше,—откровенно признаться въ своихъ историческихъ ошибкахъ, и тогда только начинать разговоры о томъ, въ чемъ обѣ стороны могутъ сойтись и въ чемъ уступить. Только при такомъ условіи возможно братское примиреніе католиковъ и православныхъ и спасительное во Христѣ взаимообщеніе. Такимъ путемъ идемъ мы и уповаемъ, что не безплодны будутъ

[1]) Такъ, напр., вмѣсто *несмѣтный* авторъ говоритъ *безсмѣтный*; еще автору, какъ иностранцу не даются виды глаголовъ, напр. онъ такъ выражается *имѣютъ вдоль разсуждать* и т. п.

наши труды въ дѣлѣ будущаго возсоединенія церквей. Но разбираемый нами авторъ идетъ совершенно другой дорогой, дѣйствуетъ совсѣмъ иначе, и пользуется такими пріемами, которые скорѣе отводятъ отъ желанной цѣли, чѣмъ располагаютъ къ ней. Вмѣсто разъясненія разностей, ихъ объема и важности, онъ игнорируетъ ихъ, затушовываетъ, затираетъ, и вмѣсто того, чтобы вносить въ религіозное сознаніе читателей ясность представленій о спорныхъ пунктахъ,—старается обмануть читателя, спутать его мысль, запугать его воображеніе, поразить его чувство и уловить его душу изворотами своей логики, повидимому, очень стройными, но въ дѣйствительности только искусно и лукаво придуманными. Говорить картинно, гдѣ нужно приходить въ восторгъ, не замѣчать возраженій противника, при случаѣ бросить на него клеветой, представить его смѣшнымъ, когда совсѣмъ нѣтъ ничего смѣшнаго, подъ часъ прикинуться простачкомъ и т. под.—вотъ тѣ обычные пріемы, какіе практикуются оо. іезуитами и нашимъ авторомъ. Все разсчитано на читателей неопытныхъ, легко поддающихся такимъ пріемамъ.

Авторъ неоднократно увѣряетъ читателей, что „его толкованія основаны на непреложныхъ законахъ разума и логической послѣдовательности“. Между тѣмъ оказывается, что онъ нарушаетъ или игнорируетъ самые основные законы мышленія: во первыхъ, онъ обезразличиваетъ и отожествляетъ различныя понятія, изъ которыхъ каждое имѣетъ свое спеціальное содержаніе, и на этомъ отожествленіи строитъ все свое толкованіе, и во вторыхъ, въ заключенія вводитъ больше содержанія, чѣмъ сколько даютъ посылки, или, дѣйствіе мыслитъ больше причины. Выше мы уже показали, что понятія *первенства* и *главенства* такъ различны по своему содержанію, что положеніемъ перваго отрицается второе; мы говоримъ: такъ какъ вселенскіе соборы признали за папой *первенство*, то значитъ, они не признавали за нимъ главенства. Паписты умозаключаютъ наоборотъ: поелику соборы признавали первенство, то значитъ признавали главенство;—выводъ больше посылки, дѣйствіе больше причины. Нашъ авторъ отожевленіе понятій ведетъ гораздо дальше; онъ отожествляетъ цѣлый кругъ понятій: первенство, главенство, единоначаліе, абсолютное верховенство, непогрѣшимость и неподсудность,—все это по его изложенію—понятія тожественныя, заключающіяся въ первомъ словѣ *первенство*. «Непогрѣшимость въ порядкѣ духовномъ, пишетъ онъ, и верховная власть въ порядкѣ граждан-

скомъ—*два выраженія, вполнѣ тожественныя*» [1]). «Церковное правительство, какъ и всякое иное, должно быть непогрѣшимое, т. е. *абсолютно*, безъ возможной аппеляціи на ея рѣшенія». «*Монархическая форма и первенство*, разсуждаетъ онъ далѣе, означаютъ одну и туже самую вещь». «Хотя тожество это *совершенно очевидно* (?!?), тѣмъ не менѣе не хотятъ убѣдиться въ томъ, что весь вопросъ опирается на *этой истинѣ*, и что въ свою очередь эта истина вытекая изъ самаго существа предмета (?), вовсе не нуждается въ доказательствѣ своей очевидности,—въ какой-либо богословской опорѣ». Отожествивъ такимъ образомъ цѣлый кругъ понятій и сильнымъ тономъ рѣчи увѣривъ читателя въ несомнѣнности этого отожествленія, авторъ этимъ самымъ оставилъ за собою право вносить въ понятія свои представленія и выводить изъ нихъ желательныя заключенія. Рядъ положеній, въ которыхъ сокращена авторомъ вся система папизма, представляетъ собою образчикъ такихъ неправильностей мышленія. Въ этихъ положеніяхъ мы видимъ, какъ изъ понятія *первенство* чрезъ постепенное въ восходящей степени внесеніе въ него новыхъ представленій, слагается и вырастаетъ цѣлая система папизма.

Первое и основное положеніе гласитъ: «Іисусъ Христосъ облекъ Петра *первенствомъ* почета и *управленія* во вселенской Церкви, т. е. поставилъ *его главою оной*». Положеніе это составляетъ исходный пунктъ всей системы; въ немъ замѣчателенъ этотъ *пріемъ* папистовъ—мнимо-логическое, фиктивное восхожденіе отъ слабѣйшихъ представленій къ болѣе сильнымъ и содержательнымъ: сперва *первенство почета*, затѣмъ рядомъ *первен-*

[1]) Отожественіе у автора доходитъ до того, что онъ ставитъ наравнѣ Божественную *непогрѣшимость* Церкви съ *общеобязательностію* повелѣній гражданскихъ правительствъ. Такъ онъ пишетъ: когда мы утверждаемъ, что церковь непогрѣшима, необходимо имѣть въ виду, что мы нисколько не выговариваемъ въ ея пользу какого-либо исключительнаго преимущества; мы требуемъ только, чтобы она пользовалась тѣмъ правомъ, которымъ обладаетъ во всѣхъ возможныхъ странахъ, верховная власть дѣйствующая вездѣ, какъ извѣстно, въ *качествѣ власти непогрѣшимой*, ибо *всякое правительство необходимо и по существу своему абсолютно;* и всякое правительство, которому подъ предлогомъ погрѣшности или несправедливости, дозволено было бы отказывать въ повиновеніи, тѣмъ самымъ уже лишилось бы бытія.

Конечно верховная власть не вездѣ облечена въ одинакія формы. Она иначе выражается въ Лондонѣ, иначе въ Константинополѣ. Но тѣмъ не менѣе и тутъ и тамъ, повиновеніе ея велѣніямъ равно безпрекословно и безъ аппеляціи буде это велѣніе мудрый парламентскій биллъ, или грубое турецкое *фетфа*. Стр. 76.

ство управленія во вселенской Церкви, и наконецъ *главенство*. Такъ Петръ изъ перваго апостола возводится въ достоинство главы всѣхъ Апостоловъ и всей апостольской Церкви. Когда такимъ образомъ установлена точка отправленія, вести дальнѣйшее построеніе системы становится легко;—потому авторъ продолжаетъ: «первенство свое Петръ получилъ непосредственно отъ Самого Христа» (2-е пол.); «оно должно нескончаемо продолжаться въ Церкви» (3-е пол.); «Петръ былъ въ Римѣ и учредилъ римское епископство и правилъ онымъ до своей кончины» (4-е пол.); «римскіе первосвященники, какъ преемники Петра въ римскомъ епископствѣ, наслѣдовали его первенство въ силу его божественнаго права, а не по какому-либо человѣческому распоряженію, церковному или политическому» (5-е пол.); «власть первенства есть власть епископская, простирающаяся на всѣхъ во Христѣ правовѣрныхъ и самихъ епископовъ (?)» (6-е пол.); «римскій первосвященникъ, въ силу *своего первенства*, обладаетъ верховною властію надъ всѣми епископами, даже во вселенскомъ Соборѣ соединенными» (7-е пол.); «въ силу опять первенства, ему подобаетъ созывать соборы, предсѣдательствовать въ оныхъ и ихъ утверждать» (8-е пол.); «римскій первосвященникъ, каѳедрально (ex cathedra) дающій опредѣленія о вѣрѣ и нравственности непогрѣшимъ, а его догматическіе приговоры, даже до выраженнаго согласія Церкви, вовсе не могутъ подлежать пересмотру» (9-е пол.); «это положеніе (будто-бы) неопровержимо выводится изъ Священнаго Писанія и Преданія» (10-е пол.) и что «оно, наконецъ, «подтверждается и фактически, такъ какъ нѣтъ возможности указать на какого-либо римскаго первосвященника, когда-либо погрѣшившаго въ какомъ-либо опредѣленіи, касающемся вѣры» [1]) (11-е пол.). Оборвите первую петлю этого хитроплетенія, и оно распустится. Ложно начало, основанное на смѣшеніи понятій, ложенъ и выводъ, — такъ какъ онъ больше причины.

Дальнѣйшее изложеніе есть раскрытіе и обоснованіе на Священномъ Писаніи и Священномъ Преданіи этихъ положеній, т. е. что первенство Петра есть въ то-же время и его главенство надъ вселенскою Церковію. Но прежде чѣмъ доказать это положеніе, онъ предпосылаетъ цѣлый рядъ отвлеченныхъ разсужденій о необходимости для Церкви внѣшняго единства въ лицѣ какой-либо видимой главы. Послѣ этого переходитъ къ изъясненію тѣхъ словъ

1) А папы Зефиринъ и Каликстъ, обличаемые Ипполитомъ? а папа Гонорій, осужденный VI всел. Соборомъ?!

Христовыхъ, на которыхъ паписты обыкновенно строятъ свои доказательства.

Въ разсужденіи о единствѣ Церкви авторъ напрасно присвояетъ своей церкви титулъ, ей не принадлежащій и бросаетъ клеветой на русскую церковь. Авторъ не употребляетъ обычнаго названія своей церкви *римско-католическою*, но называетъ ее постоянно *вселенской*. Присвоеніе себѣ этого титула несправедливо. Послѣ того, какъ совершилось раздѣленіе церквей, за каждой изъ нихъ оставлено было свое особое названіе. Западная церковь, которая въ лицѣ своего старѣйшаго епископа, папы, стремилась къ преобладанію во вселенской Церкви,—стала обычно называться *римско-католической*,—т. е. вселенской въ смыслѣ, латинскомъ, свойственномъ только Риму, иначе въ *смыслѣ схизматическомъ*. Если авторъ хочетъ замѣнить это слово, то пусть замѣнитъ его правильно, такъ, какъ требуетъ того обычное употребленіе, съ прибавленіемъ слова римскій,—*римско-вселенская*. Но отъ такого названія самъ авторъ, безъ сомнѣнія, откажется; потому, что оно обличало-бы ложное начало римской церкви—частное преданіе, частное право, частныя особенности дѣлать всеобщими. Не таково названіе—*православный*, которое удержала Церковь восточная. Этимъ названіемъ опредѣляется самое существо вселенской Церкви, — *правовѣріе* т. е. несомнѣнное храненіе Божественной истины въ чистотѣ первобытнаго откровенія. Поэтому, какимъ-бы бѣдствіямъ она ни подвергалась, какъ бы ни умалялась въ своемъ числѣ, — она всегда будетъ сохранять за собою начало *вселенское*, и по праву своего *православія*, которое есть свѣтъ къ просвѣщенію язычниковъ и начало спасенія для всѣхъ,—имѣетъ исключительное право называться *вселенскою*. Поэтому самымъ произношеніемъ мы дѣлаемъ различіе въ словѣ *католическій;* когда произносимъ это названіе чрезъ *т* (th) по латинскому словопроизношенію,—мы этимъ обозначаемъ церковь латинскую въ смыслѣ частномъ, вѣроисповѣдномъ; когда-же произносимъ чрезъ *о* (s), по греческому произношенію, то этимъ обозначаемъ Церковь *вселенскую* въ полномъ значеніи этого слова. Въ этомъ смыслѣ Церковь называется *Соборною*, т. е. «не ограничивающеюся ни мѣстомъ, ни временемъ, ни народомъ». А такъ какъ церковь римская не сохранила за собою единства *историческаго*, или единства *преданія*, и не сохраняетъ единства внутренняго, духовно-благодатнаго,—то названіе *каѳолическій* ей и не можетъ принадлежать.

Но нашъ авторъ, присвояя себѣ это названіе, хочетъ набро-

сить на восточную Церковь упрекъ въ *протестантизмѣ*. Оо. іезуиты это дѣлаютъ уже не въ первый разъ, хотя и не разъ получали на это отвѣтъ со стороны православныхъ [1]). Мы согласны только съ тѣмъ, что православнымъ богословамъ, какъ людямъ, точно также свойственно впадать въ протестантизмъ, или въ папизмъ, какъ и вообще заблуждаться, потому что то и другое вѣроисповѣданіе суть духовныя опасности, встрѣчающіяся на пути нормальнаго церковнаго развитія каждаго вѣрующаго. Нѣтъ ничего удивительнаго, что иные молодые умы изъ православныхъ увлекаются взглядами протестантовъ, какъ нѣтъ ничего удивительнаго и въ томъ, что люди съ чувствительнымъ сердцемъ и сильнымъ воображеніемъ, но съ слабой головой, поддаются обольщеніямъ папизма. Поддаваться вліянію протестантской богословской науки тѣмъ естественнѣе, что она гораздо живѣе и глубже у протестантовъ, чѣмъ у католиковъ; у этихъ послѣднихъ она отзывается, какъ мы уже выше и доказали, формализмомъ, безжизненностію, книжническимъ или фарисейскимъ направленіемъ,— что собственно и вызвало протестантизмъ, — и что не можетъ увлекать собою нашу учащуюся молодежъ. Но авторъ не такъ ставитъ дѣло. Называя римско-католическую церковь вселенскою, онъ старается показать, что всякое отдѣленіе отъ этой церкви есть отпаденіе части отъ цѣлаго, которому предшествуетъ и сопутствуетъ возстаніе противъ какихъ-либо догматовъ вселенской Церкви, — и потому отпавшія церкви по справедливости именуются *протестантскими*, каковою должна быть названа, по его словамъ, и Церковь восточная. Эти упреки и эта аргументація такъ не серьезны, что не заслуживаютъ отвѣта послѣ того, что мы раскрыли выше. По русской пословицѣ это значитъ — «съ больной головы да на здоровую».

Такимъ образомъ, положивши въ основу своего разсужденія необходимость монархическаго начала въ Церкви, авторъ переходитъ къ толкованію евангельскихъ словъ, на которыхъ паписты утверждаютъ свое ученіе о главенствѣ папы. Объ этомъ уже много было говорено и писано, — но нашъ авторъ представляетъ нѣкоторыя особенности въ изложеніи, на которыхъ слѣдуетъ остановиться. Дадимъ ему свободу въ словѣ. Авторъ пишетъ:.. «лишь только является Симонъ, предначертанія Христовы начинаютъ уже выясняться надъ нимъ. *Воззрѣвъ-же нань Іисусъ рече: ты*

[1]) Особенно дѣльный отвѣтъ даетъ покойный Хомяковъ (см. его сочиненій II-й томъ).

еси Симонъ сынъ Іонинъ: ты наречешься Кифа, еже сказается Петръ (камень) (Іоан. 1, 42). Вотъ первая черта: общепринятое, будничное, такъ сказать, названіе его мѣняется самимъ Христомъ на имя символическое, таинственное, качественное (?) значеніе котораго откроетъ только будущность». Петръ становится первымъ между Апостолами: «изчисляя имена двунадесяти Апостоловъ, евангелистъ Матѳей начинаетъ съ Петра: *первый Симонъ, иже нарицается Петръ*» (Мѳ. 10, 2.). На какомъ-же основаніи Петръ можетъ быть первымъ? Вѣдь первый по старшинству Андрей: первый по любви Христа Іоаннъ. На чемъ-же основано признанное Священнымъ Писаніемъ первенство Петра? [1]) Очевидно и единственно на спеціальномъ велѣніи божественнаго Основателя Христіанской Церкви».

«Но это первенство, скажутъ, можетъ быть только титулъ безъ значенія, одно почетное званіе? Прислушаемся далѣе къ изреченіямъ божественной мудрости... На вопросъ Господа: *вы же кого Мя глаголете быти? Отвѣщавъ Петръ рече: Ты еси Христосъ Сынъ Бога живаго.* Внемлите отвѣту Іисуса на это первое основное исповѣданіе Христіанской вѣры. Въ немъ дышетъ невыразимое величіе, всемогущество, сила и простота. *Блаженъ еси Симоне, варъ Іона, яко плоть и кровь не яви тебѣ, но Отецъ Мой иже на небесѣхъ. И Азъ же тебѣ глаголю, яко ты еси Петръ* (камень) *и на семъ камени созижду Церковь Мою, и врата адова не одолѣютъ ей. И дамъ ти ключи царства небеснаго; и еже аще свяжеши на земли, будетъ связано на небесѣхъ, и еже аще разрѣшиши на земли, будетъ разрѣшено на небесѣхъ* (Мѳ. 16, 13—19,). Вотъ они жизнедательныя, творческія слова церковнаго главенства Петрова, изреченныя Христомъ первоверховному Апостолу Своему, какъ прямое *послѣдствіе непогрѣшимаго его ученія* о вѣрѣ. Въ нихъ дышетъ всемогущество Создателя и властелина земли и нѳбесъ. Но замѣтьте, какъ мудро были они постепенно подготовлены. Во первыхъ, Христосъ отдѣляетъ Симона отъ толпы (?). Затѣмъ Онъ нарекаетъ его камнемъ. *Простой человѣкъ, сынъ человѣка сдѣланъ* (!?) *твердынею, камнемъ*, всемогуществомъ Того. въ Комъ одномъ слово всегда равносильно дѣлу. Наконецъ, *камень этотъ* поставленъ Имъ *въ основаніе Его Церкви:* «*ты еси камень и на семъ камени* созижду Церковь Мою». И вотъ, слѣдовательно въ одномъ словѣ, вся *безконечная непреходимость*, ясно дарованная Петру; такъ какъ *слишкомъ очевидно*, что основаніе Церкви

[1]) См. объ этомъ выше стр. 133—138.

вѣчной, неизмѣнной, которой и сами врата ада одолѣть не могутъ, должно тѣмъ паче и само продлиться на вѣки».

«Церковь эта, продолжаетъ авторъ, къ созиданію которой Христосъ приступаетъ, есть возстановленіе вѣчнаго общенія душъ въ священныхъ узахъ любви къ Богу, общенія, возникшаго на землѣ, но долженствующаго достигнуть совершенства только въ свѣтѣ небеснаго царствія. Но вотъ почему именно Христосъ немедленно присовокупляетъ: *дамъ ти ключи царства небеснаго*; *и еже аще свяжеши* и т. д. Мы увидимъ далѣе въ подробности, какое таинство заключается въ этомъ божественномъ дарѣ. Мы увидимъ, что оно включаетъ въ себѣ право и обязанность духовнаго управленія душами, верховную, духовную власть, безъ исключенія и безъ предѣловъ (?!). Все, что свяжешь, и все, что разрѣшишь, сказалъ Христосъ — кто дерзнетъ произвольно ограничить божественную волю Его?!.»

«И такъ Петръ облеченъ верховною властію; но гдѣ-же сверхъестественный свѣтъ, безошибочнаго распознаванія истины для мудраго, полезнаго примѣненія этой власти? Подождите немного, и вся послѣдовательность божественнаго плана постепенно развернется передъ вами. Вотъ наступаетъ время тайной вечери, послѣдней, торжественной бесѣды Христа съ учениками. Онъ обращается еще разъ къ Петру: *Симоне, Симоне, се сатана проситъ васъ, дабы сѣялъ яко пшеницу. Азъ же молихся о тебѣ, да не оскудѣетъ вѣра твоя, и ты нѣкогда обращся утверди братію твою* (Лук. 22, 31—34.). И вотъ новый даръ, новое преимущество. Первое облекло Петра тою безконечною непреходимостію, безъ которой немыслимо неколебимое основаніе Церкви; второе сообщаетъ ему непогрѣшимость во всемъ, до вѣры касающемся. «Когда сатана ополчился на васъ, учениковъ Моихъ, Я молился, дабы *твоя* не оскудѣла *вѣра; твоя* вѣра, исповѣдуемая тобою, будетъ во вѣки вѣра истинная, непогрѣшимая; не тебя только предназначена она освѣтить, но и братьевъ твоихъ; и если ихъ вѣра когда-либо пошатнется, твоей Я поручаю утвердить ихъ. И для нихъ могъ-бы Я испросить эту стойкость у Отца Моего, но Я того не сдѣлалъ; ибо достаточно утверждаетъ зданіе, кто утверждаетъ его основу».

«Но обладать верховною властію, да быть незатемнѣннымъ свѣтомъ истинной вѣры, все это составляло бы лишь пустое преимущество безъ власти правительственной, безъ права примѣнять эту власть, т. е. издавать постановленія и мудрымъ управленіемъ спасать Церковь отъ грозящихъ ей опасностей и бѣдствій. И въ

самомъ дѣлѣ, Христосъ завершаетъ новымъ и третьимъ даромъ свое Божественное предпріятіе. *Егда же обѣдоваше, глагола Симону Петру Іисусъ: Симоне Іонинъ, любиши ли Мя паче сихъ? Глагола Ему: ей Господи, Ты вѣси, яко люблю Тя. Глагола ему: паси агнцы Моя. Глагола ему паки второе: Симоне Іонинъ, любиши ли Мя? Глагола Ему: ей Господи, Ты вѣси, яко люблю Тя. Глагола ему: паси овцы Моя. Глагола ему третіе: любиши ли Мя? Оскорбѣ же Петръ, яко рече ему третіе: любиши ли Мя и глагола Ему: Господи, Ты вся вѣси; Ты вѣси, яко люблю Тя. Глагола ему Іисусъ: паси овцы Моя...* Все безъ исключенія подчинено посоху церковнаго Пастыря: *овцы* не менѣе *агнцевъ;* духовенство не менѣе мірянъ, епископство не менѣе священства. Вѣдь Самъ Христосъ сказалъ предъ тѣмъ: *Будетъ едино стадо и единъ пастырь.* И вотъ единый пастырь теперь дѣйствительно явился, и опять Самъ Христосъ облекъ его въ этотъ санъ и Самъ Христосъ указалъ на него. Это Петръ и кромѣ его въ Церкви никто...» [1]).

«Но возвратимся еще разъ, пишетъ въ другомъ мѣстѣ авторъ, къ вышеприведеннымъ евангельскимъ словамъ... Какъ ихъ ни разсматривай, каждое отдѣльно, или всѣ въ совокупности, они образуютъ ослѣпительный, такъ сказать, фокусъ свѣта и очевидности: *Ты еси Петръ и на семъ камени* и пр.... *и дамъ ти ключи царства небеснаго... Азъ молихся о тебѣ, да не оскудѣетъ вѣра твоя* и т. д. *Паси агнцы Моя... паси овцы Моя.* Повторяю, вотъ творческія учредительныя слова верховнаго Первосвященства въ Церкви. Разберите ихъ по одиночкѣ и вы поймете, какими послѣдствіями и значеніемъ каждое изъ нихъ чревато; соедините ихъ затѣмъ въ одно цѣлое, поясните каждое каждымъ, вспомните, наконецъ, кто ихъ изрекаетъ, и разумъ вашъ мгновенно обольется неотразимымъ свѣтомъ очевидности. Дѣйствительно, какого преимущества, какого божественнаго, сверхъестественнаго дара не откроете вы въ нихъ? И что покажется вамъ труднѣе: выразить, что заключается въ Первосвященствѣ, или скорѣе сказать: чего въ немъ не достаетъ?»

«Вникните въ первое изреченіе: «*на Тебѣ* (?!) создамъ Я Мою Церковь», т. е. на простой, немощной, человѣческой личности, Церковь вселенскую, единую, святую, непогрѣшимую, вѣрную!! Не теряется ли невольно разумъ въ безпредѣльности, когда ставитъ себѣ вопросъ: каково же, наконецъ, должно быть основаніе такого *неестественнаго* зданія!.. Но вникните во второе: «что бы

[1]) Стр. 88—91.

ни связалъ на земли, будетъ связано на небесѣхъ». Да гдѣ же предѣлы такой власти?!.. подождите; вникните въ третье, вникните въ четвертое: «утверждай братьевъ твоихъ;... паси агнцевъ... паси овецъ Моихъ». Что слово, то лучъ божественнаго всемогущества! Что слово,—то проблескъ въ безконечность! Дары сыплются, такъ сказать, безъ мѣры и безъ счета! Первосвященникъ поставленъ Христомъ Своимъ намѣстникомъ, *основнымъ камнемъ* Христовой Церкви, ключаремъ небеснаго царства, наставникомъ братьевъ своихъ, для утвержденія ихъ въ истинѣ и православіи вѣры, и, наконецъ, Верховнымъ пастыремъ какъ агнцевъ, такъ и овецъ, т. е. всего безъ исключенія словеснаго стада. Ищите, повторяю еще разъ, въ какомъ преимуществѣ найдете вы недостатокъ въ Первосвященникѣ? Какъ сама Церковь, онъ безсмертенъ, и какъ она, непреходимъ. Съ ея судьбою во вѣки связана и судьба его. Ему дано питать агнцевъ и овецъ пищею всегда живительною, чуждою всякаго гніенія и отравы. Ему дано безошибочно отверзать небесныя врата дѣйствительно заслужившимъ войти въ нихъ. Короче, *ему дано продолжать на землѣ жизненную дѣятельность самого Христа*» [1]).

Нельзя не признать, что все это толкованіе составлено очень искусно и хитро. Авторъ является здѣсь не столько основательнымъ экзегетомъ и богословомъ, сколько искуснымъ ораторомъ, которому хорошо извѣстны всѣ ораторскіе пріемы собственно латинскаго краснорѣчія. Онъ искусно вводитъ въ толкованіе евангелія свою доктрину, важнымъ тономъ рѣчи, не допускающимъ ни малѣйшаго сомнѣнія и возраженія, подавляетъ мысль читателя, а восторгами при представленіи чрезвычайныхъ благодатныхъ даровъ, дарованныхъ ап. Петру, овладѣваетъ читателемъ до того, что тотъ, поддавшись этимъ искусственнымъ пріемамъ, начинаетъ вѣрить словамъ автора;—возвышеніе тона и постепенное восхожденіе отъ одной мысли къ другой сильнѣйшей,—незамѣтно и мало по малу приводятъ читателя къ желанному для автора заключенію: что ап. Петръ есть основной камень Церкви, что на немъ она создана и врата адова не одолѣютъ ее, что ему дана власть вязать и рѣшить на землѣ и пасти всю Церковь Божію; короче: что *ап. Петру дано продолжать на землѣ жизненную дѣятельность Самого Христа*, что духовная власть его *безпредѣльна*, сообщенные ему благодатные дары *безмѣрны* и *неисчетны*!

Такъ получается, кромѣ вѣры въ Іисуса Христа, еще вѣра въ

[1]) Стр. 91—9 .

ап. Петра, какъ замѣстителя и продолжателя Христа; этой новой вѣрой въ ап. Петра мы должны жить, на этой вѣрѣ стоять и утверждаться, этой вѣрой пріобрѣтать спасеніе!

Но такъ ли это? Можетъ ли это быть? Возможно ли, чтобы, кромѣ Христа, въ основу Церкви былъ положенъ еще другой Христосъ, меньшей, такъ сказать, величины и достоинства? При такомъ представленіи, Церковь изображала бы собою чудовищно-уродливое зданіе, въ видѣ пирамиды, своей вершиной опрокинутой внизъ, а своимъ основаніемъ стоящей вверхъ. Мы уже раскрыли выше, что вѣровать въ ап. Петра или въ какого-либо епископа, какъ основаніе Церкви, это значитъ впадать въ плотскій образъ мыслей, осужденный св. ап. Павломъ, и отпадать отъ вѣры во Христа. Такіе вѣрующіе теряютъ право именоваться христіанами;— они *Петровы*, и должны именоваться *петроніанцами* или *папистами*, и чрезъ то неизбѣжно подвергнуться тому осужденію, какому подпали коринѳскія партіи, прикрывавшіяся именами Петра, Павла и Аполлоса,—и какому подвергались всѣ еретики, получавшіе свое имя отъ своихъ ересіарховъ, какъ, напр., аріане, македоніане, несторіане и другіе.

Мы уже представили выше свое объясненіе обѣтованій, изреченныхъ Христомъ ап. Петру. Но для того, чтобы противопоставить папистическому толкованію равносильное православное, мы повторимъ прежде сказанное съ новыми дополненіями, какія требуются латинскимъ толкованіемъ.

Неоспоримо, что Господь при первой встрѣчѣ съ Симономъ, даетъ ему новое имя Петра, камня, но какъ понимать это переименованіе? Чѣмъ оно вызвано и что значитъ? Разъяснимъ это. Симонъ идетъ ко Іисусу, какъ къ Мессіи, по первому слову брата своего Андрея. *Обрѣтохомъ Мессію,* говорилъ Андрей, — причемъ, безъ сомнѣнія, передалъ свидѣтельство Іоанна объ Іисусѣ и свою бесѣду, какую велъ въ продолженіи дня съ Господомъ въ мѣстѣ Его пребыванія;—все это вмѣстѣ породило въ Петрѣ первые зачатки вѣры, съ которыми онъ шелъ къ Іисусу. Когда Петръ предсталъ предъ Господомъ, Господь *воззрѣлъ* на него,—воззрѣлъ, безъ сомнѣнія, не тѣлесными только очами, но и божественными очами всевѣдѣнія,—и, усматривая пламенность, быстроту и стремительность его характера, предъуказываетъ самое главное и существенное въ немъ,—твердость и силу той вѣры, какая только что въ немъ зародилась, въ ознаменованіе чего и далъ ему новое имя: «Симоне, сынъ Іонинъ, ты наречешься Кифа, что значитъ *камень*».

Въ продолженіе общественнаго служенія Господа, вѣра Петра, какъ и другихъ учениковъ, воспитывалась ученіемъ Господа и Его чудесами, въ которыхъ являлась самоисточная, божественная власть Его,—зрѣла, восходила отъ силы въ силу, укрѣплялась и усовершалась въ разумѣніи тайны воплощенія. Въ половинѣ третьей Пасхи Господь подвергаетъ испытанію вѣру въ Него Апостоловъ. Для удостовѣренія въ томъ: созрѣла ли въ нихъ вѣра настолько, чтобы способна была принять новыя высокія и чрезвычайныя откровенія, во первыхъ, о созданіи Его собственной Церкви, и, во вторыхъ, о самой существенной тайнѣ нашего искупленія во Христѣ, — о Его крестныхъ страданіяхъ, смерти и воскресеніи, — Онъ предлагаетъ вопросъ сперва о томъ, за кого почитаютъ Его люди? Оказалось, что народъ, видя самовластно творимыя чудеса, слыша Его ученія, какъ новаго законодателя и какъ Сына, пребывающаго въ живомъ общеніи со Отцемъ и равночестнаго Отцу,—не возвысился до пониманія Божественной природы Сына человѣческаго, а почиталъ Его за одного изъ великихъ пророковъ. Тогда Господь обращаетъ свой вопросъ къ своимъ ученикамъ: «а *вы* за кого Меня почитаете?» Вопросъ обращенъ ко всѣмъ, но за всѣхъ, по избытку силы и стремительности духа и вѣры, первымъ отвѣчаетъ Петръ. *Ты еси Христосъ Сынъ Бога живаго.* Отвѣтъ полученъ удовлетворительный; предшествующее время руководительства Христова не прошло для нихъ даромъ; — они исповѣдуютъ во Христѣ не только величіе пророка, дѣйствующаго силою Духа Божія,—но прямо признаютъ въ Немъ божество—*Ты Сынъ Бога живаго.* Господь ублажаетъ Петра: *блаженъ еси Симонъ, варъ Іона,* за что же ублажаетъ? *яко плоть и кровь не яви тебѣ, но Отецъ Мой, иже на небесѣхъ.* Тайна Богочеловѣчества открывалась ученикамъ сперва свидѣтельствомъ Іоанна, потомъ ученіемъ и чудесами Самого Христа,—но не смотря на это, ученики могли остаться при ветхозавѣтныхъ воззрѣніяхъ на Христа, какъ на великаго Пророка; новозавѣтное достоинство, совершенство этой вѣры дано было Самимъ Отцемъ Небеснымъ; «не люди тебѣ явили, но Отецъ Мой, и же на небесѣхъ»; —«безъ откровенія Отца и слыша свидѣтельство Іоанново, и пріемля ученіе Мое, и видя чудеса Мои, ты не могъ бы возвыситься до познанія божественной Моей природы». Значитъ, одно близкое общеніе съ Господомъ не могло воспитать вѣры въ Его Божество; видно, встрѣчались для учениковъ Господа, по тому времени, такія нравственныя, духовныя затрудненія, преодолѣть которыя человѣкъ могъ только (какъ, впрочемъ, и всегда) съ Божественною

помощію. Поэтому блаженство Петра, безъ сомнѣнія, нужно понимать въ связи съ внутренними усиліями его вѣры. Но почему же одинъ Петръ ублажается? Безъ сомнѣнія, этого блаженства сообщны были и прочіе Апостолы, ибо и они вѣровали во Христа *Сына Бога живаго*, ибо за нихъ за всѣхъ говорилъ Петръ,—и потому Господь, по окончаніи бесѣды, обратившись ко всѣмъ, заповѣдалъ, чтобы они еще не открывали этой тайны народу,—но Петръ ублажается, какъ первый, подобно тому, какъ вѣстникъ царю о побѣдѣ—первымъ получаетъ щедрыя награды отъ него.

Когда же, такимъ образомъ, открылось, что вѣра Христовыхъ сообщниковъ или учениковъ отдѣлилась и обособилась отъ несовершенной вѣры сыновъ ветхозавѣтной Церкви и настолько была зрѣла, что можно было приступить къ предначертанію Церкви новозавѣтной, Господь тотчасъ даетъ обѣтованіе о созданіи сей Церкви. *Азъ же тебѣ глаголю: ты еси Петръ и на семъ камени созижду Церковь Мою и врата адова не одолѣютъ ей.* Не говоритъ: *на тебѣ созижду*, а *на семъ камени*, дѣлаетъ ясное различіе между словами *Петръ* и *на семъ камени*, допуская нѣкоторую игру словъ; видно — выраженіе: *на тебѣ созижду*, какъ дѣлаютъ паписты, не соотвѣтствовало мыслямъ Христовымъ.

По слову Господа, созданіе Церкви предстоитъ въ будущемъ. Тѣмъ не менѣе, настоящій моментъ въ высшей степени важный для будущихъ судебъ обѣщанной Церкви. Съ этимъ моментомъ евангелистъ, описывающій это обѣтованіе Господа, связываетъ откровеніе тайны крестныхъ страданій, смерти и воскресенія. *Отъ тогда начатъ Іисусъ сказовати ученикомъ своимъ, яко подобаетъ ему ити во Іерусалимъ, и много пострадати отъ старецъ и архіереи и книжникъ, и убіену быти, и въ третій день востати* (Мѳ. 16, 21). Почему же *отъ тогда*, т. е. съ того времени? Какая связь страданій Господа съ исповѣданіемъ Петровымъ и созданіемъ Церкви? Самая тѣсная и существенная. Апостолы устами Петра исповѣдали свою вѣру въ Божество Іисуса Христа; но эта вѣра нуждалась еще въ новомъ, совершеннѣйшемъ откровеніи неизслѣдимой любви Бога къ человѣку, явленной въ смерти Богочеловѣка, которая собственно и должна была послужить основаніемъ освященія и обновленія Церкви; какъ впослѣдствіи, по совершенномъ раскрытіи этой тайны, Апостолъ и писалъ: *Христосъ возлюби Церковь и Себе предаде за ню, да освятитъ ю, очистивъ банею водною въ глаголѣ и да представитъ ю Церковь славну, неимущу скверны или порока, или нѣчто отъ таковыхъ, но да есть свята и непорочна* (Еф. 5, 25—27). Вѣрою въ эту тайну, по-

сильнымъ разумѣніемъ любви Божіей къ человѣку и усвоеніемъ ея. при благодатныхъ богодарованныхъ средствахъ Церкви, и совершается преобразованіе поврежденнаго человѣка изъ ветхаго, плотскаго въ новаго духовнаго, уподобленіе Христу и возвращеніе человѣка въ любовь Отца Небеснаго. Безъ раскрытія этой тайны рановременно бы было какъ устроеніе Церкви, такъ и благовѣстіе о божествѣ Іисуса Христа. Вотъ почему Господь запретилъ ученикамъ говорить народу о Его божествѣ.

Открытіе тайны крестной смерти Христовой, столь чуждой ветхозавѣтнымъ представленіямъ о славѣ Мессіи, долженствовало сопровождаться соблазномъ или испытаніемъ вѣры самихъ учениковъ. Чтобы укрѣпить и запечатлѣть ихъ вѣру въ божество, Господь Іисусъ черезъ восемь дней послѣ исповѣданія Петрова являетъ предъ избранными учениками: Петромъ, Іаковомъ и Іоанномъ славу свою въ преображеніи. Апостолы такъ и поняли преображеніе, какъ откровеніе божественнаго величія Спасителя міра (2 Петр. 1, 16, 17).

И такъ, скажите: на комъ, или на чемъ Христосъ создаетъ Церковь? Ужь ни въ какомъ случаѣ не на Петрѣ, а *на семъ камени*; т. е. на томъ, что дѣлаетъ Петра твердымъ, какъ камень, что составляло твердыню всѣхъ Апостоловъ, что составляетъ твердыню каждаго христіанина, — *на вѣрѣ въ божество Христово и Его крестную смерть и воскресеніе*. Эта вѣра начинается въ насъ огласительнымъ ученіемъ со внѣ, воспріемлется душою, возрастаетъ при благодатной помощи и внутреннихъ свободныхъ усиліяхъ воли и, наконецъ, возводится къ совершенству разумѣніемъ любви Божіей, явленной намъ въ смерти и воскресеніи Христа Спасителя. Вотъ тотъ камень, на которомъ зиждется Церковь. Говоря кратко, не на Петрѣ Господь создаетъ Церковь, а на Себѣ Самомъ; всѣ вѣрующіе, усвоившіе себѣ Христа, т. е. уподобившіеся Ему, живущіе Его Духомъ, воспріявшіе Его свойство, суть тѣ живые камни, изъ которыхъ слагается зданіе Церкви.

Вотъ наше православное толкованіе! При такомъ пониманіи. не можетъ быть и рѣчи о какой-либо человѣческой личности, какъ основномъ камнѣ Церкви.

Но чѣмъ мы докажемъ предъ католиками, что наше толкованіе единственно вѣрное и истинное? Свидѣтельствомъ вселенскаго преданія. Св. Викентій Лиринскій, рѣшая вопросъ о томъ, какъ различать толкованіе православное отъ еретическаго, пишетъ: «не всѣ понимаютъ Писаніе въ одномъ и томъ же смыслѣ, но одинъ

толкуетъ его изреченія такъ, другой — иначе; такъ что сколько головъ, столько же, повидимому, можно извлечь изъ него и смысловъ. По своему объясняетъ его Новаціанъ, по своему Савеллій, по своему Донатъ, Арій, Евномій, Македоній и другіе. А потому совершенно необходимо, при такомъ множествѣ безчисленно разнообразныхъ изворотовъ заблужденія, направлять нить толкованій пророческихъ и апостольскихъ Писаній *по нормѣ церковнаго и вселенскаго ихъ пониманія*». Такъ сдѣлаемъ и мы. Начнемъ съ Апостольскихъ посланій, затѣмъ перейдемъ къ писаніямъ мужей Апостольскихъ, затѣмъ къ писаніямъ ихъ преемниковъ и т. д., и посмотримъ, есть ли у нихъ слѣды ученія о божественномъ установленіи Петрова главенства и какъ они толкуютъ обѣтованія, данныя Спасителемъ сему первоверховному Апостолу.

Въ посланіяхъ Апостоловъ,—семи соборныхъ и 14-ти ап. Павла, а также въ Апокалипсисѣ ничего не говорится о верховенствѣ и единовластительствѣ или намѣстничествѣ Петровомъ; если это есть божественное установленіе, о немъ было бы упомянуто кѣмъ-либо изъ Апостоловъ; между тѣмъ какъ они постоянно проповѣдуютъ о единой главѣ Церкви, и единомъ основаніи ея, Господѣ нашемъ Іисусѣ Христѣ, объ Апостолахъ же говорятъ, какъ о *служителяхъ* (1. Кор. 3, ст. 5) и *споспѣшникахъ* или *соработникахъ* у Бога (ст, 9). Извѣстно свидѣтельство св. ап. Павла объ Іисусѣ Христѣ, какъ единственномъ основаніи евангельской проповѣди *основанія инаго никто же можетъ положити паче лежащаго, еже есть Іисусъ Христосъ* (ст. 11). Это мѣсто имѣетъ величайшую важность въ томъ отношеніи, что Апостолъ ведетъ рѣчь по поводу коринѳскихъ партій, изъ которыхъ каждая прикрывалась какимъ-либо знаменитымъ именемъ, между прочимъ, и именемъ ап. Петра или Кифы. Осуждая это раздѣленіе, какъ ниспаденіе въ плотской образъ мыслей, Апостолъ основаніе для сего осужденія указывалъ въ единствѣ Христовомъ и въ служебномъ званіи Апостоловъ. *У васъ говорятъ: я Павловъ, я Аполлосовъ, я Кифинъ, а я Христовъ. Развѣ раздѣлился Христосъ? Развѣ Павелъ распялся за васъ? или во имя Павла вы крестились?* (1 Кор. 1, ст. 12, 13). Продолжая тоже обличеніе, Апостолъ пишетъ: *кто Павелъ? кто Аполлосъ? Они только служители, чрезъ которыхъ вы увѣровали, и притомъ по скольку каждому далъ Господь* (гл. 3, ст. 5). Быть не можетъ, чтобы при этомъ случаѣ ап. Павелъ не выдѣлилъ ап. Петра, какъ Христова на землѣ продолжателя, и не сказалъ бы, въ какихъ особыхъ отношеніяхъ онъ ко Христу, и въ какихъ отношеніяхъ они, прочіе Апостолы, къ нему, какъ намѣстнику Христову. Быть

не можетъ, чтобы онъ не зналъ этого основнаго догмата для Церкви, надъ созиданіемъ которой онъ трудился. Подобнымъ образомъ и въ другомъ мѣстѣ онъ не выдѣляетъ Петра, когда изображаетъ Церковь созданною на Апостолахъ и пророкахъ, утверждающихся на основномъ камнѣ Христѣ: *вы сограждане святымъ и свои Богу, бывъ утверждены на основаніи Апостоловъ и пророковъ, имѣя Самого Іисуса Христа краеугольнымъ камнемъ, на Которомъ все зданіе, слагаясь стройно, возрастаетъ въ святой храмъ въ Господѣ* (Еф. 2, 19—21). Такое же равенство Апостоловъ свидѣтельствуетъ и св. ап. Іоаннъ Богословъ, когда описываетъ Церковь Божію сходящею съ неба въ видѣ города, стѣна котораго имѣетъ двѣнадцать основаній съ именами двѣнадцати Апостоловъ Агнца (Ап. 21, 14). Всѣ эти и подобныя имъ мѣста Апостольскихъ писаній свидѣтельствуютъ, что обѣтованія Христовы Петру никакъ нельзя толковать въ смыслѣ Петрова главенства въ Церкви или въ смыслѣ втораго по Христѣ основнаго камня для Церкви, на которомъ положены были его соработники,—Апостолы, а на нихъ и всѣ чрезъ нихъ увѣровавшіе.

Такое же свидѣтельство о единомъ главенствѣ Христовомъ и равенствѣ Апостоловъ мы имѣемъ и въ письменныхъ памятникахъ церковной древности.

Такъ, изъ Апостольскихъ правилъ мы узнаемъ, что въ Церкви вселенской первыхъ вѣковъ христіанства не только не было главенства, не было даже и первенства, общаго для всѣхъ церквей; мы уже видѣли и выше, что это первенство имѣло свою исторію, что оно образовалось по нормѣ 34-го апостольскаго правила, что оно началось въ помѣстныхъ церквахъ, а отсюда возвысилось до каноническаго первенства между патріархами. Выше нами уже было показано также, что отъ ап. Петра не осталось какого-либо особаго, исключительно ему усвоеннаго рукоположенія, которое бы отъ него преемственно передавалось его преемникамъ въ Римѣ,—что, напротивъ, осталось только рукоположеніе обще-апостольское, для передачи котораго и установлено соборное рукоположеніе. Посему, такъ какъ рукоположенія Петрова нѣтъ, то не можетъ быть и рѣчи о какомъ-либо Петровомъ преемствѣ по *власти* и по *ученію*. Отсюда ясно слѣдуетъ, что латинское толкованіе о верховенствѣ Петровомъ есть толкованіе искусственно придуманное, ложное.

Отъ временъ Апостольскихъ мы имѣемъ другой замѣчательный памятникъ—литургію св. ап. Іакова, перваго іерусалимскаго Епископа. Въ ней мы находимъ свидѣтельство, какъ и за кого моли-

лись въ Апостольской Церкви, и какъ разумѣли Христово обѣтованіе объ основаніи Церкви. Въ одномъ прошеніи, читавшемся на этой Литургіи, вѣрные молились такъ: «да будетъ (чаша въ евхаристіи)... во утвержденіе святой Твоей, каѳолической и апостольской Церкви, *которую Ты основалъ на камнѣ вѣры* (supra petrum fidei), *да врата адова не одолѣютъ ей;* также: «приносимъ Тебѣ Господи (таинственную жертву евхаристіи), и о святыхъ Твоихъ мѣстахъ, которыя прославилъ Ты божественнымъ явленіемъ Христа Твоего и пришествіемъ Пресвятаго Твоего Духа, и особенно о *славномъ Сіонѣ*, *матери всѣхъ Церквей*, и о святой Твоей каѳолической и апостольской Церкви, сущей по всему міру... Помяни Господи и святыхъ отцевъ и братій, которые въ ней находятся, и епископовъ, которые по всему міру православною вѣрою раздѣляютъ слово Твоея истины»[1]). Въ этой молитвѣ замѣчательно, во первыхъ, то, что обѣтованіе Христово Петру во времена апостольскія вѣрующіе понимали не въ смыслѣ Петрова главенства, какъ понимаютъ паписты: *на тебѣ созижду* (конкретно), а отвлеченно — въ смыслѣ той вѣры, какая была исповѣдана Петромъ отъ лица всѣхъ Апостоловъ: *на камнѣ вѣры;* во вторыхъ,—что тогда не только не было положено никакихъ молитвъ о римскомъ епископѣ, какъ главѣ Церкви, но даже о немъ и не упоминается, онъ подразумѣвается въ общемъ *составѣ святыхъ отецъ и братій*, и, въ третьихъ, что славною Церковію и матерью всѣхъ Церквей считалась Церковь іерусалимская, прославленная явленіемъ Христа Спасителя и сошествіемъ Святаго Духа.

Обращаемся засимъ къ писаніямъ ближайшихъ преемниковъ Апостольскихъ, обычно называемыхъ мужами Апостольскими: Климента, третьяго по порядку, епископа Римскаго, сотрудника ап. Павла, Ермы, упоминаемаго Павломъ въ посланіи къ Римлянамъ, Игнатія Богоносца, втораго за Еводіемъ, епископа антіохійскаго, и Поликарпа, епископа смирнскаго, обращавшагося съ ап. Іоанномъ Богословомъ. Симъ святымъ мужамъ, ревностно заботившимся о сохраненіи единства Церкви, было много поводовъ говорить о главенствѣ Петровомъ, если оно было установлено Господомъ, какъ основной догматъ Церкви, но тѣмъ не менѣе у нихъ нѣтъ ни малѣйшаго упоминанія о семъ. Когда они говорятъ объ Апостолахъ, они не выдѣляютъ изъ ряду ихъ св. ап. Петра; когда говорятъ о единствѣ Церкви, они, съ одной стороны, раскрываютъ духовно-бла-

---

[1]) *De* la Bigne, maxima biblioth. veterum Patrum. T. II, pag. 6. Jacobi divina-missa.

годатное единство всѣхъ вѣрующихъ во Христѣ силою Духа Святаго, а съ другой — внѣшнее каждой мѣстной Церкви въ своемъ епископѣ. Такъ, св. Климентъ пишетъ: «Къ чему у васъ распри, гнѣвъ, несогласія, раздѣленія, война? Не одного ли Бога и одного Христа имѣемъ мы? Не одинъ ли Духъ благодати излитъ на насъ, и не одно ли призваніе во Христѣ?..»[1]) И Апостолы знали чрезъ Господа нашего Іисуса Христа, что будетъ раздоръ о епископскомъ достоинствѣ. По этой самой причинѣ, они, получивши совершенное предвѣдѣніе, поставили вышеозначенныхъ служителей и потомъ присовокупили законъ, чтобы, когда они почіютъ, другіе испытанные мужи принимали ихъ служеніе»[2]). Въ томъ же посланіи Климентъ упоминаетъ объ апостолахъ Петрѣ и Павлѣ, но только какъ объ *образцахъ терпѣнія*, при чемъ въ особенности упоминаетъ о благовѣстническихъ трудахъ ап. Павла, говоря, что «онъ научилъ весь міръ правдѣ и доходилъ до границъ запада»[3]). Въ другомъ сочиненіи, приписываемомъ тому же мужу Апостольскому, извѣстномъ подъ именемъ «Постановленій Апостольскихъ», мы имѣемъ весьма важное свидѣтельство о томъ, что во времена Апостоловъ первенство имѣлъ престолъ іерусалимскій. Историкъ Евсевій въ слѣдующемъ видѣ приводитъ это свидѣтельство: «Объ этомъ Климентъ въ шестой книгѣ *Постановленій* говоритъ такъ: Петръ, Іаковъ и Іоаннъ, хотя отъ Самого Господа предпочтены были (другимъ ученикамъ), однако, по вознесеніи Спасителя, не стали состязаться *о славѣ*, но іерусалимскимъ епископомъ избрали Іакова *праведнаго*». А въ седьмой книгѣ тѣхъ же *Постановленій* онъ повѣствуетъ объ Іаковѣ еще слѣдующее: «по воскресеніи Своемъ Господь сообщилъ даръ вѣдѣнія Іакову *праведному*, Іоанну и Петру; а они передали его прочимъ Апостоламъ, прочіе же седмидесяти ученикамъ, изъ которыхъ одинъ былъ Варнава»[4]). Это свидѣтельство весьма важно въ томъ отношеніи, что оно говоритъ за нѣсколько вѣковъ. Изъ него оказывается, что о главенствѣ Петровомъ не мыслили въ IV вѣкѣ, представителемъ котораго служитъ Евсевій, приводящій это свидѣтельство, ни мужи Апостольскіе, къ которымъ относится Климентъ, ни, наконецъ, сами Апостолы, которые въ данномъ случаѣ должны были вспомнить о главенствѣ Петровомъ, если оно есть Божественное установленіе.

---

1) Посл. къ Кор. гл. 46.

2) Посл. къ Кор. гл. 44.

3) Посл. къ Кор. гл. 5.

4) Евсевій, «Церк. Ист.», кн. 2, гл. 1.

Св. Ермъ, въ своемъ «Пастырѣ» представляетъ Церковь въ видѣ строющейся башни на «бѣломъ огромномъ камнѣ», т. е. на Христѣ Спасителѣ. Можно было ожидать, что Ермъ, какъ мужъ Апостольскій, жившій въ Римѣ, извѣстный ап. Павлу, и, безъ сомнѣнія, обращавшійся съ ап. Петромъ, упомянетъ о главенствѣ Петровомъ, при строеніи Церкви положитъ его вторымъ основнымъ камнемъ, и на немъ станетъ воздвигать всю башню,—между тѣмъ этого не случилось. Ермъ совершенно не знаетъ никакого Петрова главенства и не дѣлаетъ никакого намека. Онъ пишетъ, что,—на основномъ Камнѣ въ первомъ ряду положено было десять камней, во второмъ ряду двадцать пять, въ третьемъ тридцать пять, а въ четвертомъ сорокъ. По изъясненію «Пастыря», *первые десять* означаютъ первый вѣкъ (?), слѣдующіе *двадцать-пять*—второй вѣкъ мужей праведныхъ, *тридцать-пять*—означаютъ пророковъ и служителей Господа, *сорокъ* же—апостоловъ и учителей благовѣстія Сына Божія» [1]).

Св. Игнатій Богоносецъ, въ изъясненіи главенства Христова и непосредственномъ нашемъ единеніи въ Немъ подтверждаетъ тѣ мысли, которыя были уже нами раскрыты въ 1-й и 2-й главахъ [2]). Сравнивая единство Церкви то съ органическимъ единствомъ тѣла, то съ единствомъ храма Божія, построеннаго изъ многихъ камней и имѣющаго одинъ жертвенникъ [3]), то съ единствомъ хора, состоящаго изъ многихъ голосовъ, но поющаго одну стройную пѣснь,—Игнатій такъ объясняетъ причину этого единства: «Безъ Христа нѣтъ истинной жизни, нѣтъ, слѣдовательно, и истиннаго единства. Христосъ—истинная жизнь. Онъ и начало истиннаго единства; Онъ проникаетъ своею жизнію душу каждаго вѣрующаго, дѣлая его своимъ членомъ, тою же жизнію одушевляетъ Онъ всѣхъ вмѣстѣ, объединяя всѣхъ въ Себѣ Самомъ, какъ главѣ. Тайна этого объединенія совершается въ душахъ человѣческихъ посредствомъ вѣры и любви. Вѣра и любовь служатъ проводниками, чрезъ которые жизнь Христова изливается въ душу вѣрующаго; онѣ способствуютъ претворенію этой жизни въ собственную жизнь души; посредствомъ ихъ Христосъ какъ бы воплощается въ духѣ вѣрующаго. Вѣрующій, посредствомъ вѣры и

[1]) Под. IX, гл. XV.

[2]) См. стр. 37—57, 94—116.

[3]) Посл. къ Смирн. гл. 1. Къ Еф. гл. 9; къ Магнез. гл. 7 Къ Еф. гл. 4. Къ Траллл. гл. 9. Къ Траллл. гл. 11. Ib. гл. 8. Къ Еф. гл. 15 Ib. гл. 9.

любви, внутренно соединяясь со Христомъ, становится храмомъ Его, въ которомъ Онъ живетъ, какъ Богъ [1]). И каждый вѣрующій есть богоносецъ и христоносецъ. Такъ объединяются всѣ вѣрующіе во Христѣ» [2]).

Точно также учитъ и Поликарпъ епископъ Смирнскій. По его представленію, «Церковь есть духовно-благодатное общество съ внѣшнимъ богоучрежденнымъ устройствомъ, такъ глубоко и внутренне объединенное, что образуетъ собою цѣлостное органическое тѣло [3]). Главною основою внутренней его жизни и единства служитъ Самъ Іисусъ Христосъ, который все претерпѣлъ ради насъ, чтобы намъ жить въ Немъ, и въ которомъ всѣ вѣрующіе должны непрестанно пребывать, какъ въ ихъ надеждѣ и залогѣ правды [4]). Въ самихъ же вѣрующихъ объединяющимъ жизненнымъ началомъ служитъ вѣра, за которой слѣдуетъ надежда, и которой предшествуетъ любовь къ Богу, ко Христу и къ ближнему [5]), какъ производящая во всѣхъ вѣрующихъ одинаковыя чувства и раждающая одинаковую духовную жизнь, она въ этомъ отношеніи есть матерь всѣмъ имъ [6]). Потому всѣ они составляютъ братство въ взаимной любви и единеніи» [7]). По ученію Игнатія и Поликарпа, видно, что помѣстныя церкви объединяются видимо въ своемъ епископѣ, а невидимо-духовно всѣ вмѣстѣ во Христѣ; объ одномъ же лицѣ, объединяющемъ всю вселенскую Церковь, не упоминаютъ ни тотъ, ни другой.

Отъ II вѣка мы имѣемъ творенія знаменитыхъ церковныхъ писателей: св. Іустина философа, жившаго въ Римѣ, св. Ѳеофила антіохійскаго, св. Иринея ліонскаго и Тертулліана африканскаго. У Іустина муч. и Ѳеофила мы не находимъ никакихъ слѣдовъ преданія не только о главенствѣ, даже и о первенствѣ римскаго епископа; не находимъ ничего и въ писаніяхъ Иринея и Тертулліана, между тѣмъ какъ борьба, какую вели эти писатели со лжеучителями-гностиками, давала поводъ указать на ту богоустановленную опору, на которой держится Христова истина и вся Его Церковь. Гностики учили, что Апостолы знали сокровенныя таинства, которыя они сообщали отдѣльно и тайно отъ прочихъ; выдавая свои

---

[1]) Посл. къ Еф. гл. 15.
[2]) Ib. гл. 9.
[3]) Посл. къ Филипп. гл. 11.
[4]) Посл. къ Филипп. гл. 8.
[5]) Посл. къ Филипп. гл. 3.
[6]) Ib.
[7]) Посл. къ Филипп. гл. 10.

лжеученія за таинственныя преданія Апостоловъ, они соблазняли неопытныхъ и увлекали ихъ въ сѣти своихъ заблужденій. Опровергая такихъ лжеучителей, клеветавшихъ на св. Апостоловъ, св. Иринеи раскрывалъ тоже ученіе о главенствѣ Христовомъ въ Церкви, какъ и мужи Апостольскіе, тоже ученіе о благодати Духа Святаго, поддерживающей и охраняющей жизнь Церкви,—о вѣрѣ, какъ дарѣ Божіемъ, который ввѣренъ Церкви, какъ дыханіе жизни дано было первозданному человѣку, — и которымъ всѣ члены ея, оживотворяясь, входятъ въ общеніе со Христомъ; но для различенія истиннаго ученія отъ ложнаго, онъ со всею ясностію указалъ на Церковь въ ея цѣлости, какъ на хранительницу истины, и на Апостольское преданіе, какъ на богодарованное средство храненія истины. Такъ, онъ писалъ, что «Господь, давши Апостоламъ власть проповѣдывать Евангеліе, сказалъ имъ: «кто слушаетъ васъ, Меня слушаетъ, и кто презираетъ васъ, Меня презираетъ и Того, Кто послалъ Меня»; что въ силу этой власти Апостолы, какъ богачъ въ сокровищницу, вполнѣ положили въ Церковь все, что относится къ истинѣ», и «со всѣмъ этимъ богатствомъ они ввѣрили ее епископамъ». Посему, «не должно искать у другихъ истины, которую легко получить отъ Церкви...» «Всѣ желающіе видѣть истину, могутъ во всякой церкви узнать преданіе Апостоловъ, открытое во всемъ мірѣ; и мы можемъ перечислить епископовъ, поставленныхъ Апостолами въ церквахъ, и преемниковъ ихъ до насъ, которые ничего не учили и не знали такого, что эти еретики бредятъ... Но поелику было бы весьма длинно въ такой книгѣ, какъ эта, перечислять первенства (предстоятелей) всѣхъ Церквей, то я приведу преданіе, которое имѣетъ отъ Апостоловъ величайшая, древнѣйшая и всѣмъ извѣстная церковь, основанная и устроенная въ Римѣ двумя славнѣйшими Апостолами—Петромъ и Павломъ, и возвѣщенную людямъ вѣру, которая чрезъ преемства епископовъ дошла до насъ, и посрамлю всѣхъ тѣхъ, кто всячески незаконнымъ образомъ составляетъ собранія, или по худому самоугожденію, или по тщеславію, или по слѣпотѣ и превратнымъ мнѣніямъ. Ибо по необходимости съ этою церковію, по ея преимущественной важности (propter potentiorem principalitatem), согласуется всякая церковь, т. е. повсюду вѣрующіе, такъ какъ въ ней апостольское преданіе всегда сохранялось вѣрующими повсюду [1])...» И Поликарпъ, который не

[1]) Паписты это мѣсто дѣлаютъ спорнымъ, вслѣдствіе своихъ натянутыхъ и отчасти неправильныхъ толкованій; такъ, напр., слова: въ ней всегда *сохранялось* (conservata est) преданіе Апостоловъ, у нихъ читаются: въ ней всегда

только былъ наставленъ Апостолами и обращался со многими изъ видѣвшихъ Господа, но и Апостолами былъ поставленъ въ епископа Смирнской Церкви въ Азіи, и котораго я видѣлъ въ моей ранней молодости,—ибо онъ жилъ долго и въ глубокой старости окончилъ эту жизнь славнѣйшимъ и благороднѣйшимъ мученичествомъ,—онъ всегда училъ тому, что узналъ отъ Апостоловъ, что передаетъ и Церковь и что одно только истинно. Объ этомъ свидѣтельствуютъ всѣ церкви азійскія, равно какъ и тѣ, которые были преемниками Поликарпу до настоящаго времени,—такой человѣкъ гораздо достовѣрнѣйшій и надежнѣйшій свидѣтель истины, чѣмъ Валентинъ, Маркіанъ и другіе еретики. Также и церковь Ефесская, основанная Павломъ и имѣвшая среди себя Іоанна до самыхъ временъ Траяна, есть истинная свидѣтельница апостольскаго преданія... Что же? Если бы возникъ споръ о какомъ-нибудь важномъ вопросѣ, то не надлежало-ль бы обратиться къ древнѣйшимъ церквамъ, въ которыхъ обращались Апостолы, и отъ нихъ получить, что есть достовѣрнаго и яснаго относительно настоящаго вопроса? Что если бы Апостолы не оставили намъ писаній? Не должно ли было слѣдовать порядку преданія, переданнаго тѣмъ, кому они ввѣрили церкви?» [1]).

Въ словахъ Иринея, въ которыхъ онъ указываетъ на римскую церковь, какъ на величайшую, древнѣйшую и т. д., паписты видятъ его свидѣтельство о ея главенствѣ. Мы охотно признаемъ за римскою церковію и величіе, и древность, и знаменитость, и происхожденіе отъ славнѣйшихъ Апостоловъ,— но все это взятое вмѣстѣ не свидѣтельствуетъ о главенствѣ папы. Св. Ириней беретъ римскую церковь въ качествѣ вѣрной хранительницы Апостольскаго преданія, наравнѣ съ другими, какъ церковь наиболѣе знаменитую, не больше.

Это не его личный взглядъ, а взглядъ всей древности. Такую же ссылку на важность апостольскихъ престоловъ для отысканія истиннаго преданія дѣлаетъ и Тертулліанъ, только съ меньшимъ почтеніемъ къ Риму. Поэтому его слова будутъ лучшимъ комментаріемъ словъ Иринея. «Ты желающій лучше упражнять любопытство въ дѣлѣ твоего спасенія, пишетъ Тертулліанъ, обойди церкви апостольскія на своихъ мѣстахъ, въ которыхъ читаются еще самыя автографы ихъ посланій, звуча голосомъ и представляя лице каж-

сохраняется преданіе Апостоловъ. См. подробный разборъ такихъ искаженій въ книгѣ архим., нынѣ архіепископа Никанора: «Разборъ римскаго ученія о видимомъ (папскомъ) главенствѣ въ Церкви». Изд 2. 1871 г., стр. 170—188.

[1]) Противъ ересей. Кн. III, гл. 3—4.

даго. Ближе всего тебѣ Ахаія? Имѣешь Коринѳъ Если ты недалеко отъ Македоніи, — имѣешь Филиппы, имѣешь Солунь. Если можешь отправиться въ Азію, — имѣешь Ефесъ. А если ты прилежишь Италіи, — имѣешь Римъ, гдѣ для насъ также ближайшій авторитетъ (unde nobis quoque auctoritas praestra est) [1]. Какъ счастлива эта Церковь, въ которой Апостолы пролили свое ученіе вмѣстѣ съ кровію своею, въ которой Павлу была усѣчена глава, подобно какъ Іоанну Крестителю, въ которой Іоаннъ Богословъ, изшедши изъ сосуда съ кипящимъ масломъ здравъ и невредимъ, осужденъ былъ въ заточеніе на островъ [2]).

Изъ этихъ словъ видно, что Тертулліанъ признаетъ совершенное равенство Апостоловъ. Но въ такомъ случаѣ, какъ же понять тѣ мѣста изъ его писаній, гдѣ онъ касается вопроса о первенствѣ и преимуществахъ ап. Петра. Онъ первый говоритъ о переименованіи Петра и созданіи на немъ Церкви. О переименованіи онъ говоритъ такъ: «Господь перемѣняетъ имя Петру изъ Симона... А почему называетъ его Петромъ? Если за твердость вѣры, то многія вещи, особенно твердыя, дали бы ему имя отъ своего имени. Или потому, что и скала, и камень (et petra et lapis) Христосъ? Дѣйствительно, мы и читаемъ (Ис. 8, 14. 1 Петр. 2, 8), что Онъ положенъ *въ камень претыканія и въ камень соблазна*. Прочее опускаю. И такъ благоволилъ Онъ любезнѣйшему изъ учениковъ сообщить имя именно отъ своихъ образовъ (figuris) [3]). Не смотря на то, что эти объясненія довольно неясны, изъ нихъ, однакожъ, можно вывести ту общую мысль, что Симонъ переименовывается въ Петра по образу Самого Христа, т. е. *въ камень претыканія и въ камень соблазна* (что и справедливо; такъ какъ ап. Петръ доселѣ служитъ камнемъ претыканія и соблазна для западныхъ христіанъ). Когда же говоритъ объ основаніи на Петрѣ Церкви, то употребляетъ выраженія евангельскія въ прямомъ смыслѣ почти безъ всякихъ комментаріевъ, въ полной увѣренности, что его рѣчь понятна сама по себѣ для читателя. Вотъ, напр., слѣдующее мѣсто: «*на тебѣ*, говоритъ (Господь), *созижду Церковь Мою...*» Такъ и исходъ дѣла показываетъ. На немъ (Петрѣ) Церковь устроена, т. е. чрезъ него. Смотри какъ: «*Мужіе Израильстіи! послушайте словесъ моихъ: Іисуса Назорея, мужа отъ Бога извѣствованна въ васъ*» (Дѣян. 2, 22) и проч. Онъ (Петръ) потомъ

---

1) De praescr. c. 36.

2) De praescr. c. 36.

3) Adversus Marc. I. III, c. 16.

первый указалъ въ крещеніи Христовомъ входъ въ царство небесное..., и Ананію связалъ узами смерти, и разслабленнаго ногами разрѣшилъ отъ недостатка здоровья. Такъ и въ этомъ разногласіи о томъ, должно ли или нѣтъ соблюдать законъ, *первый* изъ всѣхъ Петръ, духомъ наставленный и предваренный касательно призванія язычниковъ, говоритъ: *нынѣ что искушаете Бога* (Дѣян. 15, 10, 11)... Это объясненіе совершенно то же, какое мы привели выше. Съ Петра полагается начало Церкви, Петръ первымъ выступаетъ, первымъ говоритъ и дѣйствуетъ, но въ качествѣ представителя всего Апостольскаго лика, — какъ наиболѣе быстрый и сильный изъ нихъ, а не въ качествѣ основоположника.

Подобно и другое мѣсто. Отвѣчая на возраженіе еретиковъ, что будто бы Апостолы *не все знали*, Тертулліанъ пишетъ: «кто изъ здравомыслящихъ можетъ вѣрить, чтобы не знали чего-нибудь тѣ, коихъ Господь сдѣлалъ наставниками, имѣя ихъ собственно въ сопутничествѣ, въ ученичествѣ, въ сожительствѣ?... Ужели утаено что-нибудь отъ Петра, названнаго камнемъ созидаемой Церкви, наслѣдовавшаго ключи царствія и власть вязать и рѣшить на небѣ и на землѣ? Ужели утаено что-нибудь отъ Іоанна, возлюбленнѣйшаго Господу, возлежавшаго на персяхъ Его? Отъ тѣхъ, коимъ Онъ открылъ даже Свою славу, и Моисея, и Илію, и сверху съ неба гласъ Отца, не какъ бы унижая другихъ, но потому что *при трiехъ свидѣтеляхъ станетъ всякъ глаголъ*... Чрезъ Духа истины, по обѣтованію Господа, Апостолы наслѣдовали всяку истину» [1]). И въ этомъ объясненіи мысль Тертулліана видна. Здѣсь авторъ высказываетъ свое представленіе и о равенствѣ Апостоловъ, и объ ихъ личныхъ преимуществахъ.

Но есть и еще одно мѣсто, гдѣ онъ говоритъ: что «на Петрѣ создана Церковь» [2]). Какъ же надо понимать эти слова? и какія мы имѣемъ средства установить ихъ смыслъ? Для этого мы должны требовать отъ нихъ того, что видятъ въ нихъ паписты. Такъ какъ они учатъ, что установленіе папы главою Церкви есть установленіе божественное, Самого Іисуса Христа, что это есть догматическая особая степень священства, высшая и источная для всѣхъ прочихъ степеней,—то мы въ правѣ требовать отъ словъ Тертулліана: выражается ли въ нихъ вѣра въ божественное установленіе главенства Петрова надъ всѣми Апостолами? училъ ли онъ о преемствѣ этой Петровой власти? и признавалъ ли папу главою всей

---

[1]) De praescr. haeret. c. 22.

[2]) Monog. c. 8.

Церкви? Ничего не бывало. Надъ верховнымъ первосвященствомъ онъ смѣется (изъ чего можно заключить, что притязанія на верховенство тогда уже начинали проявляться чувствительно для Африканской Церкви); о преемствѣ Петровой власти не говоритъ ни слова; о важности римской церкви говоритъ наравнѣ съ другими церквами, называя ихъ *всѣ безъ различія апостольскими, матерями и источниками вѣры:* наконецъ, защищая достоинство Петра предъ гностиками, которые унижали его предъ ап. Павломъ, ничего не говоритъ объ его главенствѣ, а разсуждаетъ о немъ, какъ о равномъ ап. Павлу. Послѣ этого, каждый читатель можетъ разсудить, въ какомъ смыслѣ надо изъяснять выраженія Тертулліана о созданіи на Петрѣ Церкви? Разумѣется, никакъ не въ буквальномъ; ибо въ буквальномъ смыслѣ онъ одного Христа называетъ основаніемъ Церкви, какъ и должно быть; и никакъ не въ догматическомъ, ибо объ установленіи особой степени священства нѣтъ ни слова, ни какого-либо намека, — спрашивается: въ какомъ же? Очевидно,—писатель хотѣлъ только указать на высокія нравственныя отличія Петра, которыя хотя давали ему нравственныя преимущества, — первенство предъ его сослужителями, но не выводили его изъ ряда Апостоловъ и не ставили его выше другихъ Апостоловъ (См. выше).

Въ третьемъ вѣкѣ наиболѣе выдающимися свидѣтелями вселенскаго преданія могутъ служить св. Кипріанъ († 258 г.) и Оригенъ († 254 г.). Кипріанъ, свидѣтельство котораго мы уже приводили, чаще другихъ напоминаетъ о Петрѣ, какъ камнѣ, на которомъ создана Церковь, но тѣмъ не менѣе, не признавалъ его главою прочихъ Апостоловъ или основаніемъ Церкви, какъ толкуютъ паписты, а еще менѣе признавалъ главенство римскаго епископа. Онъ такъ рѣзко и такъ сильно писалъ противъ Стефана, трактуя его равнымъ по епископству, что его сочиненія, по опредѣленію папы Геласія, какъ мы сказали выше, внесены были въ число апокрифическихъ, и считались таковыми дотолѣ, пока не были исправлены папистами, согласно съ ихъ ученіемъ. Идеалъ церковнаго управленія Кипріанъ рисуетъ въ слѣдующемъ видѣ: «Многочисленно общество священниковъ, скрѣпленное связью (glutino) взаимнаго согласія и узами единства: такъ что, если кто изъ сотоварищества нашего покусится производить ересь и терзать и опустошать стадо Христово, прибѣгаютъ прочіе и, какъ добрые пастыри и милосердые, овецъ Господнихъ собираютъ въ стадо... Ибо хотя насъ пастырей много, но мы пасемъ едино стадо, и всѣхъ

овецъ, которыхъ Христосъ Своею кровію и страданіями купилъ, должны собирать и беречь» [1]).

Имѣя въ виду сношенія Кипріана съ Стефаномъ по дѣлу епископа Василида и Марціала, низложенныхъ въ Испаніи за отреченіе отъ Христа во время гоненій и другіе проступки, по дѣлу арелатскаго епископа Маркіана, а также по вопросу о крещеніи еретиковъ,—этого св. отца мы должны причислить къ числу прямыхъ и рѣшительныхъ свидѣтелей духовно-благодатнаго равенства епископовъ. Заключая одно посланіе къ Стефану, онъ пишетъ: «Въ этомъ (т. е. по вопросу о крещеніи еретиковъ) мы никого не принуждаемъ, никому не даемъ закона, потому что *всякій предстоятель свободенъ управлять своею Церковію по своей волѣ, имѣя дать отчетъ въ своемъ дѣйствованіи Господу*» [2]).

Обращаясь за симъ къ знаменитому учителю и писателю III-го вѣка Оригену, мы находимъ, что онъ нерѣдко употреблялъ выраженія: на «Петрѣ создана Церковь», или на «Петрѣ зиждется Церковь» (это послѣднее выраженіе перенесъ въ свою «Церковную Исторію» и Евсевій) [3]); тѣмъ не менѣе, онъ признавалъ равенство Апостоловъ и не толковалъ этихъ выраженій въ смыслѣ главенства Петрова. Такъ, онъ писалъ: «Если ты думаешь, что *на одномъ Петрѣ только* создана вся Церковь: то что сказалъ бы ты объ Іоаннѣ сынѣ громовомъ, и о каждомъ изъ Апостоловъ? Или развѣ осмѣлимся мы сказать, что врата адова не одолѣютъ собственно Петра, а прочихъ Апостоловъ одолѣютъ? Развѣ не о всѣхъ и не о каждомъ изъ нихъ прежде сказано: *врата адова не одолѣютъ ей;* и еще *на семъ камени созижду Церковь Мою*» [4]). Послѣ этихъ словъ, Оригенъ продолжаетъ: «развѣ Петру одному даются Господомъ ключи царства небеснаго, и никто изъ блаженныхъ (Апостоловъ) не получилъ ихъ? А если и другимъ это обще: *дамъ ти ключи царства небеснаго*, то ужели не *обще* и *все* и прежде изреченное и послѣ прибавленное, что сказано какъ бы (одному) Петру? Ибо здѣсь это кажется сказаннымъ какъ бы Петру (одному): *еже свяжеши на земли, будетъ связано на небесѣхъ* и проч., а въ Евангеліи отъ Іоанна, прямо, давъ Духа Святаго дуновеніемъ, Спаситель говоритъ всѣмъ ученикамъ: *пріимите Духъ Святъ. имже отпустите грѣхи, отпустятся имъ: и имже держите,*

[1] Посл. къ Стеф. 55; въ русск. перев. Т. I, стр. 261—263.

[2]) Письмо 59, стр. 284.

[3]) Евсевій, «Церковная Исторія». Кн. VI, гл. XXV; въ русскомъ перев. стр. 361.

[4]) Origen. Opp. T. III, p. 524; in Math. T. XII.

держатся». Послѣ этихъ столь прямыхъ и ясныхъ словъ можно ли ссылаться на Оригена во свидѣтельство латинскаго главенства?

Къ этому мы бы могли прибавить еще толкованіе его на вопросъ учениковъ: *кто убо болій есть въ цар̀ствіи небесномъ* (Мѳ. 18, 1), —(въ которомъ, по мнѣнію Оригена, ученики пытались узнать отъ Христа, кого именно Онъ считаетъ большимъ въ средѣ ихъ,—слѣдовательно, еще не знали старѣйшинства и главенства Петрова, хотя обѣтованіе о созданіи Церкви на семъ камнѣ уже было изречено);—могли бы прибавить и толкованіе на слова Господа, въ которыхъ Онъ обѣщаетъ ученикамъ, что они въ пакибытіи *возсядутъ на двѣнадцати престолахъ*, для суда надъ двѣнадцатью колѣнами Израиля; толкованіе на просьбу матери сыновъ Зеведеевыхъ о дарованіи первенства въ царствіи небесномъ ея двумъ сыновьямъ,—все это мы могли бы привести въ доказательство того, что Оригенъ не принималъ словъ Господа Петру въ буквальномъ смыслѣ, и за Апостоловъ свидѣтельствуетъ, что и они не принимали ихъ въ этомъ смыслѣ,—но для нашей цѣли достаточно и того, что приведено.

Обращаемся къ отцамъ четвертаго вѣка. Св. Амвросій Медіоланскій, близкій къ Риму и, безъ сомнѣнія, хорошо знавшій римскія преданія, объясняя спорное мѣсто, не выдѣляетъ Петра изъ ряда Апостоловъ, но говоритъ: «если Петръ есть основаніе, то и всѣ Апостолы; если на немъ создана Церковь, то столько же и на прочихъ...» Не называя Петра какимъ-нибудь особымъ основаніемъ, отличнымъ отъ Христа, онъ продолжаетъ: «Петръ—членъ Христа, какъ Онъ и сказалъ своимъ ученикамъ: *вы во Мнѣ, и Я въ васъ* (Іоан. XIV, 20). Христосъ есть основаніе всѣхъ своихъ Апостоловъ, а Апостолы—основаніе для всѣхъ тѣхъ, которые чрезъ нихъ повѣровали» [1]).

Блаженный Августинъ своимъ толкованіемъ даннаго мѣста дополняетъ св. Кипріана; онъ также разумѣетъ Петра, къ которому обращены были слова Господу: *и на семъ камени созижду Церковь Мою*, — въ смыслѣ представителя и образа единой Церкви. «Евангеліе, пишетъ онъ, увѣщеваетъ насъ считать Петра апостола образомъ единой Церкви. Ибо Петръ въ порядкѣ Апостоловъ первый, въ любви ко Христу — пламеннѣйшій, *часто одинъ отвѣчастъ за всѣхъ*. Такъ, когда спрашивалъ Господь: *кого глаголютъ Его человѣцы быти?* и ученики представляютъ въ отвѣтъ разныя мнѣнія людей,—и Господь опять спросилъ и сказалъ: *вы же кого*

[1]) Curs. Compl. Migne. T. XVII, col. 949. 1845 г.

Мя глаголете быти? Петръ отвѣчалъ: *Ты еси Христосъ Сынъ Бога живаго.* Одинъ далъ отвѣтъ за всѣхъ: *единство во всѣхъ.* Тогда говоритъ ему Господь: *блаженъ еси Симоне...* потомъ присовокупилъ: *и Азъ тебѣ глаголю...* Какъ бы такъ говоритъ Онъ: «такъ какъ ты сказалъ Мнѣ: *Ты еси Христосъ Сынъ Бога живаго*, то *и Азъ тебѣ глаголю: ты еси Петръ»;* ибо онъ звался прежде Симономъ. А это имя, чтобы звался Петромъ, Господомъ возложено на него; и это въ томъ значеніи, чтобъ онъ знаменовалъ Церковь» [1]). Въ другомъ мѣстѣ тотъ же отецъ такъ объясняетъ эти слова Господа: *на семъ камени созижду Церковь Мою: на Себѣ Самомъ, Сынѣ Бога живаго, созижду Церковь Мою, на Себѣ созижду тебя, а не на тебѣ Себя* [2]). Точно также Августинъ объясняетъ слова Христовы о ключахъ и о власти вязать и рѣшить. «Не въ Церкви ли тѣ ключи, гдѣ ежедневно отпускаются грѣхи? Въ ней. Такъ какъ Петръ знаменательно представлялъ собою лице Церкви, то данное ему одному дано было Церкви» [3]). И далѣе. «Неужели ключи тѣ получилъ Петръ, а Павелъ не получилъ? Получилъ Петръ, а Іоаннъ, Іаковъ и прочіе не получили?.. Петръ ради первенства своего апостольства изображалъ собою Церковь, знаменуя ея всеобщность. Что касается до него собственно, то онъ былъ по природѣ только человѣкъ, по благодати—только христіанинъ, по обильнѣйшей благодати—только первый апостолъ. Но когда говорено было ему: *дамъ ти ключи царства небеснаго: и еже аще свяжеши на земли, будетъ связано на небесѣхъ; и еже аще разрѣшиши на земли, будетъ разрѣшено на небесѣхъ*, тогда онъ представлялъ вселенскую Церковь, которая хотя и колеблется въ настоящемъ вѣкѣ различными искушеніями, какъ бы дождями, рѣками, бурями, однако, не падаетъ какъ основанная на камнѣ, отъ котораго Петръ получилъ имя. Ибо не отъ Петра камень, но Петръ отъ камня, точно также, какъ и имя Христосъ не отъ христіанина. но христіанинъ отъ Христа [4]).

Объясняя слова Спасителя: *любиши ли Мя*—Августинъ учитъ: «Не однажды, но въ другой и третій разъ спрашиваетъ Господь:

---

[1]) Op. s. Aug. T. V, p. 415. Sermo in Math. de Demino Ambulante.

[2]) Слово на день св. апостолъ Петра и Павла. «Воскресн. Чтеніе». Т. 17, стр. 95. Кіевъ. 1853—54 г. Homil. 76. Opera T. V, pars. 1, p. 290. Antwerpen, 1700.

[3]) Hom. in Acto Apost. 149. Op. T. V, p. 1, p. 492.

[4]) Hol. in Lohoan. 124. T. III, par. 2, pag. 599.

любитъ ли Его Петръ. Столько же разъ слышитъ Онъ и отъ Петра: *люблю Тя*,—столько же разъ поручаетъ Онъ Петру и *пасти овецъ Своихъ*. Троекратное отреченіе вознаграждается троекратнымъ исповѣданіемъ, чтобы языкъ послужилъ любви столько же, сколько служилъ онъ страху... Да будетъ пасеніе стада Господня дѣломъ любви, если отрицаніе отъ Пастыря ознаменовано уже было страхомъ. Кто въ такомъ духѣ пасетъ овецъ Христовыхъ, что хочетъ, чтобъ онѣ были его, а не Христовы, тотъ любитъ себя, а не Христа, по сграсти или къ тщеславію, или къ господству, или къ корысти, а не изъ любви повиноваться, подчиняться и угождать Богу. Тѣхъ касается оный гласъ Христовъ, трижды повторенный, которыхъ апостолъ называетъ ищущими *своихъ си, а не яже Христа Іисуса* (Филип. 2, 21). Ибо что значитъ: *любиши ли Мя? паси овцы Моя*, если не слѣдующее: «если любишь Меня, то не думай пасти себя, но паси овецъ Моихъ, какъ Моихъ, а не какъ своихъ, ищи *въ нихъ Моей славы, а не своей, Моего господства, а не своего; Моего прибытка*, а не своего, да не будешь общникомъ всего того, что имѣетъ быть во времена люта у любящихъ самихъ себя?» [1]).

Св. Іоаннъ Златоустъ, объясняя слова Евангелія: *дуну, и глагола имъ: пріимите Духъ Святъ: имже отпустите грѣхи, отпустятся имъ; и имже держите, держатся* (Іоан. 20, 22. 23), пишетъ: «какъ царь, посылая правителей, даетъ имъ власть и заключать въ темницу, и освобождать изъ темницы; такъ и Христосъ, посылая учениковъ, облекаетъ ихъ такою же властію... Не погрѣшитъ тотъ, кто скажетъ, что и тогда ученики получили нѣкоторую духовную власть и благодать, только не воскрешать мертвыхъ и совершать чудеса, а отпускать грѣхи, такъ какъ различны дарованія Духа»...

Объясняя, наконецъ, слова Христовы: *любиши ли Мя, паси агнцы, паси овцы Моя*, тотъ же учитель пишетъ: «преимущественно предъ всѣмъ мы пріобрѣтаемъ благоволеніе своимъ попеченіемъ *о ближнихъ*. Вотъ этого и Христосъ требуетъ отъ Петра. Когда трапеза учениковъ приходила къ концу, *глагола Симону Петру Іисусъ: Симоне Іонинъ любиши ли Мя паче сихъ? глагола Ему: ей Господи, Ты вѣси, яко люблю Тя. Глагола ему: паси овцы Моя* (Іоан. 21, 15, 16). Почему же Христосъ помимо другихъ учениковъ бесѣдуетъ объ этомъ съ Петромъ? Потому что онъ былъ избранный изъ апостоловъ, уста учениковъ, вер-

[1]) Ib. p. 595—596.

ховный въ ихъ ликѣ, отъ чего и Павелъ приходилъ нѣкогда видѣть его преимущественно предъ другими. Вмѣстѣ съ тѣмъ Христосъ поручаетъ ему попеченіе о братіи и для того, дабы показать, что отнынѣ онъ долженъ имѣть дерзновеніе, такъ какъ отреченіе его предано забвенію. Не-вспоминаетъ Христосъ объ его отреченіи и не порицаетъ его за то, что было; но говоритъ: «если ты любишь Меня, то заботься о братіи; покажи теперь ту горячую любовь, которую ты всегда обнаруживалъ и которою утѣшался; душу свою, которую ты обѣщалъ положить за Меня, предай за Моихъ овецъ. Будучи спрошенъ въ первый и во второй разъ, Петръ призвалъ въ свидѣтели (своей любви) Самого Вѣдущаго сокровенныя тайны сердца. Когда же потомъ спрошенъ былъ и въ третій разъ, то смутился, убоявшись, чтобы опять не случилось того же, что было прежде; потому что и тогда онъ говорилъ съ увѣренностію, но послѣдствія опровергли его. Поэтому снова прибѣгаетъ ко Христу и говоритъ: *Ты вѣси вся*, т. е. и настоящее, и будущее. Видишь, какъ онъ исправился и сталъ благоразумнѣе. Уже не упорствуетъ въ своемъ мнѣніи и не противорѣчитъ. Поэтому-то онъ и смутился. «Можетъ быть, я думаю только, будто люблю, а на самомъ дѣлѣ не люблю, какъ и прежде я много думалъ о себѣ и говорилъ съ увѣренностію, но послѣдствія опровергли меня». А троекратно Христосъ спрашивалъ его и троекратно заповѣдуетъ ему одно и тоже, дабы показать какъ высоко Онъ цѣнитъ попеченіе о Своихъ овцахъ, и что это въ особенности служитъ знакомъ любви къ нему» [1]).

Достаточно этихъ свидѣтельствъ, чтобы убѣдиться, что наше толкованіе обѣтованій, изреченныхъ Господомъ ап. Петру, есть толкованіе обще-церковное, свято-отеческое. Изъ совокупности приведенныхъ свидѣтельствъ мы получаемъ: что хотя первенство Петрово признавалось въ Церкви Апостольской, но оно не соединялось въ представленіяхъ какъ самихъ апостоловъ, такъ и ихъ преемниковъ съ какими-либо особыми благодатными преимуществами, что первымъ получилъ ап. Петръ, то получили и прочіе апостолы и ни въ чемъ не были умалены предъ нимъ; что Петръ хотя и названъ камнемъ, но въ томъ же смыслѣ, какъ и всѣ апостолы, какъ и всѣ истинно вѣрующіе,—что въ основу вселенской Церкви положенъ не Петръ, но вѣра, исповѣданная Петромъ, и общая у него съ прочими апостолами; что послѣ апостоловъ не

---

[1]) Бесѣды на Еванг. Іоанна, въ р. пер. Т. II. стр. 542—543.

только не было какого-либо общецерковнаго главенства, не было даже и обще-церковнаго первенства.

Распутавъ такимъ образомъ первый узелъ, мы можемъ легко распутать и послѣдующіе тѣмъ болѣе, что они еще слабѣе первыхъ.

Объяснивши обѣтованія Господни Петру, приведенныя нами выше, авторъ продолжаетъ: «Для полноты изложенія слѣдовало-бы доказать теперь, что *Главенство* разъ признанное въ лицѣ ап. Петра. *перваго римскаго Первосвященника* и *учредителя римскаго Епископства*, необходимо должно быть признано и за всѣми прочими преемниками его въ римской каѳедрѣ. (Конечно, слѣдовало бы). Но такъ какъ, во первыхъ, это ужъ слишкомъ очевидно по себѣ (это *очевидно* и есть обычный пріемъ оо. іезуитовъ), а во вторыхъ, въ этомъ вопросѣ большею частію отвергается противниками именно *первенство* Петра (совсѣмъ нѣтъ, имено *первенство* то и не отвергается, а отвергается *главенство*), а не преемство этого преимущества (совершенно напротивъ,—отвергается именно *преемство*; видите, какъ авторъ хитритъ и путаетъ), то полагаю безцѣльнымъ далѣе распространяться по этому поводу и потому напомню только объ одномъ существенномъ и непререкаемомъ доказательствѣ этой истины. Такъ какъ изъ сказаннаго ясно вытекаетъ, что первенство Петра было неизбѣжнымъ условіемъ существованія самой церкви (нисколько не вытекаетъ,— и авторъ говоритъ неправду),—нелѣпо было бы допустить, что она могла лишиться этого жизненнаго условія, со смертію перваго римскаго епископа (разумѣй ап. Петра); ибо это равнялось бы полному крушенію всѣхъ Христовыхъ предначертаній (стр. 91—92). Все это авторъ выдумываетъ, чтобы напугать читателя. Церковь, какъ мы видимъ, осталась и безъ главенства и безъ первенства, но не потерпѣла никакого ни въ чемъ крушенія; ибо кормчій ея—есть вседержавный Владыко, Царь царей и Господь господей, — Іисусъ Христосъ. Исторія напротивъ свидѣтельствуетъ, что пока не было латинскаго главенства, церковь была чище, тверже и непогрѣшимѣе,—а какъ скоро стало утверждаться это главенство, Церковь Христова подверглась и подвергается великимъ бѣдствіямъ.

Нѣсколько ниже авторъ опять возвращается къ тому же предмету. Сдѣлавши выводъ изъ своихъ объясненій, приведенныхъ нами выше, что «Петру дано продолжать на землѣ жизненную дѣятельность Самаго Христа», — авторъ пишетъ: «Безъ сомнѣнія, здѣсь встрѣчается много неясностей и не-

доумѣній (надо бы сказать сильнѣе *и лжи*). Безъ сомнѣнія, относительно каждаго изъ помянутыхъ преимуществъ, званій, даровъ, относительно ихъ объема, предѣловъ, значенія, можно возбудить много толковъ и даже затрудненій (сознается). Но не преніями и не діалектическими спорами (?) питалась вѣра и любовь въ пещерахъ первоначальнаго, подземнаго христіанства. Одно только было и тогда ужь ясно для всѣхъ (совершенно неясно, какъ мы видимъ), именно: что первый въ церкви есть римскій первосвященникъ (это уже спустя долго), что онъ есть *Верховный Представитель Христа* (никогда этого не знала Церковь), что ему подобаетъ почесть и повиновеніе,—и это было вполнѣ достаточно (?!). Увы! слишкомъ скоро настанетъ время жалкихъ пререканій, плачевныхъ раздоровъ и возмущеній. Успѣютъ тогда вдоволь разсуждать, спорить, доказывать и опредѣлять. (Какъ подумаешь, неповинны ни въ чемъ подобномъ латины!) Опредѣленія и доказательства не предшествуютъ отрицанію, а только слѣдуютъ за нимъ».

«Дѣйствительно, когда обращаемся къ первымъ временамъ христіанства, и задолго до всякихъ догматическихъ преній и опредѣленій, мы наталкиваемся на два выдающіеся и вполнѣ несомнѣнные историческіе факты. *Первый тотъ*, римскіе Первосвященники *всегда обладали полнымъ и яснымъ сознаніемъ даннаго имъ свыше духовнаго полномочія*. Они пользовались имъ разборчиво (?!) съ крайнею осмотрительностію (какъ тяжело читать такую беззастѣнчивую ложь!), но за то, въ такихъ случаяхъ, оно всегда проявлялось съ такою рѣшимостію, съ такою опредѣлительностію, что подавляло немедленно сопротивленіе. *Второй*, что съ своей стороны, сама Церковь всегда обладала совершенно такимъ-же полнымъ и яснымъ *сознаніемъ* права, присущаго римскому Первосвященнику, учить Христову Церковь и править ею. Явленіе это до такой степени очевидно, что исторія первоначальнаго христіанства можетъ быть почти названа исторіею церковныхъ событій, совершившихся подъ взаимнымъ вліяніемъ этого двойственнаго сознанія».—Это до такой степени нелѣпая и намѣренная ложь, что мы не считаемъ нужнымъ вдаваться въ ея разборъ, послѣ нами уже представленнаго изслѣдованія. И самъ авторъ чувствуетъ себя безсильнымъ доказать чѣмъ-нибудь свои выдумки, названныя имъ—фактами. Говоря о первыхъ вѣкахъ христіанства, онъ однако-жъ не приводитъ ни однаго свидѣтельства изъ этого времени, и беретъ свидѣтельства изъ *пятаго* вѣка и какія свидѣтельства?—свидѣтельства, рѣшительно ничего недоказывающія.

Такъ онъ приводитъ слова Целестина (I-го 423—32 г.), сказанныя имъ легатамъ при отправленіи ихъ на Ефесскій Соборъ: *въ случаѣ несогласія во мнѣніяхъ, имѣйте въ виду, что ваша обязанность не спорить, а рѣшать* (т. е. опредѣлять). Это совершенно справедливо; — каждый епископъ долженъ былъ такъ говорить своимъ представителямъ на Соборѣ. На Соборъ Отцы собирались не для диспутовъ, а для опредѣленій. Въ такомъ-же родѣ ссылка и на слова папы Льва великаго. «Относительно сего предмета не слѣдуетъ болѣе разсуждать, а подобаетъ вѣрить. Ибо въ посланіи нашемъ къ блаженной памяти Флавіану мы вполнѣ и весьма ясно рѣшили все то, чему слѣдуетъ вѣрить относительно таинства воплощенія» [1]). И въ такомъ видѣ эта ссылка ничего не говоритъ ни о верховенствѣ, ни о непогрѣшимости. Ничего не говорятъ, какъ мы показали, и возласы Отцевъ на вселенскомъ IV-мъ Соборѣ по прочтеніи вѣроизложенія, присланнаго отъ этого папы. Дальнѣйшія-же ссылки на папъ Иннокентія и Агаѳона, «что всѣ епископы должны относиться только къ ап. Петру» и что «будтобы Церковь римская никогда не уклонялась отъ истины, и что всѣ вселенскіе Соборы всегда принимали ея ученіе, какъ ученіе самого главы Апостоловъ».—по нашему мнѣнію, тоже не имѣютъ никакого значенія, такъ какъ эти ссылки служатъ выраженіемъ того духа превозношенія и самомнѣнія, который слѣдуетъ осуждать какъ духъ антицерковный. (См. выше). Такимъ образомъ

---

[1]) Авторъ искажаетъ переводъ (т. е. употребляетъ *благочестивую ложь*). Вотъ подлинныя слова по изданію *Mansi:* Unde, fratres carissimi, rejecta penitus avdacia disputandi contra fidem divinitus inspiratam, vana errantium infidelitas conquiescat, nec liceat defendi, quod non licet credi: cum secundum evangelicas auctoritates, secundum prapheticas voces, apostolicamque doctrinam plenissime et lucidissime per litteras, quas ad beatae memoriae Flavianum Episcopum misimus, fuerit declaratum, quae sit de Sacramento incarnationis Domini nostri Jesu Christi p'a et sincera confessio. Sacrorum Conciliorum anpliss. collectio Mansi. T. V. Epistolarum S. Lionis T. continuatio col. 134, c. II.

Въ русс. изданіи это мѣсто переведено такъ: Поэтому, возлюбленнѣйшіе братія, совершенно отложивъ дерзость спорить противъ вѣры, отъ Бога намъ внушенной, пусть умолкнетъ суетное невѣріе заблуждающихъ. И не слѣдуетъ защищать то, чему не должно вѣровать; потому что, на основаніи евангельскаго авторитета, пророческихъ внушеній и апостольскаго ученія весьма ясно и полно изложено было въ нашихъ посланіяхъ, которыя мы послали къ блаженной памяти Флавіану, каково должно быть благочестивое и искреннее исповѣданіе относительно таинства воплощенія Господа нашего Іисуса Христа. Дѣянія см. Соб. т. III. Изд. 1880 г. стр. 53.

хотя очень храбро авторъ говоритъ о первыхъ вѣкахъ, — но ничѣмъ не доказываетъ своихъ словъ.

Впрочемъ, онъ и не особенно заботится объ этомъ. Приведенными словами онъ дѣлаетъ отводъ вниманія читателей отъ законныхъ требованій—представить свидѣтельства о главенствѣ папы изъ каждаго вѣка въ отдѣльности, а вмѣсто того наводитъ читателей на свидѣтельства другаго рода, — на свидѣтельства, заимствованныя изъ богослужебныхъ книгъ восточной церкви и разставленныя по вѣкамъ; такимъ образомъ выходитъ, что церковь VIII-го и IX-го вѣковъ, когда преимущественно составлялись наши богослужебныя книги,—свидѣтельствуетъ за всѣ предшествующіе вѣка о главенствѣ ап. Петра и его преемниковъ въ Римѣ,—именно: что будто бы «ап. Петръ былъ главою апостоловъ и его *главенство* надъ *всѣмъ апостольскимъ соборомъ* даровано Самимъ Іисусомъ Христомъ, что ап. Петръ истинная и недвижимая послѣ Христа основа вселенской церкви; что онъ начало православія, верховный пастырь всѣхъ христіанъ и необходимый учитель во всемъ до вѣры касающемся» и проч. и проч. (стр. 99). Вотъ эти пѣснопѣнія: «Достославне апостоле Петре вопіемъ къ тебѣ: радуйся *первѣйшее по Христѣ* между апостолы церкве святыя основаніе! Радуйся крѣпкій вѣры православныя столпе и утвержденіе! Первосѣдальниче апостольскаго совокупленія!» «Святый верховный апостоле Петре, первый престольниче апостольскій, твердый исповѣданіемъ твоимъ каменю вѣры, *недвижимое по Христѣ основаніе церкви*, пастырю словеснаго стада Христова, ключарю Царствія Небеснаго, ловче извлекающій изъ глубины невѣдѣнія, всѣмъ яко пріялъ еси отъ Бога власть вязати и разрѣшати». «Яко суще тверда Христосъ тя камень нарече Петра, и на тебѣ церковь, ея же адова врата не одолѣютъ». «Верховное основаніе апостоловъ, Рима же ты былъ еси первый епископъ, и церкви, Петре, утвержденіе» и проч. (стр. 98).

Авторъ торжествуетъ, приведши эти слова нашихъ пѣснопѣній, и довольствуется ихъ буквальнымъ смысломъ. Но мы на это замѣтимъ автору, что если мы будемъ руководствоваться его пріемами,—то на основаніи тѣхъ же церковныхъ пѣснопѣній придемъ къ совершенно другимъ выводамъ. Оказывается, что нѣкоторые изъ апостоловъ и для самого ап. Петра служатъ основаніемъ, что и надъ его главенствомъ есть еще главенство;—и что хотя онъ верховнѣйшій, однакожъ и надъ нимъ есть еще верховнѣе. Такъ, въ греческомъ синаксарѣ на 30-е іюня Петръ называется только *первымъ* изъ апостоловъ, а Павелъ *верхомъ* (по гре-

чески корифеемъ или по латыни княземъ) апостоловъ; *верхомъ апостоловъ* называется Іаковъ Зеведеевъ (стихира 2-я на Господи воззвахъ); *верховнымъ апостоловъ*, *трубою богословія*, духовнымъ воиномъ, *покорившимъ Богу всю вселенную*,—*зрителемъ* неизреченныхъ откровеній и *сказателемъ* вышнихъ Божіихъ тайнъ, апостоломъ возлюбленнымъ Христу Богу именуется св. Іоаннъ Богословъ. Въ похвальномъ словѣ Андрею апостолу—Исихія, іерусалимскаго пресвитера († 492 г.), читаемъ: «труба насъ священная къ торжеству собра; Андрей, иже лика апостольскаго первороженъ, *прежде водруженный церкве столпъ*, *прежде Петра Петръ*, *основанію основаніе*, *начала начало*; иже прежде звану быти зовый; прежде приведену быти приводяй» и т. д. Тотъ же писатель объ апостолѣ Іаковѣ братѣ Божіемъ выражается такъ: «Како похвалю раба Христова и брата, новаго Іерусалима архистратига, священникомъ владыку, апостоламъ экзарха, во главахъ верхъ, въ свѣшницѣхъ свѣтлѣйша». *Петръ народы учитъ*: *но Іаковъ законополагаетъ*, *и малы реченія сократиша вопрошенія величество: азъ сужду не стужати еже отъ языкъ* и проч. (Дѣян. 15, 19) [1]). И такъ, апостолы: Павелъ, Іаковъ Зеведеевъ и братъ его Іоаннъ Богословъ и Іаковъ братъ Божій, поставленный во епископа іерусалимской церкви отъ Самого Господа,—были верховнѣе Петра апостола? Если мы такъ будемъ толковать и объяснять хвалебныя пѣснопѣнія церкви, мы никогда не разберемся въ нихъ. Латины будутъ выставлять ап. Петра, а мы выставимъ св. ап. Павла, или Андрея, или Іакова брата Божія. Въ томъ-то и дѣло, что такого рода толкованія есть плотской образъ мыслей, осужденный Самимъ Господомъ, обличенный и укоренный св. ап. Павломъ въ коринѳянахъ. Въ святомъ обществѣ Апостоловъ рѣшительно не было того первенства, или верховенства, или абсолютнаго главенства, какое паписты усматриваютъ въ ап. Петрѣ; оно противно самому существу Христовой церкви,—какъ уже это раскрыто нами выше,—и потому православною Церковію не только никогда не было, но и не можетъ быть признаваемо, какъ чуждое истины,—какъ ложь, какъ заблужденіе. Объясняйте, какъ хотите наши хвалебные гимны апостоламъ, только никакъ не въ томъ смыслѣ, какой вы намъ навязываете.

Послѣ сего неизвѣстный авторъ приводитъ изъ церковныхъ пѣснопѣній свидѣтельства на то, что русская Церковь исповѣдуетъ преемство Петрова главенства въ лицѣ римскихъ еписко-

[1]) Рукоп. Моск. Синод. Библ. № 217 л. 81 и слѣд.

повъ, именно: Климента, Сильвестра, Льва, Мартина и Григорія. Онъ пишетъ: «О преемствѣ признаннаго этою Церковію главенства верховнаго Апостола на личность каждаго изъ его наслѣдниковъ по римскому престолу, вотъ какъ она сама выражается».

Въ I-мъ и II-мъ вѣкѣ (?).

«Обращаясь къ папѣ св. Клименту, русская Церковь поетъ ему: «Петра верховнаго ученикъ, Отче, бывъ, на камени того создалъ еси, яко камень честный тебѣ самого, всехвальне»; «на камень возшедъ вѣры страстотерпче, неуклоненъ пребылъ еси во искушеніи сопротивныхъ». «Церкве недвижимiи пургове, благочестія божественніи столпи. Во истину крѣпцыи Климентъ съ Петромъ».—«Другій Моисей Климентъ, законы божественніи всѣмъ излагая и священная пиша ученіе и церковное все вчиняеши исполненіе, отсюду законоположника тя и учителя вси имуще вѣрою чтимъ. Священно-начальникъ явился еси къ благочестивѣй вѣрѣ Христовой вся возводя Божественними твоими сказаніи... Новый Петръ, Петрова престола преемникъ показался еси просвѣщая всю тварь». Изъ «Четь-Миней»: «Скончавшемуся же Петру и по немъ епископу Лину, также епископу Клиту, правяше Климентъ въ Римѣ корабль Церкве Христовы».

Свидѣтельства повидимому, сильныя, но на самомъ дѣлѣ это—образчикъ той фальши, той преднамѣренной лжи, въ которой мы обличили выше богословскую латинскую науку и латинское мышленіе. Свидѣтельства, дѣйствительно, взяты изъ нашихъ богослужебныхъ книгъ, но какъ взяты?—весьма недобросовѣстнымъ образомъ. — Нужно замѣтить, что въ день памяти св. Климента римскаго 25 Ноября, совершается также память св. Петра александрійскаго, пострадавшаго въ 311 году—25 Ноября. Какъ ревнитель папизма, нашъ авторъ надергалъ свидѣтельства изъ пѣснопѣній, составленныхъ въ честь сего послѣдняго, и все отнесъ св. Клименту, таковы слѣдующія свидѣтельства: «на камень возшедъ вѣры страстотерпче (Петре), неуклоненъ былъ еси во искушеніи сопротивныхъ [1]). «Новый Петръ, Петрова престола *преемникъ* показался еси просвѣщая всю тварь» [2]); а слова: «Церкви недвижимiи пургове, благочестія божественніи столпи, во истину крѣпцыи, Клименте съ Петромъ» [3]); относятся къ обоимъ святи-

---

[1]) Канонъ святителю Петру, «его же краегранесіе (акростихъ). Восхваляю трибогатаго Петра». Пѣснь 5. тр. I.

[2]) Пѣсни 4. тр. 3.

[3]) По третьей пѣсни кондакъ гл. 4.

телямъ. И такъ, если мы приведенныя авторомъ свидѣтельства— одни отдѣлимъ въ честь и похвалу св. Петра епископа александрійскаго, а другія—въ честь и похвалу св. Климента римскаго, то окажется, что пѣснопѣнія *не* Климента считаютъ *преемникомъ Петру*, а *александрійскаго святителя Петра*. Да если бы св. Климентъ и названъ былъ преемникомъ апостола Петра (а онъ, дѣйствительно, названъ, пѣснь 8, тр. 1, но авторъ не досмотрѣлъ), то это не значило бы, что Церковь считаетъ его преемникомъ всей полноты *власти Петровой*. Такихъ преемниковъ ап. Петру пѣснопѣнія указуютъ еще въ антіохійскихъ епископахъ. Такъ преемникомъ св. Петра именуется Мелетій, тотъ самый, котораго римскій престолъ считалъ отлученнымъ отъ Церкви и съ которымъ не входилъ въ общеніе. Церковь возглашаетъ: *Явственно священнодѣйственне преизяществовавъ, Петра престолъ наслѣдовалъ еси верховнаго, отъ Христа рукоположеннаго, ею же и нраву поревновавъ, Сына Бога живаго, Спаса прославилъ еси, ученіемъ онаго послѣдовалъ еси* [1]). Онъ же называется и предсѣдателемъ II-го вселенскаго Собора. *Святый тя Соборъ первостоятеля имяше, Богоприятне, его же Святый Духъ отъ конецъ вселенныя собра, пѣснословящыя тою божество: благословенъ еси Боже отецъ нашихъ* [2]).

Что касается до ссылки на «Четьи-Минеи» Димитрія Ростовскаго, то въ полномъ составѣ приведенное мѣсто читается такъ: «Постави же его (Климента) Петръ епископомъ прежде своего отъ Нерона распятія. Скончавшемуся же Петру и по немъ епископу Ліну, тоже епископу Клиту, правяше Климентъ въ Римѣ добрѣ корабль Церкве Христовы посредѣ волненія и бури, яже бѣ тогда отъ мучителей возмущаема: и пасяше Христово стадо со многимъ трудомъ и терпѣніемъ, окружаемь сый отвсюду аки львами рыкающими и волками хищными, лютыми гонительми ищущими поглотити и потребити христіанскую вѣру» [3]). Въ этомъ видѣ слова святителя Димитрія не даютъ никакой мысли о единовластительствѣ римскаго епископа; ибо онъ говоритъ языкомъ священнымъ; святые апостолы представляли Церковь единымъ стадомъ, но управляемымъ многими пастырями. Такъ св. ап. Павелъ говоритъ: «внимайте убо себѣ и всему стаду *въ немъ же* васъ Духъ Святый постави епископы, пасти *Церковь* Господа и

---

[1]) 12 февраля. Пѣснь 4, тр. 1.

[2]) Пѣснь 7, тр. 1.

[3]) «Четьи-Минеи» мал. формат. изд. 1864 г. Ноябрь 25, стр. 124 на обор.

Бога, юже стяжа кровію Своею» (Дѣян. 20, 28). Точно также выражается и св. ап. Петръ: *пасите еже въ васъ стадо Божіе* (1 Петр. 5, 2).

Послѣ этихъ сличевій дальнѣйшія ссылки разбирать я считаю излишнимъ. Сдѣлаемъ одно замѣчаніе по поводу названія св. Льва папы римскаго—*Главою православной Церкви Христовой*. Слово *глава* мы, православные, не разумѣемъ въ такомъ безусловномъ смыслѣ, какъ разумѣютъ его паписты. Главенство можетъ быть понимаемо въ разныхъ смыслахъ; главою называется верховную власть имѣющій: напр. государь—глава государства; главою же именуется власти не имѣющій, но предсѣдательствующій и первенствующій въ собраніи равныхъ себѣ лицъ; таковы президенты разныхъ правительственныхъ учрежденій и собраній. Поэтому, если Церковь величаетъ св. Льва главою православныя Церкви, то почему непремѣнно нужно понимать это наименованіе въ латинскомъ смыслѣ, въ смыслѣ исключительнаго верховенства его въ Церкви вселенской и чрезвычайной его власти надъ нею. Мы утверждаемъ, что Церковь величаетъ св. Льва главою Церкви въ смыслѣ его личныхъ достоинствъ и великаго служенія дѣлу вселенскаго православія. Церковь православная въ немъ имѣла такого же выразителя православнаго ученія о соединеніи во Христѣ двухъ естествъ, какъ въ свое время—имѣла такихъ выразителей православнаго ученія о божествѣ Сына Божія въ лицѣ св. Аѳанасія александрійскаго и св. Василія Великаго, ученія о божествѣ Святаго Духа—въ лицѣ Григорія Богослова, и ученія о воплощеніи Сына Божія—въ лицѣ Кирилла александрійскаго. Что мы справедливо разсуждаемъ, это мы доказываемъ тѣмъ, что св. Льву положенъ тропарь общій со всѣми святителями-исповѣдниками, который читается такъ: «Православія наставниче, благочестія учителю и чистоты, вселенныя свѣтильниче, архіерееву Богодухновенное удобреніе, святителю Льве, премудре, ученьми твоими вся просвѣтилъ еси, цѣвнице духовная: моли Христа Бога спастися душамъ нашимъ». Этотъ же тропарь поется св. Кириллу александрійскому, св. Стефану Савваиту, творцу каноновъ (окт. 28), св. Іоанну Дамаскину (дек. 4) и под. Когда этотъ тропарь поется симъ святымъ, то вмѣсто имени св. Льва вставляется другое имя. Изъ этого ясно слѣдуетъ, что хотя св. Левъ и именуется разными хвалебными именами, но не исключается изъ ряда такихъ святыхъ, какъ св. Кириллъ александрійскій, Стефанъ Савваитъ, Іоаннъ Дамаскинъ и др. Слѣдовательно, о главенствѣ въ латинскомъ смыслѣ не можетъ быть и рѣчи.

Чтобы дать читателямъ общее понятіе о характерѣ церковныхъ пѣснопѣній, приведемъ пѣснопѣнія, составленныя въ честь св. апостолъ Петра и Павла и сличимъ съ ними пѣснопѣнія въ честь трехъ святителей: Василія Великаго, Григорія Богослова и Іоанна Златоустаго.

Въ честь св. Апостоловъ поются, напр., слѣдующія пѣснопѣнія: на малой вечерни стихиры: «Далъ еси утвержденіе Церкви Твоей Господи, Петрову твердость и Павловъ разумъ, и свѣтлую мудрость, и обоихъ богогласіе истинное, еллинскую прелесть отгоняющее; тѣмъ же тайно водими отъ обоихъ, поемъ Тя; Іисусе всесильне Спасе душъ нашихъ». Стихиры на стиховнѣ: «Петре апостоловъ основаніе, каменю Христовы Церкве, христіановъ начало, паси овцы твоего двора славно: агнцевъ твоихъ сохрани отъ волковъ льстивыхъ, избави стадо твое отъ напастей лютыхъ: тя бо молитвенника къ Богу неусыпна стяжахомъ воистину, и о тебѣ хвалящеся спасаемся вси». «Павле, языковъ ловче, христіанъ предстателю, вселенныя свѣтильниче, уста немолчна Христа живаго Бога, обтекшій яко же солнце концы вся, проповѣданіемъ божественныя вѣры, разрѣши отъ узъ грѣховныхъ, вся восхваляющыя тя и красящыяся молитвами твоими».

На великой вечерни языкъ пѣснопѣній восторженнѣе и сильнѣе: «Кіими похвальными вѣнцы увяземъ Петра и Павла, раздѣленныя тѣлесы и совокупленныя духомъ, богопроповѣдниковъ первостоятели; оваго убо яко апостоловъ предначальника, оваго же, яко паче инѣхъ трудившася; сихъ бо воистину достойно безсмертныя славы вѣнцы вѣнчаетъ Христосъ Богъ нашъ, имѣяй велію милость».

Тропарь въ честь ихъ поется слѣдующій: «Апостоловъ первопрестольницы и вселенныя учителіе, Владыку всѣхъ молите, миръ вселенной даровати и душамъ нашимъ велію милость» [1]).

Подобнымъ образомъ величаются и упомянутые великіе Святители. Стихиры на великой вечерни въ честь ихъ положены слѣдующія: 1-я, «Благодати органы, гусли Духа, благознаменитыя трубы проповѣданія, страшныя и достослышанныя, съ высоты шумящыя громы, и славу Божію сказующыя концомъ; три проповѣдники великія Троицы, Іоанна и Василія достойно съ Григоріемъ прославимъ». 2-я, «Троицы поборницы, благочестія забрала, иже по двунадесятихъ тріе Апостоли, изъ эдема точащыя воду живущую рѣки, и лице земли животочными напояющыя божествен-

[1]) Служба на 29-е іюня.

ными струями, великія стихія; вѣру якоже тварь составльшыя достодолжно да почтутся». 4-я, «Кіими похвальными вѣнцы похвалимъ учители раздѣленныя тѣлесы и совокупленныя духомъ; богоносные предстатели, Троицы единочисленныя и служители; свѣтила вселенную просвѣщающая: церковныя столпы,—яже вѣнцы славы, яко побѣдившыя, вѣнчаетъ Христосъ Богъ нашъ имѣяй велію милость». 7-я, «Кіими похвальными вѣнцы вѣнчаемъ Златослова, вкупе съ Василіемъ Григоріа; честная пріятелища Духа; твердыя вѣры поборники, столпы церковныя, вѣрныхъ утвержденіе; всѣхъ согрѣшающихъ утѣшеніе: источники точащыя воду, отъ нея же почерпающе услаждаемся душами, просяще прощенія согрѣшеній и велія милости» и т. д. Общій тропарь имъ слѣдующій: «Яко Апостоловъ единонравніи, и вселенныя учителіе, Владыку всѣхъ молите миръ вселеннѣй даровати и душамъ нашимъ велію милость [1]).

Въ частности св. Іоаннъ Златоустъ и св. Василій Великій называются основаніями Церкви въ слѣдующихъ выраженіяхъ;—св. Іоаннъ Златоустъ: «Неразоримо тя основаніе Христосъ утверди своей Церкви, Отче преподобне: соблюдающу сію непозыблему и необориму вражіими прилоги, богоглаголиве Златоусте: и молящася отъ страстей душетлѣнныхъ избавитися, жаждущымъ твоихъ словесъ и пучины разумѣній» [2]).

Св. Василій Великій: «явился еси основаніе непоколебимое Церкви: подая всѣмъ некрадомое господство человѣкомъ, запечатлѣя твоими велѣньми, небоявленне Василіе преподобне!» [3]).

По этимъ образцамъ всякій читатель можетъ составить себѣ ясное понятіе о характерѣ церковныхъ пѣснопѣній, и согласится съ нами, что наше правило совершенно вѣрно:—пѣснопѣнія слѣдуетъ изъяснять по вѣроизложеніямъ и церковнымъ правиламъ, а не на оборотъ, по пѣснопѣніямъ вѣроизложенія и церковныя правила, какъ хотятъ паписты. Вообще имъ слѣдовало бы спросить насъ: какъ мы толкуемъ церковныя пѣснопѣнія, благопріятствующія ихъ взглядамъ, и почему толкуемъ именно такъ, а не иначе, — и сообразно съ тѣмъ объяснять ихъ. — Оо. іезуиты уже не разъ ссылались на наши богослужебныя книги, — и не разъ получали разъясненія съ нашей стороны [4]); — но тѣмъ не менѣе

---

[1]) Минея 30 Янв., по изд. 1720 г.

[2]) Стих. 3-я на мал. веч. 1 янв.—по тому же изданію.

[3]) По 6-ой пѣсни Конд. того же дня.

[4]) Въ концѣ XVII ст. на подобныя толкованія іезуитовъ (именно Ѳеофила Рутки) отвѣчалъ Стефанъ Яворскій, тогда еще наставникъ Богословія въ кіев-

ничего не хотятъ слышать, и все твердятъ свое, передергивая ссылки, обрывая тексты и навязывая имъ свой смыслъ. Такъ нельзя вести диспуты о соединеніи церквей. Это не разсужденіе, не объясненіе, не вразумленіе, а обольщеніе, обманъ.

Такимъ образомъ вопросъ о главенствѣ папы мы считаемъ покончennымъ совершенно. Послѣ того, какъ мы обстоятельно изъяснили основный текстъ объ ап. Петрѣ, какъ камнѣ Церкви,—мы находимъ излишнимъ входить еще въ разсмотрѣніе послѣдующихъ текстовъ—объ утвержденіи братьевъ и о пасеніи агнцевъ и овецъ. Если въ томъ текстѣ нѣтъ указанія на главенство, — то еще менѣе можно находить указаній на оное въ этихъ текстахъ. Переходимъ къ ученію о непогрѣшимости.

Мы сказали, что книги—Асташкова и о. Астромова сдѣлались мнѣ извѣстны уже послѣ того, какъ моя статья *о непогрѣшимости Церкви* была напечатана,—но тѣмъ не менѣе мой разборъ латинскаго ученія объ этомъ предметѣ составленъ такъ, что мнѣ не приходится ни въ чемъ ни измѣнять, ни поправлять себя. Только нѣкоторыя особенности въ изложеніи автора, изданнаго Асташковымъ, вызываютъ на отрывочныя замѣчанія и объясненія, весьма впрочемъ полезныя для выясненія общаго вопроса.

Начнемъ съ понятія о предметѣ непогрѣшимости.

1) Сводя въ одинъ фокусъ всѣ лучи фальшиваго ученія папистовъ о непогрѣшимости, авторъ говоритъ: «И такъ не человѣкъ въ первосвященникѣ *непогрѣшимъ*;—кто-же? Можетъ быть писатель? Нисколько... Проповѣдникъ? Ни мало...—Мы съ глубочайшимъ благоговѣніемъ относимся къ его словамъ, но однако, ни одно изъ нихъ не обладаетъ свойствомъ непогрѣшимости. Верховный Судія? Нисколько. Всѣ обязаны только повиноваться, какъ повинуются всякому другому верховному безапелляціонному приговору, но не обязаны вѣрить, что рѣшеніе его непререкаемо справедливо [1]). Непогрѣшимъ какъ *законодатель*, *верховный* правитель Церкви? Нѣтъ еще, не онъ. Постановленія Первосвященника, хотя совершенно обязательны, однако не вынуждаютъ *прямой вѣры* въ ихъ непогрѣшимость. Спрашивается, да кто-же наконецъ непогрѣшимъ въ Первосвященникѣ? На это Церковь отвѣчаетъ:

ской Академіи. См. Tractetus Theologiae controversae, traditus in Collegio Kievomohilaeano a Revendo Petre Stephano Jaworsky. Современная рукопись Моск. Дух. Академіи № 278 л. 85 об. и слѣд.

[1]) Припомните отожествленіе авторомъ непогрѣшимости съ общеобязательностію и съ верховенствомъ нетолько духовной, но и гражданской власти. См. выше стр. 225—226.

верховный учитель, и исключительно только онъ! *Но и этого еще недостаточно.* Верховный Учитель этотъ необходимо долженъ подчиниться двумъ неизбѣжнымъ условіямъ для изданія непогрѣшимаго опредѣленія. Во первыхъ, онъ долженъ *каѳедрально обращаться ко всей Церкви*, а во вторыхъ, опредѣленіе его должно относиться къ предмету исключительно *до вѣры и нравственности касающемуся.* Дошли-ли мы наконецъ, хоть на этотъ разъ до крайнихъ предѣловъ непогрѣшимости? Нѣтъ еще. Вотъ Первосвященникъ, *возсѣдающій на каѳедрѣ св. Петра*, *свободно* и *каѳедрально* изрекаетъ относительно вѣры и нравственности и слѣдовательно обращается ко всей вселенской Церкви, — будетъ-ли сказанное имъ въ такомъ случаѣ непогрѣшимо? Нисколько. Непогрѣшимость будетъ относиться *только исключительно* къ весьма яснымъ, точнымъ, торжественнымъ, *собственнымъ словамъ опредѣленія* Все прочее, вводныя разсужденія, доводы, доказательства, умозаключенія, личные взгляды Первосвященника, выводы, подготовляющіе здравый смыслъ и разумъ къ *яснѣйшему уразумѣнію опредѣленія*, – все это къ непогрѣшимости не относится» [1]).

Такое опредѣленіе близко подведено къ нашему опредѣленію, но только по формѣ, по существу-же остается далекимъ отъ нашего. Вотъ наше ученіе: говоря, что ученіе Церкви непогрѣшимо, мы не утверждаемъ ничего болѣе, какъ именно то, что оно неизмѣнно, — тоже самое, какое было предано ей изначала, какъ ученіе Божіе» [2]). Этимъ опредѣленіемъ мы затворяемъ двери для всевозможныхъ нововведеній. Опредѣленіемъ-же латинскимъ напротивъ—двери остаются открытыми, потому что авторъ говоритъ о формѣ, а не о содержаніи опредѣленія. Если слова папскаго опредѣленія будутъ содержать выводъ изъ толкованій его—папы, или всей его учащей церкви,—то оно какъ не божественное— будетъ *погрѣшительно*, какъ это и оправдывается дѣломъ. Опредѣленіе о догматѣ *непорочнаго зачатія*, который, по ихъ-же собственнымъ словамъ, не данъ Откровеніемъ, но выведенъ изъ него и сначала явился въ видѣ частнаго мнѣнія,– такое опредѣленіе не можетъ быть отнесено къ числу непогрѣшительныхъ, а есть погрѣшительное (какъ это и раскрыто мною въ моемъ изслѣдованіи). Ватиканское опредѣленіе о *верховенствѣ* римскаго Первосвященника, начинающееся со слова о *первенствѣ*, а кончающееся словомъ объ абсолютномъ *верховенствѣ*, какъ будто

---

[1]) См. выше стр. 61—65.

[2]) См. 118—121.

неоспоримо, что *первенство и абсолютное верховенство* одно и то-же,—никакъ не можетъ быть *непогрѣшительнымъ*;—затѣмъ ватиканское-же опредѣленіе *о непогрѣшимости папы*, которое представляетъ собою источникъ всякаго рода неопредѣленностей, не можетъ быть отнесено къ разряду бывшихъ Соборныхъ опредѣленій, а есть, какъ мы выше показали, изобрѣтеніе софистической изворотливости оо. іезуитовъ. Къ прежде сказанному прибавимъ замѣчаніе, вызванное нескладнымъ переводомъ книги Асташкова. «Въ опредѣленіи узаконяется, что римскій первосвященникъ вполнѣ обладаетъ тою непогрѣшимостію, коею Божественный Искупитель *хотѣлъ, чтобы была облечена Церковь, когда она опредѣляетъ о ученіи* къ вѣрѣ или нравамъ относящемся;—и что слѣдовательно таковыя опредѣленія римскаго первосвященника суть вполнѣ неотмѣнимы уже по себѣ, *а не вслѣдствіе согласія Церкви*». Всмотритесь въ это опредѣленіе, сколько оно заключаетъ странностей.—«Искупитель хотѣлъ, чтобы *Церковь* была облечена непогрѣшимостью, а оказывается, что папскія опредѣленія неотмѣнимы, не вслѣдствіе *согласія непогрѣшимой Церкви*,—а сами по себѣ, т. е. помимо непогрѣшимой Церкви!» Это—такое опредѣленіе,—которое мало назвать погрѣшительнымъ. Когда мы говоримъ о непогрѣшимости Церкви, мы разумѣемъ буквально всю совокупность тѣла Церкви,—или частнѣе и опредѣленнѣе—*праведныхъ* въ Церкви, живущихъ по духу Христова ученія, а вселенскіе Соборы выразителями ихъ исповѣданія; при чемъ утверждаемъ, что сіи послѣдніе не новое опредѣленіе выдаютъ, а въ своемъ опредѣленіи выражаютъ и такъ сказать—констатируютъ общее, т. е. вселенское исповѣданіе,—и потому это опредѣленіе отъ Церкви издается и ею пріемлется. Въ ватиканскомъ-же опредѣленіи непогрѣшимость папская есть нѣчто внѣшнее для Церкви; папское опредѣленіе ученія, прежде не содержимаго Церковію, есть новый актъ благодатнаго творчества, совершаемаго Духомъ Святымъ въ душѣ римскаго первосвященника, новое откровеніе, даруемое Церкви чрезъ папу,—почему и не можетъ быть рѣчи о *согласіи* Церкви,—а рѣчь должна быть только о *послушаніи* и безпрекословномъ принятіи подаваемаго. Такимъ образомъ жизненный процессъ непогрѣшимости, по нашему ученію, происходитъ буквально во всемъ составѣ Церкви,—потому она непогрѣшима, что *свята*;—по латинскому-же ученію жизненный процессъ непогрѣшимости не въ Церкви происходитъ, а въ одномъ лицѣ, въ папѣ,—и притомъ не посредствомъ его святости, — а чрезъ внѣшнее, такъ сказать, механическое воздѣйствіе на него Духа Божія; — цер-

ковь римская непогрѣшима въ лицѣ папы,—папа непогрѣшимъ—не потому что *святъ*, а потому что онъ есть *верховный первосвященникъ*. Это есть совершенное извращеніе вселенскаго ученія! Sapienti sat.

Обратимся теперь къ отвѣтамъ нашего автора на возраженія, имъ-же самимъ представляемыя.

2) Авторъ пишетъ: «Охотнѣе и чаще всего приводится слѣдующее возраженіе: «Первосвященникъ — человѣкъ, какимъ-же образомъ можетъ онъ быть недоступенъ заблужденію? И какой-же здравый смыслъ согласится съ тѣмъ, что существуетъ такая человѣческая личность, которая не можетъ ни сама обмануться, ни другихъ ввести въ обманъ?» *Отвѣтъ:* «Довольно странно, что возражающіе, если только они христіане, на каждомъ шагу, и безъ малѣйшаго затрудненія вполнѣ вѣрятъ еще несравненно непостижимѣйшимъ чудодѣйствіямъ. Развѣ священникъ, развѣ епископъ не человѣкъ? Однако, они ежедневно и единымъ словомъ превращаютъ хлѣбъ и вино въ тѣло и кровь Христовы; ежедневно и единымъ словомъ разрѣшаютъ душу отъ тягчайшихъ грѣховъ и даже преступленій. Если вы вѣрите, что въ священникѣ, въ епископѣ дѣйствуетъ не человѣческая немощь, а Божеское всемогущество, то почему-же связываете одно только непогрѣшимое ученіе истины съ тою-же человѣческою немощію, а не съ тѣмъ Божескимъ всемогуществомъ? Понимаю невѣрующихъ раціоналистовъ, равно отрицающихъ и то и другое; но не постигаю произвольно признающихъ одно и отвергающихъ прочее. Это очевидно ребяческая непослѣдовательность» (стр. 124).

Авторъ слишкомъ поспѣшно отдѣлывается отъ возраженія и отвѣчаетъ весьма поверхностно. Мы беремъ подъ свою защиту это возраженіе и говоримъ, что оно ниспровергаетъ ученіе о непогрѣшимости папы. Во первыхъ, о священникѣ и епископѣ мы знаемъ, что они чрезъ рукоположеніе получаютъ благодать священства и право совершать таинства; скажите же: чрезъ какое рукоположеніе папа получаетъ спасительную *благодать непогрѣшимости* и великое право издавать непогрѣшительныя опредѣленія именемъ Духа Святаго? такого рукоположенія нѣтъ, потому, какъ выше мы показали, это самозванство небольше (см. стр. 92—94).

Во вторыхъ. Непогрѣшимость Церкви нельзя трактовать какъ таинство Церкви. Непогрѣшимость въ Церкви тоже что *святость*, какъ святость есть подвигъ свободной воли, такъ *непогрѣшимость* въ ученіи есть подвигъ свободнаго разума. Выше мы раскрыли, что умомъ своимъ мы, всѣ христіане—должны стремиться къ до-

стиженію непогрѣшительныхъ представленій о Богѣ и Его отношеній къ намъ. Потому непогрѣшимость нельзя трактовать какъ одно внѣшнее, механическое воздѣйствіе Духа Божія—на одно ли лице или всю совокупность вѣрующихъ, что все равно. Латинское же представленіе о непогрѣшимости Церкви—совершенно отрицаетъ свободное участіе вѣрующихъ въ этомъ качествѣ Церкви. Вѣрующіе потому непогрѣшимы, что непогрѣшимъ папа, а папа не погрѣшимъ потому, что онъ папа, что безъ этого онъ не можетъ быть папой, что непогрѣшимымъ его дѣлаетъ всемогущество Божіе. Это, повторяю, opus operatum, доведенный до абсурда.

3) Возражаютъ еще: «Первосвященникъ не только человѣкъ, но онъ кромѣ того еще грѣшникъ, а Борджіа былъ даже преступникъ. Кто же повѣритъ, что непогрѣшимая истина могла бы изливаться изъ подобныхъ устъ». «Возраженіе это не ново. Тысяча четыреста лѣтъ тому назадъ вздумали отрицать дѣйствительность таинствъ, совершаемыхъ священно-дѣйствователями, находящимися въ грѣховномъ состояніи. Но Церковь и самъ здравый смыслъ осудили эту нелѣпость, которая невозвратно разрушила бы религію до основанія» и т. д. — повтореніе предшествующаго, т. е. какъ грѣховность священника не нарушаетъ силы таинства, такъ грѣховность папы не препятствуетъ ему быть непогрѣшимымъ въ ученіи». Отвѣтъ этотъ убѣждаетъ насъ въ механическомъ пониманіи латинами существа непогрѣшимости, и потому мы отсылаемъ читателя къ предшествующимъ замѣчаніямъ.

4) Продолжая опровергать возраженія, авторъ пишетъ: «Мы согласны, говорятъ. Однако, что случилось бы, если когда либо, въ спорномъ вопросѣ, Церковь была съ одной стороны, а первосвященникъ былъ съ другой». — «Отвѣчаю весьма просто: предположеніе существенно невозможно и слѣдовательно нелѣпо (напрасно). Что случилось бы, спрошу у васъ въ свою очередь, если бы въ движущейся колесницѣ одно колесо вращалось по извѣстному направленію, а второе по противоположному? Вы мнѣ отвѣтите, что предположеніе мое нелѣпо, ибо оба колеса вращаются около одной и той же оси. Что случилось бы, если бы въ человѣкѣ голова захотѣла вести его по одному какому либо направленію, а ноги по другому (однако же въ римской Церкви это случается?) Вы отвѣтите опять, что предположеніе безсмысленно; ибо голова и ноги дѣйствуютъ подъ руководствомъ одной и той же воли. Тоже самое встрѣчается и въ отношеніи первосвященника въ Церкви. Оба руководимы однимъ и тѣмъ же на-

чаломъ, одною и тою же волею, т. е. Духомъ Святымъ» (какъ же это Борджіа-то?)

«Но предположеніе не только нелѣпо, оно кромѣ того свидѣтельствуетъ объ абсолютномъ незнаніи самаго существа церковной конституціи, и составляетъ даже прямое посягательство противъ вѣры: «Строго *къ вѣрѣ относится* (т. е. составляетъ предметъ вѣры), — учитъ англійскій архіепископъ, кардиналъ Меннингъ,—что церковный глава никоимъ образомъ и никогда не можетъ быть отдѣленъ ни отъ епископства, ниже отъ прочихъ правовѣрныхъ. Допустить возможность значило бы прямо отрицать дѣйствіе Духа Святаго въ церкви Христовой (и приходится отрицать въ церкви латинской), т. е. то жизнедательное дѣйствіе, по которому въ ея духовномъ организмѣ плотно связаны во всѣхъ своихъ частяхъ глава съ тѣломъ, тѣло съ главою, и всѣ члены между собою. Это значило бы нарушить единство (при существованіи іезуитовъ и куріи трудно разрушить единство латинской церкви) сокрушить полную гармонію и сочленіе того (римская централизація все превозмогаетъ), что апостолъ называетъ тѣломъ Христа (а не папы), и о которомъ св. Августинъ учитъ, что какъ глава и тѣло образуютъ единую личность, такъ и Христосъ съ церковью (Христосъ, а не папа) образуетъ совершеннаго человѣка. Отъ этого *единства* зависятъ всѣ свойства и дары, церкви сообщенные: непреходимость, *единство* (отъ единства—единство) непогрѣшимость, и слѣдовательно церковь точно также не можетъ отдѣлиться *отъ своего видимаго главы*, какъ не можетъ быть отдѣлена отъ невидимаго» (выводъ слабъ, и ни на чемъ не основанъ).

«И такъ, повторяю еще разъ: отрицайте, если желаете, *стихійную сверхъестественность* (?) въ созданіи вселенской Церкви и тогда допускайте сколько угодно возможность несогласія и разъединенія между ею и первосвященникомъ. Но признавать въ Церкви божественное начало и вмѣстѣ съ тѣмъ оскорблять его премудрость, допуская подобныя предположенія, было бы прямымъ отрицаніемъ всякой послѣдовательности и здраваго смысла» (стр. 126—127).

Заключая такъ горячо, такъ сильно и рѣшительно свой отвѣтъ, авторъ, какъ видно, сознаетъ силу и непререкаемость своего отвѣта. Но позвольте, *стихійную сверхъестественность*, выражаясь вашими словами, въ созданіи Вселенской, собственно Христовой церкви и мы никакъ не отрицаемъ, но отрицаемъ только въ созданіи латинской церкви и допускаемъ въ ней тѣ

нелѣпости, какія опровергаетъ авторъ въ возраженіи. Въ дѣйствительности въ ней существуютъ разногласія, которыя проходятъ чрезъ всю ея исторію, и раздѣленія между вѣрующими и первосвященникомъ, — въ ней, дѣйствительно, колеса хотя на одной оси, но вертятся въ разныя стороны, и ноги движутся не туда, куда велитъ голова. Въ этомъ-то и вся причина нашего отчужденія отъ латинской церкви, что она не находится въ нормальномъ состояніи, въ какомъ должна быть она, какъ церковь Христова. Если бы ея непогрѣшимость основывалась на святости ея членовъ, тогда бы мы признали, что въ ней дышетъ, живетъ и дѣйствуетъ Духъ Божій, соединяя во едино главу и члены; но въ томъ предположеніи, какое утверждается папистами о непогрѣшимости Церкви, не можетъ быть и рѣчи, — объ истинномъ духовно-благодатномъ единствѣ. Въ ней глава и члены связаны, но внѣшнею связью, дисциплинарнымъ устройствомъ и земными интересами, а не силою Духа Божія. Поэтому, въ латинской церкви нужно различать единство благодатное отъ единства дисциплинарнаго, которыя (т. е. единства) существуютъ отдѣльно; въ ней можно пребывать во Христѣ, отвергая такихъ папъ, каковы, напр., были еретики: Зефиринъ, Калликстъ, Гонорій, или развратники и матеріалисты — Іоаннъ XXIII и Александръ Борджіа; или же пребывая въ папѣ, оставаться безъ Христа (напр. во всѣхъ фанатическихъ преслѣдованіяхъ еретиковъ, или въ поголовномъ истребленіи ихъ). Мы уже сказали, что дисциплинарное единство латинской церкви есть внѣшнее по отношенію къ дѣлу спасенія (см. выше стр. 117), и потому слова кардинала Меннинга, приведенныя авторомъ «о благодатномъ союзѣ Христа съ вѣрующими», нисколько не относятся къ церкви латинской. Что Христосъ съ Церковью образуетъ совершеннаго человѣка—это совершенно справедливо, но чтобы видимая Церковь не могла отдѣлиться отъ своей больной главы—это никакъ не вытекаетъ изъ предшествующаго.

5) Въ слѣдующемъ разсужденіи «представленіе папистовъ о папской непогрѣшимости, какъ о благодатномъ и механически сообщаемомъ откровеніи выступаетъ со всею опредѣленностью. Авторъ пишетъ:

«Но, настаиваютъ: представьте себѣ первосвященника, одареннаго умомъ пылкимъ и отважнымъ, всегда готоваго пускаться вкось и впрямь въ опредѣленія неосновательныя, безъ предварительнаго изслѣдованія и разработки предмета. Гдѣ же будетъ тогда значеніе непогрѣшимости?»

«На это авторъ отвѣчаетъ, во-первыхъ: Если бы всякое частное лицо обладало правомъ судить о степени основательности каждой христіанской истины, это вело бы къ прямой нелѣпости, ибо тогда каждый епископъ, каждый священникъ и даже каждый мірянинъ не иначе могли бы принять символъ вѣры, какъ убѣдившись предварительно, насколько церковь основательно поступила, принимая и исповѣдуя каждый членъ онаго въ отдѣльности».

Остановимся на этомъ отвѣтѣ. Этотъ отвѣтъ вытекаетъ изъ представленія о *рабскомъ и безпрекословномъ послушаніи* всѣхъ католиковъ папѣ, что, по нашему представленію, противорѣчитъ достоинству христіанина, имѣющаго благодатныя права во Христѣ, слѣдовательно и права разумѣнія божественной истины, сообщенной людямъ во спасеніе. Въ этомъ одна изъ вопіющихъ несправедливостей папизма противъ свободы нашей во Христѣ. Дѣлая изъ папы внѣшній авторитетъ, паписты хотятъ, чтобы всѣ безпрекословно повиновались ему, а сами не смѣли бы разсуждать. Это ученіе, какъ мы видѣли, противорѣчитъ существу Церкви, какъ благодатному союзу свободно-разумныхъ существъ, и устраняетъ то право, какое дано малымъ церквамъ судить своихъ главъ, митрополитовъ и патріарховъ, въ случаѣ ихъ уклоненія въ ересь (см. выше, стр. 65—69, а также 190).

Но продолжимъ: «Во-вторыхъ, что возражающіе, очевидно, не понимаютъ истиннаго значенія непогрѣшимости. Непогрѣшимость, по ихъ понятію, основана на научномъ изслѣдованіи вопроса, на его тщательной разработкѣ, на совѣщаніяхъ первосвященника со всѣми церквами и епископами, и на провѣркѣ единогласія ихъ мнѣній (неправильна постановка возраженія; вспомните наше опредѣленіе непогрѣшимости. См. выше стр. 61, 62, а также 81—3). Въ такомъ случаѣ, полагаютъ они, дѣйствительно можно раціонально признать, что согласіе всѣхъ церквей, всѣхъ епископовъ, всѣхъ преданій, морально исключаетъ возможность какой-либо погрѣшности, какого-либо заблужденія». «Но они существенно ошибаются (нисколько. См. вышеуказанныя страницы). Всѣ помянутыя предосторожности, указанныя здравымъ смысломъ, ни что иное, какъ правильная, раціональная подготовка непогрѣшимаго опредѣленія, но ни отнюдь не образуетъ существеннаго основанія этой непогрѣшимости. Это, такъ сказать, лишь только шаткая человѣческая непогрѣшимость, до которой достигала бы напр. церковь, если (бы) она была великое законодательное собраніе подъ предсѣдательствомъ верховнаго президента,

преподающаго ученіе истины по большинству голосовъ» (?!) (большинство голосовъ на Вселенскихъ соборахъ — это великое заблужденіе латинянъ! см. выше, стр. 109—111).

«Но правильное понятіе о непогрѣшимости возносится до несравненно высшей сферы. Оно *исключительно основано на сверхъестественномъ преимуществѣ*, дарованномъ, по свидѣтельству Евангелія (?) Самимъ Христомъ вселенскому первосвященнику,— (никогда Христосъ не давалъ первосвященнику, а далъ своей Церкви, которую освятилъ кровію Своею) быть вполнѣ недоступнымъ погрѣшности, когда каѳедрально изрекая въ качествѣ Верховнаго Учителя церкви, *онъ предписываетъ всѣмъ неколебимо вѣрить, что такое-то ученіе до вѣры или нравственности касающееся, дѣйствительно составляетъ часть Божественнаго откровенія* (это не больше какъ теорія оо. іезуитовъ!) Съ этой точки зрѣнія понятно, что ни наука, ни познанія, ни изслѣдованія, ни ученость совѣщателей, и даже ни дальновидность самого первосвященника играютъ здѣсь преобладающую роль [1]). *Нѣтъ, несокрушимая основа непогрѣшимости заключается единственно въ непосредственной помощи Духа Святаго* (мы исповѣдуемъ помощь Св. Духа въ сохраненіи истины, а не въ сообщеніи новыхъ откровеній). Допустить, чтобы первосвященникъ могъ когда-либо лишиться Богомъ обѣщаннаго вспоможенія, и быть доступнымъ заблужденію, значило бы допустить крушеніе и самой церкви, вопреки формальнымъ словамъ Христа, обезпечившаго существованіе ея на вѣки,—на избранномъ Имъ Самимъ въ лицѣ Петра основаніи» (и, дѣйствительно, надо признать, что латинская церковь терпитъ крушеніе не относительно внѣшняго устройства,— а относительно ученія вѣры, которое у нея весьма искажено).

«Изъ сказаннаго явствуетъ, что всѣ эти возраженія вытекаютъ главнымъ образомъ изъ неправильнаго понятія о сущности непогрѣшимости (т. е. на оборотъ — *изъ правильнаго* понятія, а отвѣтъ исходитъ *изъ неправильнаго*), и изъ фальшиваго примѣненія къ органическому учрежденію церкви, представительныхъ условій, служащихъ основаніемъ всѣмъ прочимъ современнымъ правительствамъ (это жалкое недомысліе западныхъ относительно вселенскихъ Соборовъ). Забываютъ, что ихъ дѣйствіями руководствуетъ одна только человѣческая мудрость (неправда: Соборы вселенскіе дѣйствуютъ по изволенію Духа Божія: *Изволися Духу Свято-*

---

[1]) Видно, что писалъ иностранецъ-нѣмецъ, надо бы сказать: «не играютъ преобладающей роли».

му и намъ), и что слѣдовательно они совершенно основательно обращаются къ ея законному олицетворенію, т. е. къ тщательному и глубокому обсужденію вопросовъ въ законодательныхъ совѣщаніяхъ государственнаго представительства. Но Церковь Христова (Христова, но не папистическая) вращается около совершенно *иной неестественной* (?!) *оси*. Ее освѣщаетъ свѣтъ нечеловѣческихъ вѣроятностей, а абсолютной непогрѣшимости, т. е. *непосредственно Божескаго вдохновенія*. А въ такомъ случаѣ, какое же значеніе, относительно непреложнаго познанія истины можетъ имѣть числительность, и какимъ же преимуществомъ могутъ обладать пятьсотъ человѣкъ предъ единымъ? (Великимъ преимуществомъ!) Если полагаемъ, что пятьсотъ человѣкъ представляютъ большую гарантію непогрѣшимости, чѣмъ одинъ,— очевидно, что мы опять возвращаемся къ точкѣ зрѣнія чисто человѣческихъ вѣроятностей (нисколько) и что тѣмъ самымъ мы отрицаемъ принципъ сверхъестественной непогрѣшимости, о которой однако только и можетъ быть рѣчь» [1]).

Авторъ разсуждаетъ совершенно, какъ ветхозавѣтные книжники и фарисеи, не разумѣя ни писаній, ни силы Божіей. Онъ неправильно ставитъ вопросъ и невѣрный даетъ на него отвѣтъ: пятьсотъ человѣкъ не потому представляютъ гарантію непогрѣшимости, что ихъ *пятьсотъ*,—а потому, что они какъ представители множества помѣстныхъ церквей,—въ своемъ единомысліи суть не ложные свидѣтели вселенскаго преданія, каковымъ свидѣтелемъ одно лице быть не можетъ.

Авторъ лукавитъ; составивъ неправое предположеніе о вселенскихъ Соборахъ и опровергая оное, онъ какъ будто говоритъ дѣло, опровергаетъ ложь, а на самомъ дѣлѣ имѣетъ цѣлію подорвать значеніе вселенскихъ Соборовъ. Всѣ такія и подобныя разсужденія, намѣренно спутанныя,—направлены не къ разъясненію истины,—а къ затемненію ея, съ полнымъ разсчетомъ, чтобы овладѣть мыслію и чувствомъ неопытныхъ читателей. Въ такомъ веденіи дѣла нѣтъ Духа Божія,—а слышится *духъ лестчій*.

Выше мы уже сказали, какъ надо понимать непогрѣшимость вселенскихъ Соборовъ, но въ настоящемъ случаѣ, къ большему раскрытію истины, приведемъ еще слова Януса, который хотя не принадлежитъ къ восточной церкви,—но совершенно здраво, какъ православный, разсуждаетъ о Соборахъ и личной непогрѣшимости папъ. Онъ пишетъ: «личная непогрѣшимость простирается го-

[1]) Стр. 127—128.

раздо шире, чѣмъ свобода отъ заблужденій великаго общества, какова вселенская Церковь или представляющій ее Соборъ. Церковь обезпечена отъ ложныхъ ученій въ своей цѣлостности; она не отпадетъ отъ Христа и Апостоловъ, не отречется отъ разъ принятаго и въ своемъ нѣдрѣ возращеннаго ученія. Когда Соборъ опредѣляетъ ученіе, онъ тѣмъ самымъ даетъ о немъ свидѣтельство. Епископы, каждый изъ нихъ за извѣстную ему часть Церкви, удостовѣряютъ, что извѣстное тамъ ученіе доселѣ преподавалось и составляло предметъ вѣры; или, что истина, содержащаяся въ этомъ доселѣ хранимомъ ученіи, хотя ясно не выражена, но какъ логическое слѣдствіе съ неоспоримою необходимостію существовала. О томъ, вѣрно ли дано это свидѣтельство, царила ли между епископами Собора свобода совѣщаній и безпристрастіе,—объ этомъ въ послѣдней инстанціи судитъ сама Церковь; она принимаетъ или отвергаетъ Соборъ или его опредѣленіе».

«Увѣренность и непогрѣшимость здѣсь покоится такимъ образомъ на твердой почвѣ дѣйствительности. Церковь не открываетъ новыхъ ученій, не творитъ чего-либо новаго, но ограждаетъ и охраняетъ свое наслѣдственное имущество. Смыслъ приговора собравшихся епископовъ таковъ: «такъ вѣровали наши предшественники, такъ вѣруемъ мы, такъ будутъ вѣровать и наши потомки». Великое общество, цѣлая Церковь не подвержена опасности превозношенія и чрезмѣрнаго притязанія на высшее озареніе. Для нея не существуетъ искушенія свой особенный взглядъ или свое личное (субъективное) мнѣніе сдѣлать обязательнымъ. Предоставленная самой себѣ, она естественно держится въ предѣлахъ преданія, во что всегда и вездѣ вѣровали. Но совсѣмъ иное дѣло, когда единичное лицо становится носителемъ непогрѣшимости. Папа въ своемъ лицѣ всегда подверженъ опасности, что льстецы и интриганы возъимѣютъ на него вліяніе и будутъ вынуждать его къ догматическимъ опредѣленіямъ; — воспользуются его пристрастіемъ къ какому-нибудь богословскому мнѣнію или къ какому-нибудь ордену и его любимому ученію; воспользуются его невѣжествомъ въ исторіи догматовъ, или тщеславіемъ и страстнымъ желаніемъ возвеличить свое царствованіе (папствованіе) замѣчательнымъ и для римскаго престола мнимо-выгоднымъ (vermeintlich vortheilhafte Entscheidung), опредѣленіемъ, и связать съ своимъ именемъ какое-нибудь великое догматическое дѣяніе, имѣющее составить эпоху въ Церкви. При этомъ для папы нѣтъ ничего легче, какъ удалить отъ себя всякое противо-

рѣчіе; обыкновенно, никто, не будучи спрошенъ отъ него, не отважится дѣлать ему какое-либо представленіе, или выразить сомнѣніе.—Въ душѣ такого человѣка тотчасъ образуется столь лестное и ветхому Адаму столь свойственное воззрѣніе, что его желанія и мысли суть божественное вдохновеніе, что онъ стоитъ подъ особымъ, благодатнымъ водительствомъ Неба и что въ силу его достоинства, какъ полнота власти, такъ и полнота истины и знанія дается ему безъ труда. Онъ повѣритъ этому тѣмъ легче, и ухватится за это тѣмъ скорѣе, чѣмъ незначительнѣе его собственныя познанія и чѣмъ менѣе онъ имѣетъ понятіе о тѣхъ сомнѣніяхъ и трудностяхъ, которыя удерживаютъ ученыхъ богослововъ отъ принятія того или другого ученаго мнѣнія. При этомъ и самый благомыслящій папа можетъ вообразить себѣ, что онъ далекъ отъ само-превозношенія и есть только смиренный органъ Духа Божія, говорящаго чрезъ него» (какъ это въ дѣйствительности и есть).

«Одинъ изъ папъ, правленіе котораго оставило самое мрачное воспоминаніе, Иннокентій X (1644—55), самъ признавался, что онъ всю жизнь занимался юридическими дѣлами и процессами и потому ничего не понимаетъ въ богословіи. Это, однакожъ, не помѣшало ему осужденіемъ пяти положеній о благодати положить начало спору, который тянулся цѣлое столѣтіе и остался нерѣшеннымъ. Въ разговорѣ съ епископомъ Монпельеромъ онъ говорилъ, что онъ получилъ отъ Бога столь великое откровеніе Духа, что ему сталъ ясенъ смыслъ свящ. писанія и онъ внезапно постигъ всѣ запутанныя тонкости схоластики. По объясненіямъ съ другими духовными лицами (Aubigni), онъ осязательно чувствовалъ въ себѣ присутствіе Духа Святаго. Поэтому онъ не нуждался ни въ какомъ совѣщаніи съ кардиналами, ни въ какомъ-либо мнѣніи духовныхъ, избранныхъ имъ изъ монашескихъ орденовъ. «Все это зависитъ отъ вдохновенія отъ Духа Св.», говорилъ онъ пришедшимъ изъ Парижа теологамъ [1]).

«Изъ папъ новѣйшаго времени вспомнимъ Григорія XVI (1831—46). Объ немъ одинъ изъ бывшихъ въ Римѣ государственныхъ мужей сообщаетъ: «Григорій XVI пренаивно радовался своему высокому положенію, особенно потому, что ради этого онъ считалъ себя правымъ во всѣхъ дѣлахъ. Во врямя докладовъ по финансовымъ дѣламъ, когда Капаццини, не могъ убѣдить своего

[1]) Janus pag. 437.—Tutto questo dipende dall inspirazione dello Spirito Santo. Arnauld Oeuvres, XXII p. 210.

владыку, а владыко своими доморощенными аргументами своего геніальнаго государственнаго человѣка,—Григорій иногда взывалъ: «да вѣдь я же папа; не могу же я погрѣшать; я долженъ все знать наилучшимъ образомъ» [1]).

«Всякая абсолютная власть портитъ человѣка, которому она достается. Объ этомъ свидѣтельствуетъ вся исторія. Если это власть духовная, господствующая надъ совѣстью людей, то опасность самопревозношенія тѣмъ больше, ибо обладаніе такою властью (Macht) имѣетъ особенно соблазнительную прелесть, и производитъ самообольщеніе, по которому страсть властолюбія легко прикрывается заботою о спасеніи другихъ. Если при этомъ человѣкъ, которому досталась такая неограниченная власть, питаетъ мнѣніе, что онъ непогрѣшимъ, и есть органъ божественнаго Духа и знаетъ, что его опредѣленіе въ дѣлахъ религіозныхъ и нравственныхъ будетъ принято милліонами со всецѣлою внутреннею покорностію, то почти невозможно, чтобы при такомъ упоеніи сознанія постоянно сохранялась трезвость духа. Къ этому присоединяется впродолженіи столѣтій заботливо поддерживаемое Римомъ представленіе, что въ конклавѣ, не смотря на происки въ немъ партій, всегда торжествуетъ руководящій выборами Духъ Святый, и что потому избранный въ папы есть спеціально избранное орудіе благодати для выполненія опредѣленій Божіихъ о Церкви и человѣчествѣ. Съ того момента, какъ онъ, посаженный на престолъ, принимаетъ первое цѣлованіе ноги,—вся жизнь его становится непрерывнымъ рядомъ чествованій. Все разсчитано на то, чтобы укрѣпить его въ той мысли, что между нимъ и прочими смертными пропасть велика утвердися, и потому отуманенный постоянными воскуриваніями и при самомъ твердомъ характерѣ онъ падаетъ предъ искушеніемъ, превосходящимъ человѣческія силы.—О папѣ Марцеллѣ II (21 день 1555) разсказываютъ, что онъ при своемъ восшествіи былъ полонъ боязни, чтобы съ нимъ не случилось того же самаго, что было примѣчено въ большей части его предшественниковъ, которые, сдѣлавшись папами, совершенно измѣнялись и изъ прежнихъ своихъ добрыхъ намѣреній не выполняли ничего. Такъ вредно дѣйствуетъ, думалъ онъ, на характеръ папы перемѣна состоянія, рой льстецовъ и *свойство* партій [2]). Генералъ ордена іезуитовъ Олива (1670) замѣчаетъ. «Возведеніе въ папское достоинство обыкновенно такъ

---

[1]) Ibid.—Politische Briefe und Caracteristiken. Berlin, 1843, 248.

[2]) Pollidori de vita Marcelli II. Rom. 1744. p. 132.

портитъ характеръ избраннаго, что никто не пожелаетъ доброму человѣку этого повышенія, и никто не надѣется, чтобы и самый лучшій изъ кардиналовъ, когда сдѣлается папой, дѣйствительно сдержалъ добрыя и святыя предначертанія, какія онъ питаетъ при своемъ вступленіи» [1]).

Этимъ мы кончаемъ нашъ разборъ книги, изданной С. Асташковымъ. Скажемъ о заключеніи.

Заключеніе книги въ то же время есть заключительный актъ іезуитской изворотливости. Обращаясь къ «добросовѣстному христіанину» съ предложеніемъ возсоединенія съ латинскою церковію, какъ вселенскою, авторъ съ лукавствомъ испытеля толкуетъ, что всякая ересь, всякое отступленіе есть непремѣнно отрицаніе какихъ-либо христіанскихъ истинъ,—а возсоединеніе есть принятіе этихъ истинъ съ сохраненіемъ прежнихъ своихъ (хорошо предложеніе!). Такимъ образомъ намъ православнымъ, предлагается,—сохраняя все свое, принять еще два новыхъ догмата. «Объ исхожденіи Святаго Духа и отъ Сына», и «главенство папы». Говоря такъ, авторъ имѣетъ жалкое и обидное представленіе о своемъ читателѣ,—а такъ какъ онъ назначаетъ свою книгу для русскихъ—то это представленіе относится къ намъ. Такая тактика, повторяемъ, только шире и шире раскрываетъ между нами ту пропасть, которая уже цѣлое тысячелѣтіе раздѣляетъ насъ.

Хитростію можно обмануть, но нельзя расположить къ любви и единству!

Б).

De l'infaillibilité par Julien Astromoff, prétre cathol que russe. «Veritas liberavit vos» (Іоан. VIII, 32).

(«О непогрѣшимости» русскаго католическаго священника Юліана Астромова). Rome. 1882.

Истина свободитъ вы (Іоан. 8, 32).

Въ обозначенномъ сочиненіи почтенный авторъ, о. Астромовъ, является не только богословомъ, но и философомъ. Онъ взялъ на себя задачу — латинское ученіе *о непогрѣшимости папы* ввести въ систему общаго міровоззрѣнія, или, точнѣе, подъ это частное

---

[1]) Lettre. Bolagna 1705,11, 214.—Ianus p. 437—8.

ученіе подвести общую теорію, почему и озаглавилъ свое сочиненіе общимъ словомъ *«о непогрѣшимости»*.

Сочиненіе распадается на двѣ части: въ первой излагается общая теорія, во второй—частная собственно о *непогрѣшимости* папы.

Какъ человѣкъ даровитый, авторъ излагаетъ свои мысли съ талантомъ; но какъ папистъ, обнаруживаетъ всѣ недостатки, свойственные латинскому мышленію; по мѣстамъ онъ говоритъ какъ ораторъ, съ убѣжденіемъ и воодушевленіемъ, — а по мѣстамъ разсуждаетъ, какъ тонкій діалектикъ и какъ сухой, отвлеченный схоластикъ. Все сочиненіе написано методомъ діалектическимъ и представляетъ собою рядъ положеній, въ видѣ цѣпи, въ которой звѣнья держатся одно за другое.

Діалектическій методъ напомнилъ мнѣ давно-минувшія времена моего образованія, когда насъ учили между прочимъ и силлогистической мудрости. Бывало, дадутъ намъ тему, въ родѣ простаго предложенія, и заставятъ доказать её посредствомъ силлогизма. Слѣдуя указанію учебника, мы отыскивали родовое или общее понятіе, подъ которое бы *подлежащее* даннаго предложенія подходило какъ частное. Когда обрѣталось такое понятіе, мы его ставили въ большую посылку, а данное предложеніе въ меньшую, и искомый выводъ былъ готовъ. Отыскиваніе общаго понятія совершалось иногда очень простымъ способомъ: данное предложеніе обобщалось чрезъ мѣстоименіе *всѣ* и *все*. Напр., дается предложеніе: *трудъ полезенъ*. Чтобы доказать эту истину, дѣлается неопредѣленное предложеніе: все, что содѣйствуетъ развитію нашихъ силъ, все, чтоукрѣпляетъ здоровье,—то полезно; а трудъ содѣйствуетъ развитію нашихъ силъ и укрѣпляетъ наше здоровье, слѣдовательно трудъ полезенъ. Тогда мы не замѣчали, что въ большой посылкѣ мы повторяли то же самое предложеніе, только въ неопредѣленномъ общемъ видѣ, и потому, собственно говоря, ничего не доказывали, а упражнялись въ тождесловіи. Только впослѣдствіи мы поняли, какая фальша заключается въ такомъ умозаключеніи. Подобная фальша замѣчается и въ книгѣ достопочтеннаго о. Астромова. Онъ взялъ себѣ тему: *папа непогрѣшимъ*. Чтобы доказать это положеніе, онъ обобщаетъ его — и строитъ такого рода умозаключеніе: «всѣ люди, которымъ отъ Бога сообщена непогрѣшимость въ высшей степени,—непогрѣшимы. Папа есть единственный человѣкъ, которому сообщена Божественная непогрѣшимость въ высшей степени; слѣдовательно, одинъ папа непогрѣшимъ».—Раскрытіе этого силлогизма посредствомъ дроб-

нѣйшихъ и частнѣйшихъ силлогизмовъ, и составляетъ содержаніе всей книги о. Астромова. Въ первой части содержится первая общая посылка,—во второй—меньшая и заключеніе.

Содержаніе первой части можно выразить въ слѣдующемъ сжатомъ видѣ:

1) «Непогрѣшимость принадлежитъ уму, какъ безгрѣшность воли».

Человѣкъ ограниченъ; слѣдовательно онъ не можетъ самъ по себѣ обладать ни непогрѣшимостію, ни безгрѣшностію.

2) Богъ—полнота совершенствъ. Онъ одинъ обладаетъ и непогрѣшимостію, и безгрѣшностію. Слѣдов. твари только отъ Него могутъ получать непогрѣшимость и безгрѣшность.

3) Безгрѣшность воли и непогрѣшимость ума не находятся между собою въ необходимой связи. Слѣд., можно быть грѣховнымъ по жизни, но непогрѣшимымъ по уму, и наоборотъ, погрѣшимымъ по уму, но безгрѣшнымъ волею по жизни.

4) Сообщенная Богомъ разумнымъ тварямъ *непогрѣшимость* придаетъ имъ *авторитетъ*, а авторитету должно покоряться; слѣдов. авторитетъ есть власть.

5) Власть проводитъ въ жизнь, или осуществляетъ въ жизни законъ, а законъ есть сама истина, или сама непогрѣшимость, слѣд. всякая власть *непогрѣшима*.

6) Законы относятся къ тремъ областямъ бытія, къ естественной, церковной и благодатной, и потому дѣлятся на законы гражданскіе, церковные и божественные. Сообразно съ симъ дѣлятся и власти—на гражданскую, церковную и божественную. Власть гражданская осуществляя законы естественные, по своему достоинству, ниже власти церковной и подчиняется ей; власть церковная, осуществляя законы церковные, выше власти гражданской, но ниже божественной; власть же божественная безусловна и выше гражданской и церковной. Поэтому хотя всякая власть непогрѣшима, но въ безусловномъ смыслѣ—непогрѣшима только одна власть божественная.

Этимъ заканчивается первая часть; вторая содержитъ меньшую посылку и выводъ.

Власть римскаго первосвященника есть власть божественная, слѣд. его одного власть *непогрѣшима* въ безусловномъ смыслѣ.

Чтобы не казаться голословнымъ и несправедливымъ къ автору, выставимъ предъ читателемъ нѣкоторыя положенія:

(Изъ гл. 1). «У тварнаго существа бытіе не есть бытіе въ

себѣ, но сообщенное отображеніе единаго, истиннаго Бытія. Слѣд. и непогрѣшимость у него сообщенная.

Тварное существо состоитъ изъ отдѣльныхъ силъ и образъ Божій отображается въ нихъ отдѣльно въ каждой. Слѣд. должно различать сообщенную *непогрѣшимость* и сообщенную безгрѣшность (этимъ полагается начало непогрѣшимости ex kathedra внѣ связи съ нравств. жизнію).

(Изъ гл. II). *Тема главы*: тварь тѣмъ большею обладаетъ непогрѣшимостію, чѣмъ болѣе отражаетъ Божеств. авторитетъ.

Чл. I. Авторитетъ обозначаетъ 1) *законную власть* и 2) *заявленіе*, покоряющее нашъ умъ.

Въ первомъ случаѣ онъ дѣйствуетъ сперва на *волю*, а во второмъ сперва на *разумъ*. Но и въ покорности воли участвуетъ разумъ, и въ покорности разума участвуетъ воля. Ибо въ первомъ случаѣ разумъ признаетъ *законность* требованій власти, а во второмъ—воля увлекается силою истины, или убѣжденіемъ разума. А законная власть и убѣжденія разума—называются *авторитетомъ*; ибо это одно и то же. А такъ какъ авторитетъ заключается въ *непогрѣшимости*, то тварь чѣмъ больше отражаетъ въ себѣ божеств. авторитетъ, тѣмъ она непогрѣшимѣе (въ этомъ заключается начало безусловнаго послушанія папѣ).

(*Гл. III Ступени непогрѣшимости частной и служебной*).

Авторитетъ твари заключается въ ея непогрѣшимости, т. е. въ ея покорности Богу.

Тварь можетъ быть покорна Богу, или повинуясь *сама*, или, *изъ повиновенія Богу, повелѣвая другими тварями* (?!).

Первый видъ повиновенія представляетъ изъ себя видъ *частнаго авторитета*; а второй — видъ *служебнаго* или *общественнаго*.

Тотъ и другой авторитетъ имѣютъ ступени:

а) *Частный*; чѣмъ болѣе человѣкъ покоренъ Богу, тѣмъ ближе онъ къ совершенству, тѣмъ полнѣе онъ олицетворяетъ въ себѣ божественные законы, тѣмъ онъ непогрѣшимѣе.

А чѣмъ непогрѣшимѣе, тѣмъ сильнѣе онъ вліяетъ на другихъ, какъ авторитетъ въ полномъ смыслѣ этого слова, т. е. какъ законная власть

Слѣд. для тварнаго существа сообразоваться съ божественными законами,—значитъ быть непогрѣшимымъ и въ той же степени пользоваться частнымъ авторитетомъ.

б) *Оффиціальный*;—оффиціальный авторитетъ даетъ повелѣніе только въ той мѣрѣ, въ какой самъ повинуется.

Всякій авторитетъ есть законная власть. Въ законѣ все существо власти или авторитета, почему законъ выше лица, облеченнаго властію. Всякое повелѣніе, противное закону, *не есть повелѣніе* въ точномъ смыслѣ, но актъ частнаго лица (начало, оправдывающее теорію непогрѣшимости отъ ошибочныхъ и грѣховныхъ распоряженій папъ).

Въ лицѣ же, облеченномъ властію, слѣдуетъ различать его личность *оффиціальную* и *частную* (это опять для различенія въ папѣ—*первосвященника*, говорящаго ко всей Церкви и лица частнаго, говорящаго отъ себя).

Обѣ стороны могутъ *совпадать* и *не совпадать* (оправданіе теоріи папской непогрѣшимости). Въ послѣднемъ случаѣ подчиненные обязаны подчиняться первой, т. е. оффиціальной, а не второй (начало для оправданія непослушанія свѣтскимъ властямъ, въ чемъ-либо несогласнымъ съ папою).

Оффиціальный авторитетъ непогрѣшимъ въ каждомъ своемъ повелѣніи (?).

Такъ какъ на всѣхъ ступеняхъ оффиціальнаго авторитета въ сущности одинъ Богъ повелѣваетъ, то явно, что всякій оффиціальный авторитетъ непогрѣшимъ.

Значитъ, всякій непрестанно повинующійся оффиціальному авторитету, совершаетъ только непогрѣшимыя дѣйствія, слѣдов. является всегда и во всемъ непогрѣшимымъ (теорія Лойолы о безусловномъ послушаніи).

И наоборотъ: такъ какъ всѣ противозаконныя требованія и ошибки принадлежатъ обладающему властію лицу, не какъ оффиціальному, а какъ частному, то кто повинуется имъ, является раболѣпнымъ льстецомъ твари, а не служителемъ Бога (?!).

Условія, при которыхъ всякое повелѣніе является оффиціальнымъ авторитетомъ, суть слѣдующія:

1) Всякое повелѣніе должно быть согласно съ божественными законами.

2) Всякое повелѣніе должно быть выраженіемъ воли того лица, которое его высказываетъ (?).

При отсутствіи одного изъ этихъ условій не будетъ и повелѣнія.

Воля приказывающаго лица выражается всегда въ какомъ-нибудь знакѣ. Лица, облеченныя властію, желая приказать что-нибудь противозаконное, не выражаютъ опредѣленно своей воли, а даютъ понять ее какъ-нибудь косвенно. При столкновеніи съ нравственною личностію они скорѣе будутъ гнать и преслѣдо-

вать ее, чѣмъ опредѣленно приказывать ей противозаконныя дѣйствія.

Такимъ образомъ оффиціальный авторитетъ настолько непогрѣшимъ, что подчиненному нечего опасаться ошибки: его начальникъ скорѣе сотретъ его съ лица земли, чѣмъ станетъ приказывать что-нибудь противозаконное.

Законами все живетъ и совершается... Законы непогрѣшимы. Таково же и приказаніе оффиціальнаго авторитета.

Господь не былъ бы Сама любовь, если бы, подчинивъ людей законной власти, не далъ бы этой власти непогрѣшимости; ибо тогда не было бы у людей вѣрнаго пути ко спасенію.

И такъ, чѣмъ здравомысленнѣе человѣкъ и чѣмъ болѣе въ немъ искренности, тѣмъ болѣе онъ послушенъ всякому оффиціальному авторитету, въ которомъ *видитъ непогрѣшимаго руководителя своимъ дѣйствіямъ*».

Всѣ свои разсужденія первой части авторъ заключаетъ слѣдующими выводами:

«Всякое общество есть тѣло; верховная власть въ немъ — голова, законъ—душа общества. Хотя голова управляетъ тѣломъ, но на столько, на сколько является проводникомъ закона во всѣ члены и во все тѣло; она сама оживляется этимъ закономъ и не можетъ не проводить его въ тѣло.

Но если разсматривать члены помимо оффиціальной власти, то наиболѣе жизненнымъ будетъ тотъ, который больше подчиняется закону. Если лицо, облеченное высшею оффиціальною властью и проводитъ законъ, и само вполнѣ подчиняется ему, то оно есть самое совершенное существо, если же оно само не подчиняется, то это самое гнусное существо».

«Гражданскихъ обществъ столько, сколько гражданскихъ высшихъ властей. Но будучи высшими въ естественномъ порядкѣ, онѣ не суть высшія въ порядкѣ сверхъестественной благодати. Сами по себѣ всѣ эти общества представляли бы изъ себя *видимое тѣло безъ головы*; потому что головой у нихъ былъ бы только *невидимый Богъ* (?!!); или были бы нѣсколькими отдѣльными видимыми тѣлами.

«Но Богъ не хотѣлъ оставить своего дѣла неоконченнымъ. Онъ подчинилъ тѣло духу, законъ естественный — Богооткровенному, тѣлесныя силы—духовнымъ, общество гражданское—Церкви. Созидая Церковь, воплощенное Слово соединило въ одно общество всѣ члены всѣхъ гражданскихъ обществъ, или содѣлало ихъ членами единаго видимаго тѣла, живущаго благодатною жизнью, и

имѣющаго *видимою главою* на землѣ намѣстника Творца Богооткровеннаго закона, Господа нашего І. Христа».

Такъ авторъ заканчиваетъ свою первую часть. Такъ я передалъ сущность первой и можно сказать основной части книги. Но да извинитъ меня почтенный авторъ, если я ради истины, которой и я служу съ неменьшей искренностью, какъ и онъ, скажу, что вся эта часть есть не больше, какъ логическая *фикція*. Если авторъ искренно вѣрилъ, что, нанизывая эту цѣпь умозаключеній, онъ обосновывалъ ученіе о непогрѣшимости папы, онъ заблуждался.

Во-первыхъ; всѣ его умозаключенія не суть доводы отъ извѣстной истины къ неизвѣстной, а ни больше, ни меньше, какъ переводъ существующей теоріи, уже обработанной, систематизированной, на языкъ общихъ выраженій. Повторяю, авторъ сдѣлалъ то же самое, что дѣлали нѣкогда мы, руководствуясь одною и тою же теоріей; вмѣсто подлежащаго *папа* авторъ поставилъ — неопредѣленное: *всякій*, *всякая* разумная тварь, *всякая* законная власть, *всякій* законный авторитетъ. Такое превращеніе изъ частнаго въ общее, и общаго опять въ частное—и есть тотъ кругъ, въ которомъ вращаются латины — и есть обманъ, котораго они не могутъ понять и изъ котораго не могутъ выйти.

Во-вторыхъ;двигаясь впередъ путемъ діалектическимъ, авторъ мыслитъ *подлежащія*, какъ математическія формулы и занимается ихъ превращеніемъ; то ставитъ на мѣсто *сказуемаго*, то изъ сказуемаго опять превращаетъ въ *подлежащее*. Такое превращеніе законно въ математическихъ вычисленіяхъ, но никакъ не дозволительно въ разсужденіи о конкретныхъ вещахъ; потому что въ такомъ случаѣ понятія объ нихъ теряютъ свою условность, свои специфическія свойства, и обращаются въ общія, отвлеченныя, ничего не доказывающія формулы. Напр., авторъ буквально выражается такъ: «Всякая разумная тварь существуетъ сообщенною отъ Бога непогрѣшимостью»; «авторитетъ обозначаетъ законную власть и убѣжденіе, законная власть и авторитетъ—одно и тоже; всякій авторитетъ есть законная власть; всякая законная власть непогрѣшима въ каждомъ своемъ повелѣніи и т. д. и т. д. На любителя такихъ тонкостей подобнаго рода разсужденіе, можетъ быть, произведетъ благопріятное впечатлѣніе, но мы отказываемся находить какое либо удовольствіе и какую нибудь пользу отъ такихъ и подобныхъ упражненій; они слишкомъ безплодны, пусты, безсодержательны и не отвѣчаютъ требованіямъ здраваго мышленія.

Въ третьихъ; въ этихъ превращеніяхъ предложеніе не доказывается, а безплодно повторяется въ разныхъ оборотахъ.—Авторъ не замѣчаетъ, что слово—*непогрѣшимость* у него потеряло всякое спеціальное значеніе и потому совершенно безплодно терпитъ разныя превращенія;—всякій авторитетъ, законная власть,—покорность закону, повиновеніе власти, повиновеніе Богу, непогрѣшимость,—всѣ эти слова означаютъ одно и то же. Вслѣдствіе этого, данное предложеніе *папа непогрѣшимъ*, хотя прошло чрезъ весь многосложный діалектическій аппаратъ, испытавъ множество превращеній, — въ дѣйствительности вышло изъ него такимъ же простымъ недоказаннымъ предложеніемъ, какимъ и было введено.—Папа, какъ всякая церковная власть настолько непогрѣшимъ, на сколько и другія церковныя власти, и настолько имѣетъ авторитета, насколько живетъ благодатною жизнію, осуществляетъ собою Божественные законы и проводитъ ихъ въ сердце вѣрующихъ,—вотъ положеніе, которое выводится изъ всей первой части, съ которымъ и мы совершенно согласны. Между тѣмъ ожидалось и требовалось совсѣмъ иное заключеніе. — Нужно было изъ понятія о непогрѣшимости, вывести, что для проведенія ея въ жизнь необходимо одно лице, одинъ органъ, единоличная власть; а этого именно и нѣтъ.

Правда,—авторъ кончаетъ заключеніемъ о единствѣ власти; но это заключеніе онъ выводитъ вовсе не изъ предшествующихъ соображеній, а изъ новыхъ началъ, сторонніхъ для діалектическихъ превращеній,—*изъ воли Божіей*. «Богъ не хотѣлъ оставить своего дѣла неконченнымъ» и т. д. и т. д.

Почему авторъ знаетъ, чего Богъ хотѣлъ и чего не хотѣлъ? Откуда онъ вывелъ это положеніе? На какомъ основаніи онъ можетъ положительно говорить, что земныя общества не могутъ образовать единства безъ видимой главы?—Такое заключеніе есть не больше, какъ повтореніе недоказанныхъ положеній.

Вотъ почему я утверждаю, что вся первая часть есть логическая фикція.

Не лучше и вторая часть.—Въ ней авторъ излагаетъ собственно теорію папской непогрѣшимости; такъ какъ объ этомъ предметѣ у насъ уже сказано было много и вполнѣ достаточно для желающаго познать истину,—то мы ограничимся только общими замѣчаніями и прежде всего обратимъ вниманіе на вступленіе къ этой части; такъ какъ оно чрезвычайно оригинально и интересно. Авторъ пишетъ:

«Первымъ типомъ гражданскаго общества была *семья*.

Сначала весь родъ человѣческій представлялъ изъ себя *одну семью;* при размноженіи же онъ распался на *многія семьи*, и съ той поры объединеніе его подъ одной главой стало *невозможнымъ* (а развѣ это было необходимо? Единство людей при постройкѣ вавилонской башни до того было крѣпко и для развитія человѣчества пагубно, что Творецъ рода человѣческаго опредѣлилъ разсѣять строителей, раздѣливъ ихъ по языкамъ).

Что невозможно для естественнаго закона, возможно для закона *сверхъестественной благодати.* Церковь является *единымъ великимъ семействомъ*, видимой главой котораго есть общій *отецъ* для всѣхъ гражданскихъ повелителей.

Стремиться къ обладанію вселенской значитъ совершать дѣло божественнаго художника, значитъ—стремиться признать естественный законъ совершеннымъ въ самомъ себѣ, значитъ стремиться сдѣлаться видимымъ *благодатнымъ повелителемъ* міра, каковымъ есть видимый глава Христовой церкви—папа» (вотъ основанія латинской пропаганды и оправданіе духа папскаго властолюбія, стремящагося покорить весь міръ. По нашему представленію, мы всѣ должны стремиться ко вселенскому единству, но это единство должно быть достигнуто во Христѣ подвигами вѣры, а внѣшнимъ образомъ, если хотите, въ каноническомъ первенствѣ старѣйшаго іерарха, какъ это уже и было раскрыто выше. Но продолжимъ).

«Слѣдуетъ замѣтить, что мѣстопребываніемъ этой главы, Господь избралъ именно Римъ (?), сознавшійся послѣ всѣхъ своихъ завоеваній въ своемъ безсиліи повелѣвать міромъ. И этотъ Римъ сохранитъ свое значеніе столицы намѣстника Христова во вѣки вѣковъ» (?).

(Гл. I). Отрицать существованіе видимой главы въ Церкви, которая есть видимое общество, немыслимо (почему же?).

Еслибы Господь, возносясь на небо, не оставилъ видимой главы послѣ Себя,—Церковь оказалась бы менѣе совершеннымъ обществомъ, чѣмъ всякое другое гражданское общество, ибо каждое изъ нихъ имѣетъ свою главу (какое дѣтское, но обычное латинамъ разсужденіе!).

Общество объединяется, во-первыхъ, законами, но законы невидимы, какъ душа въ человѣкѣ; поэтому необходимо видимое его объединеніе главою, какъ и тѣло объединяется главою. Если бы Церковь не имѣла видимой главы, она *не была бы видимымъ обществомъ*» (почему же? Общеніе въ молитвахъ и таинствахъ достаточное средство для видимаго общенія членовъ Церкви).

Ѳома Аквинатъ (ну, Ѳома Аквинатъ небольшой авторитетъ!) доказываетъ, что монархическая форма правленія есть совершеннѣйшая форма. Неужели же церковь можетъ быть лишена этой формы?! (Надобно спросить у Основателя Церкви, въ чемъ Онъ полагалъ совершенство своей Церкви, а равно и у св. Апостоловъ, а не у Ѳомы Аквината. А для этого нужно припомнить, во-первыхъ, первосвященническую молитву Спасителя (Іоан. 17 гл.), а во-вторыхъ, изображеніе Церкви у ап. Павла въ посланіи къ Ефесеямъ (4 гл.).

Существованіе видимой главы отнюдь не мѣшаетъ невидимому главенству самого І. Христа (прочтите со вниманіемъ мою первую главу о главенствѣ, и вы увидите, что мѣшаетъ и даже очень). Подобно и правленіе царей не препятствуетъ Богу быть верховнымъ Управителемъ судебъ человѣческихъ (цари какъ и папы не препятствуютъ Богу управлять міромъ, но могутъ препятствовать людямъ обращаться прямо къ Богу и жить въ Богѣ. Припомните Дарія Мидійскаго, издавшаго указъ, чтобы въ продолженіе 30 дней никто изъ его подданныхъ не молился своимъ богамъ).

Іисусъ Христосъ есть единый истинный глава и единое истинное основаніе Церкви, но Онъ изображается въ видимой или наглядной главѣ и въ видимомъ или наглядномъ основаніи Церкви (но такъ Онъ долженъ отображаться въ каждомъ епископѣ, въ каждомъ пресвитерѣ, въ каждомъ истинномъ христіанинѣ).

Итакъ, существованіе видимой главы въ Церкви очевидно, слѣдуетъ только доказать ея непогрѣшимость (далеко не очевидно).

Въ одной изъ слѣдующихъ главъ, раскрывая доказательства непогрѣшимости папы, авторъ пишетъ:

«Въ Евангеліи Господь указываетъ на промыслъ Божій о низшихъ тваряхъ, маленькихъ птичкахъ и полевыхъ лиліяхъ.—Богъ ради Себя Самого и ради Своей любви къ намъ долженъ (это слово *долженъ*, какъ тяжко звучитъ!) содѣйствовать законной власти, чтобы всѣ подчиненные ей могли *непогрѣшимо* идти по пути жизни.

Но разныя ступени непогрѣшимости законной власти подчинены одна другой; такъ непогрѣшимость верховной гражданской власти зависитъ отъ непогрѣшимости церковной верховной власти (а почему-же бы не непосредственно отъ Божеств. власти, Царь имѣетъ двойное помазаніе?). А такъ какъ непогрѣшимость Церкви зависитъ непосредственно отъ единаго источника непо-

грѣшимости, то слѣдов.—Церковь является обладательницею непогрѣшимости въ собственномъ смыслѣ слова.

И законодатель гражданскій и законодатель церковный въ своихъ законахъ должны согласоваться съ Божественнымъ закономъ. Заблужденіе гражданскаго законодателя можетъ быть исправлено законодателемъ церковнымъ (какимъ-же это образомъ?). Но кто-же-бы могъ исправить заблужденіе послѣдняго; онъ повелъ-бы къ погибели всѣхъ своихъ подчиненныхъ (по нашему взаимная любовь и помощь сотоварищей или Соборы). Но этого не можетъ допустить благость Божія; высокое назначеніе Церкви—быть руководительницею къ вѣчной цѣли—немыслимо (отъ чего?), чтобы Господь не далъ людямъ увѣренности, что это водительство будетъ *непогрѣшимо* (Онъ далъ,—только не одному лицу—папѣ).

Очевидность этого (т. е. чего?) такъ велика, что нельзя непризнать, что для Бога было достаточно (опять!!) имѣть возможность даровать верховной власти въ Церкви непогрѣшимость, чтобы дѣйствительно даровать ее (Господи, прости имъ, ибо они не вѣдятъ, что говорятъ!!!).

А развѣ такой возможности у Него не было?—(Господи помилуй!).

Тотъ, Кто полагаетъ несомнѣнные законы звѣздамъ, растеніямъ, животнымъ; Кто напечатлѣлъ въ душѣ человѣка законъ естественный и на этомъ основаніи воздвигъ зданіе Своего благодатнаго закона, божественно непогрѣшимаго; Тотъ, Кто сообщилъ эту непогрѣшимость благодатнаго закона священникамъ Церкви, которые непогрѣшимо передаютъ установленіе Спасителя, претворяя хлѣбъ и вино въ его Его тѣло и кровь, несмотря даже на свои личные недостатки и пороки, — Тотъ развѣ не имѣлъ силы снабдить перваго изъ священниковъ способностью всегда говорить истину, въ силу своего званія перваго представителя Бога на землѣ, съ цѣлію, чтобы Онъ наставлялъ и руководилъ всѣ души, искупленныя кровію Спасителя? — (Безспорно имѣлъ, но не снабдилъ, потому что это противорѣчило законамъ нравственной жизни. Самъ-же авторъ выше сказалъ, что чѣмъ покорнѣе человѣкъ Богу, тѣмъ онъ непогрѣшимѣе и потому авторитетнѣе. Надо полагать, что этотъ законъ существуетъ и для первосвященника».—Дѣйствительность оправдываетъ: св. Льву возглашали на Соборѣ — это Петръ говорилъ устами Льва,— а на другомъ Соборѣ одному изъ преемниковъ его Гонорію,— анаѳема еретику Гонорію!

Далѣе слѣдуютъ опять изліянія краснорѣчія.

По поводу исповѣданія ап. Петра: *Ты еси Христосъ, Сынъ Бога живаго*,—авторъ слѣдующимъ образомъ витійствуетъ:

«Это исповѣданіе вѣры, столь чистое, столь достойное того, кому готовились обѣтованія, было внушено Петру скрытой (?) силой Самого Іисуса, чтобы оно въ глазахъ міра сдѣлалось какъ-бы символомъ крѣпости того духовнаго камня, на которомъ Спаситель создалъ Свою Церковь».

«Поэтому-то какъ бы благословляя, какъ-бы освящая навсегда вѣру и истину Петра, Іисусъ отвѣчалъ: *и Я говорю тебѣ: ты еси Петръ и на семъ камени созижду Церковь Мою и врата адова не одолѣютъ ей, и дамъ ти ключи царства небеснаго и еже аще свяжеши на земли, будутъ связана на небеси, и еже аще разрѣшиши на земли, будутъ разрѣшена на небеси.*

«Боже мой! Какое величіе въ этихъ немногихъ словахъ Божественнаго Слова! «Я тебѣ говорю, Я,—который есть истина, Я тебѣ говорю: ты—Петръ. Я уже далъ тебѣ это имя, избранное для тебя, чтобы обозначить твою твердость; потому что на тебѣ (?) я построю Церковь Мою. И ты—такое непоколебимое основаніе, что Церковь, которую ты будешь поддерживать, противустоитъ вратамъ ада.—Есть два рода вратъ, которыя служатъ эмблемой силы, или могущества; хотя вообще вратами входятъ во всякое владѣніе,—но есть только двое вратъ, которыми входятъ во владѣніе вѣчное, — входятъ, чтобы уже не выходить; это — врата *Неба*, которыми входятъ въ вѣчное владѣніе жилишемъ славы,— и врата ада, которыми входятъ въ вѣчное владѣніе жилищемъ безславія и отчаянія. И эти двое вратъ — одни представители истинной силы Добра, другіе—представители лживой силы зла,— и тѣ и другія проявятъ твою силу: ибо врата ада [1]) будутъ сражаться съ тобою съ напряженнымъ усиліемъ, и не смотря на это никогда не могутъ одолѣть тебя; между тѣмъ какъ врата Неба будутъ открываться твореніямъ (?) только тобою; ибо ключи отъ нихъ въ твоей власти. Ни помраченному уму, ни злобной волѣ нѣтъ мѣста въ небесахъ. — Если-же отъ тебя будетъ зависѣть ввести туда того, кого ты почтешь достойнымъ этого, или запретишь входъ тому, кого ты почтешь недостойнымъ; то это потому,

---

[1]) Здѣсь во всей этой рѣчи, авторъ, очевидно, смѣшиваетъ библейскіе образы: не врата, какъ таковыя, служатъ представителями *силы* или *могущества*, а лица, сидѣвшія у воротъ. Въ древности сказать: *иду къ воротамъ* значило то же, что сказать теперь: *иду въ присутственное мѣсто, иду въ судебную палату* и под. Къ чему-же эта рѣчь о воротахъ, черезъ которыя входятъ?!

что отъ тебя будетъ зависѣть снять съ ума повязку заблужденія (или авторъ неточно выражается, или говоритъ неправду, приписывая Петру то, что свойственно Духу Св.) и освободить злую волю отъ тяжелыхъ цѣпей преступленія—(тоже—преувеличеніе или неточность). Я тебя избралъ сосудомъ Моей благодати, которая есть свѣтъ и любовь; ты сообщишь этотъ свѣтъ и будешь поддерживать его въ умахъ, сохраняя чистоту Моего святаго ученія; ты чрезъ это самое расположишь воли къ выполненію блага и будешь въ нихъ поддерживать огонь чистой любви къ Богу.—Смерть придетъ за тобой, поскольку ты существо смертное. Но по скольку ты—Петръ—ты не можешь умереть; ты будешь жить въ лицѣ твоихъ преемниковъ, ибо основаніе, на которомъ Я созижду Церковь Мою,—зданіе жизни, есть *основаніе живое,* и сила *Моей жизни* не престанетъ проявляться въ силѣ зданія, которое всегда будетъ стоять на немъ».

Истина этихъ словъ Спасителя раздается, раздается непрестанно. Вѣка проходятъ, все рушится, все умираетъ, — только Петръ и Церковь, построенная на немъ—все стоятъ и стоятъ!

Конечно, І. Христосъ былъ свободенъ (!) въ выборѣ того, кого хотѣлъ поставить—видимою главою Церкви. Но *фактъ совершился* (?), Онъ выбралъ Петра и далъ ему престоломъ городъ Римъ (?!). Этимъ самымъ Онъ далъ и всѣмъ тѣмъ (?) кто имѣлъ наслѣдовать Петру на его престолѣ, права верховнаго главы Церкви. Ибо Петръ, какъ смертный, умеръ и сдѣлался невидимымъ для міра, между тѣмъ какъ видимая Церковь продолжаетъ стоять на твердынѣ его вѣры и истины».

Въ такомъ родѣ и дальнѣйшія рѣчи автора!

Эта часть, говоримъ, содержитъ меньшую посылку: что папа именно есть то лице, которымъ обусловливается непогрѣшимость Церкви. — Въ раскрытіи этой посылки авторъ повторяетъ всѣ нами уже разобранныя основанія, прикрывая ихъ слабость обычными пріемами краснорѣчія и восторженнымъ тономъ рѣчи; при чемъ обходитъ молчаніемъ тѣ возраженія, которыя подрываютъ какъ латинскія объясненія Евангельскихъ изреченій о первенствѣ Петра, такъ и всю теорію папизма;—онъ забываетъ что преемственности Петровой власти нѣтъ и не можетъ быть, что не только главенства, но даже и общаго первенства не было послѣ Апостоловъ, что первенство образовалось впослѣдствіи путемъ каноническихъ опредѣленій, что видимое общеніе въ древней Церкви проявлялось въ Соборахъ и т. д. и т. д. Увлекаясь своимъ краснорѣчіемъ, авторъ уносится въ область мечтательныхъ представ-

леній о какой-то идеальной верховной власти,—въ дѣйствительности не имѣющей ни соотвѣтствія, ни оправданія. — Поэтому, вся теорія автора сошла съ почвы дѣйствительности и носится въ туманныхъ высяхъ предположеній и ложной идеализаціи.

Почтенный авторъ несомнѣнно человѣкъ искренняго убѣжденія, — но удивительно, что при своихъ дарованіяхъ онъ не видитъ недостатковъ того дѣла, которое защищаетъ, и тѣхъ логическихъ пріемовъ, которыми для того пользуется. — Эпиграфомъ онъ поставилъ слова Христовы: *истина свободитъ вы*. Это безъ сомнѣнія—такъ. Но для этого истину надобно раскрывать и разъяснять, а не затемнять и запутывать.

№ 2.

Смыслъ исторіи папства по воззрѣніямъ одного государя [1]).

Въ нашей литературѣ прошла незамѣченною книга, весьма интересная для насъ, особенно въ томъ отдѣлѣ, гдѣ авторъ дѣлаетъ очеркъ исторіи папства.

Книга эта, «*Современная задача государей* однимъ изъ нихъ», «*Mission actuelle des souverains* par l'un d'eux», вышедшая въ Парижѣ въ 1882 г. уже 3-мъ изданіемъ; судя по надписанію, она принадлежитъ перу коронованнаго лица, или по крайней мѣрѣ—лица, имѣющаго право на корону.

Авторъ ея задался цѣлію начертать проектъ объединенія Европы для обезпеченія всеобщаго мира; средствомъ для этой цѣли являются у него всенародные конгрессы троякаго рода: экономическіе, политическіе и церковные. И цѣль, и средства—характера весьма мечтательнаго; но въ книгѣ важна не эта положительная сторона, а сторона отрицательная,—та критика исторіи Европы, гдѣ авторъ сильно и рѣзко обличаетъ папство и европейскую дипломатію; намъ, въ данномъ случаѣ, важенъ только вопросъ о первомъ.

Прежде чѣмъ приступить къ самому очерку папства, слѣдуетъ отмѣтить особенности личныхъ воззрѣній автора. Такъ, вопервыхъ: римское папство онъ осуждаетъ самымъ рѣшительнымъ образомъ; но въ идеѣ онъ сочувствуетъ папству, или верховному первосвященству (Souverain Pontificat), какъ онъ любитъ выражаться. Онъ вѣритъ, что папство, почитаемое теперь, какъ зло, какъ несчастіе, можетъ быть обращено ко благу, если будутъ удалены изъ него всѣ элементы политическіе, а останутся одни религіозные и ѳеократическіе (см. «Mission» конецъ VIII-ой гл.). Онъ полагаетъ, что вопросъ о папствѣ—вопросъ еще не разрѣшенный, что епи-

[1]) Эта статья составлена моей дочерью Ек. Ал. Лебедевой, по моему указанію и подъ моей редакціей.

скопы всей Церкви должны собраться и р[illegible]ить, долженъ-ли существовать папа или нѣтъ (см. Miss. гл. II).

Во-вторыхъ, авторъ — человѣкъ государственный, человѣкъ свѣтскій, съ догматическимъ ученіемъ знакомъ очень мало и потому нерѣдко высказываетъ чисто раціоналистическіе взгляды. Впрочемъ, онъ старается не касаться догматическихъ вопросовъ, о чемъ и самъ неоднократно заявляетъ, но это ему не всегда удается; такъ, напримѣръ, ученіе о Церкви, какъ тѣлѣ Христовомъ, со Христомъ во главѣ, ему просто недоступно; онъ не можетъ иначе понимать Церковь, какъ въ смыслѣ чисто государственномъ, по собственному его выраженію какъ *Соціальное Государство Христово* (Etat Social du Christ). «Высшая задача Соціальнаго Государства Христова, говоритъ онъ, съ четвертаго вѣка до нашихъ дней оставалась въ умственномъ и научномъ отношеніяхъ задачей неизвѣстною по своимъ принципамъ, средствамъ и цѣлямъ, неизвѣстною для самихъ тѣхъ, которые полагали, что выполняютъ ее» (гл. VIII, стр. 199).

Не понимая существа Церкви, онъ беретъ только внѣшнюю, видимую сторону ея жизни: такъ, Церковь первыхъ вѣковъ, напримѣръ, онъ упрекаетъ за то, что она вошла въ формы стараго государственнаго устройства; съ этой поры сталъ, по его мнѣнію, проникать въ ея внутреннюю жизнь политическій элементъ и разъѣдать ее. Особенно нападаетъ онъ на Константина великаго, который своею, будто бы, хитрой, хорошо разсчитанной политикой подчинилъ Церковь государству. Во всѣхъ волненіяхъ, ересяхъ и борьбѣ по поводу догматовъ, авторъ видитъ только политическія страсти, не болѣе. Впрочемъ, общей исторіи Церкви онъ касается мало, только вскользь, мимоходомъ; на первомъ планѣ у него папство; ему посвящено цолъ-книги, и тутъ авторъ является уже въ своей сферѣ, тутъ у него и обиліе фактовъ, и доказательность; умѣлою рукою разоблачаетъ онъ тайны папской политики.

Далѣе; авторъ—человѣкъ системы, порядка, горячій поклонникъ единства, объединенія; поэтому въ исторіи средневѣковой Европы онъ всегда сочувствуетъ императорской власти, какъ объединяющей всѣ отдѣльныя государства, и рѣзко порицаетъ современное безначаліе въ Европѣ, современную, какъ онъ выражается, *атеистическую республику государствъ* (république athée). Съ этой точки зрѣнія онъ смотритъ и на Церковь, или *Государство Христово*; Церковь также должна быть едина, какъ всякое государство; теперь же, по его мнѣнію, этого Государства Христова,

или—этой единой Церкви нѣтъ, она перестала существовать съ момента разрыва церквей греческой и латинской. Предлагается возсоздать Церковь періодическими Соборами, подъ предсѣдательствомъ верховнаго первосвященника или безъ онаго, смотря по тому, какъ будетъ рѣшено, хотя самъ авторъ лично сочувствуетъ первому. Очевидно, онъ понимаетъ верховное первосвященство въ смыслѣ чисто практическомъ, въ цѣляхъ, такъ сказать, административнаго объединенія его *Соціальнаго Государства Христова.*

Наконецъ, въ воззрѣніяхъ автора «*Mission*», кромѣ непониманія сущности христіанства, кромѣ нѣкоторой односторонности и нѣкотораго пристрастія къ объединенію, или лучше—къ централизаціи, можно усмотрѣть еще ту западную исключительность, по которой онъ видитъ центръ жизни только на Западѣ и не можетъ отрѣшиться отъ формъ, созданныхъ западною цивилизаціею. Вслѣдствіе этого авторъ видитъ въ латинствѣ центръ и представительство христіанства и по аналогіи съ латинствомъ судитъ многія явленія въ церковной жизни. Кромѣ того, — изображая исторію папства въ рѣзкихъ и сильныхъ чертахъ, глубоко возмущаясь имъ, безпощадно бичуя его во имя религіи вообще и христіанства въ частности, онъ все-таки не въ силахъ окончательно отречься отъ этого явленія, стоящаго въ центрѣ средневѣковой исторіи Запада; онъ старается объяснить все тѣмъ, что хорошая, сама по себѣ, идея развивалась по ложному плану, отчего и вышло нѣчто нелѣпое.

Впрочемъ, какъ бы ни казались намъ взгляды автора «Mission» неправильными, или односторонними, въ данномъ случаѣ они для насъ очень цѣнны; сочувствуя папству по идеѣ, авторъ никакъ не можетъ быть заподозрѣнъ въ какимъ-либо пристрастіи онъ и самъ неоднократно заявляетъ, что первая его забота—быть безпристрастнымъ. То, что онъ не касается догматическихъ вопросовъ, имѣетъ тоже свою хорошую сторону: мы знакомимся со взглядомъ на папство въ его историческомъ развитіи съ точки зрѣнія чисто политической, государственной. Затѣмъ, хотя авторъ отчасти и раціоналистъ, но тѣмъ не менѣе человѣкъ, высоко ставящій религію вообще и христіанскую въ частности и благовѣющій передъ лицомъ Іисуса Христа; самую книгу свою онъ написалъ съ тѣмъ, чтобъ предложить христіанской Европѣ планъ болѣе христіанскаго, международнаго устройства; ибо теперь въ ней господствуютъ не христіанскія начала, а кулачное право сильнаго.

Для фактической стороны авторъ много пользовался «*Исторіею папъ*» Ланфре; изложеніе фактовъ идетъ у него приблизительно

въ томъ же порядкѣ; но онъ искусно группируетъ и связываетъ ихъ, искусно раскрываетъ единство плана, лежавшаго въ основѣ всѣхъ этихъ явленій, и затѣмъ опровергаетъ основной взглядъ Ланфре на папство. Ланфре видитъ въ папствѣ разбившуюся попытку ѳеократіи завладѣть міромъ. Авторъ-же «Mission» видитъ въ немъ усилія политически ослабѣвшаго древняго Рима управлять міромъ по-прежнему, только въ иной формѣ—подъ личиной ѳеократіи; онъ настойчиво указываетъ на то, что папство, какъ папство, никогда не было ѳеократическимъ господствомъ [1]), но всегда было *монархіей*, а папская тіара была непосредственно преемницею діадемы римскихъ кесарей. Сочувствуя въ принципѣ объединенію всего христіанскаго міра подъ единымъ, какъ онъ выражается, верховнымъ первосвященникомъ, авторъ «Mission» тѣмъ яснѣе и настойчивѣе указываетъ на то, что римскій папа никогда не былъ и не могъ быть таковымъ, въ силу той почвы, которая была подъ его ногами и на которой онъ выросъ,—почвы, пропитанной воспоминаніями былаго величія Рима.

Такимъ образомъ папство является возрожденіемъ языческаго Рима въ новой формѣ, а не есть порожденіе христіанства. Этотъ взглядъ развитъ авторомъ ярко и послѣдовательно.

Мы надѣемся, что представляемый вами очеркъ папской исторіи (большею частію въ видѣ дословнаго перевода) будетъ прочитанъ съ большимъ вниманіемъ и живымъ интересомъ, особенно тѣми читателями, которые не имѣютъ времени и возможности знакомиться съ исторіей папства по многотомнымъ произведеніямъ ученыхъ людей.

Вопросъ о папствѣ занимаетъ у автора «Mission» главы 2—9, такъ что нашей 1-ой главѣ будетъ соотвѣтствовать его вторая [2]).

---

[1]) Что совершенно справедливо, какъ выше и было разскрыто. См. стр. 189—190.

[2]) Всѣ подстрочныя примѣчанія принадлежатъ переводчику; у автора ихъ нѣтъ: авторъ, очевидно, задался цѣлію написать не исторію, а политическій и соціальный трактатъ на данныхъ исторіи; поэтому онъ беретъ историческія данныя готовыми прямо отъ историковъ; собственныхъ ссылокъ у него нѣтъ. Это заставило насъ провѣрять по возможности находящіяся у него историческія данныя; пришлось натолкнуться на нѣсколько погрѣшностей и неточностей, которыя мы и старались отмѣчать. Это могутъ быть частью опечатки (наприм. Сергій II вмѣсто Сергія I), частью погрѣшности, заимствованныя изъ самыхъ источниковъ (у Ланфре въ его „Исторіи папъ“ пришлось встрѣтить подобную же обмолвку „Григорій III вмѣсто Григорія II; Гл. III, стр. 29. Ср. Bower 4 B. § 208).

I.

Церковь, по мнѣнію автора, съ первыхъ же вѣковъ отлилась въ формы римскаго государственнаго устройства: по образцу городскихъ общинъ-курій образовались приходы; по образцу провинцій и императорскихъ округовъ (16 diocéses impériaux) образовались епархіи и области.

Во главѣ государственныхъ округовъ стояли четыре императорскихъ префектуры.—Въ Церкви точно также образовались главные центры: Іерусалимъ, Константинополь, Римъ, Карѳагенъ [1]) и т. д., епископы которыхъ на Востокѣ приняли титулы патріарховъ, на Западѣ—примасовъ, въ Римѣ—епископа-епископовъ [2]); но титулъ этотъ не велъ за собою никакого преимущества, ни превосходства, ни главенства. Эти имена указывали не на что иное, какъ только на областное значеніе епархій, разсматриваемыхъ, какъ областныя единицы, и на политическое значеніе городовъ, какъ апостольскихъ престоловъ, или церковныхъ столицъ.

Римъ и его область, включавшая до ста тысячъ стѣнъ [3]) образовали въ государствѣ гражданскій округъ. Было бы странно, если бы христіанскій округъ Рима (т. е. Римская епархія) не былъ отмѣченъ въ лицѣ своего епископа почетнымъ титуломъ соотвѣтственно мѣстной гордости хищнаго города, изъ котораго римскіе орлы низлетали на народы.

Въ этомъ-то смыслѣ, чисто областномъ, и говорится о Римской церкви въ апологіяхъ Минуція Феликса, Іустина, Климента Александрійскаго, св. Иринея, безъ всякаго упоминанія о первосвященническомъ авторитетѣ.

Тертулліанъ первый упоминаетъ о таковомъ, осмѣивая Римскаго епископа за то, что онъ гонится за титулами, ничего не значащими.

Позднѣе св. Кипріанъ обращается къ Римскому епископу, какъ къ столящему во главѣ одного изъ христіанскихъ центровъ; онъ называетъ его еще *собратомъ* (collégue); а св. Фирмиліанъ въ отвѣтъ на размышленія перваго, касательно вмѣшательства (папы) Стефана въ епархіальные выборы Карѳагена, пишетъ ему, что

---

1) Точнѣе слѣдовало бы сказать въ такомъ порядкѣ: Римъ, Александрія, Антіохія, Іерусалимъ и затѣмъ Константинополь. На I Всел. Соборѣ обозначены первые четыре города, а со II Всел. Собора начинаетъ возвышаться и Константинополь.

2) Папа Стефанъ.

3) Это—оригинальное выраженіе автора, надо понимать до ста тысячъ укрѣпленій.

онъ *возмущенъ безумною гордостью Римскаго епископа, который имѣетъ претензію быть въ своемъ епископствѣ преемникомъ ап. Петра.*

Что касается до имени *папы*, оно было дано вѣрующими, какъ прозвище въ обозначеніе тѣсной любви и единенія, на Востокѣ—священникамъ, на Западѣ—епископамъ.

Однимъ словомъ: примасы, патріархи, архіепископы, епископы, въ члены епископства были равны, избирались вѣрующими, поставлялись своими сотоварищами той же области, утверждались митрополитомъ.

Таковы правила 6 канона никейскаго Собора, и изъ писемъ Сидонія Аполинарія видно, что они были еще въ 5-мъ вѣкѣ строго соблюдаемы и что выборы епископовъ производились всенародно.

Римскіе императоры, носившіе со временъ Юлія Цезаря тіару верховнаго Этрусскаго жреца (Pontifex Maximus), съ принятіемъ христіанства утратили ее; тогда ее подняло и надѣло папство.

Едва только центръ тяжести государства перешелъ въ Византію и далъ Римскому епископату свободу дѣйствія по отдаленности надзора, какъ онъ, поддерживаемый тщеславіемъ муниципальныхъ общинъ и призраками политическаго прошлаго своей епархіи, поднялъ тіару сначала робко и надѣлъ ее украдкой на голову, стараясь мало-по-малу присвоить исключительно себѣ имя папы и званіе первосвященника.

Такимъ образомъ въ самой Церкви совершился *диктаторскій переворотъ*, который на Западѣ сдѣлалъ изъ нея клерикальную монархію, несмотря на сильный протестъ епископовъ.

Съ этого момента, единство Церкви было нарушено: греческая церковь не пошла за латинскою, и, по мнѣнію автора, истинной каѳолической Церкви, т. е. его Соціальнаго Государства Христова, не стало...

Но мало надѣть тіару для того, чтобы сдѣлаться верховнымъ первосвященникомъ; и римскій епископъ, въ силу своей епархіи, могъ сдѣлаться только диктаторомъ и императоромъ надъ епархіями Запада.

Папы довольно легко достигли этой цѣли обычными средствами монархической политики: подчиненіемъ соборовъ, убавленіемъ числа областныхъ съѣздовъ (пом. соборовъ), уничтоженіемъ этихъ съѣздовъ (пом. соборовъ) и, въ цѣляхъ господства надъ епископской олигархіей и аристократіей—учрежденіемъ судебной

куріи въ самомъ Римѣ, а внѣ его—пословъ, представителей этой куріи, съ именемъ легатовъ.

Такова была тактика папъ, скопированная съ тактики императорской власти.

Тѣмъ самымъ, что папство было по существу монархическимъ, а не теократическимъ,—политическимъ, а не религіознымъ явленіемъ, оно необходимо должно было стремиться къ централизаціи власти; къ стѣсненію правъ, къ подчиненію себѣ всѣхъ учрежденій въ латинскихъ епархіяхъ. Оно не могло дѣйствовать иначе, такъ какъ ему приходилось выбирать между жизнью и смертью.

Однако же, повелѣвая клиромъ на Западѣ, оно притворялось сначала покорной подданной Восточнаго императора до тѣхъ поръ, пока чувствовало силу послѣдняго, а само не имѣло еще вооруженныхъ силъ, чтобы дать ему отпоръ.

Теорія политическаго равновѣсія, искусство противопоставлять военныя силы державъ однѣ другимъ, были изобрѣтены именно тогда итальянскими папами; они дѣйствовали этимъ оружіемъ успѣшно и неустанно; и это было условіемъ, гарантіей ихъ владычества.

Впрочемъ, зачатки этой политики, которая впослѣдствіи сдѣлалась общей для дипломатіи Европы, были самые скромные.

Св. Левъ, чтобъ побѣдить противодѣйствіе галльскихъ епископовъ къ пріобрѣтенію имъ власти, умолялъ о помощи императора Валентиніана III, который и защитилъ его, какъ подданнаго; а это помогло Льву дѣйствовать въ епископствахъ и митрополіяхъ галлоримскаго міра, какъ папа.

При Теодорихѣ и Остготахъ-аріанахъ положеніе папства было совершенно аналогично съ положеніемъ настоящимъ.

Авторъ видитъ въ Теодорихѣ великаго государственнаго человѣка и очень сочувствуетъ ему за его терпимость. Хотя онъ и не признавалъ верховнаго первосвященства, тѣмъ не менѣе онъ оставилъ за народомъ и духовенствомъ римскимъ право свободнаго избранія себѣ епископа, подтвердилъ льготы церквей, защищалъ римскихъ православныхъ отъ аріанъ.

Папству оставалось только подчиниться итальянскому государству. Оно почувствовало сразу, что объединеніе Италіи Теодорихомъ поразило безсиліемъ, парализовало всю его политику клерикальнаго государства.

Вся послѣдующая исторія Европы доказываетъ, что юридическое (juridique) объединеніе полуострова, равно какъ и юрисдик-

ція Восточнаго императора, получили себѣ разъ навсегда отъ римскаго двора смертный приговоръ. И вотъ святѣйшій престолъ начинаетъ ковать себѣ шпагу въ Галліи, чтобы разбить своего повелителя восточнаго императора во всѣхъ его правахъ на Италію, чтобы уничтожить въ этой странѣ господство аріанъ, раздробить полуостровъ на сотню различныхъ управленій, дабы потомъ противупоставлять ихъ одно другому и господствовать надъ всѣми; а затѣмъ цѣлые вѣка онъ усиливается сломить эту же самую императорскую шпагу, которою дѣйствовалъ, т. е. Карловингскую монархію, сдѣлавшеюся Германскою, которую онъ самъ же освятилъ подъ именемъ Священной Германо-Римской имперіи.

II.

Имперія Византійская, какъ позже имперія Карловингская, смотрѣла на себя, какъ на повелительницу Рима: поэтому-то политика папъ, стремясь, какъ выразительница мѣстныхъ чувствъ этого города, къ всемірной монархіи и господству, постоянно обманомъ проводила и ту, и другую.

Политическая схема была быстро разъ навсегда установлена папствомъ; планъ и основанія ея обусловлены были этническимъ и географическимъ положеніемъ.

Помѣшать во что бы то ни стало юридическому единству Италіи, чтобы не видѣть надъ собою законной власти по близости; изгонять съ полуострова одно владычество— другимъ владычествомъ и одно племя другимъ племенемъ; воздвигнуть на Западѣ имперію, соперницу Византіи; спустить на новую, едва воздвигнутую имперію страшнѣйшую революцію, которая когда-либо угрожала государству; поражать по очереди всѣ династіи, пытавшіяся извлечь Европу изъ этого хаоса; царствовать надъ развалинами христіанства,— таковъ былъ результатъ политики, къ которой присуждено было папство своимъ мѣстнымъ характеромъ, какъ монархическое учрежденіе, стремящееся повелѣвать всѣми безъ стѣсненія, съ высоты своей маленькой римской общины; между тѣмъ какъ эту послѣднюю оно никогда не въ силахъ было держать въ повиновеніи.

Разсыпая свои богатства вокругъ на добрыя дѣла, папство постаралось прежде всего пріобрѣсть себѣ любовь итальянцевъ; къ концу VII вѣка, когда оно достаточно утвердилось въ этомъ, чтобъ бороться съ греками, папа Сергій II (т. е. Сергій I 687—701) началъ революцію.

Достаточно твердый въ своемъ господствѣ надъ латинскимъ

духовенствомъ, поддерживаемый общинами, римскимъ сенатомъ, духомъ народа на полуостровѣ, въ немъ олицетворявшаго свои воспоминанія и свои надежды на величіе, Сергій стряхнулъ иго Соборовъ, а чтобы освободиться отъ императора, подстрекнулъ духъ племенной розни въ двухъ народахъ-соперникахъ. Въ этихъ видахъ онъ и отказался подчиниться канонамъ трулльскаго Собора [1]).

Императоръ Юстиніанъ (II) (685—711) приказалъ схватить мятежнаго епископа и привезти къ нему; но этотъ послѣдній все предусмотрѣлъ: Римъ возсталъ, экзархатъ возмутился, Венеція объявила себя свободною, императорскіе солдаты, большею частію итальянцы, не стали слушаться императорскихъ приказаній.

Въ 726 году новое возстаніе римлянъ противъ приведенія въ исполненіе въ итальянскихъ областяхъ эдикта императора Льва Исаврянина въ пользу иконоборцевъ.

Держась тѣхъ же пріемовъ, какъ современные карбонаріи, папы только заставляли дѣйствовать, сами же они пока еще не дѣйствовали прямо.

Въ 727 году, напримѣръ, Григорій II смиренно свидѣтельствовалъ о своей покорности имперіи; онъ называлъ *превосходительнымъ господиномъ* (excellent maître) Равеннскаго экзарха, а императорскому князю въ Венеціи писалъ:

«Мы всегда будемъ признавать нашими повелителями нашихъ великихъ императоровъ Льва и Константина [2]), и хотимъ съ помощью Господа нашего нерушимо пребывать въ ихъ службѣ».

И въ это же самое время венеціанцы, итальянцы экзархата, ломбардцы, франки были подстрекаемы къ сопротивленію; Люитпрандъ былъ привлеченъ на папскую сторону; семейство Геристала подготовлялось для обладанія Западомъ, и не смотря на вышеприведенныя прекрасныя заявленія, Григорій II, немного времени спустя, выступилъ самъ на сцену и писалъ Льву Исаврянину слѣдующее:

«Я взываю къ Іисусу Христу, Главѣ небеснаго воинства. Да пошлетъ онъ діавола на разрушеніе вашего тѣла... Размышляйте,

---

[1]) А именно онъ сдѣлалъ возраженія на 2, 13, 55, 67 и 87 прав. IV Вселенскаго Собора, а затѣмъ отвергъ и весь соборъ. Historie der römischen Päpste von Bower, übersetzt von Rambach. 4 Theil §§ 122, 123. Точно также не признавалъ Собора и его преемникъ Іоаннъ VI. Но Іоаннъ VII (705—707) подписался.

[2]) Левъ Исаврянинъ съ сыномъ.

трепещите, кайтесь: благочестивые варвары горятъ желаніемъ отмстить за церковь... Повелитель, ты держишь мечъ судебный: я держу мечъ еще страшнѣйшій—мечъ отлученія».

Исполненіе слѣдуетъ за угрозой: Римъ изгоняетъ императорскаго префекта; Люитпрандъ во главѣ своихъ ломбардовъ-аріанъ уничтожаетъ господство грековъ въ экзархатѣ; но какъ государь, Люитпрандъ, разумѣется, работалъ для своего господства, а не для папскаго; поэтому онъ спокойно осадилъ Римъ, чтобъ приняться съ этого центра за объединеніе Италіи.

Это не входило въ разсчетъ Григорія II, который, чтобъ удалить неудобнаго союзника, сдѣлалъ искусный поворотъ къ Византіи; а Григорій III (731—741) поразилъ въ голову монархію Лонгобардовъ и единство Италіи кровавою шпагою франковъ [1]).

Такая политика, пріемъ радикальной монархіи, сначала пугала и возмущала святость лучшихъ папъ. Поставленный противъ воли въ епископы Рима сенатомъ и духовенствомъ древняго хищнаго города, Григорій II (т. е. Григорій I) (590—604), первый изъ истинныхъ политиковъ святѣйшаго престола, писалъ императору Маврикію (582—602), умоляя его не подтверждать его избранія; зная роль, его ожидавшую, онъ убѣжалъ, скрылся внѣ Рима, а когда, наконецъ, онъ увидѣлъ себя папою, не смотря на все свое отвращеніе отъ этого, какъ христіанинъ, онъ произнесъ слѣдующія достопамятныя слова, подтверждающія все, что было раньше и потомъ: «Епископство, въ особенности мое, есть скорѣе должность земнаго государя, чѣмъ пастыря душъ».

Этотъ самый политикъ, столь глубоко религіозный, какъ индивидуумъ, сдѣлавшись папою, принужденъ былъ сдѣлаться первымъ кесаремъ латинскаго духовенства и началъ кровавымъ образомъ отправлять свою чисто-монархическую должность.

Авторъ упрекаетъ историческую критику въ томъ, что она или искажала исторію, чтобъ все оправдать, или нападала на самое учрежденіе, или на нѣкоторыхъ папъ въ отдѣльности, за ихъ предосудительные нравы. «Ошибки, преступленія есть вездѣ, говоритъ онъ, на всѣхъ ступеняхъ печальной исторіи нашего человѣчества, но онѣ совершенно ничего не доказываютъ, кромѣ нашей общей немощи и необходимости для всѣхъ насъ помощи, религіи, законовъ, нравственности, общественной іерархіи, чтобы вновь поднять на всю высоту нашу природу, которая, будучи пре-

[1]). Собственно Луитпрандъ отступилъ отъ Рима и оставилъ въ покоѣ папу, узнавъ, что Карлъ Мартеллъ сталъ на сторону послѣдняго. Bowers. 4 Th. § 228.

доставлена самой себѣ, стремится только къ погруженію въ низшіе инстинкты».

«Іоаннъ XXVIII (1410—1413) своимъ развратомъ, Бонифацій IX (1389—1404) своимъ лихоимствомъ, Александръ Борджіа, (1492—1503) своими преступленіями доказали только то, что они не были достойны не только тіары, не только священства, но и простой гражданской жизни, какъ всякій негодяй, посягающій на чистоту нравовъ, на имущества и на жизнь человѣческую; больше ихъ преступленія не доказываютъ ничего.—Грубая критика лицъ не достигаетъ своей цѣли, не подрываетъ самаго учрежденія—тѣмъ болѣе, что тѣ изъ папъ, которые выказали болѣе всего деспотической энергіи и диктаторскаго насилія въ отправленіи своей монархической должности, они-то именно и были самыми умными, нравственными, святыми; доказательствомъ этого служатъ Григорій II и Григорій VII, если ограничиться ими».

«Что же касается до самаго учрежденія папства, то все, что православные греки, протестанты, раціоналисты писали объ этомъ, также не касается предмета, занимающаго насъ. Все это можетъ быть сведено къ слѣдующему:

«Папство не имѣетъ права на существованіе; съ точки зрѣнія права каѳолическаго и православія первенствующей церкви оно есть *узурпація*.»

«Напрасно оно старалось оправдаться *ложными декреталіями*: эти документы были сочинены въ VIII вѣкѣ Исидоромъ Меркаторомъ [1]).

«Настоящія декреталіи, декреталіи Діонисія Малаго, составленныя втеченіи V вѣка, плодъ честныхъ и усердныхъ изысканій, не указываютъ на папу, въ настоящемъ значеніи этого слова, раньше Сириція, т. е. раньше конца IV вѣка.»

«Время, когда Меркаторъ написалъ свои ложныя декреталіи, ознаменовано было въ Римѣ цѣлой опредѣленной и усвоенной системой оправдательныхъ поддѣлокъ съ цѣлью исказить совершенно исторію, образованіе латинскаго духовенства и вѣрующихъ римской церкви: таковы изданія мнимой дарственной хартіи Константина, апокрифической хартіи, ложно приписанной Людовику Благочестивому и т. д.».

«Опираясь на эти ложные документы, папство положило ихъ въ основаніе общественнаго устройства, которое оно хотѣло дать Европѣ; это и было источникомъ войнъ международной анархіи,

---

[1]) Не сочинены имъ, но ложно приписаны ему.

возбужденныхъ имъ,—кроваваго раздора между общественнымъ умомъ и общественною совѣстью, который повелъ въ Церкви къ сектамъ, а во всѣхъ западныхъ и сѣверныхъ государствахъ къ партіямъ и междуусобнымъ войнамъ.»

Авторъ увѣряетъ, что онъ далекъ отъ того, «чтобъ отрицать все это», однакожь далѣе старается показать, что ни съ точки зрѣнія общественнаго права, ни съ точки зрѣнія права церковнаго папство въ принципѣ еще не осуждено: съ точки зрѣнія права общественнаго всякое учрежденіе имѣетъ право на существованіе, разъ оно существуетъ; вопросъ только въ томъ, соотвѣтствуетъ-ли оно своему назначенію. А съ точки зрѣнія церковнаго права, по имѣющимся теперь даннымъ, папа—епископъ. А затѣмъ,—епископы всѣхъ церквей, какъ получившіе полномочія церковнаго права отъ Іисуса Христа, должны собраться и рѣшить долженъ-ли существовать папа, какъ верховный первосвященникъ въ Церкви, или нѣтъ. (На это отвѣтъ дается въ нашемъ изслѣдованіи).

Въ разрывѣ же между церквами онъ видитъ только соперничество двухъ монархій Византіи и Рима, двухъ враждующихъ племенъ, латинянъ и грековъ.—

Въ тѣхъ же условіяхъ, въ какихъ Римъ былъ по отношенію къ Византіи, онъ оказался вскорѣ и по отношенію къ Карловингской имперіи. Имперія Карловингская, центръ которой папа старался держать вдали отъ Рима, тоже опиралась на другой народъ, тоже имѣла въ основѣ иной территоріальный планъ, давала также епископу—диктатору латинскаго духовенства необходимую свободу дѣйствій, подавляя постоянно итальянскую народность и всѣ ея попытки къ объединенію.

Первосвященническая должность была не причемъ въ этомъ чисто политическомъ соперничествѣ, гдѣ двѣ монархіи, одна клерикальная, другая—свѣтская, построенныя самымъ ненаучнымъ образомъ, по ложнымъ планамъ, удерживались только постоянными нападеніями другъ на друга, опьяняясь своею властью, потопляя другъ друга въ крови племенъ итальянскаго и германскаго.

Что бы ни говорили сектанты въ своей страстной брани, религія не только не компрометтировалась, она даже не была замѣшана въ этой страшной рѣзнѣ, гдѣ для двухъ народовъ-соперниковъ все служило только поводомъ, чтобъ оспаривать другъ у друга политическое преобладаніе.

Эта страшная борьба, театромъ которой непрерывно служили средніе вѣка, касалась только клерикальной политики частной

церкви, только частнаго представительства общественнаго права (magistrature du droit public) и ослабила ихъ, но такъ, что вмѣсто одной двойственности въ общественномъ управленіи Европы появились двѣ: учетверенное число вражды и анархій, разрывающее христіанъ на двѣ церкви и на двѣ имперіи.

По мѣрѣ того, какъ мы приближаемся къ основанію западной имперіи, число областныхъ Соборовъ уменьшается.—Въ Галліи въ V и VI вѣкахъ насчитываютъ 79 Соборовъ; въ VII-мъ не болѣе 20-ти, въ половинѣ VIII-го только семь.

Первосвященническая диктатура объединяла въ себѣ всю власть, всю дѣятелность духовенства и прямо дѣйствовала черезъ своихъ легатовъ на австразійскихъ мэровъ противъ законныхъ Меровингскихъ королей, торжественно помазанныхъ нѣсколько вѣковъ ранѣе.

Работа легатовъ достигла, наконецъ, низложенія короля Хильдерика, постриженнаго, заключеннаго въ монастырѣ Ситье, умершаго три года спустя.—Его сынъ Тьерръ былъ посаженъ въ монастырь Фонтенельскій; Меровингская династія была такимъ образомъ низвержена въ подземныя темницы монастырей, по повелѣнію папы, какъ говоритъ Эгингардъ.

Узурпаторъ Пипинъ, помазанный архіепископомъ Майнцскимъ, былъ еще разъ помазанъ папою.—Стефанъ II [1]) самъ прибылъ въ Галлію увѣнчать свое дѣло; онъ такъ боялся, чтобы не разстроили плановъ святѣйшаго престола, касательно *благочестивыхъ варваровъ* и доброй шпаги, которою онъ хотѣлъ поразить Греческую имперію и Лонгобардскую монархію, что онъ заранѣе провозгласилъ отлученіе всякому, кто когда-либо въ будущемъ будетъ участвовать въ избраніи короля франковъ, не происходящаго по прямой линіи отъ его избранника.

Заглянувъ немного впередъ, мы увидимъ, что папство впослѣдствіи лишило австразійскій родъ имперіи, чтобы дать корону другому узурпатору, Гуго Капету.

Пипинъ же привелъ въ исполненіе старинную угрозу Григорія II; въ два итальянскихъ похода поразилъ и Лонгобардскую монархію, и Греческую имперію, подданнымъ которой былъ папа.—Онъ отнялъ у имперіи экзархатъ и пентополисъ, которые и отдалъ папѣ, ставшему съ этой минуты свѣтскимъ государемъ.

Напрасно протестовалъ Копронимъ: онъ отлично зналъ, откуда идетъ ударъ, и хотѣлъ, чтобъ римскій епископъ продолжалъ быть

---

[1]) Если не считать Стефана II 3-хъ дневнаго. См. выше стр. 174 въ прим.

подсуднымъ ему; но дипломатія его пословъ разбилась объ отказъ Пипина.

Въ общемъ политика папъ пріобрѣла за это время нѣсколько въ высшей степени важныхъ пунктовъ: распоряженіе коронами, подъ предлогомъ религіи, воинственную монархію на послугахъ у своего властолюбія, уничтоженіе правъ Восточнаго императора на сѣверо-востокѣ полуострова, отнятіе его земель въ пользу святѣйшаго престола, подавленіе единства Италіи.

Теперь, конечно, слѣдуетъ спросить, что же сдѣлалось съ клятвами Григорія II: «Мы всегда будемъ признавать нашими повелителями нашихъ великихъ императоровъ и хотимъ съ помощью нашего Господа неуклонно пребывать въ ихъ службѣ..?» — Всякій безпристрастный читатель, заключаетъ авторъ, увидитъ еще разъ, что ни религія, ни ѳеократія, ни христіанство не замѣшаны въ этой необузданной политикѣ папъ; дѣло идетъ только о ихъ клерикальномъ диктаторствѣ.

Дальнѣйшія стремленія папъ были на время пріостановлены Карломъ великимъ. Если бы папство за это время прониклось духомъ своего званія, оно могло бы много сдѣлать для христіанскихъ народовъ, идя рука объ руку съ такимъ законодателемъ, какимъ былъ Карлъ великій. (Это совершенно справедливо!). Но папство думало только о расширеніи границъ своей монархіи. Карлъ великій съ своей стороны оперся на Римъ только для того, чтобы, распространяя огнемъ и мечомъ христіанство, распространять съ нимъ вмѣстѣ и свое владычество. На высотѣ своего первосвященническаго престола папа оказался министромъ иностранныхъ дѣлъ и префектомъ полиціи деспота. Конечно, оба, императоръ мірянъ и императоръ духовенства, полагали, что работаютъ каждый для своихъ цѣлей.

Это объединеніе Европы вокругъ двухъ различныхъ фокусовъ поставило Римъ по отношенію къ Западному императору въ такое же положеніе, въ какомъ онъ находился раньше, по отношенію къ Византіи. Подъ сильной рукою Карла великаго папство боялось поднять голову, но оно тѣмъ рѣшительнѣе подняло ее позднѣе.

Что касается Карла великаго, то онъ такъ хорошо былъ знакомъ съ папствомъ, что не считалъ нужнымъ признавать за нимъ какой либо умственный или религіозный авторитетъ. Онъ обращался съ святѣйшимъ престоломъ, какъ позднѣе всѣ сильные императоры и короли.

«Я занялъ мѣсто между епископами, какъ посредникъ, я разсмотрѣлъ и милостью Божіею установилъ, какъ слѣдуетъ вѣровать».

Такъ писалъ онъ духовенству, объявляя, что даетъ силу закона греческому исповѣданію (т. е. иконоборческому въ противность Римской церкви по вопросу объ иконоборствѣ [1]).—Папство уничтожило, правда, это рѣшеніе, но только тогда, когда левъ былъ уже мертвъ.

Давъ себя короновать въ Римѣ, Карлъ великій ничуть не думалъ подчинять себя папѣ; онъ только хотѣлъ показать греческой имперіи и греческому патріархату, что это все есть у него свое.

Такимъ образомъ папство оказалось въ плѣну у новой имперіи: Карлъ избиралъ и назначалъ папъ; во всѣхъ своихъ обширныхъ помѣстьяхъ папы могли распоряжаться не болѣе того, какъ герцоги, графы, бароны, королевскіе чиновники въ своихъ земляхъ, въ которыхъ Карлъ ставилъ ихъ правителями, но не владѣтелями.

III.

Папство поняло, что попалось въ западню, которую само же устроило, и не остановилось передъ революціей.—Имперія, какъ высшая инстанція общественнаго права, въ силу котораго папа оказывался подчиненнымъ гражданскому закону, была папствомъ приговорена къ смерти.

Объявленіе междоусобной войны было сдѣлано сначала прикровеннымъ образомъ въ 816 г. во Франціи папою Стефаномъ IV, сказавшимъ Людовику Благочестивому слѣдующія слова: «Я тебѣ даю корону, потому что ты мнѣ обезпечиваешь полное пользованіе моими правами».

Говоря такъ, Стефанъ IV совершилъ въ тоже самое время и революціонный актъ, давъ себя избрать и посвятить, не дождавшись императорскаго утвержденія.

Годъ спустя, папа Пасхалій I дѣлаетъ то же.—Императоръ посылаетъ въ Римъ двухъ императорскихъ офицеровъ: ихъ задушаютъ въ Латеранѣ.—Семь лѣтъ спустя, избирается папа Евгеній II и въ свою очередь тоже обходится безъ императорской санкціи.

Но Лотарь, будучи энергичнѣе отца, принявъ участіе въ дѣ-

---

[1]) Карлъ великій не хотѣлъ признавать 2-го Никейскаго т. е. 7-го всел. Собора; этотъ соборъ подвергся осужденію на его Франкфуртскомъ соборѣ и есть статьи противъ въ его Каролинскихъ книгахъ. Многіе объясняютъ это недоразумѣніемъ, вслѣдствіе дурнаго перевода греческаго текста каноновъ Никейскаго собора. Папа Адріанъ I писалъ Карлу великому въ защиту Собора Bower. Historie der Päpste 5 Th. §§ 249, 254 и 258. Самъ Боуеръ вездѣ становится на сторону иконоборчества.

лахъ имперіи, захотѣлъ воспользоваться и правами своими; онъ наложилъ на Римъ слѣдующую присягу: «Я клянусь не признавать никакого папы, избраніе котораго будетъ несогласно съ канонами и посвященію котораго не будетъ предшествовать со стороны избраннаго присяга императору, такая, какую только-что написалъ Евгеній II [1])» (824—27.

Три года послѣ избранія Евгенія II былъ избранъ Григорій IV (827—44) и долженъ былъ подчиниться государственной власти [2]); но отмщеніе готовилось разразиться вооруженною революціею. Все было приведено въ дѣйствіе Григоріемъ противъ общественнаго закона (loi publique) въ лицѣ Людовика Благочестиваго, представителя этого послѣдняго: клерикальное войско,—монахи, священники, аббаты, съ епископами во главѣ,—революція съ оружіемъ въ рукахъ подъ предводительствомъ родныхъ сыновей императора; а среди этихъ отцеубійцъ, среди ихъ собственнаго стана, самъ папа Григорій IV лично.

Покинутаго солдатами, побѣжденнаго безъ сраженія, оскорбленнаго своими дѣтьми Людовика,—«короля Лира», хотѣлъ я сказать,—замѣчаетъ авторъ—влекутъ въ церковь св. Медара, гдѣ епископы срываютъ съ него императорскіе знаки отличія и одѣваютъ его въ рубище кающагося [3]).

«Остановимся на этомъ дѣяніи и подведемъ итоги, говоритъ авторъ: И такъ, во имя религіознаго права съ 715 до 731 г. въ лицѣ Григорія II, съ 731 до 741, въ лицѣ Григорія III, съ 816 до 844, въ лицѣ Стефана IV, Пасхалія I, Евгенія II, Григо-

---

[1]) Евгеній II принесъ эту присягу, желая опереться на императора, такъ какъ былъ выбранъ не единодушно, имѣлъ враговъ и соперниковъ, и въ Римѣ происходили безпорядки. См. Bow. Hist d. Päpste. Th. 5 § 374.

[2]) Замѣчательно, какъ Гергенретеръ, католическій писатель, старается дать совсѣмъ иное освѣщеніе дѣлу. Онъ подвергаетъ сомнѣнію подлинность присяги Евгенія II, а про Григорія IV говоритъ, что послы отъ императора совершенно случайно прибыли въ Римъ раньше посвященія папы, потому что Григорій IV долго отказывался отъ этого сана. Лотарь же воспользовался этимъ обстоятельствомъ для своихъ деспотическихъ цѣлей. См. Hergenröther. Kirchengeschichte I Band. стр. 582.

[3]) Сыновья Людовика возмутились противъ отца по поводу передѣла наслѣдства въ пользу младшаго сына Карла Лысаго. Папа всталъ на ихъ сторону и пріѣхалъ къ нимъ въ лагерь. Между Базелемъ и Страсбургомъ въ такъ называемой «Долинѣ Обмана» сошлись войска. Папа поѣхалъ въ лагерь Людовика для мирныхъ переговоровъ, потомъ уѣхалъ, обѣщая вернуться. Но въ ночь послѣ его отъѣзда все войско Людовика перешло въ противный лагерь, и Людовикъ принужденъ былъ отдаться въ руки сыновей. Bow. 5 Th. §§ 316—318.

рія IV папство въ виду христіанскихъ народовъ, на высочайшихъ ступеняхъ христіанской іерархіи, разбивало скрижали ветхаго и новаго завѣта и всенародно попирало ногами четвертую, пятую, седьмую и восьмую заповѣди Божіи» (т. е. по нашему счисленію 5, 6, 8 и 9-ую).

«Такимъ образомъ, будучи далеко отъ того, чтобы въ чемъ бы то ни было осуществить принципъ и цѣли ѳеократіи, оно разрушало соціальный и религіозный авторитетъ въ Церкви, въ государствѣ, въ семействѣ,—тотъ самый авторитетъ, который оно смѣшало съ политическою властью, благодаря своему областному духу, «сатанѣ семи холмовъ», римскому и цезарскому демону властолюбія. И все это совершалось по невѣжеству, по недостатку ѳеократической мудрости».

Самыя добродѣтели, сама вѣра папъ дѣлали изъ нихъ только отличныхъ папъ, т. е. зачинщиковъ всенародныхъ преступленій, основателей общественнаго атеизма; потому что,—еще разъ сказать,—они защищали учрежденіе священное, но воздвигнутое по святотатственному плану, учрежденіе, изъ котораго племенной духъ изгонялъ всякій духъ религіозный, въ которомъ матеріальное, частичное единство одной церкви исключало духовное единство всей Церкви, въ которомъ клерикальная диктатура изгоняла нравственное значеніе верховнаго первосвященства.

Преемники древнихъ консуловъ, первосвященники—выборные Римской общины управлялись своими мѣстными инстинктами, миражемъ своихъ воспоминаній, упоеніемъ своими старинными властолюбивыми страстями, которыя имъ кричали «Orbem regere momento».

Потому и тріумфальная колесница папства влекла за собой въ униженіи предъ лицо римской черни не только земныхъ государей, побѣжденныхъ, порабощенныхъ, скованныхъ, но вмѣстѣ и самые принципы христіанской религіи и Церкви (Etat social du Christ).

Ночь опустилась оттуда, откуда долженъ былъ взойти день, хаосъ оттуда, откуда ждали творчества, и революція разлилась съ тѣхъ высотъ іерархіи, къ которымъ во времена коронованія Карла великаго новорожденные народы возводили свои взоры въ ожиданіи царства Божія на землѣ.

Феодализмъ обрушился сверху, раздробляя имперію, раздирая общественное право, возвѣщая повсемѣстное бездѣйствіе властей, раздраніе верховнаго надъ всѣми закона, присвоеніе себѣ во владѣніе государственныхъ областей съ людьми и съ землею, мно-

гочисленность и наслѣдственность тираній, неограниченную свободу крупныхъ дворянъ, порабощеніе людей свободныхъ, убійство, грабежъ, постоянные разбои.

Въ то же время возобновились вторженія народовъ. Норманны на сѣверѣ, Венгерцы на востокѣ, Сарацины на югѣ; ибо во злѣ, какъ и въ добрѣ, тайные законы человѣческихъ обществъ сцѣпляются такъ, что первое звено влечетъ за собой всѣ остальныя даже до послѣдняго.

Часть французскаго епископства предчувствовала все это, когда, желая остановить Григорія IV въ его войнѣ съ Людовикомъ Благочестивымъ, нѣкоторые епископы угрожали папѣ отлученіемъ; когда, другіе епископы Гонтье, Адвентій, Тевтюдъ защищая Лотаря противъ Николая I, обнародовали анаѳему на папу; когда Гонтье (или Гюнтеръ) въ самомъ Римѣ, на гробницѣ св. Петра громко заявилъ свой протестъ, окончившійся проклятіемъ клерикальной диктатурѣ Николая [1]); когда Гинкмаръ отъ лица всѣхъ епископовъ Галліи обращалъ къ Адріану II свои рѣзкія посланія, требуя, чтобы онъ не мѣшался въ управленіе королевствомъ.

Такимъ образомъ, папство, возбуждая это страшное негодованіе епископовъ, вносило феодальную революцію и въ латинскую церковь, какъ и въ западную имперію.

Епископы и аббаты сдѣлались государями въ своихъ епархіяхъ и монастыряхъ, приняли титулы герцоговъ, графовъ и надѣли кольчугу подъ духовное платье.

Уже въ 1063 г. во время Рождественскихъ празднествъ Фульдскій аббатъ, имѣвшій митру, и епископъ Гильдесгеймъ, оспаривали другъ у друга со шпагой въ рукѣ посреди церкви первенство мѣста и сыпали другъ на друга такіе удары, что алтарь покрылся кровью, а императоръ едва-едва не былъ убитъ.

Матеріализмъ власти сдѣлалъ такіе успѣхи среди клерикальныхъ феодаловъ, что они въ Германіи достигли обладанія третью всего пространства земли, въ Англіи четвертью, во Франціи пятою частью.

Каждый епископъ и каждый феодальный аббатъ слѣдовалъ примѣру римскихъ диктаторовъ латинской церкви, округлялъ всевозможнымъ образомъ свои владѣнія и защищалъ ихъ взма-

---

[1]) Братъ Гюнтера Гильдуинъ въ сопровожденіи вооруженныхъ людей положилъ этотъ протестъ передъ папою на гробницу св. Петра. Bowers 6. § 27.

хами шпаги, когда отлученія и анаѳемы оказывались недостаточными.

Въ бѣдствіяхъ, посѣтившихъ Европу вслѣдствіе безпрерывныхъ войнъ феодализма, въ томъ мракѣ невѣжества, который въ тѣ времена воцарился повсюду, авторъ винитъ папство; но оно и послѣ всѣхъ этихъ бѣдствій не образумилось и не оставило своего пагубнаго для народовъ пути. — Монахъ Гербертъ, предшественникъ Гильдебранта, не смотря на свою образованность, еще прежде чѣмъ сдѣлался папою подъ именемъ Сильвестра II, принялся продолжать разрушительныя дѣйствія противъ имперіи, начатыя Григоріемъ II и Григоріемъ IV, подготовляя при Іоаннѣ XVI и Григоріи V заговоръ, нанесшій ударъ династіи Карловингской.

Конечно, вѣнчаніе въ лицѣ Гуго Капета феодальной революціи, съ цѣлью подорвать ее, было дѣломъ искуснаго политика и добраго француза; но невозможно признать за этимъ дѣяніемъ ни малѣйшаго характера ѳеократическаго или религіознаго, съ точки зрѣнія единства общей верховной власти (gouvernement général) христіанскихъ народовъ.

По приказанію этого-то будущаго Сельвестра II, дѣйствовавшаго вмѣсто Григорія V, [1]) 1-го Іюля 987 г. епископы и владѣтели герцогства Франціи посадили на престолъ самаго крупнаго феодальнаго владѣльца своей страны.

Это значило избрать самаго главнаго узурпатора, перваго революціонера, съ точки зрѣнія единой верховной власти и общественнаго права, за которыми сила закона признавалась до XVII вѣка.

И такъ, Гюго Капетъ былъ помазанъ на царство Адальберономъ, архіепископомъ Реймскимъ.

Еще въ 922 г. глава бунтовщиковъ Робертъ, герцогъ Франціи, былъ помазанъ королемъ въ Реймсѣ въ ущербъ представителя законной династіи, Карла III. Послѣ Роберта герцогъ Бургундскій Рауль точно также былъ помазанъ и заключилъ Карла III въ Перонскомъ замкѣ, гдѣ этотъ потомокъ Пипина и умеръ.

Гуго великій, отецъ Гуго Капета, продолжатель и глава феодальныхъ мятежей, былъ остановленъ въ своей войнѣ противъ законнаго государя своего Людовика IV соборомъ Ингельгейскимъ и пораженъ отлученіемъ, которое было одобрено папою Стефаномъ VII. Въ этомъ дѣлѣ Ингельгеймскій соборъ и папа Сте-

[1]) Гуго Капетъ былъ возведенъ на престолъ при Іоаннѣ XVI 985 — 996.

фанъ VII оказывались вѣрными политикѣ святѣйшаго престола времени VIII вѣка, и ихъ отлученіе, поражая отца Гуго Капета, поражало въ немъ бунтовщика и защищало единство верховной власти въ Европѣ и общественное право, хотя, правду сказать — это было немного поздно.

Но развѣ Гуго Капетъ самъ былъ менѣе бунтовщикъ, чѣмъ его отецъ? И какъ согласить помазаніе 987 г. съ помазаніемъ 752 г.? На кого падаетъ отлученіе, заранѣе провозглашенное Стефаномъ II среди самой Франціи на всякаго, кто бы впредь избралъ короля франковъ, не происходящаго по прямой линіи отъ Пипина?

Потомство Пипина еще не угасло, его кровь не изсякла: братъ Лотаря Карлъ, великій герцогъ Запада, отецъ трехъ наслѣдниковъ мужескаго пола, былъ живъ и противустоялъ узурпатору съ оружіемъ въ рукахъ; но онъ былъ выданъ епископомъ Леонскимъ, и смерть замкнула ему уста въ тюрьмѣ Орлеанской башни.

Дѣло было въ томъ, что будущій Сильвестръ II, дѣйствуя за Григорія V [1]), или, вѣрнѣе, черезъ этого послѣдняго, приговорилъ къ смерти династію Карловингскую, какъ около трехъ вѣковъ назадъ, Захарія и Стефанъ II приговорили къ смерти династію Меровингскую.

Не желая признавать общественнаго права и еще того менѣе единства верховной власти, которымъ охраняется первое, лучшіе изъ папъ, т. е. тѣ, которые наилучшимъ образомъ защищали папство, обязывались къ открытому святотатству и поражали такимъ образомъ всякую монархическую законность въ самыхъ ея источникахъ.

Правительственное лицемѣріе, которое, какъ мистификація, сопровождаетъ ложныя теоріи о законности, — одна изъ величайшихъ опасностей, могущихъ обезобразить принципъ монархическій и унизить въ глазахъ простыхъ людей то, что они называютъ Религіей. Своими дѣйствіями папство само поколебало авторитетъ монархической власти; своею лицемѣрною моралью въ политикѣ оно уронило и Религію въ глазахъ народовъ, привыкшихъ видѣть въ папствѣ представительницу послѣдней;—поэтому оно можетъ почитаться отдаленнымъ первоисточникомъ

---

[1]) Собственно перемѣна династіи во Франціи совершилась при предъидущемъ папѣ Іоаннѣ XVI.

позднѣйшихъ революціонныхъ доктринъ Франціи, какъ антирелигіозныхъ, такъ и антимонархическихъ.

Эти всенародныя святотатства не имѣли, конечно, ни ѳеократическаго, ни религіознаго характера того священнаго званія, мнимыми носителями котораго являлись папы. Посмотрите на самыхъ великихъ изъ нихъ, на самыхъ правдивыхъ, самыхъ просвѣщенныхъ, самыхъ сильныхъ: Григорія II, Григорія IV, Стефана II, Сильвестра II; они разыскиваютъ, захватываютъ, распоряжаются коронами, управляютъ правительствами; но эта власть, это управленіе на столько далеки отъ ѳеократіи, что, чѣмъ болѣе силы онѣ получаютъ на Западѣ, тѣмъ болѣе чувствуется въ нихъ отсутствіе авторитета, этой неотразимой силы истины; тѣмъ болѣе даетъ себя въ нихъ знать, духъ революціонный.

Помазаніе Гуго Капета не можетъ имѣть болѣе авторитета, чѣмъ посвященіе Пипина, если смотрѣть съ точки зрѣнія общеевропейской верховной власти и общественнаго права, которыя во времена Пипина имѣли законными представителями въ Византіи императора, во Франціи—короля изъ династіи Меровингской.

Такимъ образомъ, наконецъ, въ дѣлѣ провозглашенія Гуго Капета королемъ папство подпадаетъ даже своей собственной анаѳемѣ.

IV.

У Сильвестра II были двѣ заботы: затопить Восточную имперію волнами крестовыхъ походовъ и помѣшать Германской имперіи отстроиться прочно заново подъ энергическимъ воздѣйствіемъ Оттоновъ, воздвигнувъ во Франціи новую королевскую династію, непосредственно связанную съ святѣйшимъ престоломъ.

Но затѣмъ папству приходилось подумать объ обузданіи феодальной революціи, которую оно же произвело; такъ какъ послѣдствія феодализма сильно давали себя чувствовать въ самомъ Римѣ. Трупъ папы Формоза былъ выкопанъ и брошенъ въ Тибръ, по повѣленію папы Стефана VI.

Стефанъ VI повѣшенъ въ своей тюрьмѣ.

Стефанъ VIII преслѣдуется чернью и получаетъ шрамы на лицѣ.

Іоаннъ X задушенъ.

Іоаннъ XI умираетъ въ тюрьмѣ.

Іоаннъ XII убитъ [1]).

---

[1]) Или умеръ отъ удара, какъ полагаютъ другіе. Современный историкъ Ліутпрандъ говоритъ, что дьяволъ поразилъ его въ голову такъ, что Іоаннъ черезъ нѣсколько дней умеръ отъ раны. См. Христ. Стасюлевича т. 2 стр. 502.

Кресцентій провозглашаетъ Римъ республикой.

У Іоанна XVI [1]) отрублены руки, отрѣзаны уши, выколоты глаза.

Въ это же время возставала на Римъ съ громкими протестами епископская аристократія; епископъ Орлеанскій восклицалъ на Реймскомъ соборѣ: «тотъ, кто сидитъ на первосвященническомъ престолѣ, — антихристъ, если у него нѣтъ любви къ ближнему,—идолъ, если въ немъ нѣтъ ни любви, ни мудрости.» И потомъ еще: «Если кто встанетъ и скажетъ намъ, что Римская эпархія—судья надъ всѣми остальными, тотъ пусть начнетъ съ того, что поставитъ непогрѣшимаго папу» [2]).

Но ордена, аббаты которыхъ соперничали съ епископами, какъ демократія и ея трибуны соперничаютъ съ дворянскими кастами и ихъ олигархіей,—обдумывали возрожденіе папства, расшатавшагося съ разрушеніемъ имперіи.

Уже монахъ Гербертъ началъ движеніе; другіе монахи его продолжали. Съ 999 до 1003 г. Сильвестръ II, чтобъ объединить всѣ власти церкви путемъ диктаторскимъ, направивъ ихъ къ одной общей цѣли, всюду сѣялъ мысль о Крестовомъ походѣ черезъ епископовъ, аббатовъ и латинскіе ордена.

Дѣйствительно, это былъ ловкій политическій маневръ—отбросить феодальную революцію и ея анархическія республики куда бы то ни было, только какъ можно далѣе, чтобъ разчистить арену владычества папъ и на свободѣ возстановить ихъ диктатуру; но пора еще не пришла.

Греческая церковь и императоръ Константинопольскій поняли, чѣмъ угрожало имъ это похвальное рвеніе къ завоеванію святыхъ мѣстъ, которыя, впрочемъ, никогда и не были завоеваны прочнымъ образомъ. Въ 1053 г. патріархъ Керулларій объявилъ церкви латинской окончательный разрывъ, ухватившись за первый попавшійся догматическій поводъ, за дѣло Фотія [3]).

Но между тѣмъ, какъ сѣти эти сплетались надъ христіанскими народами, передъ глазами папъ, какъ примасовъ Италіи и епископовъ Рима, возставала вновь священная Римская имперія, въ періодъ времени: отъ Конрада до Оттона I, надѣвшаго тя-

---

[1]) Разумѣется, антипапа Іоаннъ, поставленный Кресцентіемъ на мѣсто изгнаннаго Григорія V.

[2]) Соборъ этотъ собрался въ 991 г. по поводу Арнольда, архіепископа Реймскаго, измѣнившаго своей присягѣ Гуго Капету. Bow. Hist. d. P. 6 Th. § 177—178.

[3]) Авторъ, очевидно, въ суть дѣла не вникъ.

желый вѣнецъ Карла Великаго, и отъ Оттона до Генриха III, могущество котораго имѣло слѣдствіемъ политику Гильдебранда и съ ней ужаснѣйшую войну Среднихъ Вѣковъ.

Неизбѣжно было ожидать, что Оттонъ I, надѣвъ корону Карла великаго, захочетъ возстановить въ то же самое время и права имперіи на Римъ, на избраніе первосвященниковъ, на политическое управленіе духовенствомъ. Въ 962 г. онъ велѣлъ помазать себя въ Римѣ Іоанну XII, возобновилъ Карловингскій договоръ, возвратилъ себѣ, какъ верховному властителю, всѣ прерогативы общественнаго права, включающія и латинскую церковь въ объемъ Германской имперіи, а также и верховную судебную власть надъ владѣніями святѣйшаго престола.

Римляне присягаютъ ему въ повиновеніи. Но едва только уѣхалъ онъ изъ Рима, какъ они возстаютъ. Оттонъ ворочается, усмиряетъ ихъ и осуждаетъ Іоанна XII на соборѣ, который назначаетъ папою Льва VIII.

Римляне изгоняютъ Льва VIII и возводятъ Бенедикта V; Оттонъ возвращаетъ Льва VIII и назначаетъ ему въ преемники Іоанна XIII.

Римляне изгоняютъ Іоанна XIII и назначаютъ префекта и 12 трибуновъ; войска Оттона возвращаютъ Іоанна XIII, который велитъ вырыть и разсѣчь на куски тѣло послѣдняго римскаго префекта и перевѣшать 12 трибуновъ.

«Я спрашиваю,—заключаетъ авторъ—у внимательнаго читателя: замѣшаны-ли и могутъ-ли быть замѣшаны въ этой игрѣ религія, ѳеократія и верховное первосвященство? идетъ-ли хотя рѣчь объ нихъ въ этой сумятицѣ? Оно указываетъ только на одно: что первосвященническое званіе утверждено на святотатственномъ планѣ и не можетъ на немъ устоять».

Это положеніе дѣлъ обнаруживаетъ политическія страсти, племенные инстинкты, доведенные до бѣшенства, до безумія, не позволяющіе ни подъ какимъ условіемъ одному племени господствовать надъ другимъ, не позволяющіе народу, нѣкогда повелѣвавшему міромъ, сознаться въ своемъ историческомъ упадкѣ. Мѣстную войну эту римляне ведутъ не съ императоромъ, а съ саксонцемъ, живущимъ въ Германіи; саксонскій императоръ враждуетъ не съ папою, а съ римской политикой, которая дѣлаетъ изъ папы свое оружіе, свое противугерманское знамя, свой революціонный символъ, всякій разъ, какъ самъ папа перестаетъ быть диктаторомъ.

«Этотъ же самый императоръ, терпѣніе котораго такъ испы-

тывается маленькой римской муниципіей, этотъ же самый императоръ служитъ латинской церкви съ императорской энергіей, не хуже Карла великаго; ему эта церковь обязана епархіями Позенской, Магдебургской, Бранденбургской, Гавельбергской, Мейсенской, Наумбургской. Мерзебургской, Шлезвигской, Рипенской, Аарґуской и Пражской [1]). Такимъ образомъ не латинскій культъ въ частности, не сама религія въ своей сущности, не ѳеократія въ своемъ принципѣ или формѣ являются движущей причиной этой безпрерывной битвы.

Если императоръ германскій силенъ, папа является подданнымъ имперіи, подчиненнымъ его управленію и его власти; но этотъ же самый папа, поставленный римлянами, есть ихъ главный народный представитель; и римляне, оскорбленные въ своей племенной гордости, стремятся возстать на подчиняющагося имперіи папу. И вотъ, папство принуждено или сдѣлать шахъ императору, чтобъ удовлетворить гордости римлянъ, или дать императору раздавить эту гордость.

Если германскій императоръ слабъ, папы могутъ быть сильны, но только подъ условіемъ мятежа противъ имперіи, воплощенія въ себѣ всѣхъ мѣстныхъ инстинктовъ, всѣхъ племенныхъ страстей, всѣхъ политическихъ счетовъ племени и города, который ими управляетъ, и соединенія всѣхъ ихъ въ одинъ инстинктъ, въ одну страсть, въ одинъ итогъ, имѣя видъ диктатуры, господства римской муниципіи надъ всѣми племенами, надъ всѣми коронами, надъ всѣми епархіями, надъ всѣми правами, надъ всѣми законами: *Orbem regere momento.*

Во второмъ, какъ и въ первомъ случаѣ прощай духъ религіи, ѳеократическая дѣятельность первосвященническаго учрежденія! порабощеніе его политикѣ страстей только мѣняетъ видъ и географическія условія, положеніе же дѣлъ остается то же, будетъ ли господствующая раса по сю или по ту сторону Альповъ, въ Эсъ-ла-Шапель или въ Византіи, въ Бавіи или въ Римѣ, въ императорѣ, въ королѣ Италіи или въ самомъ папѣ.

Еслибы имперія была итальянскою, планъ, на которомъ основывается папство, былъ бы еще святотатственнѣе, еще противоѳеократичнѣе, еще противорелигіознѣе, еще болѣе противопервосвященническій. Военный кесарь Италіи рано или поздно посту-

[1]) У Вебера въ его «Всеобщей Исторіи» новыя епархіи поименованы такъ: въ Мерзебургѣ, Цейцѣ, Мейсенѣ, Бранденбургѣ и Гавельбергѣ, затѣмъ въ Шлезвигѣ, Рипенѣ и Аарґусѣ. Т. 2. § 290.

пилъ бы, какъ самъ Юлій Цезарь, и надѣлъ бы тіару на голову, чтобъ верховное первосвященство покорить себѣ подъ ноги.

Папы такъ хорошо сознавали это, что съ Теодориха они положили не допускать объединенія Италіи, пока у нихъ будетъ подъ руками иностранный мечъ. Потому что изъ двухъ одно: или Италія сдѣлалась бы имперіей, стремящейся ко всемірному господству, а тіара оказалась бы императорской, чисто политической ея эмблемой; или полуостровъ принялъ бы форму королевства, и рано или поздно епископы, или властители и народы другихъ странъ стали бы видѣть въ папѣ не иное лицо, какъ примаса Италіи, подобнаго архіепископу Кентерберійскому, примасу Англіи, архіепископу Реймскому или Парижскому, примасу Франціи и т. д.

Всѣ эти обстоятельства, должны освѣтить намъ великую фигуру великаго политика, тосканскаго монаха Гильдебранда во всемъ его величіи передъ политическими предводителями другихъ расъ, во всей его плебейской суровости, какъ монаха диктатора среди епископовъ всѣхъ остальныхъ епархій Запада. Гильдебрандъ своими преобразованіями поднялъ папство до апогея.

Упадокъ папства былъ очевиденъ; реформа въ церкви требовалась всѣми; но епископская аристократія хотѣла ослабленія централизаціи, а монашеская демагогія—усиленія ея, чтобъ выйдти изъ подъ власти епископовъ. Послѣднее стремленіе одержало верхъ: папство съ помощью монаховъ дисциплинировало епископовъ въ простыхъ бригадныхъ генераловъ римской клерикальной арміи. Орудіемъ для этого была изобрѣтена симонія.

«Монашескій трибунъ Петръ Даміенскій проповѣдовалъ нищету, возвращеніе къ нравамъ первобытной церкви, отреченіе епископовъ, священниковъ, аббатовъ отъ брака, отъ временныхъ благъ, отъ міра, отъ земли, — сантиментальная и отвлеченная тема, непрактичная и слѣдовательно мало религіозная, потому что она трудно осуществима и противуобщественна».

Когда Петръ достаточно направилъ общественное мнѣніе всѣми своими заоблачными воззваніями, которыя въ практическомъ отношеніи способны были только удовлетворить ненависти монаховъ противъ епископовъ и были на руку земнымъ задачамъ Рима,—папство разомъ остановило его, сдѣлавъ его самого епископомъ, потомъ кардиналомъ, чтобы показать конечный смыслъ всего этого движенія. А чтобы онъ не сбился съ пути ни языкомъ, ни ногою, его прикрыли митрой и держали плѣнникомъ въ мантіи, съ завязаннымъ ртомъ, поближе, подъ рукою, въ Остіи

Цицеронъ кончилъ, Цезарь можетъ придти; и онъ ужъ тутъ, въ Латеранѣ, Тосканецъ-монахъ въ лицѣ Гильдебранда; онъ еще остерегается появиться раньше времени въ полномъ сіяніи, съ этрусской тіарой на головѣ.

Долго въ самомъ Римѣ смиренная одежда съ грубымъ капюшономъ сохраняла бывшаго плотника невидимымъ для державъ. Онъ ихъ покорялъ своей идеѣ прежде, чѣмъ поработить ихъ своей личности. Орелъ паритъ невидимо подъ облаками, потомъ уже падаетъ съ вытянутыми когтями на добычу; въ мрачной тучѣ скопляется гроза, прежде чѣмъ разразится громами и молніями.

Многіе папы, поставленные Гильдебрандомъ, явились его лейтенантами, его адъютантами, орудіями его предначертаній, его подготовительныхъ работъ.

Благодаря Петру Даміенскому, теперь уже уничтоженному своимъ величіемъ, епископы и священники возвратились мало-по-малу къ пассивному послушанію подъ Дамокловымъ мечемъ симоніи.

Однако, это совершилось не безъ труда; свидѣтельствомъ тому кровавая битва между войсками папскими и войсками епископовъ итальянскихъ, которыхъ имперія, предчувствовавшая во всемъ этомъ нѣчто весьма некаѳолическое, снабдила антипапою Гоноріемъ II [1]). Епископы также чувствовали, что громкая реформа Петра Даміенскаго приведетъ только къ тому, что отдастъ въ руки папъ всѣ имѣнія ихъ епархій; впрочемъ, такъ ее понималъ и Гильдебрандъ, и побѣда осталась за нимъ.

Годъ за годъ этотъ могучій монархическій геній преслѣдовалъ свои подготовительныя цѣли подъ прикрытіемъ своихъ креатуръ-папъ. Его клерикальная армія мало-по-малу приходила въ порядокъ; его адъютанты—легаты дѣйствовали повсюду.

Въ Англіи, среди завоевателей Норманновъ, въ Испаніи, во Франціи, въ Германіи, въ Даніи, въ Польшѣ, въ Россіи, въ Чехіи, въ Венгріи, въ Италіи, у графини Матильды, у Гюискара съ его отчаянной шайкой, всюду—вѣрные агенты, всюду присутствуетъ воля невидимаго кесаря.

Въ самомъ Римѣ папы кончаютъ подъ его наблюденіемъ послѣднія оборонительныя работы: лагерь окопанъ, готовъ планъ оконча-

---

[1]) Этотъ антипапа былъ избранъ по желанію имератрицы Агнесы, матери Гейнриха IV, соборомъ ломбардскихъ и частью нѣмецкихъ епископовъ въ Базелѣ, въ то время, какъ въ Римѣ избрали Александра II, Bowers 6. Th. § 255.

тельнаго нападенія; этихъ папъ, предшественниковъ своихъ, Гильдебрандъ поставляетъ предводителями авангарда на линіяхъ, гдѣ будетъ дѣйствовать стратегія его исполинскаго властолюбія.

Въ Италіи шпага Норманновъ уже сверкаетъ на папской рукоятке: въ 1053 г. Норманны объявляютъ себя непосредственными вассалами Льва IX, и святѣйшій престолъ въ отплату объявляетъ ихъ завоеванія законными [1]).

Въ Римѣ папскіе выборы находятся въ рукахъ народа и духовенства и, кромѣ того, подчинены контролю и утвержденію императора: въ 1059 г. папа Николай II на Латеранскомъ соборѣ, нарочно подобранномъ на этотъ случай, проводитъ законъ объ исключеніи изъ числа избирателей, какъ мірянъ, такъ и простыхъ священниковъ, аббатовъ, епископовъ. Одни члены первосвященническаго двора, кардиналы-священники, кардиналы-епископы, должны впредь принимать участіе въ выборѣ папъ, и эти послѣдніе должны будутъ по преимуществу избираться изъ среды духовенства Римской области. Духовенству и народу эти диктаторскія и число итальянскія узаконенія оставляютъ только право быть торжественно и оффиціально извѣщенными о совершившемся фактѣ, но не отмѣнять его.

Устроивъ этотъ приступъ, Гильдебрандъ, чтобы ввести законъ въ силу, испробовалъ его прочность на Александрѣ II, который былъ избранъ согласно новымъ постановленіямъ. Римскій народъ и духовенство не мѣшали, и вотъ оказалось, что на нихъ надѣта узда. Генрихъ IV былъ малолѣтенъ, имперія тоже не мѣшала; и вотъ оказалось, что и верховная власть (Gouvernement général) и общественное право попали въ силки, по крайней мѣрѣ, на время.

Не мѣшаетъ подвести итогъ всѣмъ этимъ подготовительнымъ работамъ: порабощеніе епископовъ и отнятіе у нихъ имѣній, уничтоженіе избирательныхъ правъ, сверженіе юридической власти имперіи, пренебреженіе общественнымъ правомъ, глухая работа во всѣхъ монархіяхъ, низверженіе законной династіи въ Англіи въ пользу грубыхъ завоевателей, прямо подвигнутыхъ Римомъ и образованіе въ самой Италіи военной гвардіи изъ норманнскихъ бандитовъ на непосредственной службѣ у папства,—вотъ въ чемъ состояли эти подготовительныя работы!

---

[1]) Собственно вассалами папы норманны объявили себя позднѣе, при Николаѣ II, но Левъ IX первый благословилъ ихъ на завоеваніе. Bow. 6 Th. §§ 231 и 251.

Папство, по замѣчанію автора, показало примѣръ насилія и властолюбія молодымъ европейскимъ государствамъ и проложило путь, по которому они и пошли.

Еще 12 лѣтъ при Александрѣ II Гильдебрандъ управлялъ и ждалъ. Наконецъ въ 1073 г. капюшонъ и рубище спали; въ бѣломъ одѣяніи, съ этрусской тіарой на головѣ, съ мечомъ отлученія и съ громами анаѳемы на устахъ предсталъ предъ всѣми племенами Европы величайшій изъ папъ Григорій VII, тосканецъ душою.

Онъ заявилъ испанскому дворянству, что весь Иберійскій полуостровъ принадлежитъ ему, т. е. св Петру, и наложилъ, какъ повелитель, свою дань на всѣ завоеванныя земли или ожидавшія этой участи въ будущемъ [1]).

Онъ потребовалъ отъ Филиппа I, короля Франціи, чтобы тотъ отказался отъ преступной симоніи, что означало, что Филиппъ не долженъ былъ впредь ни привязывать къ себѣ дарами своихъ епископовъ, аббатовъ и священниковъ, ни тѣмъ менѣе управлять ими.

Онъ угрожаетъ своимъ духовнымъ оружіемъ этому самому королю и, по крайней мѣрѣ откровенно, оффиціально предупреждаетъ его, что оно разитъ также вѣрно, какъ революція.

Онъ напоминаетъ Вильгельму норманнскому, что далъ ему Англію и что за это ждетъ отъ него уплаты десятины, динарія св. Петра. Впрочемъ Вильгельмъ, въ качествѣ добраго норманна, не очень спѣшилъ исполненіемъ этого требованія.

Свенону, датскому королю, Гильдебрандъ предлагаетъ новое королевство [2]).

У русскаго Дмитрія [3]) онъ отнимаетъ государство, говоря: «Твой сынъ проситъ его у меня».

---

[1]) Это было время борьбы испанцевъ съ маврами.

[2]) Григорій VII предлагалъ Свенону завоевать въ Италіи одну область, населенную еретиками. Что это была за область—неизвѣстно. У Боуера это мѣсто процитировано такъ: Gregorius L. 2, ep. 51.

[3]) Въ Кіевѣ въ это время была усобица между сыновьями Ярослава I, старшій Изяславъ дѣйствительно посылалъ сына своего въ Римъ къ папѣ Григорію VII съ просьбою о помощи противъ брата своего Святослава и Болеслава польскаго. Григорій VII писалъ по этому поводу къ Болеславу. См. Соловьевъ, Ист. Р. Т. 2, ч. 2.

У Боуера говорится, согласно Баронію, также о Дмитріи. Bow. 6. Th. § 3, 19.

У Гергенретера говорится объ Изяславѣ, посылавшемъ своего сына въ Римъ для подчиненія своей земли папѣ. Hergenröther. B. I, стр. 731.

На Вратислава, чешскаго короля, онъ налагаетъ свою дань, какъ сюзеренъ.

Венгерскому королю, который только что законно получилъ свой ленъ отъ императора Гейнриха, онъ пишетъ: «Ты не можешь остаться королемъ, если не признаешь, что получилъ свое королевство не отъ имперіи, а отъ папства».

Гейнриху IV, императору Германіи, который во главѣ вольныхъ городовъ велъ законную и справедливую войну верховной власти и общественнаго права противъ республиканской и революціонной олигархіи феодальныхъ владѣтелей, онъ приказываетъ тотчасъ же прекратить враждебныя дѣйствія и выискиваетъ, какъ итальянецъ, предлогъ ссоры съ этимъ нѣмцемъ — инвеституру. Онъ чрезъ легата приказываетъ ему явиться въ самый Римъ, чтобъ дать отчетъ въ своей частной жизни.

Гейнрихъ IV, бывшій представителемъ верховной власти въ Европѣ въ томъ же смыслѣ, какъ Константинъ и Карлъ великіе, сзываетъ на Вормскій съѣздъ 24 епископа, которые торжественно низлагаютъ Григорія VII.

Между тѣмъ просыпается и Римская городская община и выставляетъ противъ своего первосвященническаго цезаря мѣстнаго Брута. Цензіо, римскій префектъ, возмущаетъ населеніе; въ Рождественскую ночь 1076 г. онъ бросается на церковь св. Маріи Старшей (Sainte-Marie-Majeure), гдѣ служилъ папа, тащитъ его прочь отъ престола, разрываетъ его первосвященническія одежды и бросаетъ его въ темницу. Гибертъ, архіепископъ Равенскій, тотчасъ же назначается папою.

Но эта побѣда кратковременна; необоримая энергія тосканскаго плотника не даетъ сломить себя такою малостью: права общественныя и права мѣстныя скоро снова подпадаютъ подъ иго этого монарха — цезаря.—Освобожденный изъ темницы Григорій VII [1]) изгоняетъ Гиберта, гремитъ заразъ всѣми своими перунами, и булла отлученія поражаетъ императора Германскаго, объявляетъ его низложеннымъ, какъ мятежника противъ святѣйшаго престола, а его родныхъ, друзей, войска, подданныхъ объявляетъ вполнѣ разрѣшенными отъ своихъ обязанностей и своей присяги.

Радуясь такому обороту, мятежники, съ которыми Гейнрихъ IV велъ войну, Швабы, Саксонцы, Баварцы, герцогъ послѣднихъ

---

[1]) Цензіо, устрашенный волненіемъ народа, самъ выпустилъ Григорія VII, котораго держалъ заключеннымъ въ своемъ домѣ. Bow. VI Th. § 282.

Гвельфъ, возвышенный самимъ же Гейнрихомъ IV, соединяются на съѣздѣ въ Трибурѣ и требуютъ отъ императора подъ страхомъ низложенія, чтобы онъ шелъ за разрѣшеніемъ грѣховъ въ Римъ.

Отважный государь этотъ перенесъ въ Каноссѣ отъ Григорія VII обращеніе болѣе унизительное, чѣмъ Верцингенториксъ отъ Юлія Цезаря подъ стѣнами Герговіи.—Тосконецъ держалъ Франконца три дня и три ночи съ веревкой на шеѣ, съ босыми ногами на снѣгу, а затѣмъ, разломилъ пополамъ гостію, поклялся надъ одной изъ частей, что невиненъ въ преступленіяхъ, возведенныхъ на него Вормскимъ соборомъ, и пригласилъ Гейнриха IV произнести такую-же клятву надъ другой половиной касательно преступленій, въ которыхъ обвинялъ его онъ, Григорій VII.

Изъ политики-ли, или изъ религіознаго благоговѣнія передъ кровавымъ Хлѣбомъ Голгоѳы, только германскій солдатъ отказался отъ такой клятвы и подчинился всему.—Но въ душѣ и совѣсти онъ зналъ, что надо было дѣлать: онъ, императоръ, былъ побѣжденъ другимъ императоромъ и съ этой минуты сталъ думать только объ отплатѣ.

Между тѣмъ легаты, несмотря на покорность Гейнриха, поддерживали германскихъ мятежниковъ, побуждали ихъ избрать Рудольфа Швабскаго, одобряли это избраніе.

Но римская звѣзда заходила, и счастье двухъ государей Гейнриха IV и Григорія VII перемѣнялось.—Въ 1080 г. битва при Фолькскеймѣ (?) [1]) возвратила побѣжденному Каноссы имперію: онъ отнялъ у Матильды ея владѣнія, взялъ Римъ, назначилъ папою Равеннскаго архіепископа Климента III; и Григорій избѣгъ рукъ своего побѣдителя только послѣ кровавыхъ битвъ, только благодаря Роберту Гюискару.

Въ 1085 г. Гильденбрандъ умиралъ у своихъ Норманновъ со словами: «Я любилъ правду, я преслѣдовалъ несправедливость, поэтому и умираю въ изгнаніи.»

Остановимся на этихъ словахъ, обнаживъ голову предъ этой мощной энергіей, побѣжденной судьбою, болѣе счастливою, чѣмъ его собственная.—Съ этимъ великимъ человѣкомъ низойдетъ въ могилу высшій подъемъ папства, верховный геній его владычества, сверкающій орелъ, возвысившій власть его до зенита, послѣдній крикъ котораго въ виду могильнаго праха есть крикъ

---

[1]) Эта битва у историковъ называется битвой при Эльстерѣ (рѣки) или при Мерзебургѣ.

завоевателя, чувствующаго, что съ его смертью распадутся плоды его завоеваній.

21 годъ спустя Гейнрихъ IV, лишенный престола Норманнами, вассалами святѣйшаго престола, своими собственными сыновьями—отцеубійцами, которыхъ вооружилъ и спустилъ на него папа Урбанъ II, умиралъ въ Люттихѣ отъ горя, можетъ быть, отъ голода, взывая: «Боже мой! отмщеніе сыну моему, императору—отцеубійцѣ!

Папа Григорій VII, императоръ Гейнрихъ IV, одинаково великіе оба, въ одинаково трагическихъ положеніяхъ, враждебныхъ одно другому, выразили всю свою жизнь и духъ своей борьбы, одинъ—въ горькомъ предсмертномъ восклицаніи кесаря, земнаго судьи, другой—въ воззваніи къ верховному Божію правосудію.

Въ основаніи своемъ это были два владычества, двѣ народности, двѣ имперіи, которыя восклицали такъ, пораженныя одна другою: великій духъ итальянскій и великій духъ германскій.

V.

Урбану II, какъ клерикальному латинскому императору, не оставалось ничего инаго, какъ взяться за крутую мѣру: отбросить на Востокъ человѣческую лавину изъ своей имперіи, и этимъ римское владычество папъ сказало послѣднее свое слово.— Вся ихъ исторія съ этого времени, не смотря на Бонифація VIII, который открыто показалъ истинный смыслъ своего господства, явившись передъ Европой въ императорскихъ знакахъ отличія, съ преднесеніемъ двухъ мечей,—вся дальнѣйшая исторія папства была послѣдовательнымъ паденіемъ и обезсиленіемъ.

Не смотря на всѣ усилія Урбана II, не смотря на всю энергію, какую онъ выказалъ, чтобы поддержать всѣ замыслы Григорія VII, дѣло этого великаго человѣка было навсегда поражено на-смерть тѣмъ-же самымъ Гейнрихомъ V, котораго вооружилъ святѣйшій престолъ, тѣмъ самымъ отцеубійцей, который, сдѣлавшись императоромъ, оказался энергическимъ и благоразумнымъ.

Въ 1122 г. Вормскій конкордатъ предоставилъ императору политическое управленіе епархіями и епископами,—папѣ—управленіе чисто церковное; и церковь латинская, въ государственномъ отношеніи отторгнутая отъ римскаго престола, стала съ этого времени стремиться къ раздробленію на столько церквей, сколько должно было образоваться государствъ.

Папы задумали потопить имперію и нарождавшіяся королевства въ безсмысленномъ хаосѣ крестовыхъ походовъ, но и это имъ не удалось.

Проэктъ крестовыхъ походовъ составился еще у Сильвестра II во время его пребыванія и научныхъ занятій у мавровъ въ Испаніи [1]). Григорій VII расширилъ этотъ проэктъ и проэктъ воинственныхъ орденовъ; но осуществленіе его совершилось только въ промежутокъ времени съ Урбана II до Иннокентія IV, съ 1095 до 1229 г. (надо-бы—до 1243 г.—если до Иннокентія IV,—такъ какъ это годъ его вступленія на престолъ).

Система крестовыхъ походовъ была неизбѣжнымъ слѣдствіемъ того императорскаго положенія, какое папство съ Григорія II стремилось занять среди обще-европейскаго управленія подъ давленіемъ мірскаго римскаго духа. — Папы стремились сдѣлать изъ государей своихъ военныхъ лейтенантовъ и начали Крестовые походы, какъ только оказалась возможность противопоставить шпагу шпагѣ, народы народамъ, государей государямъ!

Карлъ Мартеллъ и Пипинъ были ихъ первыми адъютантами сначала противъ Меровинговъ, потомъ противъ Италіи и аріанства, затѣмъ – противъ объединенной монархіи Ломбардской и наконецъ, противъ Греческой имперіи и церкви.

Карлъ великій былъ ихъ настоящимъ крестоносцемъ противъ имперіи Восточной и ея церкви, отъ которыхъ онъ сдѣлалъ папъ вполнѣ независимыми,—и противъ всей Европы, которую онъ подчинилъ ихъ зависимости, отъ сѣвера Испаніи до Бретани, отъ Атлантики до Польши, отъ Саксоніи до Беневента.

Сами папы, по крайней мѣрѣ, не могли иначе смотрѣть на всѣ эти событія въ латинской церкви, а у Григорія VII—у перваго хватило духу открыто высказать государямъ завѣтную думу своихъ предшественниковъ. Вначалѣ, едва успѣвъ создать имперію Карла великаго, изъ опасенія подпасть ея силѣ, папы спустили на нее революціонный, вооруженный крестовый походъ феодализма; а когда феодальная революція совершилась и задѣла ихъ самихъ, оторвавъ отъ нихъ епископскую аристократію, они благословили въ крестовый походъ противъ этой революціи королей, не заботясь о королевскихъ родахъ старѣйшихъ и законныхъ. Затѣмъ появился Гильдебрандъ и воздвигъ въ крестовый походъ всю свою клерикальную армію противъ всѣхъ государей латин-

---

[1]) Будучи еще простымъ монахомъ, Сильвестръ II занимался науками въ Испаніи, гдѣ процвѣтала арабская образованность.

ской церкви, которыхъ онъ подчинилъ своему самодержавному владычеству,—противъ императора германскаго, противъ законнаго короля Англіи, которую онъ отдалъ Вильгельму, и противъ Италіи лоскутъ которой онъ далъ Гюискару. Уже послѣ него Адріанъ IV узаконилъ крестовый походъ, который даетъ себя чувствовать до нынѣ, — отдавъ независимую ирландскую церковь примасу Англіи, а самый этотъ островъ цѣликомъ англійскому королю Генриху II.

Крестовые походы, въ точномъ смыслѣ слова, были только открытымъ обнаруженіемъ того-же насильственнаго властолюбія. Съ Урбана II они направились во всѣ концы и на востокъ противъ Ислама, который они укрѣпили и подвигли противъ Константинополя, и противъ Византійской имперіи, которую они ослабили, завоевали, и противъ греческой церкви, которую они разграбили.

На сѣверѣ крестовые походы совершались подъ чернымъ и краснымъ крестами ордена Меченосцевъ и Тевтонскаго, имѣя цѣлью прибалтійскія области и тоже греческую церковь, утвердившуюся въ Россіи съ Ярослава (точнѣе съ Владиміра).

На югѣ крестовые походы велись противъ альбигойцевъ, церковь которыхъ была отпрыскомъ церкви греческой; въ Испаніи противъ Ислама, а такъ-же и противъ аріанства, и противъ готическихъ и мозарабскихъ требниковъ.

На востокѣ обладаніе Іерусалимомъ имѣло-бы чрезвычайно важное значеніе для всего христіанства; но папы, не смотря на громадныя затраченныя средства, ничего не съумѣли сдѣлать для завладѣнія имъ.

Въ это время Іерусалимъ перешелъ изъ рукъ цивилизованныхъ, отличавшихся терпимостью, багдадскихъ и каирскихъ халифовъ подъ желѣзную руку варваровъ турковъ харійскихъ [1]). Пилигримы, возвращавшіеся ежегодно изъ Палестины, возбуждали народы своими разсказами.

Исторія доказываетъ, что Урбанъ II видѣлъ въ этихъ знаменіяхъ времени только случай вѣрнѣе выиграть на западѣ свои стычки съ императоромъ Германіи. Чтобы совершить въ пользу святѣйшаго престола ловкое политическое движеніе въ этомъ смыслѣ, чтобъ возвысить императорскій кредитъ папства, онъ далъ монашескому трибуну Петру пустыннику проповѣдывать и

[1]) Турки — сельджуки, одна изъ вѣтвей тюркскаго племени, кочевавшая сначала въ степяхъ при-Аральскихъ.

вызывать передъ душами вѣрующихъ священныя тѣни изъ святыхъ мѣстъ.

Живая волна вѣры подняла христіанство. Весь западъ всталъ толпами, отъ дворянъ до крѣпостныхъ, отъ стариковъ и женщинъ до малыхъ дѣтей, отъ святыхъ до бандитовъ. «Іерусалимъ! Іерусалимъ!» таковъ былъ кличъ, выходившій послѣ Клермонскаго собора изъ глубины милліоновъ христіанскихъ душъ, какъ-бы подъятыхъ отъ земли духомъ Іисуса Христа и смутно чувствовавшихъ, что небесная сила любви влечетъ ихъ и зоветъ къ чему-то великому и что верховный первосвященникъ объяснитъ имъ это.

Если-бы дѣйствительно который-нибудь папа былъ въ состояніи почувствовать въ сердцѣ и въ головѣ священное пламя вдохновенія истиннаго верховнаго первосвященника, онъ-бы отнесъ къ единому Іисусу Христу это могучее движеніе, онъ-бы понялъ его, съумѣлъ-бы дать ему стройную общественную организацію, онъ-бы преклонилъ королей передъ императоромъ, народныя аристократіи передъ королями и самъ съ тіарой на головѣ, съ крестомъ въ рукѣ принялъ-бы начальство надъ экспедиціей.

Урбанъ II спокойно остался въ Римѣ, чтобы продолжать игру святѣйшаго престола, ставя на ставку интересы запада, чтобы продолжать свою мелкую революціонную политику противъ императора, противъ королей, и пустилъ ринуться на смерть эти милліоны живыхъ существъ, которыя съ своей стороны тоже могли-бы сказать ему, проходя: «*Ave Caesar! Morituri te salutant*».

Человѣческая лавина, которая двинулась, была безпорядочнымъ сборищемъ, безъ главы, безъ общественной организаціи, безъ плана; это сборище шло на приключенія, какъ настоящій хаосъ, заранѣе предназначенный усѣять свой путь человѣческими костями; одинъ легатъ назначилъ ему сборнымъ пунктомъ Константинополь.

Папство сдѣлало менѣе въ религіозномъ и соціальномъ отношеніи для этого несчетнаго множества людей, отдавшихся ему душой и тѣломъ, чѣмъ Чингизъ-ханъ для своихъ монгольскихъ ордъ.!

Въ Германіи первымъ дѣйствіемъ крестоносцевъ было, конечно, избіеніе евреевъ, разграбленіе ихъ имуществъ; затѣмъ они подобнымъ-же образомъ дѣйствій возбудили негодованіе венгерцевъ на столько, что тѣ защитили себя отъ нихъ оружіемъ.

Слѣдовало предвидѣть, что эта толпа захочетъ захватить Константинополь, чтобы ограбить его; и она захотѣла этого. Но Готфридъ Бульонскій воспротивился этому всей силой своей энергіи,

подалъ примѣръ, заранѣе принося императору ленную присягу за всѣ земли, которыя будутъ завоеваны, и принудилъ своихъ товарищей, хоть и съ проклятіемъ въ душѣ, произнести подобную-же клятву вѣрности.

Когда Іерусалимъ былъ взятъ и тамъ образовалось королевство, папству предстояло обосновать дѣло прочно, установивъ юридическія отношенія между мусульманами и христіанами. Но ничего сдѣлано не было: Іерусалимское королевство не просуществовало и ста лѣтъ, и въ то время, какъ западное христіанство изнемогало въ своихъ исполинскихъ и безплодныхъ усиліяхъ, Урбанъ II подстрекалъ сына отцеубійца Гейнриха V отнять императорскую корону у отца.

Пасхалій II приказывалъ выкопать тѣло стараго германскаго императора, похороненнаго Люттихскимъ духовенствомъ, и распорядился, чтобъ его оставили пять лѣтъ тлѣть внѣ могилы въ соборномъ склепѣ этого города [1]).

Далѣе, онъ отдѣлывался отъ торжественныхъ обязательствъ Сютрійскаго трактата [2]). Зная свое императорское ремесло, Гейнрихъ V во главѣ 30,000 человѣкъ и собранія юрисконсультовъ шелъ напомнить папѣ его обязательства, а на его отказы, приправленные молчаніемъ, вошелъ въ Римъ со шпагою въ рукѣ и увезъ въ Сабину связанныхъ веревками папу и кардиналовъ.

Абеляръ робко выражалъ первый лепетъ общественнаго разсудка, умы жадно слушали его; но чтобъ заглушить его голосъ, папство выставило противъ него монашескаго трибуна, шумливаго витію св. Бернарда».

Раньше, въ 1095 г. святѣйшій престолъ употребилъ монаха Петра пустынника, чтобъ подлить масла въ огонь народной вѣры и вскипятить мірской котелъ папъ, а въ немъ возродить ихъ кредитъ, какъ волшебница Медея возродила въ своемъ котлѣ къ новой жизни члены своего стараго тестя. Подобнымъ-же образомъ и въ 1147 г. это дѣло было поручено монаху, св. Бернарду, рьяному противнику Абеляра, и онъ сталъ проповѣдовать всеобщее вооруженіе.

Узнавъ на опытѣ, каковы конечные результаты этихъ воззва-

---

[1]) Сынъ Гейнриха V свезъ тѣло отца въ каменномъ гробѣ въ Шпейеръ и тамъ оно лежало безъ погребенія, внѣ церкви 5 лѣтъ. Боуеръ VII. Th. § 57.

[2]) Сютрійскій трактатъ лишалъ императора права инвеституры, но папа съ своей стороны обязывался заставить епископовъ возвратить императору всѣ полученныя ими ленныя земли. Ст. Bower. Hist. d. Päpste VII. Th. § 65—66.

ній, увидѣвъ, что они напрасно сѣяли свои кости отъ Запада до Востока, народы остались глухи; Конрадъ III и Людовикъ VII отозвались одни.

Второй походъ былъ не менѣе перваго искуснымъ политическимъ предпріятіемъ, такъ какъ онъ снова доказалъ всѣмъ, что и въ первомъ походѣ папство постыдно воспользовалось религіознымъ чувствомъ вѣрующихъ и оказалось въ соціальномъ смыслѣ безсильнымъ управлять въ качествѣ верховной власти (Gouvernement général) тѣмъ, надъ чѣмъ оно хотѣло властвовать, и организовать движенія, которымъ оно само дало толчекъ.

Уже шесть лѣтъ прошло, какъ умеръ Абеляръ, удрученный горестями, а шумливый и высокомѣрный риторъ, противопоставленный ему политикой папъ, св. Бернардъ, не пріобрѣлъ ни мало популярности, не смотря на обиліе своихъ ораторскихъ и чудотворныхъ воззваній (?) (авторъ несправедливъ къ св. Бернарду).

Ученикъ Абеляра Арнольдъ Брешіанскій, демагогическій монахъ, но при этомъ итальянецъ, напрасно пытался разрушить въ Римѣ клерикальное властительство папъ. Иннокентій умеръ съ горя въ изгнаніи; Луцій II хотѣлъ сопротивляться,—римская демагогія побила его камнями.

Основной планъ папства былъ еще разъ обнаженъ. Разсмотримъ его со вниманіемъ. Разрушить клерикальное властительство папъ не было дѣломъ такимъ легкимъ, какъ это воображали демагоги итальянскихъ муниципій. Убить короля не значитъ убить королевскую власть; поразить императора не значитъ уничтожить имперію; столкнуть одного или нѣсколькихъ папъ, взявъ на свою голову отвѣтственность за преступленіе въ виду ихъ епископскаго сана, не значитъ сломить папство. Насиліемъ нельзя ничего вычеркнуть среди человѣчества. Формы правленія никогда не измѣняются одною жестокостью: относительно вѣчныя, какъ само человѣчество, эти формы сами по себѣ ни хороши, ни дурны. Все зависитъ отъ пользованія ими, отъ правильности и цѣлесообразности плановъ, на которыхъ онѣ построены.

Арнольдъ хотѣлъ приложить къ практикѣ, къ политикѣ дѣло Абеляра. Онъ задумалъ на мѣсто папства поставить римскую муниципальную общину, чтобы она правила міромъ во имя своего славнаго прошлаго; онъ хотѣлъ устроить своего рода мірское, собирательное папство, замѣнить монархическій образъ правленія давно отжившимъ республиканскимъ, но этотъ планъ былъ еще безразсуднѣе и призрачнѣе самого папства; міръ не заманишь такими соблазнительными мечтаніями.

Тѣмъ временемъ Бернардъ проповѣдывалъ второй крестовый походъ, который даже въ его мысли былъ только политическимъ маневромъ, и онъ, само собою разумѣется, поостерегся поставить своего ученика и креатуру папу Евгенія III во главу войскъ, которыя пошли, чтобы не возвращаться.

Во Франціи аббатъ Сугерій, министръ Людовика VII, напрасно противился отъѣзду короля. Здравый народный смыслъ поднялся и проклялъ это тягостное и безполезное предпріятіе, замучивъ въ Сансѣ (Sens) аббата Сенъ-Пьеръ-ле-Вифа, сбирателя налога.

Императоръ константинопольскій Мануилъ еще разъ избѣгъ вторженія и разгрома своей имперіи и церкви, дипломатически отклонивъ путь крестоносцевъ.

Нѣмцы безполезно убивались турками, и Конрадъ III вернулся почти одинъ изъ Малой Азіи въ Константинополь. Людовикъ VII отступилъ отъ Саталіи и уѣхалъ на греческихъ корабляхъ, со своими рыцарями, въ Антіохію, оставивъ на жертву турецкому мечу несчастныхъ пилигримовъ, изъ которыхъ только три тысячи избѣгли смерти, отрекшись отъ Христа для Магомета. Затѣмъ, послѣ напрасной осады Дамаска крестоносцы отступили къ Палестинѣ; потомъ Конрадъ и Людовикъ VII возвратились на Западъ, оставляя за собой на Востокѣ христіанство ослабленнымъ исламъ усиленнымъ, Азію пробужденною этими уколами, готовою ринуться на Европу.

Впродолженіи этого времени, сговорившись на минуту надъ дымящимися развалинами ломбардскихъ городовъ, папа и императоръ давали приказъ влечь на костеръ Арнольда Брешіанскаго, потомъ Адріанъ IV усиливался противопоставить Фридриху Барбароссѣ лигу итальянскихъ городовъ, императорскимъ юрисконсультамъ на съѣздѣ въ Ронсаліи (Roncaglie) сборникъ Граціан

Едва только монархія папская была приведена императоромъ германскимъ въ равновѣсіе надъ своей буйной римской муниципіей, какъ снова принялась, какъ ни въ чемъ не бывало, оспаривать у нѣмецкой имперіи обще-европейскую верховную власть и общественное право по той неумолимой логикѣ, которая въ зломъ, какъ и въ добромъ, сцѣпляетъ настоящее съ прошедшимъ, будущее съ настоящимъ. Александръ III, послѣ Адріана IV, вошелъ въ эту неизбѣжную колею: онъ оперся на Ломбардскую лигу, чтобы сбросить иго имперіи; Барбаросса раздавилъ войска лиги и назначилъ антипапу Виктора III; [1]) Александръ III, укрыв-

[1]) У Грегоровіуса въ его спискѣ папъ, приложенномъ къ его Исторіи Рима, этотъ антипапа обозначенъ IV, у Боуера-же III. VII Th. § 209.

шійся во Франціи, вышелъ оттуда, чтобъ утвердить въ Италіи четвертой лигой свое революціонное господство, свою жажду власти.

На Востокѣ Саладинъ отнялъ Египетъ у Фатимидовъ, завладѣлъ Сиріею послѣ Нуреддина, своего государя; и вотъ, отъ Ефрата до Нила исламъ окружилъ христіанство, отнялъ у него побѣдою при Тиверіадѣ Іерусалимъ, стоившій столько крови.

Папство потребовало новаго крестоваго похода. Фридрихъ Барбарусса, Ричардъ Львиное Сердце, Филиппъ Августъ отправились; но только послѣдніе два вернулись, не отнявъ у поклонниковъ Магомета города, святыни трехъ человѣческихъ общинъ: Израиля, Христіанства, Ислама.

Папство было счастливѣе въ своихъ крестовыхъ походахъ на европейцевъ.

Въ 1197 г. Иннокентій III велѣлъ разгромить области Прибалтійскія [1]). Этотъ кровавый крестовый походъ длился 30 лѣтъ. Епископъ Альбертъ Буксгевденъ учредилъ въ 1201 г. орденъ Меченосцевъ, которымъ папа далъ уставъ Храмовниковъ, бѣлый плащъ съ краснымъ крестомъ на плечѣ и Винно Рорбаха первымъ гросмейстеромъ. Въ 1225 г. на тѣлѣ Пруссовъ—Литовцевъ святѣйшій престолъ положилъ черный крестъ Тевтонскаго ордена.

Оба воинственные ордена, соединившись, покорили и закрѣпостили себѣ племена чудское и леттское, въ воспоминаніяхъ которыхъ еще до сихъ поръ можно найти народныя сѣтованія подъ именемъ «Прошлыхъ дней».

Это прошлое было временемъ убійства, эти дни, такъ медленно текущіе, были днями злополучія. — Буйные истребители поражали насъ.—Жадные рыцари отнимали наши богатства.— Толпы разбойниковъ—меченосцевъ царствовали,—раздирая все, народъ и землю на куски; священники—душили нашихъ предковъ своими четками. Отецъ Креста захватывалъ наши имѣнія,—похищалъ сокровище изъ потаеннаго мѣста, поражалъ—дерево, священный стволъ, корень жизни.—Дубъ Таро вопилъ подъ ударами топора,—изъ дерева Киро струилась чудская кровь».

Тутъ на сѣверѣ папство хотѣло зарзъ держать подъ шахомъ и имперію Германскую, и церковь греческую въ Россіи. Съ 1205 г. его агенты работали у Романа Волынскаго, чтобъ отторгнуть его отъ православія.

---

[1]) У Гергенрётера этотъ крестовый походъ обозначенъ подъ 1198 г., его устроилъ еще Целестинъ III, ум. въ 1198 г. Hergenröther 1-ter Band. 2-te Aufl. 2-tes Cap. B. b.

На Западѣ, прогнавъ и ограбивъ евреевъ черезъ Филиппа Августа, Римъ воздвигъ на гречсскую секту альбигойцевъ крестовый походъ и инквизицію. Въ 1210 г. съ умѣньемъ пользоваться случаемъ онъ противупоставлялъ Альмоидамъ [1]) въ Испаніи крестовый походъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ отнималъ отъ Полуострова его готическія льготы съ аріанскими требниками, употребленіе народнаго языка въ богослуженіи и мозарабскіе переводы св. Писанія.

Было бы удивительно, если бы эти войны клерикальной монархіи папъ не довели до разграбленія Константинополя и православной церкви. Таковъ былъ практическій результатъ четвертаго Крестовато похода на Востокъ, гдѣ христіане латинской церкви обучили мусульманъ завладѣнію и разграбленію Византіи. 18-го Іюля 1203 г. Константинополь былъ взятъ крестоносцами римской церкви [2]). Разграбленіе было полное: кварталъ въ квадратное лье, наполненный образцовыми произведеніями искусства, былъ зажженъ и разрушенъ до основанія; 400 тысячъ серебряныхъ марокъ, или 190 милліоновъ франковъ, были раздѣлены въ одной церкви на первый разъ до раздѣла всей имперіи: а большинство мощей, принадлежавшихъ православнымъ церквамъ и монастырямъ, были отосланы въ Италію.

Эта латинская имперія на Востокѣ, столь вождѣленная для властолюбія папъ, не жила и 60-ти лѣтъ; но, очевидно, что она въ политикѣ святѣйшаго престола совпадаетъ съ систематическимъ предпріятіемъ противъ государей Россіи, которые были военною опорою православія. Такъ, вмѣшался Григорій IX въ религіозныя и племенныя столкновенія, на ставкѣ которыхъ стояли берега Невы и Финскаго залива, предписывая крестовый походъ противъ христіанской республики Новгорода, съ обѣщаніемъ тѣхъ же индульгенцій, какія были дарованы за освобожденіе Святыхъ мѣстъ. Православный архіепископъ Спиридонъ и Александръ Невскій подняли перчатку, и Невская битва была пораженіемъ для латинской церкви. Въ 1242 г. папа Иннокентій IV снова спустилъ на православіе своихъ Меченосцевъ, которыхъ Александръ еще разъ поразилъ на голову на льду озера Пейпуса. Хитрый генуэзецъ испробовалъ тогда хитрость, обратившись въ 1251 году къ русскому побѣдителю съ буллой, весь-

[1]) Династія арабская.

[2]) Въ іюлѣ 1203 г. былъ только общій приступъ латинянъ; окончательно городъ былъ взятъ уже въ 1204 г. 12 Апр.

ма умилительной, посылаемой съ двумя кардиналами: хитрость не удалась, какъ не удалось и насиліе.

Въ Галиціи усилія папства были не менѣе дѣятельны. Надъ княземъ Даніиломъ трудился въ Дрогичинѣ мессинскій аббатъ, легатъ, нарочный посолъ съ короной и скипетромъ, посланными Инокентіемъ IV въ 1254 году. Даніилъ принялъ подарки, но ни въ чемъ не отвѣтилъ видамъ Рима на православіе. Напрасно угрожалъ ему Александръ IV, князь этотъ оставилъ за собою корону и скипетръ, достойно носилъ ихъ, оставаясь православнымъ и выказалъ большой духъ терпимости и экономическую прозорливость (?!), привлекая въ свою землю армянъ и евреевъ значительными льготами [1]).

Послѣдніе крестовые походы на Востокъ представляютъ мало европейскаго интереса.

Въ пятомъ походѣ безразсудная надменность Рима испортила всѣ результаты усилій Іоанна Бріенскаго. Даміетта была взята и мусульмане, встревоженные отдаленнымъ движеніемъ Монголовъ, предлагали христіанамъ оставить этотъ городъ за ними и дать имъ всю Палестину. Сговориться христіанству съ исламомъ было практически возможно въ виду общихъ враговъ, Чингизъ-хана и харійскихъ татаръ, получившихъ толчокъ отъ Монгольскихъ ордъ. Легатъ съ презрѣніемъ отвергъ предложенія Меликъ-эль-Камеля и христіане не смогли удержаться даже въ Даміеттѣ.

Въ шестомъ походѣ германскій императоръ Фридрихъ II, уже отлученный отъ Церкви, исправилъ этотъ грубый промахъ, возстановилъ сношенія съ Меликъ-эль-Камелемъ подписалъ перемиріе на 10 лѣтъ, получилъ безъ боя Іерусалимъ, Виѳлеемъ, Назаретъ, Сидонъ и надѣлъ на себя самъ въ 1229 г. корону Готфрида Бульонскаго, которой священники не смѣли дать ему.

Впродолженіи этого времени на Западѣ Гонорій III, потомъ Григорій IX, возстановляли противъ этого умнаго императора его тестя Іоанна Бріеннскаго и собирали вторую Ломбардскую лигу.

Десять лѣтъ спустя вторглись монголы и отбросили туркомановъ, а это повело за собой битву при Газѣ и окончательную потерю христіанами Палестины и Іерусалима, которые туркоманами были переданы Египетскому султану [2]).

[1]) Этому обстоятельству, напротивъ, историки наши справедливо приписываютъ ослабленіе Галиціи

[2]) Движеніе монголовъ подъ предводительствомъ Чингисъ-хана отбросило тюркскія племена и одно изъ нихъ, нанятое египетскимъ султаномъ, побѣдой при Газѣ, отняло у христіанъ почти всю Палестину.

Седьмой и восьмой восточные походы напрасно устремились на Египетъ и Тунисъ, гдѣ и умеръ Людовикъ Святой.

Исламъ остался побѣдителемъ и римское папство было окончательно осуждено въ смыслѣ обще-европейской верховной власти, осуждено за свою ѳеократическую и общественную неумѣлость, которая равнялась только его-же ненасытному вожделѣнію политическаго господства.

Послѣ всего этого, сама Азія вторглась въ Европу въ лицѣ монголовъ. За этимъ страшнымъ бѣдствіемъ послѣдовали другія: голодъ, зараза. Но въ первую минуту опасности не папа, а императоръ Германіи обратился съ воззваніемъ къ государямъ Запада. Иннокентій IV, правда, заговорилъ о крестовомъ походѣ, но слишкомъ поздно: папство уже прежде безполезно истощило силы западнаго христіанства.

VI.

Въ ходѣ развитія королевской власти въ европейскихъ государствахъ (очеркъ котораго авторъ дѣлаетъ въ своей VII главѣ), Римъ становился то на правую, то на лѣвую сторону.

Въ Испаніи папство сказалось въ инквизиціи, которою Фердинандъ католикъ, или, по замѣчанію автора, вѣрнѣе Фердинандъ деспотъ, пользовался для усиленія своей монархической власти.

Во Франціи папство помогло взойти на престолъ новой династіи въ лицѣ Гуго Капета, противузаконно, даже не по волѣ народа, потому что онъ избранъ баронами и духовенствомъ только своей области. но единственно изъ ненависти къ Германской имперіи, къ Карловингской династіи; заговоръ духовенства подъ наущеніемъ Рима въ лицѣ епископа Лаонскаго уничтожилъ опаснаго новому престолу потомка Карла великаго, выдавъ его Гуго Капету. Но новая династія съумѣла предохранить себя отъ папскихъ притязаній.

Въ Англіи папство отлучило законнаго короля, саксонца, за то, что онъ не платилъ десятины св. Петра и благословило на завоеніе Вильгельма Норманнскаго. Оно-же дало толчокъ къ ослабленію королевской власти, возстановляя противъ королей ихъ крупныхъ барономъ; тогда мелкое дворянство соединилось съ городскими общинами и мало-по-малу добыло себѣ права.

При Гейнрихѣ I папство возстановляло противъ него духовенство за то, что онъ былъ зятемъ германскаго императора Гейнриха V.

При Генрихѣ II столкновенія съ Римомъ стали рѣзче, по поводу одного клирика, изобличеннаго въ убійствѣ, котораго Кентерберійскій архіепископъ велѣлъ оправдать на церковномъ судѣ. Король потребовалъ, чтобъ рѣшеніе суда было уничтожено и дѣло снова начато гражданскимъ судомъ; но архіепископъ, поддерживаемый легатами, присланными изъ Рима, взволновалъ все государство, угрожая королю, ораторствуя и возмущая населеніе.

Эта борьба возобновилась съ новою силою противъ Іоанна Безземельнаго, по поводу другаго архіепископа Кентерберійскаго [1]).

«Конечно», замѣчаетъ авторъ: «нельзя не порицать убійства Ѳомы Бекета, какъ одного изъ ужаснѣйшихъ преступленій, какія только могъ совершить Генрихъ II; точно такъ-же нельзя одобрить Іоанна, который клялся *зубами Божіими, что отрѣжетъ носъ у всякаго римлянина, который ступитъ въ его государство и сброситъ въ море все англійское духовенство.* Но все-же не слѣдуетъ забывать, что монархическая власть была чрезвычайно стѣснена примасами, принимавшими, какъ Бекетъ, осанку императорскихъ проконсуловъ древняго Рима или областныхъ префектовъ, повелѣвающихъ во имя папскаго кесарства побѣжденными королями и смотрящихъ на королевство, какъ на клерикальную римскую провинцію, на англійское духовенство, какъ на свое оккупаціонное войско».

Такова была первая причина, которая позволила городскимъ общинамъ освободиться отъ барономъ, а баронамъ—наложить на отлученнаго короля обязательства Великій Хартіи при рукоплесканіяхъ народа. Папа Иннокентій III напрасно объявилъ Великую Хартію недѣйствительною, барономъ проклятыми, короля разрѣшеннымъ отъ его клятвы: было уже поздно. Англія пошла по пути своего народнаго развитія; немного спустя въ ней явился уже англійскій монахъ Іоаннъ Виклефъ, защищавшій свою страну отъ святѣйшаго престола, и указъ короля, лордовъ и общинъ объявилъ Урбану V, что они несогласны, чтобъ государство было подчиненно иностранному господству.

Въ этихъ новыхъ государствахъ, выросшихъ изъ феодальнаго хаоса, остались живы преданія феодализма и выразились въ страшныхъ войнахъ, образчикомъ которыхъ является Столѣтняя война Англіи съ Франціей. Императоръ одинъ могъ бы явиться въ этомъ спорѣ династій авторитетнымъ судьей, но имперія была

[1]) Король назначилъ своего кандидата, а папа прислалъ своего. Іоаннъ не хотѣлъ принять послѣдняго.

совсѣмъ ослаблена папствомъ. Папство могло и должно было бы сдѣлать это, но внѣ своихъ революціонныхъ, насильственныхъ и своихъ обрядовыхъ церемоній Римъ не имѣлъ никакого юридическаго, разумнаго и практическаго вліянія на монархію. Папа не хотѣлъ уважать права имперіи, и нарождавшіяся государства ему отплатили тою же монетою. Кромѣ того, папа даже не былъ въ состояніи безпристрастно судить подобныя тяжбы, потому что ему принадлежала въ Германіи треть, въ Англіи четверть, во Франціи пятая часть пространства земли, не говоря о доходахъ.

Правда, папы пробовали, чувствуя нравственную обязанность того званія, которое хотѣли носить, пробовали являться посредниками; такъ въ 1119 г. папа въ самой Франціи попытался помирить обоихъ королей, но онъ не привелъ ихъ ни къ какому рѣшенію, ни къ какому договору, лично они помирились, но географическіе и народные вопросы были оставлены безъ разрѣшенія.

Затѣмъ въ 1199 г. Римъ вступился въ споръ между Филиппомъ Августомъ и Ричардомъ Львиное Сердце. Иннокентій III наложилъ на обоихъ противниковъ перемиріе на 5 лѣтъ; но папа настолько хорошо усвоилъ званіе кесаря, что не могъ долго держаться на этой посреднической почвѣ: движимый своими матеріальными интересами въ Англіи и въ другихъ мѣстахъ, онъ вскорѣ вернулся къ произволу деспотизма, къ насилію, отлучилъ Іоанна Безземельнаго, уполномочилъ Филиппа Августа на завоеваніе королевства и, само собою разумѣется, объявилъ, что эта война—крестовый походъ.

Разъ клерикальная папская имперія перестала быть посредницей, свѣтскій императоръ Оттонъ IV также послѣдовалъ ея примѣру и возсталъ на Иннокентія III и Филиппа, поддерживая съ оружіемъ въ рукахъ Іоанна англійскаго.

Напрасно Иннокентій III вернулся къ старому, угрожая Филиппу Августу и поражая отлученіемъ его сына Людовика, призваннаго англійскими баронами. Людовикъ отвѣтилъ отцу: «Вы не можете распоряжаться англійскимъ королевствомъ», и продолжалъ свое предпріятіе.

Что касается до Филиппа Августа, то и онъ подъ огнемъ анаѳемъ продолжалъ свое дѣло, опершись на своихъ вассаловъ и захватилъ лены Іоанна.

Контрастъ папѣ представляетъ собою благородная личность Людовика Святаго, который не владѣя политической властью

надъ Европой пользовался, благодаря своей неподкупной справедливости, авторитетомъ въ другихъ государствахъ: его призывалъ въ свидѣтели англійскій король, въ посредники Фландрія, его слушался императоръ. Онъ всей силой своей совѣсти и мудрости возсталъ противъ войны Григорія IX и Иннокентія IV съ императоромъ. Онъ не позволилъ папѣ пріѣхать во Францію, чтобъ этимъ избѣгнуть свиданія съ Фридрихомъ и поразить его отлученіемъ для избѣжанія юридическаго сведенія счетовъ. Короли Англіи и Аррагоніи послѣдовали его примѣру.

Этотъ святой, напоминающій нѣкоторыхъ царей израильскихъ, напрасно пытался остановить Иннокентія IV, который отлучилъ императора, напрасно умолялъ его во имя страшной опасности со стороны монгольскаго нашествія, угрожавшаго христіанскимъ народамъ. Папа объявилъ крестовый походъ противъ Фридриха II, воздвигъ въ Германіи и Италіи революцію, междоусобную войну, а противъ императора выставилъ даже убійцъ съ его докторомъ и секретаремъ въ числѣ заговорщиковъ.

Наконецъ, этотъ-же св. Людовикъ упрекнулъ Григорія IX, въ томъ, что онъ хочетъ покорить подъ ноги себѣ вмѣстѣ съ императоромъ и всѣхъ христіанскихъ королей. Онъ же, Людовикъ Святой, отказался за себя и за своего сына отъ императорской короны, которую Иннокентій IV хотѣлъ отнять для него отъ императора правовѣдовъ (т. е. Фридриха II) и которая необходимо сдѣлала-бы изъ этого канонизованнаго короля юридическаго противника папства и, можетъ быть, отлученнаго.

Людовикъ Святой, по замѣчанію автора, отсрочилъ Столѣтнюю войну; а если-бы и папство было тѣмъ, чѣмъ должно было быть,—верховнымъ нравственнымъ авторитетомъ, то и вовсе не пролились-бы эти страшные потоки крови (справедливо!).

Но папство оставалось вѣрнымъ себѣ и во внѣшности даже выражало свои внутреннія стремленія. Такъ, Бонифацій VIII, копируя обычаи императорскаго двора, принялъ всѣ его символы и весь церемоніалъ. Въ день своего посвященія,—я хотѣлъ сказать коронованія, замѣчаетъ авторъ,—онъ далъ держать узду своей лошади королямъ Венгерскому и Сицилійскому. Карлъ великій, установившій этотъ обрядъ, не требовалъ, чтобы короли держали ему узду, а только, чтобъ они подносили ему св. Граль древнихъ Кельтовъ, почетную чашу. Во время пира Бонифацій VIII заставилъ прислуживать себѣ королей съ коронами на головѣ. Наконецъ, въ 1300 г. передъ всѣмъ міромъ, созваннымъ въ Римѣ на его юбилей, онъ показался всему христіанству въ предшествіи

двухъ обнаженныхъ мечей, одѣтый въ знаки императорскаго достоинства.

Прямымъ слѣдствіемъ этого было то, что одинъ изъ королей, французскій, Филиппъ Красивый, на столько потерялъ уваженіе къ величію тіары, что поступилъ съ Бонифаціемъ VIII, какъ съ императорскимъ узурпаторомъ, подло заушилъ первосвященника, попралъ тіатру своими законовѣдами и увезъ въ Авиньонъ папство, плѣненное такимъ образомъ одною изъ частныхъ монархій, на которыя распалась Европа; а христіанство и не подумало наказать своевольнаго короля рукою верховной власти, т. е. рукою императора. Дальнѣйшимъ слѣдствіемъ этого былъ Великій Расколъ.

Съ этихъ поръ, по замѣчанію автора, т. е. съ паденіемъ двухъ объединявшихъ Европу учрежденій, имперіи и папства, уничтожилась всякая верховная власть, и Европа распалась на ту «*атеистическую республику отдѣльныхъ государствъ*», какою она является и донынѣ.

Правда, послѣ Столѣтней войны сдѣлана была попытка сговориться на конгрессѣ въ Аррасѣ, но эта попытка кончилась ничѣмъ,—папство еще разъ доказало на этомъ конгрессѣ свое ничтожество въ смыслѣ общественнаго, организующаго начала.

VII.

«Смутно чувствуя, что папство должно быть завершеніемъ зданія обще-европейскаго управленія, «замѣчаетъ авторъ съ своей своеобразной точки зрѣнія, «представители христіанства Европы попытались поднять его на соборахъ, не подозрѣвая его истинной сущности».

Папская тіара оказалась разрубленною на двѣ тіары. Въ 1409 г. Пизанскій соборъ съ соединившимися легатами обоихъ папскихъ престоловъ напрасно попытался низложить обоихъ папъ и назначить третьяго: первые объявили низложенія собора недѣйствительными, неправильными, и оказалось три папы вмѣсто двухъ.

Въ виду этихъ событій и подъ ихъ давленіемъ собрался Констанцкій соборъ, самый торжественный изъ всѣхъ соборовъ съ раздѣленія церквей Восточной и Западной, съ политическаго разрыва Византійскаго эллинства съ Римскимъ латинствомъ. Императоръ Сигизмундъ сталъ во главу движенія; короли послѣдовали его примѣру; ихъ уполномоченные присоединились къ епископамъ и прелатамъ Сѣвера, Середины и Юга, равно какъ и

къ представителямъ монастырей, университетовъ и даже каѳедръ гражданскаго права.

Уже раздался сильный голосъ одного изъ лучшихъ учителей—Христовой Церкви Жерсона, предполагаемаго автора «Подражанія». Восходя къ первой причинѣ общественнаго зла, Жерсонъ указываетъ на политическій характеръ Римскаго двора, и какъ на лекарство,—на авторитетъ соборовъ надъ папами.

«Вселенская Церковь», говорилъ онъ, «есть собраніе всѣхъ христіанъ, грековъ и латинянъ, образованныхъ и варваровъ, благородныхъ и рабовъ, богатыхъ и бѣдныхъ, мужчинъ и женщинъ. Эта-то вселенская Церковь и не можетъ, по писанію, ни заблуждаться, ни падать. Ея единственная глава есть Іисусъ Христосъ».

Далѣе Жерсонъ частнѣе опредѣлялъ все зданіе іерархическихъ степеней: «Папы, кардиналы, епископы, священники, клирики, короли, народы суть члены вселенской Церкви, хотя на разныхъ ступеняхъ ея».

По отношенію къ папству онъ говорилъ: «Есть иная церковь, частная, называемая апостольскою; это церковь римская, папа и духовенство: папа ея глава, другіе духовные—ея члены».

Съ этимъ опредѣленіемъ Жерсона авторъ несогласенъ. Съ одной стороны Жерсонъ, полагаетъ онъ, недостаточно обозначилъ тутъ политическій характеръ папства, римскій цезаризмъ папъ, про который говоритъ въ другомъ мѣстѣ: «Тамъ (т. е. въ Римѣ) съ утра до вечера только и говорятъ, что о войскахъ, земляхъ, городахъ и деньгахъ». Съ другой, — потому что, — по мнѣнію автора, вселенской Церкви теперь не существуетъ, и ни латинская, ни греческая церковь не могутъ быть названы апостольскими.

Жерсонъ говорилъ далѣе: «эта-то римская церковь можетъ заблуждаться, спотыкаться, впадать въ расколъ и ересь, обманывать и быть обманываемою. Она только орудіе вселенской Церкви для пользованія властью, принадлежащею по праву одной вселенской Церкви».

«Церковь (вселенская) имѣетъ право низлагать папъ, если они окажутся недостойными своего служенія, или неспособными отправлять оное. Ибо, если для блага общественнаго низлагаютъ короля, принявшаго царство отъ предковъ своихъ по праву преемства, то тѣмъ болѣе можно низложить папу, который получилъ свое достоинство чрезъ избраніе кардиналовъ».

Авторъ со всѣмъ этимъ несогласенъ: и въ избирательной и

соборной формѣ церковнаго управленія онъ видитъ однѣ политическія формы. Учрежденію верховнаго первосвященства онъ по идеѣ сочувствуетъ. Но какже тогда поставлять верховныхъ первосвященниковъ? Планы автора на этотъ счетъ настолько своеобразны, что онъ не даетъ отвѣта и заключаетъ такъ: «На это мнѣ слѣдуетъ набросить здѣсь непроницаемое покрывало».

Но на ученіе Жерсона папы уже отвѣтили въ 1409 г. во имя своей монархической доктрины слѣдующее: «Іерархическая церковь клира имѣетъ одинъ авторитетъ, одну только освященную власть: папство. Тамъ, гдѣ папа, тамъ единство церкви. Онъ одинъ даетъ ей законный характеръ, и вселенскіе соборы являются таковыми не отъ числа членовъ, а отъ присутствія первосвященника».

Монархическая доктрина древняго Рима выражалась почти также: «Quiquid p'acuit principi, legis habet vigorem».

Короли Франціи выражались или выразились позднѣе: «Какъ хочетъ король, такъ хочетъ законъ.» — «Государство, это—я». «Такимъ образомъ, папы по императорски отвѣтили на мнимореспубликанскія доктрины епископовъ».

Въ протестахъ Виклефа и Яна Гуса противъ папства, авторъ видитъ возмущеніе народностей противъ латинскаго ига. У Жерсона, по его мнѣнію, дѣло было поставлено раціональнѣе, внѣ племенныхъ страстей; но онъ не съумѣлъ отрѣшиться отъ политическихъ инстинктовъ. въ его требованіяхъ авторъ усматриваетъ политическій элементъ, — республиканскія тенденціи, и вслѣдствіе этого считаетъ себя вправѣ заключить: «что религія Іисуса Христа не была замѣшана тутъ ни словомъ, ни дѣломъ, и въ сущности дѣло шло только о политическихъ формахъ культа».

Основнымъ вопросомъ на соборѣ, по его мнѣнію, долженъ былъ быть вопросъ: «лежитъ-ли въ существѣ христіанской религіи или нѣтъ необходимость имѣть верховное первосвященство, какъ завершеніе формъ ея культа?» Этотъ вопросъ, въ его глазахъ, имѣетъ широкое религіозное и соціальное значеніе для государственнаго устройства Европы.

Констанцскій соборъ раздѣлялся на четыре партіи по народностямъ, Италіи, Германіи, Франціи и Англіи, имѣвшія каждая по голосу. Такимъ образомъ, это собраніе лишено было значенія вселенскаго въ республиканскомъ смыслѣ Жерсона. Такъ какъ, не говоря о церкви греческой, о земляхъ славянскихъ, Испанія, Португалія, равно какъ и всѣ народы Сѣвера, принадлежавшіе къ латинскому вѣроисповѣданію, Швеція, Данія, Бранденбургъ, Прибалтійскія

области, Польша, не получили тутъ прямаго права голоса. Это собраніе въ своей латинской исключительности, преданное конституціоннымъ завѣтамъ прошлаго, могло рѣшить дѣло только временно и должно было ожидать многозначительнаго отвѣта, какъ со стороны папъ, такъ и со стороны христіанъ Сѣвера».

«Григорія XII заставили отречься, отрѣшили Бенедикта XIII и Іоанна XXIII, назначили итальянца Колонну, Мартина V, и разошлись, полагая, что привели въ порядокъ настоящее и упрочили будущее, лукавя направо съ монархическимъ принципомъ, на лѣво—съ республиканскимъ,—съ полнымъ представительствомъ всѣхъ народныхъ епископствъ, и ожесточенно поражая на крайней лѣвой народный радикализмъ Іоанна Гуса и универсализмъ Іеронима Пражскаго [1]).

«Реформы, довольно, впрочемъ, разумныя, которыя были предложены соборомъ, испытали судьбу всѣхъ полумѣръ, всѣхъ порожденій ложной золотой середины между двумя противоположными политическими принципами. Вмѣсто того, чтобы взяться за дѣло съ верху, въ направленіи отвѣсномъ, взялись за него съ середины въ направленіи горизонтальномъ; и епископы, получивъ въ распоряженіе папскій жезлъ, простодушно вообразили, что упрочили равновѣсіе міра, сдѣлавъ себѣ изъ этого жезла конституціонный балансъ. Но лишь только итальянецъ Мартинъ V взялъ папскій жезлъ стоймя въ руки, лишь только онъ почувствовалъ на головѣ своей тіару, а подъ ногами свою племенную почву, онъ поспѣшилъ не сдержать того, что обѣщалъ своимъ избирателямъ, противопоставилъ народности собора однѣ другимъ и въ 1418 г. объявилъ распущеніе собранія».

Такъ какъ ни одно преобразованіе не было совершено, принудили 13 лѣтъ спустя папу Евгенія IV созвать соборъ въ Базелѣ. Но конституціонная республика епископовъ встала и тутъ съ старымъ своимъ принципомъ, а папа также выказалъ всю силу своего принципа, монархически объявивъ собраніе закрытымъ».

Не взирая на это, соборъ продолжалъ свои засѣданія, подтверждая рѣшенія Констанцкаго собора: верховенство всеобщихъ соборовъ надъ папами, періодическое созваніе этихъ соборовъ, обязательное присутствіе на нихъ папы или его легатовъ, непризнаніе за папой права распускать соборъ, но признаніе этого права за большинствомъ.

[1]) Авторъ, очевидно, смѣшиваетъ не только термины, но и понятія богословскія и соціальныя.

Это была отместка епархій латинской церкви, ставшихъ народными, римскому центру, диктатурѣ папъ; это республиканское движеніе епископства было неизбѣжнымъ слѣдствіемъ образованія королевскихъ династій на окраинахъ поля битвы германо-латинской, въ которой папство и имперія уничтожали другъ друга.

Евгеній IV такъ хорошо сознавалъ, что основаніемъ папства была насиженная почва и что эта основа была единственной опорой его цезарства, что постарался мало-по-малу привлечь къ Риму отцовъ, продолжавшихъ засѣдать въ Базелѣ. Онъ ихъ позвалъ въ Феррару, куда они не пріѣхали, потомъ въ Флоренцію, куда прибыла только часть. Остальные отцы, засѣдавшіе въ Базелѣ, низложили его и назначили на его мѣсто герцога Савойскаго Феликса V; 12 лѣтъ засѣдали они и получили въ 1438 г. *Бурж-скую* (de Bourges) *прагматическую санкцію* [2]), предшественницу *конкордатовъ* Франциска I и Наполеона.

Феликсъ V самъ положилъ конецъ раздвоенію тіары, сложивъ, съ себя свой санъ въ 1448 г. [1]) 13 лѣтъ спустя послѣ Аррасскаго съѣзда, на которомъ соціальное безсиліе соборовъ отразилось въ таковомъ-же безсиліи конгрессовъ.

Пять лѣтъ спустя, Магометъ II, доказывая на практикѣ, что единства верховной власти въ Европѣ не существовало болѣе и что общественное право было пустымъ звукомъ, безнаказанно налагалъ руку на важнѣйшій городъ нашего христіанскаго материка, на Константинополь, географическое положеніе котораго ставитъ политически этотъ городъ повелителемъ Рима на Западѣ, Іерусалима на Востокѣ, Мемфиса и Мекки на Югѣ.

Папство, утвердившись снова на своей римской почвѣ, неизбѣжно вновь принялось за свою политическую игру, заключая договоръ со всѣми новыми монархическими силами.

Въ виду новыхъ сильныхъ государствъ святѣйшій престолъ понялъ, что безъ свѣтской имперіи его клерикальное господство становилось призрачнымъ и ограничивало его политическую роль управленіемъ его округомъ и приматствомъ Италіи. Поэтому-то Пій II и обратился лично къ Магомету II послѣ долгаго, тщетнаго проповѣданія крестоваго похода противъ него: «Знай», пишетъ онъ ему, что наши предшественники Стефанъ, Адріанъ,

[1]) Эта прогматическая санкція, крайне непріятная папѣ, отстаивала нѣкоторыя права Галликанской церкви, а также верховенство соборовъ надъ папами. См. Bow. H. d. P. 9 Th. § 193.

[2]) По Боуеру въ 1449 г. Ibid. § 224.

Левъ воздвигли Пипина и Карла великаго противъ Астольфа и Дезидерія, королей Ломбардскихъ, и что въ награду они даровали своему избавителю Карлу великому имперію, которая до времени принадлежала грекамъ.—Поэтому-то, имѣя возможность испытать твои благодѣянія, я призываю твое покровительство» [1]).

Эта историческая исповѣдь драгоцѣнна: у Магомета II дѣйствительно армія, артиллерія и военныя познанія были лучшія въ Европѣ. Однако, такъ какъ онъ въ своемъ мусульманскомъ государствѣ владѣлъ двойнымъ мечомъ, онъ его и оставилъ за собою.

У папы съ этой поры ареной его убійственнаго владычества остался одинъ полуостровъ и, низведенный къ политической роли примаса Италіи, онъ сталъ воевать, какъ свѣтскіе государи, съ второстепенными властями своей страны. Что касается до иностранныхъ монархій, то, не будучи въ силахъ аттаковать ихъ съ фронта, онъ созывалъ ихъ въ Италію, чтобы сталкивать ихъ тамъ среди потоковъ крови.

Сикстъ IV устремился на Флоренцію и Лаврентій Медичи палъ убитымъ въ соборѣ [2]).

Иннокентій VIII призвалъ на этотъ городъ Карла VIII и французовъ.

Александръ VI Борджіа, составивъ сначала лигу изъ Максимиліана, Фердинанда [3]), Гейнриха VIII, Людовика Мавра [4]), Ве-

[1]) «C'est pourquoi, pouvant reconaître tes bienfaits, j'appelle ton partronage». Miss. Ch. VIII p. 179. Папа предлагалъ Магомету II креститься. «Нужна бездѣлица», писалъ онъ ему, «чтобы сдѣлать тебя самымъ великимъ самымъ могущественнымъ и самымъ знаменитымъ изъ смертныхъ. Ты спросишь: что именно? Вещь не трудная, и находящаяся у тебя подъ руками,—а именно, капля воды для твоего крещенія. Если ты согласенъ на это, то въ мірѣ не будетъ государя, который могъ-бы превзойти тебя славою и могуществомъ. Мы наименуемъ тебя императоромъ Греціи и всего востока. И подобно тому, какъ наши предшественники Стефанъ, Адріанъ и Левъ воздвигли Пипина и Карла великаго противъ Астольфа и Дидье, королей ломбардовъ, и перенесли греческую императорскую корону на голову своихъ избавителей,—и мы обратимся къ твоему покровительству въ нуждахъ церкви и такимъ образомъ признаемъ твои благодѣянія». Ланфре. Исторія папъ гл. XVI, стр. 288—289.

[2]) Собственно, убитъ былъ Юліанъ Медичи, а Лаврентій бѣжалъ, слегка раненный.

[3]) Авторъ разумѣетъ или Фердинанда, короля Неаполитанскаго, оставившаго престолъ при приближеніи войскъ Карла VIII Французскаго, и снова вернувшагося потомъ,—или Фердинанда Католика Испанскаго, тоже вступившагося за него. Bow. 9 Th. §§ 288—291.

[4]) Герцогъ Миланскій.

неціи противъ Карла VIII, объявившаго себя въ Неаполѣ императоромъ Востока, призвалъ потомъ Людовика XII и совершилъ съ нимъ извѣстную дипломатическую сдѣлку въ пользу сына своего Цезаря Борджіа [1]).

Юлій II продолжалъ ту-же политику. Соединить противъ Венеціи Максимиліана Австрійскаго, Людовика XII Французскаго, Фердинанда Испанскаго, Швейцарскіе кантоны, предложить Венеціи разстроить ему лигу уступкою Фаэнцы и Римини; заручиться этими городами и землями герцога Феррарскаго; разсорить затѣмъ грабителей, созванныхъ на дѣлежъ добычи, отдать Неаполь Испаніи, поднять Геную и Болонью; натолкнуть Швейцарцевъ на Французовъ; загнать Людовика XII въ Пьемонтъ, — вотъ какова была игра Юлія II.

Такъ, начиная съ 1494 г. Римскій дворъ давалъ дѣла государямъ и удерживался въ равновѣсіи, возобновляя съ ними ту кровавую партію, которую Юлій II называлъ «*мастерствомъ міровой игры*» (la maîtrise du jeu du monde), и на ставкѣ которой стояла Италія.

Это мастерство, этотъ цезаризмъ папство отъ лица латинскаго племени попыталось снова деспотически захватить въ свои руки, не обращая вниманія на всѣхъ епископовъ, въ которыхъ оно не могло и не можетъ видѣть ничего болѣе, какъ только префектовъ своей имперіи. Галликанизмъ, англиканство и протестантство въ собственномъ смыслѣ были политическимъ отвѣтомъ народностей и различныхъ племенъ на это политическое притязаніе римскаго властолюбія папъ.

Въ 50 лѣтъ Швейцарія, часть Франціи, половина Германіи, Данія, Швеція, Англія, Швейцарія стряхнули, подъ прикрытіемъ протестантства, иго латинскаго цезаризма Римскаго двора, какъ четыре вѣка тому назадъ, самъ Римъ и феодалы сбросили иго Карловингской имперіи, сдѣлавшейся германскою.

«Обрядовыя формы и догматы были тутъ предлогами, какъ и въ церковномъ разрывѣ латинства и эллинства; Лютеръ, Цвингли, Кальвинъ и всѣ другіе сектанты были при этомъ видимыми ору-

[1]) Цезарь Борджіа, второй сынъ папы, былъ сначала кардиналомъ, потомъ пожелалъ снять съ себя духовный санъ. Папа велъ на его счетъ переговоры сначала съ королемъ Неаполитанскимъ, выговаривая въ замужество Цезарю дочь послѣдняго и богатое герцогство въ приданое. Король Неаполитанскій не согласился; тогда папа обратился съ такими-же переговорами къ Людовику XII Французскому, и тутъ сдѣлка была заключена Jbid. §§ 296—297. 299—300.

діями, какъ нѣкогда Евтихій, Фотій, Керулларій. За этими поводами и орудіями, выдвинутыми на первый планъ, лежала соціальная причина, дѣйствительная, реальная, хотя тайная: причиной этой была атеистическая республика (athéiste) христіанскихъ государствъ, этнографическая политика державъ, искусно веденная ихъ дипломатическимъ милитаризмомъ».

«За этой вторичной причиной лежала первичная, первый двигатель разрыва: кесарское положеніе папства, каковое, будучи построено по плану племенному, римскому, уже давно пробудило среди народовъ, какъ и среди соборовъ, у государей и среди народныхъ епископовъ племенные инстинкты, стремящіеся къ раздробленію, и политическія страсти, враждебныя Риму».

Даже на Констанцскомъ и Базельскомъ соборахъ, благодаря дипломатіи кардиналовъ, латинское племя все еще преобладало. А между тѣмъ въ Швейцаріи, въ Германіи, въ Швеціи, въ Даніи, въ Англіи, даже во Франціи ни одинъ умъ, внимательный къ европейскимъ вопросамъ, не могъ бы проглядѣть того, что прямо бросалось въ глаза.

«Преобразованія, или скорѣе республиканское освобожденіе (décentralisation) политическихъ формъ изъ подъ власти папъ, котораго такъ энергично требовала аристократія епископовъ, понесли отъ мнимо-первосвященнической монархіи папъ полное пораженіе. Протестантство, порожденіе монашеской демагогіи, было народнымъ и свѣтскимъ возобновленіемъ того же противумонархическаго и противуримскаго движенія, которое аристократическая олигархія епископовъ не могла довести до конца. На этотъ разъ, какъ и всегда, за отсутствіемъ движенія впередъ, *эволюціи*, получилась революція».

Догматическихъ споровъ того времени авторъ и тутъ не хочетъ касаться: онъ придаетъ имъ значеніе личное, единичное, а историческимъ двигателемъ признаетъ только движеніе противулатинское. «Если бы, говоритъ онъ, клерикальное владычество было не латинское, а кельтское, германское, англійское, скандинавское, славянское или греческое, то и протестантство, противодѣйствіе ему, было бы противукельтское, противугерманское, противуанглійское» и т. д.

«Никакой народъ, никакое племя не выноситъ спокойно господства, властительства другаго народа, другаго племени, подъ какимъ бы предлогомъ то ни было, и какъ бы возвышенъ ни былъ тотъ предлогъ. Въ силу-этого то каждая народность и каждая династія хотѣли имѣть свое государство, свою церковь, подъ од-

нимъ правительственнымъ ключемъ, и чтобъ этотъ ключъ народнаго цѣлаго, замкнутаго въ себѣ самомъ, былъ въ рукахъ народной власти, а не въ Римѣ, не въ рукахъ итальянца, подъ миѳологическимъ предлогомъ храненія въ рукахъ св. Петра».

«На эту миѳологію восточные императоры, затѣмъ западные отвѣтили политическимъ протестантствомъ, или по крайней мѣрѣ постояннымъ отпоромъ всякій разъ, какъ этотъ мистическій ключъ показывался въ своемъ настоящемъ видѣ: мечомъ древнихъ кесарей».

«Съ самаго возвышенія королевскихъ династій, Филиппъ Красивый сталъ грубо дѣйствовать въ томъ же смыслѣ, и чтобъ устранить папство отъ племенныхъ вліяній хищнаго города, онъ заперъ его въ Авиньонѣ подъ собственнымъ ключомъ».

«И такъ Лютеръ и Кальвинъ не сдѣлали ничего особенно новаго, но на дѣлѣ они волей-неволей помогли противулатинскимъ народамъ и государямъ продолжить и довести до конца движеніе, сообразное съ цѣлями народными и династическими. Меланхтонъ отлично чувствовалъ это, сказавъ: «У насъ было деревянное ярмо: Лютеръ наложилъ намъ на выю желѣзное».

Дѣйствительно, вмѣсто отдаленнаго папства протестантскія церкви пріобрѣли себѣ въ покровители непосредственнаго повелителя въ лицѣ верховной власти страны: короля или какой-либо другой.

«Но органическіе законы семействъ и обществъ такъ устроены, что дитя легче выноситъ побои отъ своего отца, чѣмъ выговоръ отъ отца своего товарища, и что народы сносятъ лучше тиранію соотечественника, чѣмъ управленіе иностранца, будь онъ хоть святой».

Римскій же кесарь-первосвященникъ не могъ видѣть въ этомъ неизбѣжномъ движеніи ничего иного, кромѣ какъ возмущенія своихъ побѣжденныхъ подданныхъ; поэтому онъ немедля созвалъ къ себѣ своихъ уголовныхъ судей, свои легіоны, мечъ и императорскую гвардію. Инквизиція была этимъ уголовнымъ судилищемъ, испанскія войска и испанскій монархъ были этими легіонами и этимъ мечомъ, а орденъ іезуитскій—императорской гвардіей римскаго цезаризма латинской церкви.

Лютеръ, видя, что государи сѣли верхомъ на реформу и сдѣлали изъ нея свою боевую лошадь, понялъ, что это означало, но понялъ слишкомъ поздно.

«Этотъ монахъ, въ искренности котораго сомнѣваться нельзя, но въ которомъ саксонская кровь говорила по крайней мѣрѣ

также громко, какъ и демагогическій мистицизмъ монастырей, сознавалъ также хорошо, какъ и Меланхтонъ, что не онъ былъ заправителемъ движенія. Онъ видѣлъ, что пастырскій жезлъ папства, раздробленный помощью его на всемъ Сѣверѣ, превратился въ столько же политическихъ жезловъ, сколько было правительствъ, и весьма слабо противился попыткѣ къ сближенію на *диспутѣ въ Ратисбоннѣ*».

Контарини [1]) съ одной стороны, Буцеръ и Меланхтонъ съ другой, были душами прямыми, созданными для того, чтобы сговориться въ дѣлѣ вѣры. Но въ основѣ вопросовъ, воспламененныхъ Лютеромъ, дѣло такъ мало касалось религіи, что протестантскіе князья вмѣшались въ переговоры, сожгли свои корабли и разрушили мостъ сообщенія, издавъ статьи *на свой ладъ*, какъ выразился Лютеръ. «Мой превосходительнѣйшій государь, продолжаетъ онъ, сообщитъ мнѣ условія, которыя онъ предложитъ для примиренія съ императоромъ и нашими противниками. Я вижу, что въ ихъ глазахъ все это дѣло—комедія, которую они разыгрываютъ между собою, между тѣмъ, какъ это трагедія между Богомъ и сатаною, въ которой сатана торжествуетъ, а Богъ пораженъ. Но развязка придетъ»... (Письмо отъ 5 апр. 1541 г.).

Авторъ, конечно, не согласенъ съ Лютеромъ, онъ высказываетъ свои воззрѣнія, что въ раздѣленныхъ церквахъ нѣтъ истинной религіи, что слѣдовательно Богъ ни на той, ни на другой сторонѣ, а что духъ зла существуетъ единственно только въ области людскихъ заблужденій.

Какъ же относились къ этому *религіозному* движенію государи? Карлъ V понималъ отлично, что инквизиція, іезуиты, латинская церковь и папство были для него превосходнымп орудіями власти, благодаря которымъ онъ могъ наложить руку на Италію, Германію и Нидерланды, равно какъ и на Испавію и Австрію, не говоря о коловіяхъ.

Францискъ I понималъ также хорошо на ряду съ необходимостью конкордата, что какъ бы ни было протестантство опасно для него въ самой Франціи, внѣ ея оно было отличной машиной военной дипломатіи, которую можно было противуставлять намѣреніямъ Карла V.

Генрихъ VIII англійскій, Фридрихъ I датскій, Густавъ Ваза шведскій, не говоря о сѣверныхъ князьяхъ Германіи, равно хо-

[1]) Папскій легатъ умѣреннаго направленія; папа заподозрилъ его потомъ въ измѣнѣ католичеству. См. Вебера Всеобщ. ист., т. III, § 484.

рошо понимали, что протестантство позволяло имъ быть хозяевами у себя и держать ключъ отъ своего дома у себя въ карманѣ.

Диспутъ въ Ратисбоннѣ кончился, какъ и долженъ былъ кончиться. На Контарини—святѣйшій престолъ, движимый императоромъ въ воинственномъ духѣ, а на Буцера и Меланхтона—ихъ государи—посмотрѣли, какъ на непригодныхъ, оставленныхъ стражей.

Годъ спустя испанское вліяніе исполнило римскую церковь воинственнымъ, деспотическимъ духомъ, сильнѣе, чѣмъ когда-либо но только для сраженія въ пользу австро-испанской монархіи. Папы, можетъ быть, полагали, что эта монархія поддастся ихъ водительству; но достаточно было военной имперіи встать на ноги подъ энергіей дѣятельнаго государя, чтобы все вернулось въ прежнія границы и чтобы папство вошло въ составъ имперскаго государства, какъ во времена Карла великаго и Константина.

Карлъ V наложилъ на святѣйшій престолъ мрачный и суровый характеръ своей народности, столь отличной отъ народности итальянской, которая, подкрашивая тираннію розами краснорѣчія, примѣшивала къ великолѣпнымъ трагическимъ пріемамъ, къ артистическимъ громамъ нѣкоторую скептическую и въ сущности добродушную небрежность, даже въ самыхъ фейерверкахъ анаѳемъ и отлученій.

Въ 1542 г. безплодный геній, суровая, почти мавританская тираннія испанскаго латинства снабдили папство шестью педантами, палачами въ душѣ, на словахъ поставленными для подавленія ереси, а на дѣлѣ для подавленія мысли, науки, искусства и религіи [1]).

Все, что только ни жило духовной жизнью въ Италіи, перекочевало въ Швейцарію или въ Германію, убѣгая изъ этого царства террора и смерти. Въ Моденѣ, въ Неаполѣ, повсюду академіи, свобода слова, книги, все было закрыто, задушено, уничтожено или извращено. Начиная съ кардиналовъ и епископовъ и

---

[1]) Если авторъ первымъ изъ этихъ 6-ти папъ разумѣетъ Павла III, то этотъ папа вошелъ на престолъ еще въ 1534 г. Собственно жестокостью были извѣстны папы: Павелъ IV, Пій IV, Пій V и Григорій XIII. 1555—1585; послѣдній пѣлъ благодарственные молебны, когда узналъ объ избіеніи гугенотовъ въ извѣстную Варѳоломеевскую ночь. См. Вебера Всеобщ. Ист. т. 3, § 517.

1542 годъ считается началомъ инквизиціи въ Италіи; тутъ пала ея первая жертва.

кончая францисканцами, приверженцами ученія Іоанна Парм-скаго [1]), начиная съ ученыхъ и до начитанныхъ людей, все было подавлено испано-папскимъ молохомъ,—все, что только обладало жизнью и движеніемъ. На высшихъ тюрьма, на мелкихъ костеръ и воды рѣкъ.

«Въ 1793 г. фанатизмъ и такъ называемые догматы революціоннаго безвѣрія Франціи произвели ни больше, ни меньше, ни хуже, ни лучше этой цезарской политики съ ея мнимою догматическою теологіею; та политика, иная по виду, была столь же противна теократической идеѣ Іисуса Христа, какъ и эта, и столь же убійственна для религіозной жизни соціальнаго христіанскаго государства».

Подъ этой-то бурей порабощающихъ страстей и властительныхъ инстинктовъ, разразившейся изъ Рима, благодаря сокрушающей политикѣ австро-испанской монархіи, и собрался въ 1545 г. Тридентскій соборъ, какъ императорскій отвѣтъ латинства и Карла V на республиканскіе соборы въ Констанцѣ и Базелѣ и на то отпаденіе и обособленіе народовъ, орудіемъ котораго было протестантство.

Адріану VI, прежнему наставнику императора, наслѣдовали Медичи Климентъ VII, потомъ Фарнезецъ Павелъ III, которые, протягивая руку королямъ французскому и англійскому, Венеціи, Сфорцамъ и даже протестантамъ, напрасно пытались стряхнуть объятія орла. Павелъ III, предоставленный самому себѣ, склонялся къ политическому примиренію съ протестантами. Но мрачный деспотъ Эскуріала и Вѣны даже издалека не выпускалъ Ватикана, своей добычи, своего главнаго полицмейстера. Если онъ не возложилъ тіары на свою голову, какъ Юлій Цезарь,—зато свою голову положилъ на тіару, мечтая и стремясь къ всемірной монархіи. Поэтому, инквизиторы испанскіе, іезуиты и Павелъ III принуждены были все выносить отъ него.

Уже четырнадцать лѣтъ Карлъ V желалъ своего собора, Павелъ III принужденъ былъ дать ему его и умеръ 4 года спустя, удрученный унынiемъ. Инквизиторы и іезуиты Караффа, Сальмеронъ и Лайнезъ [2]) заправляли собраніями и постоянно поддерживали чисто латинское большинство, числомъ почти въ три четверти,

---

[1]) Іоаннъ Парижскій былъ генералъ францисканскаго ордена, послѣдователь ученія такъ называемыхъ апокалиптиковъ, средневѣковыхъ мистиковъ XIII вѣка. См. Hergenröther. B. I, §§ 181 и 288.

[2]) Іезуитскій генералъ.

отбирая голоса уже не по народностямъ, какъ въ Констанцѣ, а поголовно.

Въ 1555 г. инквизиторъ Караффа сдѣлался папою подъ именемъ Павла IV, послѣ Павла III, Юлія III и Маркелла.

Въ 1556 г., едва только Карлъ V отрекся отъ престола, какъ необузданная политика итальянскихъ папъ возобновилась. Испанія и имперія раздѣлились и дали вздохнуть Павлу IV, и инквизиторъ на время уступилъ мѣсто итальянцу. Все ему было пригодно для пораженія Испаніи въ Италіи: французы, швейцарцы, даже лютеране, были противъ герцога Альбы. Онъ анаѳемствовалъ Филиппа II (Исп.) и обратился къ великому туркѣ Солиману I. Онъ далъ герцогу Гизо королевство Неаполитанское, вооружилъ и сдѣлалъ смотръ войскамъ, сталъ проповѣдывать крестовый походъ на испанцевъ, которыхъ онъ называлъ «сѣменемъ евреевъ и мавровъ и подонками міра» [1]),

Герцогъ Альба не поддался, осадилъ и взялъ Римъ, и битва при С. Квинтинѣ, заставивъ отозвать изъ Италіи герцога Гизо, подчинила папство снова испанской тиранніи.

Съ этого времени Павелъ IV пересталъ быть итальянцемъ, чтобы снова сдѣлаться инквизиторомъ, оттолкнулъ своимъ оскорбительнымъ высокомѣріемъ Елизавету англійскую и реформу и привелъ къ концу Тридентскій соборъ [2]). Результатомъ его былъ еще сильнѣйшій деспотизмъ римскаго двора надъ епископствомъ и монархія папъ еще прочнѣе утвердившаяся надъ своимъ клерикальнымъ владѣніемъ.

Таковъ былъ отвѣтъ протестанству; христіанская религія ни мало не выигрывала черезъ это въ своемъ значеніи соціальной силы; но какъ и всегда реакціи бываютъ равносильны революціямъ.

Облеченный правомъ выражать въ одномъ своемъ лицѣ рѣшенія собора, папа могъ отнынѣ говорить: «Церковь—это я», и ему не хватало только непогрѣшимости.

Святѣйшій престолъ дѣйствовалъ въ силу строгой логики монархическаго права, но въ этотъ разъ его энергія истекала уже не изъ папы, а изъ другой монархіи, которая сама съ Фердинанда, такъ называемаго католика, позаимствовала отъ римскаго двора его худшія средства правленія.

---

[1]) См. Ланфре. Ист. папъ, гл. XVII, стр. 318.

[2]) Папа Павелъ IV его закрылъ, а Пій IV снова открылъ въ 1562 г. Bow. H. d. P. Th. 10, § 149.

Догматъ непогрѣшимости въ наши дни закрѣпилъ за папствомъ все его монархическое значеніе.

VIII.

За это время вселенская Церковь представляла слѣдующій видъ:

1) Латинскія церкви Португаліи, Испаніи, Италіи, Франціи, Ирландіи, Австріи и Польши;

2) греческія церкви Византіи, Дунайскихъ государствъ и Россіи;

3) протестантскія церкви Швейцаріи, сѣв. Германіи, Нидерландовъ, Даніи, Швеціи, Англіи и Шотландіи.

Изъ латинскихъ—церкви Португаліи и Польши, дальнее разстояніе которыхъ замѣняло имъ независимость, приняли безъ возраженія дисциплинарныя, монархическія постановленія Тридентскаго собора.

Испанія ихъ ограничила.

Парламенты Франціи ихъ отвергли, какъ противныя правамъ галликанской церкви, правамъ, которыя впослѣдствіи въ 1682 г. были еще больше подтверждены [1]).

Австрія и Венгрія сохранили также идеи самостоятельности Констанцскаго и Базельскаго соборовъ.

Въ Италіи Венеція запретила своему духовенству сноситься съ Римомъ безъ посредничества государства.

Короли Англіи поступили, какъ начальство Венеціанской республики.

Изъ греческихъ церквей русская была уже давно народною, и ни Иванъ Великій, ни Василій, сынъ его, ни Иванъ Грозный, внукъ, не такіе были люди, чтобъ дать другимъ хозяйничать у себя. Монахъ съ горы Аѳонской, Максимъ, уроженецъ Арты въ Албаніи, другъ Ласкариса и Альдо Мануччи, былъ любимцемъ Василія и принесъ ему на службу свою ученость, свои знанія, свои способности для сношеній этого государя съ Львомъ X, Климентомъ VII, Максиміліаномъ, Карломъ V, Густавомъ Вазою, Солиманомъ Великолѣпнымъ и Селимомъ. Но какъ только Грекъ захотѣлъ вмѣшаться во внутреннія дѣла, Василій выдалъ его народному духовенству и митрополитъ Даніилъ заключилъ его въ

---

[1]) Въ этомъ году былъ національный соборъ во Франціи, созванный Людовикомъ XIV для упроченія льготъ галликанской церкви. Веб. Т. Ш, § 617

Тверской монастырь [1]). Иванъ Грозный, попросивъ митрополита Макарія короновать его, оставилъ за собою управленіе духовными дѣлами въ лицѣ своего духовнаго совѣтника священника Сильвестра [2]), который позже раздѣлилъ участь Максима. Когда Василій (т. е. Іоаннъ Грозный) сломилъ на плахѣ возмущеніе олигарховъ, онъ низложилъ архіепископа московскаго Филиппа, заступившагося за нихъ.

Царь дѣйствовалъ, какъ народный централизаторъ, подобно Фердинанду, называемому католикомъ, въ Испаніи, Генриху VIII въ Англіи, Людовику XI, Франциску I и Екатеринѣ Медичи во Франціи, Густаву Вазѣ въ Швеціи, Фридриху I въ Даніи, Карлу V въ Австріи и Германіи, подобно папамъ среди ихъ латинскаго духовенства.

Изъ протестантскихъ церквей лютеранскія занимали сѣверную Германію, Швецію и Данію.

Кальвинистскія занимали Швейцарію, часть Франціи, Нидерланды и Шотландію.

Англиканство упрочилось въ Англіи. Кальвинисты по вѣроученію, англиканцы сохранили литургію, іерархію и даже, говорятъ, преемственное рукоположеніе.

Въ Швеціи Густавъ Ваза тотчасъ понялъ всю политическую и народную выгоду, которую онъ могъ извлечь изъ Лютеровскаго движенія. Онъ назначилъ агентами его Олива (Olaüs) и Лаврентія Петри, одного—государственнаго секретаря, другаго — ректора Упсальскаго университета. Государственное собраніе въ Вестерасѣ дало въ 1524 г. королю право раздавать духовный санъ, возвратить государству имѣнія римскаго духовенства и объявить отдѣленіе Швеціи отъ римскаго двора. Лаврентій Петри, поставленный архіепископомъ упсальскимъ, помазалъ короля. Годъ спустя, соборъ въ Эребро (Oerebro) установилъ вѣроученіе и богослуженіе, утвердилъ іерархію и обряды.

Въ Даніи Христіанъ II, потомъ Фридрихъ I, оба равно поддерживали лютеровскихъ проповѣдниковъ. Сеймъ въ Одензе уничтожилъ монашескіе обѣты и безбрачіе духовенства, противъ котораго тщетно боролись французскіе и нѣмецкіе епископы на Тридентскомъ соборѣ. Церковная іерархія Даніи была отнынѣ подчинена королю. Христіанъ III уничтожилъ іерархію, отобралъ

---

1) Онъ былъ сначала заточенъ въ Волоколамскій монастырь, а потомъ уже въ Тверской.

2) Авторъ, очевидно, не понимаетъ характера Іоанна Грознаго и роль Сильвестра.

помѣстья епископовъ и назначилъ на ихъ мѣсто семь суперинтендентовъ и семь благочинныхъ (bailli).

Въ Женевѣ Кальвинъ вручилъ управленіе реформатскимъ священнослужителямъ.

Въ Нидерландахъ, вопреки инквизиторамъ и солдатамъ Карла V, кальвинизмъ укоренился и слился съ народной независимостью въ своей борьбѣ противъ Филиппа II.

Въ Шотландіи у Маріи Гизъ, матери Маріи Стюартъ, первымъ министромъ былъ кардиналъ Битонъ (Beaton), воспламененный противъ ереси кесарскимъ рвеніемъ Рима. Палачъ этотъ началъ было отправлять свою должность; но когда протестанты увидѣли, какъ Битонъ сжигалъ живыми на своихъ глазахъ ихъ собратьевъ по вѣрѣ, они убили Битона и повѣсили его трупъ на водосточную трубу замка св. Андрея.

Джона Нокса поддерживалъ Эдуардъ IV англійскій, сдѣлавшій его своимъ капелланомъ. При Маріи Тюдоръ онъ жилъ въ Швейцаріи около Кальвина. При Елизаветѣ онъ вернулся въ Шотландію и основалъ свое пресвитеріанство по образцу женевской церкви: безъ іерархіи, съ равенствомъ священнослужителей.

Въ Англіи англиканское направленіе существовало уже давно, какъ во Франціи галликанское. Въ 1531 г. Генрихъ VIII далъ себя объявить въ парламентѣ верховнымъ главою и защитникомъ церкви въ Англіи. Въ 1534 г. Климентъ VII разразился на Генриха VIII громами, какъ римскій кесарь [1]). Два года спустя отлученный король велѣлъ своему парламенту уничтожить монашескіе ордена и возвратить ихъ имѣнія въ коронную казну. Одинаково суровый для протестантовъ, какъ и для католиковъ, привязанныхъ къ Риму, онъ поражалъ и тѣхъ, и другихъ съ деспотическою энергіей, возвращая имъ удары, которые англійская монархія получала отъ господства папъ. Его единственною цѣлію было держать свою народную церковь въ безусловной зависимости отъ короны.

При Эдуардѣ VI протестантское направленіе опредѣлилось рѣзче. При Маріи Тюдоръ было примиреніе съ Римомъ, имѣвшее залогомъ веревку, топоръ и костеръ: 300 реформатовъ были сожжены. При Елизаветѣ, помазанной по римскому обряду, па-

---

[1]) Окончательное провозглашеніе Генриха VIII верховнымъ главою церкви совершилось уже послѣ буллы Климента VII въ 1534 г., но заявленія этого рода были сдѣланы въ парламентѣ еще въ 1529 г. *Гейссера* Исторія реформаціи въ русск. пер. стр. 773.

лата лордовъ въ 1557г. объявила, что глава государства есть верховный глава народной церкви [1]). Таковъ былъ отвѣтъ королевы на грубое высокомѣріе Павла IV. Присяга коронѣ съ признаніемъ ея церковнаго верховенства была вмѣнена въ обязанность епископамъ. Три года позднѣе, въ 1562 г. билль о 39 членахъ далъ организацію королевской церкви въ Англіи; іерархія была удержана.

Въ концѣ главы авторъ дѣлаетъ обзоръ результатамъ, которыхъ достигла послѣдняя реакція, послѣднія исполинскія усилія папства, опершагося на сильную испанскую монархію, чтобы возстановить прежній цезарскій блескъ святѣйшаго престола. Эта латинская реакція, императорской душой и головой которой были Ватиканъ и Эскуріалъ, продолжалась при Филиппѣ II 40 лѣтъ, стоила много милліардовъ франковъ, много милліоновъ человѣческихъ жизней, и утвердила то, что хотѣла разрушить, поднявъ противъ себя всѣ народныя силы Европы, какъ въ религіозномъ, такъ и въ политическомъ направленіи.

Никогда церковный цезаризмъ папъ не обладалъ такимъ деспотическимъ вооруженіемъ: Тридентскій соборъ продолжалъ свое дѣло, инквизиція была въ дѣйствіи въ Италіи, Испаніи, въ Германіи, въ Нидерландахъ, затѣмъ въ Португаліи и, наконецъ, въ колоніяхъ; іезуиты вездѣ были въ движеніи.

Могущественною головою реакціоннаго движенія, головою, въ которой горѣлъ жестокій геній, бывшій нѣкогда римской путеводной звѣздою Юлію Цезарю, позднѣе Наполеону, головою этою былъ Филиппъ II, этотъ Людовикъ XI въ императорскомъ облаченіи, великій, какъ Гильдебрандъ,—государь, для котораго Макіавели былъ бы св. Петромъ, а *книга «о государѣ»*—евангеліемъ. Въ глубинѣ Эскуріала онъ чувствовалъ, какъ подъ его рукой бились сердца народностей, и 40 лѣтъ онъ усиливался остановить это біеніе, то ударами шпаги, то кинжала. Шпагу держали въ рукахъ великіе военные люди: Филибертъ Эммануилъ (*Савойскій*), герцогъ Альба, Донъ Жуанъ Австрійскій, герцогъ Пармскій; кинжалъ и ядъ были поручены темнымъ убійцамъ-фанатикамъ, или открытымъ заговорщикамъ, разжигавшимъ мечомъ огонь междоусобной войны, Молчаливый [2]), Конде, Колиньи,

---

[1]) Елизавета, вступивъ на престолъ въ 1558 г., отклонила отъ себя наименованіе *верховной главой церкви*, но приняла наименованіе верховной властительницы въ дѣлахъ церковныхъ, какъ и свѣтскихъ, что на дѣлѣ оказалось равнозначущимъ. По Ранке Христом. Овсянникова, т. I, стр. 689.

[2]) Вильгельмъ Оранскій.

Іоанна д'Альбре [1]), Генрихъ III, вотъ самыя знаменитыя жертвы, гекатомба другихъ неисчислима.

Итакъ спрашивается теперь, къ чему приводитъ этастрашная реакція, это исполинское усиліе *«Демона Юга?»*

Во Франціи семь междоусобныхъ войнъ впродолженіе 32-хъ лѣтъ [2]); золото и кровь разливаются потоками; всѣ силы духовенства, монаховъ, іезуитовъ вводятся въ дѣло; позорятъ себя свирѣпой политикой. И что-же получается въ итогѣ отъ всего этого? Помазаніе Генриха IV и Нантскій эдиктъ,—это торжество терпимости и народности,—а слѣдовательно и пораженіе двойнаго европейскаго деспотизма,—Римскаго и Мадритскаго.

Въ Англіи 30 заговоровъ, латинскіе священники превращены въ карбонаріевъ; Марія Стюартъ доведена до погибели. Норфолькъ, Нортумберландъ, Вестморландъ возмущены [3]); іезуитъ Парсонсъ поджигаетъ эти заговоры [4]); Ирландію возмущаютъ; цѣлые милліарды гибнутъ въ этомъ пожарищѣ и поглащаются войнами на Океанѣ. А для чего все это?—Чтобъ увидѣть, какъ разобьются о подводные камни и исчезнутъ въ водоворотѣ всѣ эти безплодныя усилія, и ихъ порожденіе,—непобѣдимая Армада, стоившая 120 милліоновъ дукатовъ; чтобъ увидѣть, какъ послѣ всего этого церковь, государство и народъ Англіи выйдутъ торжествующими изъ этого исполинскаго поединка.

Въ Нидерландахъ—казни сотнями тысячъ, кровавое судилище, борьба какъ-бы дикихъ звѣрей, продолжающаяся 37 лѣтъ, съ дворянами, съ гезами [5]), съ Вильгельмомъ Оранскимъ, съ домомъ Нассаускимъ [6]); вся армія латинскаго духовенства въ дѣлѣ; въ сущности и все оружіе доставляетъ она-же отъ плахи до костровъ.

---

[1]) Жена короля Наваррскаго, мать Генриха VI французскаго, ревностная протестантка; полагали, что она была отравлена католиками.

[2]) Первая религіозная война началась въ 1562 г.; кончились онѣ съ восшествіемъ на престолъ Генриха IV въ 1593 г.; окончательный внутренній миръ былъ данъ Нантскимъ эдиктомъ въ 1598 г. См. Веб. Всеоб. Ист. т. III, §§ 533—541.

[3]) Возмущеніе въ этихъ графствахъ было въ пользу католички Маріи Стюартъ.

[4]) Іезуитъ Парсонсъ, переодѣтый, ѣздилъ по всей Англіи, чтобъ отправлять богослуженіе и требы у притѣсняемыхъ католиковъ, по свидѣтельству католическаго историка Гергенрётера. Herger, II B. V. 347.

[5]) Такъ назывался союзъ дворянства въ Нидерландахъ противъ инквизиціи.

[6]) Къ Носсаускому дому, кромѣ Вильгельма Оранскаго, принадлежали два его брата.

отъ клина [1]) до тюрьмы, отъ честной шпаги до низкаго кинжала, изгнаніе, война, смерть, поражающая нежданно, Демонъ Юга, проливающій кровь рѣками, золото насильственныхъ налоговъ, сбираемое сотнями милліоновъ ежегодно, не говоря о грабительствахъ. Къ чему же приводитъ въ концѣ концовъ эта кровь, это золото, эти избіенія?—Къ тому, что побѣжденные Римъ и Мадридъ принуждены въ 1581 г. преклонить голову передъ церковнымъ и народнымъ тріумфомъ государственнаго собранія въ Гагѣ, столицѣ маленькой торговой федераціи.

Въ Швеціи Эрихъ XIV сперва нанятъ для борьбы съ Фридрихомъ I датскимъ, потомъ найденъ слишкомъ слабымъ и свергнутъ своимъ братомъ Іоанномъ III, или вѣрнѣе, женою этого послѣдняго, фанатичною Екатериною Ягеллонъ; лютеране изгнаны, іезуиты призваны для властвованія надъ народомъ; Іоаннъ въ союзѣ съ королемъ польскимъ, союзѣ, имѣющемъ цѣлью раздробленіе протестантской Даніи, Саксоніи, Гессена, которымъ угрожала опасность наравнѣ съ Балтикой. Чего-же достигли всей этой тратой средствъ, соглашеній, козней? — Того, что увидѣли, какъ въ 1583 г. [2]) пала въ этой странѣ вмѣстѣ съ Ягеллонами изгнанная римская церковь, какъ владычество Вѣны, Эскуріала и Ватикана сметено было изъ Швеціи и изъ Даніи, съ береговъ Балтики и съ Сѣвернаго моря (*т. е. Нѣмецкаго*) и Ламанша.

Въ Польшѣ и Россіи—Сигизмундъ III на жалованьѣ, орденъ іезуитовъ спущенъ на западную Россію и на народную православную русскую церковь, душу народнаго тѣла; орденъ этотъ—новое дипломатическое созданіе Меченосцевъ и Тевтонскихъ рыцарей, стремящееся, подъ предлогомъ Уніи, задушить православныхъ славянъ; междоусобная война возжена въ Бѣлоруссіи и Малороссіи, возгласы Климента раздаются въ 1595 г. Къ чему-же приводятъ всѣ эти бурныя треволненія, возбужденныя кровавыми угнетеніями?—Къ обмѣну анаѳемъ и отлученій на Брестскомъ соборѣ въ Волыни въ 1596 г., къ окончательному пораженію Уніатовъ, общества Іисусова и клерикальнаго латинскаго властительства папъ въ Россіи, къ торжеству Никифора, патріарха константинопольскаго, русской церкви и русскаго народа.

Въ Португаліи тоже—покорность добывается оружіемъ, льются потоки золота, потоки крови; сознаніе народности наказывается

---

[1]) Клиномъ забивали ротъ у осужденныхъ на казнь инквизиціею.

[2]) Лютеранское исповѣданіе было объявлено господствующимъ на Упсальскомъ синодѣ въ 1593 г.; а Сигизмундъ Ягеллонъ окончательно лишенъ короны въ 1600 г. См. Веб. т. III, § 510.

смертью даже среди самаго португальскаго духовенства, бывшаго съ тѣмъ вмѣстѣ римскимъ и католическимъ; 2,000 священниковъ и монаховъ убиты. Къ какому-же результату приводятъ всѣ эти убійства, вся эта расточительность жизней и сокровищъ, всѣ эти завоеванія?—Къ тому, чтобъ увидѣть, какъ въ 1640 г. всему этому придетъ конецъ [1]).

Въ итогѣ: битва проиграна на всей линіи отъ Кіева, Копенгагена, Стокгольма, Гаги, Лондона, Парижа, Лиссабона и до Триполи, Туниса и Алжира; долгъ Испаніи превысилъ милліардъ народъ испанскій истощенъ потерями, обращенъ въ трупъ Римомъ и Эскуріаломъ; изъ его колоній, рудниковъ и дикарей выжаты всѣ соки двойнымъ латинскимъ цезаризмомъ; они осуждены отнынѣ сдѣлаться добычей предпріимчивыхъ Голландіи и Англіи.

Этимъ очеркъ исторіи собственно папства у автора оканчивается, дальнѣйшія главы его книги посвящены критикѣ европейской дипломатіи, начиная съ 1648 г., т. е. съ Вестфальскаго мира. Въ послѣдней главѣ авторъ, исходя изъ той справедливой мысли, что наши политическія и государственныя учрежденія должны пересоздаться въ духѣ христіанскомъ, предлагаетъ свой проэктъ международныхъ конгрессовъ; они, по его мнѣнію, положатъ начало проведенію въ жизнь христіанскаго духа; онъ увѣренъ, что стоитъ только дать хорошія государственныя учрежденія, и люди исправятся; тогда какъ по христіанскому воззрѣнію, слѣдуетъ начинать не снаружи, а извнутри, съ человѣческой *личности* какъ заповѣдалъ начинать Самъ Спаситель нашъ Христосъ. Вообще, много есть у автора взглядовъ глубоко справедливыхъ, но много и такихъ, съ которыми нельзя согласиться.

И такъ, дѣло папства было проиграно на всей линіи; въ чемъ-же заключалась причина этого? Въ томъ, что самая постановка папства была фальшива: оно выдавало себя не тѣмъ, чѣмъ было на самомъ дѣлѣ, оно руководилось не христіанствомъ, а эгоистическими побужденіями хищнаго города, языческаго Рима. *Духъ папства не есть духъ христіанства, а духъ язычества*, «Демонъ Семи Холмовъ», какъ характеристично обозначаетъ авторъ *духъ древняго Рима*.

---

[1]) По прекращеніи королевской династіи въ Португаліи въ 1580 г.; Филиппъ II Испанскій изъявилъ притязанія на Португальскую корону, взялъ Лиссабонъ и началъ преслѣдовать все португальское. Но въ 1640 г. португальцы подъ предводительствомъ герцога Браганцкаго свергли ненавистное иго. См. Веб. т. III; § 521.

№ 3.

Повѣсть Симеона суздальскаго объ осьмомъ (флорентійскомъ) соборѣ [1]).

Исидоровъ соборъ и хоженіе его.

По благословенію святыхъ четырехъ митрополитовъ: святаго митрополита Марка еѳесьскаго, и святаго митрополита Григорія иверскаго, и святаго митрополита Софронія агійскаго, и святаго митрополита Исаія перестинъскаго,—и тѣми четырми святыми митрополиты, по седми святыхъ соборъ поборники бывшими во градѣ Флорентіи на соборѣ во ѳрязской земли, со Евгеніемъ папою римскимъ, ту бывшу, и самому царю греческому кѵръ Калуяну Палеологу Іоанну и патріаху Іосиѳу, и митрополитовъ 20, и вселеньскому собору, и митрополиту русскія земля по имени Сидору, и съ нимъ епископъ именемъ Аврамей суздальскій, и иніи священницы, и мнѣ ту бывшу попу именемъ Симеону, то вся видѣвши и слышавши, и писавшу ми въ той часъ ихъ словеса и прѣнія. Тому самому царю и всѣмъ грекомъ и митрополитомъ, понеже всѣмъ прельстившимъся сребролюбіемъ златолюбіемъ, а инымъ священникомъ плачущимся съ тѣми четырьми митрополиты, и мнѣ бывшу укоренну и въ нятьствѣ томиму своимъ митрополитомъ, а тою прелестію не прельстившумися, и его ни въ чемъ (не) послушахъ, но додоихъ того митрополита еѳесьскаго Марка, и благословившу ему мене, оттолѣ никакова зла (не) пріяхъ, дондеже отбѣгохъ отъ него изъ града Венетія. И граду тому бывшу среди моря, мнѣ же Симеону, по благословенію святаго Марка еѳесьскаго, дошедшу ми святаго владыки Еуѳимія богоспасаемаго Великаго Новагорода, списахъ сія, яже видѣхъ

[1]) Эта повѣсть прилагается съ тою цѣлію, чтобы дать понятіе читателю о томъ впечатлѣніи, какое флорентійскій Соборъ произвелъ на православныхъ русскихъ, участвовавшихъ въ немъ.—Повѣсть взята изъ книги г. Павлова: «Критическіе опыты по исторіи греко-русской полемики противъ латинянъ». Спб. 1878.

и слышахъ, како во фрязской земли, во градѣ Ѳлорентіи, и како на русской земли и на Москвѣ, тамо начало злу бывшу греческимъ царемъ Іоанномъ и греки сребролюбцы, и митрополиты, здѣ же на Москвѣ утвердися православіемъ русская земля христолюбивымъ великимъ княземъ Васильемъ Васильевичемъ. Радуйтеся священницы!

Въ лѣто 6946-е, проишедшу митрополиту Исидору кіевскому на здоръ во ѳрязскую землю на Успеніе пресвятыя Владычицы нашея Богородицы и Приснодѣвы Марія, во градѣ ѳрязскомъ, рекомый Ферарь, въ томъ градѣ наѣхаша царя греческаго Калояна и патріарха Іосиѳа, и митрополиты 20, и вселеньскій соборъ, и много грековъ, и отъ иверскаго царства митрополитъ на имя Григоріеосъ, а посолъ на имя Ѳедоръ, а отъ трапезонъскаго царства митрополитъ на имя Дороѳеосъ, а посолъ на имя Іоаннъ, а отъ волошскіа земля воеводы митрополитъ на имя Деміяносъ, а посолъ на имя Николае, и иныхъ много христіанъ было грековъ со царемъ и съ патріархомъ тусуща. А съ митрополитомъ Исидоромъ много же людей, и епископъ суздальскій Аврамей, а посолъ отъ великаго князя московскаго Василія Васильевича Ѳома, и архимаритъ Васіянъ, и мнѣ Симеону тутъ же бывшу въ то время духовникомъ попомъ, и тѣмъ всѣмъ людемъ. А людей много было 100 съ митрополитомъ Исидоромъ, болѣ всѣхъ, занеже славна бѣ земля та, и фрязове зовутъ ея Великая Русь. Царю пришедшу греческому мѣсяца Марта, а митрополиту пришедшу мѣсяца Августа въ 15 день, въ томъ градѣ и гардиналы и арцыбискупы и бискупы и ферары, сирѣчь архимариты, и попы, и черноризцы, и множество много латинъскаго языка: ѳрязове, аламани, катаяне, френцюзове, мамеріяне, меделеане, нѣмцы, много поморскаго языка латинъскаго. А папа на имя Еугеніосъ, и избравшу ему отъ себе три ѳилосоѳы: 1) гардиналъ Ульянъ, 2) бискупъ Андріанъ, 3) бискупъ Иванъ болонскій, — тѣ же бѣ ѳилосоѳы родомъ были грекове.

Въ лѣто 6946-е наченшу сборовати царю греческому Калуяну и патріарху Іосиѳу, отъ себе избраша три святители: честна и свята мужа Марка митрополита еѳесскаго въ мѣсто патріарха александрійскаго, а другаго митрополита Исидора русскаго въ мѣсто патріарха антіохійскаго, третіяго митрополита Висаріона никейскаго въ мѣсто патріарха іерусалимскаго, и тѣхъ посадиша въ патріарховъ мѣсто. Ефесъ бо—въ началѣ христіанъство отъ Иванна Богослова, а въ Никѣи—первое зборы были въ ней, а въ Руси великое и преславное христіанъство. Болѣ всѣхъ грекове

мнѣли Исидора великимъ ѳилософомъ, да того ради и ждаша его. И наченшимъ же имъ зборовати во градѣ Ферарѣ, въ державѣ Марко(зо)вѣ, а русски зовется князь, а зборъ бысть на память святаго Иванна Богослова, а въ той зборъ ничтоже бысть межи ими. И три сборы зборoваша, никейскому Васаріону и Сидору, а Марку еѳесскому сѣдящу и молчащу, а на четвертый зборъ нача Марко глаголати тихимъ гласомъ къ папѣ, и къ гардиналомъ, и арцыбискупомъ, и бискупомъ, и къ всему латинъскому языку, и рекшу ему: «слыши честный папа римскій и учителю латынскаго языка, како ты глаголеши и осьмымъ сборомъ нарекаеши, и собе въ началѣ поминаеши, а царя не нарекаеши ни въ которомъ словѣ, и своимъ соборомъ зовеши осмымъ, а седми святыхъ соборъ отрекаешися, а патріарховъ собѣ братьею не зовеши, а Латыню въ началѣ поминаеши, а православіе послѣди поминаеши? «Ему же папѣ сумнѣвшуся и молчавшу имъ на долзѣ времени (велича бо бѣ гордость и буйство латинъское, и никакоже возмогоша смиренно гласу его смиренія отвѣщати), святому же и великому Марку еще тихимъ гласомъ глаголющу, и гардиналу Іульяну, и Андріану, и Іоанну гордостію, высокою мудростію отвѣщавающимъ. Святому же Марку глаголющу къ нимъ: «О Латыни! доколѣ буйствуете и неправду мудръствуете, и на святыхъ седми соборовъ глаголюще и отрекающеся святыхъ седми папежовъ и святыхъ отецъ заповѣдей, якоже заповѣдавъши намъ православнымъ христіяномъ блюсти и хранити седми зборы. Святымъ первымъ папою Селивестромъ первый сборъ бысть въ началѣ, а Ондріяномъ послѣдній свершися—ни приложити, ни уложити ничесоже, и аще кто приложитъ или уложитъ, анаѳема да будетъ. А ты нынѣ, папа Евгеніосъ, не тоѣмо приложилъ еси что добро, но и седми зборъ отрекаешися, а осмымъ зовеши, и собя въ началѣ поминаеши, а святыхъ отецъ не воименуеши, и своимъ зборомъ осмымъ зовеши, анаѳемѣ предаешися». Папѣ же слышавшу та словеса Маркова, и гардиналомъ, и арцыбискупомъ, и бискупомъ, и восставшимъ имъ съ мѣста своего—папѣ же, и всѣмъ гардиналомъ, и арцыбискупомъ, и бискупомъ — изыдоша вонъ скоро, и ѳрязомъ, и ѳренцузомъ и медилеаномъ, и аламаномъ, и нѣмцемъ, и югромъ, и чехомъ, и ляхомъ, и всему латиньскому языку, и римляномъ, и всѣмъ имъ скоро избѣгшимъ съ своихъ мѣстъ отъ мала даже и до велика. Овіи и у грековъ служаще Латына, и тіи избѣгоша, оставшимся единымъ грекомъ и всѣмъ, иже въ православномъ христіянствѣ. Мнѣ же Симеону о томъ почюдившуся, понеже видѣхъ, како скоро папа изыде, и въ той часъ

сидѣвшу ми близь митрополита Дороѳеоса его же митрополія близь Іерусалима за 3 дни, и видѣхъ его плачющася и веселящася, и мнѣ же вопросившу его: «деоспота мой, что плачешися, или что смѣешися?» И ему же ко мнѣ толма едва реклу: «о Симеоне, духовниче русіосъ! Аще бы еси видалъ, что честный и святый Марко ѳеесьскій митрополитъ глаголеть къ папѣ и ко всей латынѣ, и ты бо тако же, яко же и азъ, плакался и веселился. Яко же ты видиши честнаго и святаго Марка ѳеескаго,—яко же былъ преже его святый Іоаннъ Златоустый и Василей кессарійскій и Григорій Богословъ, тако же и нынѣ святый Марко подобенъ имъ. И ты самъ видиши, како нынѣ латына глаголати съ нимъ не смѣютъ: папа избѣже и вси книжницы его и книги своя изнесоша вси. Мнѣ же то слышавшу и видѣвшу тая, како папа избѣже и вси книжницы его и вся латына, и благословившумися у того святаго митрополита Дороѳеяса, и написалъ то все въ той часъ. И потомъ возставши вси грекове и вселенныя православныя христіяны, собрашася близь царя и патріарха, гдѣ сидитъ Марко той святый предъ царемъ самимъ и патріархомъ, а именуется на благословенѣ столѣ. Тогда слышахомъ царя къ нему глаголюща: «честный мой господине, отче! что еси тако жестоко глаголалъ папѣ и гардиналомъ, яко вси избѣгоша? А азъ, отче святый, не на то пришелъ. Аще бы смиренно и беззлобиво глаголали есте между собою, не бы поношеніе и укореніе которому человѣку межу васъ было». Марку же къ царю отвѣщавшу: «слыши, царю святый, кіръ Калуяне и святый старѣйшій патріарше, честный отче и учителю вселенскій, всего православнаго христіанства, Іосиѳе! Како есте глаголали во Царѣградѣ, какъ къ вамъ папа посылалъ во единачествѣ быти и первымъ единачествѣ во христіанствѣ быти, и церковь едина бы была, и христіянство едино бы было, яко и первое едино было христіянство, и на томъ тако слово въ концы приложили есте. А нынѣ, царю, ты и ты, патріарше Іосиѳе, слыши, что папа глаголетъ, иже осмаго собора поминаетъ: а седмь святыхъ соборовъ не хощетъ поминать; себя же въ началѣ поминаетъ и своимъ зборомъ зоветъ, а тобя царя не поминати, а патріарховъ собѣ братіею не звати, и православныхъ христіянъ въ первыхъ не поминати, но латыну въ началѣ поминати, и латынство повсюду поминати, а православія нигдѣ же не понимати въ началѣ». Тогда царю и патріарху слышавшу тая словеса Маркова, и начесоже ему глаголаша, посмѣявшуся буйству и безумію ихъ, на долзѣ времени бывшу сѣдѣвшимъ, и возставши въ полаты свои поидоша.

По томъ же времени, не по мнозѣхъ днехъ, нача (папа) посылати ко царю и патріарху гардиналовъ своихъ и арцибискуповъ, а злата и серебра съ ними много посылати, то аще бы не укорившe и пошли во свою землю, и много имъ пріѣздяше и бияше челомъ царю и патріарху и всѣмъ митрополитомъ. Тогда царю и діоспоту, брату цареву, и всѣмъ бояромъ царевымъ собравшимся, и грекомъ, и посломъ къ патріарху не токмо единова, но и многажды, и митрополитомъ, яко и царю, хотящимъ злата и сребра довольно взяти. И Марку же ко цáрю глаголющу: аще злато и сребро, царю, довольно возмете, то безчестіе себѣ получите и отъ всѣхъ языкъ поношеніе и укореніе пріемлете; аще ли, царю и патріарше, злато презрите, а пойдете во свою землю, а святыхъ отецъ седми соборъ заповѣди не погрѣшивше, то отъ Бога милость получите и отъ святыхъ отецъ благословеніе пріимете, еще же и честь и славу получите. Аще ли, царю, не слушаете, а злата и серебра довольно возмете, то напослѣди безчестіе получите: то про что нынѣ зоветь ихъ христіаны? Слыши, царю, еще папа глаголетъ: латыню поминаеть, а христіянства не поминаеть, а тебя царя въ началѣ не поминаетъ же, а васъ патріарховъ братьею себѣ не зоветъ, седми святыхъ соборовъ не поминати въ началѣ,—то како христіанинъ наречется?— осьмый соборъ поминати, а седьми святыхъ соборовъ не поминати впервыхъ?!» Папа же доволно царю давши злато, и царю Марка не послушавшу, и грекомъ многимъ вдавшимъ себе на злато, потомъ начаша соборовати, мнящеся, аще бы чѣмъ усладити Марка, или златомъ, или сребромъ. Марка же всегда зовуще имъ и никако же хотящу покоритися царю, аки храбрый воинъ Христовъ божественныя церкве, и собороваша ту въ томъ градѣ 17 зборовъ. Папа же много злата даваше, а Марка же никакоже возмогоша усладити чимъ, ни златомъ, ни сребромъ, ни книгами своими умолвити его. Нѣцыи же отъ грековъ усладишася злата ради и чести, начаша къ папѣ часто приходити, и что слышаша отъ грековъ, и то повѣдаша папѣ. И потомъ же видѣвши, яко въ правду глаголу Маркову быти къ царю же и патріарху, хотяше послушати Марка и поити ко Царюграду отъ града Θерары, и злата много взяша и великую честь получиша, и всѣмъ грекомъ возрадовавшимся и намъ Руси веселящимся.

И тогда нѣцыи отъ собора греческаго священницы приложишася единодушно къ папѣ, злата довольно вземши, и честь велику получиша, и придумаша папѣ дати царю много злата, да

изведетъ папа царя за горы и всѣ грекове, къ Риму близъ, въ Ѳролентій: «аще ли не злата ради, но нужди ради, предавшися тобѣ будутъ, честный папа». Тогда тѣ отъ папы великую честь и отъ всѣхъ ѳрязовъ получиша, а грекомъ многимъ скорбящимъ, что царю и патріарху злата много обѣща папа. И приложиша ити ко граду ѳлорентію, и поидоша отъ града Ѳерары мѣсяца генваря, на память святаго Іоанна Златоустаго, на возвращеніе честныхъ его мощей. Исидору митрополиту съ великою честью идущу, съ приставы папежевыми и со слугами, занеже бо ни единаго возлюби папа, митрополита, якоже Исидора. Патріарху же Іосиѳу бывшу въ глубоцѣй старости и въ немощи велицѣй, и пошедши на той нужный путь (зане бо рѣкою Ѳарою не много ити, но все по горамъ, и тѣ высоки бо быша горы), и вси грекове печаловаша о патріарсѣ старости ради и немощи его, и намъ видящимъ его и плачущимся, горамъ высокимъ бывше вельми. Тогда дошедшимъ имъ съ нужею великою града того Ѳлорентія—царю же и патріарху и всѣмъ грекомъ, граду же тому межу горами бывшу: великъ бо бѣ градъ и много въ немъ богатства, и божницы вельми велики, и многи монастыри, и полаты украшены златомъ—и того всего не могу исписати, но се о сборѣ пишу. Папѣ же царю и патріарху и всѣмъ грекомъ злата не давшу, якоже преже глаголано напреди и реченно быша нѣцыми, якоже преже къ папѣ приходиша, но нужа бо (бѣ) велика царю и патріарху и всѣмъ грекомъ. Тогда собрашася грекове ко царю и помянувше слово Марково, якоже и сбысться. И потомъ начаша сборовати нужею мѣсяца марта въ 1 день, и доидоша дни святаго Алексѣя человѣка Божія. И многимъ зборомъ бывшимъ, нѣцыи же отъ священниковъ греческихъ, подписавше книги своя, аще бы чѣмъ умолвити святаго Марка: ничѣмъ бо его (не) возмогоша умолвити, ни златомъ ни сребромъ, ни честію не возмогоша его усладити; того ради нѣцыи грекове и книги своя подписаша. Марку же болѣ подвизавшуся по благочестію и укорившу папу и гардиналовъ и не благословившу его собора и самого папу, и вставъ изыде во свою полату. Нѣкто же ѳилософъ, именемъ Иванъ, нача злословити Марку много и въпреки глаголати съ нимъ, а ему же ничтоже глаголющу, толко ему исходящу изъ полаты папежевы, толко рекшу ему: «иди, буди готовъ, да отселѣ не злословиши на святыхъ седми соборовъ святыхъ отецъ». И ему же въ той часъ отшедшу, святому Марку, во свою полату, а Ивану тому ѳилософу во свой дворъ пошедшу, и въ той часъ ѳилософу умершу, и тогда царь начатъ гнѣватися

на Марка, и въ той часъ и царь впаде въ недугъ вельми великъ. Марку же не входящу въ полату ко царю, тогда царь нача слати по Марка брата своего деоспота, и тогда раздѣлишася на двое: 12 митрополитовъ съ Маркомъ, а со царемъ и патріархомъ иные. И оттолѣ начаша съ Маркомъ отъ Алексѣева дни, человѣка Божія, до дни Великаго Сисоя, всегда сходящися къ патріарху на всякъ день царю и митрополитомъ и всѣмъ грекомъ, овогда двожды днемъ, иногда чрезъ день, то аще царю хотящу свою волю улучити или учинити, а Марка бы въ чемъ умолвити, никако же не повиновашеся царю и патріарху. Потомъ же патріарху Іосиѳу умершу и положиша его въ томъ градѣ Ѳлорентіи въ клаштарѣ, а порусски въ манастырѣ, гдѣ папа стоялъ, входъ въ божницу; написанъ ту, гдѣ самъ лежитъ, по чину патріаршескому.

Потомъ нача папа посылати къ царю со гнѣвомъ, аще бы въ концы было дѣло его. Марку же царя не послушавшу, папа же нача царю и митрополитамъ глаголати на Марка: «видиши ли, царю и митрополиты и вси грекове, всѣ вы повинуетеся мнѣ, единъ митрополитъ еѳесьскій Марко и съ нимъ иверскій митрополитъ Григоріосъ и тристинскій митрополитъ Исаія и оагинскій митрополитъ Соѳроніосъ ни мене послушаютъ, ни збора моего не соборуютъ. Слыши, царю, како глаголетъ святый апостолъ Павелъ къ Римляномъ и къ Еѳесѣомъ и во всѣхъ своихъ посланіихъ: «братіе, повинуйтеся наставникомъ вашимъ и покоряйтеся; ти бо бдятъ о душахъ вашихъ, яко слово воздати хотяще. да съ радостію сіе творятъ, а не воздыхающе». Царю же къ папѣ отвѣщавшу: «хощеши ли Марку глаголати каково непотребно слово, како ему злословилъ твой ѳилосоѳъ Иванъ, и въ той часъ злою смертію умре? И ты, папа, избери отъ собора своего и пошли къ нему отъ себя, а не отъ меня, аще что хощеши ему глаголати». Папѣ же слышавшу тая словеса царева и устрашися вельми зѣло папа и посла къ нему не со зломъ, но съ великою честію, повелѣ насыпати велико блюдо злато золотыхъ и ковшъ златъ золотыхъ, съ великою честію и прошеніемъ, аще бы пріялъ то и пришелъ бы и видѣлся съ папою, и честь бы велику взялъ у него. А преже того папѣ на Марка глаголати зла много и огневи хотяше предати его. Марко же пословъ папежскихъ ни въ полату свою не впустилъ и отвѣща имъ: «рцѣте учителю своему папѣ: не слышалъ ли еси Господа, глаголюща книжникомъ и ѳарисѣемъ: нынѣ вы, ѳарисѣе, сткляница и блюда очищаете, а внутрь ваша полна неправды и нечистоты? Тако и ты, папо, со-

бра неправедное злато, то кому хощеши си, тому давай его. Гдѣ будетъ злато твое, тамо и ты будешь. А зборъ твой не зборъ будетъ, а сами вы вси погибнете». Посланному же имя Амбросіе, града Өлорентія архимандритъ, и тому рече: «аще и ты злословишь на святыхъ отецъ седми соборъ, и ты по 40 днехъ отъидеши». И потомъ умершу и тому Амбросію, и дивишася вси людіе и өрязове. Тогда имъ зборовавшимъ и безъ Марка въ болшей божницѣ, множество безчисленное людей, мужей и женъ, и папѣ самому пришедшу съ великою буестію и гордостію, съ трубами и бубны и со свирѣльми, по своему праву, якоже всегда въ божницѣ творятъ гардиналы, и арцыбискупы, и бискупы; и много множество латинскаго языка, и самому царю туже бывшу, и съ нимъ митрополиты, но не вси. Наченшимъ соборовати на память великаго Сисоя, первое же начало: папѣ сѣдшу на мѣстѣ своемъ, тогда воставши митрополиты вси съ мѣстъ своихъ и пріидоша къ папѣ и приклякнуша къ папѣ по өрязскому праву и самому царю на колѣну припадшу, и брату деоспоту, и всѣмъ грекомъ. Намъ же то видѣвше плачющимся, но токмо глаголющимъ: «Господи, согрѣшихомъ!» И мнѣ воставшу съ мѣста своего, убоявшуся, аще и мнѣ повелятъ тако же приклякнути. Потомъ же молебенъ пѣвши, нача потомъ мшу мшити; тако же имъ тѣла Божіе подняти, тогда они вси вострубиша въ свирѣли, въ арганы и въ бубны, и во всякую игру играша. И папа, пиша грамоты, по всѣмъ странамъ посылаше латынска языка, яко царю греческому пришедшу со всѣми греки и митрополиты, и приклякнувшу и подписавшу грамоты, и собе (въ) клятву предавше, тако же и митрополиты. И митрополитъ русьскій Исидоръ подписа ся и всю землю свою. Тогда же потомъ присла папа бискупа своего Христоөора къ епископу Аврамію суздальскому, аще бы подписалься. Ему же не хотящу, митрополитъ же Исидоръ я его и всади въ темницу, и сѣдѣ недѣлю полну, и тому подписавшуся не хотѣніемъ, но нужею.

И потомъ папа царю греческому вда честь велію, не прихода его ради, по подписанія его ради и прикланья. Выѣхавшу ему изъ града Өлореньтія на память святаго мученика Андреяна и Наталіи, а Сидору митрополиту выѣхавшу опослѣ всѣхъ грековъ, на память святаго чюда архангела Михаила, а къ Венецыѣ пріѣхалъ на Воздвиженіе честнаго креста, а царь греческій бысть въ Венецыѣ 53 дни и вси грекове. А Сидору оставшу въ Венецыѣ, а къ папѣ посылающеся, а самъ по божницамъ ходя приклякаетъ, какъ и прочіе өрязове, и повелѣваетъ и намъ такожде.

И мнѣ съ пимъ о томъ вприки много глаголющу, и ему мене многажды имавшу и державшу въ крѣпости, мнѣ же, видѣвшу такую неправду и великую ересь, побѣгшу ми изъ Венецыя, и послу побѣгшу Ѳомѣ, а мнѣ съ нимъ, на память святыя Анны, егда зачатъ святую Богородицу, декабря въ 9 день, а къ Новугороду прибѣгшу ми въ великую среду, и пребывшу ми лѣто все у великаго святителя у владыки Еуѳимія новогородскаго. Въ то же время пріиде князь Юрій Семеновичь Лугвеньевъ, и сѣде въ Смоленьску въ своей вотчинѣ. И тому митрополиту пришедшу Исидору съ собора, и присла по мене князь Юрьй къ Новугороду, и мнѣ пошедшу къ Смоленъску, надѣющеся, яко христіанинъ есть. И тая слышавши словеса не отъ мене токмо, но и отъ всѣхъ, яко неправедна поношенія и укоръ христіаномъ, поидохъ того ради къ нему, яко христіанинъ есть, не предасть меня въ нужду правды ради и вѣры. И вшедшу ми въ комару, и рече ко мнѣ князь Юрьй: «во истину, отче Симеоне, право сказалъ еси, но иные болѣ тобя вѣдали, какъ ты вѣдаешь и кажешь; не бойся, пребуди у мене». И руку свою дастъ ми на томъ, яко «ничтоже ти будетъ, токмо честь тобѣ будетъ отъ мене и отъ всѣхъ христіанъ». И мнѣ у него пребывшу не много дней, и ту быша грекове митрополичьи черньцы, и выдастъ мя имъ, глаголя на мя много. Мнѣ же всю зиму сѣдѣвшу во двоихъ желѣзѣхъ, въ велицѣй нужи, во единой свитцѣ и на босу ногу, и мразомъ, и гладомъ, и жаждою, и повезоша мя изъ Смоленска къ Москвѣ.

Въ лѣто 6949-е пришедшу митрополиту Исидору изо ѳрязской земли изъ собора отъ папы римскаго Евгенія на Москву къ благовѣрному и христолюбивому и благочестивому, истинному православному великому князю Василію Васильевичю, бѣлому царю всеа Руси, съ великою гордостію и неправдою и буйствомъ латынскимъ, нося предъ собою крыжъ и палицу сребряну: крыжъ нося во креста мѣсто, являя латинъскую вѣру, а палицу нося—гордость и буйство латиньское. Аще кто не приклякнетъ ко крыжу, то палицею ударивше, приклякнути велитъ, якоже у папы тако творятъ. И папа тую область дастъ ему—нѣмецкую, лятскую, литовскую, того ради, аще не приклякнутъ православніи христіяне и христолюбивый князь, яко же Исидоръ рече Евгеніосу папѣ, яко «вси въ моей руцѣ, вси князи и епископи: ни единъ со мною не можетъ глаголати; а самъ князь великій младъ есть и въ моей воли есть, а иные князи велицы боятся мене». Таковыми словесы обѣщася папѣ, того ради дастъ ему

тую область тые земли. А ему впервыхъ патріарха въ церкви не поминати, а потомъ какъ его не пріимутъ, ино православныхъ князей не поминати въ началѣ: на томъ правалъ папѣ и приклякнулъ. И много злата папа далъ ему, и тою областію папежскою преиде всѣ земли и литовскую землю, доиде и до Кіева и до Смоленска, а въ то лѣто въ Смоленскѣ на княженіе сѣлъ князь Юрьй Лугвеньевичь. Тогда пришедшу Исидору митрополиту на Москву съ тою прелестію къ благовѣрному великому князю Василью Васильевичю, и познавшу ему такую прелесть, и вшедшу ему во святую церковь пречистыя Богородицы соборную на Москвѣ, и служившу ему святую литургію, и помянувшу ему впервыхъ Евгеніаса, а патріарховъ не помянувшу: якоже обѣщася папѣ, тако и сотвори; якоже поминалъ въ Кіевѣ, такоже и въ Смоленскѣ при тѣхъ князехъ христіянскихъ: тѣмъ бо имѣющимъ надъ собою область латиньскую, и не смѣющимъ съ нимъ вопреки глаголати. Мнѣвшу же ему и надъ самодержавнымъ всеа Русіи государемъ, великимъ княземъ Васильемъ Васильевичемъ, тако же учинити, якоже папѣ глаголалъ: «князь же великій младъ есть, а епископи ихъ не книжни суть и боятся мене; не смѣти имъ со мною о томъ впреки глаголати: азъ волю свою возму, а твою сотворю, латинскую вѣру пріимутъ, тогда во церкви имя твое поминаю всегда, и князи къ тебѣ приведу вси, и христіянство все отъ греческія вѣры въ латинство приведу, и въ Римъ приведу ихъ къ тебѣ, и дары ти принесутъ, и въ Царьградъ не пойдутъ, и епископи отъ тебе поставлю, а самъ буду гардиналомъ на нѣмецкихъ и лятцихъ арцибискупѣхъ и бискупѣхъ, и русскихъ, а греческій легатосъ». Таковыми словесы обѣщася папѣ, и папа дастъ ему тую область, и грамоты подписа, и гардиналомъ его учини, и по землямъославъ предреченное слово. Тому благовѣрному великому князю Василью Васильевичю въ та времена младу сущу, но умомъ благоразумну и богобоязниву, не книжну, ни грамотну, но вѣрою утвержену, и теплоты горящъ духомъ, яко же рече пророкъ: «во отецъ мѣсто быша сынове твои». Сей же великій князь Василій Васильевичь уподобися святымъ прежнимъ царемъ, равнымъ апостоломъ Константину великому и Владиміру, нареченному во святомъ крещеніи Василію, иже крестившему русскую землю и утвердившему православную вѣру, поборникъ по православной вѣрѣ греческой, якоже обычай есть святыя вѣры греческія по уставу святыхъ отецъ Василія кесарійскаго, Іоанна Златоустаго, Григорія Богослова и прочихъ святыхъ отецъ и святыхъ седми соборъ, и свя-

тыхъ первыхъ папъ седми, Селивестра и прочихъ, иже въ православіи и въ православной вѣрѣ поминаютъ ихъ, а не въ латынствѣ.

Радуйся, благовѣрный великій князь Василіе, иже русскую землю вѣрою утвердивый, истинною положенный ти на главѣ твоей вѣнецъ, святое крещеніе! Радуйся, православный княже Василіе! утвердилъ еси вси священницы свои, имъ всѣмъ обнажившимся, тебѣ ихъ крѣпко утвердившу. Кто сему не почюдится—таковому твоему благочестію и благочестивому твоему разуму и истинной твоей православной теплой вѣрѣ во святую нераздѣльную Троицу: ереси отсѣклъ еси отъ святыя церкви. Радуйся православный княже Василіе! урѣза класъ буйства латинъскаго и не далъ еси возрасти въ православныхъ церквахъ и въ правовѣрныхъ христіанѣхъ, и да не насладятся буйства латинъскаго и ветхаго закона, да вкусивше, забудутъ истинныя православныя вѣры, да не насладятся сердца невѣрія. Радуйся, православный княже Василіе! не далъ еси урѣзати класа зрѣла воздѣланна божественныя церкви. Радуйся, правовѣрный княже Василіе! православныя вѣры и всея русскія земли утвержденіе, а греческія вѣры подтвержденіе и поддержателю и всѣмъ православнымъ и богобоязнивымъ инокамъ и черноризцемъ радость, божественныя церкве и всѣмъ православнымъ христіяномъ неизъглаголанное веселіе и радость, воспитающи чада своя въ православной вѣрѣ безпечально, радостію духовною и тѣлесною исполнишася, видячи чада своя воспитаны млекомъ духовнымъ, якоже сами пріяша святую греческую вѣру! Радуйся православный великій князь Василей Васильевичь! всѣми вѣнцы украсився православныя вѣры греческія, и сами радуются съ тобою вси православніи князи русскія земля, похвалою и радостію духовною своея вѣры, нерушимыми твоимъ утвержденіемъ. Радуйся, княже Василіе! отъ всѣхъ земль латинскихъ и до самаго Рима прославився, и всю русскую землю православною вѣрою греческою прослави, и гордаго папы Евгеніаса зловѣріе и буйство латыньскія вѣры и ветхаго закона непокорство разори и безуміе зловѣрнаго хитреца и златолюбца и православныя вѣры разорителя и латиньскому неблагословенному собору поборника, и отъ седми святыхъ соборъ неблагословеннаго, и отъ греческія вѣры отпадшаго златолюбіемъ и сребролюбіемъ, и осмаго собора исповѣдника по всѣмъ землямъ православнымъ и латинскимъ, гордяся и величаяся, сказателя осмому собору и ветхому закону проповѣдника, и новыя благодати отпадшему златолюбіемъ и сребролюбіемъ, и

хитростію и наученіемъ злонравнаго папы римскаго Евгеніаса, и ученика его Исидора гардинала, претворенного легатоса, бывшаго митрополита русскія земля. И изгналъ еси его отъ святыя божественныя церкве соборныя христіянскія въ царствующемъ градѣ Москвѣ [1]), гдѣ лежитъ божественная пища, животворное тѣло святаго митрополита и чюдотворца Петра всея Руси: святыми своими молитвами изъ своего гроба своимъ животворнымъ тѣломъ вразумивъ тя и научи и страхомъ утвердивъ положенный ти вѣнецъ на главѣ твоей, князь великій Василіе, истинныя православныя вѣры греческія. И самому тому царю греческому отступившу куръ Іоанну отъ свѣта благочестія, и омрачися тмою латиньскія ереси, а отечество твоего княженія просвѣтися свѣтомъ благочестія, недуги исцѣли и душу спасе церковными ученіи. Радуйтеся и веселитеся вси священницы, повсюду православніи и христолюбивіи христіяне, не прельщенни и не укоренни невѣрными языки погапьскими, а отъ всѣхъ странъ прославленны, и великую славу и честь пріясте со всѣми христолюбивыми странами, спасеніе и радость духовную, и царствія наслѣдницы бысте. Слава святѣй и единосущнѣй и животворящей и нераздѣльнѣй Троицѣ, вразумившу тобя, великій князь Василій Васильевичь, миръ тобѣ и благословеніе о Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ, ему же слава со Отцемъ и Святымъ Духомъ, аминь.

[1]) Вел. князь въ соборѣ же, при первомъ служеніи м. Исидора назвалъ его латинскимъ прелестникомъ, волкомъ, и велѣлъ его посадить подъ стражу. Въ 1441 году Исидоръ былъ осужденъ соборомъ русск. епископовъ, а въ слѣдующемъ убѣжалъ изъ-подъ стражи въ Римъ.

ОПЕЧАТКИ.

стран.	строка. сверху:	строка. снизу:	Напечатано:	Надо читать:
2	—	2	въ мѣрѣ единые каеяждо части.	въ мѣрѣ единыя коеяждо части.
—	—	1	возвращеніе тѣла	возвращеніе тѣла
19	3	—	видимый глава	видимая глава
—	19	—	Вогр.	Вопр.
20	—	16	пражскаго архіепископа	пражской архіепископіи
25	2	—	окаго	такаго
27	—	5	догматическее	догматическое
42	9	—	тоношеніи	отношеніи
45	19	—	церковному	и церковному
—	20	—	и уховные	духовные
47	3	—	Въ лат. Церкви	Въ лат. церкви
—	10	—	Церкви	церкви
59	—	13	принаемъ	признаемъ
107	—	8	Mansii	Mansi
108	—	8 въ прим.	682—665.	682—695.
111	—	1 въ прим.	Іоав.	Ianus
130	—	10	составляетъ	составляетъ
132	—	въ прим.	Manuscript	Manuscrit.
160		1 въ прим.	въ переводѣ Rambacha	въ переводѣ Rambach'a
161	—	въ прим.	Paurus Diac. de Geohis	Paulus Diac. de Gestis
222	—	16	во Христа	во Христѣ
251	—	въ прим.	Hol. in Lohoan	Hom. in Johan. 124.
256	въ прим.	15	prapheticas	propheticas
—	—	11	Lionis T.	Leonis M.
—	—	9	Въ русс.	Въ русск.
—	—	2	воплошенія	воплощенія
260	—	15	тоже	таже—
262	—	11	вселенной	вселенѣй
—	—	6	концомъ	концемъ
287	—	2	Гоноріо	Гонорію).
291	1	въ загл.	одного государя	одного изъ государей.

Считаю долгомъ извиниться передъ читателями относительно допущенной мною нѣкоторой небрежности въ цитатахъ. Однѣ изъ нихъ приводятся по подлиннымъ сочиненіямъ, другія по русск. переводамъ; однѣ по Манси, другія по Гардуину, а иныя по

Минѣ. Въ объясненіе этого разнообразія я скажу только одно, что сочиненіе мое писалось меньше года урывками отъ оффиціальныхъ занятій, и больше ночью, чѣмъ днемъ. Рѣдко удавалось мнѣ доставать подлинники на домъ, напр. сочиненія Ѳомы Аквината, изданія Маньи или Миня; большею частію приходилось путешествовать по библіотекамъ, гдѣ не всегда заставалъ книги, въ которыхъ нуждался, и потому пользовался тѣми, какія попадались. Не считая удобнымъ жертвовать временемъ только для того, чтобы придать сочиненію ученый видъ, я позволялъ себѣ прибѣгать къ русск. переводамъ, особенно въ случахъ неважныхъ или безспорныхъ; таковы, напр., ссылки на Евсевія (стр. 135)— на писанія Мужей Апостольскихъ (стр. 241—243) и под. Въ случаяхъ же, когда требовались подлинныя слова,—я обращался къ подлиннымъ сочиненіямъ и приводилъ ихъ или безъ перевода, или въ переводѣ (см. стр. 24—25, 107—108, 130, 256). Имѣются цитаты, заимствованныя у моихъ предшественниковъ по разработкѣ даннаго предмета; нѣкоторыя изъ нихъ мною провѣрены, а нѣкоторыя оказалось невозможнымъ провѣрить, напр. нѣкоторыя цитаты Іоуса.

При этомъ смѣю доложить моимъ благосклоннымъ читателямъ, что силу моего сочиненія я полагалъ не столько въ цитатахъ, сколько въ новой постановкѣ предмета.

Прот. А. Л.